

Виктор БРАЧЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МАСОНЫ У ВЛАСТИ

Вольные каменщики –
враги русской
государственности

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Виктор БРАЧЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МАСОНЫ У ВЛАСТИ

МОСКВА

«АЛГОРИТМ»

2 0 0 6

Оформление *А. Новикова*

Брачев В. С.
Б 87 Масоны у власти / Виктор Брачев. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 640 с. — (Политический детектив).

ISBN 5-699-17105-3

Труд профессора В. С. Брачева посвящен одной из наиболее сложных и малоисследованных проблем отечественной истории, связанной с ролью тайных масонских сообществ в нашей стране. В отличие от существующих работ на эту тему автором предпринята попытка комплексного освещения всей истории русского масонства, начиная от первых его шагов в XVIII в. и заканчивая современностью. Особое внимание уделено роли масонского фактора в революции 1917 г., а также интеллигентским сообществам масонского характера 20-х и 30-х гг. XX века в советской истории. Значительный интерес представляет и попытка автора раскрыть сложное и подчас неоднозначное отношение к этим сообществам со стороны ОГПУ — НКВД. Работа основана в значительной части на не исследованных ранее материалах КГБ СССР.

УДК 061.236-94(47)
ББК 86.42/63.3(2)

ISBN 5-699-17105-3

© В. С. Брачев, 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006
© ООО «Издательство «Эксмо», 2006

Предисловие

Горбачевская «перестройка», крах коммунистического режима и распад государства, несомненно, способствовали оживлению антигосударственных, антинациональных сил в нашей стране. Конечно же, силы такие были у нас всегда. Но если раньше, причем не только в Советском Союзе, но еще и в царские, дореволюционные времена, их сколько-нибудь организованная деятельность сдерживалась государством и его карающими и надзирающими структурами, то сегодня на этом нашем внутреннем, так сказать, фронте положение принципиально иное и, прикрываясь личиной «общественных организаций граждан», силы эти имеют возможность действовать открыто и уже на вполне легальных основаниях. Одной из таких антигосударственных и антиправославных сил в нашей стране всегда, и причем официально (за исключением, пожалуй, первого периода царствования Екатерины II и времени Александра I), считалось масонство.

Однако не все так просто. Дело в том, что наряду с отчетливо выраженной политической струей (она-то, как раз, и представляла наибольшую и видимую опасность для государства), львиную долю среди масонского сообщества всегда составляли ложи так называемого религиозно-нравственного характера (нравственное или философское масонство), ставящие во главу угла не борьбу за прогресс и демократию, а благотворительность, добрые дела и работу над своей душой. Кроме того, наряду с традиционными масонскими ложами в России всегда существовало великое множество разного рода парамасонских религиозно-мистических орденов, кружков и братств. Конечно же, в глазах чиновников Департамента полиции дореволюционной России или следователей ОГПУ—НКВД СССР 1920—1930-х годов под подозрение попадал практически любой религиозно-мистический кружок или братство, деятельность которого не была санкционирована государством, и, пресекая ее, они мало задумывались, какие это масоны и масоны ли это вообще.

Не всегда легко бывает зачастую определить, где в деятельности таких кружков и орденов кончаются так называемые «духовные искания» русской интеллигенции и начинается политика (если она была), и профессиональному историку. И уж тем более недопустимо огульное объявление деятельности всех без

исключения таких масонских и парамасонских сообществ антигосударственной и антinationальной.

Говорить об этом приходится потому, что некоторые исследователи, увлекшись обличением и бичеванием масонства, явно «хватают через край». *«Подобно идеологии фашизма, — пишет, например, профессор О.А. Платонов, — масонская идеология должна быть объявлена вне закона, а ее носители подвергаться суровому уголовному преследованию. Масонские ложи и близкие к ним организации вроде клубов «Ротари» или «Пэн-клубов» должны быть справедливо приравнены к фашистским организациям и запрещены»*¹. Абсурдность приравнивания О.А. Платоновым масонства к фашизму очевидна. Вызывает возражения и его призыв подвергнуть суровому уголовному преследованию всех «носителей масонской идеологии». Ведь преследовать их О.А. Платонов предлагает не за какие-то конкретные преступления, а за «идеологию», которой они придерживаются, то есть за их образ мыслей. Все это мы, как говорится, уже проходили.

Конечно же, материала для вывода об отрицательной в целом роли масонства в нашей истории и его критики у нас более чем достаточно. Однако критика эта не должна превращаться в огульное поношение его, своеобразный с позиций сегодняшнего дня суд над ним. Ведь историк все-таки еще не судья, не прокурор и не государственный обвинитель. Позиция так называемого «спокойного» историка в этой ситуации куда более уместна. Очевидно, что здесь есть над чем подумать и с деятельностью каждого из такого рода интеллигентских религиозно-мистических сообществ нужно разбираться отдельно. Тем более что отношение самой власти к масонским и парамасонским сообществам, как показывает обращение к источникам, было на протяжении истории довольно-таки противоречивым и не всегда однозначным.

Собственно, раскрытию этой противоречивости и неоднозначности в рамках общей темы «Масоны и власть в России» и посвящено основное содержание данной книги. Много места отведено в ней также персоналиям и конкретике духовных исканий русской интеллигенции, которые как раз и являлись, да, собственно, и сегодня являются питательной средой для возникновения разного рода масонских и парамасонских структур. Третья тема данной книги — характерная для целого ряда масонских и парамасонских сообществ практика своеобразного «обволакивания» власти, а в конечном счете и попытки непосредственного вхождения в нее (политическое масонство).

В самом деле, что бы там ни говорили нам сегодня адепты «вольного каменщичества» в его пользу, факт остается фактом: открытая политика совсем не в духе этого сообщества. Скорее напротив: во все времена и во всех странах братья-масоны всегда стараются держаться прямо противоположной тактики и

действуют из закулисья, не афишируя своих истинных намерений.

Другими словами, изучение истории масонства исподволь выводит нас на другую, не менее интересную и тесно связанную с ним проблему — проблему тайной власти в современном мире. *«До сих пор, — пишет в связи с этим известный петербургский историк А.В. Островский, — преобладает мнение, будто бы действующие на политической авансцене исторические персонажи являются теми, кто располагает реальной властью в обществе. При этом мы совершенно забываем о том, что по законам сценического искусства даже главные герои руководствуются уже готовым сценарием, что, кроме артистов, действующих на сцене, кроме сценариста, есть еще режиссер-постановщик и хозяин театра, которые если и появляются на сцене, то лишь в случае успеха. Между тем именно в их руках находится и выбор репертуара, и подбор труппы, и режиссерское исполнение авторского замысла.*

Одно из отличий политической сцены от театральной заключается в том, что авторы политических сценариев, политические режиссеры-постановщики, продюсеры и импресарио, как правило, не указываются на афишах и не любят выходить на сцену даже под шум оваций. Именно поэтому мы обычно не знаем реальных хозяев общества и не понимаем механизма реальной власти. Постановка вопроса о масонах является попыткой заглянуть за кулисы видимой власти. Даже в том случае, если мы не обнаружим там масонов или же если окажется, что масоны представляли собою ту же сценическую труппу, только первого состава, выступающую для избранной публики и только ей известную, все равно изучение того, что происходило в дореволюционной России за кулисами видимой власти, за кулисами политических партий и революционного движения, имеет принципиальное значение, и изучение этого исторического пласта, способное перевернуть многие наши нынешние представления, можно только приветствовать»².

Сказанного достаточно, чтобы уяснить причины популярности темы тайных сил как в русской, так и в мировой истории. Однако тайные силы — это не одни только масоны. Не последнюю роль в деятельности закулисья всегда играли и играют финансовые круги или, проще говоря, большие деньги. Однако и власть денежного мешка, финансовой олигархии оказывается зачастую бессильной перед силой незримых корпоративных связей, которыми буквально окутана элита современного общества и благодаря которым оно, в сущности, сегодня и держится. Собственно говоря, потребностью общества в существовании и налаживании таких корпоративных связей и объясняется живучесть и триумфальное шествие масонства в мире на протяжении столетий.

В последние годы наряду с масонами и финансистами к тайным силам, которые якобы и управляют современным миром,

некоторые исследователи начинают относить еще и спецслужбы. *«Итак, — констатирует в этой связи А.Е. Виноградов, — крупный капитал, масоны и спецслужбы — вот таинственный треугольник, именуемый ныне «мировой закулисой». Внутри этого треугольника и идет непрекращающаяся борьба различных центров влияния, но происходит и процесс консолидации. Как бы то ни было, все стороны этой фигуры имели огромное влияние на ход истории в XX веке»³.*

Причастность «вольных каменщиков» практически ко всем значительным потрясениям в мире на протяжении последних трех столетий приводила и приводит к широкому общественному движению против масонства, причем в борьбе с ним противники его никогда не стеснялись в средствах, приписывая ему всевозможные преступления против человечества, начиная от обвинений в сатанизме, поклонении дьяволу, и кончая атомными бомбами, сброшенными в августе 1945 года на Хиросиму и Нагасаки по приказу тогдашнего американского президента масона Гарри Трумэна.

Конечно же, в поддержку версии существования масонского заговора против России всегда высказывались и высказываются люди, как правило, консервативных взглядов. Но не только. Дело в том, что революционные события 1917 года, приход к власти большевиков и их богоборческая политика настолько поразили воображение современников, что не только православные монархисты, но и люди, казалось бы, вполне светских и даже либеральных убеждений, как, например, бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом в годы Первой мировой войны генерал А.А. Брусилов, склонялись к тому, чтобы рассматривать случившееся в свете «всемирной борьбы антихристианской», связанной со стремлением неких тайных сил «уничтожить весь свет Христов во имя тьмы сатанинской». *«Кто-то верно заметил, — отмечал он, — что большевики очутились в тесной прихоружей того большого антихристианского движения, которое ими руководит, и они сами не знают, кто дает им директивы. Не знаю и я, масоны это или сам сатана! Я понял только теперь вполне, как прав был Сергей Нилус, как глубоко и верно судил Шмаков, предупреждая нас об опасности»⁴.*

К сожалению, верная в принципе мысль о неслучайности общественных катаклизмов (войны, революции) и связи их с процессами дехристианизации, секуляризации, а теперь уже, с конца XX века, и глобализации современного мира заводит некоторых исследователей настолько далеко, что проискамы якобы непременно стоящих за всем этим темных антихристианских сил, передовой отряд которых собственно и составляют «братья-масоны», они готовы объяснить едва ли все несчастья, которые обрушивались на человечество и, в частности, на многострадальную Россию на протяжении последних столетий.

Показателен в этом плане труд русского эмигранта Григория Васильевича Бостунича (Георгий Вильгельмович Шварц) «Масонство и русская революция» (впервые опубликован в 1921 году в городе Нови-Сад (Югославия) и переиздан в 1995 году в Москве), так как масоны у него оказываются виноватыми буквально во всем. *«Это они, — пишет он, — руками фанатика Кромвеля произвели Английскую революцию 1649 года, в результате которой евреи, получив в Англии равноправие, сделали страну базой для дальнейшего еврейского наступления на мир, а сами заделались лордами, как Дизраэли-Биконсфильд или вице-король Индии еврей Риббинг.*

Это они на масонском конгрессе в Вильгельмсбаде в 1785 году выработали план так называемой Великой французской революции, в точности ими потом и выполненный во время кровопускания христианской Франции с 1789 по 1799 г. От этой «великой» революции в выигрыше остались одни только евреи. Все без исключения позднейшие после Наполеона перевороты во Франции произведены ими и только ими. Это они предали Францию Германии в 1870—1871 гг. Вовсе не пресловутый «немецкий школьный учитель» победил французов, а французские масоны, свергнув вышедшего из их повиновения Наполеона III, заодно раздавили и свою «родину».

Это они устроили Парижскую коммуну 1871 года, программно намечая будущий «русский опыт». Это они, воспользовавшись национальным подъемом Италии, под флагом объединения страны, руками Гарибальди и духом Мадзини — двух опаснейших масонов, ударили по Риму, не как столице, нет, а как местопребыванию ненавистного им папы... Это они через своих агентов: немецкого канцлера Бетман Гольвега и австрийского Эрцбергера вызвали мировую войну 1914 г., имея намерение в огне ее свалить все европейские троны»⁵.

По полной программе выдает Г. Бостунич масонам и за их «преступления» против России. Это они, пишет он, *«руками русского авантюриста Григория Орлова» задушили в 1762 г. императора Петра III и убили в 1801 г. его сына императора Павла I.*

Они же, продолжает Г. Бостунич свой мрачный перечень масонских «преступлений», *«пытались взять в свои руки» императора Александра I, бывшего масоном 3-й степени посвящения, но, к счастью, подчеркивает он, политика эта не удалась и ложи в конце концов были все-таки закрыты, хотя «два злых гения у его трона масоны Магницкий и Сперанский продолжали вкладывать палки в колеса государственного механизма, пока кроткий светлый царь не выдержал и не ушел в скит старцем Федором Кузьмичом»⁶.*

Восстание декабристов, по Г. Бостуничу, опять-таки было подготовлено и осуществлено масонами. Они же втянули Россию в неудачную Крымскую войну 1853—1855 гг. и умертвили императора Николая I при помощи врача-масона. Причастны

они и к убийству Александра II и даже к смерти «царя-миротворца» Александра III, умершего, как известно, от нефрита. Однако у Бостунича своя версия случившегося. В 1894 г., пишет он, «в Ливадию к больному императору был вызван знаменитый московский терапевт Захарьин, масон-еврей с такой подкупающе благозвучной русской фамилией. Лекарство он привез с собою, и ясно, какого рода это было «лекарство». Отравив царя, Захарьин с сатанинской гримасой следил за действием своего «лекарства» и вдобавок захотел еще насладиться моральными муками своей беззащитной жертвы. На вопрос пришедшего в себя царственного страдальца, вопрос, естественно заданный при виде наклоненной зверской головы: «Кто ты такой?» — Захарьин тихо, с особой интонацией ответил: «Я еврей». Когда государь громко переспросил, Захарьин обернулся к присутствующим и холодно произнес: «Его Величество бредит». А затем опять дьявольски прошептал умирающему: «Вы приговорены к гибели»⁷.

Масоны же, по Г. Бостуничу, втравили Россию в войну с Японией и организовали ее поражение, потому что «только неудачная война может в здоровой земледельческой стране, как Россия, с ее тогда железным курсом рубля, вызвать революцию. А когда Куропаткина убрали и реорганизованная Линевичем армия грозила свести на нет все японские победы, то масон граф Витте убедил Николая II в необходимости «пойти навстречу общественности» и заключить позорный для России Портсмутский мир. Он же вырвал у Николая II масонскую конституцию 17 октября 1905 года. Масонскую потому, что она противоречила интересам России. Россия, конечно, нуждалась в реформах, но в духе ее исторических путей Иоанном Калитой и Алексеем Михайловичем с его земскими соборами предначертанных, а не в стиле еврейской четыреххвостки и облегчающих масонскую пропаганду свобод. А когда сам Витте, как слишком много знавший, стал опасен и для своих (опасались, что он проболтается в мемуарах) — его попросту убрали»⁸.

И уж конечно, именно они, масоны, на 99% «сделали» русскую революцию. Оставшийся один «немасонский» процент составили, по мнению Г. Бостунича, «честные дураки»⁹.

Конечно же, на первый взгляд, особенно с точки зрения профессионального историка, брошюра Г.В. Бостунича может показаться всего лишь забавным курьезом. Однако это не так. И чтобы убедиться в этом, далеко, как говорится, ходить не надо. «Масонство, — читаем мы в брошюре уже современного автора, московского профессора О.А. Платонова, — во всех его проявлениях — тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудаистского учения об избранном народе... Масонство всегда было злейшим врагом человечества, тем более опасным, что пыталось свою тайную преступную деятельность прикрыть завесой лживых рассуждений о самосовершенствовании и благотворительности»¹⁰.

И хотя список масонских «преступлений» против России и человечества у О.А. Платонова несколько отличается от списка Г.В. Бостунича, в общей оценке явления и, что самое важное, — в понимании его глубинной сущности они во многом сходятся.

Слабость версии масонского заговора «сквозь века» с целью захвата власти очевидна для каждого трезвомыслящего человека. *«Этот захват, — справедливо пишет в связи с этим профессор В.Н. Тростников, — еще вилами на воде писан, а если и произойдет, то когда-то в будущем, а человек, дающий клятву служить этой идее (то есть вступающий в масонскую ложу. — Б.В.), живет в настоящем, и неясно, почему мысль о торжестве его далеких преемников может так его воодушевить, что он отказывается ради нее от самого дорогого для человека — своей личной свободы — и беспрекословно выполняет приказы высших по градусу, даже если не понимает их значения. Нет, — заключает В.Н. Тростников, — тут нам подсовывают явную психологическую несообразность» и предлагает свою версию.* Заговор, по его мнению, хотя и существует, но не в материальном, а в духовном плане, и стоит во главе этого духовного, «нематериального» заговора не кто иной, как сам искуситель рода человеческого господин дьявол или Сатана¹¹. Этой же точки зрения придерживается, судя по всему, и Ю.Ю. Воробьевский, послесловием к книге которого, собственно, и является процитированный нами отрывок из статьи В.Н. Тростникова.

Комментировать тут, собственно, нечего. Пусть читатель сам решит, какая из этих двух, прямо скажем, фантастических версий истолкования хода истории человечества ему ближе. Отметим лишь, что и та и другая появились далеко не вчера, имеют немало сторонников и породили огромную литературу. Сохраняют они свою популярность и в наши дни. Обстоятельство это, а также широкое распространение в современной России книг и статей на масонскую тему, подобных брошюре Г.В. Бостунича (кстати, тираж ее составляет 10 тысяч экземпляров), конечно же, побуждает нас, историков, задуматься — а все ли мы делаем для того, чтобы путем внедрения в общественное сознание так называемого «реального знания» и критически проверенных фактов попытаться привить ему определенный иммунитет против разного рода домыслов и спекуляций на масонскую тему? Ответ, я думаю, очевиден.

Понятно поэтому волнение, с которым приступил осенью 1998 года автор этих строк к чтению лекций по истории масонства на историческом факультете Санкт-Петербургского университета. С удовлетворением можно отметить: встретили слушатели этот курс хорошо, даже тепло; было много вопросов и пожеланий. Вскоре, однако, выяснилось, что рекомендуемые для подготовки к экзамену статьи и книги, как правило, труднодоступны для студентов. На просьбы указать работу, где бы со-

держалось изложение на современном уровне всей истории масонства, начиная со времен Петра Великого и кончая нашими днями, автор вынужден был констатировать, что такой книги просто нет. Мысль о целесообразности, отложив на время другие работы, попытаться восполнить существующий пробел в учебной литературе, родилась в сложившихся условиях, можно сказать, сама собой. Так появилась эта книга.

Главное назначение ее — ознакомить читателя не столько с собственными взглядами автора, которые он, разумеется, и не думает скрывать, а главным образом с фактической стороной дела, источниками и историографией вопроса. Или, говоря другими словами, выводами науки. Другое дело, что характер этих выводов зачастую таков, что для того, чтобы разобраться в вопросе, автору и самому пришлось основательно поработать с источниками. Все это позволяет надеяться, что книга вызовет интерес не только у студентов, но и у более широкого круга читателей. В соответствии с традицией преподавания истории в Санкт-Петербургском университете автор старался избегать крайностей в собственных оценках; знакомя же читателя с оценками масонства другими исследователями, он стремился теснее увязать эти оценки с их общественно-политическими пристрастиями и особенностями интерпретации ими источников.

Потребность в университетском курсе истории русского масонства ощущалась уже давно. Дело тут, конечно, не только в том, что масоны играли и играют огромную роль в современном мире. Парадокс как раз и состоит в том, что вопреки распространенному мнению, при ближайшем рассмотрении оказывается, что роль эта, по крайней мере в нашей стране, была не так уж и велика. Дело скорее в другом. Знакомство с историей масонства позволяет нам взглянуть на нашу отечественную историю несколько в ином, чем обычно, свете, более внимательно присмотреться к ряду, казалось бы, уже хорошо известных политических и общественных деятелей. По-новому предстает перед нами, с учетом масонского фактора, и история русской интеллигенции, ее духовных исканий и политических устремлений. Другими словами, знакомство с историей масонства позволяет существенно обогатить и расширить наше историческое знание, сделать его более объемным.

Успехи, которых добилось в последние десятилетия как отечественное, так и зарубежное масоноведение, привели к тому, что сейчас уже практически никто не сомневается в значимости проблемы. Во всяком случае, на сегодняшний день и по далеко не полным данным, нам известны имена и фамилии более чем 12 тысяч русских масонов¹². Учитывая, что речь у нас все-таки идет не о рабочих и крестьянах, а о представителях элиты общества, правящего, так сказать, класса или слоя России XVIII–XX вв., цифра эта более чем внушительна. Спор поэтому может идти

лишь о степени влияния их на общественную жизнь и политические события этого времени. Причем в центре внимания, естественно, оказывается роль масонов как в подготовке, так и в непосредственном участии в революционных событиях 1917 года. Этим, собственно, и объясняется то сравнительно большое место, которое уделено этим сюжетам в предлагаемой вниманию читателя книге. Но оказывается, масонские ложи существовали не только в дореволюционной, но и в Советской России. Правда, по условиям времени это были уже не политические ложи, а преимущественно кружки и группы религиозно-нравственного, как бы мы сейчас сказали, характера. Принципиального значения, впрочем, для раскрытия заявленной темы обстоятельство это не имеет, и отделять в масонстве мистицизм, политику и нравственность — задача, прямо скажем, неблагоприятная. Тем более что, как ни стремились советские масоны не мешаться в политику, избежать этого вследствие пристального интереса к ним со стороны ОГПУ было нелегко.

Возвращаясь к теме политического русского масонства дореволюционного времени, следует подчеркнуть, что Керенский и К° — это всего лишь видимая часть огромного айсберга, с которым пришлось столкнуться в начале XX века тяжелому и неповоротливому кораблю русской государственности. В России начала века существовало громадное число и других, легальных, в отличие от масонства, организаций, деятельность которых, пусть и медленно, но зато верно подтачивала государственные устои империи. Основная часть этой работы, связанная в первую очередь с дискредитацией самодержавия, православия и традиционных ценностей народа, или, говоря другими словами, идеологической подготовкой переворота, развертывалась вне масонских лож.

Дело в том, что вопреки распространенному представлению, масонство это не только и не столько сами масонские ложи, а куда более широкое общественное явление, подлинная суть которого ясна далеко не всем. Как своеобразная форма самоорганизации элиты общества, оно включает в себя не только собственно масонские, но и полумасонские структуры. Это позволило включить в книгу главы о деятельности ряда религиозно-мистических кружков и групп начала XX века и первых лет Советской власти, существование и деятельность которых из-за «сомнительности» их масонского характера исследователи обычно обходят стороной. Большой материал на эту тему был привлечен автором в его предыдущей работе¹³, что существенно облегчило подготовку данной книги.

Что касается интереса автора этих строк к теме, то в загадочный и таинственный мир ленинградских оккультных кружков и групп 1920-х годов он окунулся где-то лет 9–10 назад, когда по совету покойного ныне профессора В.И. Старцева (1931–

2000) обратился к так называемому «масонскому фонду» тогдашнего Музея истории религии и атеизма. Увиденное там: малопонятная для современного человека эзотерическая символика, с преобладанием звезд, крестов и черепов со скрещенными костями, посвятительные тетради с подробнейшим описанием степеней и таинственных масонских обрядов, клятвы, писанные кровью, — поразили меня.

Казалось невероятным, что все это могло происходить здесь, в нашем городе, в XX веке. Правда, профессор Старцев несколько охладил мой пыл, заявив, что масоны эти — не настоящие, так как ложи были организованы едва ли не по инициативе ОГПУ, во всяком случае, находились под его контролем.

На самом деле картина оказалась куда более сложной. Но обнаружилось это уже позже, когда в начале 1990-х годов автор этих строк получил возможность ознакомиться с «масонскими делами» архива УКГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области. Уникальность и несомненный интерес, который представляют обнаруженные им там материалы, собственно, и побуждали написать эту работу.

В процессе подготовки ее выяснилась теснейшая связь ленинградских «масонов» с деятельностью оккультных кружков и групп дореволюционного времени, продолжением которой они в ряде случаев и являлись. Стало ясно, что без написания специальной главы о них не обойтись. Ею и открывалась изданная в 1997 году книга.

Данная работа носит конкретно-исторический характер. Ее цель — рассказать о конкретных масонских ложах, людях, которые их составляли, целях, которые они преследовали, и, наконец, результатах, к которым они пришли. Споры о том, настоящие это были масоны или ненастоящие, «правильными» или «неправильными» были устроенные ими ложи, я оставляю другим. В конце концов, как бы мы сегодня ни называли то или иное интеллигентское сообщество 1920-х годов: масонской ложей, орденом, братством или просто кружком, суть дела от этого, как, надеюсь, понимает читатель, не меняется. И в том, и в другом, и в третьем, и в четвертом случаях речь идет все-таки о конкретных людях и их конкретных взглядах и действиях.

Если рассматривать масонство как широкое общественное движение, а не узкую секту (а именно так смотрит на дело автор этих строк), то сама проблема так называемых «правильных» лож, то есть утвержденных Великой ложей Англии или Великим Востоком Франции, и лож якобы «неправильных», которые такой чести не удостоились, теряет если уж не смысл, то по крайней мере свою остроту.

К сожалению, как это часто бывает, далеко не всегда наши добрые намерения находят понимание у коллег по ремеслу историка. Не стал исключением в этом отношении и много помо-

гавший мне на первых порах профессор В.И. Старцев. Всячески поддерживая мой интерес к оккультному, мистическому масонству, он, можно сказать, в штыки воспринял даже робкие попытки автора этих строк включить в сферу своих научных интересов масонство политическое, которое он рассматривал как свою вотчину. Сказывались, видимо, и радикально-демократические установки, которых придерживался в это время Виталий Иванович, что давало ему повод полагать, что он найдет в моем лице некоего оппонента по отдельным вопросам истории масонства.

В итоге, после очередной моей публикации на масонскую тему в журнале «Молодая гвардия» В.И. Старцев на заседании кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена 11 июня 1996 года, где я работал, взял да и огласил свое «Заявление» по этому поводу. Поскольку в демократических кругах журнал «Молодая гвардия» считался тогда (не знаю, как теперь) антисемитским, спровоцировать инцидент, зная о радикально-демократических убеждениях и характерном для Виталия Ивановича обостренном чувстве самолюбия, не допускаяшем посягательств на его тему, было несложно. Это и было блестяще осуществлено тогдашним ближайшим окружением профессора.

«Взявшись за мою тему, В.С. Брачев решает ее по-своему, — заявил здесь В.И. Старцев. — Он берет из опубликованных (в том числе и мною) источников и научных работ то, что дает ему возможность выстроить некую концепцию, соединяя добытые трудом других научные факты с домыслами и фантазиями врагов русской интеллигенции и демократии». Однако основной пафос заявления В.И. Старцева был все-таки не в том, что, взявшись за его тему и используя его наблюдения, я якобы нарушил тем самым некие неписанные правила научной этики. Ведь научные труды, собственно, и пишутся для того, чтобы последующие исследователи по-своему, со ссылками, конечно, их и использовали в своих концепциях. В.И. Старцев это, конечно же, хорошо понимал. Отсюда и основной акцент его заявления — принципиальное размежевание со мной. «Статья В.С. Брачева, — пишет он в своем заявлении, — вполне вписывается в националистический и антисемитский курс журнала «Молодая гвардия», что говорит о том, что он избрал этот орган печати вполне сознательно. Это бросает тень не только на кафедру — может быть, кому-либо эти взгляды покажутся симпатичными, — сколько на меня, как заведующего кафедрой... Я решительно заявляю, что не разделяю политических симпатий Виктора Степановича Брачева и не несу никакой моральной ответственности за его данное и подобные выступления. А подобное предположение могло бы возникнуть: некоторые могут подумать, что В.С. Брачев советовался со мной...»

Собственно, для этих «некоторых» из наиболее радикально-антирусски настроенных представителей демократически ори-

ентированной общественности в его ближайшем окружении, мнением которого, как оказалось, В.И. Старцев так дорожил, и предназначалось его заявление. Именно в этой среде надо искать его адресата.

Дело это, как говорится, прошлое, и я бы не стал вспоминать здесь об этой неприятной истории, если бы не очередной наскок на меня некоего радикального демократа, явно недовольного научно-объективистским направлением моих изысканий на масонскую тему. Речь идет о младшем научном сотруднике Государственного Эрмитажа Арсении Соколове, который в своей обширной публикации в издающемся в Петербурге «Журнале для ученых «Клио» обвинил меня в приписывании «либералу и демократу» В.И. Старцеву взглядов, с которыми тот якобы «боролся всю свою жизнь»¹⁴.

Что касается того, с кем и почему боролся В.И. Старцев всю свою жизнь, то, учитывая его жесткую полемику и непростые личные отношения с рядом историков либерального круга, особенно в оценке роли и значения масонства в истории России начала XX века, о чем у нас еще пойдет речь, то это вопрос, как говорится, непростой. Во всяком случае, симптоматично, что на последнюю публикацию В.И. Старцева — его возмущенное письмо в редакцию журнала «Вопросы истории» (1999)¹⁵, как раз и посвященное полемике с историками-либералами (В.В. Поликарпов) по истории русского масонства, в своем перечне его работ по истории масонства А.В. Соколов указать «забыл» или, вернее, не захотел¹⁶. А ведь его с полным основанием можно рассматривать как своеобразное историографическое завещание ученого. Нелепым по своей сути является и недовольство А.В. Соколова моими частыми ссылками на В.И. Старцева, при том, что выводы при этом зачастую я делаю свои. Но на что тут, как говорится, обижаться?

Беда, однако, в том, что, желая сильнее уязвить оппонента, А.В. Соколов позволил себе опуститься до заведомой неправды, не постеснявшись при этом даже бросить тень на память самого В.И. Старцева — человека, которого он взялся, казалось бы, «защищать». *«Как известно, — пишет А.В. Соколов, — еще в бытность В.С. Брачева преподавателем кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, заведующим которой являлся В.И. Старцев, на одном заседании кафедры Виталий Иванович ознакомил коллег со своей «Докладной запиской» на имя администрации, в которой он обвинил Брачева не только в плагиате своих работ, но и безграмотности, полном искажении выводов и в том, что Брачев этим приобщает его к своим «черносотенным» взглядам. В.И. Старцев заключил, что Брачев в силу незнания материала, непорядочности и проповеди ультранационалистических взглядов не имеет права преподавать студентам и поставил перед ректором вопрос о его увольнении»*¹⁷.

Как ни трактовать этот текст А.В. Соколова, с какой стороны ни подходить к нему, нравственный облик В.И. Старцева выглядит в его изображении не слишком привлекательным. Оказывается, как сообщает нам А.В. Соколов, этот известный ученый не чужд был маленькой «слабости» — писать доносы или докладные записки на имя администрации, в которых он ставил ее в известность об идеологической неблагонадежности отдельных преподавателей — своих коллег, и даже настаивал на этом основании на их увольнении.

Но ведь это прямая неправда, злонамеренная клевета, если угодно, на В.И. Старцева и память о нем. Я знал Виталия Ивановича более четверти века, почти 11 лет проработал с ним бок о бок на одной кафедре и категорически могу засвидетельствовать, что Старцев доносов никогда не писал, не был он способен на такую низость, несмотря на свои демократические взгляды. Текст же, на который ссылается А.В. Соколов, это никакая не «докладная записка на имя администрации», то есть ректора, а «заявление к заседанию кафедры русской истории от 11 июня 1996 года». Именно так он и назван в цитированной нами выше ксерокопии этого документа, заверенного, кстати, личной подписью В.И. Старцева. Ни о каких угрозах репрессий в мой адрес здесь, естественно, нет и речи. Не старцевский это был жанр: угрозы и доносы в отношении своих коллег.

Не приходится сомневаться, что А.В. Соколов что-то слышал об этом инциденте, но самого документа, зачитанного В.И. Старцевым на заседании кафедры, и в глаза не видел, и весь его текст есть не что иное, как злонамеренная и не очень умная инсинуация. Самое прискорбное здесь, что сам А.В. Соколов, похоже, ничего зазорного памяти В.И. Старцева в своем чудовищном утверждении о нем как авторе докладных записок — доносов с требованием об увольнении по идеологическим мотивам своего коллеги не видит. Не увидела ничего зазорного в этом и редакция «Журнала для ученых «Клио», в котором этот материал был опубликован. В самом деле, ведь «черносотенец», человека «националистических взглядов» обличал и требовал уволить с работы с «волчьим билетом» Виталий Иванович. Человека, который (подумать только!) посмел напечатать свою статью в черносотенной «Молодой гвардии». Да еще о масонах! Вот если бы это был какой-нибудь демократ, «гражданин мира», печатающийся подобно А.В. Соколову исключительно в демократических изданиях, тогда, разумеется, — другое дело. Двойная мораль или, проще говоря, полная аморальность такого подхода бьет в глаза.

Конечно же, публикация А.В. Соколова — это курьез, хотя далеко и небезобидный. В то же время автор этих строк, конечно же, совсем не против критики в свой адрес. В связи с этим хотелось бы надеяться, что публикация данной книги не оста-

нется незамеченной и вызовет критические отклики, замечания и пожелания как специалистов, так и рядовых читателей.

Здесь нет необходимости подробно рассматривать особенности источниковой базы исследования (в книге ей посвящена целая глава). Остановимся поэтому только на самом главном: правомерности широкого использования автором этих строк в своей работе материалов архивно-следственных дел ОГПУ НКВД СССР. Дело в том, что у части наших историков существует довольно-таки стойкое предубеждение против них как заведомых фальшивок, *«степень достоверности показаний обвиняемых» в которых якобы «настолько незначительна, что современный уровень наших знаний о событиях, связанных с организацией процесса, не позволяет в результате научного комментирования выделить из общего потока ложных, а порою и фантастических сведений даже крупницы правды»*¹⁸. Автор же этих строк придерживается на этот счет прямо противоположного мнения. Речь, конечно же, вовсе не о том, чтобы слепо верить абсурдным обвинениям, которые зачастую выдвигались следствием против участников религиозно-мистических кружков и братств 1920—1930-х годов: шпионаж, диверсии, подготовка терактов, антисоветская агитация и проч., о чем в свое время справедливо предостерегал историков И.А. Ильин¹⁹. Однако и пренебрегать этим ценным и, что особенно важно, массовым источником, даже не попытавшись отделить в нем зерна от плевел, профессиональному историку было бы не к лицу.

Нельзя согласиться и с мнением И.В. Павловой, которая, опасаясь, видимо, «не тех» выводов, к которым могут прийти при работе с архивно-следственными материалами сталинского периода исследователи, предлагает им корректировать свои выводы *«нравственной позицией историка, которая определяет его отношение не только к массовым репрессиям, но и вообще к тому, что происходило в 30-е годы, а также формирует его подход к источникам»*²⁰.

Но в том-то и дело, что отношение к тому, что происходило в 30-е годы, у разных историков разное. Неизбежно разным, следовательно, будет и их нравственная интерпретация источников этого времени. Вывод отсюда может быть только один: независимо от того, какой Россией занимается историк, сталинской или путинской, масонами или немасонами, танцевать ему необходимо все же не от интуиции и некоего внеисточникового *«общего знания, понимания и видения эпохи»*²¹, к чему призывает нас И.В. Павлова, а от конкретных отложившихся в результате деятельности тех или иных учреждений архивных документов. Иного пути для историка, если он хочет остаться на почве науки, нет и быть не может.

В процессе работы над книгой у автора сложились свои оценки описываемых в ней событий и лиц. Познакомить с ними чи-

тателя — его долг. Однако навязывать их кому бы то ни было не входило в его задачу. Напротив, обширные документальные выдержки из малодоступных пока еще архивов УФСБ РФ дадут, как надеется автор, возможность заинтересованному читателю и для собственных оценок и выводов.

И, наконец, последнее. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена истории масонских и полумасонских кружков и ассоциаций, действовавших непосредственно на территории России. История зарубежного русского масонства в ней не рассматривается. Как показали специальные работы на эту тему Н. Свиткова (Степанова)²², В.Л. Вяземского²³, С.П. Тикстона²⁴, А.И. Серкова²⁵ и В.И. Старцева²⁶, зарубежные русские ложи 1920-х и последующих годов заметного влияния на масонские или полумасонские кружки и группы в Советской России не оказывали.

Примечания

- ¹ Платонов О.А. Россия под властью масонов. М., 2000. С. 79.
- ² Островский А.В. От редакции. Послесловие к статье С.Ф. Ивановой «Что скрывается за масонской проблемой?» // Из глубины времен. Альманах. Вып. 1. СПб., 1992. С. 173–174.
- ³ Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 6–7.
- ⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 344.
- ⁵ Бостунич Г. Масонство и русская революция. М., 1995. С. 72–73.
- ⁶ Там же. С. 74.
- ⁷ Там же. С. 75–76. «Диалог» этот заимствован Г. Бостуничем из книги некоего Эдгара Салтуса «Императорская оргия» (Нью-Йорк, 1920. С. 215).
- ⁹ Там же. С. 77.
- ¹⁰ Платонов О.А. Россия под властью масонов. М., 2000. С. 75.
- ¹¹ Тростников В.Н. Услышать стук зла // Воробьевский Ю.Ю. Путь к апокалипсису: стук в Золотые врата. М., 1999. С. 325–326.
- ¹² Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001.
- ¹³ Брачев В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997.
- ¹⁴ Клио. Журнал для ученых. СПб., 2002. № 2(17). С. 232.
- ¹⁵ Старцев В.И. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1999. № 4–5.
- ¹⁶ Клио. Журнал для ученых. СПб., 2002. № 2(17). С. 232.
- ¹⁷ Там же. С. 230.
- ¹⁸ Ананьич Б.В., Панеях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XI.
- ¹⁹ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. М., 1992. Т. I. С. 57.
- ²⁰ Павлова И.В. Интерпретация источников по истории России 30-х годов (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 2. С. 36.
- ²¹ Там же. С. 37.

²² Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к январю 1932 года). Составлено на основании масонских документов. Париж, 1932.

²³ Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн. 161. С. 231–248.

²⁴ Theckston S. La franc Maconnerie russe en France entre l'exode de 1919 et la guerre de 1940 // Cahiers de Villard de Honne-court Cahier. VIII. Paris, 1972. S. 45–62.

²⁵ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 127–436; Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999.

²⁶ Старцев В.И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918–1939) // Российское зарубежье: история и современность. М., 1998. С. 41–52.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Покров тайны, которой окутано масонство, способствовал внедрению в общественное сознание мнения об отсутствии сколько-нибудь значительной источниковой базы по его истории. Другими словами, масонская проблема вроде бы и есть, но нет источниковой базы, которая позволила бы удовлетворительно ее разрешить. Действительно, определенные основания для такого умозаключения имеются. Ведь многие источники по истории русского масонства, особенно относящиеся к неудобным для самих «братьев» сюжетам, безвозвратно утеряны. В конце XVIII и в 20-х годах XIX века, то есть в период гонений и официального закрытия лож, члены их уничтожали, жгли, в редких случаях прятали все или казавшиеся им наиболее опасными орденские знаки, документы и книги¹. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что некоторые масонские ассоциации, как, например, «Великий Восток народов России» начала XX века, опасаясь возможных репрессий, вообще не вели своего делопроизводства и никаких официальных бумаг после себя практически не оставили.

Все это так. И тем не менее факт остается фактом: при ближайшем рассмотрении оказывается, что источников по истории масонства в наших библиотеках и архивохранилищах не так уж и мало. Особенно это относится к периоду начиная с 80-х годов XVIII века и кончая закрытием масонских лож в 1822 году.

Первую группу источников по истории русского масонства XVIII — первой четверти XIX века составляет официальная правительственная документация: указы, постановления и предписания. Ценнейший источник этого рода — следственные дела о масонах: дело Н.А. Головина (1747)², донесение М. Олсуфьева о ложе Р.И. Воронцова (1756)³ и другие. Особенно большое значение для историка масонства имеет дело Н.И. Новикова 1792 года (официальная переписка, показания, роспись конфискованных книг, прошения и прочие материалы, связанные с его арестом и заключением). Полностью дело (РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 218 и ф. 7, оп. 2, а также ГИАМ ф. 45, оп. 1, № 213) не опубликовано, однако наиболее существенные материалы его напечатаны в свое время М.Н. Лонгиновым⁴, Д.И. Иловайским⁵, А.Н. Поповым⁶ и П.П. Пекарским⁷.

В качестве дополнения к правительственным материалам историками могут быть использованы записки на имя Алексан-

дра I и Николая I Ф.В. Ростопчина⁸, Е.А. Кушелева⁹ и противников масонства А.Б. Голицына и М. Магницкого¹⁰. Много данных по истории масонства содержат материалы из фондов бывшего Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ). Это прежде всего фонд Третьего отделения собственной Е.И.В. канцелярии (ф.109), Особой канцелярии МВД (ф.1165), Собственной канцелярии А.Х. Бенкендорфа (ф.1717).

Другой важнейшей группой источников по истории масонства XVIII — начала XIX века является официальная масонская документация. Прежде всего это уставы или конституции¹¹, на основе которых действовали те или иные масонские ассоциации, материалы внутреннего делопроизводства масонских лож: прошения об открытии тех или иных мастерских, протоколы их заседаний, списки членов, анкеты и отчеты о деятельности «братьев», масонские обрядники, речи и песни. К сожалению, большинство из захваченных правительством у масонов в 1792 году бумаг, оказавшихся в руках следователей по делу Н.И. Новикова, после того как их затребовал к себе император Павел I, хранились в Царском Селе и погибли в 1822 году при пожаре. *«В силу этого обстоятельства история масонства в России никогда не будет написана в полном виде, — констатирует А.И. Серков и добавляет: — Был ли этот пожар случайностью, остается лишь гадать, но дата происшествия (1822 год, время закрытия масонских лож. — Б.В.) настораживает. Как бы то ни было, — продолжает он, — этот пожар стал символом разрыва верховной власти в России с масонством»*¹².

Есть данные и о сознательном уничтожении после 1822 года масонами своей документации. Наиболее сильно пострадали в этом плане архивы Великой ложи «Астреи» (1815–1822).

Ценнейший материал по истории русского масонства содержится в целом ряде личных фондов и коллекций общественных и государственных деятелей России конца XVIII — начала XIX века, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (бывшая имени В.И. Ленина)¹³: В.С. Арсеньева (ф.13 и 14), Н.П. Киселева (ф.128), Голубинских (ф.76), С.С. Ланского — С.В. Ешевского (ф.147), Д.И. Попова (ф.237), а также Центрального государственного архива литературы и искусства: Д.Н. Альбицкого (ф.141), П.А. Вяземского (ф.195), Ф.Н. Глинка (ф.141). Немало документов по истории масонства найдет историк и в составе личных фондов Рукописного отдела Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (М.Ю. Виельгорского, Ф.И. Прянишникова и др.). Большая часть документов масонского происхождения, создававшаяся для целей внутреннего пользования, хотя и известна исследователям, но в силу своей специфики остается еще не напечатанной.

Ценнейшую информацию о работах лож XVIII — начала XIX века содержат дневники и воспоминания как самих масо-

нов, так и тесно общавшихся с ними лиц: И.В. Лопухина¹⁴, С.Т. Аксакова¹⁵, А.Д. Тейльса¹⁶, Л.А. Симанского¹⁷, Н.И. Греча¹⁸, А.И. Михайловского-Данилевского¹⁹, И.И. Виганда²⁰, А.Л. Витберга²¹, П.А. Вяземского²², И.И. Дмитриева²³, А.И. Тургенева²⁴, Д.П. Рунича²⁵, А.В. Храповицкого²⁶, И.П. Елагина²⁷. Важное значение имеют для историка письма духовных руководителей русских масонов первой четверти XIX века И.А. Поздеева и Н.И. Новикова. До нас дошло свыше 200 писем И.А. Поздеева. Только часть их была опубликована в 1872 году в «Русском архиве». Остальные хранятся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки в Москве и представляют уникальный в своем роде материал для так называемой внутренней жизни ордена, воссоздания нравственно-психологической атмосферы масонских лож. Это же в полной мере относится и к письмам Н.И. Новикова к А.Ф. Лабзину, Х.А. Чеботареву, М.Л. Мудрову, В.И. Баженову²⁸, Д.П. Руничу²⁹, Н.Н. Трубецкому³⁰ и др. Особенно важна для исследователя опубликованная в 1915 году Я.Л. Барсковым «Переписка московских масонов XVIII века»³¹.

Несмотря на кажущуюся простоту использования переписки «братьев — вольных каменщиков», на самом деле, вследствие конспиративного характера писем (употребление авторами инициалов, так называемых «рыцарских имен» «братьев» и вообще разного рода намеков, которые могли быть понятны лишь автору письма и его адресату), это далеко не простая задача для исследователя.

Большой интерес для историка представляют масонские сочинения (речи, лекции, брошюры). Некоторые из них, как, например, «Магазин свободнокаменнический» (Т.1 (ч.1—2). М., 1784), «Учение древнего любомудрия и богомудрия» И.П. Елагина³², «Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов» И.В. Лопухина³³ напечатаны. В большинстве же случаев исследователю приходится иметь дело с рукописями³⁴. Ценным источником для историка могут служить в ряде случаев и предметы масонского культа, или, как их еще называют, «масонские предметы»: ковры, мечи, кубки, перстни, кинжалы, перчатки, фартуки и пр.³⁵

Библиография, посвященная истории русского масонства³⁶, насчитывает более 1000 названий и непрерывно растет. Как правило, это статьи и брошюры за или против масонов, авторы большинства из которых серьезно проблемой никогда не занимались, источников по теме не видели и все свои познания черпают из литературы вопроса. Но не они, разумеется, определяют лицо современной историографии масонства в России. Основы ее были заложены в 1860-е годы, известные еще как эпоха «великих реформ». Наиболее крупный вклад в ее становление внесли, однако, не историки, а ученые-литературоведы той поры М.Н. Лонгинов и академик А.Н. Пыпин. О работах А.Н. Пыпи-

на чуть ниже. Что же касается М.Н. Лонгинова, то еще в 1858 году в журнале «Русский вестник» (август) он опубликовал свою работу «Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы и просвещения XVIII века». Есть и отдельное издание³⁷. Завершением же его разысканий в этой области стала капитальная монография ученого «Новиков и московские мартинисты», опубликованная в 1867 году в Москве³⁸. Со времени написания этого труда прошло более ста лет. Однако богатый архивный материал, введенный в научный оборот автором (часть его дана в приложениях к книге), делает ее необходимым пособием для историка и по сей день. В 2000 году работа М.Н. Лонгинова была переиздана³⁹.

Наряду с М.Н. Лонгиновым и А.Н. Пыпиным заметный вклад в разработку истории масонства внесли в эти годы и другие ученые: А.Н. Попов⁴⁰, Н.С. Тихонравов⁴¹, П.П. Пекарский⁴² и особенно С.В. Ешевский, опубликовавший в 1864 году большую работу «Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия» в виде двух статей в «Русском вестнике» за 1864 год. В 1870 году она была переиздана в 3-й части (томе) сочинений С.В. Ешевского⁴³.

Характерно, что научный интерес исследователей 1860-х годов сосредотачивался почти исключительно на масонстве второй половины XVIII века. Это не было, разумеется, случайностью. Дело в том, что просветительская и филантропическая деятельность московских мартинистов XVIII века, преследование, арест и заключение в Шлиссельбургскую крепость Н.И. Новикова — это наиболее выигрышная страница в истории русского масонства. Естественно, что к ней в поисках своих духовных предшественников и обратились в первую очередь российские либералы 1860-х годов. Выйти за узкие пределы 80-х — начала 90-х годов XVIII века сумел в то время в своих исследованиях только А.Н. Пыпин. Ему же принадлежит и наибольший вклад среди дореволюционных исследователей масонства в разработку проблемы.

Первые публикации ученого по истории масонства, появившиеся во второй половине 1860-х годов на страницах журнала «Вестник Европы», шли, правда, вполне в традиционном для либеральной историографии русле: Н.И. Новиков, московские розенкрейцеры XVIII века и их предшественники: «Русское масонство в XVIII веке» (1867, № 2), «Русское масонство до Новикова» (1868, № 6, 7), «Розенкрейцеры» (1871, № 1, 2). Однако основное внимание ученого оказалось вскоре сосредоточено не на эпохе Екатерины II, а на Александровском времени: его цикл статей о масонах первой четверти XIX века (Вестник Европы. 1872, № 1, 2, 7) и опубликованная в этом же журнале в 1868 году (№ № 8–12) другая крупная работа о тесно связанном с масонами Российском библейском обществе (1812–1826).

Много внимания истории масонства первой четверти XIX

века отведено А.Н. Пыпиным и в его капитальной работе «Общественное движение при Александре I», над которой он работал в эти годы. Первое издание ее было осуществлено в 1871 году⁴⁴. Книга неоднократно переиздавалась. А.Н. Пыпин первым в нашей историографии обратил внимание на масонскую подоплеку восстания декабристов. Ему же принадлежит и обстоятельно составленный на основе архивных данных список масонских лож XVIII — первой четверти XIX века⁴⁵. Уже после смерти А.Н. Пыпина (1904) его работы по истории масонства были собраны и опубликованы в 1916 году под редакцией Г.В. Вернадского в виде отдельной книги⁴⁶.

В 1872–1874 годах, отражая возросший интерес к масонству и явно с целью популяризации его, в России было осуществлено переиздание в переводе с немецкого работы известного масонского историка И.Т. Финделя⁴⁷. Много места истории масонства XVIII века отведено в вышедшей в 1875 году в Петербурге работе профессора Петербургского университета А.А. Незеленова⁴⁸.

Дальнейшее возрастание интереса исследователей к истории масонства приходится уже на 1890-е годы, в преддверии новых общественных потрясений начала грядущего века: работы В.О. Ключевского⁴⁹, С.А. Петровского⁵⁰, А. Суровцева⁵¹, В.В. Сиповского⁵². В начале же XX века наблюдается самый настоящий бум в разработке масонской темы. Бум этот не был случаен. Интерес к теме сознательно подогревался либералами, видевшими, как и их предшественники — либералы 60-х годов, в русских масонах XVIII — первой четверти XIX века своих духовных предтеч и никогда не упускавших возможности подчеркнуть их вклад в либерализацию общественно-политического климата в России. Однако на самом деле реальный вклад масонов в изменение сложившегося в России к началу XX века порядка вещей был весьма и весьма скромным. Другое дело — нравственные искания масонов, поиск ими нравственного идеала, правды и смысла жизни. Здесь масоны были, как говорится, на коне. Неудивительно, что именно эта сторона проблемы как раз и оказалась в центре внимания либеральной историографии начала XX века⁵³.

Заметной фигурой среди исследователей этого направления была Т.О. Соколовская, много сделавшая для разработки проблемы места русского масонства в истории общественного движения в России⁵⁴. Другим «коньком» этой исследовательницы была масонская символика⁵⁵ и обрядность⁵⁶. Наиболее крупной работой Т.О. Соколовской является ее монография по истории шведского масонства в России⁵⁷ — тема, к раскрытию которой исследовательница, как шведка по происхождению (Соколовская — это фамилия мужа), проявляла особый интерес. Сохраняют свое значение вследствие насыщенности архивным материалом и другие работы Т.О. Соколовской⁵⁸.

Однако Т.О. Соколовская, при всем уважении ее вклада в науку, профессиональным исследователем, ученым в собственном смысле этого слова все же не была, и работы ее носят, в известной мере, любительский оттенок. Характер их зачастую таков, что не всегда ясно, что же было основным для автора: поиск истины или же пропаганда масонства⁵⁹.

Продолжателем дела А.Н. Пыпина по разработке истории масонства Александровского времени стал в начале XX века В.И. Семевский: его большая работа «Политические и общественные идеи декабристов»⁶⁰ и цикл статей «Декабристы-масоны», опубликованный в журнале «Минувшие годы» за 1908 год⁶¹. Несмотря на то что последняя работа В.И. Семевского посвящена сравнительно узкой проблеме — декабристы-масоны, содержание ее далеко выходит за очерченные в названии рамки.

Заметной вехой в историографии русского масонства стал выход в Москве в 1914—1915 гг. в свет коллективного двухтомника «Русское масонство в его прошлом и настоящем» под редакцией С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова⁶². Среди авторов: А.М. Васютинский, В.Н. Перцев, А.В. Семека, В.Н. Тукалевский, Н.И. Пиксанов, М.В. Довнар-Запольский, Т.О. Соколовская, И.С. Шумигорский, И.Н. Розанов, Н.К. Кульман. Собственно говоря, это первый и пока единственный в нашей историографии опыт обозрения всей истории масонства, причем не только в России, но и в Европе и Северо-Американских Соединенных Штатах. Правда, следует иметь в виду, что изложение материала в опубликованных томах не выходит за рамки начала XIX века. Готовился и третий том, который должен был быть посвящен масонству XX века, однако из-за событий 1917 года и гражданской войны в России в свет он так и не вышел. Ценным фрагментом этого так и не увидевшего свет тома является работа А.А. Борового «Современное масонство на Западе»⁶³, вышедшая в Москве в 1923 году.

Существенным вкладом в разработку истории масонства явилась магистерская диссертация В.И. Вернадского «Русское масонство в царствование Екатерины II»⁶⁴, защищенная им в 1917 году на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Монография ученого (в 1999 году в Москве вышло второе издание этого труда) носит проблемный характер и в историографическом плане примыкает к работам А.Н. Пыпина. Заслуживает внимания и примыкающий к этой работе очерк Г.В. Вернадского о Н.И. Новикове⁶⁵, опубликованный в Петрограде в том же 1917 году.

В отличие от либералов национально-консервативная мысль долгое время как бы не замечала масонства. Революция 1905 года, созыв Государственной думы и резко активизировавшаяся в связи с этим деятельность прозападных, либеральных сил в обществе — все это заставило ее пересмотреть свою позицию, и

публикации на тему «происков масонов» стали обычными для консервативной прессы тех лет. Из крупных работ на эту тему обращают на себя внимание книги А.А. Бронзова⁶⁶, М.А. Бутми⁶⁷, А. Селянинова⁶⁸ и графини С.Д. Толь (урожденной Толстой)⁶⁹, авторы которых, ссылаясь на сочинения зарубежных, прежде всего французских историков и публицистов, единодушно отмечают антирусский, антигосударственный и шире — антихристианский характер деятельности масонских лож.

Продолжением национально-патриотической струи в изучении или, правильнее, освещении истории русского масонства стали после 1917 года публикации ряда эмигрантских авторов Н. Свиткова⁷⁰, Г.В. Бостунича⁷¹, Н.Е. Маркова⁷², В.Ф. Иванова⁷³ и Бориса Башилова (Михаил Алексеевич Поморцев, 1907—1970)⁷⁴. Научного значения эти работы не имеют, да, судя по всему, авторы их и не ставили перед собой такой цели. Наиболее интересные из них — сочинение Василия Иванова и «История русского масонства» Бориса Башилова, неоднократно переиздававшиеся в 1990-е годы. Несмотря на очевидную тенденциозность и недостаточную фундированность этих работ (а может быть, как раз вследствие этого), авторам удалось, как представляется, убедительно показать разрушительную роль деятельности ордена «вольных каменщиков» в России. Составлением перечня русских масонов XVIII — первой четверти XIX века, а также популяризацией масонского вклада в русскую историю и культуру занималась в эмиграции Т.А. Бакунина (Осоргина)⁷⁵. Ее работа «Знаменитые русские масоны» была опубликована в Париже еще в 1931 году, почти одновременно с книгой Н. Свиткова. В 1991 году увидело свет и второе, московское издание этого труда.

Особую ценность для историка имеет работа Т.А. Бакуниной «Le repertoire biographique des francs-masons ruses (XVIII et XIX secles)». Первое издание ее, осуществленное в 1940 году в Брюсселе, погибло, вследствие чего исследователю следует ориентироваться на второе, парижское издание 1967 года. Чисто масонский взгляд на историю эмигрантских лож 1920—1940-х годов отражен в работе В.Л. Вяземского «Первая четверть века существования зарубежного масонства»⁷⁶.

В самой же России после 1917 года обращение к истории масонства долгое время считалось неактуальным для советских историков, и затрагивалась она в их трудах попутно, вскользь, в связи с другими сюжетами. Особенно много здесь сделали литературоведы и философы — специалисты по истории русского просвещения XVIII века (работы П.К. Алефиренко⁷⁷, Г.П. Макогоненко⁷⁸, Е.Г. Плимака⁷⁹, С.М. Некрасова⁸⁰). Определенный интерес в связи с историей движения декабристов проявляли к масонству и профессиональные историки (Н.М. Дружинин⁸¹, М.В. Нечкина⁸²).

Господствующим в эти годы был тезис о реакционном или

по крайней мере консервативном характере русского масонства (Г.П. Макогоненко, Е.Г. Плимак, С.М. Некрасов). В то же время в ряде работ (В.П. Семенникова⁸³, А.И. Болдырева⁸⁴, Ю.М. Лотмана⁸⁵, Б.И. Краснобаева⁸⁶) осторожно проводился взгляд на масонство как на прогрессивную (с рядом оговорок, конечно) струю в русской общественной мысли.

Резкое изменение общественно-политической ситуации в стране в конце 1980-х — начале 1990-х годов привело к тому, что масоны опять начали входить в моду. Естественно, что в центре внимания наших историков и публицистов оказалось масонство XX века, его роль в событиях 1917 года и влияние ведущих масонских мировых центров на происходящее в современной России⁸⁷. Однако и масонство XVIII—XIX веков не было совершенно забыто. Особенно важно, что неактуальная ранее тема уверенно внедряется в 1990-е годы на университетских кафедрах. Свидетельство этому — кандидатские диссертации А.И. Серкова⁸⁸, А.Е. Виноградова⁸⁹, К.С. Максимова⁹⁰, Л.М. Пахомовой⁹¹, учебное пособие О.П. Ведьмина⁹². По-прежнему, как и в былые годы, внимание исследователей привлекают прежде всего общественно-политические и философские взгляды отдельных представителей русского масонства XVIII века (Н.И. Николаев⁹³, С.В. Аржанухин⁹⁴, Л.М. Пахомова⁹⁵, С.М. Некрасов⁹⁶).

Отрадным явлением последних лет является наметившийся интерес историков к масонству Александровского времени, остававшегося как бы «в тени» у масонства XVIII века: работы А.И. Серкова⁹⁷, В.И. Сахарова⁹⁸, И.Ю. Винницкого⁹⁹, Л.Г. Рогушиной¹⁰⁰, П.В. Акульшина¹⁰¹. Не осталась без внимания исследователей и масонская символика (Д.Д. Лотарева¹⁰²). Появился за прошедшее десятилетие и ряд статей и кратких научных сообщений, затрагивающих те или иные частные аспекты истории русского масонства. Особого внимания здесь заслуживает сборник «Масонство и масоны» Московского открытого педагогического университета, издающийся с 1994 года¹⁰³. Вышло уже три выпуска. Среди авторов статей — О.Ф. Соловьев, А.И. Серков, В.И. Новиков, С.П. Карпачев, Р.А. Городницкий, И.В. Сучков, В.И. Сахаров и другие исследователи.

Преобладающей тенденцией в отечественной историографии последних лет является навязчивое стремление ряда авторов утвердить версию о якобы прогрессивной роли масонов в русской истории. *«Нам представляется, — пишет, например, Н.В. Михайлова, — что масонство играло далеко не последнюю и к тому же прогрессивную роль в истории России рубежа XVIII—XIX веков. Оно не было противоположно философии Просвещения и идеям либерализма, ибо провозглашало терпимость, братство людей, их равенство перед богом (высший закон), то есть то, что всегда объединяет. Кроме того, многие масоны были известными просветителями (Н.И. Новиков, М.М. Херасков и другие)»*¹⁰⁴.

На таких же, по существу, позициях стоят и А.И. Серков¹⁰⁵ и С.П. Карпачев¹⁰⁶.

С тезисом о прогрессивной роли масонства в русской истории и культуре решительно не согласны историки и публицисты консервативно-патриотического направления О.А. Платонов, В.М. Острецов и другие. Наибольший интерес здесь представляет работа профессора О.А. Платонова «Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996»¹⁰⁷ — одна из немногих попыток обозрения истории русского масонства с национально-патриотических позиций. Не согласен с тезисом о прогрессивности русского масонства XVIII–XIX веков и О.Ф. Соловьев, хотя выпадов О.А. Платонова против масонов, или, говоря его словами, «тотального их поношения» на базе «перелицовки и пристрастного толкования данных отечественных и зарубежных архивов», он и не разделяет. Не по душе О.Ф. Соловьеву пришлось и «безудержное» прославление О.А. Платоновым Григория Распутина и дома Романовых¹⁰⁸. Понять это можно так, что сам О.Ф. Соловьев принадлежит к совершенно противоположному О.А. Платонову направлению, ничего общего с русским патриотизмом и православием не имеющему. Парадокс, однако, состоит в том, что и историк, казалось бы, близкого с ним направления — А.И. Серков — тоже подвергся его нападению. Речь идет о резкой рецензии О.Ф. Соловьева на уже упомянутую книгу О.А. Платонова «Терновый венец России» и работу А.И. Серкова «История русского масонства 1845–1945» (СПб., 1997). О претензиях О.Ф. Соловьева к О.А. Платонову мы уже знаем. Основной же недостаток работы А.И. Серкова, по его мнению, — некритическое следование автора оценкам и свидетельствам самих масонов, а также его бездоказательные нападки на критиков ордена, начиная от С.П. Мельгунова и кончая Н.Н. Берберовой¹⁰⁹, с чем нельзя не согласиться.

Условия, в которых приходилось работать русским масонам начала XX века, были уже принципиально совсем другими, нежели у их далеких предшественников: масонство в стране было уже запрещено. Неудивительно, что первые ложи возрожденно-го в 1906 году французского масонства в России вынуждены были действовать здесь крайне осторожно и документальных следов после себя старались не оставлять. Русские масоны, отмечал в своих мемуарах А.Ф. Керенский, *«не вели никаких письменных отчетов, не составляли списков членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества»*¹¹⁰. Отсюда характерная особенность источниковой базы¹¹¹ по истории политического масонства в России начала XX века — львиную долю ее составляют позднейшие интервью, воспоминания и переписка самих масонов. Документов, вышедших

непосредственно из лож начала века, до нас дошло немного. И все-таки они сохранились.

В 1966 году русский эмигрант Борис Элькин опубликовал в Лондоне факсимиле 11 документов со списками членов первых масонских лож в России периода 1906–1908 годов — «Возрождения» (Москва) и «Полярной звезды» (Санкт-Петербург). Хранились они в архиве Верховного совета «Великого Востока Франции», откуда их и извлек публикатор. Поступили туда они от русских «братьев», судя по всему, в 1908 году в связи с необходимостью официального утверждения «Великим Востоком Франции» только что образованных ими в России масонских лож.

Публикация Бориса Элькина¹¹² позволила установить имена 42 русских масонов первого, так сказать, призыва юрисдикции «Великого Востока Франции». Каких-либо сомнений обнаруженные Б. Элькиным документы у исследователей не вызывают, хотя петербургский историк А.В.Островский и попытался было взять под подозрение их подлинность¹¹³. Однако поддержки у исследователей эта крайняя точка зрения не нашла¹¹⁴. В 1993 году факсимильное воспроизведение ряда документов, относящихся к учреждению в конце 1906 года первых масонских лож в России из архива «Великого Востока Франции», осуществил в своей публикации Х.-К.-Х. Кайлер¹¹⁵.

В 1994 году в архив «Великой Ложи Франции» был допущен московский историк А.И. Серков, обнаруживший здесь документацию едва ли не всех эмигрантских лож и все виды их внутреннего делопроизводства¹¹⁶. Большой интерес для историка представляют и пока еще недоступные для исследователя документы русских эмигрантских лож «Великого Востока Франции» в Рукописном отделе Национальной библиотеки в Париже. Из исследователей первой к ним была допущена Н.Н. Берберова. Книга ее, вышедшая в 1986 году на русском языке в Нью-Йорке¹¹⁷, по богатству и уникальности собранного в ней материала по праву может быть отнесена к разряду первоисточников по теме. В 1990 году работа Н.Н. Берберовой была опубликована в журнале «Вопросы литературы» (№ 1, 3–7). В 1997 году вышло наконец и отдельное издание этой книги в нашей стране с послесловием О.О. Коростелева.

Н.Н. Берберова, либеральная писательница и журналистка, всю свою сознательную жизнь провела в окружении «вольных каменщиков» и, будучи человеком любопытным, историю русского масонства XX века знала из первых рук. В свою очередь, и масоны питали к ней полное доверие. Свидетельством этого является допущение ее первой среди исследователей по решению Верховного совета «Великого Востока Франции» к хранящимся в Отделе рукописей Национальной библиотеки в Париже архивам русских эмигрантских лож. Удивление поэтому вызывают напады против Н.Н. Берберовой со стороны А.И. Серкова, по-

дающего ее, вне всякого сомнения, полезную и нужную книгу как «написанную для сведения личных счетов» или, говоря его же словами, «образец беспринципной журналистики»¹¹⁸.

Н.Н. Берберова, доказывает А.И. Серков, специально включила в свой биографический словарь русских масонов начала XX века (666 человек) ряд лиц (А.И. Гучков, Г.Е. Львов, В.И. Вернадский и другие), которые никогда ни в каких ложах заведомо не состояли и состоять не могли¹¹⁹. Какие такие личные счета с уже давно покойными русскими масонами могли быть у престарелой либеральной писательницы и журналистки¹²⁰, восторженно встреченной своими единомышленниками во время посещения ею в 1989 году СССР¹²¹, — остается только гадать. Но вот относительно того, откуда дует здесь ветер, особенно сомневаться не приходится. Это, как доверительно сообщает нам сам А.И. Серков, покойная ныне Т.А. Осоргина (урожденная Бакунина) и ее окружение, возмущенное якобы грубой фальсификацией истории русского масонства в работе Н.Н. Берберовой¹²².

Особое недовольство, причем не только у Т.А. Осоргиной, вызвала концепция Н.Н. Берберовой, которая сводится, по словам А.И. Серкова, к следующему положению: с февраля 1917 г. масоны делали все для продолжения войны и тем самым играли на руку большевикам, в эмиграции же — способствовали признанию Советской власти¹²³. Возмущение масонки Т.А. Осоргиной концепцией Н.Н. Берберовой понять можно. Можно понять, в конце концов, и самого А.И. Серкова: первым и единственным из современных российских историков, допущенных французскими масонами к своим архивам, был именно он. Только при чем здесь наука?

Пристрастность отзыва А.И. Серкова о книге Н.Н. Берберовой вовсе не исключает, однако, осторожного отношения к зафиксированным в ней фактам истории русского масонства. Особенно это важно, когда речь идет о сведениях, почерпнутых Н.Н. Берберовой не из официальных документов, а из ее частных разговоров с лицами, бывшими в свое время прикосновенными к дореволюционному масонству. Прямо надо сказать: комментарии Н.Н. Берберовой к такого рода сообщениям вроде: «слышано от Горького» или «слышано от В.А. Маклакова» — не слишком убедительны и требуют обязательной проверки.

Попадаются в работе Н.Н. Берберовой и ошибки фактического характера¹²⁴. Однако и впадать из-за этого в крайность, как это делает А.И. Серков, тоже не стоит. *«Вызывает лишь удивление, — пишет он в своей последней работе, — что даже в отечественных энциклопедических изданиях появляются ссылки на работу Н.Н. Берберовой, что заставляет серьезно задуматься об уровне российской науки, а точнее, той своеобразной мафии от науки, которая контролирует академические институты, научные фонды и издательства»*¹²⁵. *Мафия в науке или групповщина всегда, ко-*

нечно, существовала, но какое отношение имело и имеет это обстоятельство к Н.Н. Берберовой? Думается, что никакого. При всем критическом отношении к работе Н.Н. Берберовой игнорировать ее, к чему призывает А.И. Серков, добросовестный историк не вправе.

Камень, о который споткнулся А.И. Серков, — это некритическое восприятие им масонской историографии в собственном смысле этого слова, то есть книг и статей по истории русского масонства, написанных во Франции самими масонами: «Записка о русском масонстве» Л.Д. Кандаурова, «История русского масонства первой половины XX века» П.А. Бурышкина (1887—1953), а также работы В.Л. Вяземского, Б.Н. Ермолова и К.К. Грюнвальда. Несмотря на внешнюю привлекательность их трудов (широкое использование документов масонских архивов и устных свидетельств «братьев», помогавших авторам своими консультациями), характерное для них отсутствие критического подхода к предмету исследования привело к тому, что рассчитывать на научные открытия здесь не приходится. Другое дело — чисто формальная сторона истории русских масонских лож в эмиграции. С этой точки зрения труды «братьев»-масонов имеют, конечно, огромное значение.

К сожалению, только небольшое из написанного в этом плане «братьями»: работа К.К. Грюнвальда¹²⁶, доклад В.Л. Вяземского¹²⁷, небольшие отрывки из остающихся еще не опубликованными работ П.А. Бурышкина¹²⁸, Л.Д. Кандаурова¹²⁹ и М.А. Осоргина¹³⁰ — опубликовано; все остальное — в архивах. За исключением записки Л.Д. Кандаурова, хранящейся в Российском центре хранения историко-документальных коллекций в Москве (ф. 730, оп. 1, д. 173), все они, как правило, разбросаны по библиотекам и архивохранилищам Франции и практически недоступны для отечественных исследователей.

Во многом своему появлению они были обязаны деятельностью образованной после войны (1948) при Совете объединения русских лож Древнего и принятого шотландского устава Историко-архивной комиссии. Возглавлял ее П.А. Бурышкин. Сам он взялся было за составление по масонским архивам общего обзора истории русского масонства первой половины XX века. В ходе этой работы, помимо официальной масонской документации, им были использованы воспоминания и консультации ряда «братьев». Особый интерес представляет для нас первая часть его труда, посвященная истории русского масонства начала XX века. Работа П.А. Бурышкина не была опубликована. Более того, даже собрать отдельные главы ее, разбросанные ныне по архивохранилищам и библиотекам Франции, как свидетельствует А.И. Серков, далеко не простая задача¹³¹. Как и работа Н.Н. Берберовой, основанная на недоступном пока еще для исследователей архивном материале и устных беседах с «братя-

ми», труд П.А. Бурышкина, как, впрочем, и труды его коллег, вполне можно отнести к разряду первоисточников.

Из отечественных архивных фондов большой интерес всегда вызывали и вызывают материалы Департамента полиции в ГАРФ, архивно-следственные дела масонов из Архива бывшего КГБ СССР и масонские коллекции, отложившиеся в Особом архиве в Москве (ЦХИДК РФ). Интерес историков к материалам Департамента полиции понятен: кому, как не ему, было следить за поисками масонов. *«Допустить, что Департамент полиции не располагал о них (политических масонах. — Б.В.) никакими сведениями, не представляется возможным, так как в распоряжении Департамента имелаась огромная армия провокаторов», — справедливо отмечает в связи с этим А.В. Островский*¹³². Армия такая у Департамента действительно была, и она, конечно же, не дремала. Свидетельство тому — отложившееся в бумагах Департамента полиции 7-томное дело «О масонах». Ближайшее знакомство с ним (О.Ф. Соловьев¹³³, А.Я. Аврех¹³⁴) показало, однако, что в поле зрения Департамента полиции находилось не политическое, а оккультное масонство — члены разного рода мистических кружков и групп. Никакой угрозы империи они не представляли, и наблюдение за ними было заведомо пустой тратой сил и средств.

Действительно ли Департамент полиции взял ложный след, как думал А.Я. Аврех¹³⁵, или же материалы слежки за политическими масонами в архиве Департамента полиции все-таки существовали, но были уничтожены после 27 февраля 1917 года заинтересованными лицами, мы не знаем. Не исключено, впрочем, что они разделили судьбу материалов, связанных с появлением и распространением в России так называемых «Сионских протоколов», на что прозрачно намекал в свое время хорошо осведомленный В.Л. Бурцев. *«С весны 1917 года, — отмечал он, — все архивы Департамента полиции находились в распоряжении исследователей, кто не мог быть не заинтересован в разоблачении этой подделки. Сколько нам было известно, некоторые из них специально занимались этим вопросом»*¹³⁶. Интересовались материалами слежки за собой и «братья»-масоны, свидетельством чего является подготовленная в том же 1917 году по материалам Департамента полиции публикация масона П.Е. Щеголева¹³⁷. Так что подозрения на этот счет вполне резонны¹³⁸.

Как бы то ни было, из сохранившихся в Департаменте полиции материалов видно, что многое, правда не из русских, а из французских источников (записки по масонству его секретных агентов в Париже — Б.К. Алексеева (1910 год, напечатаны в публикации П.Е. Щеголева) и Л.А. Ратаева¹³⁹ (1911–1914 гг.) о политических масонах Департамент полиции все-таки знал¹⁴⁰. Не исключены новые находки документов по истории думского масонства и в архивах бывшего КГБ СССР. Первой ласточкой

здесь стали использованные проф. Н.Н. Яковлевым в вышедшей в 1974 году книге «1 августа 1914 года» свидетельство масона А.А.Велихова и отрывки из показаний в ОГПУ одного из руководителей русского масонства в дореволюционной России Н.В. Некрасова. В 1998 году масонские показания Н.В. Некрасова были опубликованы в полном виде в журнале «Вопросы истории»¹⁴¹. Ввиду высокого положения Н.В. Некрасова в масонской иерархии — генеральный секретарь Верховного совета «Великого Востока народов России» в 1910–1912 гг. и 1915 г. — показания его (а они достаточно подробны) поистине бесценны для историка.

Курьезными в этой связи выглядят дилетантские попытки ряда исследователей (В.В. Поликарпов¹⁴², В.М. Панеях¹⁴³), никогда до этого историей масонства не занимавшихся, объявить показания Н.В. Некрасова в НКВД СССР от 13 июля 1939 года «полностью сфабрированными», а саму проблему политического масонства в дореволюционной России — «происками черносотенцев». *«Теперь, в связи с публикацией этой фабрикации (показания Н.В. Некрасова. — Б.В.), — пишет В.М. Панеях, — и показом (В.В. Поликарповым, конечно. — Б.В.) ее истоков и целей, рухнула вся лживая версия о масонском заговоре, а вместе с ней и научная репутация тех исследователей, которые ее поддерживали»*¹⁴⁴. Злорадства и апломба у В.М. Панеяха, таким образом, хоть отбавляй. Да и заявка, которую делают гг. В.В. Поликарпов и В.М. Панеях, одним росчерком пера перечеркивающие все достижения как отечественной, так и зарубежной историографии в этом вопросе, весьма и весьма, как видим, серьезна. К ней бы еще хотя бы мало-мальский источниковедческий анализ документа, объявленного ими «фальшивкой». Но ничего этого у В.В. Поликарпова и В.М. Панеяха, конечно же, нет и в помине. Не тот, как говорится, уровень у господ критиков. Зато неприязни к нашему недавнему прошлому и несогласным с ними коллегам в их публицистически-историографических эссе хоть отбавляй. Нет, к сожалению, главного — удовлетворительного владения источниками и литературой вопроса.

*«После прочтения введения Поликарпова, — возмущенно писал в связи с этим один из старейших и знающих наших масоноведов либерального толка, петербургский профессор В.И. Старцев, — у неискушенного читателя может возникнуть впечатление, что собственноручные показания Некрасова есть единственный источник, доказывающий существование масонства в России, который на самом деле сфабрикован еще в 1939 году, а затем пущен в оборот КГБ»*¹⁴⁵. И далее почтенный ученый чуть ли не на пальцах вынужден доказывать дилетанту В.В. Поликарпову, что это совсем не так, что существует, причем достаточно много, и других источников, вполне достоверных.

Но уж коли речь зашла конкретно о собственноручных по-

казаниях Н.В. Некрасова 13 июля 1939 года, то «изюминка» их, и это не секрет для специалистов, как раз и состоит в том, что *«они ни в чем не противоречат мемуарам и документам, обнаруженным в свободных странах. Сопоставление каждого факта, упоминаемого Некрасовым, с аналогичными материалами, опубликованными или хранящимися за рубежом, показывает полное их совпадение. Это я называю, — подчеркивает В.И. Старцев, — проверкой его (Н.В. Некрасова. — Б.В.) показаний по первоисточникам»*¹⁴⁶. И проверка эта, от которой, по понятным причинам, уклонились гг. Поликарпов и Панеях, добавим мы от себя, неопровержимо свидетельствует, что масонские показания Н.В. Некрасова — это не фальшивка КГБ, а вполне полноценный, заслуживающий доверия исследователь исторический источник. Из этого вовсе не следует, что с таким же доверием мы можем относиться ко всем другим показаниям Некрасова следователям НКВД. Напротив, делать этого ни в коем случае нельзя. *«Каждое из них, — резонно замечает в этой связи В.И. Старцев, — заслуживает самостоятельного разбора»*¹⁴⁷.

Появление письма В.И. Старцева не было случайностью. Дело в том, что, несмотря на свои демократические убеждения, отношения его с либеральной историографией были далеко не безоблачны. Причем камнем преткновения между ними как раз и являлась масонская тема. Здесь надо иметь в виду, что историки-либералы, вполне солидаризируясь в этом отношении с марксистской историографией, старательно доказывали и доказывают, что никаких масонов в XX веке в России не было, а если и были, то ненастоящие, и сколько-нибудь серьезного влияния на революционные события 1917 года они не оказали. Характерны в этом отношении такие, казалось бы, маститые исследователи, как доктора наук Г.И. Злоказов и Г.З. Иоффе. *«В формировании Временного правительства, — пишут они, — определенную роль, возможно, сыграла негласная организация политического масонства, возникшая приблизительно в 1905–1907 годах...»*¹⁴⁸

Вот так-то, уважаемый читатель. Возможно, политические масоны все-таки сыграли определенную роль в событиях 1917 года, а возможно, и нет. Ничего конкретного по этому вопросу сказать нам господа Злоказов и Иоффе не могут или, вернее, не хотят. В.И. Старцев же, надо отдать ему должное, открещиваясь от теории «масонского заговора», говорил, и говорил вполне определенно о несомненно *«большой роли» масонского фактора в «усилении революционной ситуации в конце 1916-го — начале 1917 г.»*. *«Что же касается Временного правительства, то численность масонов в нем, согласно его изысканиям, «непрерывно росла». В целом же период с февраля по октябрь 1917 года характеризуется им как время «наибольшего влияния в России тайного политического союза»*¹⁴⁹.

Показания Н.В. Некрасова, опубликованные В.В. Шелохаевым и В.В. Поликарповым, только подтвердили наблюдения и выводы, сделанные ранее В.И. Старцевым. Объявление же их публикаторами «фальшивкой» справедливо было расценено им как попытка поставить под сомнение не только результаты его многолетних исследований на эту тему, но и его профессиональную репутацию ученого-историка. Отсюда его резкая и, можно сказать, мгновенная реакция на их публикацию.

Впрочем, и у В.В. Поликарпова с В.М. Панеяхом нашлись последователи. Так, известный историк Р.Ш. Ганелин убежден, со ссылкой на предисловие В.В. Поликарпова к показаниям Н.В. Некрасова, что тема эта, оказывается, специально была внедрена в 1970-е годы в нашу историческую науку «*по секретному и прямому указанию Председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова и ген. Ф.Д. Бобкова через голову ведавших идеологией отделов ЦК КПСС и существовавшего при нем Института марксизма-ленинизма и даже вопреки им. Цель состояла в том, чтобы, ввиду поражения официальной идеологии в спорах с диссидентами, изготавить «книги должного направления», помогающие борьбе с «нигилистами», «демократами» и «русофобами». Возможно, исторические взгляды Председателя КГБ и его подчиненного и специфический характер их образованности не приучили их к осторожности в обращении с историей и с масонской темой в частности (ген. Бобков охотно делился своими познаниями в области истории России накануне 1917 г., в том числе и о масонах, хотя даже симпатизировавший ему собеседник-историк считал эти познания «пугающе громадными»)», но истинную цену показаний арестованных их ведомством, добытых во время допросов, они не могли не знать. И показания Н.В. Некрасова, деятеля Временного правительства, данные в НКВД в 1939 г. перед расстрелом в 1940 г., со сведениями о масонах были пущены в оборот под видом «рассказов» или «воспоминаний», записанных то ли самим Некрасовым, то ли кем-то с его слов. На эту удочку попались многие, в том числе Берберова, автор книги о масонстве, изданной за границей.*

Операция удалась. Масонская тема с середины 70-х годов стала фигурировать в исторической литературе», — с огорчением констатирует этот исследователь¹⁵⁰.

Как видим, В.В. Поликарпов далеко не одинок в своем нигилизме в отношении возможностей использования показаний Н.В. Некрасова как полноценного исторического источника. Более того, близкое знакомство с реалиями постсоветской историографии показывает, что в данном случае мы имеем дело с общим и куда более опасным явлением, заключающимся в навязчивом стремлении ряда демократически, так сказать, ориентированных историков и публицистов, объявив для начала

фальшивкой архивно-следственные дела ОГПУ НКВД СССР¹⁵¹, поставить под сомнение источниковую базу официального происхождения так называемого «сталинского периода» русской истории в целом как сфальсифицированную (Н.Н.Покровский¹⁵², И.В. Павлова¹⁵³).

Поскольку в основе данной книги в той ее части, где речь идет о религиозно-мистических кружках и братствах 1920—1930-х годов, как раз и лежат широко использованные автором архивно-следственные дела ОГПУ—НКВД СССР, есть смысл остановиться на этом сюжете. Дело в том, что традиционные позитивистские приемы исторической критики при изучении истории советского общества и так называемый «объективистский подход», когда во главу угла ставится первоисточник, наиболее рьяных критиков нашего недавнего прошлого уже не удовлетворяют, так как дают под пером добросовестных исследователей достаточно благоприятный облик советского строя. А это им как раз совсем не нужно. Дело дошло до того, что в последнее время оказались подвергнуты жесткой критике за «апологию сталинизма» вследствие присущего им «стремления к объективности подхода» и «неадекватность» интерпретации ими источников сталинского времени не только наши, но даже и западные историки так называемого «ревизионистского» направления¹⁵⁴.

Оказывается, доверчиво поясняет нам сибирский историк И.В. Павлова, есть источник и источник. Одно дело — источники, отложившиеся в так называемых «свободных» странах. Здесь научный объективизм и следование фактам вполне уместны. И совсем другое дело — источники, отложившиеся в архивах «империи зла», тоталитарного государства под названием СССР. В отличие от западных стран, здесь нужен совершенно другой подход, так как мы имеем дело с *«глубоко идеологизированными источниками»*, уже изначально искажающими смысл событий. *«Такого рода искажения, — поясняет она, — заложены в существе тех источников, которые оставляют после себя идеологические государства (идеократии), задающие посредством табуированного языка особое видение событий, соответствующее искаженному сознанию тех, кому эти документы адресованы»*¹⁵⁵.

При работе с источниками сталинского периода данные их, рекомендует И.В. Павлова, надо не только проверять и сопоставлять, но еще и подправлять или корректировать *«оценкой событий того времени с позиций нравственности»*¹⁵⁶.

*«Нравственная позиция историка (в смысле осуждения сталинизма, так как именно об источниках этого периода русской истории идет речь. — Б.В.), — наставляет она, — имеет первостепенное значение при работе с материалами уголовно-следственных дел, которые создавались в органах ОГПУ—НКВД»*¹⁵⁷.

Субъективизм и произвольность «нравственной оценки прошлого» И.В. Павлову, похоже, не смущают. Идеологическая

ангажированность новаций этой исследовательницы очевидна. Налицо не только явная неприязнь к нашему советскому прошлому, но и еще плохо скрытое желание при помощи навязываемого исследователям «категорического нравственного императива» в угоду современной идеологической и политической конъюнктуре основательно очернить его. Чем такой, нравственный, так сказать, подход к источникам советской истории принципиально отличается от классового и партийного подхода как нашего недавнего прошлого, так и от «фальсификаций сталинского периода», знает, видимо, одна только И.В. Павлова.

В 1990-е годы внимание исследователей оказалось привлечено к масонским материалам Российского центра хранения историко-документальных коллекций в Москве¹⁵⁸. Речь идет о части довоенных масонских архивов, захваченных в свое время немцами в оккупированных странах Западной Европы¹⁵⁹. В 1945 году в качестве военных трофеев они были перевезены в Москву, где и пролежали «под спудом» до горбачевской «перестройки». Поражает очевидное богатство представленных здесь материалов: только фонд «Великого Востока Франции» (ф. 92) составляет более 17 тысяч единиц хранения, более 2000 единиц хранения насчитывает фонд «Великой ложи Франции» (ф. 93), 763 дела — «Верховный совет Франции» и т.д.

Важные для истории русских эмигрантских лож 1920–1930-х годов в Европе, материалы эти мало что дают, однако, для истории собственно русского масонства в нашем отечестве до 1917 года. Наибольший интерес представляют здесь играющие роль первоисточника сообщения М.С.Маргулиеса «О возрождении масонских лож «Великого Востока Франции» в России в 1906–1908 годах» (РЦХИДК, ф. 112, оп. 2, д. 26) и уже упоминавшаяся нами «Записка о русском масонстве» Л.Д. Кандаурова 1929 года (РЦХИДК, ф. 730, оп.1, д. 173)¹⁶⁰.

Как правило, продуктивным для раскрытия темы «масоны и масонство начала века в России» оказывается обращение к личным фондам «братьев-каменщиков»: А.В. Амфитеатрова (РГАЛИ, ф.34), В.А. Маклакова (ОПИГИМ, ф. 1036), Г.Н. Вырубова (РГАЛИ, ф. 1036), А.И. Сумбатова-Южина (РГАЛИ, ф. 878, оп. 1), Е.В. Аничкова (РГАЛИ, ф. 1008), М.М. Ковалевского (Архив РАН, ф. 103) и других.

Поскольку отделить общественно-политическую деятельность от деятельности «братской», масонской едва ли возможно, значение этого рода материалов для историка не подлежит сомнению, хотя собственно масонские сюжеты в отложившихся здесь документах, как правило, редки. Но есть и счастливые исключения, как, например, личный фонд известного революционера-народника Николая Васильевича Чайковского в Государственном архиве Российской Федерации (ф.5805): черновики масонских выступлений фондообразователя, его записные книж-

ки, масонские дипломы, устав «Великого Востока народов России», письма к нему таких известных масонов, как М.А. Алданов, Н.П. Вакар, Б.В. Савинков¹⁶¹, и других.

При дефиците архивного материала по теме важное значение в деле воссоздания истории политического масонства начала века приобретает мемуарная литература, дневники, письма и интервью масонов. Начало ее изданию в СССР было положено еще в 1920-е — начале 1930-х гг.: воспоминания В.А. Поссе¹⁶², В.Д. Бонч-Бруевича¹⁶³, Андрея Белого¹⁶⁴. Но погоду здесь делали, разумеется, не отрывочные упоминания о масонах и масонстве советских мемуаристов, а письма, воспоминания и интервью масонов, оказавшихся после 1917 года на Западе. Правда, на публичные выступления на масонскую тему они, как правило, не шли, памятуя о клятве молчания, но в частных доверительных беседах и письмах могли рассказать, а в ряде случаев и рассказывали многое. Этим и воспользовался русский эмигрант Борис Иванович Николаевский. Собранные им в 1920-е годы воспоминания, письма и интервью бывших русских политических масонов начала века оказались после его смерти в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете в США. В 1989—1990 гг. эти материалы были опубликованы в Москве Юрием Фельштинским¹⁶⁵ и ленинградским профессором В.И. Старцевым¹⁶⁶. Они-то, собственно, и составляют основной блок источников по теме: воспоминания Д.И. Бебутова, интервью Н.С. Чхеидзе, А.Я. Гальперна, Е.П. Гегечкори, М.С. Маргулиеса, В.Я. Гуревича, В.М. Шаха и др.¹⁶⁷

Из мемуарных свидетельств о политическом масонстве, не вошедших в книгу Б. Николаевского, наиболее важны воспоминания А.В. Амфитеатрова¹⁶⁸, И.В. Гессена¹⁶⁹, В.А. Оболенского¹⁷⁰, Л.К. Чермака¹⁷¹, А. Тырковой-Вильямс¹⁷². Дополнением к ним могут служить также мемуары А.Ф. Керенского¹⁷³, П.Н. Милюкова¹⁷⁴, С.П. Мельгунова¹⁷⁵, письма Е.Д. Кусковой¹⁷⁶, очерки и воспоминания памяти А.И. Браудо¹⁷⁷ и др.

Если для масонов политических продолжение деятельности после 1917 года в прежнем ключе было уже невозможным, то масонство мистическое или оккультное не только возобновило после Октябрьской революции свои тайные работы, но и переживало в 1920-е годы своеобразный ренессанс. Основным источником для его истории, наряду с семейным архивом одного из руководителей ордена martinистов в Москве П.М. Казначеева (ОР РГБ, ф. 116) и масонской коллекции Музея истории религии в Санкт-Петербурге являются документы официального характера: материалы слежки за оккультистами, отложившиеся в Департаменте полиции и хранящиеся ныне в ГАРФ, и архивно-следственные дела масонских сообществ 1920—1930-х годов из архивов бывшего КГБ СССР. Часть документов этого рода, относящихся к истории martinистов¹⁷⁸, тамплиеров¹⁷⁹ и

розенкрейцеров¹⁸⁰ 1920—1930-х годов, уже опубликована, другие еще ждут своего часа. Несмотря на предубеждение, еще существующее у ряда историков относительно использования архивно-следственных дел ОГПУ в исторических исследованиях («фальшивки ОГПУ»), препятствия, которые неизбежно встают перед исследователем на этом пути, вполне преодолимы¹⁸¹.

Ценным дополнением к архивно-следственным материалам ОГПУ—НКВД СССР является мемуарная литература. Особый интерес здесь представляют воспоминания самих участников оккультных кружков и групп. Связанные обетом молчания, авторы их, как правило, немногословны. Но есть и исключения: Андрей Белый¹⁸², М.Н. Жемчужникова¹⁸³, М. Волошина¹⁸⁴, С.М. Эйзенштейн¹⁸⁵, Е.А. Шиповская¹⁸⁶.

Собственно, то, что масоны в России в предреволюционные годы были, знали, кажется, все. Да и персоналии русских «вольных каменщиков» были у всех на слуху; о них чуть ли не ежедневно напоминала правительству национально-консервативная печать. Любопытен в этом отношении пассаж Андрея Белого: *«...Мысль о тайных организациях во мне оживала... Заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; будучи в целом не прав, кое в чем был я прав. Но попробуй в те годы заговорить о масонстве как темной силе с кадетами? В лучшем случае получил бы я дурака: какие такие масоны? — Их нет. В худшем случае меня заподозрили бы в бреде Шмакова. Теперь, из 1933 года все знают: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов... оказались реальными деятелями моих бредней, хотя, вероятно, играли в них такую пассивную роль. Теперь обнаружено документально: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне»*¹⁸⁷.

О каких документальных данных о масонах писал А. Белый, мы можем только догадываться. Одно несомненно: ни само русское масонство начала века (см. доклад М.С.Маргулиеса «О возрождении масонства «Великого Востока Франции» в России 1906—1908 гг.»¹⁸⁸), ни его секретные планы более позднего времени действительно большим секретом уже в 1920-е годы ни для кого не являлись. Все было, как говорится, на виду¹⁸⁹. Надо было только собрать и профессионально обобщить имевшийся на этот счет материал.

Сделал это уже давно интересовавшийся масонством С.П. Мельгунов. В вышедшей в 1931 году в Париже книге «На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года» этот известный эмигрантский историк пришел к твердому выводу о существовании масонского заговора накануне и в феврале 1917 года. Вопреки распространенному тогда мнению, отнюдь не так называемый «Прогрессивный блок» (1915) был центром, вокруг которого объединялись буржуазные заговор-

щики. Центром таким, утверждал С.П. Мельгунов, была тщательно законспирированная масонская организация¹⁹⁰.

Книга С.П. Мельгунова пробила первую брешь в стене молчания в среде либеральной эмиграции во Франции вокруг политического масонства и его роли в революционных событиях 1917 года. Правда, о заговоре как таковом старались прямо не говорить, сводя все дело к роли негласных масонских связей в событиях этого времени (И.В. Гессен¹⁹¹, П.Н. Милюков¹⁹², А. Тыркова-Вильямс¹⁹³). Лед тем не менее тронулся, хотя понадобилось еще несколько десятилетий, прежде чем верная по своей сути версия С.П. Мельгунова стала обретать наконец в исследованиях историков зримые, осязаемые черты.

Следующий шаг в этом направлении сделал Григорий Аронсон. В октябре 1959 года в эмигрантской газете «Новое русское слово» он опубликовал подборку из четырех статей под общим названием «Масоны в русской политике». Проблема масонского заговора накануне февральской революции 1917 года получила у Г.Я.Аронсона свое дальнейшее развитие. Особенно неприятным для оставшихся еще в живых «вольных каменщиков» был его вывод о связи русских политических масонов начала XX века с большевиками¹⁹⁴.

Переломными в буквальном смысле этого слова в историографии русского политического масонства начала века стали, несомненно, 1960-е годы: издание в 1966 году Борисом Элькиным подлинных масонских документов начала века¹⁹⁵, публикации на масонскую тему Натана Смита (1968)¹⁹⁶, Л.Хаимсона (1965)¹⁹⁷, выход книг Джорджа Каткова «Россия. 1917. Февральская революция» (Лондон, 1967)¹⁹⁸ и Григория Аронсона «Россия накануне революции» (Нью-Йорк, 1962)¹⁹⁹, воспоминаний А.Ф. Керенского (Нью-Йорк, 1965)²⁰⁰, В.А.Оболенского²⁰¹ сделали свое дело, и то, что так долго и тщательно скрывалось, стало наконец явным.

Еще более это обозначилось в 1980-е и 1990-е годы, когда усилиями ряда исследователей (Н. Смит²⁰², Б. Нортон²⁰³, Л. Хасс²⁰⁴, Х. Кайлер²⁰⁵) удалось подвергнуть своеобразной инвентаризации источниковую базу по теме. Ощутимые успехи, достигнутые в это время западной историографией в исследовании русского политического масонства начала века, способствовали тому, что за разработку этой проблемы поневоле вынуждены были взяться и советские историки. Правда, на первых порах они попытались было подвергнуть сомнению сам факт существования русских политических масонов в начале XX века. Показательна в этом отношении разгромная рецензия Ю.И. Игрицкого на книгу Джорджа Каткова, опубликованная в 1968 году на страницах журнала «История СССР»²⁰⁶. Однако уже в начале 1970-х годов тема эта (в разоблачительном по отношению к масонам контексте, конечно) получила неожиданную прописку и

в советской историографии. В 1974 году издательство «Молодая гвардия» массовым тиражом напечатало книгу историка-американиста Н.Н. Яковлева «1 августа 1914 года», наиболее интересными страницами которой, собственно, и стали те из них, которые были посвящены роли масонов в событиях «победоносного» февраля 1917 года.

Опираясь как на уже известные к тому времени источники, так и источники новые, впервые введенные им в научный оборот (показания бывшего генерального секретаря Верховного совета «Великого Востока народов России» Н.В. Некрасова, данные им в 1920—1930-х гг. в ОГПУ—НКВД СССР), Н.Н. Яковлев не только показал реальность самого факта существования думского масонства в России, но и впервые в советской историографии четко определил его роль и место в политической борьбе предреволюционных лет. Масонство, пришел к выводу Н.Н. Яковлев, играло роль «теневого штаба» либеральной буржуазии в борьбе за власть и, фактически, являлось руководящим центром в подготовке февральской революции в России²⁰⁷.

Как и следовало ожидать, реакция историков на книгу Н.Н. Яковлева была неоднозначной. Наиболее резко с ее критикой выступила «старая гвардия»: И.И. Минц²⁰⁸, Е.Д. Черменский²⁰⁹ и М.К. Касвинов²¹⁰, обвинившие автора чуть ли не в возрождении «черносотенной» легенды о всемирном масонском заговоре. «Стариков» поддержали и авторы так называемого «среднего», послевоенного поколения советских историков: Е.Ф. Ерыкалов²¹¹, О.Ф. Соловьев²¹², А.Я. Аврех²¹³. Они, правда, в отличие от Е.Д. Черменского, не подвергали сомнению сам факт существования политического масонства и необходимость его изучения, но как историки-марксисты, решительно отказывались признать его сколько-нибудь значительную роль в свершившихся в 1917 году событиях, усматривая в таком подходе умаление народного характера февральской революции и роли партии большевиков в ее подготовке. «Масонский сюжет есть, но масонской проблемы нет», — афористично заметил в связи с этим Аврех²¹⁴. С ним не согласились, однако, Б.Ф. Ливчак²¹⁵ и В.И. Старцев²¹⁶.

Тем временем издательство «Молодая гвардия», идя навстречу пожеланиям своих читателей, опубликовало в 1984 году сборник «За кулисами видимой власти»²¹⁷ под редакцией В.И. Старцева. Он же выступил и в качестве автора основных разделов этой книги. Достоинством сборника стало то, что это была первая за все годы Советской власти попытка, пусть и в научно-популярном варианте, но все-таки последовательного изложения истории масонства не только начала XX века, но и за более ранний период. Отражением возросшего общественного интереса к масонской проблеме стал выход в 1976 году книги журналиста-международника Генри Эрнста «Новые заметки по истории со-

временности»²¹⁸, значительное внимание в которой уделено масонским сюжетам.

В научном плане в 1980—1990-е годы разработкой истории русского политического масонства начала XX века, кроме В.И. Старцева²¹⁹, успешно занимались также еще и О.Ф. Соловьев²²⁰, В.Я. Бегун²²¹, В.И. Шульгин²²², Л. Замоиский²²³, А.Я. Аврех²²⁴, А.И. Серков²²⁵, С.П. Карпачев²²⁶, И.С. Розенталь²²⁷, О.А. Платонов²²⁸, В.М. Острецов²²⁹, Д.А. Андреев²³⁰, А.Н. Лунин²³¹, В.Н. Егошина²³². В результате этих усилий история русского думского масонства, правда, пока в самых общих чертах, более или менее прояснилась. Особенно важное значение имела в этой связи публикация в 1989—1990 гг. В.И. Старцевым²³³ и Ю. Фельштинским²³⁴ документов (письма, интервью, воспоминания) историка Б.И. Николаевского, хранящихся ныне в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете в США.

Наибольшие разногласия у историков вызывает проблема масонского заговора в предреволюционные годы и участие «братьев — вольных каменщиков» в событиях февраля — марта 1917 года. Собственно, факт самого заговора сомнений не вызывает. Но вот был ли этот заговор масонским? Н.Н. Яковлев, В.Я. Бегун и О.А. Платонов считают, что да. Напротив, С.П. Карпачев и А.И. Серков, правда, каждый по своим соображениям (первый исходя из того, что масоны-де были не настоящие, то есть не признанные заграничными масонскими центрами, а второй (А.И. Серков), не соглашаясь с этим, доказывает, что кадетское масонство начала века, хотя и было настоящим, но к 1917 году перестало быть масонством и выродилось в некую политическую группу²³⁵), отстаивают прямо противоположное мнение, вольно или невольно уводящее братьев-масонов от ответственности за крах исторической России.

Своеобразную позицию занял в этом споре В.И. Старцев. Не разделяя теории «масонского заговора», он тем не менее признает огромную роль, которую играли масонские связи в консолидации сил либеральной буржуазии на пути к власти. Из историков-масоноведов либерального круга В.И. Старцев был не только самым крупным, но, пожалуй, и единственным, кто (правда, предварительно подстраховавшись утверждением, что «Великий Восток народов России» не был правильной масонской организацией) попытался, хотя и в очень осторожной форме, поставить вопрос о реальной роли масонов в событиях 1917 года²³⁶.

В отличие от масонства политического, думского, интерес к масонству мистическому, оккультному наша историография стала проявлять только в 1990-е годы, что и понятно ввиду того, что большого интереса к политике мистики и оккультисты никогда не проявляли. Пионером здесь оказался А.Я. Аврех. Конечно, сами по себе оккультисты интересовали его мало. На материалы слежки за ними он наткнулся в фонде Департамента

полицейской. Сделав вывод о ложном следе, взятом царской охранкой в ее охоте на масонов (материалов о слежке за масонами политическими обнаружить не удалось), А.Я. Аврех добросовестно изложил все, что было известно полиции об оккультных кружках в России начала XX века²³⁷.

После А.Я. Авреха историей оккультных кружков и групп начала века занимались А.И. Серков²³⁸ и В.С. Брачев²³⁹. История масонских мистических сообществ 1920-х — 1930-х гг. (мартинисты, тамплиеры, розенкрейцеры) привлекла внимание В.С. Брачева²⁴⁰, А.Л. Никитина²⁴¹, О.А. Шишкина²⁴², А.И. Немировского и В.И. Уколовой²⁴³.

Большая и сложная тема — русская культура и масонство — привлекла в последнее время внимание В.И. Новикова²⁴⁴ и В.М. Острцова²⁴⁵. Первому из них принадлежит большая вступительная статья «Масонство и русская культура» к сборнику статей и материалов под таким же названием. В.М. Острцов — автор вышедшей в 1998 году книги «Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки». В идеологическом плане В.И. Новиков и В.М. Острцов — люди, можно сказать, прямо противоположных воззрений. Если первый из них — типичный масонствующий либерал, то В.М. Острцов всецело стоит на ортодоксально-православной точке зрения. Такими же непохожими друг на друга получились и их книги. Исследованию влияния масонства на русскую литературу посвящены работы Н.А. Богомолова²⁴⁶, В.И. Сахарова²⁴⁷ и вышедший в 2000 году сборник статей «Масонство и русская литература начала XIX века»²⁴⁸.

Место масонства в общественно-политической и культурной жизни России конца XIX — начала XX века рассмотрел в своей диссертации (1998) С.П. Карпачев²⁴⁹, книгу которого мы уже упоминали. Роли мистических кружков и групп в культурной жизни страны, но уже после 1917 года посвятил свое исследование А.Л. Никитин²⁵⁰. Ему же принадлежит и исследование поэзии и прозы тамплиеров 1920-х годов²⁵¹. Проблему масонского заговора в отечественной историографии разрабатывает в последнее время В.Э. Багдасарян²⁵², историю Теософического и Антропософского обществ — Е.Л. Кряжева-Карцева²⁵³.

При общей характеристике русского масонства XVIII—XX века крайние точки зрения, независимо от того, идет ли речь об объявлении масонов преступным сообществом (О.А. Платонов) или же, напротив, о попытке подать их как нравственно-философское объединение, чуждое политике (А.И. Серков), не находят поддержки исследователей. При всех разногласиях они предпочитают все же рассматривать масонство не в качестве некоей таинственной самодовлеющей силы, преследующей собственные глобальные цели долговременного порядка, а как средство или орудие в руках определенных общественных групп гос-

подствующего класса, тех или иных политических сил. В разные периоды своего существования в разных странах масонство было все-таки разным, и внимательный исследователь без особого труда обнаружит в нем либеральное и консервативное крыло, республиканцев и монархистов, верующих и атеистов, лиц, искренне преданных ордену, и разного рода авантюристов и проходимцев. В полной мере это относится и к России. Общие характеристики русского масонства типа «прогрессивное» или «реакционное» при таком понимании существа дела мало что дают.

Как явление протестантской западной культуры, масонство в России всегда оставалось принципиально чуждым духу и нравственным ценностям русского народа. С этим, кажется, согласно большинство исследователей. И это, учитывая периодически забрасываемые из-за рубежа после 1991 года на территорию нашей страны различного рода масонские «десанты», призванные возродить былую «мощь и славу» российского вольного каменщичества, прямо скажем, обнадеживает.

Примечания

¹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. X.

² Летописи русской литературы и древности. Т.4. Отд. III. М., 1862. С. 60.

³ Там же. С. 58–60.

⁴ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 016–0159.

⁵ Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщение Д.И. Иловайского // Летописи русской литературы и древности. Т.5. Отд. II. М., 1863. С. 3–96.

⁶ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщены А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб., 1868. С. 91–158.

⁷ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства. СПб., 1868. С. 125–168.

⁸ Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах // Русский архив. 1875. № 3.

⁹ Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 435–479, 641–650.

¹⁰ Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма князя А.Б. Голицына и М. Магницкого к императору Николаю I об иллюминациях // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1–3. См. также: Гордин Я.А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб., 1999.

¹¹ Соколовская Т.О. Устав вольных каменщиков XVIII–XIX веков // Журнал «Море». 1907. № 25–26. См. также: Законы Великой ложи «Астрей» на Востоке Санкт-Петербурга. Ч. 1–2. СПб., 1815–1818.

¹² Серков А.И. Судьбы масонских собраний в России // 500 лет гнозиса в Европе. Амстердам, 1993. С. 28.

¹³ Виноградов А.Е. Масонские собрания в фондах Отдела рукописей // Тезисы научной конференции специалистов Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина. М., 1990. С. 48–50.

¹⁴ Лопухин И.В. Записки сенатора. М., 1990.

¹⁵ Встречи с мартинистами // Аксаков С.Т. Семейные и литературные воспоминания. Т.3. М., 1902.

- ¹⁶ Петровский С.А. Дневник масона А.Д. Тейльса. Тула, 1902.
- ¹⁷ В масонских ложах (дневник Л.А. Симанского). СПб., 1914.
- ¹⁸ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990.
- ¹⁹ Русская старина. 1900. Т.14. С. 629–649.
- ²⁰ Русская старина. 1892. Т.74. С. 565–567.
- ²¹ Русская старина. 1872. Т.5. С. 526–568.
- ²² Вяземский П.А. Сочинения. Т.7. СПб., 1883. С. 175.
- ²³ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 41–47.
- ²⁴ Русская старина. 1887. Т.53. С. 100–104.
- ²⁵ Русская старина. 1901. Т.105. № 11. С. 52–54; Т.106. № 4. С. 157–159.
- ²⁶ Храповицкий А.В. Дневник. М., 1901.
- ²⁷ Елагин И.П. Записка // Русский архив. М., 1864. Вып.1. С. 99–100.
- ²⁸ Модзалевский Б. К биографии Н.И. Новикова. СПб., 1913.
- ²⁹ Русский архив. 1871. С. 1013–1094.
- ³⁰ Русская старина. 1890. Т.67. С. 457–467.
- ³¹ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915.
- ³² Русский архив. 1864. Т.1. С. 94–110.
- ³³ Лопухин И.В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М., 1994. С. 31–37.
- ³⁴ Мартынов И.Ф. Масонские рукописи в собрании Библиотеки АН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги. Л., 1978. С. 252–258.
- ³⁵ Викентьев В.М. Собрание масонских предметов Российского исторического музея. Вып.1. М., 1918; Некрасов С.М. Масонские предметы в Собрании Музея истории религии и атеизма // Атеизм, религия и современность. Л., 1973. С. 206–212.
- ³⁶ Bouryckhine P. Bibliographie sur le Franc-Masonnerie en Russie. Paris, 1967.
- ³⁷ Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы и просвещения. М., 1857. См. также: Лонгинов М.Н. Сочинения. Т.1. М., 1915. С. 251–268.
- ³⁸ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
- ³⁹ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000.
- ⁴⁰ Попов А.Н. Дело Новикова и его товарищей // Вестник Европы. 1868. Кн.4. С. 617–680.
- ⁴¹ Тихонравов Н.С. Четыре года из жизни Карамзина // Русский вестник. 1862. № 4. С. 738–740.

- ⁴² Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России в XVIII веке. СПб., 1869.
- ⁴³ Ешевский С.В. Сочинения. Ч.3. М., 1870. С. 445–568.
- ⁴⁴ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1871.
- ⁴⁵ Пыпин А.Н. Хронологический указатель русских лож от первого введения масонства до запрещения его. СПб., 1873.
- ⁴⁶ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916.
- ⁴⁷ Финдель И.Т. История франкмасонства. Пер. с немецкого. Т. 1, 2. СПб., 1872–1874.
- ⁴⁸ Незеленов А.А. Николай Иванович Новиков — издатель журналов (1769–1785). СПб., 1875.
- ⁴⁹ Ключевский В.О. Воспоминание о Н.И. Новикове // Русская мысль. 1895.
- ⁵⁰ Петровский С.А. Очерки из истории русского масонства в XVIII веке. М., 1890.
- ⁵¹ Суровцев А. И.В. Лопухин. Его масонская и государственная деятельность. СПб., 1901.
- ⁵² Сиповский В.В. Новиков, Шварц и московское масонство // Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор Писем русского путешественника. СПб., 1899.
- ⁵³ Мезьер А.В. В поисках правды и смысла жизни. Очерки из истории русского масонства. СПб., 1906; Тукалевский В. Искания русских масонов. СПб., 1911.
- ⁵⁴ Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб., 1907.
- ⁵⁵ Соколовская Т.О. Масонские знаки // Столица и усадьба. Журнал красивой жизни. 1917. № 89–90. С. 22–25.
- ⁵⁶ Соколовская Т.О. Обрядность прежнего масонства // Русская старина. 1907. № 11.
- ⁵⁷ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822). Пг., 1916.
- ⁵⁸ Соколовская Т.О. Масонство в теории и жизни. СПб., 1906.
- ⁵⁹ Соколовская Т.О. Масонство как положительное движение русской мысли в начале XIX века // Всемирный вестник. 1905. № 5.
- ⁶⁰ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. М., 1905.
- ⁶¹ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 1–50; № 3. С. 127–170; № 5–6. С. 379–433.

- ⁶² Массонство в его прошлом и настоящем. Т. 1–2. М., 1914–1915. В 1991 году в Москве было осуществлено репринтное воспроизведение этого ценного труда.
- ⁶³ Боровой А.А. Современное масонство на Западе. М., 1923.
- ⁶⁴ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
- ⁶⁵ Вернадский Г.В. Николай Иванович Новиков. Пг., 1918.
- ⁶⁶ Бронзов А.А. Современное масонство. СПб., 1912.
- ⁶⁷ Бутми М.А. Франкмасонство и государственная измена. СПб., 1908.
- ⁶⁸ Селянинов А. Тайная сила масонства. СПб., 1911. Есть и современное переиздание (М., 1999).
- ⁶⁹ Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. М., 1914.
- ⁷⁰ Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к январю 1932 года). Составлено на основании масонских документов. Париж, 1932.
- ⁷¹ Бостунич Г.В. Масонство и русская революция. Правда мистическая и правда реальная. Нови-Сад, 1922.
- ⁷² Марков Н.Е. Войны темных сил. Т.1–2. Париж, 1928–1930.
- ⁷³ Иванов В.Ф. От Петра I до наших дней. Русская интеллигенция и масонство. Харбин, 1934.
- ⁷⁴ Башилов Б. История русского масонства. Вып. 1–17. М., 1992–1995.
- ⁷⁵ Шаховской Д.Н. Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина // Из глубины времен. Вып.10. СПб., 1998. С. 196–208.
- ⁷⁶ Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн.161. С. 231–248.
- ⁷⁷ Алефиренко П.К. Общественное движение в Москве во второй половине XVIII столетия // Известия АН СССР. Серия «История и философия». Т.IV. № 6. М., 1947.
- ⁷⁸ Макогоненко Г.П. Новиков и русское просвещение XVIII века. М., 1951.
- ⁷⁹ Плимак Е.Г. Масонская реакция против материализма в России // Вопросы философии. 1957. № 2.
- ⁸⁰ Некрасов С.М. Масонство в России во второй половине XVIII века и критика просветителями его религиозно-мистической идеологии. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1978. Из других работ этого автора см.: Некрасов С.М. Сквозь жар души, сквозь хлад ума. Русские вольнодумцы XVIII века. Л., 1987.

- ⁸¹ Дружинин Н.М. Массонские знаки П.И.Пестеля // Труды Музея Революции Союза ССР. Сборник 2. М., 1929. Эта же работа, но под другим названием: «К истории идейных исканий П.И.Пестеля» была переиздана в «Избранных трудах» ученого (М., 1985. Т. 2).
- ⁸² Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1–2. М., 1955.
- ⁸³ Семенников В.П. Радишев. Очерки и исследования. М., 1950.
- ⁸⁴ Болдырев А.И. Проблема человека в русской философии XVIII века. М., 1987.
- ⁸⁵ Лотман Ю.М. «Сочувственник» А.Н.Радишева А.М.Кутузов и его письма к И.П. Тургеневу // Труды по русской и славянской филологии. Вып. 139. Т. 4. Тарту, 1963.
- ⁸⁶ Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1985.
- ⁸⁷ Лебедев С. Масоны и вокруг них. Библиографический указатель публикаций на русском языке за 1989 год. СПб.; Волгоград, 1991.
- ⁸⁸ Серков А.И. Русское масонство 1800–1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991.
- ⁸⁹ Виноградов А.Е. Российское масонство после правительственного запрета 1822 года. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1992.
- ⁹⁰ Максимов К.С. Общественная деятельность И.П. Елагина. Социально-политический анализ. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1986.
- ⁹¹ Пахомова Л.М. Российское масонство XVIII века как феномен общественно-политической и философской жизни России. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Пермь, 1998.
- ⁹² Ведьмин О.П. Масоны в России (1730–1825). Кемерово, 1998.
- ⁹³ Николаев Н.И. «Внутренний человек» и мир в сознании писателей-масонов 70-х годов XVIII века // Концепты. Вып. 1. Архангельск, 1997. С. 130–156.
- ⁹⁴ Аржанухин С.В. Философские взгляды русского масонства. По материалам журнала «Магазин свободнокаменщицкий». Екатеринбург, 1995. Из других работ С.В. Аржанухина см. его: Очерк истории и теории русского масонства (2-я половина XVIII — 1-я четверть XIX века) // Разум власти прирастает науки. Екатеринбург, 2001. С. 186–205.
- ⁹⁵ Пахомова Л.М. Общественно-политические взгляды русских масонов XVIII века (система розенкрейцерства) // Философские концепции русских мыслителей. Пермь, 1994.
- ⁹⁶ Некрасов С.М. Апостол добра. Повествование о Н.И. Новикове. М., 1994.

- ⁹⁷ Серков А.И. «Племянник» Новикова — А.Ф. Лабзин // Массонство и масоны. Вып. 3. Отв. ред. С.П. Карпачев. М., 1998.
- ⁹⁸ Сахаров В.И. Массонские оды П.И.Голенищева-Кутузова и Н.Ф. Остолопова // Массонство и масоны. Вып. 3. Отв. ред. С.П. Карпачев. М., 1998.
- ⁹⁹ Винницкий И.Ю. Массонская карьера В.Л.Пушкина // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2. С. 173—194.
- ¹⁰⁰ Рогошина Л.Г. «Великая ложа «Астрей» и ее роль в русском массонстве первой четверти XIX века // Россия в XIX веке. Сборник статей. Под ред. В.И. Старцева. Ч. 2. СПб., 1994.
- ¹⁰¹ Акульшин П.В. Массоны Санкт-Петербурга в 1822 году // Петербургские чтения. СПб., 1997. С. 313—315.
- ¹⁰² Лотарева Д.Д. Знаки массонских лож в Российской империи. М., 1994.
- ¹⁰³ Массонство и масоны. Вып.1—3. М., 1994—1998.
- ¹⁰⁴ Михайлова Н.В. Либерализм в России на рубеже XVIII—XIX веков. Автореф. канд. дисс. М., 1998. С. 17.
- ¹⁰⁵ Серков А.И. 250 лет массонства в России. М., 1993.
- ¹⁰⁶ Карпачев С.П. Массонство и масоны в России XVIII — первой четверти XIX века. Краткий очерк истории // Вопросы отечественной истории. Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. А.В.Ушаков. М., 1996. С. 11—27. См. также: Карпачев С.П. Массонство в России // Массоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 32—51.
- ¹⁰⁷ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история массонства. 1731—1996. М., 1996.
- ¹⁰⁸ Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 210.
- ¹⁰⁹ Вопросы истории. 1998. № 9. С. 156.
- ¹¹⁰ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 62—63.
- ¹¹¹ Карпачев С.П. Источники и литература по истории русского массонства конца XIX — начала XX века // Вопросы отечественной истории и историографии. Отв. ред. В.И. Сучков. М., 1998. С. 74—98.
- ¹¹² Elkin Boris. Attempts to Review Freemasonry in Russia // The Slavonic and East European Review. London. July. 1966. Vol.XLIV. № 103. P. 454—472.
- ¹¹³ Островский А.В. Осторожно! Массоны! // Из глубины времен. СПб., 1996. С. 168—175.
- ¹¹⁴ Старцев В.И. Русское политическое массонство начала XX века. СПб., 1996. С. 49—51. В 2001 г. эта работа была переиздана в

Санкт-Петербурге, получив при этом и новое «рыночное» название: «Тайны русских масонов».

¹¹⁵ Keiler Н.К.Н. *Abris Freimaurerischen Geschichte in Russland // Quatuor Coronati. Jahrbuch.* 1993. № 30. S. 166–178.

¹¹⁶ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 21.

¹¹⁷ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986.

¹¹⁸ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 43.

¹¹⁹ Там же. С. 23.

¹²⁰ «Два брата моего отца, племянники, мои двоюродные братья — все были масонами», — признавалась Н.Н. Берберова (Книжное обозрение. 1989. № 35. С. 8–9). Масонами были первый и второй мужья Н.Н. Берберовой поэт В.Ф. Ходасевич и Н.В. Макеев.

¹²¹ Вечерний Ленинград. 1989. 18 сентября. С. 3.

¹²² Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 18.

¹²³ Там же. С. 43.

¹²⁴ Коростелев О.О. Книга «Люди и ложи» и ее автор // Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 387–389.

¹²⁵ Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб, 1999. С. 8.

¹²⁶ Grunwald С. *Historie de la Franc-Masonnerie en Russie // Cahiers de Villard de Honnecourt.* Cahier V. Paris, 1969.

¹²⁷ Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн. 161. С. 231–248.

¹²⁸ Бурышкин П.А. Филипп — предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 40.

¹²⁹ Л.Д. Кандауров о «Великом Востоке народов России» // Вестник Московского университета. Сер. 8 (История). 1994. № 3. С. 77–79.

¹³⁰ Осоргин М.А. Доклады и речи. Париж, 1949.

¹³¹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 32.

¹³² Островский А.В. От редакции // Из глубины времен. Вып. 1. СПб, 1992. С. 174.

¹³³ Соловьев О.Ф. Международный империализм — враг революции в России. М., 1983.

¹³⁴ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.

¹³⁵ Там же. С. 337–338.

¹³⁶ Бурцев В.Л. Сионские протоколы // Общее дело. 1921. 14 апреля. С. 2.

¹³⁷ Щеголев П.Е. Охота за масонами, или Похождения ассессора Алексеева // Былое. 1917. № 4. С. 108–145. См. также в кн.: Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М., 1930.

¹³⁸ Корнеев В.Е. Документы Департамента полиции о масонах в России // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 98–128.

¹³⁹ Записки Л.А. Ратаева см. в кн.: Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 630–694.

¹⁴⁰ Брачев В.С. Царский жандарм — борец с масонами // Секретное досье. 1998. № 1. С. 50–59.

¹⁴¹ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 10–48.

¹⁴² Поликарпов В.В. Вступительная статья к публикации // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 10–15.

¹⁴³ Панеях В.М. О полемической заметке В.С. Брачева «Возражения критикам» // Клио. 1999. № 2. С. 362–364.

¹⁴⁴ Там же. С. 364.

¹⁴⁵ Старцев В.И. Письмо в редакцию // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 173.

¹⁴⁶ Там же. С. 174.

¹⁴⁷ Там же. С. 174.

¹⁴⁸ Злоказов Г.И., Иоффе Г.З. Предисловие // Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов. М., 2002. С. 20.

¹⁴⁹ Старцев В.И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918–1939) // Российское зарубежье. История и современность. М., 1998. С. 41.

¹⁵⁰ Ганелин Р.Ш. О русском фашизме прежде и теперь // Барьер. 1999. № 1(5). С. 70.

¹⁵¹ Ананьич Б.В., Панеях В.М. Академическое дело как исторический источник // Исторические записки. 1999. Вып. 2. С. 338–380.

¹⁵² Покровский Н.Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. М., 1997. № 3. С. 96–104.

¹⁵³ Павлова И.В. Интерпретация источников по истории России 30-х годов (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 2.

- ¹⁵⁴ Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.
- ¹⁵⁵ Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 6.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 15.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 16.
- ¹⁵⁸ Козлов С., Оливетская Т. Документы масонских лож в Особом архиве // Родина. 1993. № 2.
- ¹⁵⁹ Острцов В.М. Секреты особых хранилищ // Слово. 1995. № 1–2.
- ¹⁶⁰ Л.Д. Кандауров о «Великом Востоке народов России» // Вестник Московского университета. Сер.8 (История). 1994. № 3. С. 77–79.
- ¹⁶¹ Безбрежьев С.В. Русские масоны и Борис Савинков // История СССР. 1991. № 2. С. 200–201.
- ¹⁶² Поссе В.А. Воспоминания. 1905–1917. Пг., 1923. С. 95.
- ¹⁶³ Бонч-Бруевич В.Д. Мои воспоминания о П.А. Кропоткине // Звезда. 1930. № 4. С. 182–183.
- ¹⁶⁴ Белый Андрей. Между двумя революциями. М., 1934. С. 316.
- ¹⁶⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1990.
- ¹⁶⁶ Русское политическое масонство 1906–1918 годов (Документы из Гуверовского института революции, войны и мира). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 119–134; Там же. 1990. № 1. С. 139–155.
- ¹⁶⁷ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1990. С. 49–121.
- ¹⁶⁸ Амфитеатров А.В. Мое масонство // Сегодня (Рига). 1930, 6 июля.
- ¹⁶⁹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 215–218.
- ¹⁷⁰ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.
- ¹⁷¹ Чермак Л.К. Как я был масоном. Публ. А.И. Серкова // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 129–151.
- ¹⁷² Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 200.
- ¹⁷³ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 61–65.
- ¹⁷⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 285–286.
- ¹⁷⁵ Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. Ч. 1. Париж, 1964. С. 142–143.

- ¹⁷⁶ Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты. Нью-Йорк, 1962. С. 138–143.
- ¹⁷⁷ Александр Исаевич Браудо (1864–1924). Очерки и воспоминания. Париж, 1937.
- ¹⁷⁸ Ленинградские масоны и ОГПУ: протоколы допросов, вещественные доказательства. Публ. В.С. Брачева // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Вып. 1. Л., 1991. С. 252–279; Петербургские мартинисты. 1910–1925 гг. Документы архива Министерства безопасности РФ. Публ. В.С. Брачева // Отечественная история. 1993. № 1. С. 177–192.
- ¹⁷⁹ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 193–241; Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992. № 4–12; 1993. № 1–4, 6–7.
- ¹⁸⁰ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995.
- ¹⁸¹ Брачев В.С. Архивно-следственные материалы ОГПУ как источник по истории ленинградской интеллигенции 1920-х годов // Петербург и Россия. Петербургские чтения. 1997. СПб., 1997. С. 494–504.
- ¹⁸² Белый Андрей. Начало века. М., 1990.
- ¹⁸³ Жемчужникова М.Н. Воспоминания о московском антропософском обществе // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1992. С. 7–53.
- ¹⁸⁴ Волошина М. Зеленая змея. История одной жизни. М., 1993.
- ¹⁸⁵ Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т. 1. М., 1997. С. 61–64.
- ¹⁸⁶ Шиповская Е.А. Исповедь Рыцаря света. М., 1998.
- ¹⁸⁷ Белый А. Между двумя революциями. М., 1934. С. 316.
- ¹⁸⁸ L'Asacia. 1925, fevr, № 16. S.288–292.
- ¹⁸⁹ Тураев Б. Масонские заговорщики против России // Двуглавый орел. 1931. № 4.
- ¹⁹⁰ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931.
- ¹⁹¹ Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 215–218.
- ¹⁹² Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1955. Есть и русское издание: М., 1991.
- ¹⁹³ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952.
- ¹⁹⁴ Григорий Аронсон. Масоны в русской политике // Николаевский Б.И. Масоны и революция. Редактор-составитель Ю.Г. Фелыштинский. М., 1990. С. 167–170.

- ¹⁹⁵ The Slavonic and East European Review. London. Vol.XLIV. 103, 1966. July. P. 454–472.
- ¹⁹⁶ Smith N. The role of Russian Freemasonry in the February Revolution // Slavic Review. Vol. XXVIII. 4. 1968, December. P. 604–608. См. также его более позднюю работу: Smith N. Political Freemasonry in Russia. 1906–1918 // The Russian Review. Vol. 44. 1985. P. 157–171.
- ¹⁹⁷ Haimson L. The problem of social stability in urban Russia. 1905–1917 // Slavic Review. Vol.XXIV. 1965. 1. P.13–17.
- ¹⁹⁸ Русский перевод см.: Катков Г. Февральская революция в России. Париж, 1984.
- ¹⁹⁹ Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты. Либералы. Масоны. Социалисты. Мадрид, 1986.
- ²⁰⁰ Русское издание книги: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1996.
- ²⁰¹ Масонские воспоминания В.А.Оболенского были опубликованы Натаном Смитом в 1968 году. См.: Slavic Review. 1968. Vol. XXVII. № 4. P.606–608.
- ²⁰² Smith N., Norton B. The constitution of Russian political Freemasonry (1912) // Handbuch zur Geschichte des Ostens Europas. Wiesbaden, 1986. Bb 34. H. 4. S. 498–517.
- ²⁰³ Norton B. Russians political masonry and the February Revolution in 1917 // International Review of Social History. 1988, vol. 28, pt. 2; Norton B. Russians Political Masonry, 1917, and historians // Russian History. II № 1 (Spring, 1984). P.83–100.
- ²⁰⁴ Hass Ludwic. Ambicje, rachubei, rzeczywistose: Wolnomularstwo w Europie Srodkowo-Wschotovlnie 1905–1928. Warszawa, 1984. T. 2. S. 57–76, 110–112. Есть и русские публикации трудов Л.Хасса о масонстве: «Русское масонство первых десятилетий XX века» в сборнике «Историки отвечают на вопросы» (Вып.2, С. 134–155), а также его статья «Еще раз о масонстве в России в начале XX века» (Вопросы истории. 1990. № 1. С. 24–35).
- ²⁰⁵ Keiler H.K. Abris der Freimaurerischen Geschichte in Russland // Quatuor Coronati. Jahrbuch. 1993. № 30. S.147–188.
- ²⁰⁶ Игрицкий Ю.И. Юбилей Октября и буржуазная историография // История СССР. 1968. № 3. С. 219–221.
- ²⁰⁷ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1974. С. 4, 18, 230–234. 3-е, дополненное издание этой книги вышло в Москве в 1993 году.
- ²⁰⁸ Минц И.И. Метаморфозы масонской легенды // История СССР. 1980. № 4. С. 107–122.
- ²⁰⁹ Черменский Е.Д. Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 8–9.
- ²¹⁰ Касвинов М.К. 23 ступеньки вниз. М., 1978. С. 303–305.

- ²¹¹ История СССР. 1983. № 1. С. 158–159.
- ²¹² Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С. 201.
- ²¹³ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
- ²¹⁴ Там же. С. 342.
- ²¹⁵ Ливчак Б.Ф. О политической роли масонов во второй русской революции // Политическая организация общества и современность. Сб. науч. трудов. Вып. 56. Свердловск, 1977. С. 135–141.
- ²¹⁶ Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 года. М., 1978. С. 205–207. См. также: Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 121–129.
- ²¹⁷ За кулисами видимой власти. М., 1984.
- ²¹⁸ Эрнст Г. Новые заметки по истории современности. М., 1976. С. 290–297.
- ²¹⁹ Старцев В.И. Российское масонство XX века // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 30–50; Старцев В.И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сборник научных статей. Вып. 2. СПб., 1994. С. 18–23; Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996.
- ²²⁰ Соловьев О.Ф. Международный империализм — враг революции в России. М., 1983. С. 27–28, 68–74, 88–90 и др.; Соловьев О.Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С. 58–60; Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730–1917. М., 1993; Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. См. также журнальные публикации этого автора: Масонство в России // Вопросы истории. 1988. № 6; Споры вокруг масонства: некоторые итоги изучения // Вестник АН СССР. 1990. № 9; Масонство далекое и близкое // Новая и новейшая история. 1992. № 4–5.
- ²²¹ Игрицкий Ю.И. Юбилей Октября и буржуазная историография // История СССР. 1968. № 3. С. 219–221.
- ²²² Шульгин В.И., Швецов С.П. От неонародника к участию в социалистическом строительстве // Научная биография — вид исторического исследования. Л., 1985.
- ²²³ Замойский Л. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990.
- ²²⁴ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
- ²²⁵ Серков А.И. История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997; Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999.
- ²²⁶ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России в конце XIX — начале XX века. М., 1998.

- ²²⁷ Розенталь И.С. Масоны и попытки объединения политической оппозиции России начала XX века // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 53–67.
- ²²⁸ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996.
- ²²⁹ Острцов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998.
- ²³⁰ Андреев Д.А. Русская периодическая печать начала XX века о масонстве // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 1. С. 27–38.
- ²³¹ Лунин А.Н. Масонство в оценке провинциальной русской национально-патриотической прессы начала XX века // Мининские чтения. Нижний Новгород, 1992. С. 77–79.
- ²³² Егошина В.Н. Масоны и политика // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 67–73.
- ²³³ Русское политическое масонство 1906–1918 годов (Документы из Гуверовского института революции, войны и мира). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 119–134; 1990. № 1. С. 139–155.
- ²³⁴ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1990.
- ²³⁵ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 109.
- ²³⁶ Старцев В.И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. науч. статей. Вып. 2. СПб., 1994. С. 18–23.
- ²³⁷ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990.
- ²³⁸ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 47–90.
- ²³⁹ Брачев В.С. Религиозно-мистические кружки и ордена в России. Первая треть XX века. СПб., 1997. С. 3–29.
- ²⁴⁰ Там же. С. 53–88, 125–151. См. также: Брачев В.С. «Красное масонство» // Окультизм и силы СССР. Под ред. А.Д. Балабухи. СПб., 1998. С. 239–364.
- ²⁴¹ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998; Никитин А.Л. Мистические общества и ордена в России (20-е — 30-е годы) // Россия и гнозис. Материалы конференции. М., 1996. С. 60–68; Никитин А.Л. Анархо-мистики Кропоткинского музея и масонство // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 1. М., 1995. С. 136–144.

- ²⁴² Шишкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. См. также: Шишкин О.А. Окультизм тайны НКВД // Секретное досье. 1998. № 1. С. 3–13; Шишкин О.А. Искатели Шамбалы // Окультизм силы СССР. Под ред. А.Д. Балабухи. СПб., 1998. С. 109–166.
- ²⁴³ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995.
- ²⁴⁴ Новиков В.И. Массонство и русская культура. Предисловие // Массонство и русская культура. Сборник. М., 1998. С. 5–49.
- ²⁴⁵ Острцов В.М. Массонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998.
- ²⁴⁶ Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.
- ²⁴⁷ Сахаров В.И. Иероглифы вольных каменщиков. Массоны и русская литература XVIII — начала XIX вв. М., 2000.
- ²⁴⁸ Массонство и русская литература начала XIX века. Сборник статей / Отв. ред. В.И. Сахаров. М., 2000.
- ²⁴⁹ Карпачев С.П. Роль массонства в общественно-политической и культурной жизни страны конца XIX — начала XX в. Автореферат докторской диссертации. М., 1998.
- ²⁵⁰ Никитин А.Л. Мистические ордена в культурной жизни Советской России // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т.1. Кн.4. СПб., 1995. С. 189–276.
- ²⁵¹ Никитин А. Rosa mystika. Поэзия и проза российских тамплиеров. М., 2002.
- ²⁵² Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX — начала XX в. М., 1999.
- ²⁵³ Кряжева-Карцева Е.Л. Рождение русского мистицизма на рубеже XIX–XX вв. // Социально-гуманитарные науки на рубеже XXI века. Вып.1. М., 2000.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ МАСОНСТВА. ЕГО СИМВОЛИКА И ОБРЯДНОСТЬ

«Масонство, — гласит конституция «Великой ложи Франции», — есть всемирный союз, покоящийся на солидарности. Цель масонства — нравственное совершенствование человечества. Его девиз — Свобода, Равенство и Братство. В глазах масонов все последователи равноправны, невзирая на различия национальные, расовые, религиозные, на различия в состоянии, звании и положении... Конечное стремление масонов — объединение на основе свободы, равенства и братства всех людей, без различия рас, племен, наций, религий и культур в один всемирный союз для достижения царства Астреи, царства всеобщей справедливости и земного Эдема (рая)»¹.

Но это, так сказать, чисто масонский взгляд на идеальные цели и задачи ордена, нуждающийся в определенной научной корректровке. Масонство, согласно наиболее распространенному в современной историографии определению, есть не что иное, как «религиозно-философское и политическое течение, возникшее в Германии в XIII веке»². Что касается Германии как родины масонства, то это вопрос спорный, ибо никаких данных, что союз немецких каменотесов XIII века являлся сообществом духовного характера, у нас нет. Правильнее поэтому, как мы увидим в дальнейшем, связывать появление масонства как духовного сообщества не с Германией XIII века, а с Англией XVI века. *«Целью масонства, — читаем мы в статье о масонах в вышедшем в 1999 году справочном издании «Словарь религий народов современной России» под редакцией М.П. Мчедлова, — является достижение всем человечеством, независимо от расовой, национальной, духовной культуры, принципов свободы, равенства, братства, «царства истины и любви», земногорая. Цель достижима, по мнению масонов, путем нравственного, физического и умственного совершенствования каждого человека. Препятствием на этом пути являются религия и национальные государства, которые должны быть уничтожены. Важное место в деятельности масонов занимает критика исторических религий и церкви. В то же время война с Богом, церковью и духовенством не означает еще отмену религий, веры вообще, поскольку масоны создают новую религию — религию гуманизма, где место Бога занимает человечество, а старую религию они заменяют новой — морального солидаризма.*

Вторая задача масонства (наряду с борьбой с религией, религиозной моралью, церковью и духовенством) — это уничтожение национальной государственности. Конечный идеал масонства — сверхгосударство, основными признаками которого являются свобода, равенство, братство и богом которого является человечество, мораль которого не религиозна и в котором разум человеческий будет мерой всех вещей. Осуществление всех этих идей моделируется в рамках масонских лож и в многочисленных обрядах и сложных символах»³.

Идея установления царства справедливости на Земле хотя и привлекательна, но в основе своей, конечно же, абсурдна и неосуществима. Особенно если иметь в виду предлагаемый масонами путь к ее осуществлению — нравственное совершенствование человечества. Неудивительно поэтому, что масонские определения сути и конечных целей своего братского союза если кого и удовлетворяют, то только самих масонов. Всем прочим, то есть «профанам» или «непосвященным», на сей счет остается только теряться в догадках.

«Что такое масонство? Вот вопрос, который разрешается различными исследователями различно, — отмечал в далеком 1914 году М. Вашутин. — Оно и религиозная секта всемирного-де охвата и всесторонней веротерпимости. Оно и тонкое, тайное философское, чуть ли не научное символическое учение с притязаниями на всесветное значение. Оно и кодекс общей какой-то совершенной морали, особого гуманистического склада, поэтического настроения и поэтического строя. Оно — и гражданская социальная организация, не признающая никаких политических, этнографических и географических границ. Оно, наконец, — тайное внесударственное, политико-обобщительное, скрытое правительство, входящее во все государства и исподтишка, подпольно (и надпотолочно и застенно — если можно так выразиться)... Весь теперешний человек, его тело, его душа, его дух — всякое общество: семейное, сословное, державное объединение и все человечество вкупе, — все учение, все общественные учреждения, все религии окутываются каким-то неведомым, тайным, скрытым, темным (неизбежным, необходимым)... — и эта мистическая, оккультная сила носит общее и неопределенное название «масонство»⁴.

Написаны эти строки давно, а звучат удивительно современно. Ведь, как и много лет назад, вопрос о сущности масонства и его подлинной роли в истории человечества вызывает самые разноречивые оценки среди специалистов. Разброс мнений здесь широк: от определения его как общественной организации, выдвигающей задачу морального раскрепощения людей, обеспечения свободы и братства, до тайной интернациональной мировой революционной организации, ведущей бескомпромиссную борьбу с Богом, церковью и национальной государственностью. Самое любопытное, что, несмотря на, казалось бы,

взаимоисключающий характер этих определений, каждое из них по-своему справедливо.

Вопреки распространенному мнению масонство не есть что-то неизменное и неподвижное. В разные времена в разных странах масонство проявляло себя по-разному. Неизменным оставался, пожалуй, только его характер, как формы самоорганизации элиты общества. В этом, собственно, и состоит суть современного масонства, его голая, так сказать, «правда века».

Немало споров среди исследователей вызывает проблема происхождения масонства⁵. По сути дела, она представляет собой как бы две отдельные проблемы: проблему интерпретации легендарной истории масонства и вопрос о том, как это движение сложилось в реально существующий и дошедший до нашего времени орден. Теперь уже ясно, что как всякое общественное явление масонство впитало и отразило многие противоречия эпохи, в которой оно вызревало. С одной стороны, это Возрождение с его гуманизмом и социальными утопиями и вниманием к отдельно взятому человеку, а с другой — ярко выраженное религиозное сознание, неподдельный интерес к мистицизму и вера в сверхъестественное, таинственное.

Едва ли не основным источником масонства является христианское вероучение (хотя и в специфической протестантской упаковке) с его заповедями добра, равенства, мира и справедливости. Влияние иудаизма на масонство исследователи усматривают прежде всего в увлечении братьев древнееврейской Каббалой (два трактата «Сияние» («Зогар») и «Книга творения» («Сефер Шецир»), посвященные главным образом толкованию Ветхого Завета).

Сама Каббала подразделяется обычно исследователями на ее теоретическую и практическую части. Второй раздел касается исключительно средств, способных побудить высшие силы творить чудеса, в том числе тушить пожары, исцелять больных, изгонять бесов, что нас, понятно, не интересует. А в первом используется числовая мистика пифагорейцев, но с привязкой к 22 буквам еврейского алфавита и 10 первым цифрам, рассматриваемым как орудие Творца при создании мира и человека. Еврейский бог Яхве считается безличной первопричиной всего сущего в духе известного Логоса. Но в отличие от подобного божества Эн-соф (бесконечный) является одновременно активной и пассивной субстанцией, из которой истекают 10 сефиротов (элементов-чисел), отражающих божество с обозначением конкретных понятий и находящихся друг с другом во взаимодействии. Схематически они изображали первочеловека Адама Кадмона, обладающего короной, мудростью, умом, милостью, суждением, красотой, торжественностью, основанием, славой и царством. В то же время они как бы символизировали весь духовный мир человечества. Сефироты, в свою очередь, подразделялись на три

троицы. Первая, высшая, представляла божественную силу, ангелов, Тору и божественное откровение; вторая влияла на мир душ и нравственный порядок; третья действовала на видимый мир — природу. Сефироты были также носителями мужского и женского начал и проявляли свое действие в четырех мирах: Ацима (непосредственной эманации), Берна (творения), Иецира (формации), т.е. области ангелов — Божьих послдов, и Асия (материи) как сосредоточении всех предыдущих, получающих конкретную форму.

Много места уделяли каббалисты подробным толкованиям Ветхого Завета, включая не только положения, но и сочетания слов и даже букв. Тем самым они коренным образом отличались от гностиков, стремившихся проникнуть в тайны Вселенной и человеческого общества более сложными путями, в случае которых числа имеют второстепенное значение, упор делается на распознавании тайных слов Иисуса Христа⁶.

Прослеживаются в масонстве и следы других мировых религий: ислама (запрещение изображения божества, обязательная милостыня) и даже буддизма (поиск масонами «среднего пути» и стремление к консенсусу)⁷.

Непосредственными предшественниками современных масонов являются средневековые братства каменщиков, от которых, собственно, и пошли масонские ложи, унаследовавшие от них свою первоначальную организационную структуру (ученик — подмастерье — мастер) и символику (фартук, перчатки, отвес, циркуль, строительная лопатка)⁸. На этой же задаче построения Храма, правда, уже не в физическом, а в духовном плане, сосредотачивают свои усилия и масоны. Как и средневековые каменщики, они так же трудятся над обработкой «дикого камня», стараясь придать ему правильные, совершенные формы. Только камень этот у них символический — душа человека со всеми присущими ей страстями. Так, совместными усилиями «братьев» всех стран по предначертанию Великого архитектора Вселенной работают масоны над сооружением своего символического Храма — Храма Духа, Храма Человечности.

Слово «free-mason» (свободный каменщик) перешло из английского в другие языки уже после того, как оно потеряло и в Англии свой первоначальный смысл, и вопрос о его происхождении основательно запутался. Во всяком случае, упоминания о фри-масонах встречаются уже в английских документах XIV века. Важно подчеркнуть, что первоначальное значение слов «свободный каменщик» имело сугубо профессиональный смысл — это так называемые «свободные каменотесы», т.е. каменщики, специализирующиеся на обработке мягких камней или, говоря другими словами, более искусная, квалифицированная их часть⁹. Другое широко распространенное ныне название масонов — «дети вдовы» — произошло, вероятнее всего, от древнееврей-

ской секты манихеев. Существуют, впрочем, и другие версии происхождения этого названия.

Англия была первой из европейских стран, порвавших с догматами католицизма. Поэтому и возникновение на ее земле организации, в основу которой положено представление о Боге как о некоей абстрактной первопричине сущего (один из основополагающих постулатов масонства), было вполне естественно. Тем не менее масонские ложи как сообщества лиц, занятых по преимуществу не собственно строительством, а исканиями философского, религиозно-нравственного характера, начали складываться не ранее XVI века. Первым зафиксированным в источниках масоном, не имевшим никакого отношения к каменотесам, был некий помещик Джон Босвел, принятый в 1600 году в масонскую ложу в Эдинбурге (Шотландия). В Англии же первое зафиксированное в источниках посвящение в масонскую ложу лица, не имеющего отношения к строительному ремеслу, относится только к 1646 году. Это был Элиас Ашмол, известный банкир и антиквар. К концу XVII века только в Лондоне насчитывалось 7 масонских лож. Еще одна ложа зафиксирована в Йорке. В ряде лож соотношение каменщиков «спекулятивных», или, говоря другими словами, интеллектуалов, к каменщикам настоящим («оперативным») составляло уже 39 к 10¹⁰. К началу же XVIII века каменотесы и строители были практически полностью вытеснены из лож.

Но это, так сказать, академическая, научная версия происхождения современного масонства. Сами «братья» склонны возводить истоки своего ордена или «Великого братства посвященных», как они его еще иногда называют, едва ли не к первым шагам человеческой истории — от Адама. *«Сам Господь по милосердию своему учредил масонство, дабы возвести человека внутрь себя»*, — читаем мы в одной из масонских рукописей XVIII века¹¹. Исходя из этого, масонские авторы, «ничтоже сумняшеся», записывают в свои ряды едва ли не всех великих светил древности: Раму, Заратустру, Кришну, Конфуция, Будду, Моисея, Магомета и, конечно же, Иисуса Христа. Характерно, что от Адама начинается история вольного каменшчества и Джеймс Андерсон — автор основополагающего документа современного масонства — «Книги уставов» (1723).

Еще в III веке нашей эры, спасаясь от гонений на них в Римской империи, часть масонов якобы перебралась в Англию, где и осела под крылом, или «крышей», приютивших их строительных братств. В X веке из-за упадка церковного строительства и возникшей в связи с этим необходимостью сплочения усилий мелких братств, произошло объединение всех, или по крайней мере значительной их части, в единую корпорацию вольных каменщиков со своим статутom, что якобы и послужило основанием современного масонства¹².

Существуют и другие версии возникновения ордена. Главное тут не столько в фактической стороне дела, которая явно сомнительна, сколько в общей для всех этих версий мысли о непрерывном существовании масонства на протяжении тысячелетней истории человечества. И, что было особенно важно для европейских адептов ордена XVIII–XIX веков, людей, как правило, глубоко религиозных, — так это божественность его происхождения.

Официальное утверждение в масонских анналах версии о седой древности вольного каменничества произошло в 1782 году на Вильгельмсбадском масонском конгрессе. До этого, наряду с ней, возникновение первых масонских лож связывалось обычно с деятельностью ордена тамплиеров в Палестине (основан крестоносцами в 1119 году). Непосредственной задачей ордена была охрана паломников, прибывавших для поклонения святым местам, от разбойничьих нападений мусульман. Резиденция ордена располагалась в Иерусалиме, близ развалин Соломонова храма. Отсюда и название ордена — храмовники или тамплиеры («тамплъ» по-французски — храм).

Первоначально орден храмовников придерживался двух основополагающих принципов: обета бедности и беспрекословного послушания. На первых порах это был действительно братский союз единомышленников. Однако в дальнейшем картина постепенно стала меняться. Могушество ордена росло, а вместе с ним росло и богатство, быстро разрушавшее его первоначальные духовно-нравственные основы. К началу XIV века местом пребывания штаб-квартиры ордена тамплиеров, к этому времени уже изгнанного из Палестины мусульманами, стала Франция. Крупные недоразумения руководителей ордена с французским королем Филиппом Красивым и римским папой привели к трагедии. 13 октября 1307 года по приказу французского короля была арестована практически вся верхушка ордена во главе с его великим магистром Жаком де Молэ. Обвинение¹³, выдвинутое 12 августа 1308 года против тамплиеров, вполне в духе того времени: попрание и оплевывание креста и сатанинское поклонение Бафомету — чудищу с рогами и женско-мужским торсом. Через шесть лет, 18 марта 1314 года, руководитель ордена тамплиеров Жак де Молэ по приговору суда как еретик был публично сожжен на костре.

Некоторые исследователи находят, что обвинение тамплиеров в ереси было построено на песке, и, строго говоря, они вряд ли были в чем-то виновны¹⁴. Главной причиной репрессий принято считать богатства ордена, на которые якобы зарился остро нуждавшийся в деньгах французский король. Следует иметь в виду, что именно тамплиеры были первыми организаторами банков в Европе, они же ввели финансовое поручительство, а также систему чеков и аккредитивов. Полученные в результате финан-

совых операций прибыли тамплиеры опять пускали в дело, строя все новые и новые замки и крепости, что, конечно же, не могло не беспокоить королевскую власть. Согласно данным итальянского историка Г. Франкоччи, на 1240 год ордену тамплиеров принадлежало в общей сложности 9000 приорств, замков и домов¹⁵.

Согласно распространенной масонской легенде, взойдя на костер, Жак де Молэ якобы призвал папу римского и французского короля явиться вместе с ним на суд Божий. Последующая скоропостижная смерть последних (20 апреля 1314 года умер папа римский Климент V, а несколько месяцев спустя, 29 ноября того же года, — и король Филипп Красивый) породила легенду о так называемом «проклятии тамплиеров».

«Революция (1789 года. — Б.В.) началась взятием Бастилии, потому что Бастилия была тюрьмой Якова Молэ. Авиньон был центром революционных зверств, потому что он принадлежал папе и там хранился пепел великого магистра. Все статуи королей были низвергнуты для того, чтобы уничтожить статую Генриха IV, стоявшую на месте казни Якова Молэ...» — писал в 1797 году французский историк Ш.-Л. Каде Гассинкур в своей книге «Гробница, или Краткая история древних и современных посвященных, тамплиеров, франкмасонов и иллюминатов»¹⁶.

Считается, что части братьев ордена, его эзотерическому ядру удалось бежать в Шотландию, где они нашли приют в строительных корпорациях. Масонство, пишет, например, Джон Робинсон, «зародилось в среде тех членов и сторонников ордена тамплиеров, которым удалось избежать ареста и пыток, когда на тамплиеров ополчились папа и французский король»¹⁷.

Большинство же исследователей не склонно, однако, слишком доверять этой легенде. «30 лет спустя после падения тамплиеров их полностью забыли, за исключением народных легенд», — пишет Марион Мельвиль, автор специального исследования об этом ордене. На вопрос: могли ли тамплиеры сохраниться? — ответ, по его мнению, может быть только отрицательным¹⁸.

У масонов, разумеется, на этот счет своя собственная точка зрения. Тамплиеров они считают либо своими непосредственными предшественниками, либо одним из звеньев в тысячелетней истории ордена. Разгром же тамплиеров французским королем подается ими как беспримерный подвиг мученичества в борьбе за масонскую идею. Во всяком случае, обрядность так называемых «высоких степеней» в масонстве во многом сформировалась под влиянием обрядности тамплиеров. Связав современное масонство с тамплиерами, его отцы-основатели сумели тем самым придать ему такие привлекательные в глазах европейской аристократии XVIII века черты, как жертвенность, служение истине и рыцарский дух.

Как бы то ни было, уже в XVIII веке орден тамплиеров был воссоздан во Франции и активно работает по сей день. В 1852

году в США возникла еще одна парамасонская структура под таким же названием. Широко известен в наши дни и «Международный орден де Молэ для детей-масонов». Кроме того, в ряде масонских послушаний существует степень рыцаря-тамплиера.

Кроме тамплиеров, к числу непосредственных предшественников масонства, оказавших на него определенное влияние, относят обычно и розенкрейцеров (братья Розового Креста)¹⁹. Более того, считается, что именно розенкрейцеры (XVII век) заложили теоретические основания масонства, официальное возникновение которого обычно относят к 1717 или к 1721 году²⁰. Розенкрейцеры возводят свою родословную к легендарному немецкому рыцарю Христиану Розенкрейцу²¹. В 1378 году он совершил поездку на Восток и в Индию, откуда он якобы и привез в Европу тайну философского камня и жизненного эликсира. Согласно другим данным, путешествие на Восток (Марокко), а следовательно, и основание братства приходится не на XIV, а уже на XV век²².

Как полагает московский исследователь Ю.А. Королев, зашитивший в 1997 году кандидатскую диссертацию по истории ордена, есть все основания говорить о его существовании уже в XV веке, хотя документальные подтверждения этой гипотезы отсутствуют²³.

Как бы то ни было, основанное Розенкрейцем в Европе после его возвращения из своего путешествия на Восток духовное братство, собственно, и дало толчок возникновению ордена, к числу адептов которого причисляют, обычно, таких известных магистров тайного знания, как Агриппа Неттесгеймский (1486–1535), Парацельс (1493–1541)²⁴ и известный прорицатель, составитель гороскопов, личный врач французского короля Карла IX Нострадамус (1505–1566). Как полагают исследователи, история с путешествием Христиана Розенкрейца является вымыслом известного писателя начала XVII века Иоганна-Валентина Андреэ (1586–1654). Возрождение розенкрейцества в XVII веке они связывают обычно с появлением в 1614 и 1615 годах в Касселе двух анонимных памфлетов: «Весть о Братстве, или Публикации общества достохвального Ордена розенкрейцеров» (1614) и «Исповедь Братства» (1615), главным действующим лицом которых, собственно, и является легендарный основатель розенкрейцерского братства Христиан Розенкрейц. В 1616 году, как бы в дополнение к ним, вышел в свет еще один труд на эту тему — «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца». Автором этого сочинения уже вполне определенно был Иоганн-Валентин Андреэ. Что же касается двух предыдущих трактатов, то уверенности в их принадлежности перу И.-В. Андреэ у исследователей нет²⁵.

К 1622 году относится появление уже не легендарного, а реального розенкрейцерского братства в Европе с филиалами в

Германии, Голландии и Италии. Члены его называли своим основателем Христиана Розе, а себя — истинными розенкрейцерами²⁶.

Орден «истинных розенкрейцеров» с центром в Гааге был, однако, далеко не единственной ассоциацией этого толка в Европе. Стоит упомянуть в связи с этим о братстве розенкрейцеров во главе с самим И.-В. Андреэ (1620). Однако успеха оно не имело. На гербе братства И.-В. Андреэ розы (воплощение тайны или мученичества) располагались по четырем углам принятого у розенкрейцеров косоугольного креста (символ союза или страдания). Ряд исследователей (Г. Шустер) относит учреждение ордена розенкрейцеров к самому началу XVII века: приблизительно к 1604 году²⁷.

От своих последователей руководители ордена требовали клятвы молчания и безусловного подчинения. Одним из филиалов его были «чешские братья», тесно связанные с гуситским движением. Как полагают, именно благодаря розенкрейцерам, бежавшим во время Тридцатилетней войны (1618–1648) в Англию под защиту цехов, собственно и стала возможной быстрая эволюция английских строительных братств в сообщества духовного характера. *«Розенкрейцерское братство постепенно преобразовалось в братский союз франкмасонов, — писал в связи с этим Георг Шустер. — Это случилось в Англии, куда скрылись во время Тридцатилетней войны остатки немецких розенкрейцеров»*²⁸. Как бы то ни было, считается, что именно от розенкрейцеров унаследовали масоны непреходящий интерес к тайному знанию: магии, древнееврейской каббалистике и средневековой алхимии.

Последней розенкрейцеры уделяли особенно много внимания. Это и неудивительно, поскольку именно алхимики, как тогда казалось, вплотную приблизились к тайне мироздания: получение опытным путем так называемого «семени металлов» или философского камня — вещества, позволяющего превращать неблагородные металлы (железо, медь и прочие) в благородные (золото и серебро) или, если пользоваться терминологией того времени, Большой и Малый магистериумы. Не менее притягательной для масонов и розенкрейцеров была и «Панацея» — некий раствор из философского камня (золотой напиток) — универсальное средство против всех болезней на свете, в том числе и для омолаживания человека²⁹.

Еще одним увлечением «братьев», унаследованным от средневековых алхимиков, стала идея «сотворения мира» в пробирке. Речь идет о так называемом «гомункулусе», или «человеке в колбе», безуспешно выращиваемом ими в тайных подвалах и лабораториях. Характерно, что опыты такого рода сопровождались молитвами и заклинаниями, обращенными к духам и нечистой силе. Особое значение у средневековых алхимиков придавалось сере как символу духа. Что это за дух — не так уж трудно догадаться. Во всяком случае, широко распространенное выра-

жение «здесь пахнет серой», то есть нечистым духом или адом, весьма в этом плане красноречиво. Надо ли удивляться после этого позиции официальной церкви, справедливо видевшей в розенкрейцерах, а вслед за ними и в масонах еретиков и чернокнижников, каковыми они, в сущности, по правде говоря, и являлись. Однако алхимия и магия были пусть и важной, но все же только одной стороной розенкрейцерства. Другой была их негасимая вера в преобразующую силу знания и стремление к служению человечеству посредством своих научных открытий.

Следует подчеркнуть, что в философском плане розенкрейцеры исходили из идеи эволюции природы и веры в присутствие в каждом человеке божественной искры, которая происходила из божественной сферы, но пала в материальный мир рождения и смерти и будет находиться там до тех пор, пока человек не пробудится от духовного сна. Для розенкрейцеров всегда был характерен пантеистический взгляд на мир, исходящий из идеи движения, возникшего в божественном разуме и представляющего собой вечный процесс его самовоспроизведения³⁰.

Но вернемся к уже упоминавшемуся нами Иоганну-Валентину Андреэ. Учеником его был Ян Амос Коменский (1592–1671) — знаменитый чешский просветитель, строивший планы возрождения человечества и создания некоего универсального языка. В этом же ключе написано и широко известное сочинение Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» (1638), рассказывающее об «Ордене Соломонова храма», поставившем своей целью духовное возрождение человечества. Нельзя поэтому не согласиться с И.М. Херасковым, когда он пишет, что филантропические и реформаторские тенденции XVII века вместе с пристрастием к тайным братствам и символическому ритуалу *«перешли к позднейшим поколениям и, несомненно, отразились на характере и судьбах современного масонства»*³¹. Г. Шустер даже считал, что именно розенкрейцеры, после того, как во время Тридцатилетней войны они вынуждены были бежать в Англию, положили начало здесь ордену вольных каменщиков³².

Важная роль в становлении учения и обрядности современного масонства отводится преданию об убийстве строителями Соломонова храма в Иерусалиме его архитектора Хирама или Адонирама Абифа. Возникло оно скорее всего в XVII или в начале XVIII века, хотя сами масоны, по понятным причинам, относят его к седой древности. Целью убийства стало желание трех подмастерьев стать мастерами и получать большее вознаграждение за свой труд. Для этого им было необходимо узнать некую тайну мастерского слова и особые, присущие только мастерам, тайные знаки. Несмотря на угрозы в свой адрес, Адонирам так и не выдал, однако, тайны мастерского слова, а имевшийся у него символ всесовершенства духа — золотой треугольник с таинственным изображением имени Иеговы в центре —

успел бросить в глубокий колодец. Мастер был убит, причем орудиями убийства стали орудия труда каменщиков — молоток, отвес и циркуль. Закопав тело убитого, подмастерья отметили это место веткой акации. Убийство тем не менее было раскрыто, причем решающую роль здесь сыграла ветка акации на могиле мастера, которая вдруг зазеленела. Из боязни, что древнее мастерское слово уже потеряло свое значение, оно тут же было заменено первым словом, которое было произнесено при вскрытии захоронения: «плоть от костей отделяется» («мак-бенах» по-древнееврейски). В современном масонстве этим словом, ветке акации (символ вечности), а также храму (символ духовности) придается особое мистическое значение³³. Соломонов храм как символ возводимого братьями всех стран и народов по чертежам Великого архитектора Вселенной духовного храма человечности, — один из центральных в масонстве.

По одной из версий, после смерти Адонирама сам царь Соломон якобы и учредил масонский орден, придав ему черты сообщества духовного характера, члены которого объединяют свои усилия уже не для реального, а для духовного строительства некоего идеального храма духа. Обращает на себя внимание символ этого строительства — золотая змея, выползающая из Иерусалима, чтобы через тысячелетия, когда строительство будет завершено, опоясав кольцом земной шар, вползти в столицу царства уже с противоположной стороны, уцепившись в собственный хвост³⁴.

В узком смысле Храм — это помещение для традиционных работ масонской ложи в виде прямоугольника различной площади, вытянутого с Запада на Восток. Термин заимствован из Библии, где изображает главное культовое сооружение — храм Соломона в Иерусалиме. У масонов олицетворяет образец божественного и человеческого созидания по плану Великого Архитектора Вселенной, символ мирового порядка в сочетании с высшей духовностью. Вместе с тем является как бы продолжением бесконечности мира наблюдения неба и вообще пространства, располагая к широте взглядов и отказу от любого догматизма. В помещении стоит треугольный алтарь с положенными на нем Библией, циркулем и наугольником, а у подножия лежат инструменты каменщика, отесанный и грубый камень. Вблизи видны статуи Минервы, Геракла и Венеры, вдоль стен натянут красный шнур с семью «узлами любви». *«Эзотерически Храм представляет собой центр братского союза, макрокосма и микрокосма, он бесконечен и неопределен. Участвовать в его строительстве для адепта значит вести неустанную работу самосовершенствования, наряду с коренным улучшением общественного устройства, чего в законченном виде никогда не случится»*³⁵.

Воздвигнутое на фундаменте христианского учения в протестантской трактовке, масонство впитало в себя «ясно различ-

мые черты иудаизма, обрядности духовно-рыцарских орденов и средневековых строительных братств. Чувствуется и влияние возникших ранее сект баптистов и квакеров»³⁶. Обстоятельство это нисколько не мешает, однако, масонам (речь не идет здесь об атеистических ложах «Великого Востока Франции») неизменно выставлять себя как добрых христиан. «Истинный масон почитает Бога как творца и правителя мира. Он избегает всего, что может быть противно сему почитанию; признает святость религии христианской. А точным исполнением правил ее доказывает, что сердце его исполнено высокого учения Святого Евангелия и нравственный закон избирает он правилом поступков своих», — читаем мы в «Законах Великой ложи «Астреи» 1815 года»³⁷.

Цели франкмасона, гласит «Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов» (1891), те же, что и цели истинного христианства: любовь к Богу «паче всего» и к ближнему, как к самому себе, или еще более, молитва и упражнения воли во исполнение христианских заповедей, как-то: любить врагов своих, делать добро ненавидящим тебя, молиться о тех, кто гонит тебя, подставлять другую щеку, если ударят по одной, и прочее³⁸. Однако на самом деле масонство уже с первых своих шагов показало себя как сила, резко враждебная официальной католической церкви, и шире — ортодоксальному христианству вообще. Иначе, впрочем, и быть не могло, ибо современное масонство — прямое порождение еретического духа эпохи Реформации в Европе.

«Никакие ссоры по случаю политических мнений, вероисповеданий и разноплеменности да не дерзают приблизиться к вратам ложи, ибо как братья-масоны, мы все исповедуем одну и ту же древнейшую, общую, в течение многих веков не изменившуюся веру; и квадрат, ответ и уровень напоминают нам долг наш жить со всеми людьми, какой бы науки не были, в братстве и любви», — гласит масонский закон³⁹. «Древнейшая, общая, в течение многих веков не изменившаяся вера», о которой здесь идет речь, это, конечно же, не католицизм, иудаизм или протестантизм, а некая новая, нравственная, универсальная масонская религия, или, проще говоря, обычная ересь. Неудивительно, что уже с первых шагов масонство показало себя как один из наиболее стойких оппонентов католической церкви, отстаивая секуляризацию мира и перестройку его на так называемых прогрессивных, рационально-космополитических началах. И церковь сразу же это почувствовала. Уже в 1738 году вступление в масонскую ложу было запрещено католикам под страхом отлучения от церкви.

«Эта секта является сатанинской, проповедующей учение, по-вторяющее грехопадение Люцифера (ангел, отпавший от Бога, воплощение зла. — Б.В.)», — заявил в своей энциклике 1738 года с осуждением масонства папа римский Климент XII. Резко отрицательно по отношению к масонству неоднократно высказывалась и Русская православная церковь. «Под знаменем масонской звезды, —

писал в 1932 году митрополит Антоний (председатель Архиерейского собора Русской православной церкви за границей), — работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие в разрушении России»⁴⁰.

В этом же духе высказываются и патриотически настроенные современные православные иерархи (митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн), определяющие масонство как «тайную интернациональную мировую революционную организацию борьбы с Богом, церковью, с национальной государственностью христианскою»⁴¹. Даже такой, казалось бы, духовно близкий к либералам человек, как Николай Бердяев, и тот вынужден был признать антихристианскую сущность масонства. «Сейчас масонство очень разнообразно, — отмечал он (1926). — Так, в странах Латинской Америки и католических: во Франции и Италии масонство прежде всего имеет антицерковный и антихристианский характер. Таков, по-видимому, Grand Orient (Великий Восток. — Б.В.) во Франции. В Америке и Англии масонство имеет характер, по преимуществу, протестантско-христианский; есть даже епископы среди масонов... Сейчас в масонской идеологии преобладает антихристианский гуманизм»⁴².

И хотя далее Н.А. Бердяев оговаривается, что «не всегда так было и не везде», вывод его об антихристианском гуманизме масонства очень важен, так как расставляет, кажется, все точки над «i». Да и сами братья не всегда считают нужным скрывать своего отрицательного отношения к христианству. «Мы, масоны, — говорят они, — принадлежим к роду Люцифера. Треугольник вместо креста. Ложь вместо церкви». Неудивительно, что сатанинские ложи на Западе не такая уж и редкость. На собрании одной из них присутствовал в январе 1924 года православный русский масон из эмигрантов Н.П. Вакар — член русской ложи «Астрей». Организованная французскими братьями церемония прославления сатаны произвела на него, как человека верующего, такое тяжелое впечатление, что он даже счел необходимым обратиться по этому поводу за разъяснениями к руководству своей ложи⁴³. Впрочем, и без разъяснений было ясно, что верующему, а тем более православному человеку, среди братьев делать нечего. В итоге Н.П. Вакар вынужден был прекратить свои дальнейшие посещения ложи.

Характерная особенность масонства — сочетание в нем мира как бы собственно библейских идей и образов с противостоящим ему антимиром, всегда давала и дает много поводов для обвинения масонов в служении дьяволу. Поклоняясь Верховному архитектору Вселенной, сами масоны предусмотрительно предпочитают не уточнять, что собой этот Архитектор представляет. Конечно же, для атеиста все это не имеет серьезного значения,

но для человека верующего это, пожалуй, самый главный вопрос для определения своего отношения к масонам и масонству.

Темная духовность масонства отчетливо проявляется уже в его мрачной символике и мстительных ритуалах с мертвецами в гробах. Центральным символом масонства является, как уже отмечалось, храм, на символическом строительстве которого и сосредоточены усилия вольных каменщиков всех времен и народов. Уместно вспомнить в связи с этим, что согласно святоотеческому учению именно в этом храме как раз и восседает в конце концов антихрист — «человек греха», «сын погибели». Заслуживает внимания и то, что Ветхий Завет указывает нам и на происхождение антихриста — из колена Данова. И именно оно единственное, которое не упоминается в Апокалипсисе среди спасенных колен Израилевых. Полагают, что Хирам — легендарный строитель Соломонова храма — как раз и происходил по линии матери именно из этого колена⁴⁴.

Происходящие на наших глазах секуляризация и дехристианизация современного мира, над чем усиленно работают современные масоны, приобретает, таким образом, с христианской точки зрения зловещий, мрачный смысл. С этим, в частности, связана живучесть известной теории «мирового масонского заговора» против христианских народов и государств («заговор сквозь века»).

Центральная роль в этом заговоре антихристианских сил отводится иудеям. *«Евреи стояли во главе всех без исключения революций, тайных обществ и стремились к уничтожению христианства»*, — утверждает, например, в своей книге английский автор Дуглас Рид. *«Девятнадцатое столетие, — пишет он, — было веком заговоров, а в двадцатом мы видим их результат. Заговор породил как коммунизм, так и нацизм, и оба они зажали как в клещи будущее Европы»*. Все три великих революции нового времени: английская 1640 года, французская 1789 года и русская 1917 года есть, по его мнению, всего лишь стадии в выполнении единого плана установления еврейского господства над миром. Плана, который, проходя через эти три ступени, ясно стремится к своему заключительному торжеству *«в очень недалеком будущем, вероятно, еще до окончания столетия»*⁴⁵. Пророчество Дугласа Рида, как мы видим, не сбылось.

Стоит отметить, что концепция, согласно которой секуляризация и дехристианизация современного мира рассматриваются как результат некоей целенаправленной богоборческой деятельности антихристианских и прежде всего иудейских сил, о грядущем господстве которых (царство Антихриста) говорит нам Библия, была в свое время достаточно популярной и в России. *«Эпохой Возрождения кончается торжество христианства и начинается историческое восхождение Израиля»*, — писал в 1929 году А. Ф. Лосев⁴⁶.

Коснувшись в этой связи повсеместного распространения в XX веке либеральных, социалистических и анархических идей в мире, А.Ф. Лосев увидел в этом процессе проявление *«извечно враждебной христианскому Богу силы Сатаны, воплотившейся в иудействе... Большинство либералов, социалистов и анархистов даже совсем не знают, чью волю они творят»*, — утверждал он⁴⁷. Неизбежным же результатом «торжества Израиля» (читай: масонства. — Б.В.) в современном мире и его дехристианизации А.Ф. Лосев, как верующий христианин, считал скорое приближение апокалиптических или последних времен, Царства Антихриста на земле и неизбежную в связи с этим гибель человечества⁴⁸.

*«В основе концепции масонства, избличающей его зловещую мировую роль, — писал Н.А. Бердяев, — лежит философия истории, до крайности переоценивающая значение организованных и централизованных сил в мировой истории. В действительности в мировой истории огромную роль играют силы стихийно-иррациональные»*⁴⁹.

Все это, конечно, так. Но у сторонников теории «заговора» свои резоны. Наиболее последовательно точка зрения на масонский орден как на теневую структуру, которая во имя установления нового мирового порядка сознательно инициирует конфликты и нестабильность в современном мире, изложена в работе Энтони Саттона⁵⁰ и в книге «Спор о Сионе» Дугласа Рида⁵¹. О том же, правда, уже с православной точки зрения, пишут и некоторые наши отечественные исследователи. *«Масонство, — считают они, — имеет глубокую мистическую подоплеку и ориентировано на силы зла, так как служит своеобразной подготовкой базиса для утверждения мирового правительства, которое должен возглавить согласно пророчествам святых — антихрист»*⁵².

Как справедливо писал уже цитированный нами Н.А. Бердяев, версии этой *«нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Тайная организация не поддается извне изучению до глубины. Никакой легенды о тайной организации нельзя опровергнуть точно и документально»*⁵³. Действительно, это вопрос веры.

В основу масонства его отцы-основатели положили, в общем-то, здравую мысль, что не войнами и революциями открывается дорога к счастью человечества, а постепенным *«облагораживанием, путем нравственно-духовного усовершенствования, возможно большего количества лиц, которые к такому усовершенствованию склонны и смогут впоследствии оказывать благотворное влияние на окружающих в обыденной жизни»*⁵⁴.

«Наши предки-крестоносцы хотели объединить в едином братстве подданных всех государств, чтобы со временем создать из них новый народ, который, представляя многие нации, соединил бы их узами добродетели и науки», — писал в 1737 году один из основателей современного масонства шотландец А. Рамсей⁵⁵. Как своего рода «моральный интернационал или толстовство своего времени» определял масонство П.Н. Милюков⁵⁶.

Видимая цель сообщества, таким образом, самая благородная. Но это-то как раз и вызывает подозрения: слишком уж часто мы видим, чем заканчиваются, к чему приводят благие намерения. Отсюда усиленный поиск критиками масонства неких скрытых, тайных целей ордена и естественная разногласица между ними по этому поводу. *«Едва ли мы ошибемся, — писали в 1914 году в своем предисловии к первому тому широко известного издания «Масонство в его прошлом и настоящем» С.П. Мельгунов и Н.П. Сидоров, — что в широких интеллигентных кругах имеется весьма неопределенное представление о той группе общественных и религиозных явлений, которые включает в себя прошлое масонства. Что скрывалось в действительности за этой таинственной полумистической пеленой? Что представляет собой, наконец, современное масонство?»*⁵⁷ С сожалением приходится констатировать, что такими же неопределенными остаются представления «широких интеллигентных кругов» о масонстве и в наши дни.

Правда, на скудость литературы по масонской проблеме, о чем уже шла речь, жаловаться особенно не приходится. Проблема здесь, очевидно, в другом. Разнобой среди исследователей масонства в оценке этого явления, по крайней мере применительно к истории нашей страны, настолько велик, что не только «широким интеллигентным кругам», но и самим историкам разобраться в этой сумятице нелегко.

Как *«тайное преступное сообщество, преследующее цель достижения мирового господства на началах иудейского учения об избранном народе»*, характеризуется, например, масонство в аннотации к книге О.А. Платонова (Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 2.). С этим, однако, решительно не согласен другой современный исследователь — Виктор Острецов. *«Масонство, — пишет он, — это гуманизм, это Возрождение и Просвещение. Под этими терминами есть идейно-окультурная сила, их составляющая». Речь, по его мнению, здесь идет о восприятии человеком современного мира, общего направления исторического процесса. «Считаем ли мы, — пишет В.М. Острецов, — что мир совершенствуется и улучшается под воздействием науки, литературы, искусств, а вместе с тем становится лучше и человек? Что улучшения техники и повышение комфорта увеличивают радость и счастье на земле, и таким образом мир идет к райскому состоянию? Если вы верите именно в это, то дело масонства в вас лично цветет и пахнет. И любой магистр ложи может довольно потирать свои холеные ручонки. Вы — его человек. Если же у вас есть сомнение в этих утверждениях пророков иудаизма и масонства, если вас начинает волновать мысль о жизни после смерти и вы всерьез думаете о спасении души через церковное делание, то вы своим существованием не доставляете радости никакому магистру никакой ложи. С вами ему еще придется поработать. И кто кого — вопрос.*

Если вы верите, в то же время, что Церковь Христова — это и «большая культурно-историческая сила», то есть часть культуры, то вы больше в ложе, чем вне ее. А если у вас есть убеждение, что человек своим собственным трудом все может, — вы целиком там, в храме Соломона. Тогда вы верите в труд как в спасающую силу и отвергаете благодать Святого Духа»⁵⁸.

Налицо явный публицистический перехлест, ибо, конечно же, отнюдь не масонам, которые, собственно, и заявили-то о себе только в XVIII веке, обязаны мы таким явлениям человеческой культуры, как гуманизм, Возрождение и просвещение. Но записать их на свой счет масоны, конечно же, не прочь. Стоит прислушаться в этой связи к тому, что писала о масонстве, правда, уже с других, либеральных позиций, много занимавшаяся этой проблемой Т.О. Соколовская. *«Орден свободных каменщиков, — отмечала она, — есть всемирное, тайное братство, поставившее себе целью вести человечество к достижению земного Эдема, Златого века, царства любви и истины, царства Астрей. Исходя из мысли, что никакие общественные отношения не могут даровать всемирного благополучия людям, коих не томит жажда всеобщего блага, коим неведомо чувство любви к страждущему ближнему, — вольные каменщики полагали достичь рая на земле путем нравственного, умственного и физического совершенствования каждой отдельной личности. Наподобие каменщиков, которые заботятся о том, чтобы привести в совершенство каждый отдельный камень, отесать его, обработать, а уже затем приступать к кладке здания, — вольные каменщики должны были обращать внимание на воспитание в духе орденского учения каждого сочлена»⁵⁹.*

«Масонство — это перевоспитание взрослых людей», — говорили братья и мечтали в более или менее отдаленном будущем создать в обществе такое большинство, которое, будучи проникнуто масонским духом, помогло бы установить в мире взаимопонимание между людьми, основанное на любви ко всему человечеству. Тогда, уверяют масоны, сами собой отпали бы, как обветшавшие уродливые формы, взаимоотношения между людьми, основанные на злобе, ненависти, корыстолюбию и других пороках. В этом же ключе, как совокупность «философско-этических, социально-политических явлений общественной и интеллектуальной жизни, основанных на определенных организационных принципах и предъявляющих своим членам определенные этические требования», трактует масонство современный российский исследователь С.П. Карпачев⁶⁰.

Но обратимся к самим масонам. *«Первичная цель современного масонства, — читаем мы в популярной брошюре — издание Кружка русских масонов в Англии (1928), — способствование нравственному, духовному усовершенствованию избранных лиц, а через них и возможно более широких кругов человечества». Главная же цель Братства в том, чтобы, «борясь со всем дурным в человеческой*

натуре» и развивая все то, что в ней есть хорошего, помочь человеку найти искру божью внутри себя и развить ее в светлое пламя, которое освещало бы его собственную жизнь и, в то же время, служило бы путеводной звездой для окружающих⁶¹.

Если в организационном плане масонство едва ли уходит далее средневековых товариществ строителей, то идейные основы его значительно глубже. Прежде всего это античная философия и постулаты крупнейших мировых религий (христианство, иудаизм, отдельные элементы буддизма). Весомый вклад в становление идейных основ масонства внесла эпоха Возрождения с ее гуманизмом, социальными утопиями и мистикой. Но более всего почерпнуло масонство, конечно же, из христианского учения с его заповедями добра, мира, справедливости и равенства между людьми. Недаром среди наиболее почитаемых персонажей масонства значатся Иоанн Креститель и апостол Иоанн Евангелист. От первых христиан усвоили масоны и характерное для них обращение друг к другу — «брат», а также понятие «вселенного света», изливающегося на братьев во время их работ в ложе. Не случайно и то, что центральное место в обрядах многих масонских ассоциаций занимает также и Библия. Да и присущая масонству мистика и так называемая «тайна» их работ также не чужды христианству. Что же касается заимствований из иудейских постулатов, то прежде всего это Ветхий Завет, древнееврейская Каббала и присущая масонству символика мотивов строительства Соломонова храма⁶².

Идейную же основу философских представлений вольного каменничества составляют деизм и пантеизм. Разница между ними невелика. Первые признают Бога только исключительно как творца мира и решительно отрицают его вмешательство в повседневные дела человеческие — это так называемый «божий промысел»⁶³. Понятно, что различного рода молитвы и обрядность теряют при таком понимании божественного всякий практический смысл. В природе, считают деисты, Бог выразил свою сущность, но сам он стоит вне ее. Пантеисты же пошли дальше. Природа и Бог для них — одно и то же. Этот безличный Бог, согласно их представлениям, есть не что иное, как творящий разум.

Ему, известному под именем Великого архитектора или строителя Вселенной, и поклоняются братья-масоны так называемых правильных или регулярных послушаний, признанных в качестве таковых Великой ложей Англии. Что же касается лож «неправильных» послушаний, как, например, Великого Востока Франции, то здесь господствует, как правило, плюрализм, и наряду с верующими двери их уже со второй половины XIX века широко открыты и для атеистов.

Опасаясь упреков в сатанизме, сами масоны пытаются сблизить Великого архитектора Вселенной с христианским Богом.

Но это далеко не так. Как установил английский исследователь Стивен Найт, автор ценного исследования «Братство. Секретный мир франкмасонов», опубликованного в 1983 году, тайное «неизрекаемое» имя Высшего существа у масонов — Великого архитектора Вселенной, которое сами братья хранят за семью печатями, звучит как «Ях-Бул-Он» и расшифровывается как составленное из имен трех богов: иудейского — Яхве (именно его всевидящее око мы наблюдаем в масонском треугольнике), древнеегипетского — Озирис (бог загробного мира) и ханаанский бог Баал (Ваал), изображавшийся с телом паука и тремя головами: человека, жабы и кота. Последний широко известен нам как Вельзевул или, проще говоря, дьявол, Сатана.

Таким образом, всемирный и надмирный владыка масонов всех стран на самом деле является совсем не христианским, а иудейско-вавилонско-египетским богом⁶⁴, и сконструирован он был, и это стоит подчеркнуть, задолго до 1717 года — времени образования Великой ложи Англии, скорее всего обществом розенкрейцеров⁶⁵. Темная духовная сущность масонства и его антихристианская направленность не подлежат никакому сомнению, что бы там ни говорили в этой связи его адепты.

Человек по природе своей двойственен, утверждают масоны. Его в одинаковой степени влекут к себе и духовная, и материальная стороны бытия с его соблазнами и грехом. Было время, когда весь человек принадлежал свету и, владея высшим знанием, обладал неслыханным могуществом. Грехопадение Адама лишило его этого состояния. Задача, следовательно, в том, чтобы, очистив себя от греха и отрешившись от мирских соблазнов, прислушаться к внутреннему голосу совести. Торжествующая совесть и деятельная нравственная жизнь — вот истинный путь вольного каменщика к божественному свету. Можно сказать, что в философском плане масонство есть не что иное, как идеализм — неистовая проповедь превосходства духовного, вечного над земным, временным, материальным.

Непосредственная же задача масонского сообщества — троякого плана. Первая — сохранение и передача потомству так называемого тайного знания. Вторая — нравственное очищение, прежде всего братьев по ордену, конечно, а в принципе и всего человечества. Третья же и конечная цель братства — достижение человечеством «Златого века Астреи», века мира, счастья и процветания на земле. Масонство давало братьям известную систему, определенное мирозерцание, и призывало их к усиленной работе над собственной личностью. В этом, собственно, и заключался главный секрет его успеха.

Говоря о масонстве, не следует упускать из вида еще одну важную особенность этого ордена — определившуюся еще в XVIII веке ярко выраженную масонскую солидарность братьев. Проповедуя общие цели, масоны всегда стремились действовать

солидарно друг с другом. Помимо мероприятий официального характера (съезды, конференции), немалую роль в поддержании братского духа в своей среде придают они личным контактам между братьями. Этому, в частности, много способствуют особые пароли и знаки, при помощи которых масоны всегда могут узнать друг друга и попросить о содействии или помощи. Это и масонское приветствие от брата к брату (салют), которое основано на треугольнике: правая рука поднимается к левому плечу и опускается, слегка коснувшись правого плеча. На этом же принципе треугольника основан и масонский знак молчания — быстрое движение правой рукой к левой стороне подбородка.

Любопытно, что и трехкратный братский поцелуй, которым так любили обмениваться наши руководители в недалеком прошлом с лидерами дружественных нам государств, тоже масонский по своему происхождению и трактуется как символ дружеского расположения, как, впрочем, и похлопывание правой рукой по левому плечу друг друга. Требование взаимной поддержки и взаимопомощи — одно из основных в масонской этике.

Важная роль в связи с этим отводится в масонстве особым масонским возгласам и прикосновениям как способу распознавания братьями друг друга вне помещений масонских лож. Ученик при этом поднимает под горло правую руку с оттянутым в сторону большим пальцем, остальные сжаты в виде наугольника, левая рука опущена вдоль туловища. Подмастерье правой рукой касается места сердца, отводит ее вправо и опускает вниз, левая рука опущена. Мастер кладет правую руку с оттянутым большим пальцем на левый бок, левая рука опущена. Определенные знаки присущи носителям каждой из высоких степеней. Наиболее известен «знак беды», используемый со степени мастера. Правая его нога отводится за левую, туловище слегка отклоняется назад, обе руки с переплетенными пальцами кладутся на голову ладонями вверх в сопровождении восклицания: «На помощь, дети Вдовы!» В США и Англии масон поднимает вертикально над головой ладони к небу, не скрещивая их, затем опускает с тремя малыми интервалами, произнося после каждого: «О Боже, мой Бог», а после третьего интервала восклицает: «Кто же придет на помощь сыну Вдовы!» Прочим ситуациям соответствуют другие знаки⁶⁶. Любопытно, что, в отличие от «профанов», здороваться у масонов принято только левой рукой, так как согласно древнееврейской Каббале правая рука означает необходимость и зло, а левая — добро и свободу.

Считая себя братьями, масоны всех стран обращаются друг к другу только на «ты», независимо от своего должностного и социального положения. Яркий пример братской масонской солидарности и взаимопомощи приводит в своих воспоминаниях известный декабрист Г.С. Батеньков. *«В одном из сражений в 1814 году, — пишет он, — в холодном и сыром январе месяце во*

Франции я, потерпевший многие раны и оставленный с трупами на поле сражения, был неприятельскими солдатами раздет до рубашки. Вслед за ними явились два офицера французской гвардии и обратили на меня внимание. Прикинув к моему лицу, удостоверились, что я жив, тотчас покрыли плащом убитого солдата и на своих руках донесли до шоссе через расстояние не менее полуверсты. Там сдали на фуры, собиравшие раненых, и строго приказали отвезти в госпиталь ближнего города и передать особому попечению медика. Впоследствии я узнал, что обязан спасением положению своей руки, которой закрывал одну из главных ран, случайно в виде масонского знака»⁶⁷.

Показателен еще один случай, произошедший с другим русским офицером-масоном П.П. Ланским под Кульмом. Догоняя свой эскадрон, он случайно наткнулся на раненого француза, которого солдаты хотели было пристрелить. Собрав все свои силы, увидев русского офицера, бедняга в порыве отчаяния высоко вскинул обе руки над головой, скрестив пальцы ладонями наружу. Это был масонский крик о помощи. И он был услышан П.П. Ланским, который не только остановил солдат в их намерении, но и оказал раненому брату первую помощь.

Случаев таких в масонских воспоминаниях можно найти немало. Настораживает, правда, что направлена масонская солидарность в первую очередь на своих же братьев. На «профанов» она, как правило, не распространяется, что всегда вызывало у последних, надо сказать, смешанные чувства. В воспоминаниях П.Н. Милюкова о его летней поездке 1893 года во Францию есть любопытный эпизод. *«Рано утром, — вспоминал он, — я спустился в ресторан отеля. В зале сидели поодаль и пили кофе два-три ранних посетителя. Я встретил тут и вчерашнего спутника по омнибусу и с ним разговорился. Не помню, почему разговор зашел о масонах. Он оказался сам масоном и заговорил о их всемогуществе во Франции. Чтобы доказать справедливость своих утверждений, он заметил: если бы мне сейчас здесь грозила опасность, мне было бы достаточно взять вот эту пепельницу и сделать условный жест. Я уверен, что кто-нибудь из присутствующих бросился бы мне на помощь. Проверить его слова не было повода, но они произвели на меня очень сильное впечатление: мне неоднократно впоследствии предлагали вступить в масонскую ложу. Я думаю, что это впечатление было одним из мотивов моего упорного отказа. Такая сила коллектива мне казалась несовместимой с сохранением индивидуальной свободы»⁶⁸.*

Организационная структура ордена определилась к середине XVIII века и предполагает постепенное восхождение братьев к вершинам масонской иерархии по лестнице степеней, в ходе которого они знакомятся с символикой и обрядностью ордена⁶⁹. Едва ли случайно, что масоны всегда берегли ее за тремя замками и за тремя ключами. В сущности говоря, символика и обряд-

ность — это своего рода некий мировой язык масонов, понятный только им самим.

Следует еще раз подчеркнуть, что основными, базовыми степенями масонства являются только первые три: ученик, подмастерье (товарищ) и мастер. Все остальное — только последующая надстройка над ними, когда еще в 1730—1740-е годы простое трехстепенное иоанновское масонство стало дополняться так называемыми рыцарскими степенями, а возведение в них — сопровождаться пышными и торжественными обрядами.

Сами масонские степени разделяются на символические (ученик, подмастерье, мастер), средние, или капитулярные, и высшие, или философские. Из капитулярных степеней наиболее важная 18-я, розенкрейцерская. Из философских — степень «кадош», святой — 30-я. Три последних степени считаются административными; им и принадлежит реальная власть в ордене. Три первых степени составляют так называемое «голубое» (синее) масонство. Степени с 4-й по 18-ю образуют «красное» масонство. «Черное», или философское масонство, составляют степени с 19-й по 29-ю. Наконец, так называемые административные степени (30-я — 33-я) образуют «белое» масонство. В степени с 4-й по 18-ю масоны возводятся капитулом, в степень с 19-й по 30-ю — ареопагом. Ритуальные ученые советы по возведению в степень с 31-й по 33-ю называются соответственно верховный суд, верховная консистория и верховный совет⁷⁰.

Наиболее распространенными в современном масонстве являются три системы ритуалов: Йоркский (американский) обряд, Древний и принятый шотландский обряд и, наконец, Исправленный шотландский обряд.

Первый из них базируется на интерпретации ланмарок Объединенной Великой ложи Англии с верой в Великого архитектора Вселенной, бессмертие души и на использовании Библии. Кроме обычных символических, практикуется работа в четырех высоких степенях, начиная с Королевской арки, управляемой особым Капитулом и тремя «тайными» градусами, дополненными четырьмя рыцарскими, тамплиерскими. Фактически они подразделяются на несколько обрядов с собственной организацией каждого.

Второй — Древний и принятый шотландский обряд — один из самых распространенных. Возник и действует до сих пор в ложах Верховных Советов северной и южной юрисдикций США под главенством великих командоров, широко практикуется и в других странах. Он насчитывает 33 градуса. Первые три градуса символических братств используют американский обряд, 4—14-я степени объединяют адептов лож совершенствования, 15-я и далее входят в состав философских советов при руководстве со стороны капитулов, ареопагов, трибуналов. Сложные церемонии в них воспроизводят мотивы Ветхого Завета с причудливы-

ми наименованиями градусов вроде «рыцаря-избранника девяти», «великого избранника», «князя иерусалимского», «великого понтифика небесного Иерусалима», «хранителя скинии» и т. д. Работы проводятся во славу Великого Архитектора, отличаясь многослойностью и эзотерическим подтекстом.

Исправленный шотландский обряд начал действовать с конца XVIII века по инициативе французского мистика Ж.-Б. Виллермоза, который несколько модифицировал популярную в немецких землях и Швеции систему девяти тамплиерских степеней так называемого строгого наблюдения, проникнутую христианской мистикой. В нынешней интерпретации в церемониях упор делается на подчеркивание церковных ценностей и рыцарских добродетелей, но без выпячивания мистических элементов. Распространен во Франции, Англии, США⁷¹.

Основной ячейкой масонского братства является ложа. Масонская ложа — это целый мир, символическое изображение которого в виде прямоугольника соответствует обозначению Вселенной у Птолемея. В то же время это и помещение, в котором собираются братья для своих работ, и совокупность ее братьев. Являясь низшим звеном масонской структуры, ложа может организовываться не менее чем семью масонами в степени мастера, обязательно с санкции своей федерации, которая также утверждает ее название, присваивает порядковый номер и организует церемонию ее открытия. Ложи в символическом значении подразделяются на голубые — для обладателей трех первых градусов — и совершенствования — для носителей высоких степеней, начиная с четвертой. По своим функциям они подразделяются на постоянные и временные (походными в армии и на военноморских судах, для пленных и политзаключенных). Существуют также исследовательские, траурные, столовые ложи.

Во главе ложи стоит управляющий, или мастер стула (венераль, председатель). Остальные должности следующие: 1-й и 2-й надзиратели, секретарь (хранитель печати), ритор, обрядоначальник, казначей, привратник и прочие. Глава целого союза лож называется великим мастером. При наличии многих лож они объединяются в великую ложу, которая, в свою очередь, выделяет для управления ими более узкий по составу Капитул или Директорию. Само устройство великих лож может быть либо иерархическим (шотландское масонство), либо представительным, выборным (масонство иоанновское).

Открывается ложа ударом молотка почтенного мастера, побуждающего братьев «к порядку». Взявшись особым образом за руки, они образуют священную масонскую цепь, символ единения братьев всех стран. После этого надзиратель ложи направляется к алтарю и приветствует мастера. Затем он открывает Библию и возлагает на нее угольник и циркуль, символы прямизны и меры. Как правило, Библия открывается на Евангелии от

Иоанна, содержащем признанный шедевр эзотеризма — Пролог. Населенный пункт, где находится ложа, называется обычно «Востоком». «Востоком» именуется, как правило, и высшее масонское правление. Учредительная грамота на открытие работ носит название Конституции.

Начинается процесс восхождения братьев по масонской иерархической лестнице со степени ученика. Именно здесь *«показывает ученик побуждение к исполнению обязанностей, которые каждый истинный масон должен хранить свято в ложе, так и вне оной. Здесь доставляется ему случай размышления о масонстве и той нравственной цели, которую имеет эта степень»*⁷². На это же нацелен в первую очередь и тщательно разработанный ритуал масонского посвящения в эту степень. Профан, ищущий степени ученика, прежде чем попасть собственно в ложу, проводил некоторое время в так называемой комнате размышлений, чтобы иметь возможность задуматься о бренности и скоротечности человеческой жизни. После того как с «ищущего» наконец-то снимали повязку для глаз и оставляли одного, изумленному взору его предстала странноватая картина. В одном углу стол с черепом, из глазных впадин которого выбивается свет. Рядом с ним Библия и песочные часы. В другом углу — человеческий скелет с подписью: «Ты сам таков будешь». В двух других углах — по гробу: в одном мертвец, другой же гроб пуст. Через четверть часа в помещение входил обрядоначальник ложи и пространно излагал ищущему цель ордена, после чего тот получал наконец возможность пройти в центральное помещение ложи.

«Труден путь добродетели», — такими словами обычно начинал ритор свое наставление во время торжественного шествия в ложу ищущего посвящения. *«Необычное зрелище являло это шествие, — писала Т. Соколовская, — вели разутого, полураздетого человека с завязанными глазами, неуверенно ступавшего, невзирая на дружески направлявшую руку руководителя, одетого вычурно, украшенного различными знаками и лентами, в круглой шляпе и с накинутой на плечи епанчю; длинный сверкающий меч держал руководитель в протянутой свободной руке и острием его слегка касался обнаженной груди посвящаемого. Три ударами в дверь ритор просит доступа в ложу. Приоткрыв дверь, брат «стерегущий» спрашивает:*

— Кто нарушает покой наш?

— Свободный муж, который желает быть посвященным в орден свободных каменщиков, — следует ответ»⁷³.

После того как ищущий оказывался в центральном помещении ложи, его тут же подвели к масонскому ковру, задавали вопросы и наставляли о трудности избранного им пути. Далее ищущий должен был преклонить колена перед жертвенником и, положив правую руку на открытое на первой главе Евангелие от Иоанна, дать клятву соблюдать все масонские обеты и свято

хранить масонскую тайну. Характерно, что во время клятвы мечи братьев устремлены на посвящаемого. После этого загорался свет, к груди ищущего приставлялся развернутый циркуль, мастер ложи ударял по его головке молотком и подставлял чашу, в которую стекала кровь из раны. На этом церемония считалась оконченной. Мастер торжественно объявлял о приеме в степень нового ученика, которому тут же возвращались отобранные у него при входе в ложу его собственные одежда и вещи. Масоны тепло приветствовали своего собрата.

Вторая степень — это степень «товарища», или подмастерья. *«Товарищ должен готовить себя к получению достоинства мастера размышлением о свойствах совершенного масона». Он должен знать «те свойства, которых братство требует от совершенного масона, равно ему должно быть известно и управление ложею», — читаем мы в «Уложении Великой ложи «Астреи» на Востоке Санкт-Петербурга» 1815 года⁷⁴.*

Центральная идея посвящения в следующую — мастерскую степень заключена в принципе так называемой «масонской тайны», даже если для этого понадобилось бы пожертвовать собственной жизнью. В основу ее обрядности положена уже упоминавшаяся легенда об Адонираме — строителе Иерусалимского храма. При приеме в эту степень помещение ложи специально затягивалось черными тканями; на стенах черепа и кости с надписью: «помни о смерти». На полу черный ковер с нашитыми на нем золотыми слезами. На ковре устанавливался открытый гроб; трехсвечные светильники поддерживались человеческими скелетами. Центральной частью обряда являлась символическая смерть Адонирама, в роли которого выступал посвящаемый. Основной мотив посвящения в мастерскую степень — идея жертвенности, презрения к смерти и пробуждения убитого Адонирама к жизни в каждом новом мастере⁷⁵. Известны случаи, когда посвящаемого в степень мастера в буквальном смысле этого слова укладывали в гроб, причем на сердце его тут же возлагали золотой треугольник с именем Иеговы и ветку акации или терновника. А в голове и ногах — орудия убийства Адонирама: лопатка, циркуль и наугольник.

Если в основе обряда посвящения в мастерскую степень лежит легенда об Адонираме, то при посвящении в одну из высших степеней ордена — 30-ю в старом и принятом шотландском обряде — «Рыцаря белого и черного орла, великого избранника калош» использовались мотивы другой не менее распространенной масонской легенды — о якобы безвинной казни в 1314 году врагами ордена великого магистра Жака де Молэ. Обрядность этой степени уже давно привлекает внимание исследователей, так как вопреки обычному представлению о миролюбивом характере масонства вся она буквально проникнута страстной проповедью необходимости борьбы со злом силою. Это и неуди-

вительно, так как прямое назначение ее — подготовка посвящаемых в мстители за «попранные права человечества». Как установила в свое время Т.О. Соколовская, изучавшая обрядники начала XIX века, цвет тканей, использовавшихся для украшения ложи при посвящении в 30-ю степень, был цветом печали, крови и смерти. *«Ни сверкающий золотом и лазурью священный треугольник с оком Провидения, ни пламенеющая звезда с многозначительной буквой G, — не венчали балдахина, за которым почти скрывалось кресло командора. Над ним царил венчанный золотой короной двуглавый орел с распростертыми крыльями. Это был грозный орел непреклонной борьбы; в его сжатых когтях был меч. На груди орла в небольшом треугольнике начертано было священное имя: «Адонай»⁷⁶.*

Босой, с веревкой вокруг шеи, медленно следовал ищущий степени «рыцаря кадош» за своим водителем в полутемный зал ложи, освещенный горящими факелами в руках братьев. Слышалось бряцание мечей. Стоит отметить, что веревка вокруг шеи посвящаемого символизировала виселицы, на которых окончили свой земной путь многие храмовники. Горящие же факелы в руках братьев напоминали о костре, в пламени которого сгорел великий магистр Жак де Молэ. После обязательной в таких случаях клятвы испытуемого облачали в ритуальные одежды и вручали ему отличительный знак «Рыцаря кадош» — красный эмалированный восьмиугольный крест с овалом в центре, на одной стороне которого было изображение мертвой головы, пронзенной кинжалом. Обладатели степени «Рыцаря кадош» именовались в масонском кругу «сынами света» или «сынами Солнца», которым якобы только и было открыто великое знание.

Отличительными знаками разных степеней масонства являются цвета, числом семь, как в радуге: голубой, черный и белый — символического, красный — Королевской арки, пурпурный — всего сокровенного. Белый и черный цвета свойственны степеням рыцарей-тамплиеров. В шотландском обряде каждому градусу соответствует определенный цвет. Белый олицетворяет чистоту, невинность, непогрешимость; черный — смерть и печаль; голубой — небесный свод как эмблему универсальности и бесконечности данного ордена; красный указывает прежде всего на высокие степени посвящения; пурпурный присущ высшим должностным лицам англосаксонских федераций; зеленый характерен для исправленного шотландского обряда и т.д.

Нами уже отмечалось христианское происхождение большей части принятых в масонстве символов: крест как символ спасения и искупления, круг или кольцо (символ вечности) и равносторонний треугольник — символ триипостасного Бога, святой Троицы. Вершина треугольника всегда должна быть обращена вверх. В центре же его помещается обычно изображение всевидящего ока Провидения либо таинственное написание имени Великого архитектора Вселенной. Широко распростране-

ны у масонов и звезды: пятиконечная или пламенеющая звезда — мировой разум, предвечная тайна, символ совершенства духа⁷⁷. Обращенная, согласно древнееврейской Каббале, одним лучом вверх, она символизирует Спасителя. Напротив, обращенная двумя лучами вверх — силы тьмы. Шестиконечная же звезда или звезда Давида есть священный иудейский знак (печать Соломона) — символ вечного противостояния двух борющихся начал в мире: добра и зла, Бога и дьявола.

Среди других наиболее распространенных масонских символов: солнце (истина), луна (чистая любовь), три светильника (Святая Троица), циркуль и наугольник (символы меры, закона и совести), отвес (равенство), дикий камень (грубая нравственность), кубический камень (обработанная нравственность), пчелиный улей (трудолюбие), ветка акации (бессмертие), гроб, череп и кости (печаль, презрение к смерти), белые одежды, запоны и белые перчатки (чистота помыслов), круглая шляпа (вольность), три столба (сила и красота)⁷⁸. Особо важное значение в масонской символике играет молоток — символ веры, власти и повиновения.

Остановимся подробнее на наиболее значительных из них. Так, дельта — четвертая буква греческого алфавита в виде треугольника с изображенным внутри оком, символизирует библейского Иегову, а в масонском Храме — Великого архитектора Вселенной. Дельта олицетворяет также рассеивающее туман знание, обнаруживая совершенные формы огненной тетраграммы. Согласно масонскому обычаю, в братствах досточтимый мастер, первый и второй надзиратели составляют начальный треугольник — символ могущества и власти. Досточтимый мастер с секретарем и оратором образуют уже следующий треугольник — знания, памяти и сообщений. Досточтимый же мастер, дарователь и казначей образуют треугольник путей и средств. Следует иметь в виду, что дельта имеет немало и других эзотерических значений.

Огромное значение придается в масонской символике циркулю. В сочетании с наугольником циркуль является основным инструментом каменщика для производства измерений. У масонов циркуль считается активным началом, воздействующим на материю раздвигаемыми частями с высшим углом в 180 градусов, когда он превращается в прямую линию. В мастерской степени его раздвигают на 45 градусов, причем пару ему составляет наугольник, символизируя дух и возможности познания, которые нельзя превзойти⁷⁹.

Пирамида, т.е. остроконечная геометрическая фигура, имеющая треугольную, четырехугольную или семиугольную основу, олицетворяет в масонской символике духовную мощь и превосходство, свободные от материального мира и человеческих сла-

бостей и стремящиеся к недостигаемой вершине. Пирамида считается также олицетворением поисков человеком истины и света.

Огромную роль в масонской символике играют и числа на основе учения древнегреческого философа Пифагора с дополнениями из древнееврейской Каббалы. Каждая из первых десяти цифр имеет свое особое мистическое значение. Единица олицетворяет начало и конец единства, проявлением которой является орден. Цифра «два» олицетворяет колонны масонского храма, направления «Восток — Запад». «Три» — треугольник со многими значениями. «Четыре» — стороны Храма, священная тетраграмма, светоносная Дельта с буквой G внутри. «Пять» — Пламенеющая звезда, цифра степени подмастерья. «Шесть» — гексаграмма, или печать Соломона, т.е. шестиконечная звезда. «Семь» — вершина голубого масонства, одно из чисел мастера, ибо столько же каменщиков отправились якобы на поиски убитого Хирама. «Восемь» — стабильность. «Девять» — тройная троичность, второе священное слово степени мастера, зарождение и восстановление жизни, совершенный синтез треугольника и четырехугольника. «Десять» — связана с понятием Каббалы, это совершенство Божества, развившего все свои возможности, что возвращает нас к единому сущему. Нумерология в сочетании с прочими символическими атрибутами придает стройность и логичность традиционным работам в ложе⁸⁰.

В отличие от «кроткого» «иоанновского» масонства первых трех степеней, в учении которого преобладают этические мотивы: надежда на изменение человека к лучшему, непротивление злу насилием и пр., при посвящении братьев в высшие, «андеревские» степени («красное» масонство) к уже известным им «иоанновским» знакам присоединяются новые: меч — как символ необходимости борьбы за идею, венец — знаменующий собой мудрость, роза — как символ вечной жизни, крест — символ страдания, ключ — как знак познания тайн бытия и кинжал — как символ неизбежного возмездия предателям дела ордена⁸¹. Одним из распространенных девизов масонства высших степеней является знаменитое «победить или умереть!».

Говоря о масонстве, нельзя не сказать и об особых масонском алфавите и календаре, без знания которых исследователю часто бывает не обойтись. Что касается алфавита, то в основу его положено старофранцузское или староголландское письмо. Буквы при этом заменяются масонами на прямые и острые углы, квадраты, а также пересекающиеся прямые линии с точками внутри или без них. В настоящее время специальный масонский алфавит употребляется редко. Другое дело — масонский календарь. Англосаксонские, французские и немецкие масоны к началу сущего относят «год истинного света», т.е. дату сотворения мира по библейской традиции — 4000 год до н. э. Масоны, как правило, добавляют к этой дате еще и год от рождества Христова. Не-

которые же масонские ассоциации, например в Швейцарии, используют и так называемую «еврейскую хронологию», с добавлением 3700 лет (до сентября) или 3671 год к григорианскому календарю. Используют масоны в качестве отправной точки своей хронологии и дату восстановления Соломонова храма в Иерусалиме (503 год до н. э.), а также создание ордена тамплиеров (1118 год н. э.). Во избежание путаницы дается обычно латинская аббревиатура в сопровождении двух-трех букв с добавлением к каждой трех точек — известного знака принадлежности к масонству⁸².

Закончить эту главу уместнее всего словами нашего известного философа Н.А. Бердяева: *«Масонство есть то, чем все пользуются, а не то, что всем пользуется. И сейчас, — писал он в 1926 году, — им, по преимуществу, пользуются для целей нехристианских и антицерковных. Политически европейское масонство есть сейчас направление буржуазного радикализма. Менее всего масоны коммунисты. Масонство есть чисто буржуазная идеология, и духовно буржуазная, и социально буржуазная. Вокруг него группируются левые и свободномыслящие буржуазные элементы, представители буржуазно-прогрессистского гуманизма. И, мне представляется, вредно окружать масонство ореолом»*⁸³. И действительно, вся история европейского, да и американского масонства в XIX—XX веках не оставляет места для иллюзий относительно действительной роли «братьев» — «вольных каменщиков» в мировой истории.

Примечания

- ¹ Клизовский А. Правда о масонстве. Рига, 1990. С. 10–11.
- ² Яблоков И.Н. Религиоведение. М., 1998. С. 406.
- ³ Элбакян Е.С. Масоны, их деятельность в современной России // Словарь религий народов современной России. Отв. ред. М. Мchedлов. М., 1999. С. 214.
- ⁴ Вашутин М. Политическое масонство и его участие в крамоле в России. По поводу книги «Масонское действо». Харьков, 1914. С. 3–4.
- ⁵ Йейтс Франсес. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999. С. 368.
- ⁶ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 59–60.
- ⁷ Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994. № 7–8. С. 86–87.
- ⁸ Карпачев С.П. Краткий очерк истории западноевропейского и русского масонства XVIII–XIX веков // Масонство и масоны. Сборник. Вып.2. М., 1997. С. 27.
- ⁹ Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии в XVIII–XIX веках // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1991. С. 2–3.
- ¹⁰ Замойский Л. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 123–124.
- ¹¹ Некрасов С.М. И.В. Лопухин — автор Духовного рыцаря // Лопухин И.В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М., 1994. С. 52.
- ¹² Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 44–47.
- ¹³ Мелком Барбер. Процесс тамплиеров. М., 1998. С. 413–424.
- ¹⁴ Там же. С. 405.
- ¹⁵ Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 108.
- ¹⁶ Волошин М.А. Пророки и мстители. Предвестники великой революции // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 365.
- ¹⁷ Робинсон Дж. Масонство: забытые тайны. М., 2000. С. 392.

- ¹⁸ Мельвиль Марион. История ордена тамплиеров. СПб., 1999. С. 386.
- ¹⁹ Парнов Е.И. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М., 1985. С. 194–198.
- ²⁰ Ритман И.-Р. 500 лет гнозиса в Европе // 500 лет гнозиса в Европе. Амстердам, 1993. С. 6.
- ²¹ Королев Ю.Л. Орден розенкрейцеров в прошлом и настоящем. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1997. С. 9.
- ²² Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730–1917). М., 1993. С. 13.
- ²³ Королев Ю.А. Орден розенкрейцеров в прошлом и настоящем. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1997. С. 10.
- ²⁴ Гартинг Франц. Жизнь Парацельса и сущность его учения. / Пер. с англ. Изд. 2-е. М., 1998.
- ²⁵ Йейтс Франсес. Розенкрейцеровское просвещение. М., 1999. С. 67–68.
- ²⁶ Там же. С. 68.
- ²⁷ Шустер Георг. Тайные общества, союзы и ордена. СПб., 1905. Т. 1. С. 291.
- ²⁸ Там же. С. 291.
- ²⁹ Орлов М.А. Алхимия. Пг., 1917.
- ³⁰ Королев Ю.А. Орден розенкрейцеров в прошлом и настоящем. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1997. С. 17.
- ³¹ Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII–XIX веков // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1991. С. 15.
- ³² Шустер Георг. Тайные общества, союзы и ордена. СПб., 1905. Т. 1. С. 291.
- ³³ Парнов Е.И. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М., 1985. С. 39–41.
- ³⁴ Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 106.
- ³⁵ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 317–318.
- ³⁶ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730–1917. М., 1993. С. 24.
- ³⁷ «Законы Великой масонской ложи «Астрей» на Востоке Санкт-Петербурга, или Под конституцией Великой ложи «Астрей» состоящего масонского союза. Часть 2. 5815 (1815). С. 99.
- ³⁸ Нравоучительный катехизис истинных франкмасонов (1791) // Онгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 55–60.

- ³⁹ Законы Великой масонской ложи «Астрей» на Востоке Санкт-Петербурга, или Под конституцией Великой ложи «Астрей» состоящего масонского союза. Часть 2. 5815 (1815). С. 314.
- ⁴⁰ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 144.
- ⁴¹ День. 1992, 26–31 октября. С. 4.
- ⁴² Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Журнал русской религиозной мысли. Париж, 1926. № 4. С. 146.
- ⁴³ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 186.
- ⁴⁴ Прот. Молчанов Борис. Антихрист // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 1990. № 1–2. С. 22.
- ⁴⁵ Там же. С. 131.
- ⁴⁶ Так истязается и распинается истина. А.Ф. Лосев в резолюциях ОГПУ // Источник. Вестник Архива Президента РФ. Документы русской истории. 1996. № 4. С. 119.
- ⁴⁷ Там же. С. 122.
- ⁴⁸ Там же. С. 127.
- ⁴⁹ Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Журнал русской религиозной мысли. Париж, 1926. № 4. С. 146.
- ⁵⁰ Саттон Энтони. Как орден организует войны и революции. / Пер. с англ. М., 1995. С. 20.
- ⁵¹ Рид Дуглас. Спор о Сионе. М., 2000. С. 131.
- ⁵² Боголюбов Николай. Тайные общества XX века. Изд. 2-е. СПб., 1997. С. 231.
- ⁵³ Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Журнал русской религиозной мысли. Париж, 1926. № 4. С. 145.
- ⁵⁴ Кружок русских масонов в Англии. Заметки о масонстве. Лондон, 1928. С. 13.
- ⁵⁵ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 17.
- ⁵⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 347.
- ⁵⁷ Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1991. С. IX.
- ⁵⁸ Острцов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С. 527.
- ⁵⁹ Соколовская Т.О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1991. С. 51.
- ⁶⁰ Карпачев С.П. Краткий очерк истории западноевропейского и русского масонства XVII–XIX веков // Масонство и масоны. Сб. статей. М., 1997. С. 4.
- ⁶¹ Кружок русских масонов в Англии. Заметки о масонстве. Лондон, 1928. С. 14.

- ⁶² Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 12–13.
- ⁶³ Финдель И.Г. История франкмасонства. Т. 1. СПб., 1872. С. 104.
- ⁶⁴ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 109–111.
- ⁶⁵ Там же. С. 113.
- ⁶⁶ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 240.
- ⁶⁷ Батеньков Г.С. Масонские воспоминания // Масонство и русская культура. Сост. Н.И. Новиков. М., 1998. С. 329.
- ⁶⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 111.
- ⁶⁹ Соколовская Т.О. Обрядность прежнего русского масонства // Русская старина. 1907. № 11. С. 351–352.
- ⁷⁰ Микеле Морамарко. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 160–161.
- ⁷¹ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 299–300.
- ⁷² Уложение Великой ложи «Астрей» на Востоке Санкт-Петербурга. СПб., 1815. С. 117.
- ⁷³ Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1991. С. 89–90.
- ⁷⁴ Уложение Великой ложи «Астрей» на Востоке Санкт-Петербурга. СПб., 1815. С. 121.
- ⁷⁵ Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1991. С. 86–92.
- ⁷⁶ Там же. С. 104.
- ⁷⁷ Васильев С., Гайдук Д., Нугатов В. Энциклопедия мистических терминов. М., 1998. С. 378.
- ⁷⁸ Соколовская Т.О. Обрядность вольных каменщиков // Масонство в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1991. С. 98.
- ⁷⁹ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 319.
- ⁸⁰ Там же. С. 321–322.
- ⁸¹ Соколовская Т.О. Обрядность прежнего русского масонства // Русская старина. 1907. № 12. С. 710.
- ⁸² Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 251.
- ⁸³ Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Париж, 1926. № 4. С. 146.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОЙ ЛОЖИ АНГЛИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАСОНСТВА В МИРЕ (XVIII–XX вв.)

Литература, посвященная истории возникновения и распространения современного масонства, поистине необозрима. Наибольшее значение имеют труды западных исследователей, причем из работ последнего времени наибольшего внимания, по мнению специалистов, заслуживают: книга Стивена Найта «Братство. Секретный мир франкмасонов» (1983), «Международный лексикон вольных каменщиков» немецких авторов Ленхофа и Познера (1980), «Ремесло. История английского франкмасонства» Джона Хэмилла — главного библиотекаря исследовательской ложи «Четверо коронованных» Объединенной Великой ложи Англии (1994), «Молчаливое братство» Юргена Холторфа из ФРГ (1984), а также изданный в 1987 году в Париже «Исторический словарь франкмасонов». Определенную ценность для историка представляют и труды исследователей из бывших так называемых «социалистических стран»: Болгарии (Георгиев Величко. Масонство в Болгарии. 1986), Польши (трехтомное исследование «Масонство в Средней и Восточной Европе XVIII и XIX веков» Людвика Хассы, 1982–1987), Венгрии (исследование Жужи Надь) и др.¹.

Первые документальные свидетельства о братствах вольных каменщиков в Англии относятся к XIV веку (1376 г., Лондон). Проникли они сюда скорее всего из Германии, где уже в XIII веке существовал союз каменотесов, объединявший целый ряд братств. Первая ложа каменщиков — строителей церквей была создана в 1215 году в Магдебурге. Как бы то ни было, от XIV века до нас дошли сведения о первых уставах братств вольных каменщиков. Из них, в частности, видно, что помещение у них, как и у современных масонов, называлось ложей, за порядком в производстве работ следили мастера и смотрители, братства имели свои уставы, тайные пароли, прикосновения и знаки. Вступающий в братство давал присягу над Библией. На ежегодные собрания лож братья должны были являться в белых фартуках и перчатках — одним словом, все как у современных масонов.

Со второй половины XVI века братства каменотесов в Англии приходят в упадок. Новый архитектурный стиль (ренессанс), который пришел на смену готике, резко изменил условия труда каменщиков и потребовал от них новых приемов работы. С победой Реформации в стране исчез главный заказчик строитель-

ных работ — могущественная и богатая католическая церковь. Кризис строительного ремесла привел к тому, что часть братств распалась. Те же, что выжили, постепенно выделяются из цехов. Дело в том, что в то время, как цеха ведали чисто ремесленными делами, львиная доля усилий братьев вольных каменщиков была направлена на поддержание традиции, моральную и материальную поддержку братьев. В отличие от цехов, для вступления в братство вольных каменщиков теперь уже не требовались профессиональные знания, что открывало прямую дорогу к постепенному преобразованию строительных братств в сообщества духовного характера.

Первое упоминание о масонской ложе в Англии, точнее в Шотландии (Эдинбург), относится к 1600 году². Документальным же свидетельством первого вступления профана в масонскую ложу является запись в дневнике лондонского антиквара Элиаса Ашмола (принят 16 октября 1646 года в одну из лож в Уоррингтоне (Ланкшир))³. Во второй половине XVII века в масонских ложах Англии было уже немало знати, купцов и представителей ученого мира. Присутствие в это время среди масонов лиц, не имевших никакого отношения к строительному ремеслу, дает историкам право различать как «оперативных» (настоящих), так и «спекулятивных» (умозрительных, или философствующих) братьев.

Такова предыстория исторического события 24 июня 1717 года, когда в лондонской таверне «Гусь и вертел» четыре лондонских ложи: «Гуся и противня», «Короны», «Яблони» и «Виноградной кисти» (по названиям таверн, в которых они собирались) решили объединиться в одну Великую ложу Англии, избрав из своих рядов великим мастером дворянина сэра Энтони Сэйера. Капитан Джозеф Эллиот и плотник Джекоб Лэмболл стали великими смотрителями ложи⁴. Упоминание о плотнике Джекобе Лэмболе весьма показательно: мы видим, что даже в начале XVIII века процесс вытеснения из масонских лож настоящих, или «оперативных», каменщиков каменщиками «спекулятивными» был еще не вполне завершен.

В 1718 году к масонству примкнул придворный проповедник принца Уэльского Теофил Дезагюлье, а уже через несколько лет в масонских ложах оказались такие видные представители аристократического титулованного дворянства той поры, как герцог Монтегю, герцог Уортон, граф Долькес и другие. В первые годы существования ордена вольных каменщиков в Англии в нем было всего две степени посвящения (ученик и мастер). Немного позже по инициативе братьев к ним добавилась промежуточная степень подмастерья. Они-то и составили так называемые «градусы» или степени «иоанновского» (голубого) английского масонства. Обсуждение в ложах волновавших в то время братьев вопросов (кроме политических и религиозных, что

не допускалось) было свободным, начальство — выборным, общая обстановка — демократической. Несмотря на присутствие аристократов, преобладали в ложах все-таки буржуазные элементы, представители так называемого третьего сословия. Однако руководство ложами вскоре оказалось всецело в руках аристократов. *«Тем самым ремесленные братства превратились в организацию среднего класса, желающего состоять под руководством аристократов»*, — писал в этой связи английский историк А. Роббинс⁵. Правильнее было бы все же сказать, что реалии тогдашней Англии, да и других стран Европы были таковы, что масоны вынуждены были искать покровительства у аристократов в интересах дела.

В 1721 году пресвитерианский пастор, доктор богословия Джеймс Андерсон составил кодекс масонских уставов и правил под названием «Новая книга конституций». В 1723 году с одобрения Великой ложи Англии она была опубликована в качестве официального руководства для масонских лож. *«Масон является мирным подданным гражданской власти, где бы ни приходилось ему работать, — утверждалось здесь. — Он не примет участие ни в каких замыслах против мира и благополучия»*. Запрещались в ложах и какие-либо религиозные, национальные и политические споры⁶. Основная мысль «Книги уставов» 1723 года — это утверждение религиозно-нравственного характера масонства. *«Нравственное усовершенствование признавалось средством достижения рая за гробом и золотого века на земле»*⁷.

«Согласно своему званию, масон обязан подчиняться нравственному закону», — читаем мы здесь. И еще: *«...сегодня считается более целесообразным придерживаться той религии, которую исповедуют все люди, оставив для себя свои собственные взгляды»*. Но никакой религии, которой якобы придерживаются «все люди», никогда не существовало. У каждого народа своя вера. Понятно, что речь здесь идет о христианском универсализме, который, собственно, и был провозглашен религией масонов. Так, уже буквально с первых шагов современного масонства определился деистический, внеконфессиональный характер его деятельности.

*«Масонство есть чисто буржуазная идеология, — отмечал Н.А. Бердяев, — причем, в сущности, очень плоская. Это есть самая банальная вера в прогресс и в гуманность, непонимание глубокого трагизма мировой истории. Масоны неатеисты исповедуют плоский деизм»*⁸. Очень сильно сказывались в масонстве XVIII века мистические и оккультные черты, хотя в дальнейшем на протяжении XIX и особенно в XX веке влияние их на масонство непрерывно падало.

Что же касается исторической части труда Джеймса Андерсона, то начинал он, как водится у масонов, от Адама и Евы. После рассказа о падении Римской империи в центре его пове-

ствования оказывается наконец Европа, главным образом Англия, где в XI веке усилиями святого Олбена якобы и возрождается масонство⁹.

Если у колыбели английского масонства наряду с Джеймсом Андерсоном стоял его близкий друг, французский эмигрант Джон Теофил Дезагюлье, то во Франции масонские ложи были организованы и патронировались уже англичанами, изгнанными в 1688 году из своего отечества противниками Якова II Стюарта. Первая ложа в Париже была образована в 1732 году и сразу же была признана англичанами. Несколько раньше, в 1728 году, ложи английского образца появились в Мадриде, в 1733 году — в Германии (Гамбург). В 1738 году в масоны был посвящен будущий прусский король Фридрих II. За каких-нибудь два десятка лет масонство охватило Европу, как пламя сухой сена¹⁰. И это не было случайностью. *«Цех вольных каменщиков, — пишет современный исследователь, — был наиболее удобен для того, чтобы дать форму общественному течению, в котором религиозные (неортодоксальные) взгляды сочетались бы с практическими целями готовить элиту для грядущих перемен»*¹¹.

Уже с первых шагов масонства в Европе стало ясно, что простое трехстепенное английское масонство не удовлетворяет аристократов континентальной Европы, на покровительство которых, собственно, и делалась ставка. Это побудило руководителей ряда масонских лож обрядиться в тогу реформаторов и учредить в 1740-е годы в Англии над тремя первыми степенями еще одну — Капитул Королевской Арки. Середина и вторая половина XVIII века в Англии были годами напряженной борьбы уже между самими реформаторами масонства, приведшей в конце концов к его расколу. В 1751 году, наряду с Великой ложей Англии, в Лондоне была учреждена еще одна великая ложа. После чего борьба между масонами разгорелась с новой силой. Главным предметом разногласий были нововведения, внесенные в обряды и уставы масонских лож в 1730—1740-е годы. Противники Великой ложи Англии, основанной в 1717 году, обвиняли ее в дехристианизации ритуалов и пренебрежении эзотерическим моментом в масонстве. Компромисс был найден только в 1813 году с образованием «Великой соединенной ложи Англии».

Среди великих магистров Великой ложи Англии середины и второй половины XVIII века — внук Георга II герцог Кумберлендский (1745—1790), короли Георг IV, Вильгельм II и другие представители королевской фамилии.

Но вернемся к 1730—1740-м годам, когда не удовлетворенные трехступенным иоанновским масонством наиболее ретивые реформаторы его начинают борьбу за введение дополнительных, так называемых «рыцарских» степеней. Первой удачной попыткой такого рода стала Клермонтская «система». Возникновение ее исследователи связывают с иезуитской Клермонт-

ской коллегией в Париже, которую любил посещать изгнанный из Англии король Яков II Стюарт. Здесь, в так называемой «королевской ложе», и возникла первая «высокая степень» — степень «шотландского мастера». В последующем число «рыцарских степеней» увеличилось до шести. Девизом «рыцарских степеней» стал боевой клич первых крестоносцев — «божья воля!».

Внутреннее устройство и обрядность Клермонтской системы также во многом напоминали организационную структуру и обрядность средневековых духовно-рыцарских орденов, в частности тамплиеров. Особенно велик вклад в становление системы высоких степеней в Европе сэра Эндрю Рамсея (1681–1743), с именем которого связывают возникновение того, что получило название «Шотландского ритуала» или «Древнего и принятого шотландского устава», общее число степеней в котором дошло в конце концов до 33¹². Свое название эта система получила из-за того, что учредителями ее были выходцы-эмигранты из Шотландии. Но родиной этой системы, широко распространившейся ныне по всему миру, была все-таки не Шотландия, а Франция.

Помимо претензий на родство с тамплиерами, шотландские масоны были не прочь записать в число своих предшественников и Мальтийских рыцарей, как хранителей и продолжателей традиций языческого и древнего иудейского вольного каменщичества¹³. Основное содержание работ шотландских братьев — просвещение, благотворительность, а также нравственная и материальная поддержка братьями друг друга¹⁴.

В Германии¹⁵ продолжателем дела Эндрю Рамсея стал барон Карл Готлиб Гунд (1722–1776), разработавший и внедривший в немецкие ложи систему так называемого «Строгого послушания». Устав лож этой системы был строг и требовал безоговорочного подчинения членов лож младших степеней старшим. Всего таких степеней по конституции системы «Строгого послушания» было шесть: три иоанновские, четвертая — «шотландский рыцарь», пятая — «послушник» и шестая — «рыцарь храма». Расцвет системы «Строгого послушания» приходится на 1760-е — 1770-е годы. В 1764 году состоялся первый съезд приверженцев Гунда. Заместителем Гунда в 1772 году стал герцог Фердинанд Брауншвейгский. Деятельным помощником его был также известный немецкий мистик Иоганн-Христофор фон Вельнер. Достойно упоминания, что в 1770 году масоном стал известный немецкий поэт и философ И.-В.Гёте.

По их инициативе на масонском съезде в Вильгельмсбаде в 1782 году вся Европа была разделена на масонские державы или провинции. Россия среди них значилась как восьмая. В том же году среди лож системы строгого наблюдения или послушания произошел раскол. Дело в том, что исторической связи с тамплиерами немецким братьям показалось мало, и они на том же Вильгельмсбадском конгрессе принимают ответственное реше-

ние, согласно которому на самом деле вольное каменничество якобы древнее ордена тамплиеров и ведет свое начало из глубины веков. С этим, однако, не захотели согласиться шведские масоны, которые и после 1782 года продолжали связывать начало своего ордена с орденом храмовников. Особенность шведской системы — ее строго христианский характер; лицам других конфессий вход в ложи был категорически воспрещен.

Если в чистом английском масонстве под масонской тайной понимается обычно тайна символов и тайны некоторых нравственных постулатов, то в шведском масонстве под тайной понималась уже самая настоящая мистика и оккультизм. Шведская система весьма сложна, но основные составляющие ее — это английское масонство в нижних степенях, розенкрейцерство в высших и система «Строгого послушания», отразившаяся на всех ее степенях (всего их было 10). Последняя 10-я степень — «рыцаря-командора красного креста» — составляла высшее правление в этом ордене.

Борьба между противниками и приверженцами закрепления в масонстве так называемых «рыцарских степеней» имела принципиальный характер. Дело в том, что английские или, правильнее, иоанновские ложи — это так называемое нравственно-философское масонство — отличались не только простотой обрядов (всего три степени), но и демократичным характером работ (благотворительность, изучение Ветхого Завета, выборность и ответственность перед братьями начальников ложи и т. п.). Масонские же ложи, допускавшие так называемые «рыцарские степени», главным своим занятием считали изучение герметической философии и алхимии и отличались пышной обрядностью. Однако главной их особенностью была все же организационная. Во главе их лож стояли неограниченные и, как правило, тайные начальники; в самих ложах господствовала строгая дисциплина и беспрекословное повиновение нижестоящих вышестоящим.

Из масонских ассоциаций этого толка наиболее известны ордена мартинистов, филалетов и розенкрейцеров. Последний из них, пожалуй, наиболее показателен в этом плане. Официальное выделение берлинских братьев из брауншвейгской системы и образование ими собственного ордена «Злато-розового креста» произошло в 1782 году. Организационная структура нового ордена имела ярко выраженный авторитарный характер: первые три иоанновские степени — ученик, товарищ, мастер; одна высшая шотландская степень мастера и обособленно стоявшая тайно от остальных каменщиков теоретическая степень Соломоновых наук — как некое связующее звено между собственно масонами и «братством просветленных», представлявшим так называемый «внутренний орден» в масонстве¹⁶. Попадали в теоретическую степень иоанновские мастера по выбору старших

братьев. Алхимия, теософия и мистика — вот обычный круг их занятий. В масонских бумагах розенкрейцеров сохранились подробнейшие описания их обрядов с целью вызывания злых и добрых духов и даже сотворения из майской росы и менструальной крови женщины гомункула — искусственного человека в колбе¹⁷.

Наряду с масонством нравственным и мистическим широкое распространение в Европе уже во второй половине XVIII века получило и масонство политическое, главной целью которого была борьба с абсолютизмом и церковью за овладение властью. Наибольшее распространение политические ложи получили в католических странах, прежде всего во Франции и Италии, так как именно здесь масоны подвергались наибольшим притеснениям и гонениям со стороны церкви и государства. И напротив, там, где к ним относились терпимо (страны, где победила Реформация) и позиции церкви были ослаблены (Англия, часть германских княжеств, Голландия, Швеция), не встречая серьезного сопротивления по отношению к себе, масонство пошло по религиозно-мистическому пути и обрело здесь большую силу.

Стоит, очевидно, в этой связи привести слова известного русского масона барона Рейхеля, сказанные им в конце 1770-х годов Н.И. Новикову: *«Всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное; и если ты заметишь хотя бы тень политических видов, связей и растверживания слов равенства и вольности, то почитай его ложным. Но ежели увидишь, что через самопознание, строгое исправление самого себя по стезям христианского нравоучения, в строгом смысле, нераздельно ведущее, чуждое всяких политических видов и союзов, пьянственных пиришеств и развратности проявлений членов его, где говорят о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстям и порокам... — такое масонство уже есть истинное или ведет к сысканию и получению истинного»*¹⁸.

Политическая струя в масонстве XVIII века связана прежде всего с орденом иллюминатов (просвещенных), образованием в 1773 году Великого Востока Франции и активным участием масонов в Великой французской революции 1789 года. Основан орден иллюминатов был в 1776 году профессором канонического и естественного права Ингольштадтского университета Адамом Вейсгауптом. Характерная особенность его — масонские формы и иезуитский характер деятельности, что не случайно, так как сам Вейсгаупт был воспитанником иезуитов. Цель братства, как это и водится в таких случаях, носила отвлеченный характер — усовершенствование разума и распространение просвещения¹⁹. *«Наши люди должны быть предприимчивы, ловки, вкрадчивы... Ищите прежде всего знатных, могущественных, богатых. Иногда необходимо даже унизиться, чтобы получить овладеть человеком»*, — учил Вейсгаупт своих последователей. Главное препятствие на пути практического осуществления естест-

венных прав человека иллюминаты усматривали в сложившихся в то время в Европе отношениях собственности и стоящих на их страже властных структурах и католической церкви. И хотя цели своей — золотой век «Астреи» — иллюминаты стремились достичь исключительно мирными средствами (просвещение и широкое привлечение в орден европейских государей), католическая церковь и владетельные монархи в Европе сразу же почувствовали в них своих злейших врагов. Иллюминатов стали обвинять в заговорщических намерениях, и 22 июня 1784 года орден был закрыт. Сам Адам Вейсгаупт был отправлен в отставку и бежал из Ингольштадта. Умер он в 1830 году²⁰.

Что касается французского масонства, то следует иметь в виду, что Париж накануне революции 1789 года буквально кишел масонами. Колыбелью масонской жизни здесь была в это время парижская ложа «Девяти сестер» или Ложа энциклопедистов, или наук. Основал ее в 1769 году астроном Лаланд. Среди членов ее были такие известные французские просветители, как Кондорсэ, живописец Грез, скульптор Гудон, братья Монгольфье, Б.Франклин, Дантон, Демулен и другие²¹. Незадолго до своей смерти в 1788 году в нее был принят знаменитый Вольтер. Согласно последним подсчетам историков, масоны располагали во Франции накануне революции 600 ложами с 30 тысячами братьев²². Так что не заметить масонского следа в Великой революции мог разве что слепой. Его и заметили. Более того, уже в то время было широко распространено убеждение, что принципиальное решение о казни короля Людовика XVI было принято не где-нибудь, а на масонских конвентах в Вильгельмсбаде и во Франкфурте еще в 1782 и в 1785 годах²³.

Первыми, кто публично высказал мысль о французской революции 1789 года как порождении масонского заговора, были католический аббат Ж.-Ф. Лефранс, автор пространного сочинения «Завеса, приподнимаемая для любопытствующих, или Тайна революции, раскрытая при помощи франкмасонства» (1791) и бывший иезуит аббат Огюстен Баррюэль. Последнему принадлежит четырехтомное исследование «Мемуары по истории якобизма». Книга была опубликована в 1797–1798 годах в Лондоне, куда вынужден был эмигрировать ее автор. Причиной революции, по его мнению, был тройной заговор, а именно: философ-просветителей, масонов и баварских иллюминатов. Долгое время книга О. Баррюэля третировалась либеральной историографией как труд очевидно недоброкачественный. Однако сейчас оценка ее несколько поменялась, и историки уже не стесняются ссылаться на книгу Баррюэля, признавая тем самым как ценность собранного им богатого фактического материала, так и верность отдельных наблюдений автора.

Что же касается самой теории тройного заговора, то сторонников у нее среди серьезных историков в настоящее время нет²⁴.

Но зато никем не оспаривается факт несомненной идеологической подготовки масонами французской революции в духе «естественных прав человека», свободы, равенства и братства. Велик и неоспорим вклад масонов и в «практику» революции (Марат, Дантон, Демулен, Шометт, Кутон и др.²⁵). Не подтверждаются, правда, сведения о принадлежности к масонству М.Робеспьера. Но зато масоном, как оказалось, был его отец — мастер стула в одной из провинциальных лож в Арраксе²⁶.

Сама за себя говорит и масонская символика Великой революции: ватерпас, масонский треугольник с оком Великого архитектора Вселенной, арка. Даже трехцветная кокарда, придуманная масоном Лафайетом, указывает на масонские цвета: первые три степени ордена — синие, с 4-й по 18-ю — красные и с 30-й по 33-ю — белые. Вспоминаются в связи с этим и устраивавшиеся во время революции торжественные шествия парижан в честь Верховного существа, призванного заменить христианского бога.

Во время якобинского террора, когда уничтожению подлежали уже не только чужие, но и свои, попали под подозрение и масонские ложи, объявленные революционерами под горячую руку контрреволюционными гнездами. Глава Великого Востока Франции Филипп Орлеанский вынужден был публично сложить с себя полномочия и осудить масонство. Это, однако, ему не помогло, и он окончил свою жизнь на эшафоте. *«Французская революция, — пишет итальянский исследователь масон Микеле Морамарко, — несет на себе масонский отпечаток только в том, что касается ее общих принципов: свободы, равенства и братства, а отнюдь не ее политических аспектов»*²⁷. Другими словами, масоны готовы признать своей заслугой только светлые страницы истории французской революции. Темные они оставляют другим.

Несмотря на то что участие масонов в революции 1789 года было весьма активным, предлагаемые ими рецепты достижения «царства «Астреи» плохо стыковались с реалиями Франции того времени. Под угрозой полной утраты революционных завоеваний вожди поневоле вынуждены были перейти к террору. После казни ряда братьев масонство во Франции было настолько деморализовано, что смогло возобновить свою деятельность только при Наполеоне Бонапарте. Относительно того, принадлежал ли сам Наполеон к масонству, точных данных у нас нет. Но то, что в его возвышении и утверждении у власти масонские связи играли далеко не последнюю роль, сомневаться не приходится.

В XIX веке крупнейшими вехами в истории масонства романских государств стали активное участие вольных каменщиков в событиях французских революций 1830 и 1848 годов, Парижской коммуне 1871 года, движении за объединение Италии, а также борьбе за независимость испанских и португальских колоний в Южной и Центральной Америке. По отношению к Па-

рижской коммуне 1871 года масоны Франции разделились: если левые братья поддерживали коммунаров, то правые, напротив, оказались в числе их душителей. Масоны сделали несколько попыток мирного урегулирования отношений с предводителем версальцев Тьером, а после его отказа пойти на компромисс сражались на баррикадах против войск реакции. Всего таких братьев насчитывалось до 6 тыс. во главе с Флоке, Тирифоком, Ранвье, Пиа, Беслеем и другими. После поражения немало масонов было расстреляно, другие отправлены на каторгу. Совет же Великого Востока Франции заявил, что масонство *«осталось полностью чуждым преступному мятежу, который напугал весь мир, покрыв Париж кровью и руинами, вследствие чего не было никакой солидарности между доктринами его и Коммуны. Если же несколько лиц, недостойных носить звание масона, попытались превратить наше мирное знамя в орудие гражданской войны, то Великий Восток от них отрекается как от нарушителей самого священного долга»*. Но участники восстания не подверглись дисциплинарным санкциям и после амнистии возобновили деятельность²⁸.

Наибольшую активность в политической жизни Франции того времени проявляли ложи Великого Востока Франции. В 1877 году им была упразднена ритуальная формула о признании братьями Великого архитектора Вселенной. Фактически это означало полный отказ адептов этой масонской ассоциации от веры в Бога и бессмертие души, как обязательного условия приема в орден²⁹. Официально одобренная в связи с этим формулировка этого пункта в уставе Великого Востока Франции гласила: *«Франкмасонство всецело является филантропическим и прогрессивным учреждением, ставящим целью поиски истины, изучение всемирной морали, наук, искусств и осуществление благотворительности. Его признаками являются: полная свобода совести и солидарность людей. Оно никого не исключает за убеждения и выдвигает девизом свободу, равенство и братство»*³⁰.

Формально Великий Восток Франции провозглашался философской ассоциацией, якобы занимающейся социальными вопросами. Но по существу же с этого времени он стал заниматься политикой. Главной своей задачей братья этой масонской ассоциации ставили всемерное проникновение под флагом борьбы за демократию и против засилья клерикализма в стране в Национальное собрание и во властные структуры Французской республики. Часть лож Великого Востока Франции работала по французской системе 7 степеней с тремя символическими и четырьмя высшими градусами, часть братьев предпочла Древний принятый шотландский обряд (33 степени). Были и такие, кто даже работал по ритуалу «Мемфис-Мизраим» (95 степеней).

Явная активизация масонства во Франции привела к тому, что оживились и противостоящие ему силы. В 1885 году шумную антимасонскую кампанию начал популярный журналист

Г. Жоган-Пажес (Лео Таксиль), обвинивший «братьев» в служении дьяволу. Разоблачения Г. Жоган-Пажеса пользовались шумным успехом у неприязнительной публики, но закончились скандалом. 19 апреля 1897 года журналист публично заявил, что он попросту мистифицировал своих читателей.

Более серьезное значение в смысле борьбы с масонским заисильем в общественно-политической жизни Франции этого времени имела деятельность аббата Жюля Тормантэна, открывшего в 1897 году в Париже «Антимасонскую лигу» и журнал, обличавший проиcки франкмасонов. Пробой сил между клерикалами и масонами стало дело капитана французской армии Альфреда Дрейфуса — сына богатого еврея-фабриканта, обвиненного в 1894 году в шпионаже в пользу Германии. Естественно, что на его защиту поднялась вся прогрессивная Франция. И в первых рядах защитников были братья-масоны. Дело тут было совсем не в справедливости, за которую якобы боролись вольные каменщики, а в том, чтобы как можно больше дискредитировать противостоящий им так называемый клерикально-консервативный лагерь политического спектра тогдашней Франции. Борьба за пересмотр дела Альфреда Дрейфуса, приговоренного в декабре 1894 года к пожизненному заключению, подавалась прогрессивной общественностью как борьба за демократию. Особенно громкий резонанс вызвало открытое письмо в связи с этим делом, которое направил в 1897 году президенту Французской республики известный писатель Эмиль Золя под весьма характерным заголовком: «Я обвиняю!»

19 сентября 1899 года президент капитулировал и вынужден был помиловать А. Дрейфуса. Однако это не удовлетворило масонов, настаивавших на его оправдании по суду. Сделать это им удалось только в 1906 году. После формального оправдания и награждения орденом Почетного легиона А. Дрейфус участвовал затем в Первой мировой войне и благополучно умер в 1935 году.

Активное участие в политической борьбе быстро вознесло масонов на самую вершину власти: премьер-министры Гамбетта, Ферри, Комба, президенты Гастон Думерг, Поль Думер. В 1908 году во Франции было уже 30 тысяч масонов. Особенно много было их среди членов Республиканской и Радикал-социалистической партий (в последней — до 40% состава). Значительным было масонское присутствие и среди членов Социалистической партии Франции (образована в 1905 году). Вскоре она становится главной опорой масонства³¹.

Усиление роли масонства в политической жизни Франции в конце XIX — начале XX века не уберегло их, однако, от внутренних несогласий и раздоров. Ряд братьев, недовольных переходом Великого Востока Франции на атеистические, деистские позиции, «хлопнули дверью» и образовали в 1894 году собственную ассоциацию под названием Великая ложа Франции, рабо-

тавшую по Древнему принятому шотландскому обряду. Годом раньше, в 1893 году, возникает еще одна масонская ассоциация — «Права человека», в ложи которой принимают и женщин.

Однако соперничать с Великим Востоком Франции эти ассоциации едва ли могли. Так, уже упоминавшаяся Великая ложа Франции, не одобрявшая занятий своих членов политикой и делавшая упор на обычные для масонов занятия нравственным самоусовершенствованием и филантропией, по числу своих членов уступала Великому Востоку почти в два раза. В 1913 году образовалась еще одна соперничающая с Великим Востоком Франции масонская ассоциация — «Великая национальная независимая и правильная ложа». Большого успеха она, однако, не имела. Наконец, в 1948 году была образована Великая Французская национальная ложа, успешно работающая во Франции до настоящего времени.

Активно использовались масонские структуры и в борьбе за объединение Италии. Именно масоны помогали финансировать карбонариев и «Молодую Италию» Мадзини. Известным, причем высокопоставленным масоном Великого Востока Италии был и знаменитый Гарибальди³².

На родине же масонства, в Англии, также происходил в начале века бурный рост лож. В 1903 году их было здесь уже 3 тысячи. Однако реалии социально-политической жизни в Англии серьезно отличались от реалий других европейских государств. Как самостоятельная политическая сила, масонство себя в английских условиях заметно не проявляло и продолжало сохранять определившийся еще в XVIII веке религиозно-нравственный, просветительский характер. Что касается Великой ложи Англии, то она играла роль своеобразного мирового центра по отношению к множившимся день ото дня все новым и новым масонским ассоциациям в мире. Практически это выражалось в выдаче им в случае соответствия их деятельности основным масонским принципам соответствующих патентов.

«Крестным отцом» американского масонства является Б. Франклин, много сделавший для популяризации и распространения вольного каменщичества в Новом Свете. В 1731 году при его участии в Филадельфии была открыта независимая от Лондона Великая ложа. Перед началом революции в Америке здесь уже насчитывалось целых 8 великих лож. 4 мая 1752 года в одной из масонских лож получил свое посвящение будущий герой войны за независимость Соединенных Штатов Джордж Вашингтон. В числе участников этой войны было множество других масонов: Д. Отис, С. Адамс, Дж. Уоррен, ставшие позднее отцами-основателями США. К масонам принадлежал практически весь командный состав американской армии и практически все выдающиеся американские политики того времени³³.

Наибольшее распространение в США получили шотланд-

ские ложи с пышными церемониями и обрядами, покоившимися на Ветхом Завете и легенде о тамплиерах. Центральным органом лож этого обряда в США был верховный совет во главе с Командором, который располагался в своей резиденции в городе Чарльстон. Наряду с ним действовали и другие масонские центры. Крупнейшими из них были верховные советы Северной (Бостон) и Южной (Вашингтон) юрисдикции³⁴.

Первый проект Соединенных Штатов как масонского государства был разработан еще в 1747 году тогдашним главой американского масонства Б. Франклином. И дело тут не только в масонском характере конституции США или Декларации 1776 года. Даже столица этого государства, город Вашингтон, строилась по масонским чертежам. Не случайно главной архитектурной доминантой этого города стали фигуры масонской символики³⁵. К началу XX века из 1,5 миллиона масонов мира 908 535, то есть почти две трети, проживали в Соединенных Штатах³⁶.

Одним из важнейших символом США является восьмитонная бронзовая статуя Джорджа Вашингтона в масонском национальном мемориале в городе Александрии неподалеку от столицы этого государства. Первый президент Америки изображен здесь в фартуке, с молотком в руке и при прочих масонских регалиях. Общая высота масонского центра, увенчанного ступенчатой пирамидой с прямоугольной аркой, — 100 метров. В масонскую ложу Джордж Вашингтон вступил 4 ноября 1852 года, когда еще подвизался в качестве майора британской колониальной армии, в городке Фредериксбург³⁷. Сам масонский центр был открыт в 1932 году президентом Гувером. Статуя Вашингтона была водружена здесь уже при президенте-масоне Гарри Трумэне в 1950 году. Масонами после Вашингтона были: Джефферсон, Куллидж, Гардинг, Монро, Мак-Кинли, Теодор и Франклин Рузвельты, Форд, Джонсон, Рейган, Буш-старший, Клинтон и другие лидеры США.

Особого внимания заслуживает соприкосновение масонства с марксизмом. Ведь уже в основанном в 1864 году Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом Первом Интернационале оказалось немало масонов из сторонников Прудона и участников движения за воссоединение Италии. Видимо, недаром в «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих» и особенно в его «Общем уставе» провозглашалось лишь «экономическое освобождение» при полном умолчании о революционном пути к этому. *«Все вступающие в него общества и отдельные лица, — говорилось в уставе, — признают истину, справедливость и нравственность в своих отношениях друг к другу и ко всем людям, независимо от их цвета кожи, вероисповедания или национальности»*. Наряду с очевидными заимствованиями из постулатов масонства там не раз использовались специфические выражения типа «братский союз», «братское сотрудничество рабочих» и

др. Усилившееся позднее размежевание между революционным крылом и прудонистами связано с именем зачинателя анархизма масона М.А. Бакунина, обвиненного Марксом в тактике раскола Интернационала с помощью своей тайной организации «Альянс социалистической демократии» и исключенного оттуда. Затем Интернационал был распущен.

По случаю столетия Великой французской революции в Париже прошел в 1889 г. конгресс делегатов масонских послушаний латинских, восточноевропейских и других стран для обмена мнениями о «долге и месте масонства в мире» под эгидой местного Великого Востока (ВВФ). Почти одновременно там же состоялся международный социалистический конгресс с участием масонов П. Лафарга, Л. Дюпре, А. Коста, Э. Малатеста, Д. Ньювенгуиса, что положило начало 2-му Интернационалу. С тех пор наблюдалась известная синхронность съездов обеих организаций с рассмотрением близких по существу проблем. Орден вольных каменщиков оказывал на Интернационал определенное влияние. Так, на масонском конгрессе 1900 г. в помещении ВВФ, помимо чисто внутренних дел, обсуждались вопросы трудового законодательства, «юридического и социального положения» в странах с господствующей религией. Общий вывод сводился к рекомендации «избегать столкновения труда и капитала». Вскоре конгресс 2-го Интернационала рассмотрел вопросы укрепления мира между народами, выступления против милитаризма и колониальной политики великих держав. Дискуссии порой отличались остротой вследствие разногласий между революционным крылом и реформистами во главе с Каутским, которые провели при поддержке братьев Коста и Малатеста резолюции о примирении труда и капитала.

Конгресс создал исполнительный орган — Международное социалистическое бюро под председательством известного бельгийского социалиста масона Э. Вандервельде. Позднее его сменил брат К. Гюисманс. На конгрессах в Штутгарте, Копенгагене, Базеле при активности русских социал-демократов принимались резолюции о борьбе против империализма и угрозы мировой войны, укреплении пролетарской солидарности. Однако лидеры западных социалистических партий совместно с масонами уже вошли в состав правящих буржуазных элит и полностью поддерживали курс своих верхов на подготовку всеобщей войны за передел мира³⁸.

1 августа 1914 года началась, как известно, Первая мировая война, причем, как водится, без масонской подоплеки не обошлось и здесь. Во всяком случае, сейчас уже ни для кого не секрет, что за покушением на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда стояла нелегальная организация «Объединение или смерть», созданная в 1911 году сербским масоном-националистом Иовановичем-Чупой, а непосредствен-

ное руководство этим террористическим актом осуществлял его друг масон Танкосич³⁹. Что касается самого убийцы эрцгерцога Гавриила Принципа, то он масоном, по его собственным словам, не был⁴⁰.

Причина этого первого в истории XX века мирового катаклизма, в общем-то, банальна: борьба буржуазии ведущих государств Европы и США за новый передел уже поделенного к тому времени мира. Традиционный пацифизм, которым братья-масоны, можно сказать, десятилетиями дурили головы обывателю, тут же был сдан ими в архив. Практически все сколько-нибудь серьезные масонские ассоциации немедленно высказались в поддержку своих национальных правительств и призвали к защите своего отечества. Великая объединенная ложа Англии порвала связи с ассоциациями Германии и союзных ей государств, запретив посещение любых своих собраний адептами немецкого, австрийского, венгерского и турецкого происхождения. А Великая берлинская ложа Ройал Йорк вычеркнула из собственного наименования два последних английских слова, которые она благоговейно сохраняла свыше 150 лет. Французы поспешили закрыть ложу Гёте из-за преобладания в ней немцев над собственными гражданами.

«Франция вступила в войну, — пишет О.Ф. Соловьев, — имея правительство во главе с масоном Вивиани, при главнокомандующем брате Жоффре. В английском правительстве либерала Асквита орден представлял военный министр лорд Китченер и главнокомандующий Хейг. Быстро делавший карьеру У. Черчилль стал мастером ложи Розмари № 2851 Лондона в 1902 году. Некоторые французские циркуляры того времени содержали немаловажные положения. Так, 17 мая 1916 года совет Великого Востока призывал начать исследование «условий в новой Европе» по завершению войны. Предусматривалось, в частности, создание международной организации по поддержанию мира.

В январе 1917 года руководители французских центров провели в Париже конгресс масонских представителей союзных государств с участием делегатов федераций Италии, Сербии, Бельгии, Португалии. Там была обоснована целесообразность доведения войны до победы, было также высказано согласие с притязаниями Франции к Германии»⁴¹.

Тем не менее некоторые уроки из трагедии, которой являлась эта мировая бойня, были все же ими извлечены. Речь идет о создании уже после окончания Первой мировой войны в 1919 году Лиги наций — международной организации, основной задачей которой было, согласно ее Уставу, «развитие сотрудничества между народами и гарантия их мира и безопасности», или, проще говоря, недопущение новой войны. Возглавил Лигу наций масон Леон Буржуа.

Отношение масонов к Октябрьской революции было двой-

ственным. Несмотря на то что они входили в состав почти всех так называемых «демократических» правительств Европы, активно содействовавших интервенции в Советскую Россию, Великий Восток Франции и Великая ложа этой страны, а также их итальянские братья заявили, что они видят в большевистском эксперименте продолжение славных революционных традиций XVIII—XIX веков, направленных на преобразование мира на более справедливых масонских началах. Известно, что масонские ассоциации Франции тайно контактировали с большевиками с целью получения интересующей их информации «из первых рук»⁴².

В феврале 1919 года в Берне (Швейцария) воссоздается еще одна масонская структура — 2-й Интернационал, во главе которого встали старые масоны Вандервельде и Гюисманс. Через месяц в Москве Совещание коммунистических и социалистических партий и групп, среди делегатов которого также было немало масонов, возвестило об образовании 3-го, Коммунистического Интернационала. Попытка коммунистов определиться по отношению к масонам была предпринята ими на 4-м конгрессе Коминтерна (15 ноября — 5 декабря 1922 г.), одоббившем резолюцию о недопустимости пребывания коммунистов в масонских ложах. Докладчиком выступил Л.Д.Троцкий, сообщивший, между прочим, делегатам, что один из лидеров Французской компартии Марсель Кашен — масон, на что тот тут же подал реплику, что это-де не так. Тогда, как бы поправляясь, Лев Давыдович заявил, что в некоторых французских кругах говорят, что *«Ленин и я тоже масоны»*. Он, мол, не понимает, почему подобные обвинения не адресуют нашим товарищам Зиновьеву, Радеку, особенно Бухарину, который *«вполне подходит для масонства»*⁴³. Как заявил на конгрессе Коминтерна французский делегат Кер, во Французской компартии «очень много масонов», а в парижской ложе «Жан Жорес» системы Великого Востока из 200 адептов — 170—180 принадлежали к ФКП. Всего же Великий Восток Франции в одном только Париже насчитывал в начале 1920-х годов свыше тысячи коммунистов⁴⁴.

Аналогичным было положение в Итальянской и других компартиях. Так что принятая по докладу Л.Д.Троцкого антимасонская резолюция была как нельзя кстати. Вскоре после конгресса газета «Юманите» стала печатать информацию о разрыве наиболее видных членов компартии М.Кашена, Кера, Арвара и других с орденом и о выходе их из масонской Лиги прав человека. Покинули масонские ложи далеко не все коммунисты. Однако никаких серьезных мер против ослушников предпринято тем не менее не было. Как пишет современный исследователь О.Ф. Соловьев, на практике *«Коминтерн не настаивал на гонениях против масонов в других странах, несмотря на их наличие во многих компартиях. Возможно, Москва решила, что перестаралась, и не посчитала нужным нагнетать страсти по данному во-*

просу. Мало того, либеральная буржуазия Запада вместе с орденом и Коминтерном с компартиями были объективно обречены на определенные формы сотрудничества перед надвигавшейся сперва в Италии, затем в других странах волной фашизма и крайней реакции»⁴⁵.

Политика уступок и соглашательства, которую проводили в 1930-е годы западные державы по отношению к фашистской Германии, имела самые печальные результаты. 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. В декабре 1939 года, по настоянию Англии и Франции (США в эту организацию не входили), из Лиги наций был исключен Советский Союз. Фактически это означало полный крах этой организации, хотя формально она просуществовала до мая 1946 года.

Тем временем 14 июня 1940 года немцы вошли в Париж, две трети территории Франции были оккупированы. Деятельность масонских лож на территории Франции и других оккупированных государств была прекращена. Часть братьев была репрессирована. Однако в целом отношение нацистов к масонству было куда более сложным, чем это принято думать. Дело в том, что, несмотря на пропагандистский штамп о «жидомасонском заговоре», отношение нацистов к масонам было неоднозначным. Репрессиям подвергались, как правило, ложи либерального толка: Великий Восток Франции (117 расстрелянных и умерших на территории Германии), Великая ложа Франции (180 расстрелянных и 520 умерших), ложа «Права человека» (31 расстрелян и 59 умерших)⁴⁶.

Что же касается лож консервативного и оккультного направления, то члены их пострадали в гораздо меньшей степени, хотя сами ложи были, конечно же, закрыты. Дело в том, что в свое время (1920-е годы) и Гитлер, и Рудольф Гесс были завсегдатаями организованных при ложе «Туле Гезельшафт» оккультных кружков и спиритических сеансов, а лекции идеолога этой ложи профессора Карла Хаусхофера были положены впоследствии в основу «Майн кампф»⁴⁷. Много пишут в последнее время и о влиянии на А.Гитлера и доктрину нацизма таких известных оккультистов того времени, как Рудольф фон Зеботтендорф и Ланс фон Либенфельс⁴⁸.

Говоря о своем отношении к масонству, Гитлер подчеркивал, что есть только один опасный элемент, который он позаимствовал у вольных каменщиков, — это их эзотерическая доктрина. *«Они развили эзотерическую доктрину и не только сформулировали ее, но передали ее через посредство символов и таинственных обрядов... Таков этот опасный элемент, который я перенял», — отмечал он. Импонировал Гитлеру и авторитарный характер масонства. «Не кажется ли вам, — говорил фюрер, — что наша партия должна иметь именно такой характер. Она должна*

быть орденом, вот что. Орденом, иерархическим орденом гражданского духовенства».

Неудивительно поэтому, что из 80 тысяч германских братьев за период с 1933 по 1945 годы было репрессировано всего 4800 человек, или 6%. Еще более либеральное отношение к масонству проявляло фашистское руководство Италии. Несмотря на его официальное запрещение в 1925 году, 45 руководителей режима (Бальбо, Гранди, зять Муссолини граф Чиано и др.) состояли в масонских ложах. Сам дуче был удостоен почетной 30-й степени ордена⁴⁹.

Перемены, которые произошли в Европе после Второй мировой войны, коснулись и положения в масонском сообществе. Роль «большого брата» окончательно перешла теперь к американским ложам, объединенным в два крупных союза в лице Северного и Южного округов. Из более чем 5 миллионов масонов шотландского обряда в мире почти две трети приходится на США. О том, как глубоко проникло масонство в политическую жизнь Америки, свидетельствует принадлежность к нему целого ряда президентов этой страны, начиная от Джорджа Вашингтона и кончая Джорджем Бушем — франкмасоном из ложи «Череп и кости», куда имеет доступ лишь элита университетской аристократии. Масоном был и первый послевоенный президент США Гарри Трумэн (кстати, 13-й член братства в этой должности), приказавший сбросить на Хиросиму и Нагасаки (надо полагать, исключительно в целях защиты общечеловеческих ценностей) атомные бомбы. К числу вольных каменщиков принадлежали также основатель Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес и президент США Дуайт Эйзенхауэр. Тесная связь масонства с ЦРУ (кстати сказать, широко использовавшего масонские каналы для своего проникновения в Европу), а также секретными службами своих стран, профашистскими элементами и мафией после скандала с масонской ложей «П-2» в 1981 году в Италии уже не вызывает сомнений⁵⁰.

Сейчас в Америке нет практически ни одного сколько-нибудь крупного города, где бы не было масонской ложи. Члены их — это, как правило, «лучшие люди» данной местности: мэр, начальник полиции, судья, профессора местного университета, а также наиболее влиятельные представители делового мира и местной интеллигенции. Нетрудно заметить, что перед нами, по сути дела, сформировавшаяся при помощи масонских лож политическая, интеллектуальная и финансовая элита современного американского общества, которое, собственно, и контролирует ныне политическую, экономическую и интеллектуальную жизнь этой страны.

Что касается Европы, то наиболее прочные позиции, помимо Франции, были у масонов еще в довоенные годы в Чехословакии, оба президента которой Масарик и Бенеш были вольны-

ми каменщиками. И действительно, когда эйфория от успеха так называемой «бархатной революции» в этой стране стала улещиваться, без особого труда обнаружился и заграничный масонский след в этих событиях. Впрочем, западные коллеги восточноевропейских братьев и не думают отрицать этого факта. *«Все эти годы мы были рядом, поддерживали контакты», — говорил в связи с этим глава масонской ложи Швейцарии Жан-Пьер Греньер. Как видим, руководители современного масонства отнюдь не скрывают своего активного участия в политической борьбе в других странах. Хотя и пытаются подвести под него теоретическую базу. «Не масонство подняло восстание американцев против английского империализма, — отмечал в этой связи бывший великий магистр Великого Востока Франции Роже Лерэй. — Но именно масоны были самыми решительными его участниками. Вашингтон стал Вашингтоном также и потому, что был франкмасоном. Как Франклин, как Лафайет. Именно масон О.Хиггинс сформировал Чили. Именно масон Сан-Мартин создал Аргентину, тогда как Боливар основал Великую Колумбию, а Хуарес — современную Мексику. Все они — франкмасоны. Эти люди сумели выразить дух масонства в своих политических и военных действиях»⁵¹.*

В настоящее время число приверженцев Великого Востока Франции оценивается в 300 тысяч человек, или 40% всех французских масонов. Несмотря на то что в стране активно действуют соперничающие с ним более консервативные Великая ложа Франции (18 тысяч человек) и тесно связанная с Великой ложей Англии «Национальная ложа Франции», Великий Восток и по сей день остается наиболее влиятельной политической силой этой страны⁵². О роли масонов в истории Французской Республики красноречиво свидетельствуют следующие факты: с 1875 по 1967 год 22 премьер-министра страны были масонами. В 1985 году в Национальном собрании Франции заседали 120 масонов, причем 10 из них входили в правительство социалистов.

Достаточно сильные позиции сохраняют масоны и в Италии. Крупнейшая масонская организация здесь — Великий Восток Италии (16 тысяч человек). До 80 тысяч человек насчитывает, по некоторым оценкам, в своих рядах Великая ложа Германии (официальные данные, впрочем, более скромные — 21 тысяча человек на 1984 год⁵³).

Основные усилия западноевропейских и американских масонов после 1945 года оказались направленными на экономическую и политическую интеграцию буржуазной Европы перед лицом советской угрозы. Характерно, что именно масон Уинстон Черчилль озвучил согласованную с президентом США Трумэном и премьер-министром Великобритании Эттли так называвшуюся речь 5 марта 1946 года в Фултоне о якобы исходящей от СССР угрозе новой войны и необходимости объединения западных демократий для борьбы с «железным занавесом», якобы

опущенным в СССР перед Европой. Наряду с созданием экономических и военно-политических объединенных структур (НАТО, Европейское сообщество и др.) упор был сделан на внутреннее разложение правящей в СССР элиты и обслуживавшей ее интересы «творческой интеллигенции». При всей показной моши Советского государства внутренняя слабость его: фантастичность самого замысла построения «справедливого общества», обуржуазивание, перерождение и, наконец, просто деградация в связи с отсутствием свобод и однопартийным характером системы, правящей элиты, по крайней мере для людей проникательных, была очевидной.

Распад СССР и победа демократий в ряде стран Восточной Европы подается масонами как убедительная победа идеалов вольного каменщичество. Однако и в этом случае масоны отнюдь не собираются отказываться от традиционной для них тактики и стараются войти в руководство практически всех политических партий стран Восточной Европы. И, следовательно, независимо от того, какая из них победит на очередных выборах, они неизменно должны оказаться «наверху». Главная задача, которую ставят сегодня перед собой западноевропейские масоны и их коллеги на Востоке, — широкая пропаганда идеи «приоритета общечеловеческих ценностей» и строительства Объединенной Европы, «общеевропейского дома», в который они хотели бы включить и Россию. Методы, которыми достигается эта цель, также вполне традиционны для масонов. *«Мы привыкли действовать тайно, — говорил в связи с этим глава бразильских братьев сеньор Венансио Пессоа Лопес, — и члены наших лож проникают во все части общества. Там же, где масоны... выступают открыто, они стремятся занять все важнейшие посты. Это наш образ действий, и веками он давал результаты»*⁵⁴.

Исследователи уже давно обратили внимание на одно странное обстоятельство — наличие в ложах людей самой различной политической ориентации: от крайне правых до ультралевых. Действительно, как совместить принадлежность к масонству таких несхожих между собой лиц, как декабрист-революционер Павел Иванович Пестель и шеф жандармов при Николае I А.Х. Бенкендорф, президент Чили социалист Сальвадор Альенде и консерватор Аугусто Пиночет? Однако у масонов другая логика. Главное для них — всегда быть «наверху» и контролировать ситуацию. *«Вы привыкли к политическим меркам. Альенде — левый, Пиночет — правый. А важнее другое — в нашем движении каждый, независимо от ориентации, стремится к максимальному совершенству в своей области, — говорят масоны. — Важно контролировать любое движение, которое имеет будущность, чтобы потом исправить неистинное влияние на истинное»*. Правда, в случае с Сальвадором Альенде масонская этика была все же нарушена. *«Мне рассказывали, — свидетельствовал в интервью журна-*

лу «Пуэн» бывший великий мастер Великого Востока Франции Роже Лерэй, — что Альенде перед путчем говорил, что может доверять Пиночету, поскольку оба принадлежали к одной организации»⁵⁵. Впрочем, от вероломства А. Пиночета орден несколько не пострадал. От одного масона власть в Чили перешла к другому, только и всего.

«Мы утверждаем, — пишет американский политолог консервативного толка Энтони Саттон, — что современная ситуация в мире преднамеренно создана этой властной элитой (масонами. — Б.В.) путем манипуляции правыми и левыми элементами. Мы утверждаем, что наиболее мощная из этих мировых элит (американская. — Б.В.) в течение ста лет создала как правые, так и левые элементы с целью создания в конечном счете нового мирового порядка»⁵⁶. Наряду с официальной историей существует, по мнению этого исследователя, и другая, в основном еще не написанная история о «преднамеренном создании войн, сознательном финансировании революций для смены правительств и об использовании конфликтов для установления нового мирового порядка»⁵⁷. Конечно же, раздвояют такого рода, прямо скажем, сомнительный взгляд на историю как заговор далеко не все исследователи. Но последователи у Энтони Саттона все-таки есть⁵⁸.

Выдвигаемые сегодня масонами идеи политического и социального партнерства между различными партиями и социальными группами находят поддержку у общественности Запада. Вместе с тем с упрочением положения у себя дома основное внимание вольных каменщиков все более и более начинает смещаться в сторону конечной цели масонов всех стран и народов — создания нового мирового порядка во главе с США, основанного на демократических принципах, единым экономическим пространством и «прозрачными» границами. Влияние масонов в мире и в особенности в США сегодня настолько велико, что они позволяют себе устраивать своеобразные «смотрины» кандидатам на высшие государственные должности в этой стране. Современное американское масонство тесно связано с военно-промышленным комплексом и транснациональными корпорациями, большинство руководителей которых являются в то же время и членами масонских лож.

В свое время антимасонские писатели и публицисты немало потрудились, чтобы доказать существование некоего зловещего международного тайного масонского правительства⁵⁹. Сегодня нам приходится признать явью то, что вчера казалось всего лишь фантазией. Интеграционные процессы в мире набирают силу, и мировое правительство, о необходимости создания которого открыто пишет наша демократическая печать, уже вырисовывается в качестве правительства «Объединенной Европы» и организаций международного и прежде всего американского капитала, влияние которых, конечно же, выходит далеко за рамки

чисто финансовых или экономических проблем. Речь идет о созданных после Второй мировой войны под эгидой масонства неправительственных организациях: Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и некоторых других, среди членов которых наряду с влиятельными политическими деятелями мы находим и президентов крупнейших банков и корпораций⁶⁰.

Организация Объединенных Наций и периодически проводимые совещания глав государств семи наиболее развитых капиталистических стран — это не более чем рабочий инструмент для юридического оформления решений, принимаемых совсем в других кабинетах. Таким же рабочим инструментом в руках сильных мира сего (так называемой «мировой закулисы») являются и масонские ложи, которые так настойчиво насаждают в России ее зарубежные «доброхоты». Вся история масонства убедительно свидетельствует о неизменном крахе благородных всечеловеческих идеалов его адептов при столкновении с реальной действительностью. Это несколько не умаляет, разумеется, ни самих идеалов, ни их последователей, сыгравших важную роль в преобразовании мира на новых началах.

В настоящее время масонство составляет совокупность независимых федераций, объединенных идеологией, символикой, близкими ритуалами и общностью происхождения от образованной еще в 1717 году Великой ложи Англии, которая, собственно, и считается верховным судьей на соответствие организационных структур и характера деятельности тех или иных братств в мире масонским постулатам.

В 1929 году в качестве родоначальницы ордена, «Великая соединенная ложа Англии» приняла восемь так называемых фундаментальных принципов «правильности» или «неправильности» любой иностранной ложи: вера в бессмертие души, признание в качестве Бога Великого архитектора Вселенной, отказ от приема в ложи женщин, использование Библии в ходе масонских работ и прочее⁶¹. Великий Восток Франции и родственные ему масонские ассоциации отошли от этих требований, в очередной раз зафиксировав, таким образом, факт раскола между ассоциациями политического и так называемого «нравственно-го», или «философского», масонства.

Что касается численности масонов в наши дни, то следует заметить, что ряд исследователей оперирует явно завышенными цифрами. «К середине XX века, — пишет, например, О.А. Платонов, — общее количество членов масонских лож и организаций составило только в США около 50 миллионов человек»⁶². Из дальнейшего текста О.А. Платонова выясняется, что помимо собственно масонов исследователь, ничтоже сумняшеся, включил сюда и так называемые «подмасонские» или близкие к ним организации: «Ротари клуб», «Бнай брит», «Лайонс», «Рыцари Ко-

лумба», «Рыцари пифии» и тому подобные структуры, а также ложи и ордена оккультно-мистического характера, которым в Америке несть числа. Нельзя упускать из виду, что многие из них склонны искусственно завышать число своих последователей.

Ряд исследователей оценивает приблизительное число масонов в мире в 30 миллионов человек. Другие находят, что корректнее все же говорить об ориентировочной цифре в 10–12 миллионов⁶³. Официальная же масонская статистика, в частности «Masonic World Guide» К.Гендерсона (Лондон, 1984) дает явно заниженные цифры. Но и из нее следует, что на 1991 год масонов шотландского обряда в США было 2,4 миллиона человек. До 700 тысяч, согласно все той же официальной масонской статистике, насчитывалось масонов на 1991 год в Англии, до 200 тысяч в Канаде, 70 тысяч во Франции, 21 тысяча в Германии, 17 тысяч в Италии.

Наиболее распространено сегодня в мире, как уже отмечалось, шотландское масонство 33 степеней: первые три (голубые) — Ученик, Подмастерье, Мастер, 4 — Секретный мастер, 5 — Совершенный мастер, 6 — Сокровенный секретарь, 7 — Жандарм и судья, 8 — Интендант здания, 9 — Избранный из девяти, 10 — Избранный из пятнадцати, 11 — Великий избранный, 12 — Великий мастер архитектор, 13 — Рыцарь Королевской Арки (или Эноха), 14 — Шотландский рыцарь совершенства, 15 — Рыцарь меча или Востока, 16 — Принц Иерусалима, 17 — Рыцарь Востока и Запада, 18 — Рыцарь Пеликана и Орла и Суверенный Принц Розового Креста Эредома (розенкрейцер), 19 — Великий Папа, 20 — Досточтимый великий мастер, 21 — Патриарх Ной, 22 — Принц Ливана, 23 — Хозяин дарохранительницы, 24 — Принц дарохранительницы, 25 — Рыцарь медного змея, 26 — Принц милосердия, 27 — Командир храма, 28 — Рыцарь солнца, 29 — Рыцарь Св. Андрея, 30 — Великий избранный Рыцарь Кадош, Рыцарь Черного и Белого орла. Высшие степени: 31 — Великий инспектор, Командующий инквизитор, 32 — Возвышенный Принц королевского секрета, 33 — Великий Генеральный Инспектор⁶⁴.

Общая численность вольных каменщиков шотландского обряда определяется, согласно масонской статистике, в 5 миллионов человек⁶⁵. Дело тут, конечно, не в цифрах, или, вернее, не только в них. Важно уяснить, что вопреки утверждениям о надуманности масонской проблемы на самом деле проблема такая все-таки есть. Роль масонства в современном мире, во всяком случае на Западе, и в особенности в США, огромна. Без преувеличения можно сказать, что там оно уже давно вошло в плоть и кровь современного общества.

Сегодня масонские ложи в Америке можно встретить не только в крупных городах, но даже в самых захудалых населенных пунктах. «Посетив в 1996 году с экскурсией Великий каньон,

находящийся в пустынной местности штата Аризона, — пишет О.А. Платонов, — я с удивлением увидел при въезде в поселок привлекающий к нему знак с указанием о работе в нем масонской организации... Масоны и члены близких к ним организаций — обязательная и определяющая часть всех структур власти, от окружных и муниципальных до штатных и федеральных, а также непрменный элемент властных вертикалей в бизнесе, финансах, армии, культуре, образовании, искусстве, литературе и, конечно, в журналистике. Все, кто хочет сделать карьеру в Америке, обязательно вступают в масонскую ложу или клуб»⁶⁶. Прямо надо сказать, для серьезных политиков, бизнесменов и администраторов на Западе сегодня вообще немислимо оставаться вне масонства; не быть включенным в его закрытые клубы, такие, как, например, «Лайонс», «Ротари» и другие, — слишком большой риск для деловых людей⁶⁷. Сами масоны и им сочувствующие любят распространяться на тему о якобы полной победе масонства в современном мире, цитируя при этом аббата Лагори: «Масонство утратило свою силу, потому что оно победило». «Оно победило потому, что девиз: свобода, равенство, братство, провозглашаемый с XVIII века в заключение всех масонских собраний, стал девизом Французской Республики. Потому что терпимость, стремление избежать столкновений, неприятие расизма и исключительности многим обязаны масонской культуре». Однако и они вынуждены признать, что масонство «по-прежнему пользуется дурной репутацией»⁶⁸.

Это и неудивительно. Несмотря на широкую пропаганду космополитизма, большинство людей на земле по-прежнему отдают предпочтение национальным интересам, традиционному обществу и традиционным человеческим ценностям, таким, как государство, семья, церковь, национальная культура. А это может означать только одно. Торжествовать и праздновать победу братьям-масонам рано. Впереди у них еще много трудной работы.

Примечания

¹ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 25–27.

² Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1991. С. 9.

³ Йейтс Франсес. Розенкрейцерское просвещение. М., 1999. С. 369.

⁴ Морамарко Микеле. Масонство. Страницы истории // Европейский альманах. М., 1990. С. 55.

⁵ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 14.

⁶ Херасков И.М. Происхождение масонства и его развитие в Англии // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1991. С. 19–21.

⁷ Соколовская Т.О. Устав вольных каменщиков (XVIII–XIX вв.). СПб., 1907. С. 3.

⁸ Бердяев Н.А. Жозеф де Местр и масонство // Путь. Париж, 1926. № 4. С. 146.

⁹ Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994. № 7–8. С. 83.

¹⁰ Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 124–126.

¹¹ Там же. С. 122.

¹² Морамарко Микеле. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 160–165.

¹³ Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 131.

¹⁴ Соколовская Т.О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 59–79.

¹⁵ Перцев В.Н. Немецкое масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1991. С. 61–111.

¹⁶ Соколовская Т.О. Масонские системы // Масонство в его прошлом и настоящем. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 72.

¹⁷ Там же. С. 74.

- ¹⁸ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 76.
- ¹⁹ Финдель И.Г. История франкмасонства. Т.1. СПб., 1872. С. 249–252.
- ²⁰ Васютинский А.М. Орден иллюминатов // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1991. С. 112–129.
- ²¹ Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 138.
- ²² Там же. С. 143.
- ²³ Черняк Е.Б. Западноевропейское масонство XVIII века // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 116.
- ²⁴ Чудинов А.В. Масоны и французская революция XVIII века: дискуссия длиною в два столетия // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 47–49.
- ²⁵ Там же. С. 55.
- ²⁶ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 67–68.
- ²⁷ Морамарко М. Масонство: страницы истории // Европейский альманах. 1990. С. 158.
- ²⁸ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 284–285.
- ²⁹ Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994. № 7–8. С. 92.
- ³⁰ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730–1917 гг. М., 1993. С. 149.
- ³¹ Рубинский Ю.Н. Масоны во Франции (вчера и сегодня) // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 143.
- ³² Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 163.
- ³³ Херасков И.М. Масонство в Северо-Американских Соединенных Штатах // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. М., 1991. С. 245–251.
- ³⁴ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 22.
- ³⁵ Платонов О.А. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. М., 1999. С. 219.
- ³⁶ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 36.
- ³⁷ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 6.
- ³⁸ Соловьев О.Ф. Масонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 245–246.

- ³⁹ Замойский Лоллий. Массонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 211–212.
- ⁴⁰ Из стенограммы процесса над организаторами убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараеве, октябрь 1914 г. // Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 429.
- ⁴¹ Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике (по архивам XX века) // Русский вестник. Спецвыпуск. Март 1994. С. 8.
- ⁴² Соловьев О.Ф. Массонство. Словарь-справочник. М., 2001. С. 247.
- ⁴³ Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 79.
- ⁴⁴ Там же. С. 80.
- ⁴⁵ Там же. С. 86.
- ⁴⁶ Там же. С. 177.
- ⁴⁷ Черняк Е. Невидимые империи. М., 1987. С. 228.
- ⁴⁸ Гудрик-Кларк Николас. Окультизм: корни нацизма. / Пер. с нем. М., 1999. С. 170.
- ⁴⁹ Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 207.
- ⁵⁰ Там же. С. 20–24.
- ⁵¹ Исповедь нетипичного масона // За рубежом. 1989. № 19. С. 19.
- ⁵² Шлаен Б. Массоны во Франции // Знание народу. 1989. № 8. С. 43–46.
- ⁵³ Замойский Лоллий. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 13–14.
- ⁵⁴ Комсомольская правда. 1992, 13 мая. С. 2.
- ⁵⁵ Исповедь нетипичного масона // За рубежом. 1989. № 19. С. 19.
- ⁵⁶ Саттон Э. Как орден организует войны и революции. М., 1995. С. 20.
- ⁵⁷ Там же. С. 27.
- ⁵⁸ Эсперсон Ральф. Невидимая рука. Введение во взгляд на историю как на заговор. СПб., 1999.
- ⁵⁹ Шмаков А.С. Международное тайное правительство. М., 1912. С. 207.
- ⁶⁰ Платонов О.А. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. М., 1999. С. 110–119.
- ⁶¹ Соловьев О.Ф. Предтечи масонства // Свободная мысль. 1994. № 7–8. С. 93.
- ⁶² Платонов О.А. Почему погибнет Америка // Наш современник. 1998. № 9. С. 229.

- ⁶³ З а м о й с к и й Л о л л и й. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 14.
- ⁶⁴ З а м о й с к и й Л о л л и й. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 23.
- ⁶⁵ С о л о в ь е в О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 214.
- ⁶⁶ П л а т о н о в О.А. Почему погибнет Америка // Наш современник. 1998. № 9. С. 229.
- ⁶⁷ З а м о й с к и й Л о л л и й. За фасадом масонского храма. Взгляд на проблему. М., 1990. С. 167.
- ⁶⁸ Масоны без тайн // Поиск. 1989. № 29. 16–22 ноября. С. 6.

ПЕРВЫЕ МАСОНСКИЕ ЛОЖИ В РОССИИ. И.П. ЕЛАГИН И ЕГО СОЮЗ. ШВЕДСКАЯ СИСТЕМА

Как и многое другое, что вошло в русскую жизнь со времен Петра I, масонство проникло к нам с Запада. *«Любимец Петра Великого Лефорт был масон и, вероятно, сообщил сведения о масонстве своему великому монарху, так как тогда учрежден был масонский орден Святого Андрея», — читаем мы в «Кратком очерке истории масонства в России» (1827) Карла Л...ра¹. Граф Брюс, по утверждению все того же источника, был одним из высокопосвященных масонов и глубоко и плодотворно проник в тайны ордена². В свое время мнение это было широко распространено среди масонов³. «Ложь братьев — свободных каменщиков, — писал в 1821 году в записке на имя Александра I великий мастер Великой ложи «Астреи» генерал-лейтенант Е.А. Кушелев, — возникли в России во времена царствования блаженной памяти государя императора Петра Великого по возвращении его из чужих краев. Первая ложь учреждена была сим государем в Санкт-Петербурге под управлением мастера оной любимого им советника его генерала Лефорта»⁴.*

Франц Лефорт умер, как известно, в 1699 году. Никакого Санкт-Петербурга в это время еще не существовало. Так что иначе как масонской басней сообщение Е.А. Кушелева назвать трудно. Не заслуживает доверия и еще одна дата посвящения в масонство Петра I — 1717 год. Петр I действительно побывал в этом году за границей (Голландия, Франция), но в Англии, где только что была учреждена Великая ложь, не был. Г.В. Вернадский в свое время разыскал в Публичной библиотеке масонскую рукопись, рассказывающую, что Петр I якобы был принят в шотландскую степень Святого Андрея, причем при вступлении в орден дал обязательство *«что сей орден восстановит в России, что и исполнил (орден Андрея Первозванного, 1698 год. — Б.В.)... Его письменное обязательство существовало в прошлом веке в той же ложе, где он был принят, и многие оное читали», — говорится далее в ней.* Называют и ложу, в работах которой якобы принимал участие Петр I, — «Нептун»⁵.

Как бы то ни было, даже такой серьезный ученый, как Г. Вернадский, склонен был доверять этому явно сомнительному сообщению. *«Вполне правдоподобно, — писал он, — что вместе с образцами западного вооружения и одежды для армии и флота при Петре были заимствованы и формы товарищеского объединения*

офицеров. Ранние ростки русского масонства особенно возможны во флоте, так как флот был создан всецело по западному образцу и под западным влиянием»⁶.

Однозначно относил основание первой масонской ложи в России к 1717 году и А.Н. Пыпин⁷. Заслуживают внимания в связи с этим и выдержки из работы по истории английского масонства Роберта Гульда, опубликованные в 1917 году в журнале «Море». *«Согласно русским преданиям, — говорится здесь, — масонство в этой стране возникло ранее Великой ложи Англии (1717), так как имеются серьезные данные, что Петр Великий был посвящен сэром Христофором Урэнном и что еще до конца XVII столетия существовала ложа с Лефортom в должности управляющего мастера и Гордоном и Петром в качестве старшего и младшего надзирателей»*. Христофор Урэн, или Врэн, был главным смотрителем собора Святого Павла в Лондоне в 1698 году, то есть во время посещения Петром I Англии. Более того, в это время Христофор Врэн действительно был избран председателем лондонского общества каменщиков, и с этой точки зрения полностью исключить возможность посвящения им русского царя в масонство в принципе нельзя. Другое дело, насколько серьезно сам Петр отнесся к этому гипотетическому событию. Что же касается Р. Гульда, то он относился к этой версии скептически⁸.

Оно и понятно, так как документального обоснования версии о масонстве Петра не имеет. Но возникновение ее легко объяснимо. Дело в том, что российские масоны всегда считали себя (и не без оснований) прямыми продолжателями дела Петра Великого по перестройке России по западным образцам. Только Петр I стремился переустроить ее в экономическом и культурном отношении, в то время как братья-масоны мечтают переустроить ее в духовном плане⁹. Конечно, масоны в России во времена Петра I, быть может, и были, однако первое документальное упоминание о существовании масонской ложи в нашем Отечестве относится только к 1731 году в связи с назначением Великой ложи Англии капитана Джона Филипса Провинциальным Гроссмейстером для России¹⁰.

В 1741 году его сменил новый гроссмейстер — генерал русской службы Джеймс (Яков) Кейт, очень скоро (1744), впрочем, навсегда покинувший Россию¹¹. Но русскими эти ложи, состоявшие из подвизавшихся в Санкт-Петербурге англичан, были, конечно же, только по месту их работ. Никаких указаний на то, что среди масонов этих были русские люди, у нас нет¹². Учитывая широкое распространение масонства в это время в Германии и засилье немецкого элемента в царствование Анны Иоановны, можно предположить существование в России того времени и немецких лож. Однако сведений о их деятельности не сохранилось.

Первые масонские ложи в России, как уже отмечалось, со-

стояли из подвизавшихся в это время здесь иностранных специалистов и купцов. Такого же характера были, как можно предположить, и известные нам иностранные ложи Петербурга 1750-х — начала 1760-х гг.: «Скромности» (1750), «Постоянства» (1762), «Счастливого согласия» (1762) и другие¹³. Что касается масонских систем, по которым работали эти ложи, то едва ли они отличались от систем, по которым работали ложи в Англии, Франции и Германии.

Первой ложей, возникшей в России в XVIII веке, автор уже упоминавшегося нами «Краткого очерка истории масонства в России» (1827), член петербургской ложи «К коронованному пеликану» Карл Л...р считал елагинскую ложу «Скромности» или «Молчаливости», возникшую в Санкт-Петербурге в 1768 году¹⁴. Однако А.Н. Пыпин счел возможным отнести ее возникновение к гораздо более раннему времени (1750) и считал иностранной¹⁵.

В целом историю русского масонства XVIII века условно можно разделить на два периода. Первый из них (1731—1770-е гг.) — это период становления и укрепления масонских лож на русской почве. Само масонство в эти годы было скорее модой, чем потребностью определенной части русского общества. Преобладающим было масонство английское первых трех степеней. Второй период (конец 1770—1780-е гг.) — это, безусловно, время расцвета русского масонства, господства в ложах мистики и повсеместного распространения так называемых рыцарских или высоких степеней: шведская система и розенкрейцерство.

Исключить, что наряду с иностранцами в петербургских ложах 1730—1740-х гг. могли попадаться и отдельные представители русских родов, нельзя. Однако согласно имеющимся источникам первые посвящения русских людей в масонство произошли все же не в России, а за границей. Речь идет о показаниях в Тайной канцелярии действительного камергера при дворе императрицы Елизаветы Петровны графа Николая Александровича Головина — внука знаменитого фельдмаршала и генерал-адмирала Петровского времени Федора Алексеевича Головина, взятых у него 22 февраля 1747 года. Дело в том, что за границей Николай Головин служил некоторое время волонтером прусской армии, и Елизавета Петровна заподозрила в нем агента прусского короля Фридриха II. Подозрения эти не подтвердились. В то же время Н.А. Головин показал, что вступил за границей в масонскую ложу, и назвал среди известных ему масонов младшего брата фаворита императрицы графа Алексея Григорьевича Разумовского — Кирилла Разумовского, а также братьев Захара и Ивана Чернышовых. Посвящение их в заграничных ложах состоялось в 1741—1744 годах¹⁶.

Из других источников выясняется, что масонами в 1740-е годы были также Г.В. фон Будберг, И.А. и Н.В. Корфы, Г.К. Миних. а возможно, и ряд других лиц¹⁷. Но все это люди, пусть и состо-

явшие на русской службе, но вступившие в масонство за границей. О русских ложах, действующих в 1740-е годы непосредственно на территории нашего Отечества, сведений нет. Однако уже в следующем десятилетии русская масонская ложа в Санкт-Петербурге определенно существовала. Выясняется это из донесения Михаила Олсуфьева начальнику тайной канцелярии времен Елизаветы Петровны графу Александру Ивановичу Шувалову. Документ не датирован. Современный исследователь С.П. Карпачев относит его появление к концу 1740-х годов¹⁸. Но, как определил еще М.Н. Лонгинов, относить его скорее всего следует к 1756 году¹⁹.

Интересен же этот документ для нас тем, что речь здесь идет на этот раз не о масонах-иностранцах, а уже о собственно русских «братьях», посвященных в регулярно собиравшейся в Петербурге масонской ложе. Михаил Олсуфьев был настолько откровенен, что назвал практически всех известных ему масонов этой ложи — всего 35 человек. Среди них: сенатор Роман Илларионович Воронцов (отец известной Екатерины Дашковой), будущие историки Михаил Щербатов и Иван Болтин, поэт Александр Сумароков, а также другие офицеры кадетского корпуса, Преображенского и Семеновского гвардейских полков: князья Михаил Дашков, Сергей Трубецкой, Семен Мещерский, трое князей (Владимир, Алексей, Федор) Голицыных, капитан Петр Мелиссино, сержант Сергей Пушкин, а также Федор Мамонов, Иван Шувалов, Александр Волков, Петр Бутурлин и другие. Характерно, что помимо дворянства были среди этих первых наций масонов и представители других сословий: 4 музыканта, один купец и один танцмейстер, некий Пеле²⁰. Руководил же ложей в начале 1760-х годов уже известный нам «грандмэтр» конференц-министр граф Роман Илларионович Воронцов.

Согласно сведениям источников, это было типичное французское масонство шотландской системы со всеми присущими ему атрибутами в виде мертвой головы в ложе, обнаженной шпаги, на которой должен был приносить клятву посвящаемый, проколами груди циркулем с истечением крови, приложением Соломоновой печати на левое плечо, троекратным поцелуем левой ноги мастера и прочими атрибутами рыцарских степеней. *«Палата (ложжа. — Б.В.), — показывал М. Олсуфьев, — обита черным сукном, и по оному сукну на стенах раскинуты цветы белые во образе звездам, и посреди оной палаты поставлен стол под черным сукном, и на оном столе лежит мертвая голова и обнаженная шпага с заряженным пистолетом... и оная мертвая голова, вделанная на пружинах, имеет движение».*

Что касается неопфита, то перед обрядом посвящения с него в обязательном порядке снимали одежду и отбирали металлические вещи, разували правую ногу и, сняв рукав рубахи с левой руки, завязывали глаза. Затем следовали вопросы, после чего

его под обнаженными шпагами вводили наконец в ложу, где на покрытом пунцовым бархатом столе лежали шпага и циркуль. На полу же, как обычно в таких случаях, лежал масонский ковер, вокруг которого и толпились братья-масоны.

Наиболее ответственной частью обряда была церемония «трех мытарств», как символическое напоминание братьям о трех ударах, которыми якобы был убит Адонирам, и масонская присяга с приложением печати Соломоновой к левому плечу посвящаемого. Несомненно волнующим моментом посвящения являлся и прокол ему груди циркулем. *«И потом, — отмечал М. Олсуфьев, — циркулем проколов грудь, сам стирает текущую кровь платком»*. Наконец с посвящаемого снимали повязку с глаз, он целовал «грандмэтру» левую ногу три раза, после чего церемония считалась оконченной и новоиспеченному масону оставалось только принимать поздравления²¹. Проводником французского масонства в 1750-е годы в России был Генрих Чуди — швейцарец, личный секретарь И.И. Шувалова, ритор одной из французских лож в Санкт-Петербурге (1760)²².

Прямо надо сказать: первые русские масоны были далеки от высоких и благородных целей, декларируемых вольными каменщиками, и преуспели главным образом в том, что умели, как свидетельствовал масон тех лет И.П. Елагин, *«при торжественной вечере за трапезой несогласным воплем непотребные реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином»*²³.

Тот же И.П. Елагин чистосердечно признавался, что вступил в орден в молодые годы, движим исключительно тщеславием и любопытством. *«При том и мнимое равенство, честолюбие и гордость человека ласкающее, более и более в сем собрании меня привлекало, да и хотя на самое краткое время буду равным власти, иногда и судьбою нашею управляющей. Содействовала к тому и лестная надежда, не могу ли через братство достать в вельможах покровителей и друзей, могущих споспешествовать счастью моему»*²⁴.

Что касается императрицы Елизаветы Петровны, то она, будучи натурой глубоко православной, к масонам относилась безусловно отрицательно, хотя из-за высоких покровителей (И.И. Шувалов, К.Г. Разумовский) каким-либо преследованиям их и не подвергала.

Преемник Елизаветы Петровны Петр III уже и шагу не мог ступить без совета «братьев», усилиями которых и объясняется прогрессивная деятельность этого государя при всей ничтожности его как государственного человека. К 1762 году относится упоминание об иностранной, скорее всего немецкой ложе «Постоянство», которой Петр III подарил дом под масонские собрания. Впрочем, это могла быть и ложа «Счастливого согласия», обратившаяся 15 декабря 1762 года в берлинскую ложу «Трех глобусов» с прошением о признании. Сам Петр III, судя по всему, был масоном. Из иностранных источников известно, что он

якобы собирал масонов у себя в Ораниенбауме²⁵. Одним из активнейших масонов этого времени был личный секретарь Петра III Дмитрий Васильевич Волков, перу которого, собственно, и принадлежат знаменитые указы императора «О вольности дворянства» и об уничтожении Тайной канцелярии (1762)²⁶.

Сумасбродный и вечно пьяный император, очевидно, не вполне удовлетворял братьев-масонов. Недовольны были им и более широкие дворянские круги. Фактическим организатором переворота 28 июня 1762 года был масон Никита Иванович Панин. Масонами были и многие другие участники низвержения Петра III, в том числе и тогдашний фаворит Екатерины Алексеевны Григорий Орлов²⁷. Кроме того, Н.И. Панин сумел привлечь в ряды своих сторонников К.Г. Разумовского, М.Н. Волконского и ряд других офицеров. Цель переворота — провозглашение императором Павла Петровича при регентстве Екатерины II. Что касается Григория Орлова и трех его братьев «со товарищи», а также Е.Р. Дашковой, то они были непосредственными исполнителями переворота.

Екатерина II, отмечает современный историк Олег Соловьев, пришла к власти при помощи аристократической группировки (Н.И. Панин), орудием которой являлись в это время масоны²⁸. Это-то и предопределило благожелательное на первых порах отношение к масонам со стороны государыни. Сама Екатерина II активно прокламировала в эти годы политику просвещенного абсолютизма, и готовность масонов горячо откликнуться на ее либеральные начинания была ей как нельзя кстати. И действительно, масоны той поры успешно использовали открывшиеся перед ними возможности. Они активно участвовали в работе Уложенной комиссии 1767 года, организации и деятельности Вольного экономического общества (1765), других начинаний императрицы либерального толка. Благожелательное отношение к масонам Екатерины II не изменилось даже после того, как в декабре 1762 года Н.И. Панин представил ей проект манифеста об учреждении Императорского совета, отчасти ограничивавшего ее самодержавную власть²⁹. После некоторой заминки государыня решительно отклонила проект Панина. Не насторожило Екатерину II даже обнаружение во время следствия по делу Василия Мировича, пытавшегося освободить бывшего императора Иоанна Антоновича из Шлиссельбургской крепости (1764), у брата его сообщника Аполлона Ушакова — Василия — масонских бумаг³⁰.

Обстановка для распространения масонских лож в России была в это время благоприятной. Уже в 1762 году в Петербурге была открыта ложа «Счастливого согласия», а в 1765-м дело дошло даже до учреждения здесь рыцарского тамплиерского капитула системы «строгого наблюдения» во главе с немецким купцом Родером. Среди членов этого масонского сообщества — генера-

лы И.Н. Болтин, Н.М. Бороздин, граф А.А. Брюс, А.К. Разумовский, А.С. Строганов, князя Ю.В. Долгорукий, Г.П. Гагарин, А.Б. Куракин, М.М. Щербатов и другие. В политическом плане почти все они принадлежали к аристократической группировке братьев Паниных³¹.

Широкого распространения система «строгого наблюдения» в России, однако, не получила и уже к началу 1770-х годов заглохла. Не получил здесь заметного распространения и так называемый клерикат — полукатолический обряд тамплиерской системы доктора И.А.Штарка (1768) во главе с капитулом «Феникса»³². Упоминают источники и о ложе «Истинного постоянства» некоего Селлина. Масонов в 1760-е годы в России было уже немало, причем не только в Петербурге, но и в ряде других городов, в том числе и в далеком Архангельске — ложа «Святой Екатерины» (1766)³³. К 1765 году относится и появление собственно русской системы высших степеней. Основал ее младший брат куратора Московского университета артиллерийский генерал из греков Петр Иванович Мелиссино (1724—1792). Председательствовал он и в петербургской ложе «Марс» (1774). Широкого распространения эта система, в которой насчитывалось 7 степеней посвящения, однако, не нашла³⁴. В 1777 году П.И.Мелиссино тихо присоединился к союзу лож так называемой Циннендорфской системы. Возглавляемая же лично им ложа «Скромности» просуществовала вплоть до своего закрытия в 1782 году³⁵.

Эпоха 1750—1760-х годов — это, собственно говоря, еще только предыстория русского масонства, когда для русских людей оно было еще не более чем модной забавой. Каких-либо общественных потребностей в масонском «свете» в высшем слое русского общества тогда еще не сформировалось, и в ложи, по свидетельству уже упоминавшегося И.П. Елагина, молодых людей из знатных фамилий влекло любопытство, тщеславие и желание использовать масонские связи для более успешного продвижения по службе³⁶. Всего за период с 1750 по 1770 годы зафиксировано 17 лож, главным образом в Петербурге, Москве, а также по одной ложе в Митаве, Риге и Архангельске³⁷. Если исходить в среднем из цифры 20 человек на одну ложу, то получается всего 340 братьев. Это еще совсем немного.

Настоящая история русского масонства начинается только с 1770-х годов с внедрением в него Елагинской и Циннендорфской (Берлинско-Шведской) систем. Ведущую роль среди русских масонов этого времени играл уже неоднократно упоминавшийся Иван Перфильевич Елагин (1725—1794). Писатель, сенатор, управляющий императорскими театрами (1766—1779), он был в то же время и одним из самых деятельных пропагандистов вольного каменничества в нашем отечестве³⁸: масонская ложа под его руководством работала в Санкт-Петербурге еще с 1762 года. 22 мая 1770 года по его инициативе в Петербурге была от-

крыта Великая Провинциальная ложа России, работавшая по системе трех иоанновских степеней и имевшая непосредственную связь с берлинской ложей «Ройял Йорк» — филиалом Великой ложи Англии в Пруссии. Неудовлетворенность Ивана Перфильевича Елагина, как главы нового масонского центра, тем, что ему приходилось общаться с Великой ложей Англии через берлинских посредников, привела к тому, что в результате непосредственных переговоров его посланца В.И. Лукина с главой Великой ложи Англии де Бофором уже 26 февраля 1772 года на имя И.П. Елагина был оформлен официальный масонский патент, согласно которому он провозглашался великим мастером Провинциальной ложи России и обязывался давать ежегодный отчет в Лондон о проделанной работе и даже пересылать туда денежные взносы³⁹. Кроме самого И.П. Елагина, в возглавляемую им Великую Провинциальную ложу в Санкт-Петербурге входили такие известные в то время масоны, как граф Р.И. Воронцов (наместник-мастер), генерал-майор А.Л. Щербачев, князь И.В. Несвицкий, поэт М.М. Херасков, личный секретарь Екатерины II А.В. Храповицкий, друг детства наследника престола Павла Петровича князь А.Б. Куракин и другие.

В общественно-политическом плане елагинские ложи 1770-х годов представляли собой умеренно-либеральное направление в русском масонстве. Консервативная линия обозначилась в нем не ранее начала уже следующего десятилетия. Это были ложи так называемой шведской рыцарской системы и розенкрейцеры. Что же касается елагинских лож, то они работали на основании своего устава «Права, преимущества и обряды Главной провинциальной ложи». Всего под ее управлением в первой половине 70-х годов XVIII века насчитывалось 14 лож: «Муз» (мастер И.П. Елагин), «Урании» (мастер В.И. Лукин), «Беллоны» (И.В. Несвицкий), «Астреи» (Я.Ф. Дубянский), «Марса» (Яссы, мастер П.И. Мелиссино), «Минервы» (барон Гартенберг), а также «Скромности» (Санкт-Петербург), «Клио» (Москва), «Талии» (Москва — Полоцк), «Равенства» (Москва — Петербург), «Екатерины» и «Трех подпор» (Архангельск), «Эрато» (Петербург) и ложа под управлением Р.И. Воронцова во Владимире⁴⁰. В одну из петербургских лож елагинского союза — «Астрею» — вступил в 1775 году известный впоследствии просветитель и масон Николай Иванович Новиков⁴¹. Общее число членов елагинских лож едва ли превышало, согласно современным оценкам, 400 человек⁴².

Все обряды и ритуал, которых придерживались братья елагинских лож, были заимствованы из Англии. Сам И.П. Елагин, как уже отмечалось, ежегодно посылал в Лондон свои отчеты великому гроссмейстеру Великой ложи Англии и вступительные взносы. Устав союза исходил из масонской конституции Джеймса Андерсона. Но сколько-нибудь серьезной работы в ложах И.П. Елагина все же не велось. Как вспоминал позже Н.И. Но-

виков, «собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало»⁴³. К такому же выводу пришел в свое время и Г.В. Вернадский, по заключению которого елагинские ложи зачастую играли роль своеобразных дворянских клубов этого времени⁴⁴.

А между тем в это же время в Петербурге наряду с ложами И.П. Елагина росли и множились ложи другого, враждебного ему масонского союза во главе с гвардейским генерал-аудитором немцем бароном П.-Б. Рейхелем, работавшие по системе так называемых рыцарских степеней. Мода на них пришла в Россию из Германии. Приехавший оттуда 12 марта 1771 года бывший гофмейстер двора принца Брауншвейгского П.-Б. Рейхель учредил в том же году в Санкт-Петербурге ложу «Аполлона» Циннендорфской (Шведско-Берлинской) системы, известной в литературе как система «Слабого наблюдения». Успех этой системы был обеспечен тем, что в отличие от так называемой шведской системы «Строгого наблюдения», дисциплине в ложах этого нового союза и, что самое главное, внешним блеску и пышности высоких степеней не придавалось сколько-нибудь серьезного значения. Все свое внимание братья, придерживавшиеся системы «Слабого наблюдения», сосредотачивали на вопросах нравственного порядка и морального самоусовершенствования.

На первых порах членами ложи П.-Б. Рейхеля были иностранцы. Сама ложа, впрочем, под своим первоначальным названием «Аполлон» просуществовала недолго и уже в 1773 году была закрыта. Взамен ее здесь было учреждено новое братство — ложа «Гарпократа» под управлением Николая Трубецкого. Большинство ее членов были уже природные русские. В 1774 году возобновила свою деятельность и ложа «Аполлона», а также открылось еще 5 новых лож. К началу 1776 года под руководством П.-Б. Рейхеля было уже целых 8 лож: «Аполлона» (Санкт-Петербург), «Гарпократа» (Санкт-Петербург), «Аполлона» (Рига), «Изиды» (Ревель), «Горусы» (Санкт-Петербург), «Латоны» (Санкт-Петербург), «Немезиды» (Санкт-Петербург) и «Озири-са» (Санкт-Петербург — Москва).

Началось буквально повальное бегство масонов от И.П. Елагина к П.-Б. Рейхелю. Особенно большое впечатление произвела на братьев «измена» своему великому мастеру елагинской ложи «Астрей» 22 марта 1776 года, члены которой практически в полном составе перешли к П.-Б. Рейхелю. *«Закрыли ее все, и членство все братья с себя отдали и свечи погасили... Когда закрывали «Астрей», — свидетельствовал масон А.Я. Ильин, — то в самое то время очень было жалко, так что у меня навернулись слезы»*⁴⁵.

Положение рейхелевских лож тем не менее было не из легких. Дело в том, что берлинское масонское начальство П.-Б. Рейхеля по соглашению с Великой ложей Англии совершенно неожиданно отказалось от своего детища. Да и конкурировать с ела-

гинскими ложами, пользовавшимися негласной поддержкой императрицы, П.-Б. Рейхелю было опасно. С другой стороны, и И.П. Елагин, видя, что все симпатии братьев целиком и полностью на стороне системы П.-Б. Рейхеля, вынужден был перейти к политике маневрирования. Закончилась она тем, что 3 сентября 1776 года обе системы объединились в одну, причем И.П. Елагину пришлось отказаться от английской системы трех степеней и перевести работы возглавляемых им лож по шведско-берлинским или рейхелевским актам. Со своей стороны, и П.-Б. Рейхелю тоже пришлось уступить, и немало, так как великим мастером новой Великой провинциальной ложи был провозглашен И.П. Елагин. Всего этот второй елагинский союз объединял 23 ложи (Г.В. Вернадский, правда, дает другую цифру — 18⁴⁶, но принципиального значения эти расхождения, конечно же, не имеют). Это были 10 бывших елагинских и 5 бывших рейхелевских лож, относительно систем еще 8 лож, примкнувших к новому союзу, точных данных не имеется⁴⁷.

Великим провинциальным мастером в этом масонском объединении стал, как уже отмечалось, И.П. Елагин, наместным великим мастером — граф Никита Иванович Панин. Среди других руководителей Великой провинциальной ложи: генерал-лейтенант П.И. Мелиссино, генерал П. Бутурлин, барон В.Ф. Унгерн-Штернберг. Ложи этого союза стали называться теперь соединенными. Впрочем, мир в этом соединенном масонском семействе продолжался, как и следовало ожидать, недолго. Недовольный И.П. Елагиным П.-Б. Рейхель фактически устранился от участия в орденской работе. Недоволен был и князь Н.Н. Трубецкой. Воспользовавшись своим переездом в Москву, он не только перенес туда из Петербурга свою собственную ложу «Озирис», но и тесно с нею связанные ложи «Изиды» и «Латоны». Неудивительно поэтому, что уже в 1777 году начинаются переговоры оппозиционно настроенных к И.П. Елагину братьев с Великой шведской ложей на предмет введения у нас шведской системы и основания в России Великой провинциальной ложи шведского обряда.

В стороне от елагинско-рейхелевского союза остались ложа «Аполлона» во главе с Георгием Розенбергом (Санкт-Петербург), а также ложи «Аполлона» (Рига) и «Марса» (Яссы). Что же касается масонского союза во главе с И.П. Елагиным, то они проработали до 1784 года, когда якобы по собственному побуждению своего провинциального гроссмейстера (а фактически, надо полагать, по негласному повелению императрицы) и с согласия членов лож деятельность их была временно приостановлена и возобновилась только в 1786 году.

Автор «Краткой истории русского масонства» Карл Л... подчеркивает, что работы были приостановлены *«без приказа* *со стороны высшего начальства»*, однако дальнейший его пассаж о

полученной якобы И.П. Елагиным благодарности императрицы за добросовестность членов ордена, избегающих всякого сношения с заграничными масонами⁴⁸, показывает, что временная приостановка в деятельности второго елагинского союза была вызвана все же высочайшим пожеланием.

Работы елагинских лож возобновились, как уже отмечалось, в 1786 году. Но характер их уже принципиально отличался от прежней деятельности 1770-х — начала 1780-х годов. В основу этого фактически уже нового, третьего елагинского союза его основатель положил разработанную им программу, известную по его сочинению «Учение древнего любомудрия», которое удивительно напоминает нам духовные и мистические искания розенкрейцеров: Талмуд, тайна чисел, таинственные зефироты, стихии и прочее⁴⁹. Впрочем, И.П. Елагин уже давно имел склонность к мистицизму. Во всяком случае, именно он, а не кто-либо другой приютил в конце 1779-го — начале 1780 года у себя в доме знаменитого в то время мага Александра Калиостро (1743—1795) во время его спиритических сеансов в Санкт-Петербурге⁵⁰. *«Основные понятия масонства английской системы, конечно, должны были затеряться среди таких занятий алхимической мудростью и еврейской каббалистикой. Елагин бродил здесь, как в лесу», — справедливо писал об этом увлечении Ивана Перфильевича А.Н. Пыпин⁵¹.* В конце 1780-х годов этот, уже третий елагинский союз влачил жалкое существование и в 1792—1793 гг. в связи с делом Н.И. Новикова тихо прекратил свое существование.

Особой популярностью у русских братьев конца 1770-х — начала 1780-х годов пользовались ложи так называемой шведской системы «Строгого наблюдения». Рыцарско-христианский характер и торжественно-пышная обрядность шведского масонства не могли не импонировать представителям русской аристократии. Ценную услугу русским масонам оказал в этом смысле друг детства цесаревича Павла Петровича князь Александр Борисович Куракин. Дело в том, что, отправленный в 1776 году Екатериной II в Стокгольм (другим членом посольства был князь Г.П. Гагарин (1745—1808), А.Б. Куракин имел в то же время и тайное поручение от своего родственника Петра Ивановича Панина, только что избранного (1776) заместителем И.П. Елагина, суть которого состояла в том, чтобы, войдя в непосредственное сношение с руководством Великой ложи Швеции, получить от нее учредительные документы на открытие лож этой системы в России. А.Б. Куракин вполне справился со своим спецпоручением. В Стокгольме он не только был принят главой ордена «Соломонова храма» братом шведского короля Густава III принцем Карлом Зюдерманландским, но и получил вместе с Г.П. Гагариным посвящение в один из самых высоких «градусов» в ордене, дающий его обладателю право самостоятельного посвящения братьев в младшие степени.

В Санкт-Петербург А.Б. Куракин возвратился в 1777 году уже с учредительной грамотой (конституция) от Великого Стокгольмского капитула на право открытия здесь Великой главной управляющей ложи шведской системы «Строгого наблюдения» — капитула «Феникса». Официальное открытие его произошло в феврале 1778 года. А провинциальная ложа была учреждена и того позже — в 1779 году. Г.В. Вернадский связывал некоторую заминку с укоренением шведского масонства на русской почве с желанием руководителя шведского ордена Карла Зюдерманландского присоединить к нему всех русских масонов, в том числе и объединившихся в это время вокруг Великой Провинциальной ложи во главе с И.П. Елагиным. Возможно, это бы и произошло. Однако холодное отношение к шведскому масонству со стороны Екатерины II, которое не могло не быть известно И.П. Елагину, привело к тому, что он вынужден был ответить решительным отказом на лестное предложение.

В результате стокгольмская ложа решила обойтись без И.П. Елагина и его провинциального союза. 10 апреля 1778 года префектом русского капитула вместо отказавшегося от этой должности И.П. Елагина стал Г.П. Гагарин. А уже 22 декабря 1778 года произошло официальное открытие первой ложи шведской системы — «Феникс»⁵². Членами капитула стали такие «просветленные» братья, как И.В. Бебер, М.С. Бороздин, Г.П. Гагарин, И.А. Дмитриевский, В.В. и Ю.В. Долгоруковы, А.Я. Ильин, Б.А. Загряжский, А.Б. Куракин, И.В. Несвицкий, А.А. Ржевский, О.М. Дерибас, А.Ф. Сабуров, П. Соймонов, Ф.П. Фрез, А.Н. и А.С. Строгановы, А.Н. Щепотьев. Каждый из них должен был иметь дворянскую родословную в 16 коленах и по крайней мере в 4 последних не смешивать свою кровь с маврами, турками и иудеями⁵³.

Официальное название новой масонской структуры, в которую вошли русские братья, — «Священный орден храма Иерусалимского». В 1778 году между русскими и шведскими масонами было заключено соглашение, по которому капитул «Феникса» должен был безусловно подчиняться верховному шведскому масонскому правлению — Великому Стокгольмскому капитулу. В России же капитул «Феникса» должен был играть роль некоего тайного масонского правления для лож шведской системы, официальным прикрытием которому как раз и должна была служить учрежденная в 1779 году Великая Провинциальная ложа в Санкт-Петербурге во главе с князем Г.П. Гагариным. Открытие ее состоялось 25 мая 1779 года⁵⁴.

Но и этого масонам показалось мало, и в дополнение к двум уже существующим масонским структурам решено было добавить третью. 5 мая 1780 года была учреждена еще и так называемая Директория или Совет Великой национальной ложи в Санкт-Петербурге, в ведение которой входило поддержание связей ме-

жду ложами и собственный масонский суд для братьев. Характерно, что в целях конспирации члены Директории имели двойные имена: под одними они были известны только избранным братьям, под другими — всей вольнокаменщицкой толпе⁵⁵. Инструкцию для Директории подписал 9 июля 1780 года сам герцог Карл Зюдерманландский. Из нее, в частности, следует, что подлинная власть над русскими братьями сосредотачивалась в его руках, как великого провинциального мастера ордена «Соломонова храма»⁵⁶.

Еще в 1777 году Петербург посетил шведский король. Русские масоны торжественно чествовали своего «брата» в ложе «Аполлона». Ходили даже слухи, что в это время состоялось посвящение в вольные каменщики наследника престола Павла Петровича⁵⁷. Не следует забывать, что все эти лица: Панин, Куракин, Гагарин — были не только родственниками, но и в то же время, как никто другой, были близки наследнику престола. Все это не могло не насторожить подозрительную императрицу. Особенно когда стало известно, что в 1780 году герцог Зюдерманландский организовал так называемую 9-ю провинцию своего масонского ордена, куда помимо Швеции ничтоже сумняшеся включил и Россию. Таким образом, «вопреки их воле» русские масоны были поставлены в прямую зависимость от наследника шведского престола. Это, прямо надо сказать, ненормальное положение продолжалось вплоть до 1782 года, когда в соответствии с решением Вильгельмсбадского конгресса (шведские масоны его проигнорировали) Россия была признана самостоятельной 8-й масонской провинцией или державой.

Свое происхождение шведские братья вели от рыцарей Храма, или тамплиеров, XII—XIII веков. И «система» их представляла собой весьма искусное соединение символического иоанновского масонства первых трех степеней с храмовничеством и розенкрейцерством. От иоанновского масонства они унаследовали прежде всего масонскую идею золотого века «Астреи». Храмовничество придало их системе внешний блеск, красоту одежд и пышность обрядов. Важным элементом шведской системы, также унаследованным ею от храмовников, стала идея беспощадной борьбы с врагами христианства. Наконец, розенкрейцерство придавало работе лож шведской системы таинственность и ярко выраженный мистический характер (теософия, пизитизм, алхимия). В целом же шведская система имела ярко выраженный авторитарный характер и держалась на исключительной преданности братьев-рыцарей своим начальникам и беспрекословном подчинении младших лож ложам старшим. Что касается степеней посвящения, то их у шведских братьев было 10: иоанновские первые три, андреевские или шотландские 4-я и 5-я, рыцарские (6-я — 9-я). 10-ю степень составляли братья Розового креста (просветленный капитул), членами которого могли

быть лишь потомственные дворяне, насчитывающие не менее 4 поколений своих предков-дворян⁵⁸.

Вот как описывает помещение капитула «Феникса» и обряд посвящения в ложах шведской системы Т.О. Соколовская: *«В золотых трехсвечниках и семисвечниках горят высокие восковые свечи; в средоточии капитула на месте верующих находится 81 свеча. Кроваво-красными тканями сплошь затянуты стены; красное сукно на полу; на четверо по диагонали андреевским крестом рассечено оно зелеными полосами. На востоке семь крутых ступеней ведут к жертвеннику и трону Префекта... На жертвеннике — высеченный из камня гроб с изображением последнего гроттмейстера ордена тамплиеров Жака Молэ в орденском одеянии... Слева от жертвенника висит походное знамя. Оно красное, с белым крестом... Посреди зала черная виселица с подвешенным большим золотым крестом храмовников; у подножия разостлан черный гробовой покров... Звоном мечей открывается капитул. Великий префект ударяет трижды молотком о жертвенник... Капитул объявляется открытым, и все рыцари скрещивают руки на груди — обычный знак верности рыцарей храма. Все рыцари в белых шерстяных плащах с красным восьмиконечным нагрудным крестом, в красношелковых поясах, в ботфортах со шпорами, в белых шляпах с красными кокардами и белыми перьями, в белых лайковых перчатках с красным крестом, на шейные ленты, на шейные цепи — все эти предметы указывают на различные степени посвящения братьев. У всех у них в руках мечи, длинные, обоюдоострые, с изображением короны и креста на рукояти. Наконец префект занимает свое место и раскрывает Библию на 21-й главе Откровения Святого Иоанна; обнаженный меч свой кладет он на раскрытые листы святой книги.*

— Просвещенные братья, блюстители Храма, который час? — вопрошает великий префект.

— Солнце правды сияет на Востоке, — раздается в ответ.

Невидимый хор с воодушевлением поет масонский гимн «Коль славен Господь в Сионе». Скрестив руки на груди, братья преклоняют колени. Начинается молитва, после чего префект провозглашает открытие капитула⁵⁹.

Сложный и таинственный обряд посвящения, пышный ритуал, богатые одежды братьев, великолепное убранство капитула и, что самое важное, подчеркнуто христианский характер ордена (духовное рыцарство) — все это обеспечило определенный успех шведской системы в России. Уже к маю 1780 года общее число лож шведской системы (или Гагаринского союза, как ее еще называли) достигло четырнадцати⁶⁰. Шесть из них («Аполлон», «Феникс», «Святой Александр», «Пылающая звезда», «Благотворительность» и «Горус») располагались в Петербурге. Девять («Озирис», «Три меча», «Три добродетели» и «Апис») — в Москве. Наконец по одной ложе удалось организовать в Реве-

ле («Трех секир»), Кронштадте («Нептуна»), Кинбурне (военная ложа) и в Пензе.

Борьба с вольнодумством и восстановление ордена храмовников XII века — вот какие задачи ставились перед российскими братьями-рыцарями. Первыми работниками на этом поприще стали представители знатнейших тогдашних русских фамилий: князья Гагарины, графы Апраксины, Шуваловы, князья Долгорукие, Куракины, Репнины, граф А.С. Строганов, граф А.И. Мусин-Пушкин и др. Г.В. Вернадский насчитал в свое время 17 масонских лож шведской системы на 1780 год, то есть год наибольших ее успехов в России⁶¹. Согласно новейшим разысканиям число их может быть увеличено до 21. Большинство располагалось в Петербурге: «Святой Александр» (мастера стула А.Б. Куракин и А.М. Карамышев), «Аполлон» (мастер стула Г. Розенберг), «Благотворительность к Пеликану» (мастера стула И.В. Бебер и Ф.П. Фрез), «Дубовая долина» (Ф.П. Фрез), «Пламенеющая звезда» (А.Ф. Сабуров), «Изида» (Н.Н. Трубецкой). В Москве находились ложи: «Апис» (мастера стула Ю.В. Долгоруков и Г.П. Гагарин), «Латона» (Н.И. Новиков), «Сфинкс» (Г.П. Гагарин), «Озирис» (Н.Н. Трубецкой), «Три меча» (Х.Ф. Маттеи), «Три христианских добродетели» (А.Я. Ильин). Кроме того, существовали масонские ложи шведской системы еще и в Кинбурне (мастер стула князь Н.В. Репнин), Кронштадте («Нептун», мастера стула А.Г. Свиридов, С.К. Грейг, Х.И. Цубер), Митаве («Три венчаных меча»), а также ложи в Нижнем Новгороде («Совершенного согласия»), Казани и Пензе⁶². Активное участие в шведских ложах принимали в это время такие впоследствии известные масоны-розенкрейцеры, как И.А. Поздеев, Г.М. Походяшин, Н.Н. Трубецкой.

Успех шведской системы в России не был, однако, достаточно прочным. Дело в том, что интерес и внимание шведских начальников ордена к России и русским преследовал не только и не столько масонские, сколько далеко идущие политические цели — упрочение братского союза знатного дворянства двух стран на основе вольнокаменнических идей. Где тут была, как говорится, «собака зарыта» — становится ясно, как только мы вспомним, что вся деятельность «Капитула Феникса» в Петербурге направлялась и контролировалась главой Стокгольмского великого капитула, братом шведского короля, генеральным визитатором и главным герольдмейстером «Священного Ордена Храма Иерусалимского», великим провинциальным мастером Швеции и России герцогом Карлом Зюдерманландским. Швеция в это время готовилась к войне с Россией, и не воспользоваться в связи с этим масонскими каналами в России было бы просто грешно.

Близость А.Б. Куракина к Павлу Петровичу и тесные связи новоявленных рыцарей «Священного Ордена Храма Иеруса-

лимского» с их шведскими начальниками — врагами России насторожили Екатерину II, и уже в 1781 году она распорядилась о негласной приостановке деятельности шведских лож⁶³. А.Б. Куракин в 1782 году был выслан в свою саратовскую деревню. Что касается князя Г.П. Гагарина, то его еще в 1781 году перевели по указанию императрицы на службу в Москву. Здесь вокруг возглавляемой им ложи «Сфинкса» и сосредотачивалось в начале 1780-х годов шведское масонство, полностью независимое, впрочем, после Вильгельмсбадского масонского конгресса (1782) от Стокгольма. В Петербурге же братья группировались главным образом вокруг ложи «Пеликан»⁶⁴.

Одним из наиболее принципиальных решений Вильгельмсбадского масонского конгресса стал факт признания того, что масонский орден гораздо старше храмовничества и история его теряется в веках. Шведские братья, которые вели свое происхождение именно от храмовников XII века, решения конгресса не признали, поставив себя тем самым вне мирового масонского сообщества. Однако русские adepts шведских лож не поддержали своих шведских братьев и после окончания Вильгельмсбадского конгресса, объявившего Россию самостоятельной масонской державой (8-я провинция ордена), Г.П. Гагарин формально порвал со своим шведским начальством и пустился, так сказать, в автономное плавание, образовав в Москве собственную провинциальную ложу. Другая часть братьев — ложи «К коронованному пеликану» (Петербург) и «Нептун» (Кронштадт) — предпочла тем не менее сохранить верность Стокгольмскому капитулу.

Особого внимания заслуживает кронштадтская ложа «Нептун к надежде» во главе с адмиралом С.К. Грейгом, основанная в 1779 году. Патент на ее открытие С.К. Грейг получил от самого князя Г.П. Гагарина и руководимой им «Великой национальной ложи». Общее число братьев кронштадтской мастерской составило 86 человек, главным образом морских офицеров: Александр Семенович Шишков, Алексей Григорьевич Спиридов, Павел Иванович Голенишев-Кутузов и другие⁶⁵.

Русско-шведская война 1788—1790 гг. резко осложнила положение «шведских» масонов в России. Дело в том, что главнокомандующий русской эскадрой на Балтике адмирал С.К. Грейг являлся в то же время и управляющим мастером ложи «Нептун», работавшей на корабле «Ростислав». По масонской линии С.К. Грейг непосредственно подчинялся врагу России — герцогу Карлу Зюдерманландскому, которому, по иронии судьбы, также было поручено в это время командовать шведским флотом. Тем не менее, как пишет Т.О. Соколовская: «Грейг и все масоны-моряки выказали себя верными россиянами и покрыли славой свои имена»⁶⁶.

6 (17) июля 1788 года русская эскадра под командованием

адмирала С.К.Грейга в ожесточенном Гогландском морском сражении сумела-таки нанести существенный урон шведскому флоту и заставила его уйти в Свеаборг. Верность присяге и выказанная С.К.Грейгом храбрость во время этой баталии не мешали ему, впрочем, состоять в тайной переписке с Карлом Зюдерманландским. Более того, стремясь как масон несколько смягчить свирепость войны, С.К.Грейг даже запретил во время уже упоминавшегося Гогландского морского сражения отвечать горячими ядрами на обстрел наших кораблей шведами, несмотря на то что у него самого на корабле паруса трижды загорались от неприятельских снарядов. Горючие ядра, пояснял С.К.Грейг, предназначены для действительно «бесчеловечного неприятеля» — турок, а не для человеческих шведов⁶⁷. Заслуживает внимания и своеобразная реакция уже известного нам масона князя Н.Н. Трубецкого на известие о долгожданном мире со Швецией. Получив его, по свидетельству очевидцев, он плакал «как баба», радуясь прекращению кровопролития между шведскими и русскими «братьями».

Из шведских лож, продолжавших свои работы в России, к 1788 году осталось всего пять: «Аполлона», «Святого Александра», «Дубовой долины», «Пеликана» — все в Петербурге и «Нептуна» (Кронштадт)⁶⁸. Ложи «Нептуна» и «Аполлона» были закрыты в конце 1788 года по личному распоряжению императрицы в связи с организацией масонами траурной ложи памяти адмирала С.К. Грейга (умер в октябре 1788 года). В 1793 году в связи с делом Н.И. Новикова дошла наконец очередь и до елагинских лож, которые также были закрыты в это время по негласному распоряжению императрицы.

Подводя итог деятельности елагинских, рейхелевских и шведских масонских лож в России в 1770—1780-х гг., можно констатировать, что, несмотря на внушительный размах движения, сколько-нибудь заметного следа в истории русской культуры, просвещения или общественной мысли их деятельность не оставила, да и едва ли могла оставить при той постановке дела, которая была характерна для этих масонских сообществ и при тех лидерах, которые их возглавляли. Совсем в другом ключе развивалась в эти годы деятельность другого, во многом отличающегося от них масонского сообщества, — ордена розенкрейцеров.

Примечания

¹ К.Л...р. К истории масонства в России. / Пер. Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. № 9. С. 533.

² Там же. С. 534.

³ Соколовская Т.О. Был ли Петр I масоном? // Море. 1917. № 12. С. 15—22.

⁴ Уничтожение масонских лож в России (1822). Сообщ. И.И. Ореус // Русская старина. Т. XVIII (январь — апрель). СПб., 1887. С. 467.

⁵ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Пыпин А.Н. Хронологический указатель русских лож с первого возникновения масонства до запрещения его (1717—1822) // Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII — первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 498.

⁸ От редакции // Море. 1917. № 12. С. 23.

⁹ Новиков В.И. Меншикова башня // Масонство и масоны. Сб. статей и материалов. Вып.3. Под ред. С.П. Карпачева. М., 1998. С. 38.

¹⁰ К.Л...р. К истории масонства в России. / Пер. Н.С. Иванина // Русская старина. 1882. № 9. С. 534.

¹¹ Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780—1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 3. М., 1870. С. 446.

¹² Пыпин А.Н. Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. Кн.6 (июнь). С. 549.

¹³ Пыпин А.Н. Хронологический указатель русских лож с первого возникновения масонства до запрещения его (1717—1822) // Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII — первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 498—499.

¹⁴ К.Л...р. К истории масонства в России. / Пер. Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. № 9. С. 535.

¹⁵ Пыпин А.Н. Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. Кн. 6 (июнь). С. 551.

¹⁶ Донесение о масонах // Летописи русской литературы и древности. Т. 4. М., 1862. Отделение 3. С. 52.

- ¹⁷ Hass L. Loza i politika. Masoniria rosyiska. Warszawa. 1966. S.34.
- ¹⁸ Карпачев С.П. Масоны и масонство в России XVIII — первой половины XIX века // Вопросы отечественной истории. Отв. редактор А.В. Ушаков. М., 1996. С. 12.
- ¹⁹ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты, М., 1867. С. 92—93.
- ²⁰ Летописи русской литературы и древностей. Т.4. М., 1862. Отдел 10. С. 51.
- ²¹ Там же. С. 49—50.
- ²² Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 5.
- ²³ Новые материалы для истории масонства. Записка И.П. Елагина // Русский архив. Вып.1. М., 1864. С. 100.
- ²⁴ Там же. С. 99.
- ²⁵ Пекарский П.П. Дополнение к истории масонства в России XVIII века. СПб., 1869. С. 5—8.
- ²⁶ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 9.
- ²⁷ Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. 2. М., 1993. С. 134.
- ²⁸ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 38.
- ²⁹ Сборник Русского исторического общества. Т.7. СПб., 1871. С. 202—215.
- ³⁰ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 550.
- ³¹ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 42.
- ³² Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 111—112.
- ³³ Семяка А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С. 132.
- ³⁴ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 118.
- ³⁵ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 36.
- ³⁶ Новые материалы по истории масонства. Записка И.П. Елагина // Русский архив. М., 1864. Вып.1. С. 99.
- ³⁷ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 99—100.
- ³⁸ Максимов К.С. Общественная деятельность И.П. Елагина.

Социально-политический анализ. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1981.

³⁹ Пекарский П.П. Дополнение к истории масонства в России XVIII века. СПб., 1869. С. 34.

⁴⁰ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 17—19.

⁴¹ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 127.

⁴² Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 44.

⁴³ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 96.

⁴⁴ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 11.

⁴⁵ Савва В.И. Из дневника масона // Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1908. Т. 4. С. 12.

⁴⁶ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 36.

⁴⁷ Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С. 145—146.

⁴⁸ К.Л...р. К истории масонства в России. / Пер. Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. № 9. С. 542.

⁴⁹ Семека А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С. 174.

⁵⁰ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 133.

⁵¹ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 150.

⁵² Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 41.

⁵³ Серков А. Великий мастер живет в Стокгольме // Родина. 1997. № 10. С. 98.

⁵⁴ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 8.

⁵⁵ Там же. С. 11.

⁵⁶ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 46.

⁵⁷ Шумигорский Е.С. Император Павел I. СПб., 1907. С. 53—56.

⁵⁸ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 9.

⁵⁹ Там же. С. 23—33.

⁶⁰ Там же. С. 8.

⁶¹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 49.

⁶² Серков А. Великий мастер живет в Стокгольме // Родина. 1997. № 10. С. 97—98.

⁶³ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 17.

⁶⁴ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 48—49.

⁶⁵ Серков А.И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 949—950.

⁶⁶ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 18.

⁶⁷ Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб., 1907. С. 83.

⁶⁸ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 49.

Н.И. НОВИКОВ, И.-Г. ШВАРЦ И ОБРАЗОВАНИЕ ОРДЕНА РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ В МОСКВЕ

Уже к началу 1780-х годов стало ясно, что время доминирующей роли Петербурга в русском масонстве прошло. Признанным центром вольного каменщичества в России в 80-е годы XVIII века была уже Москва. Именно Москва, или, правильнее сказать, особая, отличающаяся от казенного Петербурга, более свободная московская духовная атмосфера как раз и помогла вдохнуть в уже угасавшие вследствие очевидной пустоты их занятий русские масонские ложи новые силы. Речь идет о московских розенкрейцерах, или мартинистах, как их еще называли.

Как и близкие к ним по духу adeпты других масонских систем, цель свою московские розенкрейцеры видели прежде всего в собственной внутренней духовной работе, заключающейся в познании Бога через познание природы и себя самого по стопам христианского вероучения¹. Однако реальная, практическая деятельность розенкрейцеров 1780-х годов была связана не столько с их моральным самоусовершенствованием, сколько с усилиями братьев, направленными (прежде всего путем массового издания книг и журналов) на просвещение русского общества и возбуждение в нем широких умственных интересов. Огромную роль в этом повороте сыграл выдающийся русский просветитель второй половины XVIII века Николай Иванович Новиков². Родился он 27 апреля 1744 года в селе Авдотьино (Тихвинское) Коломенского (позже Бронницкого) уезда Московской губернии в семье небогатого помещика. Есть известия (Г.В. Вернадский считает его, впрочем, сомнительным³) о пребывании Н.И. Новикова некоторое время в гимназии при Академическом университете в Санкт-Петербурге. В конце 1750-х годов Н.И. Новиков был определен в дворянскую гимназию при Московском университете. Однако закончить ее ему так и не удалось, и в 1760 году он был отчислен «за леность и нехождение в классы».

После этого (1762) Н.И. Новиков определяется в Измайловский полк солдатом, откуда был взят, будучи уже унтер-офицером, в Комиссию по составлению проекта нового Уложения. В 1768 году он был уволен из нее и в 1770 году «отставлен поручиком»⁴. Еще раньше, в 1769 году, начинается журнально-издательская деятельность Н.И. Новикова — журнал «Трутенъ». В 1770 году по распоряжению Екатерины II журнал был закрыт. Тогда Н.И. Новиков учреждает новые журналы: «Пустомеля» (1770),

«Живописец» (1772—1773) и «Кошелек» (1774)⁵. В 1772 году Н.И. Новиков начинает издание своего «Опыта исторического словаря о российских писателях», в 1773-м издает «Древнюю российскую гидрографию» (Описание Московского государства времен царя Федора Алексеевича), «Скифскую историю» Андрея Лызлова (1776), «Историю о невинном заточении боярина А.С. Матвеева» (1776) и др.

Особенно большую ценность с научной точки зрения имела его «Древняя российская вивлиофика» (1773—1775, 2-е издание — М., 1788—1791), представляющая собой богатое собрание памятников древнерусской письменности: разного рода грамот, описаний посольств, царских свадеб и проч. Интерес Н.И. Новикова к русской истории не был случаен, так как именно в ней, или, вернее, в ее самобытности и добродетелях наших далеких предков искал он противоядие против усиленно насаждавшейся в то время галломании и бездумного подражания всему западному, европейскому. К этой же стороне издательской деятельности Н.И. Новикова примыкают и его «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (1777)⁶.

В своих журналах Н.И. Новиков обличал пороки и язвы современной ему русской действительности, в том числе и крепостное право, высказывал горячее сочувствие тяжелой судьбе народа и свою веру в силу просвещения, с широким распространением которого связывал надежды на более справедливые и гуманные отношения между людьми. Это и сблизило, по всей видимости, Н.И. Новикова с тогдашними масонами. В 1775 году он был посвящен в елагинской английской ложе «Астрей». Однако практиковавшиеся в ложах И.П. Елагина бесконечные разгадывания символики масонских ковров и пережевывание знаменитой легенды об Адонираме мало удовлетворяли его. И уже через год он знакомится с П.-Б. Рейхелем и присоединяется к возглавляемой им Циннендорфской системе в России⁷.

Коренное отличие масонских лож этой системы состояло в том, что главной задачей они ставили нравственное совершенствование человека, в то время как в елагинских ложах увлекались преимущественно разгадками «тайны масонской»⁸. Н.И. Новикова же привлекала в масонстве главным образом его нравственная и тесно с ней связанная просветительская сторона, чему, собственно, и была посвящена вся его последующая деятельность. Что же касается масонского влияния на нее, то оно сказалось сначала в усилении морализаторского, нравоучительного элемента в его публикациях, а затем и в появлении на страницах его изданий — прежде всего это журнал «Утренний свет» (1777—1780) — большого числа переводов сочинений европейских мистиков и пиэтистов: Якова Беме, Юнга, Паскаля и др.

Характерно, что доходы от своих изданий Н.И. Новиков часто употреблял на благотворительные цели. В частности, для

организации и содержания в Санкт-Петербурге частных народных училищ. Дало свои плоды и обращение Н.И. Новикова со страниц журнала к его подписчикам о содействии этому делу. Появились первые пожертвования, и уже в ноябре 1777 года первое из этих училищ (Екатерининское) — при церкви Владимирской Божьей Матери в Санкт-Петербурге — было открыто. Рассчитано оно было на 30—40 человек, как платных, так и бесплатных учеников. В 1778 году в Петербурге масонами было открыто еще одно начальное народное училище — Александровское, при церкви Благовещения на Васильевском острове. Училища эти просуществовали до 1781—1782 гг. и финансировались после закрытия «Утреннего света» за счет доходов Н.И. Новикова от издания других масонских журналов: «Московское издание» и «Вечерняя заря»⁹. В обоих училищах в 1779 году обучалось в общей сложности 93 ученика, что по тем временам не так уж и мало¹⁰.

Очевидные успехи Н.И. Новикова на журнально-издательском поприще привели к тому, что на него обратил внимание известный в то время масон, куратор Московского университета М.М. Херасков. В результате в 1779 году Н.И. Новиков получил возможность взять в аренду типографию Московского университета и издание «Московских ведомостей», причем на весьма выгодных для себя условиях. Н.И. Новикову ничего не оставалось, как принять это предложение. Контракт об аренде типографии был подписан 5 июня 1779 года¹¹. В том же году Н.И. Новиков переезжает в Москву. Здесь он сразу же очутился в тесном масонском кругу: Н.Н. Трубецкой, П.А. Татищев, М.М. Херасков, А.М. Кутузов, С.И. Гамалей и др. Особенно близко сошелся он с И.-Г. Шварцем. *«Однажды, — вспоминал он, — пришел ко мне немчик, с которым я поговоря, сделался на всю жизнь до самой его смерти неразлучным»*¹².

Среди московских масонов Иоганн-Георг Шварц — немец из Трансильвании, родился в 1751 году¹³, — несмотря на свою молодость, пользовался большим авторитетом. В Россию он попал в 1776 году, воспользовавшись протекцией князя И.С. Гагарина¹⁴. Познакомившись с И.-Г. Шварцем во время своего очередного путешествия по Европе и узнав, что он масон, князь снабдил его необходимыми рекомендациями, и уже в апреле 1776 года И.-Г. Шварц оказывается в Могилеве в качестве гувернера детей хорошего знакомого И.С. Гагарина А.М. Рахманова¹⁵. С разрешения И.П. Елагина И.-Г. Шварц быстро основывает в Могилеве масонскую ложу «Геркулес в колыбели» (1776—1777) и уже в 1779 году благодаря своим новым масонским связям (М.М. Херасков) перебирается в Москву. Здесь он сразу же получает место лектора немецкого языка в Московском университете.

Поразительна общественная активность И.-Г. Шварца этого времени: уже 13 ноября 1779 года он учреждает при университе-

те Учительскую или Педагогическую семинарию, инспектором которой и становится. Цель учреждения семинарии — подготовка учителей для народных училищ. Существовала семинария, как, впрочем, и другие предприятия московских масонов, на частные средства (масон Н.А.Демидов пожертвовал на ее нужды 20 тысяч рублей, некто Ш. — 50 тысяч и др.)¹⁶. Через епархиальных архиереев Учительская семинария стала вызывать на предмет обучения из духовных учебных заведений учеников, чтобы готовить их к педагогическому поприщу. Через три года в семинарии было уже 30 студентов¹⁷. Это было первое в России частное учебное заведение, готовившее будущих учителей. Располагалась семинария в специально купленном для этой цели масонами кирпичном доме около Меншиковой башни (церковь Архангела Гавриила). За редким исключением, практически все воспитанники семинарии (А.Ф. Лабзин, Стефан Глаголевский (будущий митрополит Серафим), Матвей Десницкий (будущий митрополит Михаил) и многие другие) приобщились к масонству именно здесь. Собственно, главным образом для этой сугубо прозаической цели и учреждалась эта семинария.

В марте 1781 года по инициативе все того же И.-Г. Шварца при Московском университете «с целью развития ума и вкуса» его выпускников путем чтения и обсуждения ими своих литературных произведений было открыто Собрание университетских питомцев. И опять-таки это было первое научно-литературное студенческое общество в России. Был у членов этого общества и свой печатный орган — журнал «Утренний свет». Редактором журнала стал сам И.-Г. Шварц. Среди других издателей журнала такие известные масоны, как А.Я. Давыдовский, Л.М. Максимович, А.Ф. Лабзин, П.А. Пельский, А.В. Могилянский. В журнале печатались Ф.П. Ключарев, П.А. Сохатский, М.И. Багрянский, И.П. Тургенев. Публиковались здесь, как правило, либо выполненные студентами университета переводы трудов европейских масонов-мистиков, либо их собственные рассуждения на темы религиозно-мистического характера.

В июне 1782 года по плану И.-Г. Шварца при Московском университете на пожертвования братьев-масонов была открыта еще одна семинария, или гимназия, — Переводческая (Филологическая). Первый ее набор составили 16 студентов. Целью учреждения переводческой семинарии была подготовка масонами квалифицированных переводческих кадров из числа студентов Московского университета. Поставив на поток публикацию на русском языке переводов западноевропейской художественной и религиозно-философской литературы, руководители этого издательского проекта И.-Г. Шварц и Н.И. Новиков поневоле должны были задуматься о переводчиках. Располагалась Переводческая семинария там же, где и Учительская, с которой она впоследствии, видимо, слилась. Здесь же жил и сам И.-Г. Шварц

с семьей, прочитавший в 1783 году слушателям семинарии свой спецкурс по философии истории¹⁸.

Еще одним начинанием неутомимого И.-Г. Шварца стала организация им Дружеского ученого общества. Сложилось оно еще в 1779—1781 годах, однако формальное его открытие произошло только 6 ноября 1782 года в доме П.А. Татищева. Целью общества было объявлено печатание учебных книг, а также изучение и повсеместное распространение философских, исторических, педагогических и естественно-научных знаний или, иначе говоря, просвещения в обществе¹⁹. *«Цель нашего общества, — отмечал И.В. Лопухин, — была издавать книги духовные и наставляющие в нравственности истинно евангельской, переводе глубочайших о сем писателей на иностранных языках и содействовать хорошему воспитанию, помогая особенно готовящимся на проповедь слова Божия».* Любопытно, что на открытии Дружеского ученого общества присутствовал сам московский главнокомандующий граф З.Г. Чернышев, а архиепископ Московский Платон публично объявил о взятии его под свое высокое покровительство. Общее число членов общества составляло около 50 человек: И.-Г. Шварц, Н.И. Новиков, И.В. Лопухин, князья Ю.Н. и Н.Н. Трубецкие, братья Е.П. и П.П. Тургеневы, В.В. Чулков, В.И. Баженов, А.Н. Новиков, М.М. Херасков, князь А.А. Черкасский, А.Ф., П.Ф. и Н.Ф. Ладыженские, Ф.П. Баузе, Я. Шнейдер, Ф.П. Ключарев, И.П. Страхов, князь К.М. Енгальчев, Г.М. Походяшин, Р.А. Кошелев, Ф.И. Глебов, князь А.И. Вяземский, А.М. Кутузов, князья И.С. и Г.П. Гагарины, Г. Шредер, князь А.М. Долгоруков, О.А. Поздеев, С.И. Плещеев, князь М.П. Репнин и другие²⁰.

Указ Екатерины II от 15 января 1783 года о вольных типографиях позволил Дружескому ученому обществу, в дополнение к арендуемой Н.И. Новиковым (а фактически, самими московскими масонами) университетской типографии, открыть еще две: одну на имя Н.И. Новикова, а другую на имя И.В. Лопухина. Кроме того, была заведена еще и так называемая тайная типография, предназначенная для издания специальной масонской литературы.

Собрание университетских питомцев, Педагогическая и Филологическая семинарии, Дружеское ученое общество — и все это за каких-то 4 года, причем исключительно на частные масонские пожертвования, безо всякой помощи со стороны государства! Нельзя не отдать должного инициативе и самоотверженности И.-Г. Шварца и сформировавшегося вокруг него тесного масонского кружка. Понятно, что столь энергичный и деятельный человек, к тому же еще и масон, в таком масонском гнезде, каким был в то время Московский университет, в скромной должности лектора немецкого языка долго оставаться не мог. Он и не остался. Уже 5 февраля 1780 года И.-Г. Шварц был произведен в ординарные профессора по кафедре философии.

Кроме того, он читал в университете еще и курс эстетической критики. Свое профессорство И.-Г. Шварц — кандидат права Иенского университета — рассматривал прежде всего как хорошую возможность масонской пропаганды среди своих слушателей. *«Разум научает нас, но он не может раскрыть истину... Одно лишь Откровение может ясно показать нам истинный свет»*, — поучал он своих юных слушателей, сводя таким образом просвещение или «просветление разума» главным образом к изучению так называемых «божественных наук»: алхимии, каббале и магии. «Человек, — проповедовал И.-Г. Шварц, — в настоящее время гнилой и вонючий сосуд, наполненный всякой мерзостью». «Просветлить» его, по убеждению И.-Г. Шварца, могут только розенкрейцеры, ибо только им удалось сохранить «искру Адамову» предвечной мудрости тайного знания, доставшуюся им от еврейских сект ессеев и терапевтов.

«Как ни плохо знал Шварц русский язык, — вспоминал позднее один из его тогдашних студентов, — на котором он нам читал, однако истины, высказывавшиеся им, были так любопытны и, казалось, тем новее, чем старше и неизвестнее были источники, из которых он извлекал их». Философию И.-Г. Шварц читал, между прочим, по И. Канту. «Сила, с которой он говорил, смелость (скажу даже, безрассудная дерзость), с которой он, невзирая ни на что, бичевал политические и церковные злоупотребления, были удивительны. И не раз боялся я, что ему начнет мстить духовенство, и в особенности монашеские, которых он при всяком удобном случае выставлял самым безжалостным образом»²¹. Положение, впрочем, было таково, что ни о какой мести со стороны православного духовенства не могло быть и речи. В Москве масоны были у себя дома, и бояться им здесь было некого.

Успешная преподавательская и общественная деятельность И.-Г. Шварца в университете продолжалась вплоть до декабря 1782 года. Выжил его оттуда новый куратор Московского университета Иван Мелиссино (1718—1795), явно ревновавший к славе и популярности удачливого профессора²². Отставка И.-Г. Шварца, несмотря на очевидные моральные издержки, имела в то же время и положительную для масонов сторону. Получив ее, И.-Г. Шварц сразу же переехал в дом к Н.И. Новикову у Никольских ворот, чтобы целиком отдаться своему любимому детищу — ордену «Злато-розового Креста», фактическим создателем которого в России он и являлся.

Дело в том, что не удовлетворенные состоянием тогдашнего русского масонства Н.И. Новиков и И.-Г. Шварц, успевшие к этому времени, как мы знаем, сдружиться, еще в 1780 году учредили свою собственную масонскую ложу «Гармония». В состав ее сразу же вошли практически все вожди тогдашнего масонства: князь Н.Н. Трубецкой, М.М. Херасков, князь А.А. Черкасский, князь К.М. Енгальчев, И.П. Тургенев, А.М. Кутузов и

другие. Несколько позже к ним присоединились П.А. Татищев, Ю.Н. Трубецкой, И.В. Лопухин, С.И. Гамалея²³. Ложа эта называлась еще и «сиентифической», и главной задачей ее была не обрядность, а научные изыскания и изучение истории масонства, причем главной заботой братьев объявлялось искание ими так называемого «истинного масонства» и высшего тайного знания.

Воспользовавшись желанием богача-масона П.А. Татищева отправить своего сына в сопровождении И.-Г. Шварца в ознакомительную поездку по Европе, московские братья решили заодно поручить ему поискать там и истинного масонства. И.-Г. Шварц с радостью принял это предложение. Заехав по пути в Митаву (ныне город Елгава, Латвия), он заручился здесь рекомендационными письмами к светилам тогдашнего немецкого розенкрейцерства (ложа «Трех глобусов» в Берлине) И.-Х. Вельнеру (бывший пастор) и генерал-штабхирургу Г.-А. Тедену²⁴. 22 октября 1781 года И.-Г. Шварц был уже в Брауншвейге, где ходатайствовал перед герцогом Фердинандом о признании России самостоятельной провинцией ордена. Герцог обещал свое содействие. Но не это было главной целью московского профессора. Он жаждал, как мы уже знаем, «истинного масонства». И он его получил. И.-Г. Шварц действительно был посвящен в таинства ордена розенкрейцеров. Более того, 1 октября 1781 года он получил от одного из руководителей берлинских розенкрейцеров Г.-А. Тедена грамоту, назначавшую его единственным верховным представителем теоретической степени ордена «Злато-розового Креста» в России.

В конце февраля 1782 года И.-Г. Шварц вернулся наконец в Москву. Из-за границы он привез две «системы»: для рядовых, так сказать, братьев — систему «Строгого наблюдения», а для избранных — теоретическую степень и орден «Злато-розового Креста»²⁵. Соответственно и работа, развернутая в это время под руководством И.-Г. Шварца московскими масонами, шла в двух направлениях — общемасонском и специальном, розенкрейцерском. И тут и там ее было много. Особая сложность положения русских братьев заключалась в том, что ложа «Трех глобусов», с которой вступил И.-Г. Шварц в тайное соглашение, сама в это время еще формально входила в Брауншвейгскую систему «Строгого наблюдения»: официальный разрыв с ней произошел только в ноябре 1783 года.

В августе — сентябре 1782 года состоялся Вильгельмсбадский масонский конгресс, о котором уже шла речь. Россию на нем представлял герцог Фердинанд Брауншвейгский. Благодаря его поддержке Россия, собственно, и была признана самостоятельной масонской державой. Воспользовавшись этим, московские братья тут же организовали свой «Капитул Русской провинции». Приором его (должность чисто номинальная) стал Петр Алексее-

вич Татищев (1730—1810), канцлером — И.-Г. Шварц. Н.И. Новикову в этой масонской иерархии досталась скромная должность казначея. Деканом же VIII провинции ордена стал князь Юрий Никитич Трубецкой, генеральным визитатором (инспектором) — его брат, князь Николай Никитич Трубецкой. Кроме того, была организована еще и так называемая Директория VIII провинции ордена. Президентом ее стал Н.И. Новиков, членами: В.В. Чулков, И.П. Тургенев, Ф.П. Ключарев и другие²⁶. В Петербурге приорат ордена Благотворных рыцарей возглавил А.А. Ржевский. Должность Великого провинциального мастера VIII провинции ордена Благотворных рыцарей была оставлена вакантной.

«Роман» с Брауншвейгской системой, безусловно, сильно способствовал упрочению позиции русских братьев в глазах масонского сообщества Европы. И вот тут-то обнаружилось, что никакой цены в глазах московских братьев Брауншвейгская рыцарская система не имеет и все взоры и надежды их обращены на розенкрейцерство. Горячим пропагандистом его в Москве был в это время только что возвратившийся из-за границы И.-Г. Шварц. Недолго мешкая, он быстро собрал при помощи Н.И. Новикова и князя Н.Н. Трубецкого заявления московских братьев с просьбой о зачислении их в Берлинский розенкрейцерский капитул. Среди подавших такие заявления были С.И. Гамалей, И.В. Лопухин, А.И. Тургенев, А.М. Кутузов, В.В. Чулков, Ю.Н. Трубецкой, А.А. Черкасский, К.М. Енгальчев, М.М. Херасков, а также доктор Френкель и купец Туссень.

Все эти бумаги вместе со значительной суммой денег, собранной среди братьев, были немедленно отосланы И.-Г. Шварцем в Берлин, откуда весной 1783 года был наконец получен долгожданный ответ: все они были приняты в состав главного розенкрейцерского братства²⁷. И.-Г. Шварц торжествовал и с жаром предавался в организованном им теоретическом градусе (степени) Соломоновых наук розенкрейцерским упражнениям. Крупным успехом И.-Г. Шварца стал переход на его сторону сразу четырех московских лож, в одночасье решивших отложиться от изрядно уже надоевшей им тамплиерской системы (Брауншвейгский ритуал) и перейти в розенкрейцерство. Это были ложи «Трех знамен» (П.А. Татищев), «Озириса» (Н.Н. Трубецкой), «Латоны» (Н.И. Новиков) и «Сфинкса» (Г.П. Гагарин)²⁸. В 1783 году все они официально вошли в орден «Злато-розового Креста», образовав в нем так называемый «четверной союз». В 1784 году, уже после смерти И.-Г. Шварца, союз этот был преобразован в Провинциальную ложу. Великим мастером ее стал друг Н.И. Новикова, руководитель ложи «Озириса» князь Николай Никитич Трубецкой (1744—1821). Высшим тайным управлением ордена «Злато-розового Креста» считался Капитул во главе с князем Ю.В. Долгоруковым. Среди членов его: князь Н.Н. Тру-

бецкой, М.М. Херасков, князь Г.А. Щербатов, И.А. Поздеев. Кроме Москвы, где у Провинциальной ложи состояло в подчинении 11 младших лож, были учреждены еще и ложи в Казани, Симбирске и Могилеве.

В том же, 1784, году, еще при жизни И.-Г. Шварца, московские розенкрейцеры учредили еще один масонский центр — ложу теоретического градуса, или степени, как своего рода подготовительный класс или переходную ступень к масонству высших розенкрейцерских степеней. Великим мастером здесь был князь Ю.В. Трубецкой, наместным мастером — князь В.В. Долгорукий, ритором — Н.И. Новиков, обрядоначальником — О.А. Поздеев. Теоретический градус был второй степенью ордена (первая была — «юниорат», она шла за 4-й степенью обыкновенного масонства — «шотландский мастер»). Третьей степенью ордена была «практика», 4-й — «философа». Последняя, 9-я степень — «мага». Всего «теоретических братьев», согласно показаниям Н.И. Новикова, данным им в 1792 году, было не более 60 человек. Согласно современным оценкам, цифра эта может быть увеличена до 85 человек. «Смотрение» над братьями осуществляли «главные надзиратели»: И.П. Тургенев, И.А. Поздеев, З.Я. Корнеев (в Орле), А.А. Ленивец, В.И. Остолопов (в Вологде) и С.И. Гамалея (в Москве)²⁹. В высшие же розенкрейцерские степени были посвящены очень немногие русские братья — где-то около 20 человек: Н.И. Новиков, С.И. Гамалея, князь Н.Н. Трубецкой, И.А. Поздеев, И.В. Лопухин и другие.

В конце 1783 года, в самый разгар масонских «работ», связанных с организационным становлением ордена, неожиданно заболевает И.-Г. Шварц. Вопреки ожиданиям, болезнь оказалась серьезной, и 17 февраля 1784 года он умер. Похоронили И.-Г. Шварца по православному обряду в церкви села Очакова (имение князя Н.Н. Трубецкого) по Можайской дороге, в 10 верстах от Москвы. Могила прямо напротив алтаря; на белой каменной плите высечены годы жизни: 1751—1784, а также крест и герб покойного³⁰.

Соратники И.-Г. Шварца горячо оплакивали его кончину³¹. Высоко ставила его и либеральная историография, подававшая его как исключительно «тонко организованную и благородную натуру», «идейного и нравственного оракула своего кружка» и пр.³² Личность И.-Г. Шварца изображалась ими, как правило, только в радужных, светлых тонах, и доверчивому читателю оставалось только поражаться уму, благородству и энергии этого человека, так много успевшего сделать для русского просвещения.

Существуют, однако, и другие, менее лицеприятные оценки личности И.-Г. Шварца и его деятельности в России. Так, известный ученый В.В. Сиповский считал, что И.-Г. Шварц «едва ли не был иллюминатом»³³ (орден, основанный в 1776 году в Баварии профессором А.Вейсгауптом, ставивший своей основной задачей борьбу с деспотизмом³⁴). «В Голландии он служил унтер-офи-

цером, — свидетельствует хорошо знавший И.-Г. Шварца ритор ложки «Трех знамен», — и несколько лет прожил в Ост-Индии... Вспыльчивость его, часто доходившая до бешенства, и многие нелепые выходки не оставляли сомнения в повреждении его умственных способностей. Он был суров, сумрачен, очень строг, никогда не смеялся; даже улыбка его была принужденной и неестественной... Ко всему этому он был скрытен, и я смею думать, что это был истинный лицемер. Этот человек был, в собственном смысле слова, деспот, не терпевший никакого противоречия или сомнения. Так, например, его голос был повелительным, брови его всегда были сдвинуты; никогда он не упускал из виду цели масонства и употреблял все средства без разбора, лишь бы они только привели к этой цели»³⁵.

Но это, так сказать, предвзятое мнение, исходящее из среды недоброжелателей И.-Г. Шварца. Есть смысл, поэтому, обратиться к свидетельству одного из его близких друзей — профессора всеобщей истории Московского университета Иоганна (Иван Иванович) Виганда (1744—1808). По его утверждению, И.-Г. Шварц далеко не случайно появился в Москве, а был послан туда немецкими братьями для того, чтобы произвести здесь среди русских масонов коренные реформы. Питая к И.И. Виганду полное доверие, И.-Г. Шварц перед смертью якобы открыл ему «страшную» тайну, что конечной целью ордена розенкрейцеров в России является ни более ни менее, как полное ниспровержение здесь православия. «Шварц, — отмечал в своих записках И.И. Виганд, — оказывал мне полное доверие и открыл мне сокровенные цели общества, клонившиеся не к чему иному, как к ниспровержению православного вероисповедания в России; я советовал ему действовать осторожнее, оставить мистицизм и не смешивать своих целей с целями общими, чтобы они не повредили друг другу»³⁶.

«После возвращения И.Е. Шварца из-за границы, — констатирует в своей записке уже цитировавшийся нами неизвестный автор письма о московском масонстве XVIII века, — изменился дух московского масонства. До тех пор толковали только о распространении религиозного чувства... Теперь же братьям стали значать разные послушания: умерщвление плоти, посты, молитвы и тому подобное. Клятвы, суеверия, чудеса вошли в ежедневный обиход. Те немногие, которые оставались еще не совращенными, были удаляемы, и их презирали. Самые нелепые сказки стали распространяться... Шварц властвовал грубо над целой массой высокоуважаемых братьев; лишь один Новиков, кажется, имел еще собственные убеждения». Поборы с братьев стали нормой, причем поражает цинизм И.-Г. Шварца, обронившего однажды по поводу очередного крупного пожертвования на масонские нужды чудака П.А. Татищева следующую фразу: «Вот так-то следует ловить лисиц! Дурак Татищев от расточенной ему похвалы сделался со-

вершенно ручным и дарит 18 тысяч рублей, которые нам надобны через три дня для одной расплаты»³⁷.

Не верить этим сообщениям нельзя. Другое дело, что перед смертью, по свидетельству уже упоминавшегося нами Иоганна Виганда, И.-Г. Шварц как будто раскаялся в содеянном и горько сожалел о своих ошибках. *«Я навещал его ежедневно — пишет И. Виганд, — и он всегда просил меня беседовать с ним о Спасителе. Но мы не могли говорить свободно, так как нас всегда подслушивали масоны, опасавшиеся того, чтобы под влиянием столь нового для него настроения духа (христианской секты Гернеутеров. — Б.В.) не выдал их тайн. Я и сам всячески избегал этого. Только однажды он высказался, что это дьявольский орден и что если Господь пошлет ему исцеление, то он вступит в общину»*. Когда И.-Г. Шварц умер, масоны упросили И. Виганда произнести от имени профессуры Московского университета надгробное слово над усопшим на русском языке, что и было им исполнено³⁸.

Основываясь на этих свидетельствах, Я.Л. Барсков пришел к выводу об И.-Г. Шварце как, говоря современным языком, несомненном масонском агенте влияния в России. *«Желая ослабить влияние других наций — англичан, французов, шведов, — немецкие масоны посылали одного за другим своих агентов в Россию; наиболее видными из них были: Штарк, Розенберг, Рейхель, Шварц», — отмечал в этой связи ученый*³⁹.

Характерно, что, узнав о смерти И.-Г. Шварца, берлинский руководитель ордена Г.-А. Теден 9 апреля 1784 года немедленно распорядился учредить в Москве так называемую Директорию теоретической степени, куда вошли Петр Татищев, Николай Трубецкой и Николай Новиков. Надзирателем и секретарем в Директории, то есть фактическим руководителем ордена в России Теден назначил никому не известного в России немца из Мекленбурга, капитана прусской службы (в 1783—1784 гг. — поручик лейб-гвардии гренадерского полка в Санкт-Петербурге) Генриха-Якоба (Генрих Яковлевич) Шредера⁴⁰. Берлинское начальство, таким образом, цепко держало русских братьев в своих руках. Сначала ими руководил немец И.-Г. Шварц, теперь, когда Шварц умер, на освободившееся место нашли другого немца. Вскоре, однако, выяснилось, что к роли своей Шредер подготовлен плохо, и, поссорившись с другими руководителями Московского масонства, он уже в 1787 году был отозван в Берлин и навсегда покинул Россию.

Согласно показаниям Н.И. Новикова, всего под управлением в Москве в период с 1782 по 1786 годы насчитывалось 19 лож. Больше всего (13) их было в Москве. По одной — в Орле, Могилеве, Кременчуге, Казани, Вологде и Харькове⁴¹. Были приверженцы ордена и в Петербурге (здесь их возглавляли А.А. Ржевский и генерал-майор Ленивцев), однако прививалось здесь ро-
дильство тугу. Что же касается Брауншвейгской системы,

то всякие связи московских братьев с ее руководством были разорваны, а рыцарские степени оставлены⁴².

Г.В. Вернадский попытался уточнить данные Н.И. Новикова по масонским архивам и насчитал 14 лож. Помимо уже известных нам 4 материнских лож («Трех знамен», «Латоны», «Озириса» и «Сфинкса») это были московские ложи «Светоносного треугольника», «Девкалиона», «Святого Моисея», «Блестящей звезды», «Гермеса», «Астреи», а также еще одна ложа под управлением Е.Е. Гине. По одной масонской ложе было в Казани («Восходящего солнца»), Могилеве («Геркулеса в колыбели») и Симбирске («Златого венца») ⁴³. Бурный рост розенкрейцерского сообщества продолжался, однако, недолго, и уже в 1786 году вследствие недовольства императрицы руководство ордена вынуждено было временно приостановить работы лож первых трех степеней, сосредоточив все свое внимание исключительно на тайной деятельности лож теоретического градуса, общее число членов которых достигло 85 человек.

Орден розенкрейцеров во главе с берлинской ложей «Трех глобусов», к которому примкнули московские братья, не был древним: первую заявку о себе он сделал только в 1757 году во Франкфурте-на-Майне. В Северной Германии центром розенкрейцерской деятельности стал Берлин. Здесь братья «Злато-розового Креста», или, вернее, их руководители (Бишофсвердер, Вельнер и Теден) сумели вовлечь в свои ряды кронпринца Фридриха-Вильгельма (1781), что, собственно, и явилось залогом их дальнейшего влияния.

Учение розенкрейцеров XVIII века подробнейшим образом на основе подлинных масонских рукописей Императорской публичной библиотеки разобрал в свое время Александр Семёка. По его заключению, оно может быть разделено на два отдела: духовно-нравственный и собственно научный, или философский. Первый из них *«взывал против упадка нравственности и указывал истинные пути к спасению; второй стремился удовлетворить другой потребности общества: дать пищу любознательному уму, заменив изучение энциклопедистов самостоятельным изучением Священного писания»*⁴⁴.

Своей задачей розенкрейцеры, как и всякое масонское общество, ставили моральное, нравственное совершенствование личности, работу над своей собственной душой, понимаемую ими как непрерывная борьба человека со своими страстями, или, иначе говоря, с самим собой. Цель братства, показывал Н.И. Новиков в ходе следствия, состояла в *«познании Бога через познание натуры и себя самого по стопам христианского нравоучения»*⁴⁵.

Практическая деятельность братьев в этом направлении сводилась к постоянным наблюдениям как за самим собой, так и за своими коллегами или, вернее, их нравственностью, а также постам, молитвам и покаяниям. Но это, так сказать, основа

розенкрейцерской работы, характерная и для других направлений в масонстве. Что же касается специфической розенкрейцерской надстройки над ней, то она сводилась к усиленному изучению ими тайного знания, то есть алхимии, магии и каббалы.

Как и берлинские братья, московские розенкрейцеры XVIII века были глубокими и убежденными мистиками. Практическим руководством для них являлся «теоретический градус Соломоновых наук», официальное сочинение для работ в теоретической степени, полученное в свое время И.-Г. Шварцем от берлинских начальников ордена. Из него, в частности, видно, что, не отвергая нравственной стороны первых трех степеней масонства, главную свою цель розенкрейцеры видели все же в познании тайной науки, якобы сохраненной еще со времен Адама масонами и известной в настоящее время только начальникам их ордена. Что касается содержания этой тайной науки, то оно сводилось у них, как уже отмечалось, к исканию философского камня, панацеи, обращения металлов в золото и мистическим толкованиям Библии.

Большой интерес в этой связи представляет дошедшая до нас масонская рукопись, предназначенная для упражнений в 7-й степени (всего их в розенкрейцерском ордене было 9). *В сосуд, читаем мы здесь, необходимо смешать майскую росу, собранную в полнолуние, а также две части мужской и три части женской крови от чистых и целомудренных людей. После того как сосуд стоит некоторое время в тепле, с ним проделывался еще ряд аналогичных манипуляций и, как результат их, должен был наступить миг, когда в колбе наконец должен был послышаться «топот и свист» и взору братьев должны были предстать «два живых существа — мужичка и женщинка», а между ними вырасти «прекрасное дерево с разными плодами». Речь здесь идет о создании так называемого гомункулуса или человека в колбе, над чем безуспешно бились средневековые чернокнижники⁴⁶.*

Особенно привлекательными в глазах братьев казались высшие степени ордена, в частности, степень мага, сулившая ее обладателям ни много ни мало как непосредственное общение с самим Высшим существом. Но до степени этой русским братьям было еще далеко, так как теоретический градус — это, как мы уже знаем, самая младшая степень розенкрейцерства. На ней и останавливалось большинство русских адептов ордена. Обладателей более высоких степеней среди них было немного: И.-Г. Шварц, Н.И. Новиков, А.М. Кутузов, Г.Я. Шредер, Н.Н. Трубецкой, Ю.Н. Трубецкой.

Московские розенкрейцеры, констатировал Н.М. Карамзин, были «не что иное, как христианские мистики: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Новом и Ветхом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную науку и прочее; но требовали истинных христианских добродетелей».

телей от своих учеников, не вмешивались в политику и ставили в закон верность своему государю. Их общество под именем масонства распространилось не только в двух столицах, но и в губерниях; открывались ложи, выходили книги масонские, мистические, наполненные загадками»⁴⁷.

Мистический туман ордена розенкрейцеров наложил неизгладимый отпечаток на обряды и порядки, царившие в ложах этого сообщества. Обстановка масонских собраний у розенкрейцеров была не для слабонервных и отличалась мрачностью и таинственностью: затянутые черным атласом стены помещения, жертвенник, треугольные столы для секретаря и ритора. При вступлении в «градус» посвящаемый давал торжественную клятву на всю оставшуюся жизнь «поклоняться вечному всемогущему Иегове и по возможности стараться премудрость его через натуру познать»; отрекался от сует мира и обязывался свято соблюдать обет молчания. Такой же сумрачной и далеко не братской была и внутренняя обстановка в ложах, где процветали мелочный контроль, слежка и доноительство. Каждые три месяца — подробнейший отчет о всех делах и внутренних переживаниях. Проверялась и личная корреспонденция братьев»⁴⁸.

Любопытны в связи с этим письма-отчеты Н.И. Новикова («Коловион»), которые он вынужден был давать, несмотря на свое высокое положение в ордене, своему непосредственному начальнику, уже известному нам немцу Г.Я. Шредеру. «Высокопочтеннейший! Высокодостойнейший начальник! — униженно обращается наш знаменитый просветитель к этому проходимцу. — С радостным сердцем получил я отпуск ваш и повеление ваше отнositельно сочинения описания, в каком положении дела типографические находятся... Но как ни тяжело бремя сие, однако повеления ваши и волю высших наших высокославных начальников с истинною покорностью во всю жизнь мою исполнять буду...» Но самое поразительное в этом письме-отчете — так это душевные откровения Николая Ивановича, уместные, быть может, по отношению к своему священнику на исповеди, но отнюдь не по отношению к заезжему поручику-немцу: «Но коль чужд еще я сей Божественной любви. Часто еще, весьма часто и рано встать, и поздно лечь, и в слякоть погоды для друга своего не хочется. С пролитием слез пишу я сии строки». Коснувшись далее пункта 7 присланного ему вопросника о распространении любви в его сердце, Н.И. Новиков опять кается: «Чувствую, однако, — пишет он, — что часто еще и ныне проступаюсь в рассуждении грубости и ласковости. Но благодаря милосердного моего Спасителя, что в ту же минуту и чувствую сии проступки, раскаиваюсь, стражду внутренне о сем и прошу и молю милосердия его, да подкрепит оно меня в сем искреннем истинном хотении быть со всяким ласкову, ни с кем грубо и стараться отпущать от себя всякого довольным»⁴⁹.

Настольными книгами московских розенкрейцеров яв-

лялись сочинения западноевропейских мистиков: Беме, Сен-Мартена, Арндта. Особенно популярен был среди них Сен-Мартен, русский перевод сочинения которого, принадлежавший П.И. Страхову, был опубликован Н.И. Новиковым в 1785 году. «Первые книги, родившие во мне охоту к чтению духовных, были: «О заблуждениях и истине» (Сен-Мартена. — Б.В.) и Арндта «Об истинном христианстве», — отмечал в своих воспоминаниях И.В. Лопухин⁵⁰.

Учитывая особый пиетет московских розенкрейцеров перед Сен-Мартеном, любопытен отзыв о его сочинении знаменитого Вольтера. «Герцог Ришелье, — писал он д'Аламберу, — хвалил мне книгу, озаглавленную «О заблуждениях и истине». К моему несчастью, я ее выписал. Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо более абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чем эта книга»⁵¹. «Они, — писал о берлинских розенкрейцерах А.Н. Пыпин, — представляли собой партию ретроградов и обскурантов, от которых тем более можно было опасаться вреда, что деятели ее имели значение при прусском дворе»⁵².

В идейном плане розенкрейцерство было не чем иным, как своего рода консервативной реакцией на французское просвещение XVIII века с присущими для последнего атеизмом, материализмом и культом разума. Науке и разуму розенкрейцеры противопоставляли интуицию и веру. Отсюда их резкие выпады против философов-энциклопедистов. «Я думаю, что сочинения вольтеров, дидеротов, гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали к нынешнему юродствованию Франции», — писал И.В. Лопухин в письме А.М. Кутузову от 14 октября 1790 года⁵³. Разум, учил уже известный нам руководитель московских розенкрейцеров И.-Г. Шварц, способен к познанию лишь внешней, видимой стороны явлений, и явно бессилен проникнуть в мир внутренний, духовный. Познавательный процесс, с точки зрения розенкрейцеров, состоит не в логической работе ума, а в мистическом озарении сверху. Но кто может рассчитывать на это озарение? Только нравственно совершенный человек. Масонской добродетели в учении розенкрейцеров отводилось, таким образом, чисто служебное, вспомогательное значение. Главная же цель их заключалась в познании истины, существа Бога, природы и человека⁵⁴.

Не меньший консерватизм проявляли московские розенкрейцеры и в политическом плане, выступая здесь как безусловные сторонники самодержавных форм правления и сохранения крепостного права⁵⁵. Известны случаи и торговли братьями-масонами своими крепостными людьми, причем в роли продавцов выступали, как это ни странно, сами руководители ордена, духовные пастыри движения. У него, рассказывал сосед Н.И. Новикова по его подмосковному имению Д.П. Бутурлин, «был вроде секретаря молодой человек из крепостных, которому он дал некоторое образование. Он и при гостях всегда обедал за одним сто-

лом с баринином». И вот, приезжает однажды старик Бутурлин к Н.И. Новикову и видит, что молодого человека у него уже нет, и спрашивает:

— Где же он?

— Он совсем избаловался, — отвечал Н.И. Новиков, и я отдал его в солдаты.

Вот вам и либерал, мартинист, передовой человек. А нет сомнения, что Новиков в свое время, во многих отношениях был передовым, либералом в значении нынешнего выражения. «Что же следует из того вывести? — вопрошал в связи с этим П.А. Вяземский. — Ничего особенного и обыкновенно. Поступок Новикова покажется чудовищным, а потому и невероятным нынешним поколениям либералов... Но в свое время подобная расправа была и законна, и очень просто вкладывалась в раму тогдашних порядков и обычаев. Дело в том, что можно быть очень передовым человеком по тому или иному вопросу, каковым был Новиков. Например, по вопросу о печати и журналистике. А вместе с тем, быть по иным вопросам строгим охранителем и сторонником порядков и учреждений не только нынешних, но и вчерашних»⁵⁶.

Но, может быть, сведения эти недостоверны, как полагают некоторые исследователи (А.А.Кизеветтер)? Ничего подобного! О продаже Н.И. Новиковым своих крепостных известно и из других источников, в том числе и из писем самого просветителя⁵⁷. Другой известный масон, И.А. Поздеев, своим жестоким обращением довел своих крепостных до бунта. «Русский гуманист XVIII века, даже Новиков или Кутузов с Сен-Мартеном или Арндтом в руках оставался владельцем крепостных душ: противоречие между словом и делом было полным»⁵⁸.

В целом учение и практика московских розенкрейцеров оставляют противоречивое впечатление, вынужден был в свое время констатировать внимательно изучавший переписку «братьев» Я.Л. Барсков. С одной стороны, это, казалось бы, очевидный энтузиазм во всем, что касается их отечества: «восторг при известиях о победах русского оружия», а с другой — непримиримая вражда к философии, французскому просвещению, борьба с ложным духом свободомыслия, ненависть к революции. С одной стороны, авторы писем вроде бы с любовью относятся к русской литературе и культуре, а с другой — эти «друзья русской национальной мысли» признают над собой власть «немецких обскурантов, готовых гнать у себя и повсюду свободу мысли и слова; стоило Карамзину слегка задеть масонскую мистику, как мартинисты жестоко его возненавидели и осыпали насмешками»⁵⁹.

На это же обстоятельство указывают и другие исследователи. «Историк, — писал А.В. Семека, — не может не обратить внимание на то обстоятельство, что розенкрейцество, бывшее на Западе явлением умственной отсталости, у нас было совершенной новостью и впервые давало русскому обществу известное ми-

росозерцание, какое — это вопрос другой». Это была, пишет он далее, первая философская система в России, которая, составляя определенное идеалистическое мировоззрение, сыграла тем не менее немалую роль в борьбе с влиянием «чуждого русскому духу вольтерьянства». Московское розенкрейцерство, несмотря на свои «дикие крайности и смешные стороны, воспитывало, дисциплинировало русские умы»⁶⁰.

Критическое отношение к розенкрейцерам, справедливые указания на их мистицизм, консерватизм, расхождение между словом и делом ни в коей мере не должны заслонять от нас и положительных сторон их деятельности. Как ни декларативны и фальшивы были в условиях российской действительности XVIII века призывы масонов к братству, любви и взаимопомощи между людьми, уже сама постановка и обсуждение этих вопросов в ложах были большим шагом вперед и, несомненно, способствовали пробуждению духовных, нравственных интересов у наиболее развитой части тогдашнего русского общества. В принципе это можно было бы сказать о ложах практически всех масонских систем, действовавших в России в царствование Екатерины II. И если московские розенкрейцеры сделали здесь намного больше других, то связано это было в первую очередь с тем, что от так называемой внутренней работы, направленной на собственное моральное усовершенствование, они перешли к работе внешней, направленной на усовершенствование, просвещение не отдельных индивидуумов, а всего русского общества. Ведущая роль здесь принадлежала книгоиздательской деятельности розенкрейцеров.

Примечания

- ¹ Допрос Н.И. Новикова // Н.И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 475.
- ² Распространивший первые лучи: Н.И. Новиков и русское масонство. XVIII — начало XIX в. СПб., 1994.
- ³ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 2.
- ⁴ Допрос Н.И. Новикова // Н.И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 421—422.
- ⁵ Сатирические журналы Н.И. Новикова. М.; Л., 1951.
- ⁶ Незеленов А.И. Н.И. Новиков, издатель журналов. 1769—1785 гг. СПб., 1875. С. 432.
- ⁷ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб., 1868. С. 156.
- ⁸ Тукалевский В.Н. Искания русских масонов. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII века. СПб., 1911. С. 18—19.
- ⁹ Незеленов А.И. Н.И. Новиков, издатель журналов. 1769—1785 гг. СПб., 1875. С. 262—269.
- ¹⁰ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 205.
- ¹¹ Неизданный документ об аренде Н.И. Новиковым типографии Московского университета. Публ. А.В. Маштафарова // Книга. Исследование и материалы. Вып.28. М., 1974. С. 150—156.
- ¹² Материалы для биографии Н.И. Новикова // Сборник, издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета. Вып.1. СПб., 1857. С. 323.
- ¹³ Фурсенко В.В. Шварц Иван Георгиевич (Егорович) // Русский биографический словарь. Т. 22. СПб., 1905. С. 621—629.
- ¹⁴ Тихонравов Н.С. Профессор И.-Г. Шварц // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т.3. Ч.1. М., 1998. С. 61.
- ¹⁵ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С. 126.
- ¹⁶ Там же. С. 128.
- ¹⁷ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 207.

- ¹⁸ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С. 129, 181, 182.
- ¹⁹ Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 551.
- ²⁰ Сушков Н.В. Московский университетский благородный пансион. М., 1858. С. 21.
- ²¹ Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874. № 4. Кн.1. С. 1036.
- ²² Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 548—549.
- ²³ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 156.
- ²⁴ Ответы Н.И. Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С. 080.
- ²⁵ Там же. С. 081-083.
- ²⁶ Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780—1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 3. М., 1870. С. 497—498.
- ²⁷ Ответы Н.И. Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С. 84—85.
- ²⁸ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. 259.
- ²⁹ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 149—153.
- ³⁰ Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. 16. С. 454.
- ³¹ Ода на кончину И.Е.Шварца // Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С. 14.
- ³² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1993. С. 357.
- ³³ Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор Писем русского путешественника. СПб., 1899. С. 9—12.
- ³⁴ В 1784 году орден был закрыт, однако существовало мнение, что тайная деятельность братьев тем не менее продолжается.

- ³⁵ Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874. № 4. Кн. 1. С. 1031—1042.
- ³⁶ Тимошук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность (1741—1808) // Русская старина. 1892. № 6. С. 561—562.
- ³⁷ Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874. № 4. Кн. 1. С. 1031—1042.
- ³⁸ Тимошук В.В. Пастор Виганд. Его жизнь и деятельность (1741—1808) // Русская старина. 1892. № 6. С. 562.
- ³⁹ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. LI.
- ⁴⁰ Ешевский С. В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780—1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 3. М., 1870. С. 495—496.
- ⁴¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.2. СПб., 1868. С. 152.
- ⁴² Ответы Н.И. Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1868. С. 85.
- ⁴³ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 67—68.
- ⁴⁴ Семяка А. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонства // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 2. С. 349.
- ⁴⁵ Допрос Н.И. Новикова // Н.И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 475.
- ⁴⁶ Семяка А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С. 167—168.
- ⁴⁷ Материалы для истории русского общества XVIII века. Несколько замечаний о Н.И. Новикове // Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 3. М., 1870. С. 413—414.
- ⁴⁸ Соколовская Т.О. Братья Злато-розового Креста // Русский архив. 1905. № 9. С. 89.
- ⁴⁹ Три письма Коловиона начальнику. Материалы для истории масонских лож. Сообщ. А.Н. Пыпин // Вестник Европы. 1872. № 1. С. 181—184.
- ⁵⁰ Лопухин И.В. Записки сенатора. М., 1990. С. 20.
- ⁵¹ Шахов А. Вольтер и его время. Изд. 2-е. СПб., 1912. С. 327.
- ⁵² Пыпин А.Н. Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. № 1. С. 190.
- ⁵³ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. 16.

- ⁵⁴ Кизеветтер А.А. Московские розенкрейцеры XVIII столетия // Русская мысль. Кн.10. М.; Пг., 1915. С. 115.
- ⁵⁵ Сидоров П.Н. Массонство и крепостное право // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т.2. М., 1911. С. 173—175.
- ⁵⁶ Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2000. С. 88—89.
- ⁵⁷ Н.И. Новиков — П.П. Бекетову. 25.10.1802 // Письма Н.И. Новикова. СПб., 1994. С. 56.
- ⁵⁸ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. LVII.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Се ме ка А. Русское масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Изд. 2-е. Т.2. М., 1991. С. 171.

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОСКОВСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Еще в 1779 году, как уже отмечалось, Н.И. Новиков берет в аренду типографию Московского университета, книжную лавку, а также газету «Московские ведомости». Деньги на аренду ему помогли собрать масоны. Поэтому уже с самого начала это было не столько коммерческое предприятие самого Н.И. Новикова, сколько общее масонское предприятие или дело. Заполучив в свои руки печатный станок, Н.И. Новиков и братья-масоны тут же развернули кипучую издательскую деятельность. Следующим шагом в этом направлении стало учреждение 1 сентября 1784 года на основе указа Екатерины II о вольных типографиях от 15 января 1783 года четырнадцатью наиболее деятельными членами Дружеского ученого общества Типографической компании¹.

Если с утверждением, что аренда Н.И. Новиковым университетской типографии была не только его частным, а несомненно «братским» делом, еще можно спорить, то в отношении Типографической компании и спорить-то, в сущности, не о чем. Ведь с учреждением Типографической компании другие начинания московских масонов, как то Дружеское ученое общество, Переводческая и Филологическая семинарии — были фактически поглощены ею. В их существовании уже не было теперь большой надобности. Во всяком случае, с 1784 года определить, где кончается Дружеское ученое общество и где начинается Типографическая компания, невозможно.

Соединенный капитал Типографической компании составил из взносов ее 14 учредителей — братьев-масонов. Наиболее крупные взносы были: братьев Н. и Ю.Трубецких (10 тысяч рублей), князя А.А. Черкасского (5 тысяч рублей), В.В. Чулкова (5 тысяч рублей), А.Ф. Ладыженского (5 тысяч рублей). Свой вклад на несколько тысяч рублей книгами и дом на Никольской улице внесли и Н.И. Новиков с братом, а также руководитель московских розенкрейцеров барон Г. Шредер. Братья Лопухины. И.П. Тургенев, А.М. Кутузов, С.И. Гамалея и князь К.М. Енгальчев в компанию были приняты «без капитала»². Общий первоначальный капитал компании составил 57 тысяч 500 рублей плюс нераспроданных книг, поступивших от Н.И. Новикова, на 320 тысяч рублей.

С учреждением Типографической компании издательские возможности розенкрейцеров резко возросли. Это позволило им

сразу же развернуть невиданную по тем временам кипучую деятельность по изданию книг в нашем отечестве, причем уже с самого начала наряду с литературой религиозно-нравственного характера видное место среди них принадлежало литературе коммерческого, как бы мы сейчас сказали, содержания, рассчитанной на широкий книжный рынок. Литература же специальная, сугубо масонская, печаталась в так называемой «тайной» типографии И.В. Лопухина. Руководство компании на первых порах носило коллективный характер, и наряду с Н.И. Новиковым, бывшим у компаньонов что-то вроде коммерческого директора, его осуществляли также И.В. Лопухин, Г.Я. Шредер, А.М. Кутузов, С.И. Гамалея, князя Николай и Юрий Трубецкие³.

Но так продолжалось недолго, и на роль фактического и единственного руководителя компании выдвинулся вскоре Н.И. Новиков. Не лишенный предпринимательской жилки, он установил прямые связи с книжными лавками, продавал книги в кредит. Только в Москве число книжных лавок благодаря Н.И. Новикову увеличилось в 10 раз: было 2, стало 20. Им же была учреждена в Москве и первая публичная библиотека. За 8 лет (1784—1791) существования только одна Типографическая компания сумела издать 554 наименования книг. В предыдущее десятилетие, с 1771 по 1780 г., в России было напечатано 1466 наименований книг, из них Н.И. Новиковым — только 167, или 11%. В следующее же, так называемое «новиковское» десятилетие (1781—1790) из общего числа изданных за это время книг — 2685, за Н.И. Новиковым и его кружком было уже 749 книг, или 28%⁴. Общий тираж их печатной продукции составил не менее 100 тыс. экземпляров. Всего же за московский период (1779—1792) издательской деятельности новиковского кружка (университетская типография, Типографическая компания, типография И.В. Лопухина) им была напечатана 891 книга⁵.

Видное место среди его изданий занимает литература, как бы мы сейчас сказали, общегуманитарного характера: сочинения Вольтера, Дидро, Руссо и других европейских авторов, а также учебники, словари грамматики, сочинения по истории, различного рода пособия с советами на все случаи жизни, направленные на повышение общеобразовательного, нравственного и культурного уровня русского общества. Широко представлена среди изданий московских розенкрейцеров 1780-х годов и переводная художественная литература, рассчитанная на самого широкого читателя. Так, за один только 1784 год членами новиковского кружка были изданы: «Андрей и Цецила, комедия в одном действии, пер. с французского»; «Аффалия, трагедия, взятая из Священного писания г. Расина, пер. с французского»; «Беседы избранные святого отца нашего Иоанна Златоуста»; «Беглец, драма в 5 действиях г. Мершера, пер. с французского»; «Генриета, или Она уже замужем, комедия в 5 действиях, вольный пе-

ревод с немецкого»; «Карманная или памятная книжка для молодых девиц, содержащая в себе наставления прекрасному полу»; «Лейнард и Гермилля, или Злосчастная судьба двух любовников. Сочинение девицы Н.Н.»; «Миртиль, пастушеская поэма, пер. с французского»; «Новый лексикон, или Словарь на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках» и т. п.

В то же время наряду с этой, «ширпотребовской», как бы мы сейчас сказали, литературой в том же 1784 году из новиковского круга вышли и книги специального содержания, предназначенные для более подготовленного и более узкого круга русских читателей: «Братские увещания к некоторым братьям свободным каменщикам. Писаны братом Седдагом» (напечатано в типографии И.В. Лопухина); «Таинство креста и Иисуса Христа и Членов его» (напечатано в типографии И.В. Лопухина); «Сатирические и философские сочинения господина Вольтера» (издание Н.И. Новикова и К°); «Феофаства Парацельса химическая псалтирь о камне мудрых» (типография И.В. Лопухина); «Рассуждения о книге Соломоновой, нарицаемой «Песней песней» (издание 2-е, типография И.В. Лопухина); «Магазин свободнокаменщикический, содержащий в себе речи, говоренные в собраниях, песни, письма... Т.1, три части» (типография И.В. Лопухина); «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости» (типография И.В. Лопухина) и др.⁶

В ряде случаев мasonicкая литература из-за опасений преследования со стороны правительства издавалась братьями без указания на типографию: «Дух масонства. Нравоучительные и истолковательные речи» Вильгельма Гучинсона, «О тройственном пути души», «Соборное послание С.А. Иакова» де ла Мотт-Гюйона, «Речи, говоренные в присутствии Н.Н. братом Розового креста» и т.д. Среди других переводных сочинений западноевропейских мистиков и собственно масонской литературы, напечатанной новиковским кружком, можно отметить: «Об истине христианства» Иоанна Арндта (1784), «О познании самого себя» Иоанна Массона (1783), «Рассуждение против атеистов...» Гуго Гроция (1781), «Страшный суд и торжество веры» Эдуарда Юнга (1785), «Простосердечное о молитве наставление» (1783), «Апология, или Защищение ордена Вольных каменщиков» (1784). «О заблуждениях и истине» Сен-Мартена (1785), «Должность братьев Злато-розового Креста» (1784) — руководство для низших степеней ордена и т. п.⁷

Что касается русских сочинений этого рода (И.П. Тургенев. «Кто может быть добрым гражданином и подданным верным». 1790; И.В. Лопухин. «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости», 1791 и др.), то они, по мнению специалистов, откровенно слабы и носят подражательный характер. Это, по словам А.Н. Пыпина, «повторение общемасонских и потом розенкрейцеровских тем.

вражда против «злоупотреблений разума», мистическая философия и защита ордена»⁸.

Из 448 книг, изданных Н.И. Новиковым к 1786 году⁹, по крайней мере 290, то есть почти две трети, с определенными оговорками могут быть отнесены к литературе светского содержания¹⁰, и только одна треть — к литературе религиозно-нравственной. Не удовлетворенный этими подсчетами, идущими еще от М.Н. Лонгинова и А.Н. Пыпина, советский исследователь Г.П. Макогоненко произвел свои. Всего с 1779 по 1792 год, по его сведениям, все три типографии московских розенкрейцеров напечатали 891 наименование книг. По разряду художественной литературы (стихи, проза, драмы, комедии) у него проходят 384 названия. Вторую группу составляют сочинения по истории, философии, экономике, политике — 194 названия. Третья группа: лечебники, словари, официальные документы — 120 названий. Всего, таким образом, 698 книг безусловно светского содержания и только 193 — религиозно-мистического. 49 из числа последних (33 — напечатаны И.В. Лопухиным и 16 — в тайной типографии розенкрейцеров), хотя и были собственно масонские, но Н.И. Новиков к их изданию прямого отношения не имел. В своих типографиях Н.И. Новиков напечатал, по подсчетам Г.П. Макогоненко, всего только 17 собственно масонских книг. Все остальное — это переводные книжки назидательного и нравоучительного характера, проповеди русских архиепископов, сочинения и жития отцов церкви. Таким образом, получается, что за 13 лет во всех трех типографиях московских масонов было напечатано всего 66 наименований собственно масонских книг. Если же исключить из их числа 16 масонских сочинений, напечатанных тайно, то из оставшихся 50 Н.И. Новикову принадлежало только 17. Остальные 33 были напечатаны в типографии И.В. Лопухина¹¹.

Даже если Г.П. Макогоненко несколько перегнул палку по части отнесения к литературе светского характера некоторых «сомнительных» сочинений, старая пыпинская точка зрения на Н.И. Новикова 1780-х годов как на неутомимого пропагандиста на Руси оккультной мистической литературы¹² может считаться уже пройденным этапом в нашей историографии. Но и особенно обольщаться подсчетами Г.П. Макогоненко тоже не следует. Ведь и из них ясно видно, что если уж не каждая третья, как думал М.Н. Лонгинов, то по крайней мере каждая четвертая книга, напечатанная московскими розенкрейцерами, была все же религиозно-мистического или нравственного содержания. Нельзя забывать, что за проектами, которые реализовывал Н.И. Новиков, стояла весьма большая и сплоченная группа преданных масонскому делу людей. На книжное дело они смотрели не с надрывом, а со своей, масонской точки зрения. Да и сам Н.И. Новиков, несмотря на свою холодность с некоторыми руководителями ор-

дена, до конца дней своих оставался тем не менее ревностным масоном.

Что же касается художественной литературы, словарей, грамматик и различного рода руководств, то издание их могло быть связано не столько с заботой братьев-масонов о русском просвещении, как думают наши историки и литературоведы, сколько с обыкновенным коммерческим расчетом. Ведь издания такого рода всегда хорошо расходятся среди публики и даже способны принести немалую прибыль. Показательна в этом плане реплика видного розенкрейцера новиковского круга И.В. Лопухина в связи с переменами, которые произошли в издательской деятельности Типографической компании после указа 1787 года о запрещении светским типографиям печатать «духовные» книги. *«Книги печатаются только такие, — язвительно писал в ноябре 1790 года И.В. Лопухин, — и не могу сказать какие, ибо такая дрянь, что я и не интересуюсь ныне знать о типографской работе. Сказки да побаски только для выручки денег на содержание»*¹³.

Раздражение И.В. Лопухина понятно: настоящей литературой для него, как масона-мистика, была, судя по всему, не светская, а религиозно-нравственная литература. А учебники, словари, романы, комедии и повести — так, одна дрянь, издаваемая исключительно ради выручки денег на содержание Типографической компании. Конечно, И.В. Лопухин — не Н.И. Новиков, и мнение последнего на этот счет могло отличаться, и скорее всего отличалось от мнения И.В. Лопухина. Не стоит только забывать, что и он, при характерной для него широте взгляда на издательскую деятельность масонов, на первый план, как истинный масон, выдвигал все-таки не положительное знание, а мистическое откровение. *«Помните слова хоть и глупого, но старика, — говорил Н.И. Новиков, — все науки сходятся с религией; лишь в ней разрешаются их важнейшие проблемы: без нее никогда не доучитесь, и притом не будете покойны»*¹⁴.

Можно предположить, что скорее всего прогрессивные начинания московских масонов 1780-х годов (Дружеское ученое общество, Переводческая и Педагогическая семинарии, журналы, школы, аптеки и, конечно же, Типографическая компания) преследовали не только и не столько просветительские, сколько собственно масонские, пропагандистские цели. Это, разумеется, еще не перечеркивает укоренившейся в нашей историографии в целом позитивной оценки результатов издательской деятельности Н.И. Новикова и его товарищей. Конечно, главной фигурой здесь был Н.И. Новиков. Значительный вклад внесли в общее дело и другие «братья»: И.В. Лопухин, И.П. Тургенев, А.М. Кутузов, братья Н. и Ю. Трубецкие, братья А. и П. Ладыженские, В.В. Чулков, Г.М. Походяшин, Ф.П. Ключарев, Д.И. Дмитриевский, П.А. Татищев. Особенно велики здесь заслуги Алексея Михайловича Кутузова и Ивана Петровича Тургенева, под-

визавшихся в качестве главных переводчиков и редакторов осуществленных изданий.

Масштабы филантропической и издательской деятельности розенкрейцеров были таковы, что не заметить ее было невозможно. Ее и заметили. Первые признаки надвигающейся на Н.И. Новикова грозы наметились еще в 1784 году в связи с перепечаткой им двух книг («Сокращенный Катехизис» и «Руководство к чистописанию»), изданных ранее Комиссией о народных училищах, на что формально он не имел никакого права. Возникшая в связи с этим переписка (жалоба Комиссии народных училищ в Петербурге московскому главнокомандующему З.Г. Чернышову, относящаяся к августу 1784 года, и вынужденное объяснение Н.И. Новикова по этому поводу от 11 октября)¹⁵, хотя и причинила ему немало беспокойства, но последствий тем не менее не имела.

Но в покое масонов императрица оставлять не собиралась. В другой раз внимание ее привлекла напечатанная Н.И. Новиковым в 69—71 номерах «Прибавлений к Московским ведомостям» за 1784 год хулительная статья об ордене иезуитов, которому покровительствовала в это время Екатерина II. *«Уведомившись, что будто бы в Москве печатают ругательную историю ордена иезуитского, повелеваем запретить таковое напечатание, а ежели бы она издава была, то экземпляры отобрать»*, — гласит ее указ московскому губернатору генерал-поручику Н.П. Архарову от 23 сентября 1784 года¹⁶.

Узнав (возможно из доноса) о заведении московскими масонами своей больницы, императрица спешит уведомить о том (23 января 1786 года) гражданского губернатора П.В. Лопухина и требует срочного обследования московских больниц и богаделен со стороны Приказа общественного призрения¹⁷. Еще раньше (7 октября 1785 года) она распорядилась в письме на имя московского главнокомандующего графа Я.А. Брюса об обследовании всех московских школ и училищ¹⁸.

Особое беспокойство государыни вызывала издательская деятельность масонов. *«В рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги, прикажите губернскому прокурору, сочиня роспись оным, отослать оную с книгами к преосвященному архиепископу Московскому»*, — писала императрица Я.А. Брюсу 23 декабря 1785 года¹⁹. Самого Н.И. Новикова было предложено призвать в московское губернское правление и объявить ему, что учреждение частных типографий предполагает издание «книг, обществу прямо полезных и нужных, а отнюдь не для того, дабы способствовать изданию сочинений, наполненных новым расколом для обмана и увлечения невежд»²⁰. Архиепископу же Платону прямо было предложено, во-первых, призвав к себе Н.И. Новикова, «испытать его в законе нашем», а во-вторых, «освидетельствовать» изданные им книги: «не скрывается ли в них умствова-

ний, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности»²¹.

Что касается масонских больниц и школ, то опасения императрицы не подтвердились. «Касательно же до заведения больницы и школ от составляющих скопище известного нового раскола... — докладывал 30 января 1786 года московский гражданский губернатор П.В. Лопухин, — то оных совершенно теперь нет, а пользовались прежде в доме содержателя Новикова находящиеся при его типографии работники. Посторонних же для пользования никого принимаемо не было... Школы же и пенсии, сколько их в городе имеется, еще прежде сего вследствие полученного от Вашего Императорского Величества господину главнокомандующему высочайшего повеления определениями от Преосвященного московского, от университета и от Приказа общественного призрения членами осматриваны и неспособные к обучению учителя все исключены. Закону же обучать в оных дозволено единственно тем, кои от Преосвященного московского к тому удостоены». Теперь же, констатировал в заключение П.В. Лопухин, в Москве «ни заведенных школ, кроме представленных порядком, ни больниц, кроме казенных, нет»²².

Не дали нужных результатов проверка книжной продукции Типографической компании и испытание самого Н.И. Новикова «в вере». В своем отзыве (январь 1786 года) архиепископ Платон сообщал императрице, что он лично испытал Н.И. Новикова в догматах православной церкви и «*молит Всемогущего Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, всемилостивейшая государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков*»²³.

Что касается переданных на его рассмотрение 446 названий книг, то их он разделил на три разряда: 1-й — *полезные или «собственно литературные»*, 2-й — *мистические, которые он не понимает, а поэтому и судить о них не может*, 3-й — *«самые зловредные»*, к которым он отнес сочинения «*так называемых энциклопедистов*». Решение императрицы по этому делу последовало 27 марта 1786 года. Из него, в частности, следовало, что запрету подлежало всего только шесть масонских книг: «*Апология, или Защищение ордена Вольных каменщиков*» (пер. с немецкого, М., 1784), «*Братское увещание к некоторым братьям Свободным Каменщикам, писанное братом Седдагом*» (М., 1784), «*Карманная книжка для вольных каменщиков и для тех, кто не принадлежит к числу оных*» (пер. с немецкого, М., 1783), «*О заблуждениях и истине*» Сен-Мартена (М., 1785), «*Химическая псалтырь, или Философские правила о камне мудрых*» Парацельса (М., 1784) и «*Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть различного весьма важного содержания*» (М., 1783)²⁴. Все это — исключительно масонские сочинения. Что же касается книг «*гнусных и юродивых, порождения так называемых энциклопедистов*»²⁵, на запрещении которых на-

ставивал архиепископ Платон, то их-то как раз Екатерина II, как государыня гуманная и либеральная, запретить не захотела.

Это в корне меняло все дело. Запрещение из составленной по этому случаю московским губернским прокурором А.А. Тейльсом росписи 461 книги, продававшихся у Н.И. Новикова, только 6, совершенно безобидных с политической точки зрения (хотя они и были впоследствии сожжены Московской управой благочиния) масонских сочинений, свидетельствует о полном фиаско затеянной против Н.И. Новикова акции. В результате Н.И. Новиков отделался легким испугом, и уже в марте 1786 года ему, правда, понесшему в связи с этой историей большие убытки, было опять разрешено торговать книгами²⁶. Государыня продолжала, однако, зорко следить за Н.И. Новиковым, и уже 23 января 1787 года нанесла по нему серьезный удар, запретив светским типографиям печатать книги, *«до святости относящиеся»*. 27 июля 1787 года последовал новый указ императрицы, согласно которому была запрещена и продажа таких книг²⁷.

Прямо надо сказать, известные основания для применения этих жестких мер у Екатерины II были. Дело в том, что литература, издаваемая Н.И. Новиковым, была в основном переводной. И дело тут не только в очевидно одностороннем (масонство, религиозная мистика) подборе им публикуемых авторов. Литература эта создавалась в ответ на общественно-политические и интеллектуальные запросы, или по крайней мере часть их, тогдашнего западноевропейского общества. Интеллектуальная и общественно-политическая ситуация в России этого времени была совсем другой. Далеко не всегда то, что охотно «проглатывал» английский или французский читатель, и поистине с легкостью необыкновенной тиражировали московские розенкрейцеры, было приемлемо для читателя русского, православного. Не было секретом и то, что как раз с православной религиозностью у адептов масонства и были большие проблемы.

Дело в том, что, как и для их западноевропейских братьев, идеалом христианства для московских розенкрейцеров было так называемое «внутреннее христианство», резко противопоставляемое ими официальной православной церкви, которую они, как, впрочем, и их современные духовные наследники — экуменисты, иначе как «пережитком» и не называли. *«Масонство было для нас, — отмечал в связи с этим Н.А. Бердяев, — стремлением к внутренней церкви, на видимую церковь смотрели как на переходное состояние»*²⁸.

Оставаясь формально в лоне православия, русские масоны явно тяготели к протестантизму. Что и неудивительно. Среди других новаций, которые принесла с собой Реформация в Европе, было и масонство. Здесь, видимо, нет необходимости доказывать, что «книги, до святости относящиеся» — это отнюдь не литература, запрещение издания которой способно было на-

нести серьезный урон делу просвещения российского общества. Скорее уж наоборот. Конечно, к 1787 году в лавке и на складе Типографической компании литературы такого рода было не на одну тысячу рублей, но едва ли Н.И. Новиков, будучи человеком практичным, мог серьезно рассчитывать на ее успешную реализацию. Было ясно, что в известном смысле деньги, затраченные на ее издание, — это были как бы уже закопанные деньги.

Тем не менее некоторые авторы склонны придавать едва ли не решающее значение указу 27 июля 1787 года в судьбе Типографической компании. *«Так как подавляющее большинство продававшихся Новиковым и компанией мистических книг, несомненно, относилось до святости, то указ 27 июля 1787 года приостановил всю деятельность компании. После его появления ей почти невозможно было продолжать существование. Список ее изданий с 1787 года заполнен преимущественно книгами исторического характера (в числе которых было второе издание Древней российской вивлиофики)», — отмечал в свое время Г.В. Вернадский²⁹.*

Но верить здесь Г.В. Вернадскому нельзя. Как показал В.А. Западов, после указа Екатерины II от 27 июля 1787 года из обнаруженных у Н.И. Новикова 313 напечатанных им книг, «до святости относящихся», запрещены к продаже были только 14. Остальные книги были возвращены их владельцам с дозволением продавать их³⁰. Согласно подсчетам другого исследователя, Г.П. Макогоненко, число книг, изданных Н.И. Новиковым после 27 июля 1787 года, не только не сократилось, но даже несколько возросло: 1786 год — 65 книг, 1787 год — 132 книги, 1788 год — 155 книг. И только после того, как Н.И. Новиков лишился в 1789 году университетской типографии и влез в долги, число издаваемых им книг резко пошло на убыль. В 1789 году было издано 44 книги и в 1790—1792 гг. — всего только 26 книг³¹. Можно сказать, что указ 27 июля 1787 года пошел даже на пользу русскому просвещению, так как место масонской и религиозно-нравственной литературы в издательской деятельности новиковского кружка прочно заняла теперь литература историческая, философская, художественная и политическая: 2-е издание «Древней российской вивлиофики», «Деяния Петра Великого» Ивана Голикова, «Женитьба Фигаро» Бомарше, комедии Дидро. Шеридана, а также сочинения Вольтера, Лессинга, Фильдинга. Локка и других европейских мыслителей. Если на то пошло, в финансовом отношении вынужденная переориентация издательских планов Типографической компании явно была ей на пользу.

Конечно, «вклада» Екатерины II в уничтожение Типографической компании отрицать нельзя. Крупной вехой здесь явилось запрещение государыни продлить аренду Н.И. Новиковым типографии у Московского университета, срок контракта на которую истек в 1789 году. Вот это действительно был серьезный

удар по издательской деятельности московских розенкрейцеров. Но погубила Типографическую компанию не столько императрица, как это обычно подается в нашей историографии, сколько то, что уже буквально с первых шагов работа ее была подчинена задачам не столько коммерческого (самоокупаемость издаваемых книг), сколько идеологического плана — всемерная пропаганда и насаждение в России «масонского света», масонской идеологии. Самостоятельно, без финансовой подпитки со стороны, компания при такой постановке дела существовать едва ли могла. И она, такая подпитка, у нее была.

«Правление Новикова, — констатировал неизвестный нам по имени ритор ложжи «Трех знамен», — отличалось от всех прочих тем, что для распространения ордена требовались огромные суммы, и всегда оные доставлялись... Заведение аптеки и многих других подобных учреждений требовало громадных сумм, через что состояние некоторых богатых и щедрых братьев расстроилось вконец. Я мог бы назвать некоторых бывших миллионеров, участвовавших во всем этом своим капиталом и ставших теперь чуть ли не нищими»³².

Здесь мы вступаем в такую весьма непростую область, как благотворительность или, говоря современным языком, спонсорство у масонов. *«Всякий каменщик, какого бы исповедания христианского, какой бы страны или состояния ни был, есть твой брат и имеет право в твоей помощи», — гласит вольнокаменнический устав³³. Масонская благотворительность заключалась прежде всего во взаимной материальной поддержке братьями друг друга. За пределы ордена она выходила редко и ограничивалась, как правило, так называемыми «кружечными сборами» в пользу нищих. Крупные проекты масонской благотворительности вне масонских лож крайне редки³⁴, и связаны они главным образом с именем Н.И. Новикова. О заведенных им на масонские пожертвования двух петербургских училищ и богадельне мы уже говорили. Перебравшись в 1779 году в Москву, Н.И. Новиков и здесь попытался было открыть на свои деньги несколько школ и богаделен. Однако развитие его инициатива не нашла, и школы эти были сразу же прикрыты правительством.*

Наряду со школами и типографией, новиковский кружок вел в Москве в Гендриковском доме и аптеку. Для ее организации масоны пригласили из-за границы известного фармацевта Френкеля. Провизорами в ней были Биндгейм, Кубе, Линд, Берт и Эйnbrодт. После того как масонство было запрещено, каждый из них открыл свое собственное дело, собственную аптеку. Так было положено прочное основание развитию аптечного дела в Москве³⁵.

Собственно, сама идея широкого привлечения для нужд ордена так называемых «спонсорских денег» богатых и преданных масонским идеалам братьев исходила, видимо, от И.-Г. Шварца.

Его циничный отзыв о «дураке Татищеве», охотно жертвовавшим большие деньги на нужды масонов, мы уже приводили. Как бы то ни было, за щедрые финансовые вливания в казну ордена «братья» возвели Петра Алексеевича в Приоры VIII провинции ордена. Никакими данными для выполнения своих, пусть во многом и формальных обязанностей, он не обладал, являясь постоянным объектом насмешек со стороны «братьев»³⁶. И это при том, что Дружеское ученое общество при Московском университете всецело располагалось в его доме и во многом существовало на его деньги. Тот же Татищев выступил и в качестве одного из учредителей Типографической компании (1784).

Особенно много сделал для развития книгоиздательской деятельности Н.И. Новикова и его кружка Григорий Максимович Походяшин (1760—1820). Это был сын известного откупщика, миллионера-горнозаводчика Максима Михайловича Походяшина. Выходец из крестьян, он сделал себе целое состояние на разработке открытого им богатого месторождения медной руды в Верхотурье на Урале. В 1758 году им был основан знаменитый Петровский завод, в 1760 году — Николо-Павдинский и Туринский рудники, в 1768-м — Богословский завод. Не брезговал М.М. Походяшин и откупам и винокурением. Еще в 1740 году им были открыты 5 винокуренных заводов недалеко от Тагильского завода в Тюмени, Екатеринбурге и Ирбите. Из троих сыновей Михаила Михайловича только старший — Василий (рано умерший) унаследовал деловую хватку отца. Два других его сына ничем себя не проявили и служили в гвардии. Младший из них — Григорий Походяшин, выйдя в 1786 году в отставку в чине премьер-майора, женился и поселился в Москве. Здесь он имел несчастье близко сойтись с Н.И. Новиковым и, как человек богатый и, следовательно, для масонов полезный, быстро вошел в избранный круг братьев ордена «Теоретического градуса».

Человек недалекий, Г.М. Походяшин на полном серьезе воспринял религиозно-нравственные проповеди розенкрейцеров о помощи ближним и не жалел денег на масонские благотворительные мероприятия. Наиболее крупным из них является раздача Н.И. Новиковым хлеба нуждающимся крестьянам Московской губернии в голодном 1787 году. Дождь и последовавшие за ним морозы уничтожили ржаные посевы центральных губерний России. Четверть ржи стоила в это время в Москве 20 рублей. Листья, мох и сено сделались обычной пищей крестьян. Проводя значительную часть времени в своем селе Авдотьино, Н.И. Новиков воочию смог убедиться в трагизме ситуации. *«У крестьян не было уже ни хлеба для пропитания, ни корму для скота. Я раздал весь свой хлеб, сколько его было, своим крестьянам, уделя часть из одного соседским крестьянам, пришедшим по соседству просить», — вспоминал позднее об этой истории Н.И. Новиков. Вместе со своим братом он закупил на три тысячи рублей*

семян для раздачи своим крестьянам на посев и ржи «для прокормления». Остатки же раздавались им немалому числу приходящих «бедных просителей».

Вернувшись в Москву и оказавшись здесь на ближайшем заседании масонской ложи, Н.И. Новиков выступил с горячей речью, закончив ее призывом о сборе средств для помощи голодающим. Тут же были собраны необходимые деньги для закупки хлеба, причем наиболее крупная сумма, по свидетельству Н.И. Новикова, — 50 тысяч рублей — поступила от уже упоминавшегося нами Г.М. Походяшина³⁷. Вернувшись в Авдотьино, Н.И. Новиков превратил его в центр по раздаче, правда, не бесплатно, а взаймы, семян и хлеба нуждающимся. Акция эта продолжалась с лета 1787-го вплоть до весны следующего 1788 года и охватила район в более чем 100 казенных и помещичьих селений. «Г. Походяшин, — отмечал Н.И. Новиков, — передал мне всего 50 тысяч рублей, на которые я закупил хлеба и раздал крестьянам взаймы до следующей осени, с тем, чтобы деньгами или хлебом заплатили. Хлеб раздаваем был с свидетельствами и расписками. Всех казенных и дворянских селений, из коих брали хлеб, кажется, не ошибусь, если скажу было около ста. Посредством сего хлеба вся та okolность в тот несчастный год прокормилась и весною все поля обсеяны были яровым хлебом».

Возвращенные Н.И. Новикову крестьянами хлеб и деньги поступали в организованный им так называемый общественный фонд, из которого предполагалось продолжение помощи нуждающимся. В случае же невозможности отдачи взятой крестьянами ссуды у Н.И. Новикова последние привлекались им к общественным работам — выделке кирпича, постройке каменных амбаров для хранения общественного хлеба и даже обработке земли на отведенных Н.И. Новиковым в своем имении участках³⁸.

Любопытно, что раздача хлеба под расписку нуждающимся продолжалась Н.И. Новиковым и после 1787 года, когда угрозы голода уже не было. «В последующие годы, — показывал он на следствии, — раздача хлеба продолжалась повсегодно тем, которые просили. Из сих денег осталось на разных селениях на 1789 год, помнится, до 15 или, может быть, и до 20 тысяч рублей несобранных»³⁹.

Московская масонская верхушка во всей этой акции практического участия не принимала, препоручив все тому, кто, собственно, и заварил эту кашу, то есть Н.И. Новикову. Он, собственно (вместе со своими приказчиками), и обеспечивал всю ее организационную часть. Финансовая же сторона дела легла главным образом на Г.М. Походяшина. Н.И. Новиков в своих показаниях, как мы уже отмечали, говорил, что общая сумма полученных им от него денег на закупку хлеба не превышала 50 тысяч рублей. Не исключено, впрочем, что на самом деле сумма, пожертвованная Г.М. Походяшиным на эти цели, составила, по некоторым оценкам (Е.М. Гаршин), до 300 тысяч рублей⁴⁰.

Самые приблизительные подсчеты показывают, что за одну только «пятилетку» (1786—1791 гг.) масоны «выдоили» у Г.М. Походяшина более 500 тысяч рублей, в результате чего этот богач вынужден был влезть в долги.

Тем временем финансовое положение Типографической компании катастрофически ухудшалось, и в ноябре 1791 года она вынуждена была прекратить свое существование. Имущество же ее вместе с долгами по взаимному соглашению учредителей перешло к Н.И. Новикову⁴¹. Сам он впоследствии невразумительно объяснял случившееся князю А.А. Прозоровскому тем, что обстоятельства заставляли иногда компанию входить в долги, которые возрастали не вдруг, но «по нужде и временам»⁴². *Что имел в виду под «обстоятельствами» сам Н.И. Новиков — гадать не будем. Однако главным из них была, как нетрудно догадаться, слабая раскупаемость новиковских изданий, что оборачивалось для Типографической компании прямыми убытками. К хорошему известному в литературе пассажи Н.И. Новикова во время допроса его князем А.А. Прозоровским о якобы 40—80 тысячах ежегодного дохода от деятельности компании в первые годы ее существования⁴³ следует относиться скептически. Версия о прибыльности издательской деятельности Типографической компании понадобилась Н.И. Новикову для того, чтобы скрыть резкое (почти вдвое) увеличение ее основного капитала: А.А. Прозоровский заподозрил, что помимо официальных сумм, внесенных учредителями Типографической компании, были еще и другие суммы или скрытые финансовые потоки, питавшие ее деятельность. Раскрывать их происхождение и повествовать А.А. Прозоровскому о деликатной стороне своих отношений с П.А. Татищевым и Г.М. Походяшиным Н.И. Новиков, кажется, не собирался.*

Прямо надо сказать: 300-тысячный долг на момент ликвидации Типографической компании — прямой результат его издательской политики, когда, вопреки здравому смыслу, печатались не книги, отражающие пусть и непритязательные, но зато реальные запросы тогдашней читающей публики, а то, что пытались навязать русскому обществу его самозванные масонские радители. Любопытно, что именно в это тяжелое для компании время (1791) на занятые у Г.М. Походяшина деньги Н.И. Новиков покупает у генерал-майора Ладыженского небольшое имение в 110 душ в Орловском наместничестве стоимостью 18 тысяч рублей⁴⁴.

Как бы то ни было, финансовое положение Типографической компании к концу 1780-х гг. было критическим. Фактически компания потерпела финансовый крах, и в ноябре 1791 года ее учредителям пришлось официально признать это, составив официальный акт о ее роспуске. Все имущество компании вместе с долгами переходило к Н.И. Новикову, который, собствен-

но, и должен был теперь рассчитываться с ее бывшими учредителями и кредиторами⁴⁵.

Надо отдать должное Новикову. Не имея своих собственных денег и не рассчитывая на прибыли от изданий Типографической компании, он сделала то, что, собственно, ему и оставалось сделать: стал искать себе богатого компаньона. Искал он его недолго. Благоговевший перед ним Г.М. Походяшин легко согласился на эту авантюру. Задача, которая перед ним стояла, была весьма прозаической: рассчитаться своими деньгами с долгами Типографической компании и выплатить ее учредителям первоначально внесенный ими при ее учреждении в 1784 году капитал. *«С помощью моего капитала, — простодушно объяснял впоследствии Г.М. Походяшин, — мог он (Новиков. — Б.В.) очистить то имение от всех залогов, а потом утвердить за мной»*⁴⁶. Это была, говоря современным языком, явная подстава, так как «имение» Типографической компании (два каменных дома в Москве, аптека, типография) явно не стоило тех средств, которые предстояло вложить в это сомнительное предприятие Г.М. Походяшину.

Были, правда, еще нераспроданные книги *«по продажным ценам на 700 тысяч рублей»*. Но надеяться на их реализацию мог разве что сумасшедший. Им, собственно, и был Г.М. Походяшин. Ничтоже сумняшеся, этот масон и филантроп решает продать в казну принадлежавшие ему вместе с братом медеплавильные и железодельные заводы за два с половиной миллиона рублей. Как свидетельствовал современник Г. Походяшина А. Болотов, заводы были проданы почти что задаром. Впрочем, сама сумма по тем временам была все же немалая. Другое дело, что наличными братья получили всего только 250 тысяч. Остальные 2 250 тысяч были рассрочены им на 10 лет без процентов. *«Как наличные деньги, так и большую часть облигаций отложили мы на платеж долгов наших, и мне из доставшихся облигаций (1 миллион 125 тысяч. — Б.В.) при разделе с братом моим досталось на часть мою 490 тысяч рублей»*, — отмечал Г.М. Походяшин. *«Из этого расчета видно, — констатировал исследователь Е.М. Гаршин, — что в течение 5 лет со времени выхода Походяшина в отставку до 1791 года им было прожито не менее полумиллиона рублей»*⁴⁷.

Поскольку ни в чем предосудительном Г.М. Походяшин замечен не был, сумма эта (500 тысяч) — тяжелый грех московских масонов, без зазрения совести обиравших своего простодушного «брата». Однако самое интересное началось после того, как Г.М. Походяшин согласился вступить в компаньоны с Н.И. Новиковым и с легким сердцем вручил ему срочных облигаций на 275 тысяч рублей, из которых тот ко времени своего ареста успел потратить до 275 тысяч. После освобождения (1796) Н.И. Новикова из крепости «имение» его было передано в связи с долгами в ведение Московского приказа общественного призрения. Те-

перь он, собственно, и должен был, пустив это имение с торгов, удовлетворить кредиторов. Претензии Г.М. Походяшина к Н.И. Новикову к этому времени составляли, по его словам, 400 тысяч рублей. К 1798 году эта сумма возросла до 462 149 рублей. Примерно на 300 тысяч рублей предъявили к Н.И. Новикову свои претензии и другие «партикулярные люди». Учитывая иск Опекунского совета, составившаяся с набевшими процентами общая сумма всех исков на «имение» Н.И. Новикова достигла, по словам Г.М. Походяшина, до 900 тысяч рублей (на самом деле несколько меньше — 753 537 рублей на 1798 г.)⁴⁸.

Как и следовало ожидать, в первую очередь был удовлетворен иск Опекунского совета. В пользу же «партикулярных исков» остались одни только нераспроданные книги Типографической компании на 500 тысяч рублей по каталожной цене⁴⁹. Обратить их в звонкую монету, наверное, не под силу было даже Господу Богу. Правда, в 1803 году Г.М. Походяшин попытался было открыть в Москве *«для распродажи его книжного магазина потерю в течение года»*, но *ничего путного из этой затеи не вышло. Ярким свидетельством наивности и простодушия Г.М. Походяшина может служить его ходатайство взамен причитающихся на его долю нераспроданных книг на 400 тысяч рублей, которые он готов был уступить казне, вознаградить его хотя бы в Белоруссии или Польше имением «до 1000 душ или хотя и менее» крестьян*⁵⁰. *Домогательства Г.М. Походяшина, как и следовало ожидать, были отвергнуты.*

Сложив 462 тысячи рублей, которые пытался вернуть теперь Г.М. Походяшин⁵¹, с 300 тысячами рублей, пожертвованных им в свое время на борьбу с голодом, и прибавив к этому покупке в 1791 году у Типографической компании совсем не нужного ему убыточного книжного магазина, получим внушительную сумму не менее чем на 800 тысяч рублей. То, что Н.И. Новиков использовал эти деньги не для себя лично, а в видах, так сказать, общественного блага, мало что меняет.

Но вернемся к Г.М. Походяшину. Из финансовой удавки, устроенной ему Н.И. Новиковым, он так никогда и не выбрался. Разорившись вчистую, он умер в 1820 году в полной нищете, всеми забытый. Но обиды на «братьев» он не таил и до конца дней своих продолжал боготворить Н.И. Новикова. С его именем на устах он и умер под портретом своего «благодетеля», который всегда висел над его кроватью⁵². Бедняга, надо думать, полагал, что благодаря Н.И. Новикову и другим масонам он сумел правильно распорядиться отцовскими миллионами и, умирая в нищете, достойно завершает свой жизненный путь.

Но Г.М. Походяшин и П.А. Татищев — это самые крупные, но далеко не единственные жертвы московских масонов. Наряду с ними Ф.В. Ростопчин называет и другие фамилии: *«двое князей Трубецких, А.Н. Щепотьев, С.И. Плещеев»*. *Сделавшись жертвами*

своего легковерия, они, по его словам, потеряли большое состояние и горько раскаивались впоследствии в сделанных глупостях⁵³.

Но, быть может, Ф.В. Ростопчин несколько сгустил краски? Ничуть. «Походяшин, — показывал на допросе у А.А. Прозоровского (1792) приказчик Н.И. Новикова купец 2-й гильдии Никита Никифоров, сын Кольчугин, — побужден употреблять на все свое имение, яко он находится в числе их братства и теперь живет в Москве. Его члены сей шайки не выпускают почти из виду и обирают сколько возможность позволяет»⁵⁴.

Увлеченности Н.И. Новиковым издательскими проектами много способствовало и то, что уже в 1786 году по негласному распоряжению императрицы московские масоны вынуждены были формально объявить о приостановке своей деятельности⁵⁵. В следующем, 1787, году временное прекращение масонских работ было подтверждено распоряжением берлинских начальников ордена розенкрейцеров. В качестве причины этого ими были выставлены интриги иллюминатов, которые якобы дискредитировали принципы истинного масонства⁵⁶. Однако на практической деятельности московских розенкрейцеров это распоряжение отразилось мало, так как закрылись только обычные ложи. Ложи же высоких степеней по-прежнему как ни в чем не бывало продолжали свои «работы» и после 1787 года. Всего таких тайных розенкрейцерских теоретических лож, продолжавших свои работы, было, согласно данным Г.В. Вернадского, не менее 8⁵⁷. Великим мастером Провинциальной ложи в это время был князь Юрий Владимирович Долгорукий. Он же председательствовал (великий мастер) и в «ложе Теоретического градуса». Обязанности наместного мастера Провинциальной ложи исполнял князь Николай Никитич Трубецкой.

В 1788 году с целью дальнейшей централизации управления была учреждена так называемая Гаупт-Директория, во главе которой встал князь Николай Никитич Трубецкой. В ордене он имел 8-ю степень, которую получил через барона Г. Шредера. Н.И. Трубецкой, в свою очередь, посвятил в нее своего брата Юрия. «Выше сей степени в России нет никого... — докладывал А.А. Прозоровский императрице. — Здесь же (то есть среди конфискованных бумаг. — Б.В.) находится патент, данный князю Николаю Трубецкому на здешнее начальство, который, как он скажет, подписан Вельнером»⁵⁸. «Здесь в Москве, — докладывал А.А. Прозоровский 20 мая 1792 года, — приором князь Николай Трубецкой, который во всей России над ложами имеет начальство, а под ним здесь капитул, а в Петербурге другой, а главный приорат в Брауншвейге»⁵⁹.

Но сам князь, как человек не сведущий в тайных науках, мало подходил для столь ответственной роли. Преемником и помощником ему «братья» определили премьер-майора Алексея Михайловича Кутузова. Но и он тайным наукам был не обучен.

Ликвидировать этот пробел в эзотерическом образовании А.М. Кутузова должна была его командировка в Европу, в которую он отправился в 1787 году. Здесь в штаб-квартире ордена в Берлине он должен был научиться *«делать золото и искать философский камень»*⁶⁰. Эта же цель была поставлена и перед пансионерами ордена М.И. Невзоровым и В.Я. Колокольниковым, которые были отправлены в Берлин в 1788 году учиться там химии с тем, чтобы по возвращении *«быть лаборантами»* при орденских исканиях золота⁶¹. *«В России, — показывал на допросе Н.И. Новиков, — первое основание сему братству положил профессор Шварц, который и был начальником здесь. По смерти его определен был начальником барон Шредер, который и был все время. А кто бы был определен по возвращении Кутузова, если барон действительно отрешен будет, — сие мне было еще неизвестно. Главные здешние братья двое князей Трубецких, Кутузов, я, Гамалея, И.В. Лопухин и Тургенев»*⁶². Себе в этой масонской иерархии Н.И. Новиков отводил скромное четвертое место. Реально же, ввиду фактического руководства главным предприятием московских розенкрейцеров — Типографической компанией, он являлся в нем, несомненно, главной деловой фигурой.

Особое место среди воспитанников ордена занимал Н.М. Карамзин⁶³. Впервые в масонские сети он попал еще во время своей жизни в Симбирске (принят товарищем в ложу «Златого венца»). Летом 1785 года по совету И.П. Тургенева Н.М. Карамзин перебрался в Москву и поселился у масонов в доме Дружеского ученого общества у Меншиковой башни. В мае 1789 года, перед самым отъездом за границу, Н.М. Карамзин фактически порывает свои масонские связи. Не возобновил он их и по возвращении из Европы (сентябрь 1790 года), чем окончательно восстановил против себя весь масонский круг⁶⁴. Дело в том, что во время своего путешествия за границей Н.М. Карамзин имел возможность лично встретиться почти со всеми «столпами» тогдашнего европейского масонства и воочию убедился в несовместимости теории и практики вольного каменшчества с национальными интересами России. Некоторые мысли Карамзина в этой связи нашли свое отражение в его знаменитых «Письмах русского путешественника». Несмотря на очевидные масонские мотивы («Все народное ничто перед человеческим», «Главное дело быть людьми, а не славянами»), основной пафос его произведения все же национально-патриотический⁶⁵.

Характерно, что за несколько лет до смерти Н.И. Новикова Н.М. Карамзин посетил его в Тихвинском. В разговоре Н.И. Новиков поинтересовался у Карамзина, состоял ли тот в ордене. Н.М. Карамзин отвечал утвердительно. Выяснив далее, что Н.М. Карамзин остановился на низших степенях посвящения, Н.И. Новиков заявил: *«Ну тут еще ничего не было важного; в высших степенях сообщались вещи истинно драгоценные»* и тут же

предложил Н.М. Карамзину посвятить его в эти высшие таинства. Однако Н.М. Карамзин дружески пожал ему руку и удалился⁶⁶.

Местом тайных собраний московских розенкрейцеров этого времени становится имение князя Н.Н. Трубецкого Очаково, где был похоронен И.-Г. Шварц. «Тут, — докладывал императрице в 1790 году А.А. Прозоровский, — наделаны разные домики: один для хозяина, другой для упоминаемого Хераскова, третий для Сергея Никитича Трубецкого, четвертый — для зятя ево Гагарина... Новиков живет в деревне в округе Бронницкой; строит, сказывают, превеликие каменные строения. Иногда и к нему ездют под видом посещения. А здесь в виде приятельского собрания съезжаются у Поздеева»⁶⁷.

Помимо уже известных нам Н.И. Новикова, И.-Г. Шварца, к числу наиболее известных фигур в русском розенкрейцерстве XVIII века можно отнести Ивана Владимировича Лопухина (1756—1816)⁶⁸. Его отец был племянником царицы Евдокии Федоровны Лопухиной. Сам И.В. Лопухин известен главным образом как автор «Записок»⁶⁹. Желанием защитить братьев-розенкрейцеров от наветов их противников была вызвана публикация им в 1791 году сочинения «Духовный рыцарь, или Ищущий премудрости»⁷⁰, представляющего собой свод правил, которым должен следовать истинный масон⁷¹.

Гуманные в своей основе взгляды И.В. Лопухина (осуждение им смертной казни) причудливо переплетались у него с приверженностью старине, самодержавным и крепостническим порядкам. Не чужд был Иван Владимирович и чисто человеческих слабостей. Во всяком случае, хорошо знавший его граф Ф.В. Ростопчин характеризовал его как «человека самого безнравственного, пьяницу, преданного разврату и противоестественным порокам, имеющего 60 тысяч рублей дохода и разоряющего целые семейства»⁷². Но, быть может, Ф.В. Ростопчин несправедлив в своем отзыве? Попробуем разобраться. Вот свидетельство другого современника. «Одною рукою раздавал он милостыню направо и налево и не платил налогов своих, облегая участь иных семейств, он разорял других. Он не щадил и приятелей своих по мартинизму. Вдова Тургенева, мать известных Тургеневых, долго не могла выручить довольно значительную сумму, которую тот занял у мужа ее. Нелединский, товарищ И.В. Лопухина, так объяснял эти странности своего приятеля. По мистическому настроению своему И.В. Лопухин воображал себя неким посланцем, призванным на эту грешную землю для уравнивания общественных положений»⁷³.

К этой же масонской когорте принадлежал и Семен Иванович Гамалея (1743—1822). Преподаватель Морского кадетского корпуса, он был известен как неумный организатор масонских лож в России. Ближайший друг и ученик Н.И. Новикова, он являлся принципиальным противником крепостного права, что было редкостью в то время. В братской среде этот «божий чело-

век» пользовался репутацией гуманиста. Однажды его обокрал собственный слуга. Когда же того наконец поймали, изобличили и привели к господину, то тот якобы только изрек: *«Видно, мне не суждено иметь людей; отпускаю тебя и вот деньги, которые ты взял. Ступай с Богом»*. Существует еще одна масонская легенда, согласно которой С.И. Гамалею за его службу хотели наградить тремястами душ крепостных, однако Семен Иванович решительно отказался, сославшись на то, что не знает, как ему управиться и с одной только душой — своей собственной⁷⁴.

Менее известен как масон Иван Петрович Тургенев (1752—1807) — отец Александра и Николая Тургеневых. Питомец Московского университета, он принадлежал к числу лиц, наиболее близких к Н.И. Новикову. Ивану Петровичу принадлежат многие переводы, опубликованные московскими розенкрейцерами, в том числе и «Апология, или Защищение ордена Вольных каменщиков» (М., 1784)⁷⁵.

Видным представителем масонства екатерининского времени был и поэт, автор масонского гимна «Коль славен» Михаил Матвеевич Херасков (1733—1807). Именно он, как куратор Московского университета, предложил Н.И. Новикову взять в аренду университетскую типографию. Профессура И.-Г. Шварца в Московском университете также была обеспечена ему поддержкой М.М. Хераскова. Заслуживают внимания тесные родственные связи М.М. Хераскова с заправилами московского масонства, в частности с князьями Н.Н. и Ю.Н. Трубецкими, которые были его единоутробными братьями (через второй брак его матери)⁷⁶. Своих детей у него не было, воспитанница же его, Анна Евдокимовна, вышла замуж за другого известного масона-мистика Александра Федоровича Лабзина.

В отличие от коллег по ордену, о масонской деятельности выдающегося русского историка и публициста князя Михаила Михайловича Щербатова (1733—1790) известно мало. Из лож, в которые он входил, можно указать на основанную в 1774 году мастерскую «Равенство», собиравшуюся на первых порах в Красном Селе в доме М.М. Щербатова. Среди посетителей ложи был и близкий друг великого князя Павла Петровича Александр Борисович Куракин. Как бы то ни было, но свою печать на его творчество масонское учение, несомненно, наложило. Речь идет о таких известных произведениях М.М. Щербатова, как «О повреждении нравов в России»⁷⁷ и «Путешествии в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина». Произведения эти (следует иметь в виду, что из-за содержащейся в них критики екатерининского царствования они так и не были опубликованы при жизни автора) интересны для нас, в данном случае, отчетливо выраженным масонским кредо просвещенного русского аристократа второй половины XVIII века.

Особенно показательным в этом плане «Путешествие в землю

Офирскую...», в котором читатель без особого труда узнает Россию, а в экскурсах М.М. Щербатова в историю Офира — историю России. Не случаен и выбор названия произведения, так как именно в библейский Офир совершил, согласно масонскому преданию, свое путешествие Хирам — легендарный строитель Соломонова храма. Особого внимания заслуживает описание М.М. Щербатовым религиозных представлений и обрядов жителей Офира в духе т. н. «естественной религии». Характерно, что центральное место в религиозной символике офирицев занимает не крест, а круг или солнце, в то время как собственно христианская символика отсутствует. Такие же, по существу, масонские принципы излагает М.М. Щербатов и при описании государственного устройства Офира, представлявшего собой, как и следовало ожидать от просвещенного масона 2-й половины XVIII века, конституционную монархию с некоей Поместной палатой, объединяющей высшую законодательную и судебную власть.

Несмотря на то что законы в Офире носят по преимуществу характер «моральных императивов», жить в таком идеальном государстве современному человеку было бы нелегко из-за культа государства и повсеместной регламентации буквально всех сторон жизни человека, оправдываемой желанием просвещенной власти искоренить таким образом бедность и нищету: *«Нет (там. — Б.В.) ни богатства, ни убожества», — пишет М.М. Щербатов. Достижение, что и говорить, немалое. Но и плату за него тоже малой не назовешь — это почти полная потеря гражданских свобод, так как в этой «стране Офирской» «все так рассчитано, что каждому положены правила, как ему жить, какое положено носить платье, сколько иметь пространный дом, сколько иметь слуг и слуги, по скольку блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену; дается посуда из казны по чинам: единым жестяная, другим глиняная, а перво-классным — серебряная, и определенное число денег на поправку, а потому каждый должен жить, как ему предписано...»⁷⁸.*

Таков он был, масонский идеал русского аристократа эпохи просвещенного абсолютизма и апогея крепостного права в России второй половины XVIII века.

Говоря об известных масонах екатерининского царствования, нельзя не упомянуть и о А.В. Суворове, хотя, казалось бы, трудно представить себе эту кипучую и такую русскую натуру в масонском фартуке. Посвятили его, судя по всему, еще в 1750-е годы (ложе «Три звезды»). В 1761 году он был посвящен в «шотландские мастера» в ложе «К трем коронам» в Кенигсберге, которая входила, в свою очередь, в розенкрейцеровскую систему во главе с ложей «Трех глобусов» в Берлине⁷⁹.

Несмотря на явное недовольство императрицы, масонство в России переживало в конце 1770-х и первой половине 1780-х

явный расцвет. Масонов в это время, по крайней мере в Москве и Петербурге, можно было встретить чуть ли не везде: в императорском совете, сенате, университете, Академии художеств, Государственном заемном банке, полиции, суде и т. п. По самым скромным подсчетам в сравнительно небольшой исторический период (вторая половина 1760-х — 1780-е годы) в стране функционировало не менее 96 масонских лож⁸⁰. Любопытна динамика внедрения отдельных масонских систем в России в 1770—1780-е годы:

1775 год — 13 лож первого Елагинского союза и 18 Рейхелевых лож

1777 год — 18 лож Елагинско-Рейхелевого союза

1780 год — 14 лож Шведской системы

1783—1786 гг. — 14 (только явных) лож розенкрейцерских

1787—1790 гг. — 22 ложи второго Елагинского союза и не менее 8 розенкрейцерских тайных лож (теоретических собраний)⁸¹.

Согласно донесению князя А.А. Прозоровского Екатерине II, в 1792 году в России было не менее 800 масонов⁸². Те же цифры приводит и его современник, ритор ложи «Трех знамен»⁸³. Общее же число масонов за весь период его существования в России во второй половине XVIII века гораздо больше. *«Принимая в среднем по 35 человек на ложу (цифра, очевидно, скорее низкая, чем высокая), получаем для сотни лож, какую, вероятно, можно было насчитать в годы масонского расцвета (конец 1770-х — начало 1780-х годов) — не менее 2500 человек», — считал Г.В. Вернадский⁸⁴.*

Однако другой исследователь, О.Ф. Соловьев, ссылаясь на данные А.Н. Пыпина⁸⁵, пишет всего о 93 масонских ложах последней трети XVIII века, распределявшихся по десятилетиям следующим образом: 1770-е годы — 54; 1780-е — 35; 1790-е — 4. Г.В. Вернадский, по его мнению, сильно завысил цифры. На самом деле общая численность масонов в XVIII веке вряд ли превышала одну тысячу человек⁸⁶, считает он. Согласно же самым последним данным, общее число их приближается к шести тысячам⁸⁷. А это уже целая армия, учитывая их высокий социальный статус и положение в тогдашнем русском обществе.

Характерный штрих: по свидетельству Рейнбека, Екатерина II очень часто на свой вопрос, где находится тот или иной сенатор или царедворец, получала лаконичный и многозначительный ответ: *«В ложе!»*⁸⁸ Г.Р. Державин в своих записках приводит многозначительный эпизод из практики его председательствования как генерал-прокурора Правительствующего сената. Однажды, пишет Г.Р. Державин, во время заседания поднялся большой шум. *«Сенаторы встали со своих мест и говорили между собою с горячностью, так что едва ли друг друга понимали». Прошел час. Державин несколько раз показывал господам сенаторам на часы, убедительно взывал к ним успокоиться и сесть на свои места, но тщетно. Никто его не слушал. «Тогда сиди на свое место за гене-*

рал-прокурорский стол, ударил по оному молотком (деревянный молоток Петра I, хранившийся в ящике на генерал-прокурорском столе). Сие, — свидетельствует Державин, — как громом поразило сенаторов: побледнели, бросились на свои места, и сделалась чрезвычайная тишина⁸⁹. Причина столь быстрого водворения порядка в сенате лежит на поверхности. Многие, если не большинство из господ сенаторов, как то: граф В.П. Кочубей, П.А. Строганов, А.М. Голицын, граф В.А. Зубов и другие — были масонами, а молоток в руках мастера «есть орудие начальства. Когда звук оного слышат братья, какого бы достоинства и звания в ордене ни были, должны молчать», — гласит масонский артикул Законов шотландской директории андреевских братьев⁹⁰. Да что там говорить. Даже личный секретарь Екатерины II А.В. Храповицкий был масоном и в свое время заседал в елагинской ложе (1776)⁹¹.

Все это едва ли могло понравиться императрице. Однако в центре внимания Екатерины II оказалось не все русское масонство как таковое, что следовало от нее ожидать, а масонство московское. И это не случайно. Вступив по совету И.-Г. Шварца в розенкрейцерский орден, московские масоны, как полагал Я.Л. Барсков, тем самым совершили как бы двойную ошибку: «направили на ложную дорогу (в мистицизм) свою просветительскую работу и запутались в политической интриге». Последняя, собственно, и привела братьев к «неизбежной гибели»⁹².

Примечания

¹ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 151—153.

² Там же. С. 152—153.

³ Ешевский С.В. Московские масоны 80-х годов прошедшего столетия (1780—1789) // Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 3. М., 1870. С. 553.

⁴ Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 507.

⁵ Семенников В.П. Книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова и Типографическая компания. Пг., 1921. С. 17—944.

⁶ Там же. С. 60—72.

⁷ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 241.

⁸ Там же. С. 254.

⁹ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 19—33.

¹⁰ Якушкин В. Николай Иванович Новиков // Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год. М., 1895. С. 166.

¹¹ Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 508—509.

¹² Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 233—236.

¹³ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. 36.

¹⁴ Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т.16. С. 461.

¹⁵ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 228—229.

¹⁶ Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 577.

¹⁷ Там же. С. 558.

- ¹⁸ Там же. С. 577–578.
- ¹⁹ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 18.
- ²⁰ Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 580–581.
- ²¹ Там же. С. 579.
- ²² Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. Отд.2. С. 5.
- ²³ Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 567.
- ²⁴ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 263–264.
- ²⁵ Там же. С. 34–35.
- ²⁶ Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 587.
- ²⁷ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 37.
- ²⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1998. С. 28.
- ²⁹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 123.
- ³⁰ Западов В.А. К истории правительственного преследования Н.И. Новикова // XVIII век. Сборник 11. Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 37–48.
- ³¹ Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 518.
- ³² Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874. № 4. Кн. 1. С. 1040.
- ³³ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 198.
- ³⁴ Наиболее крупной из них вне Москвы было, несомненно, открытие в 1786 году в Ярославле ярославским наместником А.П. Мельгуновым дома призрения (детдом), рассчитанного на 40 человек, для всех сословий, кроме крепостных людей.
- ³⁵ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 214.
- ³⁶ Пыпин А.Н. Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. № 1. С. 183.
- ³⁷ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 144.

- ³⁸ Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 664—666.
- ³⁹ Там же. С. 665.
- ⁴⁰ Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887. № 9. С. 633.
- ⁴¹ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 60—61.
- ⁴² Там же. С. 069.
- ⁴³ Дополнение к допросу Н.И. Новикова 26 апреля 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 65.
- ⁴⁴ Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. 16. С. 443.
- ⁴⁵ Акт уничтожения Типографической компании 1791 года // Новиков Н.И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 588—589.
- ⁴⁶ Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887. № 9. С. 636.
- ⁴⁷ Там же. С. 634.
- ⁴⁸ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 132.
- ⁴⁹ Там же. С. 133.
- ⁵⁰ Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887. № 9. С. 638.
- ⁵¹ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 132.
- ⁵² Гаршин Е.М. Мартинист и филантроп прошлого века // Исторический вестник. 1887. № 9. С. 639.
- ⁵³ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 77.
- ⁵⁴ Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. Отд. 2. С. 19.
- ⁵⁵ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 148—149.
- ⁵⁶ Там же. С. 156.
- ⁵⁷ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 84.
- ⁵⁸ Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типогра-

фической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. Отд.2. С. 82.

⁵⁹ Там же. С. 41.

⁶⁰ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 156—157.

⁶¹ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 204.

⁶² Допрос Н.И. Новикова // Н.И. Новиков и его современники. М., 1961. С. 475.

⁶³ Сахаров В.И. Н.М. Карамзин и «вольные каменщики» // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. Отв. ред. В.И. Сахаров. М., 2000. С. 144—155.

⁶⁴ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. LIX.

⁶⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М., 1980.

⁶⁶ Тихонравов Н.С. Четыре года из жизни Н.М. Карамзина // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. С. 271.

⁶⁷ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 130.

⁶⁸ Пиксанов Н.К. И.В. Лопухин // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 227—255.

⁶⁹ Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990.

⁷⁰ Лопухин И.В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь. М., 1994.

⁷¹ Королев Ю. Духовный рыцарь // История русской провинции. Орел, 1999. № 5. С. 108—115.

⁷² Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 80.

⁷³ Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2000. С. 89—90.

⁷⁴ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 163.

⁷⁵ Тарасов Е.И. Масон И.П. Тургенев // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. № 6. С. 129—175.

⁷⁶ Михаил Матвеевич Херасков // Русский архив. 1873. № 8. 1463.

⁷⁷ «О повреждении нравов в России» князя М.М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» А.И. Радищева. М., 1985.

⁷⁸ Щербатов М.М. Путешествие в землю Офирскую господина

С..., шведского дворянина // Сочинения кн. М.М.Щербатова. Т. 1. СПб., 1896. Стб.859—860.

⁷⁹ Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 14.

⁸⁰ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 19.

⁸¹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 84.

⁸² Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С. 35.

⁸³ Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века // Русский архив. 1874. № 4. Кн.1. С. 1040.

⁸⁴ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 85.

⁸⁵ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 501—522.

⁸⁶ Соловьев О.Ф. Русское масонство в 1730—1917 гг. М., 1993. С. 69.

⁸⁷ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 162.

⁸⁸ Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб., 1907. С. 165.

⁸⁹ Державин Г.Р. Избранная проза. М., 1984. С. 225.

⁹⁰ Острецов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-политические очерки. М., 1998. С. 244.

⁹¹ Сборник Русского императорского общества. СПб., 1868. Т. 2. С. 147.

⁹² Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. LVIII.

МАСОНЫ И ПОЛИТИКА: ДЕЛО Н.И. НОВИКОВА

К началу 1790-х годов обстоятельства складывались так, что все враждебное Екатерине II в России и за границей так или иначе было связано с масонством. Екатерина II, как известно, сама будучи немкой по происхождению, немцев тем не менее недолго любила. Что же касается ее сына и наследника Павла Петровича, то он держался противоположного взгляда и просто-душно восхищался всем немецким или, вернее, прусским. Неудивительно поэтому, что именно на него и ориентировались связанные со своим берлинским начальством братья московского ордена «Злато-розового Креста».

«Когда в руках «больших господ», — писал в этой связи Я.Л. Барсков, — остаются лишь «малые дела», они заполняют досужее время разговорами о том, что не ими делается, как при них бывало и как они поступили бы, если бы их призвали к власти. Таких господ в екатерининской Москве было множество. Их объединяло все: общественное положение, родство, свойство, жизнь не у дел, на покое, в опале». В конце 70-х годов, после Пугачевского восстания, в Москве пошли толки о тайных масонских собраниях с участием знатных вельмож, недовольных правлением Екатерины II. «В следующем десятилетии, — подчеркивает Я.Л. Барсков, — масоны выступили публично, с явным стремлением все захватить в свои руки — управление, суд, школу, печать, благотворительность. Правительство и общество насторожились»¹.

Нельзя сбрасывать со счетов и то немаловажное обстоятельство, что уже по складу своего ума — холодного и рассудительного — Екатерина II терпеть не могла никакого тумана и никакой мистики. И уже только на этом основании русские масоны едва ли могли рассчитывать на ее сочувствие и поддержку. «Не сходит с трона на Восток», — одобительно отмечал в связи с этим своей оде «К Фелице» Гавриил Романович Державин. Более того, выясняется (письмо к графу А.А. Безбородко, 1790), что Екатерина II предполагала даже обнародовать специальный манифест к русскому народу с предостережением его «от прельщения, выдуманного вне наших пределов под названием разного рода масонских лож и с ними соединенных мартинистских иллюминатов и других мистических ересей, точно клонящихся к разрушению христианского православия и всякого благоустроенного правления, а на ме-

сто одного возводящих неустройство под видом несбыточного и в естестве не существующего мнимого равенства»².

Первое полемическое сочинение Екатерины II, направленное против масонов, — «Тайна противонелепого общества», остроумная пародия на масонские ритуалы — вышло в свет еще в 1780 году. В последующем ее недовольство деятельностью «братьев», подогреваемое ярим недругом масонов, фаворитом государыни А.М. Дмитриевым-Мамоновым, вылилось в написанных ею и поставленных в 1786 году трех комедиях, разоблачающих и осмеивающих «вольных каменщиков»: «Обманщик», «Обольщенный» и «Шаман сибирский». Внимательно изучивший эти комедии, как и вообще полемику Екатерины II с масонами, А.И.Семека пришел к выводу, что негодование ее против «братьев» было вызвано главным образом их замкнутостью, мистическим настроением и критическим отношением к тогдашней российской действительности. *«Подозрительным казалось ей и существование у масонов какой-то тайны; добродетель их она считала лицемерием, самих масонов — или обманутыми простаками, или ловкими мошенниками»³.*

Однако эффект от литературной полемики с масонами, как вынуждена была признать впоследствии сама Екатерина II, оказался крайне незначительным и на самих масонов ее критика их деятельности должного впечатления не произвела. *«Перечитав, — писала она, — в печати и в рукописях все скучные нелепости, которыми занимаются масоны, я с отвращением убедилась, что, как ни смейся над людьми, они не становятся от того ни образованнее, ни благоразумнее»⁴.* Стало очевидно, что одной литературной полемики с масонами мало: пора и власть употребить.

Целесообразность этого употребления власти была тем более очевидна, что, несмотря на формальное прекращение своих работ в 1786—1787 гг.⁵, тайная деятельность по крайней мере 6 розенкрейцерских лож «теоретического градуса» по-прежнему продолжалась⁶. Приостановлена была деятельность только так называемых «иоанновских» лож, т.е. лож первых трех степеней. Как ни в чем не бывало продолжалась просветительская и филантропическая деятельность ордена. Вопреки распространенному взгляду, она отнюдь не была так безобидна, как это представляется в трудах наших историков, а преследовала далеко идущие цели повсеместного распространения и внедрения в общественное сознание масонской идеологии. Обстоятельство это несколько не противоречит, как представляется, ни чистоте побуждений некоторых братьев, жертвовавших огромные суммы на общественные нужды, ни положительной оценке этой стороны деятельности московских масонов позднейшими исследователями.

Наиболее серьезной акцией этого рода после прикрытия в середине 1780-х годов Екатериной II масонских училищ⁷ стала

борьба с голодом в 1787 году, о чем уже шла речь. Для нас в данном случае важно подчеркнуть недовольство, которое не могла не вызвать раздача Н.И. Новиковым крепостным крестьянам и дворовым людям хлеба на столь огромные суммы. И дело тут не только в том, что неизвестен был финансовый источник неслыханных в тогдашней помещичьей среде благодеяний Н.И. Новикова⁸. В известной мере эта акция может рассматриваться и как вызов правительству со стороны уже начавшей формироваться так называемой «общественности», которую, собственно, и представляли тогдашние масоны. И дело тут не только в излишней подозрительности Екатерины II. Само русское общество XVIII века, грубое и малообразованное, было еще не готово к тому, чтобы адекватно воспринимать такого рода благотворительные акции, которые всегда традиционно считались в России прерогативой государства.

При сложившихся обстоятельствах знаменитые указы Екатерины II от 23 января 1787 года о запрещении печатать, а 27 июня того же года уже и продавать партикулярным людям книги духовного содержания, напечатанные в светских типографиях, были как нельзя кстати: ведь под них едва ли не полностью попадала и специальная масонская литература. Следующим шагом государыни в этом направлении стало ее запрещение от 15 октября 1788 года Московскому университету продлить договор с Н.И. Новиковым об аренде его типографии, срок аренды которой истек 1 мая 1789 года⁹. Особенно ухудшилось положение масонов после выхода в 1790 году в отставку покровительствовавшего им московского главнокомандующего П.Д. Еропкина. Сменивший его князь А.А. Прозоровский масонов однозначно не любил и слал в Петербург на них доносы.

В начале 1791 года Екатерина II вынуждена была послать в Москву А.А. Безбородко с Н.Л. Архаровым для производства следствия над масонами, если первый из них сочтет это нужным. Но А.А. Безбородко возложенной на него миссии не исполнил и возвратился в Петербург ни с чем¹⁰. Вояж А.А. Безбородко в Москву немало навредил в дальнейшем следствию над масонами. Предупрежденные о том из Петербурга, московские масоны основательно «почистили» свои архивы, и все компрометирующие их бумаги были уничтожены¹¹.

Тем не менее негласный надзор за масонами, который еще в 1790 году велела учинить Екатерина II А.А. Прозоровскому¹², был продолжен. В это же время по приказу Екатерины II были раскрыты ложи генерала П.И. Мелиссино в Санкт-Петербурге¹³ и инициировано дело А.Н. Радищева¹⁴. Несмотря на то что ко времени выхода своей книги «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), содержащей резкое осуждение самодержавно-крепостнических порядков в России, автор ее А.Н. Радищев успел уже основательно подрапорочароваться в масонстве, для проница-

тельной Екатерины II не составило большого труда определить, откуда здесь дует ветер. *«Сочинитель сей наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и защищает все возможное к умалению почтения к властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальства. Он едва ли не мартинист или чего подобное», — заключила она*¹⁵.

*«26 июня (1790 года. — Б.В.), — записал в своем дневнике А.В. Храповицкий, — говорили о книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Тут рассеивание заразы французской, — сказала императрица, — отвращение от начальства; автор — мартинист... открывается подозрение на Радищева». И еще одна запись в дневнике А.В. Храповицкого: «Автор «Путешествия» — бунтовщик хуже Пугачева; в конце хвалит он Франклина»*¹⁶. 24 июня 1790 года А.Н. Радищев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. 24 июля того же года его приговаривают к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Илимский острог в Сибири *«на десятилетнее, — как сказано в именном указе сенату от 4 сентября 1790 года, — безысходное пребывание»*¹⁷, откуда его вызволил только Павел I.

Что касается Н.И. Новикова, то отношение к нему императрицы не всегда было неприязненным. Известно, что в 1773 году Екатерина II приказала даже выдать ему две тысячи рублей на издание «Древней российской вивлиофики», предоставив в то же время возможность воспользоваться некоторыми материалами как из государственного архива, так и из своей личной библиотеки¹⁸. Однако в дальнейшем их отношения дали трещину. Виноваты в этом были, конечно, как обстоятельства, так и сам Н.И. Новиков, явно выходивший в своей полемике с государыней из рамок не только «дозволенного», но и элементарных приличий.

Характерен в этом отношении цикл его коротких рассказов под общим названием «Пословицы русские». Помещены они были в издававшейся Н.И. Новиковым «Городской и деревенской библиотеке» за 1782 год. Каждому рассказу здесь предшествует какая-либо популярная в народе пословица, которая и ставилась в его заглавие. Сам рассказ — это своего рода разъяснение, истолкование пословицы и причин ее бытования в народе. Всего в сборнике помещено 16 рассказов, значительная часть которых: «Близ царя — близ смерти», «Седина в бороду — бес в ребро», «Фортуна велика, да ума мало» и другие — посвящена обличению русского самодержавия. Особенно показательны в этом плане его рассказы (всего их шесть) о Старой и седой развратной женщине, в которой читатель безо всякого труда легко узнавал Екатерину II. *«Была женщина, — читаем мы в первом рассказе, — которую морщины и седые волосы довольно безобразили, но искушением беса ей все казалось, будто она в 18 лет... Ей беспрестанно казалось, будто все молодые мужчины ею пленяют»*

ся». Во втором рассказе старуха, имеющая прекрасную и взрослую дочь, влюбляется в 20-летнего молодчика, с которым за его ласки она расплачивается, истощив запас наличных средств, «опустошая мешки казенные». В третьем рассказе «имея седину в голове, женщина... искушением же беса начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марает любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит»¹⁹. И т. д. и т. п. Даже сейчас, двести с лишним лет спустя, очевиден личный и несправедливый характер этих выпадов Н.И. Новикова против императрицы.

В то же время сводить все дело к личной неприязни государыни к Н.И. Новикову было бы неправильно. Екатерина II была государственным человеком. Поэтому и соображения, которыми она руководствовалась, преследуя Н.И. Новикова, были же, конечно, в первую очередь государственного порядка.

Весомый вклад в усиление подозрительности Екатерины II к московским розенкрейцерам внесла и Великая французская революция 1789 года, подготовку и проведение которой тогдашняя молва в клерикальных и монархических кругах однозначно связывала с происками масонского ордена иллюминатов²⁰. Именно в эти годы слова «фармазон» (масон), «мартинист» и «вольтерьянец» приобретают в России ругательный, уничижительный оттенок. Согласно сведениям Ф.В. Ростопчина, арест Н.И. Новикова был связан с попавшим в правительственные руки письмом баварских иллюминатов к московским розенкрейцерам²¹. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Екатерины II, стало убийство выстрелом в упор 16 марта 1792 года на бале-маскараде в Стокгольме шведского короля Густава III. Убийство сразу же было приписано масонам. Дело в том, что, несмотря на то что королем формально был провозглашен малолетний сын убитого — Густав IV, реальная власть в стране перешла к верховному руководителю шведских масонов Карлу Зюдерманландскому (Сезерманландскому).

Наконец, нельзя не обратить внимание и на сообщения, которые распространялись в это время в Санкт-Петербурге о прибытии якобы в Россию через Митаву с целью убийства Екатерины II некоего французского секретного агента Бассевиля. «Едва ли можно считать случайностью, — писал П.Н. Милюков, — что тот же день, когда в Петербурге полиция искала француза Бассевиля (13 апреля), императрица сделала решительный шаг и подписала указ А.А. Прозоровскому об аресте Н.И. Новикова»²².

К этому времени по приказанию Екатерины II уже были допрошены (февраль 1792 года) и давали подробные показания масоны Василий Колокольников и Максим Невзоров. «Они, — говорил И.В. Лопухин о Невзорове и Колокольникове, — отправлены за границу в следующем намерении, — что когда они выучатся химии, медицине, натуральной истории и прочего, чтобы по

впадении их в розенкрейцеры тем удобнее могли упражняться по методу и системе оного ордена и быть у нас лаборантами»²³. И тот, и другой были масонами низших степеней и явно не принадлежали к так называемому «внутреннему ордену». Интерес к ним императрицы был вызван, очевидно, тем, что оба они были (с 1788 года) пансионерами московских розенкрейцеров и имели неосторожность только что возвратиться из-за границы.

Собственно, за границей к 1792 году находилось трое «братьев»: А.М. Кутузов (он жил в Берлине, где обучался розенкрейцерским премудростям) и уже упомянутые нами В.Я. Колокольников и М.И. Невзоров, которые только что окончили курс в университете города Лейден. Что касается Кутузова, то он не стал искушать судьбу и благоразумно остался в Берлине. В.Я. Колокольников и М.И. Невзоров же были арестованы едва ли не на самой границе (в Риге) и уже в марте 1792 года оказались в келье Невского монастыря в Санкт-Петербурге. Можно предположить, что имевшийся в руках следствия материал на них давал повод заключить, что оба они были отправлены за границу не для практических занятий алхимией и магией, а в целях политических, связанных с вовлечением в орден великого князя Павла Петровича. На самом же деле, как это выяснилось позже, сообщения руководителю ордена прусскому министру Вельнеру о великом князе Павле Петровиче и его близком друге князе Н.В. Репнине делал барон Генрих Шредер. Он же вел и переписку с Н.В. Репниным. Однако императрица, не обладая на тот момент нужной информацией, заподозрила Колокольникова и Невзорова. Только этим и можно объяснить очевидную жестокость, проявленную по отношению к этим молодым людям: *«все метилось на подозрение связей с тою ближайшею к престолу особою, как я упоминал выше (Павел Петрович. — Б.В.); прочее же было, так сказать, подобрано только для распространения завесы», — отмечал И.В. Лопухин²⁴.*

Таков был, можно сказать, лейтмотив начинавшегося дела. В своих записках И.В. Лопухин передает следующий диалог М.И. Невзорова со следователем Степаном Ивановичем Шешковским. *«Невзоров был болен и не мог отвечать. Да и нечего отвечать было, — отмечал И.В. Лопухин, — а Шешковский думал, что он упрямится и таит нечто важное. — Знаешь ли ты, где ты? — говорит ему Шешковский. Невзоров: не знаю. Шешковский: как не знаешь? Ты в Тайной! Невзоров: я не знаю, что такое Тайная. Пожалуй, схватят и Вас, завезут в какой-нибудь стан да скажут, что это Тайная и допрашивать станут... Шешковский: государыня приказала бить тебя четверным поленом, коли не будешь отвечать. Невзоров: не верю, чтоб это приказала государыня, которая написала наказ комиссии о сочинении Уложения». Шешковский бился с ним до утра, после чего вынужден был принести М.И. Невзоро-*

ву собственноручную записку Екатерины II, в которой она приказывала ему отвечать на вопросы С.И. Шешковского²⁵.

В ходе последующих допросов выяснилось, что М.И. Невзоров явно не в себе и говорит не по делу. «Я за товарищей своих Ученого общества отвечаю головою... А в Невском монастыре все иезуиты, и меня душили магнизациею, так как и в крепости все иезуиты, и тут также его мучают составами Калиостро, горючим материалом», — и нес прочий сумасшедший вздор²⁶. Последние ответы М.И. Невзорова на следствии производят беспорное впечатление ответов душевнобольного, констатировал в свое время историк М.В. Довнар-Запольский²⁷.

Сколько-нибудь серьезного материала, позволяющего уличить верхушку московского масонства в антигосударственной деятельности, допросы В. Колокольников и М. Невзорова не дали, да и едва ли могли дать. Однако Екатерину II это не остановило. Розыск по масонскому делу решено было продолжить. 13 апреля 1792 года Екатериной II был дан указ князю А.А. Прозоровскому произвести обыск у Н.И. Новикова в связи с появлением в продаже «Истории об отцах и страдальцах Соловецких, неизвестно где напечатанной», а самого Н.И. Новикова допросить. Уже 14 апреля во исполнение указа был произведен обыск в Гендриковском доме и в книжных лавках и магазинах Н.И. Новикова. 24 апреля 1792 года у себя в Авдотьино был арестован и сам Н.И. Новиков²⁸.

Выяснить, что никакого отношения к изданию «Истории об отцах и страдальцах Соловецких» Семена Денисова Н.И. Новиков не имел, не составляло большого труда²⁹, но сделать это никто в то время почему-то не захотел. Что касается самого Н.И. Новикова, то держали его в Москве в собственном доме «под крепким караулом». Допрашивал его сам А.А. Прозоровский³⁰. Причина ареста Н.И. Новикова лежит, можно сказать, на поверхности. Это, как представляется, руководящее положение Н.И. Новикова в так ненавистном Екатерине II ордено московских розенкрейцеров, хотя с формальной стороны главой ордена являлся, как уже отмечалось, князь Николай Никитич Трубецкой.

После смерти И.-Г. Шварца место его, констатирует риторически «Трех знамен», занял Н.И. Новиков. «И начал управлять так же неограниченно, как и Шварц. В силу превосходства своего ума и точного знания своей нации, он вскоре приобрел себе полнейшее доверие и безусловное подчинение более почтенных братьев ордена. Он обладал в высшей степени искусством употреблять в свою пользу страсти и стремления других»³¹. Прямо надо сказать, Н.И. Новиков интересовал императрицу отнюдь не как незадачливый книгопродавец и издатель, корысти ради нарушивший ее запрет в продаже религиозно-нравственной литературы, напечатанной в синодальной типографии, а как главная деловая фигура масонской «секты» или, как она выражалась, «шайки» в Москве. Непос-

средственно же от Н.И. Новикова императрица желала узнать: «дозволяет ли устав ордена иметь сношения с неприятельскими государствами почти явными? Какой ради причины входили мартинисты в переписку с Вельнером? Зная, что Пруссия во время войны была против России, как общество столь многоумных людей могло осмелиться войти в переписки и пересылки с одним из министров прусских и получать от него наставления и руководство?.. Какое сделано употребление из предписаний, данных Вельнером касательно великого князя?..»³². Сказать на это Н.И. Новикову было нечего.

Что касается А.А.Прозоровского, то он явно тяготился своей новой ролью следователя по политическим преступлениям. «Я признаться должен перед Вашим Величеством, — доносил он 24 апреля 1792 года, — что я один его (Н.И. Новикова. — Б.В.) открыть не могу: надо с ним сидеть по целому дню, а то он шепчет, слово скажет, другого искать будет»³³. Инициатива передачи дела Н.И. Новикова другому лицу исходила, как мы видим, от самого А.А.Прозоровского, и императрице, в интересах следствия, не оставалось ничего другого, как внять просьбе престарелого князя. По ее распоряжению уже 15 мая 1791 года Н.И. Новиков был отправлен в Шлиссельбург, где был помещен в один из казематов крепости³⁴. Дальнейшее следствие по его делу вел обер-секретарь Тайной экспедиции при Первом департаменте Правительствующего сената Степан Иванович Шешковский. Допросу был подвергнут и близкий к Н.И. Новикову врач-масон М.И. Багрянский. Как и М. Невзоров и В. Колокольников, М.И. Багрянский после окончания в 1786 году Московского университета стажировался в чужих краях (1786—1790), получая от Н.И. Новикова по 500 рублей в год³⁵.

Что касается допросов Н.И. Новикова, то вопросы к ним готовила сама Екатерина. Больше всего ее, как выясняется, интересовали связи московских розенкрейцеров с масонами враждебно настроенной в это время по отношению к России Пруссии. В свою очередь, и С. И. Шешковский поставил перед Н.И. Новиковым свои 57 вопросов³⁶. Ответы Н.И. Новикова — настоящий клад для историка московского масонства, хотя и требуют вследствие специфики обстоятельств, в которых они получены, крайне осторожного к себе отношения³⁷.

Характерно, что Екатерина II не захотела пойти по пути дальнейшего раскрытия дела: вызова свидетелей, очных ставок и прочего. Первый допрос Н.И. Новикова у С. И. Шешковского состоялся 3 июня 1792 года. К 14 июля дело было закончено и соответствующий указ, по свидетельству А.В. Храповицкого³⁸, лежал на столе у императрицы. 1 августа 1792 года он был наконец подписан.

Поскольку в нашей литературе утвердилась ошибочная, как мы полагаем, точка зрения, что «Новиков пострадал очень сильно, конечно, не за масонство»³⁹, а за какие-то другие проступки, стоит остановиться на обвинениях, которыми было обставлено его

осуждение. Первым пунктом здесь, как это ни странно, значится именно масонство, которое было обвинено Екатериной II в организации «тайных сборищ» со своими «храмами, престолами и жертвенниками». «Ужасные, — констатирует Екатерина II, — совершались там клятвы с целованием креста и Евангелия, которыми обязывались и обманщики и обманутые вечной верностью и повиновением ордену «Злато-розового Креста» с тем, чтобы никому не открывать тайны ордена». Вторым пунктом обвинения значится подчиненный характер московских масонов «чертогу Брауншвейгскому мимо законной и Богом учрежденной власти». Третьим — «тайные переписки по масонской линии с принцем Гессен-Кассельским и с прусским министром Вельнером». Четвертый пункт обвинения заключается в том, что московские масоны «употребляли разные способы, хотя вообще к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы (то есть Павла Петровича. — Б.В.). В сем уловлении, так и в упомянутой переписке Новиков сам признал себя преступником», — констатирует обвинение. Пятый пункт обвинял масонов в издании «непозволительных, развращенных, противных закону православному книг» и заведении тайной типографии. Шестой и последний пункт содержал обвинения в практике насаждения в ордене непозволительных с православной точки зрения масонских ритуалов и обрядов⁴⁰.

То, что обвинение масонов в «уловлении в свою секту» Павла Петровича было выставлено Екатериной II не первым, а четвертым пунктом, понятно, так как очевидно, что императрица явно не хотела привлекать к нему излишнего внимания. Но вот что интересно: все шесть пунктов прямо направлены исключительно против масонства, представляя собой, по сути дела, суровый обвинительный акт против ордена. Поэтому и заявления ряда исследователей вроде того, что Н.И. Новиков был осужден-де «не за масонство», всерьез принимать, видимо, не стоит. Но подробнее об этом чуть позже. Пока же отметим, что приговор, единолично вынесенный императрицей по делу Н.И. Новикова, был суров и вполне под стать выдвинутому против него обвинению: «Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однако ж, и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость»⁴¹. Печальную участь Николая Ивановича разделили его ученик врач Михаил Багрянский, пользовавшийся его в крепости, и безымянный его крепостной слуга⁴².

Обыски в лавках и магазинах Н.И. Новикова в Москве, а также в его доме в селе Авдотьино позволили обнаружить здесь целые залежи нераспроданных книг прошлых лет — 36 тысяч

экземпляров, напечатанных после 1786 года. Более половины из них — 18 656 экземпляров было сожжено уже в ноябре 1793 года⁴³. *«Князь Александр Александрович, — писала Екатерина А.А. Прозоровскому в Москву 11 февраля 1793 года, — по поданному от Вас представлению повелеваем: 1) хранящиеся в конторе Синодальной забранные в деревне Новикова и в лавках три тысячи запрещенных книг и вновь секретно напечатанных до трех же тысяч предать огню все без изъятия, не внося и к нам экземпляров; 2) равным образом по внимательном разборе и рассмотрении двух иностранных библиотек, находящихся в одном из домов Новикова, вредных в оных все истребить, а из полезных богословские отдать в Законоспасскую академию; прочие же в университет»*⁴⁴. Во исполнение указа Московский университет отобрал для своей библиотеки 5194 книги, Духовная академия — 1964⁴⁵. Остальные были уничтожены, причем помимо ноябрьской 1793 года акции известны еще два случая сожжения книг — 20 апреля и 15 июля 1794 года⁴⁶. Что же касается имущества Н.И. Новикова (дома, книги, аптеки, имения), то оно было пущено на уплату его 700-тысячного долга, точнее 753 537 рублей⁴⁷.

Жестоко заплатились за свою причастность к этой истории и молодые пансионеры ордена М.И. Невзоров и В.Я. Колокольников, которых допрашивали так усердно, что оба они оказались вскоре в психиатрическом отделении Обуховской больницы. В.Я. Колокольников здесь же вскоре и умер. М.И. Невзоров же, признанный как повредившийся умом, задержался здесь на целых шесть лет, пока его не вызволил отсюда в 1798 году *«в рассуждении выздоровления его» Павел I*⁴⁸.

Но «киты» московского масонства отделались, как это ни странно, только легким испугом. Самое любопытное здесь — это то, что приказ о допросе сообщников, как говорится в указе императрицы от 1 августа 1792 года, А.А. Прозоровский получил уже после осуждения Н.И. Новикова. Отсюда можно заключить, что допросы эти были чистой проформой, так как, независимо от характера полученных признаний, но обязательно *«после истинного раскаяния допрашиваемых» И.В. Лопухина, Н.Н. Трубецкого и И.П. Тургенева Прозоровскому предписывалось объявить им о проявлении государыней милости: «из единого человеколюбия осведомляя их от заслуженного ими жестокого наказания, повелеваем им отправиться в отдаленные от столиц деревни их и там иметь пребывание»*⁴⁹. *«В приведенных словах указа, — комментировал его А.И. Незеленов, — поражает нас удивительное несоответствие наказания с возводимой на Трубецкого, Лопухина и Тургенева виной и странная уверенность императрицы, что из их ответов Прозоровский непременно усмотрит истинное их раскаяние»*⁵⁰. Странно в этой истории, однако, совсем другое: не то что допросить, но и арестовать В.И. Баженова, Н.Н. Трубецкого и других масонов следовало, конечно, одновременно с Н.И. Но-

виковым, однако сделано этого не было, что, конечно же, далеко не случайно.

Хотя гнев императрицы, как мы знаем, был направлен не на одного только Н.И. Новикова, а против всех московских масонов, слишком уж ворошить это осиное гнездо Екатерина II почему-то не захотела. Не в последнюю очередь, надо думать, из-за прикосновенности к нему своего сына и наследника Павла Петровича и близких к нему лиц.

После формальных допросов Н.Н. Трубецкой и И.П. Тургенев были высланы в свои деревни: первый — в село Никитовку под Воронежем, второй — в село Тургенево Симбирской губернии⁵¹. И.В. Лопухин же, после ознакомления Екатерины II с его ответами на опросные пункты, и вовсе был оставлен в Москве. Милости этой Иван Владимирович, по его собственному признанию, удостоился благодаря тому впечатлению, которое сумел произвести на императрицу его опус. *«Государыню, — писал он, — тронули мои ответы до слез, как я слышал от Василия Степановича Попова, который читал их перед нею, тоже в слезах»*⁵². *«Государыня! — писал здесь И.В. Лопухин. — Я не злодей. Мать Отечества! Я один из вернейших твоих подданных и сынов его. Мать моя! Я исполнен нежнейшей к тебе любовью. Никогда мысль одна против тебя не обращается в душе моей... Твой верный по гроб подданный И. Лопухин»*⁵³.

Что касается других масонов, то «в подозрении» у императрицы оказался лишь лишенный ее милости близкий к Павлу Петровичу князь Н.В. Репнин. Прочие же: куратор Московского университета М.М. Херасков, О.А. Поздеев, князь Ю.В. Долгорукий, князь А.А. Черкасский, Р.Ф. Степанов, князь К.Н. Енгалычев оказались в этой истории как бы вообще в стороне. *«Я не понимаю конца сего дела... — писал в этой связи князь А.А. Прозоровский С.И. Шешковскому из Москвы, — как ближайшие его (Н.И. Новикова. — Б.В.) сообщники, если он преступник, то и те преступники»*⁵⁴. Что уж тут говорить об историках. Разрос мнений относительно удивительного исхода и подоплеку этого дела необычайно широк.

Невинным страдальцем, несчастной жертвой несправедливого подозрения императрицы выставлял Н.И. Новикова сочувствовавший ему Н.М. Карамзин. Как гражданин, отмечал он в своей записке от 10 декабря 1818 года на имя Александра I, он *«полезною своею деятельностью заслуживал общественную признательность. Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы: он был жертвою подозрения извинительного, но несправедливого»*⁵⁵. Подчеркивая неправомерный характер действий императрицы, либеральная историография (А.Н. Пытин, В.О. Ключевский, А.А. Кизеветтер), как, впрочем, и во многом шедшая в их русле советская историография не хотела в

то же время замечать противоправного характера деятельности самого Николая Ивановича.

Первым, кто нарушил эту традицию, был профессор М.В. Довнар-Запольский. Екатерина II, доказывал он, *«поступала так, как только и мог поступать государь с убеждениями, в которые он веровал, а Новиков подвергся обычной участи общественного и политического деятеля, пошедшего вразрез с курсом правительства без надежд на возможность убедить его в правоте своих идеалов»*⁵⁶. Более того, если исходить не из либеральных представлений XX века, а из духа и нравов того времени, то Екатерина II поступила по отношению к Н.И. Новикову даже относительно мягко, считал он⁵⁷.

Что касается Н.И. Новикова, то строже всего из исследователей подходил к нему В.В. Сиповский. Допрос Н.И. Новикова, по его убеждению, дает *«много подозрений против него: он, очевидно, знает рискованных тайн больше, чем другие масоны. В своих показаниях он многое валит на Шварца, говорит, что подозревал его, что следил за ним раньше других. Он допускает мысль, что он с товарищами может быть обманут»*. В деятельности своей Н.И. Новиков шагнул, по мнению Сиповского, нога в ногу со Шварцем: публикует сочинения не только мистиков, но и сочинения энциклопедистов, покупает и распространяет либеральные сочинения, принимает участие в сношениях с Павлом Петровичем, имеет на руках бумаги, от которых сам приходит в ужас, однако переписывает их и сохраняет. *«Он в своих ответах Шешковскому несколько раз хитрит, запирается, говорит неправду, невольно обличая себя в следующих ответах или будучи обличаем показаниями других масонов»*. Два раза, напоминает В.В. Сиповский, Н.И. Новиков давал подписку, что не будет продавать запрещенных книг, однако тем не менее по-прежнему продолжал продавать их. В руки правительства попала писанная его рукой бумага, в которой запрещалось масонам преследовать иллюминатов. *«Есть, наконец, основание думать, что правительством действительно было перехвачено писаное к нему письмо Вейсгаупта, основателя иллюминатского ордена»*⁵⁸.

На близких к В.В. Сиповскому позициях стоял и Я.Л. Барсков. Независимо от французской революции и книги А.А. Радищева, которого Екатерина II считала мартинистом, арест Н.И. Новикова представлялся ей необходимым, отмечал этот исследователь. *«Интриги немецких розенкрейцеров против России с воцарением Фридриха-Вильгельма II для нее не были тайной, как и старая дружба прусского короля с наследником русского престола. Она знала также, что царевича хотят привлечь московские розенкрейцеры, подчиненные берлинской Директории; круг замыкался сам собою. И государственные, и личные интересы побуждали императрицу искоренить тайные общества»*⁵⁹.

Вступив по совету И.Е. Шварца в орден розенкрейцеров, московские братья, по словам Я.Л. Барскова, сделали большую

ошибку и запутались в политической интриге, затеянной их немецкими начальниками. Несмотря на то что инициаторами интриги были берлинские руководители ордена, московские братья также несут ответственность за нее, так как несомненно были в курсе дела, считал Я.Л. Барсков⁶⁰.

Несмотря на убедительность доводов Я.Л. Барскова, признать их либеральная историография, успевшая к началу XX века уже канонизировать Н.И. Новикова, не могла. В опубликованной в 1915 году большой статье-рецензии на книгу Я.Л. Барскова историк-кадет А.А.Кизеветтер прямо заявил о своем несогласии с ним. Московские розенкрейцеры, включая и Шварца, не были посвящены в политические замыслы берлинских братьев и не питали каких-либо задних мыслей и сокровенных планов, помимо тех религиозно-философских задач, которых они и не думали от кого-либо скрывать⁶¹. Идейная же трагедия московских розенкрейцеров охарактеризована здесь А.А.Кизеветтером как «носящая на себе все черты духовного подвига»⁶². Так приподнимала своих духовных предшественников русская либеральная мысль начала XX века.

Что же касается масонской подоплеки в деле Н.И. Новикова, то ей никогда не придавалось серьезного значения. Далеко не сразу, как мы уже убедились, нащупали исследователи и политическую подкладку случившегося. Тот же М.В. Довнар-Запольский, немало сделавший для установления более здравого взгляда на Н.И. Новикова и его дело, был в то же время уверен, что пострадал он, как мы уже цитировали, «очень сильно, конечно, не за масонство, а за свои политические и общественные идеалы»⁶³.

Такого же, по существу, взгляда на дело Н.И. Новикова держался и А.А. Незеленов. «Весьма вероятно, — отмечал он, — что Н.И. Новиков пострадал за идеи, которые проводил в своих журналах, прежде всего в «Прибавлении к Московским Ведомостям» 1784 года и «Покоящемся трудолюбце». Как раз в эпоху издания их, подчеркивал он, и начались гонения на Н.И. Новикова в форме запрещения ряда его статей⁶⁴. В этом же ключе решал проблему М.Н. Лонгинов. Единственно, в чем можно было обвинить Новикова, считал он, — так это в тайном распространении напечатанных им ранее и теперь запрещенных мистических книг. Все другие преступления, инкриминируемые Н.И. Новикову, были, по его мнению, мнимыми⁶⁵. В просветительской благотворительной деятельности Новикова усматривал основную причину его ареста В. Боголюбов⁶⁶. А А.Н. Пыпин — так тот вообще не находил какой-либо конкретной вины за Н.И. Новиковым и его товарищами-масонами. «Из всех показаний, вообще данных в этом процессе, — указывал А.Н. Пыпин, — нельзя было не видеть, что масоны были совершенными агнцами в политических делах; их ответы исполнены были такой преданности, что нужно было крайнее и до последней степени несправедливое предубеждение против них, чтобы счи-

тать их опасными»⁶⁷. Все дело, по его мнению, в посторонних обстоятельствах и чисто личных впечатлениях императрицы или, проще говоря, произволе и беззаконии ее царствования, невинной жертвой которых якобы и являлся Н.И. Новиков.

В этом же ключе решал проблему и советский исследователь Г.П. Макогоненко. Причиной ареста и осуждения Н.И. Новикова, доказывал он, была его *«активная, неустрашимая, развивающаяся на протяжении двух десятилетий просветительская деятельность»⁶⁸, неутомимая забота о просвещении народа и даже организация им помощи голодающим⁶⁹.*

Однако один, без обширных масонских связей, денег и интеллектуальной поддержки, Н.И. Новиков едва ли бы много сделал. Понимая это, Г.П. Макогоненко высказал интересное предположение, что Н.И. Новиков, собственно, и вступил-то в орден в тайной надежде воспользоваться им в своих просветительских целях (вспомним историю с арендой университетской типографии, спонсорскими деньгами П.А. Татищева, Г.М. Походяшина и пр.). *«Веря, что основание масонской доктрины о братстве людей составляет главную цель ордена, Новиков стремился использовать состоящих в масонских организациях людей для больших общественных дел. Отсюда и привлечение им «братьев» к своей работе, и создание Типографической компании, и мероприятия, связанные с организацией школ, воспитательных домов, бесплатных аптек и т.д.», — подчеркивал исследователь⁷⁰. В таком же панегирическом ключе написаны и работы о Н.И. Новикове С. М. Некрасова — «Апостол добра»⁷¹ и Г.А. Лихоткина — «Оклеветанный Коловион» (орденское имя Н.И. Новикова. — Б.В.).*

Особый интерес для нас представляет последняя. «Клеветником» в ней выставлена, как уже, наверное, догадался читатель, императрица, игравшая во всем этом деле, по убеждению Г.А. Лихоткина, зловещую роль. Отпустить Н.И. Новикова, пишет этот исследователь, *«значило бы навечно признать, что частная инициатива просветителя была полезной. Это значило бы, что заботу о просвещении, о распространении образования, критику «несовершенств» и «неустройств» могло брать на себя само русское общество». На самом деле Екатерина II, по Г.А. Лихоткину, ловко маскировавшая свой деспотизм, явно предпочла путь клеветы на Н.И. Новикова. «Оклеветанный Коловион в темнице был для нее безопасен»⁷².*

В отличие от Г.П. Макогоненко и Г.А. Лихоткина, старавшихся во что бы то ни стало отделить масонство от Н.И. Новикова, современная исследовательница Л.М. Пахомова, отражая, очевидно, уже новые веяния в нашей историографии, напротив, всячески сближает их и старается вписать просветительские начинания Н.И. Новикова в рамки масонской идеологии. В деятельности масонских лож, считает она, Екатерина II увидела некую альтернативу официальным программам в области образования и просвещения. Нельзя, по ее мнению, сбрасывать со

счетов уже определившееся к этому времени и значение масонства как политической силы, способной объединить вокруг себя с позиций нравственного императива наиболее образованную часть общества⁷³.

Истина здесь, как представляется, лежит где-то посередине. Действительно, у истоков практически всех просветительских начинаний Н.И. Новикова 1780-х годов стояли масоны с их деньгами, связями и интеллектуальной поддержкой. Другое дело, что в отличие от И.В. Лопухина, А.М. Кутузова, А.Ф. Лабзина и других мистиков свою задачу как издателя Н.И. Новиков понимал гораздо в более широком плане. Именно этим и объясняются столь успешные результаты возглавляемого им масонского «делания». *«Я стараюсь особенно в том, чтобы книги пускать как можно дешевле и тем заохотить к чтению все сословия», — отмечал Н.И. Новиков*⁷⁴. Обстоятельство это, а также скептическое отношение Н.И. Новикова к увлечению розенкрейцеров мистикой, алхимией и каббалой определили некоторую холодность в отношении к нему со стороны братьев по ордену.

О «недоверчивости» между ним и И.-Г. Шварцем свидетельствовал сам Н.И. Новиков, связывавший ее с тем, что тот якобы подозревал его *«в холодности к масонскому ордену»*. Сам он объяснял свое невнимание к орденским делам *«чрезвычайной занятостью в Типографической компании»*⁷⁵, но мы вправе подозревать и о более серьезных причинах разногласий.

Критическая проверка историографических версий, вот уже на протяжении более чем полутора столетий предлагаемых исследователями для объяснения дела Н.И. Новикова, а также знакомство с первоисточниками показывают, что ближе всех к его загадке подошли дореволюционные исследователи М.В. Довнар-Запольский, Я.Л. Барсков и Г.В. Вернадский. Двум первым из них удалось показать, что никакими невинными овечками, в чем пытался уверить читателей А.Н. Пыпин, московские розенкрейцеры никогда не были, как не был невинной жертвой самодержавия и сам Н.И. Новиков. Таинственные документы, фигурировавшие в его деле, отмечал в этой связи М.В. Довнар-Запольский, до нас не дошли, но из показаний самого Н.И. Новикова *«ясно, что сношения с великим князем выражались не в одной только пересылке книг и, очевидно, имели какую-то политическую подкладку»*⁷⁶. Этой «подкладкой» были, как установил Г.В. Вернадский, тайные сношения московских розенкрейцеров с их великим начальством и наследником Павлом Петровичем. Московских масонов, подчеркивал Г.В. Вернадский, погубили *«сношения с царевичем и его берлинскими друзьями»*⁷⁷.

Известно, что Екатерина II и ее сын не ладили друг с другом. Причин тому было много, в том числе и чисто человеческо-личная. Несходными были и политические устремления мате-

ри и сына. В отличие от Екатерины II, воспитанной на идеях французского Просвещения, воспитание Павла Петровича происходило в другой обстановке и совершенно иным духе. С детства он был окружен масонами и воспитывался ими в соответствующем духе. Что побудило Екатерину II поручить воспитание сына масону Никите Панину — об этом можно только догадываться. Важнее другое: добрых чувств по отношению к матери и ее царствованию своему воспитаннику он так и не внушил.

Навязчивым стремлением русской аристократической группировки, начиная с 1760-х годов, было введение в России конституционного правления. Уже сразу же после воцарения Екатерины II в 1762 году Н.И. Панин попытался навязать ей разработанный в узком масонском кругу свой конституционный проект (конституция Н.И. Панина), который, однако, государыня решительно отклонила. Неудача не обескуражила Н.И. Панина и его единомышленников. Взоры их обратились теперь к сыну императрицы наследнику Павлу Петровичу, в лице которого они видели будущего законного, в отличие от узурпировавшей трон Екатерины II, монарха, управляющего вверенным ему царством на основе *«непреложных государственных законов»*. *«Вельможная группировка, — пишет О.Ф. Соловьев, — не собиралась складывать оружия, делая ставку на приход к власти по достижении совершеннолетия в 1772 году цесаревича Павла Петровича»*. Идеологическим и организационным средством, способствовавшим реализации этой цели, аристократическая группировка *«считала масонские ложи, которым придавалось возрастающее значение как во внутривнутриполитическом, так и в международном плане, учитывая связи с организациями ордена в других странах»*⁷⁸. Крайне важно в этих условиях было как можно прочнее привязать Павла Петровича к ордену, в связи с чем встает вопрос о масонстве самого наследника. Посвящение его И.П. Елагиным произошло скорее всего летом 1777 года и, во всяком случае, не позднее 1779 года. Как полагал Е.С. Шумигорский, известие это может считаться наиболее правдоподобным⁷⁹.

Косвенным доказательством принадлежности Павла Петровича к братству вольных каменщиков могут служить его масонские портреты со всеми орденскими регалиями на фоне статуи богини Астреи. Два из них находятся в Москве и один в Стокгольме. Не исключено, впрочем, что, как полагают некоторые исследователи, портреты эти могли быть написаны уже после смерти Павла Петровича по заказу самих масонов и, следовательно, в таком случае никакой доказательности не имеют⁸⁰.

Осенью 1781 года Павел Петрович отправился за границу. Сопровождали его масоны А.Б. Куракин и С. И. Плещеев. Сохранилось предание, что именно в эту поездку могло состояться еще одно масонское посвящение Павла Петровича. Случилось это якобы в Вене в 1782 году⁸¹. Как бы то ни было, должность

великого провинциального мастера — первая по своему значению, учрежденная для России на Вильгельмсбадском конгрессе 1782 года, так и осталась вакантной. Полагают, что сделано это было специально, ибо должность эту берегли для Павла Петровича.

Конечно, прямых доказательств тесной связи Н.И. Новикова с вельможной оппозицией, кроме того, что руководители ее Н.И. и П.И. Панины (после их смерти ее возглавили братья Воронцовы) были в то же время и высокопоставленными масонами, в деле Н.И. Новикова нет. Но это еще не значит, что связи этой и не было. Особый интерес в этой связи представляет новый конституционный проект уже известного нам графа Никиты Ивановича Панина и его секретаря, известного драматурга Д.И. Фонвизина 1774 года. Сам проект до нас не дошел, известно только введение к нему — политическое завещание Н.И. Панина⁸². О содержании его мы можем судить только по сведениям, сообщаемым в сочинении потомка Д.И. Фонвизина — известного декабриста М.А. Фонвизина «Обозрение проявления политической жизни в России», более известное, как его «Записка»⁸³. Из записки этой следует, что речь здесь действительно шла об ограничении самодержавия выборным дворянским сенатом. Время работы над проектом М.А. Фонвизин относил к 1773—1774 годам. По другим сведениям, он был составлен немного раньше — в 1772 году, когда, согласно рассказам отца М.А. Фонвизина, братья Панины якобы планировали государственный переворот с целью низложения Екатерины II и возведения на престол Павла Петровича⁸⁴. До самого заговора дело, впрочем, не дошло. Не был, судя по всему, представлен Павлу Петровичу из опасений нева со стороны императрицы и сам конституционный проект.

После того как 31 марта 1783 года Никита Панин умер, его сочинение вместе с другими бумагами оказалось у его брата Петра Ивановича. И тот и другой, как уже отмечалось, принадлежали к числу вождей тогдашнего русского масонства. Петр Иванович продолжил дело брата, сочинив в 1784 году в своем деле Дугино дополнение к «Рассуждению» Никиты Ивановича — так называемое «Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина»⁸⁵. Кроме того, П.И. Панин составил два проекта Манифеста по случаю ожидавшегося масонами восшествия Павла Петровича на престол и письмо с объяснением причин, побудивших его на составление этих бумаг. Начинается оно (само письмо датировано 10 октября 1784 года, село Дугино) так: *«Державнейший император Павел Петрович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемилостивейший! Вам Императорскому Величеству сведомо, что покойный мой отец...»* и т.д.⁸⁶

Обращение П.И. Панина к Павлу Петровичу как к императору (и это при жизни Екатерины II!), интриги, которые плели

вольные каменщики вокруг наследника, — какие еще нужны доказательства того, что отнюдь не одна только издательская и общественная активность масонов была причиной гонений на них?

Судя по всему, Петр Иванович был гораздо более решителен, чем его брат. Однако и он не решился передать составленные им бумаги Павлу Петровичу. Ознакомиться с ними тот смог только в 1789 году, уже после смерти П.И. Панина. Тем не менее, буквально за два дня до своей кончины Петр Иванович все же рассказал о нем Павлу Петровичу, горячо убеждая его в необходимости преобразования государственного строя России на конституционных началах. И, к удивлению своему, нашел в его лице заинтересованного слушателя⁸⁷. На этом, впрочем, все и закончилось. А ведь могло быть и иначе, узнай об этой масонской интриге императрица. Впрочем, полной уверенности, что Екатерина II так ничего и не узнала, у нас нет. Во всяком случае, такой авторитетный исследователь, как Н.С. Тихонравов, был уверен, что Екатерина II все знала и подлинной причиной ареста Н.И. Новикова как раз и был *«конституционный акт, представленный великому князю Павлу Петровичу Паниным, одним из друзей и покровителей мартинистов»*⁸⁸.

Существовал ли в действительности «масонский заговор» 1772—1774 гг., мы не знаем. Известный исследователь О.Ф. Соловьев считает, что да⁸⁹. К этому же склонялся и Н.Я. Эйдельман. Екатерина II, по его мнению, своевременно узнала о заговоре и умело сорвала его, не подав и вида. Павел Петрович же во всем сознался и был прощен⁹⁰.

Важную роль в деле Н.И. Новикова сыграло уже упоминавшееся нами и попавшее в руки Екатерины II письмо герцога Карла Гессен-Кассельского к И.-Г. Шварцу от 1782 года. Из него, между прочим, следовало, что, говоря словами Екатерины II, *«князь Куракин употреблен был инструментом к приведению великого князя в братство»*⁹¹. В напечатанном в 1784 году типографией И.В. Лопухина *«Магазине свободнокаменническом»* (т. I, ч. I) помещена, в частности, масонская песня со следующим многозначительным обращением к Павлу Петровичу: *«С тобой да воцарятся блаженство, правда, мир! Без страха да явятся пред троном нищ и сир. Украшенный венцом, ты будешь всем отцом»*⁹².

Безусловно, прав был поэтому историк С. П. Мельгунов, который отмечал, что Павел I *«более, чем кто-либо из царей, был связан невидимыми нитями с масонством»*⁹³. Очевидно, что существование в 80-е годы в России «прусской партии» в лице Павла Петровича и московских розенкрейцеров, пытавшейся играть роль внутренней консервативной оппозиции к Екатерине II, не должно вызывать больших сомнений.

В 1786 году, когда умер прусский король Фридрих II и преемником его стал Фридрих-Вильгельм II, берлинские розенкрейцеры, или, вернее, их заправила (Бишофсвердер, Теден II

Вельнер) фактически оказались у власти. Начался период так называемой «реакции» в Пруссии и гонений на просвещение. О том же мечтали, судя по всему, и московские розенкрейцеры. Разница была лишь в том, что немецкие братья уже вошли во власть, русские же их единомышленники еще только готовились к этому. *«Это не значит, — писал Я.Л. Барсков, — что было полное сходство в мистике и политике тех и других. Есть основания думать, что в политике у русских братьев было больше искренности и бескорыстия, нежели у прусских. Общим же было то, что в Москве и Берлине мистика тесно сплелась с политикой»*⁹⁴.

Как раз к этому времени (1785) относится поездка главы московских розенкрейцеров Генриха Шредера в Берлин за инструкциями. Однако когда Г. Шредер вернулся в 1786 году в Москву, о вовлечении в орден Павла Петровича нечего было и думать: в то время, как Г. Шредер отсутствовал, Екатерина II нанесла ряд ощутимых ударов по розенкрейцерам. Резко ухудшились из-за финансовых (но не только) недоразумений и отношения Г. Шредера с «головкой» московского масонства: Н.И. Новиковым и Н.Н. Трубецким. Это побудило берлинское руководство отозвать Г. Шредера из России. Вместе с ним для «дальнейшего успеха в орденской науке и получения новых степеней» отправился весной 1787 года в Берлин и Алексей Кутузов⁹⁵.

Как полагал Я.Л. Барсков, поездка Г.Шредера в Берлин в 1785 году была посвящена вопросу «о цесаревиче»⁹⁶. В каком плане хотели использовать берлинские начальники ордена Павла Петровича, хорошо раскрывает дневник Г.Шредера, который он вел во время этой поездки⁹⁷. *«Лифляндию следует присоединить к Пруссии», «сделано было много замечаний о присоединении (к Пруссии, разумеется. — Б.В.) Крыма», — читаем мы здесь о его беседах с руководителем ордена Бишофсвердером. Нет сомнения, что московских розенкрейцеров берлинские начальники ордена рассматривали исключительно как инструмент, с помощью которого предполагалось включить Россию в сферу прусской политики. Отсюда и особый интерес берлинских братьев к Павлу Петровичу как будущему императору Российской империи. «Великий князь был бы, наверное, очень хорош в хороших руках», — цинично констатировал другой берлинский руководитель ордена Вельнер. Дотянуться до Павла Петровича из Берлина можно было только через Москву, используя тайные масонские каналы. И такая негласная связь Берлина с наследником была вскоре действительно установлена. Речь идет о поездках архитектора Василия Баженова к наследнику престола Павлу Петровичу с тайными поручениями от московских розенкрейцеров. Сам В.И. Баженов был ревностным масоном⁹⁸ (московская ложа «Девкалион», куда, кроме него, входили еще такие известные деятели русского масонства XVIII века, как Г.М. Походяшин, И.П. Тургенев и др. — всего 12 человек⁹⁹). Полагают даже,*

что созданный им дворцовый ансамбль в Царицыне представлял собой не что иное, как воплощенную в камне масонскую идею¹⁰⁰.

Первая поездка В.И. Баженова в Петербург состоялась зимой 1784/85 г., причем пользовавшийся доверием наследника архитектор якобы сказал Н.И. Новикову: *«Ведь эта особа ко мне давно милостива, и я у нее буду. А ведь эта особа и тебя изволит знать. Так не пошлете ли каких книжечек?»* После совета с С. И. Гамалеем и бароном Г. Шредером, а также князьями Н.Н. и Ю.Н. Трубецкими решено было послать Павлу Петровичу *«Избранную библиотеку для христианского чтения»* (М., 1784) и *«О истинном христианстве»* Иоганна Арндта (М., 1784)¹⁰¹.

В.И. Баженов исполнил поручение. Павел Петрович, по его словам, книги принял. Что же касается состоявшейся беседы, то ее В.И. Баженов предпочел изложить на бумаге, и бумага эта почему-то страшно напугала С. И. Гамалею и Н.И. Новикова. Страх их был так велик, что они якобы даже хотели сжечь отчет В.И. Баженова, но почему-то не сделали этого, а познакомили с ним князей Трубецких, барона Г. Шредера и ряд других избранных братьев. Подлинник же его Н.И. Новиков оставил у себя. Самое любопытное в этой истории, что «экстракт» из отчета В.И. Баженова о своих беседах с наследником российского престола был отдан барону Г.Шредеру и отвезен им в том же 1785 году в Берлин для ознакомления с ним берлинских начальников ордена¹⁰². Это был уже явный «криминал» в деятельности братьев, явная прикосновенность их к большой политике.

О чем шла речь во время беседы Василия Баженова с Павлом Петровичем, мы не знаем. Предполагают, однако, что скорее всего масоны предлагали Павлу Петровичу вступить в их орден. Впервые эту идею, по свидетельству князя Н.Н. Трубецкого, выдвинул в свое время И.-Г. Шварц. Это же подтверждает и письмо Н.И. Новикова А.А. Ржевскому от 14 февраля 1783 года¹⁰³. В 1786-м — начале 1787 г. розенкрейцеры сделали еще одну попытку завлечь великого князя в свой орден. По их согласному решению В.И. Баженов отвез Павлу Петровичу еще две масонские книги: *«Таинство креста»* на немецком языке и *«Краткое извлечение лучших изречений»* Фомы Кемпийского (М., 1787). И на этот раз Павел Петрович был весьма милостив с Василием Баженовым и подарок принял. Содержание состоявшейся беседы наследника с В.И. Баженовым, так же как и после его первой поездки в Петербург, было изложено им в специальной записке-отчете для братьев. *«Бог с вами, только живите смиренно», — якобы закончил цесаревич разговор*¹⁰⁴. *Пересылалось ли на этот раз содержание этого отчета в Берлин, мы не знаем.*

Третья поездка В.И. Баженова к великому князю пришлось уже на зиму 1791/92 г. На этот раз встревоженный подозрениями Екатерины II Павел Петрович встретил В.И. Баженова не очень ласково. *«Я тебя люблю, — заявил он, — и принимаю как*

художника, а не как мартиниста. Об оных же и слышать не хочу. И ты рта не разевай мне об них говорить»¹⁰⁵.

Характерно, что в центре этой масонской интриги стоял именно Н.И. Новиков. Именно ему было предложено В.И. Баженовым послать наследнику масонские книги. Возвратившись в Москву с докладной запиской о встрече с Павлом Петровичем, В.И. Баженов опять-таки приносит ее не кому-нибудь, а именно Н.И. Новикову. Новиков же собственноручно делает и экстракт из докладной записки для берлинских братьев. Конечно, Н.И. Новиков не забывал при этом и советоваться с избранными братьями, но то, что главная роль во всей этой истории принадлежала именно ему, — не подлежит сомнению. А между тем наши историки все еще спорят: почему из масонов больше всех пострадал именно Н.И. Новиков? «Новиков, — писала Екатерина II, как бы отвечая на недоуменные вопросы историков, — сочтен умным и опасным человеком»¹⁰⁶.

Поскольку в центре масонской интриги оказался ее сын, императрица потребовала объяснений и у него, предъявив ему обнаруженную в ходе обыска у московских масонов записку В.И. Баженова. Павел Петрович все отрицал. «Вы, Ваше Величество, — отвечал он матери по-французски, — вероятно, заранее сказали себе то же самое, что приходило мне в голову, когда я читал документ, который Вам угодно было мне доверить... Только сумасшедший или дурак, я так полагаю, способен впутать меня во всю эту историю без явно клеветнических, лакейских намерений»¹⁰⁷. Г.А. Лихоткин попытался было поставить под сомнение, что Екатерина II показала сыну именно записку В.И. Баженова, предполагая, что это вполне мог быть и другой документ — донос протоиерея Архангельского собора в Москве П.Алексеева, однако убедительных доводов в пользу своей точки зрения не привел¹⁰⁸.

Конечно же, никакой клеветы на Павла Петровича записка не содержала. Будь это так, став после смерти Екатерины II императором, Павел I наверняка сгноил бы В.И. Баженова или другого предполагаемого автора записки П.Алексеева в тюрьме, но ничего этого, как мы знаем, не произошло. Что касается Екатерины II, то очевидно, что у нее не было намерения раскрывать и дальше эту историю, так как она явно выводила следствие из Павла Петровича и его ближайшее окружение. Следствие по «масонскому следу» было остановлено императрицей едва ли не на самом интересном месте.

Принципиально важен для понимания сути дела Н.И. Новикова характер предъявленных к нему (указ А.А.Прозоровскому от 1 мая 1792 года) предварительных обвинений. «1. Новиков осмелился печатать и торговать такими книгами, коих по указу нашему не только продавать, но и печатать запрещено. 2. Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг... не из человеколюбия, а для собственной корысти. Уловляя

пронырством своим и ложною как бы набожностью слабодушных людей, корыстовались граблением их имений, в чем он неоспоримыми доказательствами обличен быть может»¹⁰⁹. Но самое важное в этом указе — так это первоначальное намерение императрицы предать Н.И. Новикова «законному суждению, избрав надежных вам людей; по окончании же во всех судах того следствия и заключении должны они представить вам их ревизию. Вы же препроводите на решение в Сенат»¹¹⁰.

Вывод, который из этого следует, может быть только один. Арестовали Н.И. Новикова, конечно же, не за «политику». Политика в его деятельности обнаружилась уже потом, в ходе допросов. Это-то и побудило государыню отказаться от своего первоначального намерения судить Н.И. Новикова законным порядком. Несомненно, политическая составляющая дела Н.И. Новикова сильно усугубила его вину. Но не менее, а быть может, и более важным преступлением московских масонов в глазах императрицы была все же их практическая и прежде всего издательская деятельность. Екатерина II могла терпеть, и долго терпела, самих масонов с их чудачествами вроде клятв, посвящений, алхимии, каббалы и прочего. Но никакого практического масонского «дела» она терпеть не хотела. Главной же деловой фигурой в ордене розенкрейцеров в это время был, как мы уже знаем, Н.И. Новиков. Правда, с формальной точки зрения сам орден уже как бы и не существовал. Основательно придушена попечением императрицы была и его издательская деятельность. Но книготорговая деятельность Н.И. Новикова, в том числе и запрещенными изданиями, по-прежнему продолжалась. Печатались, хотя и в более ограниченных масштабах, и новые книги. Иными словами, «враг» в лице московских розенкрейцеров был хотя и основательно потрепан, но все еще не сломлен. Окончательно добить его — в этом, собственно, и заключалась главная цель ареста Н.И. Новикова. Именно «добить», ибо, будь это по-другому, Екатерина II, конечно же, не ограничилась бы одним Н.И. Новиковым. Но в том-то и дело, что в том состоянии, в котором находился орден к 1792 году, никакой серьезной угрозы правительству он уже не представлял. Опасность, да и то гипотетическая, в смысле восстановления прежней издательской деятельности розенкрейцерского кружка, могла исходить только от Н.И. Новикова.

Конечно, радоваться в связи с арестом Н.И. Новикова и закрытием масонских лож у адептов ордена причин не было. Однако и приписывать им причастность к смерти императрицы, последовавшей 6 ноября 1796 года, оснований у нас все же нет. Хотя некий Юрий Трубин в своей популярной книжке «Листая страшные страницы» всерьез пишет, что государыня будто бы «была отравлена, получив нечто вроде булавочного укола, предположительно с ядом кураре»¹¹¹. Причиной же случившегося Ю. Трубин

выставляет ненависть к Екатерине II как русских (в связи с запретом лож), так и французских (в связи с готовившейся экспедицией А.В. Суворова во Францию) масонов. «Вместе с толпой политических эмигрантов, сбежавших в 1789—1790 годах из революционной Франции, в Россию вползла мощная масонская агентура», — отмечает он¹¹².

На самом деле, даже чисто теоретически (о документальном подтверждении этой странной версии не может быть и речи), русские масоны были явно неспособны на что-либо подобное: ведь с арестом Н.И. Новикова фактически прекратилась и деятельность московских розенкрейцеров, хотя тайные масонские связи и отношения, конечно же, по-прежнему сохранялись. Но и они в условиях фактического запрета масонства после 1792 года стали давать ощутимые сбои. Характерный пример — трагическая судьба посланца московских розенкрейцеров в Берлине Алексея Михайловича Кутузова, отправленного в свое время в Берлин своими московскими начальниками с целью познания «масонской науки». С одной стороны, это спасло А.М. Кутузова от печальной участи его младших коллег В.Я. Колокольникова и М.И. Невзорова. С другой — сразу же лишило его финансовой поддержки со стороны московских братьев. После 1792 года ни один из них не захотел помочь умиравшему в Берлине с голоду «брату».

«Скажите мне, любезный друже, — писал 9 сентября 1797 года А.М. Кутузов своему приятелю И.П. Тургеневу, — что сделалось с нашими общими друзьями, и чем имел я несчастье заслужить такое от них нерадение. Сколько мне ни болезненно мое неспасное положение, но признаюсь, что и они в глазах моих не менее жалости достойны. Всякому со стороны смотрящему человеку покажется, что я умышленно принесен в жертву, хотя, впрочем, и не знаю, что они лишением моей чести и, конечно, моим разорением могут приобрести. Противу моей воли отправлен я ими — довольно, кажется, доказательств моя к ним дружбы и повиновения. Засие ли в награду теперь ими совершенно я оставлен до того, что и самая моя крайняя нищета их не трогает». «Я в такой крайности, — сообщал А.М. Кутузов в своем другом письме на имя некоего Вегетуса (февраль 1797 года), — что иногда бываю без пищи. Все уже продано или в закладе; остались одни только книги, до которых — ибо суть собственность всего нашего общества, не коснулся и в самой моей крайности»¹¹³.

Лишь тот, кто всем существом своим стремится к истине, способен предпочесть нужду и голод альтернативе выгодной продажи ценнейших книг из масонской библиотеки. Трагическая судьба А.М. Кутузова, отмечал Я.Л. Барсков, «тяжелый камень на совести московских братьев «Злато-розового Креста»; редко расходятся между собой «слово» и «дело» до такой степени, как разошлись они на этот раз. Забыт был братьями не только розен-

*крейцер, но умный и добрый человек с золотым сердцем»*¹¹⁴. 27 ноября 1797 года всеми позабытый Алексей Михайлович скоропостижно скончался в Берлине от горячки.

Что касается российских «братьев», то смерть его осталась незамеченной ими. Сами братья в это время, можно сказать, торжествовали, радуясь увидеть на троне в связи со смертью Екатерины II своего «масонского царя». И действительно, едва вступив на престол, Павел I уже 7 ноября 1796 года приказал немедленно освободить Н.И. Новикова из крепости¹¹⁵, разрешил находившимся в опале князю Н.Н. Трубецкому и И.П. Тургеневу вернуться в Москву, причем последний был даже пожалован должностью директора Московского университета. Не забыл Павел Петрович и о М.И. Невзорове. 16 апреля 1798 года последовал императорский указ *«содержащегося в здешнем сумасшедшем доме студента Невзорова в рассуждении выздоровления его отпустить в Москву к сенатору Лопухину с тем, чтобы он за него и поведение его отвечал»*¹¹⁶. Кроме того, Павел I демонстративно приблизил к себе многих видных масонов: князя Н.В. Репнина, князя А.Б. Куракина, князя Г.П. Гагарина и других. 12 ноября 1796 года князь Н.Н. Трубецкой был пожалован в сенаторы, а в ноябре того же года другой видный деятель московского масонства М.М. Херасков — в тайные советники.

В 1797 году, приехав для коронации в Москву, Павел I приказал объявить великому мастеру московской ложи «Трех мечей» профессору Маттеи, чтобы он позаботился о созыве в назначенный день собрания всех главных московских масонов. Приказание это было исполнено. Явившийся на него император обратился к собравшимся с речью, причем не как государь, а как «брат». Смысл этой речи состоял в том, не признают ли они за лучшее, учитывая опыт трагических событий во Франции, прекратить на время свои собрания. На это масоны отвечали, что не видят в этом необходимости, и только провинциальный великий мастер рижской ложи барон Унгерн-Штернберг якобы поддержал государя. Павел I остался очень доволен его выступлением и, обращаясь к профессору Маттеи и другим масонам, заявил: не собирайтесь более до моего особого повеления¹¹⁷.

Освобожденный по приказу Павла I Н.И. Новиков сразу же уехал в свою деревню. *«Он прибыл к нам, — вспоминал впоследствии С.И. Гамалея, — 19 ноября поутру, дряхл, стар, согбен, в разодранном тулупе»*¹¹⁸. Павел I же, желая до конца излить на него свое великодушие, распорядился в начале декабря 1796 года срочно вызвать Н.И. Новикова в Петербург. 5 декабря Н.И. Новиков был уже в столице, где сразу же был принят императором. Поскольку Н.И. Новиков к этому времени, можно сказать, был разорен, Павел I, желая успокоить его, якобы сказал: *«Я даю тебе мою руку и слово, что и копейка твоя не пропадет — дай только время и верь моему слову»*. Времени императору, как мы знаем, не хватило, и

«надежды моего родителя, — с горечью была вынуждена констатировать в связи с этим дочь Н.И. Новикова Вера Николаевна, — остались неисполненными»¹¹⁹.

Хорошо знавший Н.И. Новикова архитектор Витберг рассказывал впоследствии, что Павел I якобы просил у Николая Ивановича прощения за поступок своей матери и даже встал перед ним на колени¹²⁰. Верится, впрочем, с трудом. Более вероятен слух о том, что Н.И. Новикову была предложена должность директора Московского университета¹²¹. Назначение, однако, не состоялось, и Н.И. Новиков опять возвратился в свое Авдотьино. В 1805 году он попытался было опять вернуться к своей просветительской деятельности, о чем свидетельствует его намерение взять в аренду типографию Московского университета за 11 тысяч рублей в год¹²². Сделка эта, однако, так и не состоялась.

С этого времени и вплоть до своей кончины 31 июля 1818 года Н.И. Новиков почти безвыездно прожил в своем имении, всецело погрузившись в хозяйственные дела. Но убеждений своих он не оставил. Более того, наряду с И.А. Поздеевым, он играл роль духовного лидера тогдашнего русского масонства. Вместе со своим другом С.И. Гамалеем Н.И. Новиков работал над составлением из масонских сочинений «Библиотеки высокохвальных свободных каменщиков», или «Библиотеки герметической», которую он намеревался впоследствии опубликовать. Под старость Николай Иванович сильно ударился в религию и всерьез уверял своих слушателей, что *«все науки сходятся в религии»*, причем *религиозность его, как справедливо заметил Г.В. Вернадский, была насквозь пропитана масонскими и розенкрейцерскими взглядами и привычками»¹²³.*

Любопытным штрихом к биографии Н.И. Новикова может служить его поведение в грозном 1812 году, когда этот старый масон не нашел ничего лучшего, как выкупать у своих крестьян захваченных ими в плен французских солдат и офицеров, платя им по рублю за человека. Все спасенные им таким образом солдаты наполеоновской армии после кратковременного излечения в имении Н.И. Новикова были переданы затем уже после прекращения военных действий полицейским властям¹²⁴. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что в отличие от большинства своих братьев по масонскому ордену Н.И. Новиков в глубине души всегда оставался патриотом своей страны и людей, *«ненавидящих свое Отечество» (а таких в братской среде было немало), называл не иначе, как «кошунами»¹²⁵.*

О том, как далеко заходили эти «кошуны», видно из уже цитировавшегося нами «дневника розенкрейцера» 1780-х годов (Г. Шредера), полного презрения к России и к русским. А между тем Г. Шредер был далеко не рядовой и вполне ревностный и добропорядочный в глазах братьев масон. Любопытна в связи с

этим реакция Н.И. Новикова на предъявленное ему в 1792 году обвинение в напечатании Типографической компанией в 1788 году переводной книжки врача и философа Циммермана «Народная гордость» (2-е издание ее, или, вернее, второй перевод под названием «Образ народного любочестия» был напечатан в Санкт-Петербурге в 1793 году), содержащей в духе отрицательной философии XVIII века резкую критику такого понятия, как патриотизм и любовь к Родине. Сочинение Циммермана (кстати, одного из ученых заграничных корреспондентов Екатерины II) своим скептическим отношением к разбираемым им в своей книге проявлениям национальной гордости у различных народов, несомненно, сильно уязвило самолюбие многих тогдашних россиян. Книга его, отмечал А.Н. Пыпин, *«могла показаться резкой по тогдашним, да и по нынешним русским понятиям»*¹²⁶. *А что же Н.И. Новиков? Книгу, заявил он, я не читал «и когда мне из сей мерзкой книги места показали, то по прочтении я ужаснулся, что такая книга у нас напечатана»*¹²⁷.

Умер Николай Иванович, как уже отмечалось, 31 июля 1818 года в четвертом часу утра «от удара» на 74-м году жизни, проболел перед этим 28 дней. Похоронен он был в местной церкви во имя Тихвинской Божьей матери напротив алтаря близ клироса¹²⁸.

Отделить Н.И. Новикова — мистика и масона от Н.И. Новикова — просветителя трудно, да, очевидно, и не нужно. Гораздо важнее здесь другое. Объективное содержание деятельности Н.И. Новикова и его кружка намного переросло первоначально отведенные им сравнительно узкие масонские рамки и немало способствовало росту общественного самосознания и пробуждению умственных интересов русских людей. В этом, собственно, и состоит историческое значение его деятельности.

Примечания

- ¹ Барсков Я.Л. Предисловие // В кн.: Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. LI—LII.
- ² Екатерина Великая о масонах // Русский архив. 1908. № 6. С. 178.
- ³ Семёка А. Русские розенкрейцеры и сочинения императрицы Екатерины II против масонов // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. № 2. С. 396.
- ⁴ Массонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Пг., 1915. С. 136.
- ⁵ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т.2. СПб., 1868. С. 148—149, 156.
- ⁶ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 84.
- ⁷ Там же. С. 210.
- ⁸ Материалы для истории русского общества XVIII века. Несколько данных о Н.И. Новикове // Ешевский С.В. Сочинения. Ч. 3. М., 1870. С. 414.
- ⁹ Храповицкий А.В. Дневник. СПб., 1874. С. 173.
- ¹⁰ Материалы для истории русского просвещения и литературы в конце XVIII века. Новые подробности для биографий Новикова и Шварца. Сообщ. М.Н. Лонгинова // Русский вестник. 1858. Т. 16. С. 457.
- ¹¹ Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т.5. М., 1863. Отд.2. С. 44—45.
- ¹² Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 126.
- ¹³ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 304.
- ¹⁴ Якушкин В.Е. Суд над русским писателем в XVIII веке // Русская старина. 1882. № 9. С. 457—532.
- ¹⁵ Разбор сочинения А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», написанный императрицей Екатериною Великою // Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1872. С. 407.

- ¹⁶ Храповицкий А.В. Дневник. СПб., 1874. С. 338.
- ¹⁷ Якушкин В.Е. Суд над русским писателем в XVIII веке // Русская старина. 1882. № 9. С. 504.
- ¹⁸ Некрасов С.М. Апостол добра. Повествование о Н.И. Новикове. М., 1994. С. 59.
- ¹⁹ Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 466—467.
- ²⁰ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 409.
- ²¹ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 96—97.
- ²² Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. М., 1995. С. 413.
- ²³ Опросные пункты статскому советнику Ивану Лопухину. Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. С. 73.
- ²⁴ Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990. С. 51.
- ²⁵ Там же. С. 63.
- ²⁶ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 142—143.
- ²⁷ Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 126.
- ²⁸ Допрос Н.И. Новикова в Москве 25 апреля 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 65—67.
- ²⁹ Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII — начала XIX в. Введение в изучение. СПб., 1996. С. 101—104.
- ³⁰ Допрос Н.И. Новикова в Москве 25 апреля 1792 года // Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 65—67.
- ³¹ Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII в. Перевела Ольга Балашова // Русский архив. М., 1874. Кн. 1. С. 1039.
- ³² Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 132—133.
- ³³ Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. Отд. 2. С. 17.
- ³⁴ Там же. С. 38—48.

- ³⁵ Показания доктора Багрянского // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 130—133.
- ³⁶ Допросные пункты С. И. Шешковского к Н.И. Новикову. Новые документы по делу Новикова, Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 112—117.
- ³⁷ Ответы Н.И. Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге в июне 1792 года // Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 72—112.
- ³⁸ Храповицкий А.В. Дневник. СПб., 1874. С. 404.
- ³⁹ Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 119.
- ⁴⁰ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 114.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Незеленов А.А. Новиков в Шлиссельбургской крепости (по новым документам) // Исторический вестник. 1882. № 12. С. 497.
- ⁴³ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 124—125.
- ⁴⁴ Новые сведения о Н.И. Новикове и членах компании Типографической. Сообщ. Д.И. Иловайский // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. М., 1863. Отд. 2. С. 93—94.
- ⁴⁵ Там же. С. 10.
- ⁴⁶ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 125.
- ⁴⁷ Там же. С. 132.
- ⁴⁸ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 144—145.
- ⁴⁹ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 114.
- ⁵⁰ Незеленов А.А. Новиков в Шлиссельбургской крепости (по новым документам) // Исторический вестник. 1882. № 12. С. 487.
- ⁵¹ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. XLVI.
- ⁵² Лопухин И.В. Записки сенатора И.В. Лопухина. М., 1990. С. 61—62.
- ⁵³ Там же. С. 57—58.
- ⁵⁴ Переписка князя Прозоровского с Шешковским в 1792 году // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 106.
- ⁵⁵ Материалы для истории русского общества XVIII века. Несколько замечаний о Н.И. Новикове // Ешевский С. В. Сочинения. Ч. 3. М., 1870. С. 415.

- ⁵⁶ Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 128.
- ⁵⁷ Там же. С. 135.
- ⁵⁸ Сиповский В.В. Новиков, Шварц и московское масонство // Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. С. 13—15.
- ⁵⁹ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. XXXVII.
- ⁶⁰ Там же. С. LVIII.
- ⁶¹ Кизеветтер А.А. Московские розенкрейцеры XVIII столетия // Русская мысль. Кн. 10. М.; Пг., 1915. С. 123.
- ⁶² Там же. С. 124.
- ⁶³ Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 119, 128.
- ⁶⁴ Незеленов А.А. Николай Иванович Новиков, издатель журналов. 1769—1785 гг. СПб., 1875. С. 432.
- ⁶⁵ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 329.
- ⁶⁶ Боголюбов В. Н.И. Новиков и его время. М., 1916. С. 457.
- ⁶⁷ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 322.
- ⁶⁸ Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.; Л., 1952. С. 521.
- ⁶⁹ Там же. С. 519, 522.
- ⁷⁰ Там же. С. 514.
- ⁷¹ Некрасов С. Апостол добра. Повествование о Н.И. Новикове. М., 1994.
- ⁷² Лихоткин Г.А. Оклеветанный Коловион. Л., 1972. С. 40.
- ⁷³ Пахомова Л.М. Российское масонство XVIII века как феномен общественно-политической и философской жизни России. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Пермь, 1998. С. 14.
- ⁷⁴ Письма Н.И. Новикова. СПб., 1994. С. 283.
- ⁷⁵ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 85.
- ⁷⁶ Довнар-Запольский М.В. Правительственные гонения на масонов // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 132.
- ⁷⁷ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 240.

- ⁷⁸ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 42.
- ⁷⁹ Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С. П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 142.
- ⁸⁰ Соколовская Т.О. Два портрета императора Павла I с масонскими эмблемами // Русская старина. 1908. Октябрь. С. 81—95.
- ⁸¹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование императрицы Екатерины II. Пг., 1917. С. 229.
- ⁸² Найденое в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина «Рассуждение о непреложных государственных законах» // Шумигорский Е.С. Император Павел I. Его жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 4—13.
- ⁸³ Семевский В.И., Богучарский В., Щеголев П.Е. Общественное движение в России в первую половину XIX века. Т. 1. СПб., 1905. С. 97—202.
- ⁸⁴ Шумигорский Е.С. Император Павел I. Его жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 53.
- ⁸⁵ Там же. С. 13—20.
- ⁸⁶ Там же. С. 2.
- ⁸⁷ Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина — Д.И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974. С. 261—280.
- ⁸⁸ Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М., 1898. С. 273.
- ⁸⁹ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 44.
- ⁹⁰ Эйдельман Н.Я. Твой XVIII век. М., 1986. С. 107—111.
- ⁹¹ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 134.
- ⁹² Там же. С. 194.
- ⁹³ Мельгунов С. П. Один из русских розенкрейцеров // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 80.
- ⁹⁴ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Бартов. Пг., 1915. С. XXXVII.
- ⁹⁵ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 088, 0109.
- ⁹⁶ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Бартов. Пг., 1915. С. XXVI—XXVII.
- ⁹⁷ Дневник неизвестного розенкрейцера на немецком языке // Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 77—91.
- ⁹⁸ Янчук Н.А. Знаменитый зодчий В.И. Баженов и его отношение масонству // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. № 12. С. 167—238.

- ⁹⁹ Серков А.И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 952.
- ¹⁰⁰ Новиков В.И. Масонские усадьбы // Масонство и масоны. Вып. 3. Отв. ред. С. П. Карпачев. М., 1998. С. 46.
- ¹⁰¹ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 76.
- ¹⁰² Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 118—119.
- ¹⁰³ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. 245.
- ¹⁰⁴ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 120.
- ¹⁰⁵ Там же.
- ¹⁰⁶ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 217.
- ¹⁰⁷ Лихоткин Г.А. Оклеветанный Коловион. Л., 1972. С. 34—35.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 35-36.
- ¹⁰⁹ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 671.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Трубин Ю. Листая страшные страницы. М., 2000. С. 84.
- ¹¹² Там же. С. 83.
- ¹¹³ Переписка московских масонов XVIII века. Подготовил Я.Л. Барсков. Пг., 1915. С. XLVIII.
- ¹¹⁴ Там же. С. XLVIII—XLIX.
- ¹¹⁵ Новые документы по делу Н.И. Новикова. Сообщ. А.Н. Поповым // Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб., 1868. С. 144.
- ¹¹⁶ Там же. С. 144—145.
- ¹¹⁷ Сборник, издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета. Вып. 1. СПб., 1857. С. 323.
- ¹¹⁸ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 12.
- ¹¹⁹ Выписка из письма дочери Н.И. Новикова Веры Николаевны к Н.И. Тургеневу // Летописи русской литературы и древности. Т. 4. М., 1862. С. 80.
- ¹²⁰ Незеленов А.А. Новиков в Шлиссельбургской крепости (по новым документам) // Исторический вестник. 1882. № 12. С. 500.
- ¹²¹ Пекарский П.П. Дополнения к истории масонства в России XVIII столетия. СПб., 1869. С. 221.

- ¹²² Лонгинов М.Н. Новиков и Шварц. Материалы для истории русской литературы в конце XVIII века // Русский вестник. 1857. Т. 11. С. 580.
- ¹²³ Вернадский Г.В. Н.И. Новиков. Пг., 1918. С. 138.
- ¹²⁴ Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. Ч. 1. М., 1898. С. 162.
- ¹²⁵ Незеленов А.А. Николай Иванович Новиков, издатель журналов. 1769—1785 гг. СПб., 1875. С. 199.
- ¹²⁶ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 312.
- ¹²⁷ Лонгинов М.Н. Н.И. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 110.
- ¹²⁸ Лонгинов М. Посещение села Авдотьино-Тихвинского, принадлежавшего Н.И. Новикову // Русский вестник. 1858. Т. XVIII. С. 180—181.

МАСОНЫ И ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 11 МАРТА 1801 ГОДА. ВОЗРОЖДЕНИЕ МАСОНСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА I (1801—1810)

Царствование Павла I, как бы к нему ни относиться, несомненно, гораздо ближе к Александровскому времени, чем к царствованию Екатерины II. История русского масонства 1796—1801 гг. только подтверждает справедливость этого положения. Какого-либо официального рескрипта о запрещении масонства в России в связи с делом Н.И. Новикова не последовало. Большая часть лож (шведские, розенкрейцеры), за исключением елагинских, к которым у Екатерины II было особое отношение, еще задолго до ареста Н.И. Новикова были вынуждены заявить о прекращении или приостановке своих работ. С прекращением в 1793 году по воле императрицы деятельности елагинских лож легальное масонство в России, можно сказать, исчезло¹. Однако фактически же, согласно данным автора анонимной записки о русском масонстве (1817), составленной в Особенной канцелярии министерства полиции, масонские собрания в Петербурге прекратились только в 1794 году. В Москве же они продолжались еще дольше — вплоть до 1797 года. По другим сведениям, собрания масонских лож в Петербурге также продолжались не до 1794-го, а до 1797 года².

Ожидалось, как уже отмечалось, что император разрешит возобновить прерванные ранее масонские работы. Однако этого так и не произошло. Причина, очевидно, в том, что среди ближайшего окружения Павла наряду с ревностными масонами (Н.В. Репнин, А.Б. Куракин, Г.П. Гагарин) оказалось немало и противников их: А.А. Аракчеев, И.П. Кутайсов, Ф.В. Ростопчин. Последний, в частности, воспользовался своей близостью к императору и сообщил ему об одном масонском ужине начала 90-х гг., когда братья-масоны якобы бросали жребий, кому убить императрицу Екатерину II³. Разговор этот неприятно поразил впечатлительного Павла I. Но, по большому счету, дело здесь было все же не столько в посторонних влияниях на Павла I, сколько в его принципиальной позиции. При всей несомненной симпатии к масонам, учение их устроить Павла Петровича как самодержавного государя едва ли могло как противное «началам абсолютной его власти» и излюбленному им полицейскому характеру государственной жизни, — считал Е.С. Шумигорский⁴. Хорошо знакомый с масонским учением, Павел I, по его словам, еще будучи наследником, возненавидел в их деятельно-

сти «проявление общественной силы, независимой от верховного правительства»⁵. Трудно не согласиться с этим мнением.

В 1798 году Павел I принимает титул магистра католического полумасонского ордена Мальтийских рыцарей⁶. «Масоны не могут считать своим суверенный Мальтийский орден. Ведь это религиозный орден католической церкви», — пишет современный исследователь В.Л. Захаров⁷. Думается все же, что более прав здесь А.Н. Пыпин. «Мальтийские рыцари», — отмечал он, — не масоны, но орден их во многом схож с духовным предшественником масонов — католическим орденом тамплиеров⁸. В западной историографии со ссылкой на официальные документы ватиканских архивов утвердилось мнение, что в обмен на признание его со стороны Ватикана Великим магистром ордена Святого Иоанна Павел I будто бы обещал переменить веру, то есть перейти в католичество или, во всяком случае, содействовать объединению католической и православной церкви под властью папы римского. «Я католик сердцем», — якобы признавался Павел I в одной из конфиденциальных бесед в Петербурге в ноябре 1800 года с иезуитом патером Грубером⁹.

Наши историки относятся к этой версии скептически, справедливо полагая, что речь может идти всего лишь о тонкой политической игре Павла I, связанной с его желанием добиться официального признания со стороны папы римского великим магистром Мальтийского ордена. «Вместе с тем, — добавляет к этому современный исследователь Петр Перминов, — вполне очевидно, что в этой политической игре Павел I был готов дойти до опасной черты»¹⁰. Если мы припомним, сколь двусмысленным было отношение к православию сына Павла I — Александра Павловича, то вынуждены будем согласиться, что ничего удивительного в этом нет.

Новое увлечение императора, несомненно, отдалило его от русских масонов. Об официальном разрешении на открытие их работ в этих условиях нечего было и думать. Надежды братьев на приход в лице Павла I своего масонского царя рушились как картонный домик. Более того, мы имеем ряд иностранных свидетельств (все они относятся к 1797 году) о запрещении Павлом I масонских лож в России¹¹. Современный исследователь Всеволод Сахаров также однозначно придерживается этого мнения, хотя и называет другую дату запрета масонских лож Павлом I — 1799 год. Однако и он связывает этот запрет с увлечением Павла I орденом Мальтийских рыцарей¹². Можно предположить, что обстоятельство это основательно осложнило отношения Павла I с масонами. Отсюда попытки ряда авторов связать убийство императора 11 марта 1801 года с масонским заговором против него.

Заговор против Павла I созрел в масонских кругах, в масонском подполье, отмечает в связи с этим современный исследователь Олег Платонов¹³. Действительно, среди участников заговора

было немало членов масонских лож: И. Вяземский, В. Мансуров, П. Кутузов, П. Толстой, Б. Голицын, Н. Бороздин, Я. Скарятин, братья Платон и Валериан Зубовы. Масоном (ложа «Искренность» в Москве, 1786) был и полковник А.Л. Беннигсен, возглавивший группу офицеров (братья Зубовы, князь Яшвил, Татаринов, Скарятин и др.), которая, собственно, и умертвила Павла Петровича. Видную роль среди заговорщиков играл военный губернатор Санкт-Петербурга — Петр-Людвиг (Петр Алексеевич) Пален. Но П.-Л. Пален был всего лишь, если можно так сказать, больше техническим руководителем заговора. Вдохновителем же его была масонская аристократическая группировка во главе с бывшим российским послом в Англии Семеном Романовичем Воронцовым (член петербургской ложи «Скромность»). К числу вдохновителей и организаторов заговора можно отнести и графа Н.П. Панина, стоявшего во главе Коллегии иностранных дел¹⁴.

Однако однозначно толковать события 11 марта 1801 года как исключительно масонский заговор¹⁵ рискованно. Недовольство крутым нравом Павла I выражали в это время не только масоны, но и большая часть тогдашней правящей российской элиты. Да и политика сближения с Францией, которую проводил незадолго до своей смерти Павел I, явно шла вразрез с устремлениями русского дворянства, ориентированного (прежде всего экономически) на дружбу с Англией. Однако и доводы в пользу существования масонского заговора тоже весьма весомы. *«Длительное участие в успешном заговоре против Павла I, — пишет В. Сахаров, — таких видных масонов, как Н.В. Репнин, А.М. Белосельский-Белозерский, Д.П. Трошинский, Н.П. Панин, С.Р. Воронцов и многих рядовых «братьев» из числа офицеров гвардии (тогда не ясно, что объединяло таких разных людей, как И. де Рибас, П. Талызин, П. Пален, Л. Беннигсен и П. Зубов и придворных (тогда началась головокружительная карьера родственника Репнина П.М. Волконского, будущего министра, фельдмаршала и светлейшего князя), показало, что масоны до конца использовали свое право на месть, не примирились с поражением и потерей влияния, готовы были расправиться с нарушившим клятву и обещания «тираном» Павлом I «мстящей рукой»¹⁶.*

В свое время (1915), полемизируя с защитниками версии масонского заговора против Павла I из-за прикосновенности последнего к масонству: нарушил клятву на верность ордену, за что и был якобы приговорен ими к смерти¹⁷, известный историк Е.С. Шумигорский справедливо отмечал, что истина здесь, по всей видимости, *«заключается разве в том, что среди недовольных правлением Павла были лица, принадлежавшие ранее к масонским ложам»*, но, добавлял он, *«вслед за Н.М. Карамзиным, мы спросим: «Кто же в России оплакивал смерть императора Павла?»¹⁸ Учитывая это, О.А. Платонов счел необходимым несколько подкоррек-*

тировать свою позицию. Повторив, что заговор против Павла созревал в масонских кругах, он, вместе с тем, ясно дает понять, что далек от того, чтобы сводить все дело только к масонам и их проискам. «Мы, конечно, — пишет он, — не сводим убийство Павла I только к заговору масонов. Существовали и другие движущие силы, в частности, английский посол, группа недовольных при дворе. Однако масонское подполье сыграло определяющую роль в этом преступлении. Оно обеспечило организаторов и кадровый состав заговорщиков»¹⁹.

Как бы то ни было, масоны в заговоре участвовали, хотя им самим опасаться за свою жизнь из-за принадлежности к ложам в царствование Павла I было нечего. Убедительное свидетельство этому — негласное открытие 15 января 1800 года, то есть еще при жизни Павла Петровича, в Петербурге старым масоном Екатерининского времени Александром Федоровичем Лабзиным первой в наступившем столетии русской масонской ложи — «Умиравший сфинкс»²⁰. «Ложя сия, — доносил 22 июня 1822 года Александру I Е.А. Кушелев, — называемая «Умиравший сфинкс», была на Васильевском острове, в разные наемные дома перемещаемая, собиралась раз в месяц, иногда чаще, иногда реже»²¹. Первыми членами ложи стали старые масоны А.А. Вахрушев, Г.Г. Беляев, С.Д. Микулин, П.И. Русановский, И.А. Петров²².

С началом царствования Александра I оживились и «уснувшие» было во времена Екатерины II ложи и других масонских «систем». Сохранившееся предание утверждает, что в 1803 году состоялась конфиденциальная встреча Александра I с Великим префектом капитула «Феникса» И.-В. Бебером, в ходе которой император обещал негласное содействие возрождению масонских лож в России. Скорее, то есть еще в этом же году, якобы произошло и посвящение Александра I в братство, причем свершилась эта церемония едва ли не на собрании всех масонов Петербурга²³. Есть указания и на посвящение Александра I в одной из польских лож. Не исключено также, что император мог быть посвящен в орден в Эрфурте, в 1812 году в Петербурге и в 1818 году в Париже (вместе с Фридрихом-Вильгельмом III)²⁴. Царь действительно мог посещать все эти ложи и даже принимать посвящения, однако самое первое из них состоялось скорее всего все же в 1803 году. Уж очень благоволил впоследствии император к ложам именно «шведской системы». Простой случайностью явное предпочтение, отдаваемое им шведскому масонству, не объяснишь. Не следует, впрочем, думать, что император был посвящен в обычной масонской ложе, в присутствии всех братьев. Церемония его посвящения происходила, по всей видимости, по особому обряду и скорее всего в Зимнем дворце. Характерно, что в этой же ложе были посвящены и ближайшие друзья императора обер-прокурор Святейшего синода А.Н. Голицын и сенатор Г.Г. Кулешов²⁵.

Это сейчас историки спорят: был Александр I масоном или нет. В его царствование это было само собой разумеющимся, что приводило иногда к весьма курьезным случаям. Один из них связан с посещением Александром I в 1818 году ложи «Трех добродетелей» в Санкт-Петербурге. Наместный мастер ложи Александр Николаевич Муравьев рассказывал потом, что во время завязавшегося между ним и императором оживленного разговора он имел неосторожность допустить непростительный промах: обратился к императору по масонскому обычаю как к брату на «ты», что произвело на последнего крайне неблагоприятное впечатление²⁶. Другими словами, принадлежность к ордену в глазах императора еще не давала повода для «братских отношений» между ним и масонами, которые в его глазах по-прежнему оставались только подданными. Это, однако, не могло уберечь Александра I от плотной опеки со стороны «братьев». Так, из четырех членов Интимного кружка, с помощью которого он управлял на первых порах империей, по крайней мере трое: Адам Чарторыйский, Виктор Кочубей и Николай Новосильцев были масонами. Опасаться каких-либо преследований со стороны правительства в этих условиях масонам было нечего. Они сами и были, по сути дела, правительством.

Мы уже упоминали о ложе «Умиравший сфинкс» (1801) во главе с А.Ф. Лабзиным. Это была розенкрейцерская ложа. Можно поэтому констатировать, что первыми оправились от удара, нанесенного по масонству Екатериной II, именно розенкрейцеры. Показателен и состав ложи А.Ф. Лабзина, куда входили на первых порах исключительно старые масоны новиковского круга: А.А. Вахрушев, П.Г. Беляев, С.Д. Микулин, П.И. Русановский. Среди других: священник А.А. Сперанский, архитектор А.Н. Воронихин, знаменитые художники В.Л. Боровиковский, Д.Г. Левицкий, С.А. Венецианов, скульптор Н.М. Козловский, а также ряд менее известных представителей «изящных искусств»: Кирилл Андреевич Лохвицкий, Иван Петрович Чернов, П.П. Чекалевский. Привлекательность для них именно ложи «Умиравшего сфинкса» во многом объясняется должностным положением А.Ф. Лабзина в это время — конференц-секретарь, а с 1818 года и вице-президент Академии художеств²⁷.

В 1808 году А.Ф. Лабзин привлек в свою ложу знаменитого А.Л. Витберга, автора первого, так называемого «масонского» проекта храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Дело в том, что, будучи масоном, А.Л. Витберг задумал его как систему трех храмов. Первый или нижний из них имел форму гроба или параллелепипеда и как бы пропадал в горе — масонском символе дикого необработанного камня. Здесь должны были, по замыслу архитектора, найти свое успокоение останки героев Отечественной войны 1812 года. Над этим храмом-гробом возвышался равноконечный православный греческий крест, лежащий

в основе плана второго храма, храма распростертых рук — символа жизни, труда и человеческих страданий. Венчал же все сооружение третий, последний храм — храм Духа, в виде ротонды, увенчанный огромным куполом. В плане этого храма лежал масонский круг, символ вечности и покоя. Каких-либо наружных изваяний, призванных украсить храм, не предусматривалось²⁸. Проект был с восторгом принят Александром I²⁹. К сожалению, не будучи архитектором-профессионалом, А.Л. Витберг имел неосторожность лично возглавить строительство заложенного в 1818 году храма. В 1828 году работы по его сооружению были прекращены, а сам А.Л. Витберг был обвинен в злоупотреблениях и после долгого разбирательства сослан в 1835 году в Вятку. В результате, хотя храм и был в конце концов построен (в 1883 году), но уже совсем в другом месте (на берегу Москвы-реки) и по другому проекту (архитектора К.А. Тона).

Основываясь на том, что крупнейшие портретисты начала XIX века Ф.С. Рокотов, В.Л. Боровиковский, Д.Г. Левицкий были членами масонских лож, а также исходя из распространенного масонского обычая дарить друг другу свои портреты, которым придавалось мистическое значение, некоторые авторы приходят к выводу, что масонство якобы дало серьезный стимул развитию одной из сфер портретной живописи, а именно интимному мужскому портрету³⁰.

9 марта 1809 года из ложи А.Ф. Лабзина выделилась так называемая Теоретическая ложа для изыскания «премудрости Соломоновой». Работала она по актам теоретической степени розенкрейцеров XVIII века. История розенкрейцеров начала царствования Александра I была бы неполной, если бы мы не упомянули о их тесной связи с религиозно-мистическим обществом графа Тадеуша Лещица-Грабянки «Народ Божий» (1806), известного еще и как «Новый Израиль». Само общество было учреждено еще в 1778 году в Берлине, затем в Авиньоне. Цель его состояла в том, чтобы возвещать народам по повелению Божию второе и близкое пришествие Иисуса Христа, причем посредником в сношении с небом граф Грабянка, естественно, объявил самого себя³¹. Как и у розенкрейцеров, в ложе графа Грабянки увлекались теософией, алхимией и магией. Это-то видимо и привлекло сюда розенкрейцеров. Среди адептов ложи: князь А.Н. Голицын, Г.М. Походяшин, Д.П. Рунич, А.Ф. Лабзин, А.А. Ленивцев, П.И. Донауров, Ф.П. Лубяновский. Собиралась ложа в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге в покоях цесаревича Константина Павловича или же в доме вдовы масона С.И. Плещеева. Среди посетителей были и женщины, в том числе и М.А. Нарышкина. В 1807 году граф Грабянка был арестован и посажен в крепость. Общество прекратило свое существование³².

В 1806 году А.Ф. Лабзин попытался было наладить издательскую деятельность розенкрейцеров, затеяв издание «Сионского

вестника». Однако уже в том же году его журнал был закрыт правительством. 10 лет спустя, в 1817 году, А.Ф. Лабзин опять возобновил свое издание, и опять оно вызвало энергичные протесты со стороны православного духовенства. Уже в который раз А.Ф. Лабзину воочию пришлось убедиться, как нелегко приживаются масонские идеи в нашем Отечестве. В 1818 году «Сионский вестник» окончательно прекратил свое существование.

Деятельность А.Ф. Лабзина ограничивалась главным образом Петербургом. Не меньшей активностью отличалась в этом отношении и Москва, где еще в 1803 году была открыта розенкрейцерская ложа. Называлась она «Нептун», возглавил ее куратор Московского университета сенатор Павел Иванович Голенищев-Кутузов. Это был старый моряк — бывший флигель-адъютант адмирала Самуила Грейга и бывший член кронштадтской ложи «Нептун» (1779). Как и члены ложи А.Ф. Лабзина в Санкт-Петербурге, московские «новые» розенкрейцеры тоже работали тайне и тоже по актам XVIII века. Характерной особенностью их являлся, пожалуй, только в большей степени, нежели это было характерно для ложи Лабзина, религиозно-мистический фанатизм. Настольными книгами П.И. Голенищева-Кутузова и его «братьев» были сочинения Якова Беме, Ф.А. Парацельса и других мистиков³³.

Среди первых членов «Нептуна» — П.А. Болотов, профессор М.Я. Мудров и другие. В 1809 году, по примеру Санкт-Петербурга, в Москве также были открыты работы розенкрейцерской ложи Теоретического градуса. Называлась она «К мертвой голове». Среди членов ее: И.А. Поздеев, А.Х. Чеботарев, Р.С. Степанов, И.В. Лопухин, Ф.П. Ключарев, братья Н.Н. и Ю.Н. Трубецкие, адмирал Н.С. Мордвинов — всего до 20 человек³⁴.

Русские розенкрейцеры начала XIX века не представляли собой в идейном отношении единого целого и колебались между двумя идеологами масонства того времени: Н.И. Новиковым, представлявшим, по сути дела, левое крыло движения, и И.А. Поздеевым, придерживавшимся открыто консервативных взглядов. Поскольку ни тот ни другой формально никаких должностей в ордене не занимали, тогдашним руководителям розенкрейцерских лож в Москве (П.И. Голенищев-Кутузов) и Петербурге (А.Ф. Лабзин) приходилось нелегко. Мистик и консерватор И.А. Поздеев ориентировал их исключительно на так называемую «внутреннюю духовную работу» в ложах, направленную на постижение братьями «божественной премудрости». До 1812 года И.А. Поздеев жил в селе Чистякове в 50 верстах от Москвы, а затем переехал в свое вологодское село Нелюбовское Кадниковского уезда, где у него был свой собственный стекольный завод. С 1817 года вновь жил в Москве. Умер он в 1820 году. Горячими поклонниками И.А. Поздеева были впоследствии такие видные руководители Великой провинциальной ложи 2-й

половины 1810-х годов, как С.С. Ланской, М.Ю. Виельгорский и А.П. Римский-Корсаков³⁵.

Либеральное крыло в раннем масонстве Александровского времени олицетворял собой Н.И. Новиков. Настоящий масон, доказывал он, не может ограничиваться только работой над своей собственной душой в ложе, а непременно должен ставить перед собой и более широкие, просветительские задачи, направленные на облагораживание и улучшение всего общества. Подспудное противостояние между сторонниками И.А. Поздеева и Н.И. Новикова продолжалось вплоть до кончины этих «патриархов» русского розенкрейцерства, последовавшей в 1818 и в 1820 годах. Характерно, что наибольшей популярностью среди розенкрейцеров начала XIX века пользовался все же И.А. Поздеев. Не имея возможности непосредственного общения с московскими и петербургскими братьями, Н.И. Новиков и И.А. Поздеев общались с ними главным образом путем переписки. *«Помните, что работа ваша есть повиноваться и молчать, и мир сей весь считать за единое ваше проходное училище. Не привязываясь ни к какому его углу и не делайте из того себе собственность. И приводите себя, будучи в мире, в такое равнодушное положение, чтобы вам до миру, что в нем ни производится, не было нужды», —ставлял И.А. Поздеев своих младших коллег.*

Русские масоны начала XIX века весьма достоверно изображены в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»: граф Вилларский, Пьер Безухов (его прототипом, возможно, был граф М.А. Дмитриев-Мамонов). Есть даже предположение о принадлежности самого писателя к «братству», настолько глубоко и верно удалось ему проникнуть в духовную сущность масонства³⁶. *«Меня очень радует, — писал Л.Н. Толстой 7 марта 1905 года К. Веркסהгену, — что я, сам того не зная, был и есть масон по моим убеждениям. Я всегда с самого детства питал глубокое уважение к этой организации и думаю, что масонство сделало много добра человечеству»*³⁷.

Впрочем, ничего интересного «новые» розенкрейцеры начала XIX века собой не представляли, являясь сколком розенкрейцерства 1780-х годов. Характерен в этом плане эпизод, рассказанный известным писателем С.Т. Аксаковым. В 1808 году, желая завлечь его в свою ложу, масоны дали ему деликатное поручение: забрать масонские бумаги у покончившего с собой (уморил себя голодом) чиновника-масона И.Ф. Вольфа. Поскольку сделать это ему было весьма затруднительно (все бумаги самоубийцы были конфискованы), С.Т. Аксаков, не желая ударить лицом в грязь перед масонами, пошел на хитрость: масонскую рукопись, наполненную всякой белибердой, он сочинил и написал сам, взяв в качестве образца сочинение мистиков Штиллера и Эккартсгаузена. Прodelка эта удалась. Масоны (речь идет о ложе А.Ф. Лабзина) не только не заметили бессмысленности сочиненного Аксаковым опуса, но, напротив, всячески

хвалили его и даже предполагали напечатать его в «Сионском вестнике», когда он будет разрешен к изданию. Естественно, что для самого Аксакова вопрос о его вступлении в масонскую ложу отпал после этого сам собой³⁸.

Не менее любопытно в этой истории и другое: масонов в то время, оказывается, боялись. «Тайна» тяготила С.Т. Аксакова, и он не удержался и поделился-таки ею с неким И.И. Р-гом, считавшимся в его кругу «могилою секретов». *«Я-то думал, — вспоминал С.Т. Аксаков, — что он посмеется, но, к удивлению моему, он пришел в ужас. «Не сказывал ли ты кому-нибудь об этом», — спросил он меня. Я ответил, что никому не сказывал. «Ну так и не сказывай. Сохрани тебя Бог, если проболтаешься. Я сам в молодости моей был масоном. Мартинисты — те же масоны. Если они узнают твой обман — ты пропал!»*³⁹

Немногом лучше в этом отношении обстояли дела и в ложах так называемой «французской системы», появление которых в России было, в отличие от «новых» розенкрейцеров, действительно новым и, несомненно, отрадным явлением в русском масонстве. Начало им положила ложа «Соединенные друзья», открытая 10 июня 1802 года Александром Жеребцовым. Особенностью этой ложи было то, что она работала на французском языке и по французским обрядам. Сам А.А. Жеребцов был старым французским масоном, посвященным еще в бытность свою в Париже в качестве русского консула. Обрядовая сторона ложи «Соединенных друзей» заключала в себе культ солнца, разума и сил природы. Цель же работ заключалась в том, чтобы *«стереть между человеками отличия рас, сословий, верований, истребить фанатизм, суеверия, уничтожить национальную ненависть, войну и объединить все человечество узами любви и знания»*. Среди адептов ложи: великий князь Константин Павлович, генерал-губернатор Белорусского края герцог А. Виртембергский, министр исповеданий и народного просвещения Царства Польского Станислав Костка-Потоцкий, церемониймейстер двора Его Императорского Величества граф И.А. Нарышкин, будущий шеф жандармов при Николае I А.Х. Бенкендорф, министр полиции А.Д. Балашов, генерал-майор Н.М. Бороздин, граф А. Остерман-Толстой. Называют среди членов ложи и великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I⁴⁰. Среди других членов ложи, пополнявших ее ряды в уже более позднее время, можно назвать известного реформатора европейского масонства, подвизавшегося одно время в России Игнатия Аврелия Фесслера, а также П.Я. Чаадаева, П.И. Пестеля, А.С. Грибоедова⁴¹. Общее число членов ложи к августу 1822 года составило 532 человека⁴².

Характерно, что ложа имела свой собственный храм, оркестр и даже гимн. Символическим знаком ложи «Соединенных друзей» был масонский треугольник с изображением внутри него рук, соединенных в рукопожатии. Существовал у ложи и свой

девиз: «Солнце, наука, разум»⁴³. По таким же французским актам наряду с ложей «Соединенных друзей» работала и близкая ей по духу ложа «Палестины» (основана 4 мая 1809 года) во главе с известным меценатом и музыкантом польского происхождения графом Михаилом Юрьевичем Виельгорским. Состав этой ложи был смешанным. Наряду с людьми искусства много было чиновников и купцов. Общее число братьев в ней достигало 75 человек. Наместным мастером ложи был Сергей Степанович Ланской⁴⁴.

Можно сказать, что французские ложи олицетворяли собой либеральное направление в русском масонстве, хотя скольконибудь серьезной работы ни в ложе А.А. Жеребцова, ни в ложе М.Ю. Виельгорского не велось. Характерное же для них увлечение так называемыми столовыми ложами и дружескими пирушками в узком масонском кругу сближает их с неполитическими клубами того времени.

Еще одним направлением, или, правильнее, «системой», в русском масонстве начала XIX века может считаться так называемая система Фесслера. Ее основатель Игнаций Аурелиус Фесслер (1756—1839) из Трансильвании был приглашен в 1809 году М.М. Сперанским для преподавания еврейского языка в Духовной академии в Санкт-Петербурге. Крайне любопытна биография этого человека. Католик, окончил иезуитский колледж, доктор богословия. Разочаровавшись в католичестве, перешел в лютеранство и вступил в масонскую ложу. В 1797 году написал книгу по истории масонства в Европе.

Для того чтобы решиться пригласить его в качестве профессора православной Духовной академии, надо было быть, прямо скажем, человеком «ну очень широких взглядов». М.М. Сперанский и стоявший за его спиной император Александр I как раз и были такими людьми. Воспользовавшись этим, И.-А. Фесслер в этом же году при поддержке М.М. Сперанского основал здесь новую масонскую ложу — «Полярная звезда», работавшую по системе ложи «Рояль-Йорк» трех символических иоанновских степеней плюс «степень познания» для избранных, где бы масоны могли знакомиться с сущностью всех в то время известных масонских систем. Среди членов его ложи — П.П. Пезаровиус, Р. Ренненкампф, А.И. Тургенев, М.Л. Магницкий, С.С. Уваров⁴⁵. В 1810 году в ложу И.-А. Фесслера был посвящен государственный секретарь и первый в то время реформатор в России М.М. Сперанский. *«Ложка сия, председательствуемая в тот день Сперанским, — писал позднее М.Л. Магницкий, — состояла из Фесслера, Дерябина, Пезаровиуса, Злобина, Гогеншильда и Розенкампа»*⁴⁶.

Сам М.М. Сперанский в подписке о непринадлежности к тайным обществам после их закрытия в 1822 году утверждал, что в связи с рассмотрением в 1810 году масонских дел в Особом ко-

митете, членом которого он был назначен, ему действительно пришлось «с ведома правительства» принять посвящение в домашней частной ложе И.-А. Фесслера. Ложа эта не имела ни своего названия, ни постоянства, и посетил он ее всего лишь два раза⁴⁷. Если верить М.М. Сперанскому, то членство в масонской ложе для него всего лишь случайный эпизод, не более того. Однако на самом деле это было далеко не так, и на поверку наш реформатор, как и его государь Александр I, оказывается глубоким и законченным мистиком. И относиться к его показаниям надо крайне осторожно.

Другой член этой ложи М.Л. Магницкий отмечал, что И.-А. Фесслер систематически и прямо нападал на христианство и во всеуслышание заявлял, что Иисус Христос был не кто иной, как сын есеевнина, обманывавший народ для утверждения своего учения⁴⁸.

Ложа Фесслера интересна для нас прежде всего тем, что именно в ней, судя по всему, как раз и родились широко известные ныне планы М.М. Сперанского по объединению всех масонских лож в стране в одну подчиненную государству структуру, а также реформирование на масонский лад Русской православной церкви. Как сообщает в своих мемуарах член ложи «Полярная звезда» Леопольд-Август Гогеншильд, по прямому совету И.-А. Фесслера *«предполагалось основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей империи, в которую были бы обязаны вступать наиболее способные из духовных лиц всех сословий»*⁴⁹. Любопытное указание о планах М.М. Сперанского по реформированию православной церкви можно найти в биографии барона Штейна (автор — некто Перец) на немецком языке⁵⁰. Опубликованы были в 1851 году в Лейпциге и воспоминания самого И.-А. Фесслера, где он называет некоторых неизвестных из других источников новых членов своего кружка (М.М. Балугьянский, Е.Е. Эллизен, Х.А. Бек, А. Тургенев). Заслуживает внимания и оговорка, которую делает здесь И.А. Фесслер, что некоторых из членов его кружка, ввиду их высокого общественного положения в России, он называть не может из соображений скромности⁵¹. И хотя источниковая база для каких-либо твердых выводов явно недостаточна, все это действительно похоже на правду. Ведь идеи такого рода, как мы знаем, были весьма и весьма близки тогдашнему умонастроению Александра I.

*«Я замечал сколько раз в Его Величестве, — вспоминал в январе 1831 года князь А.Б. Голицын, — наклонность к всеобщей религии, которая его поставляла в некоторое недоверие к греко-российской церкви. Изданием «Сионского вестника» и учением И.-А. Фесслера государь думал понять настоящий христианский дух, вывести нечувствительно из спасительных форм нашей церкви внутреннее христианство и быть орудием всех церквей»*⁵². Похоже, что при поддержке императора М.М. Сперанский действительно пытался

преобразовать нашу православную церковь на масонский лад, и первым шагом в этом направлении должно было стать широкое вовлечение православных священников в масонские ложи. Дело дошло до того, что Александр I даже обещал М.М. Сперанскому поставить «Полярную звезду» во главе всех других масонских лож в России⁵³.

В своих планах М.М. Сперанский не был одинок. Помимо императора, взгляды его всецело поддерживались как французскими ложами, так и розенкрейцерами новиковского круга. А.И. Серков даже пишет о сформировавшемся блоке А.А. Жеребцова — М.М. Сперанского и Н.И. Новикова, что похоже на правду. Но была еще и оппозиция, силу которой придавало то обстоятельство, что исходила она не столько от братьев-масонов консервативных лож так называемой «шведской системы» и розенкрейцеров — сторонников И.А. Поздеева, но и большей части русского дворянства той поры, отнюдь не разделявшего реформаторских планов императора. Падение Сперанского положило конец его планам буржуазных преобразований в России. В марте 1812 года, как известно, он был отправлен в ссылку⁵⁴. Еще раньше 22 июня 1810 года вынужден был оставить службу в Петербургской духовной академии и И.-А. Фесслер. Получив при поддержке тогда еще находившегося у власти М.М. Сперанского звание корреспондента при Комиссии составления законов, он уехал в феврале 1811 года в Вольск Саратовской губернии, где и преподавал в частном учебном заведении. В 1813 году он поселился в Саратове. В 1818 году А.Н. Голицын назначил его духовным председателем провинциальной Саратовской консистории для лиц евангелического вероисповедания⁵⁵. Умер он в 1839 году и похоронен на Волковом лютеранском кладбище в Санкт-Петербурге.

И.-А. Фесслер и М.М. Сперанский вынуждены были, таким образом, удалиться из Петербурга. Однако идея их о реформировании православной церкви не была забыта и получила неожиданное воплощение в деятельности Библейского общества в России (учреждено 6 декабря 1812 года)⁵⁶. Цель общества, как она декларировалась его учредителями, состояла в издании и распространении Библии в народе. Инициатива учреждения общества исходила от английских масонов. Неудивительно, что и в России деятельность Библейского общества всецело контролировалась и направлялась братьями — вольными каменщиками. Президентом Библейского общества с подачи императора стал главноуправляющий духовным ведомством масон князь А.Н. Голицын. Секретарями общества — такие же масоны В.М. Попов и А.И. Тургенев⁵⁷.

Библейское общество — это первое в России экуменическое общество, где рядом с деистом, атеистом, масоном-мистиком сидели английские квакеры и методисты, католические патеры

и пасторы лютеранские, а между ними православные архиереи: митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий, архиепископ Минский и Литовский Серафим — ученик московских розенкрейцеров, впоследствии знаменитый митрополит Московский, ставший затем поборником православия и сильно почитаемый москвичами, ныне канонизированный Русской православной церковью. В то время, впрочем, он находился под влиянием князя А.Н.Голицына и некоторых мистиков, в первую очередь Лабзина, в ложе которого «Умирающий сфинкс» он тогда состоял⁵⁸.

Здесь же в Библейском обществе мы видим также министра внутренних дел О.П.Козадавлева, обер-прокурора Святейшего синода князя Мещерского, будущего министра народного просвещения при Николае I графа С.С. Уварова и других масонов — видных деятелей правительственной администрации того времени. Деятельное участие в работе Библейского общества в России принимали агенты британского Библейского общества Пинкертон, Патерсон и пасторы Питт, Шейрль и другие.

Но вернемся к первым масонским ложам Александровского царствования. Наряду с розенкрейцерами и ложами французского обряда весьма уверенно заявили в это время о себе и шведские ложи.

Первым шагом на пути возрождения шведских лож в России стало открытие 11 октября 1805 года в Петербурге ложи «Александра благотворительности к коронованному пеликану». Масонская легенда гласит, что открытие ее стало возможным в результате разрешения, якобы полученного в 1804 году директором канцелярии Рижского военного губернатора А.С. Сергеевым. Согласно другой версии, еще раньше в 1803 году такое разрешение получил префект «Капитула Феникса» для лож шведского обряда И.В. Бебер. *«То, что Вы говорите мне о масонстве, — якобы заявил ему император, — обязывает меня не только оказывать ему покровительство, но и просить меня принять в число франк-масонов. Считаете ли Вы это возможным?» — якобы спрашивал Александр I. «Государь, — отвечал Бебер, — я не имею права сам дать ответ Вашему Величеству. Я соберу масонов Вашей столицы, объявлю им о Вашем желании и убежден, они поспешат исполнить его». Вскоре, то есть в этом же 1803 году Александр I якобы действительно получил посвящение. Однако верить этому сообщению едва ли возможно, так как И.В. Бебер в своей записке «Несколько замечаний о масонстве в России» (1815) однозначно относил возобновление масонских лож шведской системы в Петербурге к 1805 году⁵⁹. Что же касается версии о принадлежности Александра I к шведскому масонству, то В.И. Семеvский находил ее весьма сомнительной⁶⁰.*

Как бы то ни было, 11 октября 1805 года состоялось второе рождение еще одной екатерининской ложи «Пеликан» (1783)⁶¹,

правда, под несколько видоизмененным названием в честь Александра I — «Александра благотворительности к коронованному пеликану». Отличительным знаком братьев, принадлежавших к этой ложе, был серебряный иоанновский крест, украшенный золотым солнечным сиянием, в центре которого было изображение коронованного пеликана, кормящего своих птенцов. Возглавил ложу уже известный нам И.В. Бебер. К 1809 году ложа эта настолько разрослась, что было решено выделить из нее 1 июня еще одну шведскую ложу — «Елизаветы к добродетели» (названа в честь жены Александра I императрицы Елизаветы Алексеевны). Возглавил ее уже упоминавшийся выше старый масон екатерининского времени Александр Сергеевич Сергеев. Отличительным знаком ложи была золотая пятиконечная звезда. Как и в ложе «Соединенных друзей», в составе ее преобладала петербургская знать. В 1809 году возобновил свои работы и «Капитул Феникса» для лож шведского обряда (И.В. Бебер, В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, С.П. Фонвизин, М.П. Баратаев и др.)

22 мая 1810 года от ложи «Александра благотворительности к коронованному пеликану» отпочковалась еще одна ложа — «Петра к правде», куда вошла по преимуществу немецкоязычная петербургская интеллигенция, чиновники, купцы, врачи, ремесленники, торговцы. Возглавил ее известный в то время врач Обуховской больницы Иоганн-Георг (Егор Егорович) Эллизен. Все три ложи работали по одним и тем же шведским актам и имели одну общую кассу. Для общего же управления ими в том же 1810 году была образована Великая Директориальная ложа «Владимира к порядку». Гроссмейстером ее и стал И.В. Бебер, который исполнял эту должность до 1815 года. Общее число масонов «шведской системы» в 1810 году составляло 114 человек.

Как и во второй половине XVIII века, пополнялись шведские ложи преимущественно представителями старого родовитого русского барства: князя Голицыны, Гагарины, Волконские, Долгорукие, Лобановы-Ростовские, Трубецкие, графы Апраксины, Разумовские, Строгановы, Толстые, Чернышевы, Шуваловы, а также Нарышкины, Бороздины, Римские-Корсаковы, Ланские и др. В дни официальных собраний Директориальной ложи «Владимира к порядку» перед домом, где обычно собирались масоны, стояло до 200 экипажей⁶².

Всего в 1810 году в Петербурге насчитывалось до 239 масонов плюс 25 почетных членов масонских лож. Примерно столько же было скорее всего и в других городах⁶³. Итого около 500 братьев. По тем временам это была уже немалая сила.

Примечания

- ¹ К истории масонства в России. / Пер. с немецкой неизданной рукописи // Русская старина. 1882. № 9. С. 544.
- ² Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 12.
- ³ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ф.В. Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. 1875. № 9. С. 75.
- ⁴ Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 151.
- ⁵ Там же. С. 150.
- ⁶ Перминов П.В. Под сенью восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991.
- ⁷ Андреев А., Захаров В., Настенко И. История Мальтийского ордена. М., 1999. С. 290.
- ⁸ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е. СПб., 1908. С. 297.
- ⁹ Перминов П.В. Под сенью восьмиконечного креста. Мальтийский орден и его связи с Россией. М., 1991. С. 130.
- ¹⁰ Там же. С. 131.
- ¹¹ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 522.
- ¹² Сахаров В. Калигулы последний час. Император Павел I и вольтные каменщики // Родина. 1997. № 7. С. 39.
- ¹³ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 54.
- ¹⁴ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730-1917. М., 1993. С. 82—83.
- ¹⁵ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 54.
- ¹⁶ Сахаров В. Калигулы последний час. Император Павел I и вольтные каменщики // Родина. 1997. № 7. С. 40.
- ¹⁷ Марков Н.Е. Войны темных сил. М., 1993. С. 81.
- ¹⁸ Шумигорский Е.С. Император Павел I и масонство // Ма-

сонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 152.

¹⁹ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 54.

²⁰ Серков А.И. «Племянник» Н.И. Новикова — А.Ф. Лабзин // Масоны и масонство. Вып.3. М., 1998. С. 28.

²¹ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 129.

²² Серков А.И. «Племянник» Н.И. Новикова — А.Ф. Лабзин // Масоны и масонство. Вып. 3. М., 1998. С. 28.

²³ Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 168.

²⁴ Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991. С. 77—78.

²⁵ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 89.

²⁶ Кропотков П. Жизнь графа М.Н.Муравьева. СПб., 1874. Т. 1. С. 187.

²⁷ Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 153.

²⁸ Герцен А.И. Былое и думы. М., 1979. С. 289.

²⁹ Записки академика А.Л. Витберга // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 275.

³⁰ Новиков В.И. Предисловие // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 27.

³¹ Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н. Пыпин // Вестник Европы. 1872. № 1. С. 208.

³² Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 172—173.

³³ Там же. С. 158.

³⁴ Там же. С. 170.

³⁵ Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н. Пыпин // Вестник Европы. 1872. № 1. С. 198—199.

³⁶ Бурыйшкін П.А. Масонство в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 344—350.

³⁷ Там же. С. 350.

³⁸ Аксаков С.Т. Встреча с мартинистами // Аксаков С.Т. Собрание сочинений. Т.3. М., 1895. С. 160—164.

³⁹ Там же. С. 165.

- ⁴⁰ Иванов В.В. Россия и гнозис // 500 лет гнозиса в Европе. Амстердам, 1993. С. 21.
- ⁴¹ Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 159—160.
- ⁴² Серков А.И. Русское масонство (1731—2000). Энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1099.
- ⁴³ Лотарева Д.Д. Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994. С. 47—50.
- ⁴⁴ Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н. Пыпин // Вестник Европы. 1872. № 1. С. 565.
- ⁴⁵ Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 176.
- ⁴⁶ Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма А.Б. Голицына и М.Л. Магницкого императору Николаю I об иллюминатах. Сообщ. Н.К. Шильдер // Русская старина. 1899. № 2. С. 297—298.
- ⁴⁷ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 261.
- ⁴⁸ Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма А.Б. Голицына и М.Л. Магницкого императору Николаю I об иллюминатах. Сообщ. Н.К. Шильдер // Русская старина. 1899. № 2. С. 298.
- ⁴⁹ Русская старина. 1902. Т. 110. Кн. 2. С. 253.
- ⁵⁰ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 4-е. СПб., 1908. С. 310.
- ⁵¹ Там же. С. 306—309.
- ⁵² Два доноса в 1831 году. Всеподданнейшие письма А.Б. Голицына и М.Л. Магницкого императору Николаю I об иллюминатах. Сообщ. Н.К. Шильдер // Русская старина. 1899. № 12. С. 533.
- ⁵³ Серков А.И. Русское масонство (1800—1861 гг.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С. 10.
- ⁵⁴ Богданович М. Падение Сперанского // Вестник Европы. 1868. № 12. С. 495—505.
- ⁵⁵ Попов Н.А. Игнатий-Аврелий Фесслер // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 635—637.
- ⁵⁶ Пыпин А.Н. Российское библейское общество (1812—1826) // Вестник Европы. 1868. № 8. С. 639—712; № 9. С. 231—257; № 11. С. 222—285; № 12. С. 708—768.
- ⁵⁷ Пыпин А.Н. Российское библейское общество (1812—1826) // Вестник Европы. 1868. № 8. С. 662.
- ⁵⁸ Острцов В.М. Масонство, культура и русская история. М., 1998. С. 326.

⁵⁹ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 13—14.

⁶⁰ Там же. С. 16.

⁶¹ Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П.Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 168.

⁶² К.Л...р. К истории масонства в России. / Пер. Н.С.Иванина // Русская старина. 1882. № 9. С. 546.

⁶³ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 93.

НАЦИОНАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРТИЯ В МАСОНСТВЕ 1810-х ГОДОВ И ЕЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ПРОТИВНИКИ. ВЕЛИКАЯ ЛОЖА «АСТРЕЯ» (1815)

Резко возросшая в начале XIX века активность масонских лож была, таким образом, налицо. *«Секта подняла голову», — констатировал Ф.В. Ростопчин. В этих условиях в 1810 году правительство сочло необходимым более подробно, нежели это было ранее, войти в «правила сих обществ и удостовериться в тех основаниях, на коих они могут быть терпимы или покровительствуемы»¹.* Идея установления строгого правительственного контроля над ложами, можно сказать, носилась в это время в воздухе. Горячим ее сторонником был, в частности, государственный секретарь М.М. Сперанский с его планами государственного масонства. Одобрительно отнесся к этой идее и император Александр I. Правительству необходимо было только решить, на какой приемлемой для него масонской системе следует остановиться. Выбор его упал, после некоторого раздумья, на ложи «шведской системы», известные своей приверженностью к строгому соблюдению христианских догматов (что редкость в масонстве) и высокими степенями (всего их насчитывалось 10).

В 1810 году руководитель лож «шведской системы» И.В. Бебер представил Александру I записку о масонстве, результатом которой, собственно, и явилось официальное признание правительства масонских лож в России. Надо сказать, что как гроссмейстер Великой Провинциальной ложи «Владимира к порядку» (1810), И.В. Бебер пользовался большим доверием у правительства, предпочитавшем вести свои сношения с масонами именно через него. Таким же, по существу, было отношение к И.В. Беберу и заграничных масонов, направлявших свою корреспонденцию по делам ордена преимущественно на его имя.

События развивались следующим образом. 28 марта 1810 года министром полиции был назначен А.Д. Балашов, который уже в августе того же года потребовал от руководителей масонских лож в России представить ему на просмотр акты, на основе которых осуществлялись их «работы»². Взятые у них бумаги (следует иметь в виду, что И.В. Бебер представил только акты иоанновских лож, а А.Ф. Лабзин не представил ничего) были просмотрены особой комиссией в составе А.Д. Балашова, М.М. Сперанского и ряда других лиц. Итогом работы этой комиссии стало то, что в октябре 1811 года терпимыми в нашем Отечестве были признаны только ложи «шведской системы». Французским ло-

жам «Соединенных друзей» и «Палестины», если они хотели продолжить свою деятельность, было предложено войти в непосредственное подчинение к И.В. Беберу. И.В. Бебер, в свою очередь, обязывался регулярно представлять в министерство полиции все необходимые сведения о личном составе лож и их работах³.

Объединение масонских лож в единую организационную структуру, подотчетную правительству, стало, таким образом, свершившимся фактом. Это позволило уже в 1811 году полностью восстановить под именем Верховного Орденского совета работу тщательно законспирированного и фактически бездействовавшего все это время «Капитула Феникса» с Директорией⁴. Но «Капитул Феникса» был тайной, неафишируемой высшей управленческой структурой ордена лож «шведской системы». «На миру» он действовал под именем или, лучше сказать, личиной образованной в 1810 году Великой Директориальной ложи «Владимира к порядку».

Внутреннее устройство ее было то же, что и ее предшественницы — Великой Провинциальной ложи XVIII века. Однако поскольку сохранились не все акты, ритуалы и клейноды, в печать ложи были внесены некоторые новации. Изменены были также и надписи на орденском мече⁵. Единогласным постановлением старейших братьев префектом Капитула Феникса стал уже известный нам выходец из Веймара Иоганн-Якоб (Иван Васильевич) Бебер (1746—1820). В братском кругу он проходил под именем Викария Соломона Мудрого из Мудрых. Профанам же известен как преподаватель математики и механики Второго кадетского корпуса в Санкт-Петербурге, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Великая Директориальная ложа «Владимира к порядку» получила свой статус как признанная и негласно разрешенная правительством. Любопытны в связи с этим слова, сказанные управляющим Министерством полиции С. К. Вязмитиновым управляющему ложею «Петра к правде» Е.Е. Эллизену: *«Государь император убедился по представлению моим, что ложи никак сомнительными быть не могут. Нельзя их актом аккредитовать, но мне государь приказал вас удостоверить в своем благоволении»*⁶.

Правда, не все ложи подчинились И.В. Беберу. Розенкрейцеры во главе с А.Ф. Лабзиным, И.А. Поздеевым и П.И. Голенищевым-Кутузовым, а также ложа Н.С. Всеволожского в его союз не вошли и по-прежнему продолжали свои работы в глубокой тайне от правительства. Тем не менее задача установления плотного правительственного контроля над деятельностью масонов была в основном решена. Масонские ложи, или по крайней мере большая их часть, были фактически легализованы и поставлены под строгий контроль правительства. Великий магистр И.В. Бебер находился, как уже отмечалось, в непосред-

венном подчинении у министра полиции (правда, тоже «брата» — ложа «Соединенных друзей») А.Д. Балашова.

Следует, впрочем, иметь в виду, что требование доставлять в министерство полиции ежемесячные отчеты обо всем происходящем в собраниях масонских лож, что свято соблюдалось при Балашове и Вязмитинове, было тут же оставлено при В.П. Кочубее, возглавившем соединенное министерство полиции и внутренних дел. Правительство, заявил он И.В. Беберу, явившемуся к нему с отчетом, не требует больше от братьев отчетов, хотя и оставляет за собой полное право вмешательства в их деятельность, если в том возникнет необходимость⁷.

Крупной вехой в истории русского масонства стала Отечественная война 1812 года и заграничный поход русской армии 1813—1814 гг. И дело тут не только в национально-патриотическом подъеме, захватившем часть тогдашних русских масонов. Дело в том, что с событиями Отечественной войны и заграничного похода связано появление так называемых походных военных масонских лож в армии (ложа «Святой Георгий» и другие)⁸. Тесное общение русских масонов из числа офицеров действующей армии со своими немецкими и французскими братьями по ордену во время заграничного похода, о чем пишет в своих воспоминаниях А.И. Михайловский-Данилевский⁹, не могло не способствовать их более критическому отношению к русской действительности: ведь добрая треть членов масонских лож в России этого времени были военными.

На первом месте среди масонов — героев Отечественной войны 1812 года стоит, несомненно, прославленный фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Его посвящение произошло в городе Регенсбурге (ложа «К трем ключам»), впоследствии Кутузова принимали в ложах Франкфурта, Берлина, Москвы и Петербурга. При посвящении в 7-ю степень шведского масонства М.И. Кутузов получил орденское имя «Зеленеющий лавр». После смерти полководца в июле 1813 года масоны Петербурга под председательством И.В. Бебера устроили торжественную траурную церемонию, посвященную его памяти. *«В масонском ордене Кутузов занимал высокое место у кормила ордена и постоянно был опорой вольнокаменнического братства. Не подлежит сомнению, что сила сплоченного масонского братства, в свою очередь, способствовала назначению Кутузова предводителем наших вооруженных сил в борьбе с Великой армией», — писала в связи с этим Т.О. Соколовская¹⁰. Среди других активных участников Отечественной войны 1812 года был и будущий предводитель Южного общества декабристов Павел Иванович Пестель, вступивший в ложу «Соединенных друзей» в Петербурге 1812 году¹¹.*

Горькие чувства патриотически настроенных русских офицеров — победителей Наполеона Бонапарта при встрече с отечественной действительностью едва ли требуют каких-либо ком-

ментариев. Не удовлетворяло их и положение, сложившееся к этому времени в масонских ложах России, добрую половину личного состава которых составляли иностранцы, которым, в большинстве своем, конечно же, были чужды национальные стремления русских. Но как раз именно они — иностранцы — традиционно и задавали тон в масонских ложах нашего Отечества. Главным требованием патриотически настроенных русских «братьев» в этих условиях стало ведение работ в ложах наряду с французским и немецким языками и на русском языке. Первым успехом в этом направлении стало принятое под их давлением в декабре 1813 года ложей «Палестины», работавшей до этого исключительно на французском языке, исторического постановления открыть, наконец, свои работы и на русском. *«Кто из братьев свободных каменщиков мог бы не возрадоваться, что в престольном граде дражайшего нашего Отечества еще в одной из соединенных лож открываются работы на любезном нам отечественном языке», — радостно вопрошал 23 декабря 1813 года в своей речи перед братьями наместный мастер этой ложи Сергей Степанович Ланской¹². Помимо самого С.С. Ланского представителями этой так называемой «русской партии» в масонстве Александровского времени были М.Ю. Виельгорский, А.П. Римский-Корсаков, Ф.П. Толстой¹³.*

Заслуживает в этой связи внимания отмеченный Т.О. Соколовской отрядный факт появления после 1812 года в тексте ряда масонских клятв пункта об обязанности братьев распространять и пропагандировать не просто христианскую, а именно нашу святую православную веру. Характерно, что при молчаливом согласии И.В. Бебера именно в это время начинают переводиться на русский язык и некоторые масонские обрядники. Не случайно в этой связи появление среди немецких братьев-масонов мнения, что И.В. Бебер якобы совершенно подпал под «русское влияние» и ведет братьев «не туда». *«Этим, — отмечала Т.О. Соколовская, — лишний раз подтверждается, что русские вольные каменщики в масонство временами вливали чисто национальные идеи, заставляя его как бы отклоняться от широкой дороги космополитизма»¹⁴.*

Как бы то ни было, с известными оговорками можно утверждать, что в лице Великой Директориальной ложи «Владимира к порядку» мы имеем дело с национально-консервативным направлением в тогдашнем русском масонстве. Во всяком случае, существенные подвижки, свидетельствующие о ее движении в этом направлении, налицо. Крайне любопытны в этом плане процессы, происходившие в это время в немецкоязычной ложе «Петра к истине». Несмотря на то что тон в ней всегда традиционно задавали немцы, наплыв русского элемента (до половины братьев) привел к тому, что в 1815 году было принято решение о выделении последних в отдельную русскую ложу «Избранного

Михаила». Правда, руководитель ее Ф.П. Толстой, как истинный масон, уверял, что все дело-де было в том, что некоторые русские плохо понимали немецкий язык¹⁵. Но что тогда, зададимся мы вопросом, привело их именно в эту немецкоязычную ложу, работ которой они не понимали? И что мешало братьям вести работы в этой ложе на двух языках? Но в том-то и дело, что ничего этого сделано не было, и немцы предпочли отделиться от русских, разрешив им организовать собственную ложу.

Конечно, надо понимать, что национальный вопрос не был, да и едва ли мог быть главным для масонов. Для нас приведенные факты важны как отражение общей тенденции, характерной для масонства этого времени: появление лож с учетом профессиональных, конфессиональных и национальных интересов адептов ордена.

Не следует забывать, что, как и в XVIII веке, цвет русского масонства Александровского времени по-прежнему составляло старое родовитое барство: князь М.П. Баратаев, князья Гагарины, князь М.И. Кутузов, князья Голицыны, Грузинские, Волконские, Долгоруковы, Лобановы-Ростовские, Трубецкие, графы Лопухины, Виельгорские, граф Иван Воронцов, граф Александр Остерман-Толстой, Разумовские, Строгановы, Толстые, Чернышове, Головины, Ланские, Нарышкины, Римские-Корсаковы и многие другие. *«Не забывая целей ордена, — подчеркивала Т.О. Соколовская, — эти русские масоны-баре решили, в то же время, по преимуществу использовать масонство на благо России»*¹⁶. Конечно, работали на благо России далеко не все родовитые русские масоны, но то, что такая государственно-патриотическая тенденция в русском масонстве действительно имела место быть — не вызывает сомнений. В то же время очевидно, что потомки Рюрика и Гедимины стремились в ложи, где сидели такие же, как и они, баре, а не аптекари, спекулянты и ювелиры.

В свою очередь, и немцы-протестанты также стремились попасть прежде всего в немецкие ложи, католики-французы — естественно, во французские, поляки — в польские. Жизнь брала свое, и в конце концов получилось, что в ложе «Елизаветы к добродетели» объединялись по преимуществу придворные, ложу «Соединенных друзей» составляли в основном военные, ложа «Александра благотворительности к коронованному пеликану» была популярна у буржуазных элементов, главным образом из немцев. Ложа «Нептун к надежде» состояла из офицеров-моряков, но не русских, а иностранцев. Из немцев (врачи, ювелиры, купцы, аптекари) состояла по преимуществу ложа «Петра к правде» после отделения от нее в 1815 году русских братьев.

Общим же для русского масонского сообщества первой четверти XIX века было засилье иностранцев (до 50% состава) и невиданный ранее наплыв в ложи буржуазного элемента главным образом немецкого происхождения. Характерно, что русские

представители «третьего сословия», как люди богобоязненные, православные, в масонские ложи шли неохотно, в то время как для иностранцев пребывание в масонской ложе было делом очень даже обыкновенным.

Весьма различным было и отношение русских и немцев к царившим в тогдашних петербургских и московских ложах мистике и авторитаризму. Если русские воспринимали их как должное, то немцы, как и вообще иностранцы — совсем даже напротив. Жесткие порядки, царившие в ложах Директориальной ложи «Владимира к порядку», незаметно перешедшей от работ по шведским актам XVIII века к работам по так называемой системе строгого наблюдения, где мистическая сторона вольного каменщичества была доведена до крайних пределов¹⁷, была им явно не по душе. Не нравились им и сохранение в ложах этого союза высоких степеней и самовластное управление орденом со стороны «неведомых начальников». Так исподволь в немецких ложах зародилась идея требования ответственного перед братьями управления. Критике подверглось увлечение русских братьев мистикой и оккультизмом, объявленное ими как несовместимое с духом первоначального вольного каменщичества.

Проведение правительственной линии в масонском вопросе осуществлял министр полиции С.К. Вязмитинов. От него, конечно же, не укрылось недовольство немецких братьев ни высокими степенями, ни фактический отход Директориальной ложи «Владимира к порядку» от шведской системы и переход ее к работам по актам системы «Строгого наблюдения». Конечно же, сами немецкие братья никогда не пошли бы на открытый бунт на «масонском корабле», если бы он не был согласован с правительством. Какие выгоды надеялось получить русское правительство от фактически санкционированной им либеральной революции в русском масонстве, остается только гадать. Но санкция такая тем не менее получена масонами была.

Союз Великой Директориальной ложи «Владимира к порядку» в 1814 году, когда и разразилась так называемая «либеральная революция» в масонстве, насчитывал в своих рядах 7 лож: «Палестины», «Изиды», «Петра к правде», «Нептуна», «Александра благотворительности к коронованному пеликану», «Елизаветы к добродетели» и «Соединенных друзей». Четыре первых из них находились в явной оппозиции к И.В. Беберу, остальные еще не успели определиться. Перчатку руководству Директориальной ложи и лично И.В. Беберу бросил 14 июня 1814 года управляющий мастер немецкой ложи «Петра к правде» врач Обуховской больницы в Санкт-Петербурге Иоганн-Георг Давид (Егор Егорович) Эллизен (1756—1830). В своем письме на имя руководителя Директориальной ложи «Владимира к порядку» И.В. Бебера, *«как христианин, гражданин и каменщик»*, он весьма недвусмысленно заявил от имени братьев о незаконности существова-

ния, по его мнению, капитула и своем отказе от каких-либо дальнейших сношений с ним¹⁸.

Намек Е.Е. Эллизена на незаконность существования Капитула Феникса связан с тем, что в 1810 году правительству И.В. Бебером были представлены обрядники и уставы одних только иоанновских степеней (ученик, товарищ и мастер) символического «голубого» масонства, ставившего перед собой вполне благородные цели: путем усовершенствования каждой отдельно взятой личности приблизить в конечном счете наступление всеобщего благоденствия на земле. Что касается актов шотландских лож, ставивших целью изучение тайных наук, тайного знания, как, впрочем, и актов рыцарских степеней, связывавших братьев обетом беспощадной борьбы с врагами ордена, а также насилием и деспотизмом, то они представлены правительству так и не были. Значит, доказывал на этом основании Е.Е. Эллизен, само существование лож высших степеней незаконно.

Письмо Е.Е.Эллизена заставило Капитул Феникса для управления шотландскими ложами «Сфинкса» и «Святого Георгия» срочно учредить так называемую Шотландскую Директорию. Открытие ее состоялось 8 января 1815 года. 20 апреля в ложе «Сфинкса» было торжественно отмечено 35-летие учреждения первой шотландской ложи шведского обряда в России (1780). Другим ближайшим последствием выступления Е.Е. Эллизена стала уступка И.В. Бебером в начале августа 1815 года управления низшими степенями (так называемые иоанновские ложи) своему «брату» графу В.В. Мусину-Пушкину-Брюсу. Высокие же степени и Капитул Феникса остались за самим И.В. Бебером.

Маневрируя, И.В. Бебер еще 26 июня 1815 года представил правительству записку, предложив согласиться на существование в России двух масонских союзов: одного во главе с ним, И.В. Бебером, и другого, составленного из «диссидентов» — противников высоких степеней. Как ни странно, но правительство разрешило. 10 августа 1815 года граф В.В.Мусин-Пушкин-Брюс сообщил мятежным ложам о согласии министра полиции С.К. Вязмитинова с разделением русского масонства на два самостоятельных и соперничающих между собой союза¹⁹. Это была несомненная победа реформаторов. Уже 30 августа 1815 года Е.Е. Эллизен из четырех солидарных с ним немецких лож: «Петра к правде», «Палестины», «Изиды» и «Нептуна к надежде» учреждает новый союз под управлением Великой ложи «Астрей»²⁰.

Крайне любопытен персональный состав этих «диссидентствующих» либеральных лож, подписавших еще 30 июня 1815 года, то есть еще за месяц до официального учреждения Великой ложи «Астрей» 16 условий образования нового масонского союза: Георг Эллизен, Карл Унгерн-Штернберг, Эрих Шредер-Иоганн Кейзер, Янаш, Фольборт, Бонеблюст, Квосиг, Ризенкампф, Фридрих Унгерн-Штернберг, Риземан, Ниман, Тонели-

ус, Берловский, Вейер²¹. Всякий может убедиться, что среди этих отважно либеральничающих масонов, бросивших, правда, с предварительного разрешения министра полиции, вызов консервативному союзу Великой Директориальной ложи «Владимира к порядку», не было ни одного русского. Либеральный бунт на «масонском корабле» подняли исключительно немцы. И требование немедленного введения представительного правления в масонском сообществе было, таким образом, по крайней мере на первых порах, чисто немецким делом. Русские братья в этой маленькой масонской революции играли явно второстепенную вспомогательную роль.

Характерно, что сам Е.Е.Эллизен благоразумно уклонился от руководящей роли в союзе Великой ложи «Астреи». Великий мастер ее был избран из русских — уже известный нам граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин-Брюс, игравший роль своеобразного прикрытия для немцев, так как все другие должности в Великой ложе «Астрее» были заняты исключительно немцами из немецкоязычной ложи «Петра к правде». Конечно, это не было случайностью, так как, по отзыву Ф.П. Толстого, именно эта ложа «более всех других изобиловала серьезными, образованными, дельными людьми»²². Либеральный соблазн был велик. Вскоре к союзу Великой ложи «Астреи» присоединились еще три ложи: «Александра благотворительности к коронованному пеликану», «Елизаветы к добродетели» и «Соединенных друзей». Одновременно с этим в том же 1815 году из ложи «Петра к правде» выделилась, как уже упоминалось нами выше, русскоязычная ложа «Избранного Михаила». Мастером стула в ней стал известный медальер, отставной флотский лейтенант граф Федор Петрович Толстой²³. Должность оратора ложи занял полковник Федор Глинка, секретаря — Н.И. Греч, церемониймейстера — А.И. Уваров, надзирателей ложи — А.И. Кусков и купец Толченев. Наместным мастером ложи братья избрали полковника А.И. Михайловского-Данилевского — бывшего адъютанта М.И. Кутузова и известного впоследствии военного историка²⁴.

В истории нашего просвещения ложа эта известна тем, что по ее инициативе в 1819 году было учреждено общество по распространению ланкастерских школ в России для первоначального обучения русской грамоте детей крестьян, бедных мещан и мастеровых людей. Председателем общества стал Ф.П. Толстой. Заместителями председателя — Николай Греч и Федор Глинка, казначеем — Николай Усов. Первая ланкастерская школа на 100 детей была открыта масонами на одной из отдаленных улиц Петербурга в простом деревянном доме. Существовала она, естественно, на взносы членов общества — масонов. Срок обучения был невелик — всего три месяца. Стоит отметить, что этой ланкастерской школе лично покровительствовал граф А.А. Аракчеев, неоднократно ее посещавший²⁵.

«Система», к которой обратился в поисках истинного масонства Е.Е.Эллизен, была так называемая Шредерова система, названная так по имени известного в то время реформатора масонства Фридриха-Людвига Шредера (1744—1810), актера и писателя, яростно восстававшего против мистики и высоких степеней. Воспользовавшись тем, что великий мастер Великой ложи «Астрея» В.В.Мусин-Пушкин являлся в то же время еще и великим мастером (с августа 1815 года) и Великой Директориальной ложи «Владимира к порядку», где «правил» иоанновскими степенями, «реформаторы» попытались с его помощью сразу же «прикрыть» своего врага: 11 августа 1815 года В.В.Мусин-Пушкин-Брюс предложил закрыть Директориальную ложу «Владимира к порядку». Братьям высоких степеней удалось, однако, на время отстоять ее. Необходимость перемен в разваливающейся на глазах Великой Директориальной ложе «Владимира к порядку» была тем не менее очевидна. В этих условиях И.В. Беберу не оставалось ничего другого, как подать в отставку со всех своих постов. 10 ноября 1815 года великим мастером Великой Директориальной ложи «Владимира к порядку» братья избрали управляющего шотландской ложей «Сфинкса» генерал-майора А.А. Жеребцова, ставшего, таким образом, преемником И.В. Бебера. Первым и вторым мастерами ее стали граф Михаил Юрьевич Виельгорский и генерал-адъютант Александра I Павел Андреевич Шувалов (1774—1823). Первым и вторым надзирателями стали сенатор, барон Генрих Федорович Корф (1765—1823) и Сергей Степанович Ланской²⁶. Должность великого канцлера занял доктор права Густав-Иоганн Буденброк (1758—1821), великого маршала — еще один генерал-адъютант Александра I граф Станислав Станиславович Потоцкий (1787—1831)²⁷. В мае 1816 года Г.Ф. Корф был сменен С. С. Ланским, а С.С. Потоцкий — П.А. Ржевским. Крупным событием в истории этого союза стало открытие им 26 ноября 1815 года в Санкт-Петербурге ложи «Трех добродетелей», остававшейся в нем вплоть до официального запрещения масонства в 1822 году. Среди учредителей этой ложи — Павел Ланской, Павел Лопухин, Сергей Волконский²⁸.

Состоявшиеся по инициативе высшего тайного масонского правления в России — Капитула Феникса — конфиденциальные переговоры руководителей двух соперничавших между собой масонских союзов закончились тем, что 19 сентября 1816 года Великая Директориальная ложа «Владимира к порядку» была объявлена закрытой. Вместо нее 4 ноября того же года в торжественной обстановке состоялось открытие новой великой ложи для лож шведской системы высоких степеней — Великой Провинциальной ложи²⁹. Возглавил ее уже нам известный преемник И.В. Бебера генерал-лейтенант А.А.Жеребцов. Все иоанновские ложи, входившие в Великую Провинциальную ложу, работали в трех первых степенях по ритуалу, введенному в 8-й провинции

ордена (то есть в России) еще в 1783 году. Что касается шотландских лож: «Сфинкса» и «Александра — Златого льва», то они работали под управлением специальной шотландской Директории, подчинявшейся, в свою очередь, Капитулу Феникса и его Верховному совету. Раскол среди масонских лож России стал, таким образом, свершившимся фактом.

«Причиной разделения, — дипломатично отмечал А.Н. Пынин, — было то, что в наши ложи проникло новое представление о масонстве, которое тогда особенно развелось в Германии и имело своими представителями Шредера и Фесслера. Эта школа хотела оживить масонский союз... и отвергала масонскую иерархию высших степеней, которые справедливо казались ей пустым и даже вредным извращением первоначального простого масонства»³⁰. Все это, конечно, так, если не замечать, что первыми откололись от Великой Директориальной ложи «Владимира к порядку» все-таки немецкие ложи, в то время как ложи по своему составу преимущественно русские на первых порах продолжали еще сохранять верность И.В. Беберу. Очевидно, что раскол произошел не только по идейному, но отчасти и по национальному признаку.

Притягательная сила нового союза была тем не менее слишком велика, чтобы дело ограничилось переходом на его сторону одних только немцев. Принцип строгого единоначалия и присущие мастерским Великой Провинциальной ложи мистика и консерватизм претили, оказывается, и многим русским «братьям». Отпадение мастерских от Великой Провинциальной ложи и переход их под юрисдикцию соперничавшей с ней Великой ложи «Астреи» приобрели вследствие этого в 1816—1818 годах, можно сказать, массовый и даже скандальный характер. Неприятным сюрпризом для братьев Великой Провинциальной ложи стал переход во враждебный ей лагерь мастерских «Пламенеющей звезды» и «Соединенных друзей». Особенно влиятельной среди них была последняя, среди членов которой за 1816 год мы встречаем имена гвардейских офицеров Александра Грибоедова, Петра Чаадаева, Авраама Норова, А.Х. Бенкендорфа, П.И. Пестеля и ряд других³¹.

Однако больше всего неприятно поразила «братьев» измена самого И.В. Бебера. Правда, к этому времени он уже формально как бы и отошел от дел, но влияние его на масонские умы было тем не менее по-прежнему велико. 17 марта 1817 года оставшиеся верными Провинциальному союзу братья вынуждены были исключить этого «патриарха» русского консервативного масонства из своих рядов. Преобразована была вследствие этого и сама шотландская Директория. Поскольку практически все иностранцы к этому времени покинули мастерские Великой Провинциальной ложи, работы в ней было предложено вести исключительно на русском языке³².

Соперничество двух масонских союзов продолжалось, и вско-

ре стало ясно, что Великая Провинциальная ложа и стоящий за нею Капитул Феникса безнадежно проигрывают своему либеральному противнику — Великой ложе «Астреи». Характерно, что если первое время союз Великой Провинциальной ложи покидали главным образом иностранцы, вследствие чего произошло своеобразное очищение русских лож от чуждого им немецкого духа, то в 1817—1818 годах ситуация принципиально изменилась, так как покидать ее мастерские стали уже, причем в массовом порядке, и природные русские «братья». Понять их можно: показной либерализм немцев, царящий в мастерских союза Великой ложи «Астреи», был куда привлекательнее, нежели иерархическое и самовластное правление начальников Великой Провинциальной ложи. Неудивительно поэтому и ощутимые успехи мастерских Великой ложи «Астреи» по «перемагничиванию» на свою сторону братьев-масонов.

Цель союза Великой ложи «Астреи», как она была сформулирована в ее учредительных документах, заключалась в *«усовершенствовании благополучия человека исправлением нравственности, распространением добродетели, благочестия и неколебимой верности государю и отечеству и строгим исполнением существующих в государстве законов»*³³. *«Эта новая великая ложа, — отмечал в связи с ее появлением современник, — приняла представительную форму правления и отменила у себя все высшие степени, так что в состав ее вошли только законные представители ее четырех иоанновских лож»*³⁴. Для своих работ Великая ложа «Астрей» избрала шведскую систему, приняв, однако, за правило, когда каждая из лож вправе была тем не менее выбирать себе любую из существовавших тогда в Европе масонских систем. Демократия, таким образом, в этом вопросе была в мастерских Великой ложи «Астреи» полная. С целью более эффективного привлечения на свою сторону братьев-масонов Великая ложа «Астрей» гарантировала им право свободного избрания своих должностных лиц и свободное распоряжение ими своими финансами. Всякие поборы с мастерских, которые практиковались прежде, были, безусловно, отменены, за исключением только «иоанновского червонца» на благотворительные нужды «братьев».

Организационная структура, порядок и характер работ нового союза подробнейшим образом были регламентированы в «Уложении Великой ложи «Астреи». Первые 16 пунктов его были приняты братьями еще 13 августа 1815 года. Недостаточная удовлетворенность ими побудила наших «реформаторов» своим решением от 20 августа того же года прибавить к ним еще 156 параграфов. 20 января 1816 года число параграфов «Уложения» увеличилось еще на 389. В результате число параграфов «Уложения» составило 561. Характерно, что «Уложение Великой ложи «Астреи» было рассчитано всего на 6 лет. Это означало, что братья отнюдь не намеревались останавливать свою законотворческую реформаторскую деятельность, хотя пустота и бессодержательность большинства параграфов «Уложения» очевидна. «По-

том еще сочинили, — писал в связи с этим Е.А. Кушелев, — под названием «Прибавление к книге законов», присовокупляя к сему последнему еще разные дополнения, что и утвердили подписанием: первое дополнение — 14 октября 1816 года, второе дополнение — 14 апреля, третье — 21 апреля 1817 года и, наконец, четвертое — 24 марта 1818 года»³⁵.

Занималась этим, по сведениям все того же Е.А. Кушелева, особая комиссия, куда помимо Е.Е. Эллизена входили: доктор Кейзер, ювелир Янаш, негоциант Бонеблюст, адвокат Лерх, часовый мастер Квосинг и книгопродавец Вейер³⁶. Все это была буржуазная публика, что, конечно же, не могло не сказаться на содержании «Уложения». Важно подчеркнуть, что этот акт или «конституция» Великой ложи «Астреи» не имел, как уже отмечалось, постоянного характера. Таким образом, и здесь руководители «Астреи» демонстрировали братьям свою приверженность курсу реформ в возглавляемом ими масонском сообществе. Утверждение же разработанного братьями «Уложения» или «Книги законов», как названо оно в тексте, произошло 29 числа 11 месяца 5815 (по масонскому календарю) или 29 января 1816 года по принятому тогда в России юлианскому календарю³⁷.

Великим мастером Великой ложи «Астреи» стал, как уже отмечалось, граф В.В. Мусин-Пушкин. Напомним, что костяк союза составляли образовавшие его первые четыре ложи: «Петра к правде», «Изиды», «Палестины» и «Нептуна». *«Означенные четыре ложи, — гласит первый параграф «Уложения Великой ложи «Астреи», — соединяются для образования высшего масонского правления под именем Великой ложи «Астреи», коей главный член великий мастер, избираемый каждые два года большинством голосов, есть поручитель и предстатель, уполномоченный Великой ложей «Астрей» и всех зависящих от оной лож перед правительством»*³⁸.

Во втором параграфе этого документа декларировалась полная лояльность нового масонского союза перед правительством и давалось обязательство не иметь от него никаких тайн, сообщать ему свой устав. Особенно важным следует признать обязательство Великой ложи «Астреи» *«никогда не состоять в посредственной или непосредственной зависимости от неизвестных начальств или чужестранных Великих Востоков и лож»*³⁹. Обязательство это не случайно, так как было очевидно, что никакого другого масонства, кроме лояльного и тщательно опекаемого и патронируемого полицией, правительство терпеть не собиралось. Что же касается либеральных порядков, царивших в мастерских союза Великой ложи «Астреи» (выборность и отчетность масонского начальства перед братьями, равенство и финансовая самостоятельность лож в союзе), то строить какие-либо иллюзии на этом основании не следует. Это была «демократия» с ведома и разрешения Министерства полиции. Не следует забывать и то, что требование этой демократии исходило от немецких лож, отказать которым «просвещенное» правительство Александра I едва ли могло,

тем более что сами братья нового союза не скупились на выражение своих верноподданнических чувств.

«Масон должен быть покорным и верным подданным своему государю и отечеству; должен повиноваться гражданским законам и в точности исполнять их. Он не должен принимать участие ни в каких тайных или явных предприятиях, которые могли быть вредными отечеству или государю», — гласит параграф 174 «Уложения Великой ложи «Астреи». Более того, когда масон даже случайно узнавал о «подобном предприятии», он обязан был тут же известить о том правительство, «как законы повелевают»⁴⁰. Важно отметить и то, что открытие новых лож также предполагалось «с ведения и дозволения правительства»⁴¹.

В пику Великой Провинциальной ложе, в мастерских которой процветала мистика, мастерские Великой ложи «Астреи» обязывались *«не иметь в предмете работ своих изысканий сверхъестественных таинств, не следовать правилам так называемых иллюминатов и мистиков, неже алхимистов, убежать всех подобных несообразностей с естественным и положительным законом и, наконец, не стараться о восстановлении древних рыцарских орденов»⁴². Основным принципом работ нового союза провозглашался последовательный, говоря современным языком, демократизм: «равенство в правах представителей общества» в распоряжении масонскими работами. Особенно большое значение имело заявленная в «Уложении» терпимость Великой ложи «Астреи» к различного рода масонским системам. Провозгласив свою приверженность так называемому иоанновскому масонству трех первых степеней, сама Великая ложа «Астрея» декларировала вместе с тем терпеть в своих рядах и инакомыслящих братьев. «Каждая из лож, состоящих под управлением Великой ложи «Астреи» или впредь имеющих присоединиться к оной, — читаем мы в «Уложении», — может работать по избранной ею системе»⁴³.*

Контраст с порядками, царившими в мастерских Великой Провинциальной ложи (мистика и авторитаризм), — разительный. Это-то и дало повод некоторым исследователям без должных на то оснований, как представляется автору этих строк, объявить союз Великой ложи «Астреи» «очагом прогресса», который якобы поставил во главу угла свое служение «идеям демократии»⁴⁴. Ближе к истине здесь все же американский профессор из Иллинойского университета Г. Лейтон⁴⁵, убедительно показавший, что при наличии в мастерских союза Великой ложи «Астреи» прогрессивных элементов большинство в нем составляли все же люди, как правило, консервативных убеждений, не помышлявшие ни о каком преобразовании тогдашнего общественного строя России. Демократизм и либерализм братьев-масонов из Великой ложи «Астреи» был, таким образом, весьма и весьма относительным и во многом носил формальный, показной характер.

Примечания

¹ Соколовская Т.О. Из истории масонской ложи «Палестина» // Русская старина. 1907. № 10. С. 84.

² Из материалов по истории масонства. Сообщ. Т.О. Соколовская // Русская старина. 1907. № 2. С. 344.

³ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 381—385.

⁴ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 44.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Соколовская Т.О. Раннее масонство Александровского времени // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 189.

⁷ Из материалов по истории масонства. Сообщ. Т.О. Соколовская // Русская старина. 1907. № 2. С. 345.

⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Из мемуаров русского масона // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 321.

⁹ Там же. С. 322—323.

¹⁰ Соколовская Т.О. Возрождение масонства при Александре I // Масонство в его прошлом и настоящем. Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т.2. Изд. 2-е. М., 1991. С. 195.

¹¹ Дружинин Н.Н. Революционное движение в России в XIX веке. Избранные труды. М., 1985. С. 306.

¹² Соколовская Т.О. Из истории масонской ложи «Палестина» // Русская старина. 1907. № 10. С. 86.

¹³ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 34. См. также неопубликованную статью Т.О. Соколовской «Русское течение в масонстве» (РГАЛИ, ф.442, оп.1, ед. хр. 134).

¹⁵ Воспоминания Т.П. Пассек // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 210—211.

¹⁶ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 47.

- ¹⁷ Серков А.И. Русское масонство 1800—1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С. 11.
- ¹⁸ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 400—406.
- ¹⁹ Кушелев Е.А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 470.
- ²⁰ Материалы для истории масонских лож в России // Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX веков. Пг., 1916. С. 398—428.
- ²¹ Кушелев Е.А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 471—472.
- ²² Воспоминания Т.П. Пассек // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 210—211.
- ²³ Толстой Ф.П. Из записок // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 242.
- ²⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Из мемуаров русского масона // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 318.
- ²⁵ Толстой Ф.П. Из записок // Масонство и русская культура. Сост. В.И. Новиков. М., 1998. С. 240—250.
- ²⁶ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 408.
- ²⁷ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 59.
- ²⁸ Соколовская Т.О. Ложа «Трех добродетелей» и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908. № 10. С. 226.
- ²⁹ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 527.
- ³⁰ Там же. С. 399.
- ³¹ Материалы для истории масонских лож в России. Сообщ. А.Н. Пыпин // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 600.
- ³² Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 67.
- ³³ Уложение Великой ложи «Астреи» на Востоке Санкт-Петербурга. СПб., 5815 (1815). С. 3.
- ³⁴ К истории масонства в России. / Пер. с немецкой рукописи // Русская старина. 1882. № 9. С. 557.
- ³⁵ Кушелев Е.А. Записка краткая историческая о начальном введении в России масонских лож // Русская старина. 1877. Т. 18. С. 474.
- ³⁶ Там же.

³⁷ Закон Великой ложи «Астреи» на Востоке Санкт-Петербурга // Уложение Великой ложи «Астреи» на Востоке Санкт-Петербурга. СПб., 5815 (1815). С. 285.

³⁸ Уложение Великой ложи «Астреи» на Востоке Санкт-Петербурга. СПб., 5815 (1815). С. 1.

³⁹ Там же. С. 2.

⁴⁰ Там же. С. 99—100.

⁴¹ Там же. С. 74.

⁴² Там же. С. 2.

⁴³ Там же. С. 3—4.

⁴⁴ Моромарко М. Масонство: страницы истории // Европейский альманах. М., 1990. С. 165.

⁴⁵ The Slavonic and East European Review. London. Apr. 1982. P. 255.

«ОХРАНИТЕЛИ» И «ЛИБЕРАЛЫ» В РУССКОМ МАСОНСТВЕ ПОСЛЕ 1815 ГОДА. ЗАПРЕЩЕНИЕ МАСОНСКИХ ЛОЖ В РОССИИ

12 декабря 1817 года от Рождества Христова или «Лета Истинного Света 5817 в 12 день X-го месяца» по календарю масонскому руководители двух соперничающих масонских союзов подписали наконец уже давно ожидавшийся братьями «Акт взаимных отношений двух Великих лож на Востоке Санкт-Петербурга»¹. Это не было, однако, как может показаться, заключение перемирия между двумя противоборствующими масонскими союзами. Нет, война между ними продолжалась. Но вестись с этого времени она должна была уже в определенных, цивилизованных и строго согласованных формах. Наиболее важной с этой точки зрения была 4-я статья достигнутого соглашения, определявшая условия и порядок перехода братьев *«из-под управления одной великой ложи под начальство другой»*. Непременным условием такого перехода всей ложи на сторону противника было требование *«чтобы намеревающаяся о том ложа составила протокол за подписанием больше половины наличествующих действительных ее членов мастерской степени и доставила бы оный в Великую ложу, коей принадлежит, за месяц»*². Заслуживает внимания и третий пункт 1-й статьи «Акта взаимных отношений», где оба союза единодушно заявили о том, что не намерены *«признавать в России никакой такой ложи законною, которая получит конституцию или учреждена будет от какого-нибудь иностранного Востока или иностранной Великой ложи»*³.

Великая провинциальная ложа насчитывала к этому времени в своих рядах всего только шесть лож: «Елизаветы к добродетели» (Санкт-Петербург) во главе с Сергеем Ланским, «Трех светил» (Санкт-Петербург) во главе с Иваном Евреиновым, «Дубовой долины к верности» (Санкт-Петербург) во главе с управляющим мастером Христианом Уттехтом (это была немецкая ложа), «Северных друзей» (Санкт-Петербург) — управляющий мастер Федор Гернгросс, «Северной звезды» (Вологда), представителем которой в Санкт-Петербурге был Сергей Ланской, и «Трех добродетелей» (Санкт-Петербург) — второй великий надзиратель князь Павел Лопухин. Кроме того, среди мастерских Великой Провинциальной ложи было, как уже отмечалось, еще несколько так называемых шотландских лож, учрежденных для братьев — обладателей высших степеней в ордене. Наиболее влиятельной из них была ложа «Александра — Златого льва» во главе

с Сергеем Ланским (великий мастер). Должность наместного мастера в ней занимал с 1818 года Андрей Римский-Корсаков. Среди наиболее деятельных членов ее — Иван Мельников, Александр Дмитриев-Мамонов, П. Кайсаров, Ф. Рунич⁴.

Из рядовых лож наибольшую активность проявляла ложа «Елизаветы к добродетели» во главе с Сергеем Ланским (куда входили Андрей Римский-Корсаков, Роман Шулепников, Яков Скорятин) и «Трех светил» (Иван Евреинов, Петр Рубец, Гавриил Апухтин). Привлекательность союза в глазах масонской братии продолжала тем не менее падать. В 1818 году из него ушло большинство будущих декабристов, либо убедившихся в невозможности подчинить мастерские этого союза своим целям, либо переведенных (большинство из них были люди военные) на новые места службы. Дело дошло до того, что заколебался и сам руководитель Великой Провинциальной ложи и Великий префект Капитула Феникса А.А.Жеребцов, давший ни с чем не сообразное разрешение на переход в «Астрею» ложи «Северных друзей»⁵.

Это была прямая измена союзу, причем предателем оказался его руководитель. 17 декабря 1818 года «братья» вынуждены были отрешить его от занимаемой должности. Великим префектом Капитула Феникса и преемником А.А.Жеребцова в качестве руководителя Великой Провинциальной ложи был провозглашен граф Михаил Юрьевич Виельгорский⁶. Один из образованнейших людей своего времени, большой знаток музыки, а отчасти и сам композитор-любитель, он много сделал для распространения «масонского света» в нашем Отечестве и обработки «дикого русского камня» (русское интеллигентское общество той поры) для придания ему «правильных» европейских цивилизованных форм. В этом же ключе работали и соратники М.Ю. Виельгорского по ордену: великий секретарь Капитула Феникса А.П. Римский-Корсаков, прокурор сената П.С. Кайсаров и статский советник Н.А. Головин. Среди других наиболее видных членов Провинциального союза: Николай Бородин, Иван Евреинов (первый великий надзиратель ложи «Трех светил»), князь Павел Лопухин (второй великий надзиратель ложи «Трех добродетелей»), граф Николай Чернышов и другие⁷.

В дни собраний Великой Провинциальной ложи в доме Великого префекта в Прачечном переулке собирался едва ли не весь цвет тогдашней русской петербургской интеллигенции. Не меньшей популярностью пользовались и масонские собрания в доме второго префекта — Сергея Степановича Ланского на Большой Подъяческой улице. Официальные же собрания Капитула Феникса и Великой Провинциальной ложи происходили в доме купца Королева в Новом переулке⁸.

В идейно-теоретическом плане М.Ю. Виельгорский, а отчасти и С.С. Ланской находились под влиянием розенкрейцеров-мистиков: Н.С. Гамалеи, И.А. Поздеева и Р.С. Степанова.

Духовной пищей для них были творения Сен-Мартена, Иоганна Арндта, Якова Беме, Жана Мария де ла Мот, Генриха Юнг-Штиллинга и Карла Эккартсгаузена. Читли в их рядах и А.Ф. Лабзина, хотя он официально в Провинциальной ложе не состоял. Непосредственное управление ложами «Святого Андрея» Провинциального союза осуществляла, как уже отмечалось, Шотландская директория. Работы ее происходили в особой комнате за длинным столом, покрытым красным сукном с вышитым на нем зеленым крестом святого Андрея; на столе — Библия и секира. Подчинялась директория Капитулу Феникса или, точнее, его Верховному совету. В мастерских Великой Провинциальной ложи, как подчеркивал один из ее руководителей С.С. Ланской, *«не допускались никакие политические толки, а всегда внушаемы были братьям правила, основанные на христианстве и исполненные гражданских обязанностей, нашему образу правления свойственных. Сношений же с другими тайными обществами у нас никаких не бывало, и иметь их воспрещалось»*⁹.

Массовый выход из союза Великой Провинциальной ложи сначала немцев, а затем в 1818—1819 годах и радикалов — будущих декабристов привел к тому, что, пожалуй, впервые за всю историю масонства в России оно стало обретать наконец свое собственное русское национальное лицо. Большой интерес в этой связи представляет состав начальствующих лиц Капитула Феникса на январь 1818 года: Великий префект, командор — А.А. Жеребцов, великий субпрефект — граф М.Ю. Виельгорский, блюститель короны — Ф.Ф. Герланд, блюститель лампы — граф Д.А. Зубов, блюститель меча — С.С. Ланской, блюститель наугольника — И.М. Евреинов, блюстители хоругви — П.А. Ржевский, Х.И. Уттехт, первый блюститель храма — П.И. Левенгаген, второй блюститель храма — Р.С. Шулепников, канцлер — граф Г.И. Чернышов, первый герольдмейстер — И.А. Мельников, второй герольдмейстер — князь П.П. Лопухин, великий секретарь — А.П. Римский-Корсаков, великий казнохранитель — П.И. Рубец, первый великий обрядоначальник — П.И. Мунт, второй великий обрядоначальник — А.Л. Грессап. Небезынтересен и рядовой состав членов Капитула Феникса: Н.М. Бородин, С.С. Потоцкий, П.А. Шувалов, Ф.Ф. Франкен, А.Н. Муравьев, Ф.К. Нейнич, Я.А. Кашперов, князь С.Г. Волконский, граф А.И. Дмитриев-Мамонов, С.П. Фонвизин, П.А. Курбатов, Н.А. Головин¹⁰. За небольшим исключением, все это коренные русские люди. Таким же русским, по сути дела, был и личный состав входивших в союз Великой Провинциальной ложи мастерских.

В последние годы Великой Провинциальной ложей руководил триумвират молодых «братьев»-масонов: А.П. Римский-Корсаков, М.Ю. Виельгорский, С.С. Ланской. Все они находились под руководством их духовного учителя И.А. Поздеева. Все

масонские бумаги этой ложи хранились у них дома. После смерти М.Ю. Виельгорского основная часть их была передана в Императорскую публичную библиотеку в Санкт-Петербурге. Бумаги Римского-Корсакова хранятся ныне в Санкт-Петербургском филиале Института истории России. Что касается масонских бумаг и документов, хранившихся у А.С. Ланского, то они находятся в настоящее время в отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (бывшей им. В.И. Ленина).

На 1 марта 1822 года в Провинциальном союзе насчитывалось 7 лож: «Святого Иоанна Предтечи», «Елизаветы к добродетели», «Дубовой долины к верности», «Орфея», «Трех небесных светил», «Трех небесных добродетелей» (все шесть в Петербурге) и «Ищущих манны» (Москва). Общее число братьев союза составляло 178 человек (по крайней мере, таково было количество собранных с братьев в 1822 году подписок)¹¹. На самом же деле число братьев, входивших в мастерские союза Великой Провинциальной ложи, было немного больше: по крайней мере, в 1820 году их, по сведениям С.С. Ланского, насчитывалось 350 человек¹². Но и эта цифра ни в какое сравнение не идет с числом адептов соперничавшей с ней Великой ложи «Астреи», общее число членов в мастерских которой составляло в 1822 году 1403 человека¹³.

Великим мастером Великой ложи «Астреи» стал, как уже отмечалось, граф Василий Мусин-Пушкин-Брюс, первым и вторым великими надзирателями соответственно Христиан фон Гинцель и барон Василий Россильон, великим секретарем — Густав Лерхе, великим витием — Фридрих Фольборг, великим казначеем — Егор Брандт, первым и вторым великими исполнителями — Петр Корсаков и Петр фон Гельмерсен¹⁴. Уже простой перечень начальствующих лиц — убедительное свидетельство нерусского характера Великой ложи «Астреи». Об этом же свидетельствует и анализ начальствующего состава мастерских этого союза. На январь 1816 года их было у него 6: «Петра к правде» (управляющий мастер Георг фон Эллизен, наместный мастер барон Карл Унгерн-Штернберг, первый и второй мастера — Фридрих Шредер и Иван Кайзер фон Нимсгейм), «Палестины» (управляющий мастер Федор Янаш, наместный мастер Фридрих Фольборг, первый и второй надзиратели — Иван Бонеблуст и Карл Квози́г), «Изиды» (Ревель, управляющий мастер И.И. фон Ризенкампф, наместный мастер барон Фридрих Унгерн-Штернберг, первый и второй надзиратели — Риземан и Ом), «Нептуна к надежде» (Кронштадт, управляющий мастер О.Ф. Ниман, наместный мастер Карл Вейер, первый и второй надзиратели — Александр Тонелиус и Иван Берловский), «Избранного Михаила» (управляющий мастер граф Федор Толстой, наместный мастер Владимир Паткуль, первый и второй надзиратели — Петр Головле́в и Федор Греч) и «Александра к коронованному пеликану»

(управляющий мастер О.Ф. Тевес, наместный мастер Г. Шуберт, первый и второй надзиратели — Г.М. Бартельс и С.Ф. Либ)¹⁵. На немецком или французском языках велись и работы большинства лож.

Что касается систем, по которым работали мастерские Великой ложи «Астреи», то здесь царил полный разноречивость. Так, наиболее многочисленная и влиятельная из них, «Александра к коронованному пеликану», придерживалась так называемой Йоркской новоанглийской системы, принятой в свое время в ложах И.П. Елагина. Ложа «Орла российского» (учреждена в 1818 году) работала по Старошведской системе. По Старошведской системе работала и ложа «Ключ к добродетели на Востоке Симбирска». Ложа же «Любви к истине» (Полтава) предпочла держаться Староанглийской (Шредеровой) системы. Ложа «Соединенных славян на Востоке Киева» (мастер стула поляк Ростиславский) работала по системе Великого Востока Варшавы. Ложа «Александра к тройственному спасению» (Москва) — по системе Вильгельмсбадского конгресса¹⁶. Все это, как мы увидим в дальнейшем, несмотря на внешние успехи движения, предопределило в конечном счете внутреннюю слабость и даже не состоятельность союза Великой ложи «Астреи».

Мы уже познакомились с начальниками Великой ложи «Астреи» на 1816 год. К марту 1818 года здесь произошли некоторые изменения. Суть их состояла в том, что, по мере перехода на сторону Великой ложи «Астреи» все новых и новых мастерских, русский элемент начинает потихоньку теснить немцев. Но происходило это медленно. Высшее начальство союза (великий префект В.В. Мусин-Пушкин-Брюс, наместный мастер князь А. Лобанов-Ростовский), правда, было русским. Однако реальная работа лож по-прежнему контролировалась немцами (наместные мастера, надзиратели, витии, казначеи и пр.): Христиан Гинцель, Федор Шеллер, Густав Лерхе, Фридрих Фольборт, Егор Брандт, Петр Гельмерсен, Отто Виттенгейм и другие. Что касается входящих в союз лож, то, если судить по составу начальствующих в них лиц, русскими из них могут быть признаны всего только четыре. В первую очередь это уже известная нам ложа «Избранного Михаила на Востоке Санкт-Петербурга» во главе с графом Федором Толстым. Рабочим языком этой ложи был русский. Русской по своему составу была и другая петербургская ложа — «Орла российского» во главе с управляющим мастером князем Иваном Гагариным. Наместным мастером ее был Алексей Картмазов. Первым надзирателем — князь Павел Гагарин, вторым надзирателем — Алексей Дудин. Русскими по своему составу были, судя по всему, также и ложи «Ключи к добродетели» в Симбирске и «Любви к истине» в Полтаве.

Прочие мастерские Великой ложи «Астреи» практически полностью находились в руках иностранцев. Так, ложа «Соеди-

ненных друзей» конца 1810-х — начала 1820-х годов состояла главным образом из подвизавшихся в Петербурге французов. Управляющим мастером ее был в 1818 году Оде де Сион, наместным мастером — Август Прево де Люмиан, надзирателями — Александр де Бофиз и Карл Вальц. Полностью в немецких руках находились ложи «Петра к правде» (управляющий мастер Иоганн Эллизен), «Палестины» (управляющий мастер Федор Янаш), «Нептуна» (управляющий мастер Карл Вейер), «Александра к коронованному пеликану» (управляющий мастер Павел Пезаровиус), «Пламенеющая звезда» (управляющий мастер Андрей Корф)¹⁷.

Наши наблюдения над личным составом союза Великой ложи «Астреи» подтверждаются и данными В.И. Семевского. Наибольших успехов, по его мнению, Великая ложа «Астрей» достигла в 1818 году, когда у нее было уже целых 24 мастерских (открытие последней, 25-й — «Овидий» в Кишиневе произошло в 1821 году), в которых насчитывалось 1300 человек¹⁸. Однако из этих лож восемь работало исключительно на немецком языке, четыре — на французском, одна — даже на польском. И только всего пять — на русском. Остальные ложи работали на двух языках: три на русском и французском, одна на польском и французском. Две ложи работали даже на трех языках: русском, польском и французском¹⁹. В общем, можно сказать, что из 24 мастерских этого либерального масонского союза русская речь, пусть даже и вперемешку с французской, звучала только в 10. Что же касается лож, работы в которых велись только на русском, то их, как уже отмечалось, было всего 5. Простое сопоставление этих соотношений: три русских из семи консервативного Провинциального союза и всего пять из 25 у либеральной Великой ложи «Астреи» не оставляет сомнений относительно того, что размежевание среди российских масонов середины и второй половины 1810-х годов имело не только идеологическую (либералы — консерваторы), но и национальную подоплеку, так как консерваторами оказывались почему-то, как правило, именно русские «братья».

Официально, как уже отмечалось, по списку в союзе Великой ложи «Астреи» насчитывалось в 1818 году 24 мастерских. Однако реально работало из них, судя по всему, несколько меньше. Так, в 1821 году, согласно данным руководителя этой ложи Е.А. Кушелева, в ней насчитывалось всего 19 реально функционировавших на то время мастерских общей численностью в 1404 «брата» (797 в Петербурге и 607 в других городах империи)²⁰. На русском языке работы велись только в четырех из них: «Избранного Михаила», «Орла российского», «Ключа к добродетели» (Симбирск, управляющий мастер — князь Михаил Багратион) и «Восточного света» (Томск). Общее число братьев в этих четырех ложах составляло всего 299 человек. Остальные 15 лож рабо-

тали на немецком и французском языках, хотя и среди их членов было, конечно же, немало русских.

Из новоучрежденных мастерских союза Великой ложи «Астрееи» особого внимания заслуживает ложа «Овидий» в Кишиневе, в которой подвизался некоторое время А.С. Пушкин. Именно здесь 4 мая 1821 года и состоялось посвящение великого поэта в степень ученика²¹. Интерес Пушкина к масонству не был случаен. Масонами были его отец и два дяди: Николай и Василий Львовичи. Да и сам Александр Сергеевич пытался присоединиться к масонству еще в 1818 году. Речь идет о ложе «Трех добродетелей», в качестве кандидата в члены которой он успешно баллотировался в сентябре этого года. Однако вследствие изменения личного состава ложи, из которой ушли близкие А.С. Пушкину люди: Н.М. Муравьев, С.Н. Муравьев-Апостол, П.И. Колошин, И.А. Долгоруков, дальнейшего развития история с его посвящением именно в эту ложу так и не получила²². *«Я был масон в кишиневской ложе, то есть в той самой, за которую уничтожены в России все ложи», — писал в январе 1826 года А.С. Пушкин В.А. Жуковскому*²³.

А.С. Пушкин ошибался. Масонство было «уничтожено» или, правильнее, запрещено, конечно же, не из-за кишиневской ложи, которая едва ли могла что-либо натворить вследствие краткости своего существования. Дело в том, что зарегистрирована она была 7 июня 1821 года, а уже 9 декабря этого же года была закрыта Великой ложей «Астреей». Побудительным мотивом к ее закрытию стало недовольство правительства: ведь Пушкин в это время находился в Кишиневе на положении ссыльного. Наметным мастером ложи был П.С. Пушин. Кроме А.С. Пушкина, в ложе состояли М.Ф. Орлов, В.Ф. Раевский и несколько проживавших в то время в Кишиневе французов. Пребывание А.С. Пушкина в ложе было, таким образом, крайне непродолжительным и уже вследствие этого сколько-нибудь серьезного влияния на него оказать едва ли могло. Известно, правда, что вскоре после своего посвящения наш поэт отрастил длинный ноготь на большом пальце правой руки — характерный отличительный знак масона. Но придавать этому обстоятельству серьезное значение, конечно же, не следует. С длинными ногтями на большом пальце правой руки в эти годы расхаживали по петербургским и московским гостиным слишком многие господа²⁴.

Не следует придавать большого значения в связи с этим и знакомству поэта с учением, символикой и обрядами вольного каменшчества, хотя масонская тема в той или иной степени действительно проскальзывает во многих произведениях поэта: «Вакхическая песня», «Пророк», «Странник», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пиковая дама» и других²⁵. Ведь о масонском учении и обрядах ордена знал в это время едва ли не каждый образованный человек. Знать о масонах — это еще совсем

не значит быть масоном в настоящем, глубоком, а не формальном, как у А.С. Пушкина, значении этого слова. А то, что масонство А.С. Пушкина было случайным эпизодом в его биографии — это несомненно. И убедительное свидетельство тому — резкое охлаждение отношений поэта со своими братьями по ордену в 1830-е годы. И виноват в этом был прежде всего сам А.С. Пушкин, или, вернее, его государственно-патриотическая позиция в эти годы. Одно уже стихотворение «Клеветникам России» многого в этом отношении стоит. В результате, как отмечают современники поэта, в последние годы своей жизни он уже совсем перестал посещать Английский клуб — традиционное место собрания петербургских масонов того времени. Некоторые исследователи даже считают, что дуэль и смерть А.С. Пушкина были спровоцированы именно масонами, как месть поэту за его якобы отступничество от идеалов ордена. Орудием мести якобы был избран Жорж Дантес, действовавший по указанию некоего таинственного зарубежного масонского центра²⁶.

Большое внимание в связи с этим придается «последнему предупреждению» поэту — полученному им накануне дуэли «диплomu Ордена рогоносцев», изобилующему масонской фразеологией, вроде «командор», «Большой капитул», «рыцари» и т. п. Отчетливо просматривается масонская символика и на печати «диплома»: циркуль, птица и прочее. Едва ли случайно и то, что рассылался «диплом» от имени Д.Н. Нарышкина — бывшего мастера петербургской ложи «Северных друзей». Организатором же заговора «космополитической клики» против А.С. Пушкина считается ненавидевший поэта министр иностранных дел России граф Карл Нессельроде. Впрочем, справедливости ради следует отметить, что сторонники этой увлекательной версии оперируют больше эмоциональными и логическими доводами, нежели достоверными критически проверенными фактами. 2 февраля 1837 года известный масон А.И. Тургенев записал в своем дневнике: *«Заколотили Пушкина в ящик. П.А. (Вяземский. — Б.В.) положил с ним свою перчатку»*²⁷. *Похоронили «братья» А.С. Пушкина, как видим, все-таки согласно масонскому обычаю*²⁸, *когда присутствующие при этом «братья» бросают на гроб покойного свои перчатки.*

Тем временем, в ночь с 15 на 16 июня 1820 года скончался престарелый И.В. Бебер, кончину которого горячо оплакивали оба масонских союза. На похоронах этого патриарха русского масонства в 18 часов вечера в лютеранской церкви Святой Екатерины близ 1-й линии Васильевского острова собрались едва ли не все масоны Санкт-Петербурга. Посреди церкви на катафалке был установлен гроб с телом покойного. Два «брата» в траурных шарфах стояли возле него. Пастор сказал свое надгробное слово, была воспета масонская кантата. Характерно, что вместе с масонами активное участие в похоронах И.В. Бебе-

ра принимали офицеры и воспитанники 2-го кадетского корпуса, в котором он работал многие годы. Похоронили И.В. Бебера на Смоленском лютеранском кладбище. 29 декабря 1820 года по масонскому обычаю была свершена траурная ложа его памяти. На ней присутствовало свыше 500 братьев²⁹.

Однако в целом российское масонство переживало далеко не лучшие времена и уже не пользовалось прежним кредитом ни у правительства, ни в обществе. *«Много раз старались меня вовлечь в общество масонов, — писал генерал А.П. Ермолов А.А. Закровскому в письме от 20 мая 1819 года. — Я не опровергаю, чтобы не было оно весьма почтенно. Но рассуждаю как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным»*³⁰. *«Они скрывают свои замыслы под покровом религии, любви к ближнему и смирения. Они отлично едят и пьют, предаются роскоши и сладострастию. А между тем постоянно разглазывают о целомудрии, воздержании и молитве. Через это приобретают они легковверных последователей с деньгами», — отмечал Ф.В. Ростопчин в своей записке о мартинистах от 1811 года*³¹.

Но Ф.В. Ростопчин был патриотом и убежденным противником масонства. Однако и сами адепты ордена хорошо сознавали внутреннюю пустоту содержания работ большинства тогдашних лож и несомненный вред, который приносила их деятельность обществу. *«Ныне правительством дозволены или терпимы масонские ложи, — писал 26 мая 1816 года А.Н. Голицыну известный масон А.Ф. Лабзин. — Развелось множество лож, и каждая ничего более не делает, как только принимает новых членов, которых напринимало теперь уже более тысячи. Что в этом? Хорошо ли правительству попускать обирать деньги ни за что ни про что. Кажется, либо не позволять ложи, либо поставить их на хорошую ногу, а то... есть управляющие ложами — люди весьма вредные, не только неверующие, но и не скрывающие своего неверия. За что же давать развращать полезных людей?»*³²

Ненормальность положения, сложившегося в это время в русском масонстве, сознавал не только А.Ф. Лабзин. Начинало понимать это, похоже, уже и правительство. Наибольшие опасения у него вызывал, естественно, либеральный союз Великой ложи «Астреи», который возглавил после отставки В.В. Мусина-Пушкина-Брюса великий мастер, поляк, сенатор, граф А.С. Ржевуский³³. В декабре 1820 года его сменил в этой должности генерал-лейтенант сенатор Егор Андреевич Кушелев (зять И.В. Бебера), подвизавшийся ранее в роли наместного мастера ложи А.Ф. Лабзина «Умирающий сфинкс». Ему и суждено было сыграть роль могильщика русского масонства.

Уже первоначальное знакомство Е.А. Кушелева с состоянием дел во вверенном ему масонском сообществе произвело на него самое неблагоприятное впечатление. Дело в том, что, как мы уже знаем, каждая из входивших в союз мастерских работала

по собственной масонской системе под началом своего собственного, не зависящего от Великой ложи «Астреи» начальства. Не замечать аморфности, рыхлости, а следовательно, и неэффективности союза Великой ложи «Астреи» мог разве что только слепой. Было очевидно, что поддержка правительством в 1814—1815 годах так называемого «реформаторского крыла» в русском масонстве (что, впрочем, было вполне в духе Александровского царствования) на самом деле было большой и непоправимой ошибкой. Не менее очевидной была и бессодержательность масонских работ. О прежнем размахе, которого достигла благотворительная и просветительская деятельность московских масонов 80-х годов XVIII века, не могло быть и речи. Несмотря на благоприятные, казалось бы, условия Александровского царствования, русские масоны этого времени так и не сумели выдвинуть из своей среды ни энтузиастов типа Н.И. Новикова, ни привлечь в свою среду богачей-филантропов, вроде Г.М. Походяшина и П.А. Татищева. Из наиболее крупных масонских начинаний этого плана можно отметить лишь учреждение в 1816 году ложей «Елизаветы к добродетели» в Петербурге Дома призрения для малолетних сирот. В 1819 году (февраль) симбирская ложа «Ключа к добродетели» обязалась собирать до 1400 рублей ежегодно на оплату обучения и воспитания детей неимущих дворян Симбирской губернии³⁴. Этим, собственно, все и ограничилось.

«Мы садимся, встаем, зажигаем и гасим свечи, слышим вопросы и ответы. Мы баллотуруем и принимаем в масоны непросвещенных, то есть немасонов. И, наконец, мы собираем несколько рублей для бедных, — вот для чего мы собираемся в ложу», — печально констатировал в 1820 году масон Никитин, член ложи «Избранного Михаила»³⁵. Но, быть может, в каких-то других ложах все обстояло по-иному? Ничуть. Братья, свидетельствовал о своей ложе Ф.Ф. Вигель, были все «народ веселый, гулливый: с трудом выдержав серьезный вид, спешили они понатешиться, поесть и преимущественно попить»³⁶. Но это еще сравнительно «благополучная» масонская ложа. Были ложи и похуже. «Здесь, в ложе «Соединенных друзей», по-прежнему так, что ложи нет. Мы намереваемся некоторые меры принять, поговорить с Бороздиным, чтобы укротить эту гидру или уничтожить ее», — с горечью отмечал в своем письме к С.С. Ланскому от 29 января 1820 года М.Ю. Виельгорский³⁷. Так что основания для беспокойства за состояние дел в масонском сообществе у Е.А. Кушелева, как видим, были.

Поставив своей ближайшей задачей наведение должного порядка в ложах, Е.А.Кушелев начал с того, что предложил своим братьям по Великой ложе «Астрее» возвратиться к единой для всех лож «истинной масонской древнейшей системе» шведского образца времен Великой Директориальной ложи «Влади-

мира к порядку». Однако братья, как и следовало ожидать, отнеслись к его предложению холодно, обставив свое согласие рядом неприемлемых условий. А две ложи — «Петра к истине» и «Палестины» — так те и вовсе высказались против его предложения. Е.А. Кушелев был, однако, настойчив, и благодаря его стараниям 12 марта 1822 года было объявлено о формальном объединении двух ранее враждебных масонских союзов: Великой ложи «Астреи» и Великой провинциальной ложи на началах, как он и предлагал, *«принятой некогда в Великой Директорической ложе «Владимира к порядку» истинной древней шведской системы»*³⁸. *Нечего и говорить, что объединение это было вынужденным и пошли на него братья под явным нажимом правительства. Как бы то ни было, 24 июня 1822 года в святой для каждого масона Иоанновский день по этому случаю в помещении Великой провинциальной ложи было устроено большое торжество, где произносились пламенные речи в связи с историческим, как утверждалось, событием — объединением двух враждовавших ранее друг с другом масонских союзов.*

Однако победа Е.А. Кушелева была пирровой победой. Объединение братьев Великой Провинциальной ложи и Великой ложи «Астреи» было непрочным и носило формальный характер. Братья из Великой ложи «Астреи» справедливо обвиняли Е.А. Кушелева в ренегатстве. Недоволен был своими «братьями» и царившими в ложах порядками или, правильнее сказать, беспорядками и сам Е.А. Кушелев. Демократический элемент, ворвавшийся в мастерские Великой ложи «Астреи» вместо господствовавших ранее принципов слепого повиновения масонскому начальству, был Е.А. Кушелеву явно не по душе.

Неудивительно поэтому, что еще в 1821 году он начинает «бомбардировать» Александра I своими записками о масонстве (всего их было четыре), в которых развивает, в общем-то, здравую мысль о необходимости коренных преобразований масонских лож в России на началах *«законности и порядка»*, ибо в настоящее время, как подчеркивал Кушелев, *«ложи наполнены людьми большей частью презренными, можно сказать, совершенной сволочью»*.

Известны, как уже отмечалось, четыре докладных записки Е.А. Кушелева на имя Александра I, представленные им при всеподданнейшем рапорте от 11 июня 1821 года. В первой из них Е.А. Кушелев излагает причины, побудившие его принять на себя должность великого наместного мастера Великой ложи «Астреи», а также принципы, которыми он намерен руководствоваться при управлении масонским сообществом. Вторая записка есть краткий обзор деятельности масонских лож в России времен царствования Александра I и всевозможных беспорядков в них. Третья посвящена преобразованиям, намечаемым Е.А. Кушелевым в возглавляемом им масонском союзе. Нако-

нец, четвертая записка есть краткая ведомость состава мастерских, входящих в союз Великой ложи «Астреи», с показанием числа членов и управляющих мастеров³⁹.

План Е.А. Кушелева состоял в том, чтобы, закрыв два соперничавших между собой союза, то есть Великую ложу «Астрею» и Великую Провинциальную ложу, восстановить затем незаконно, по его мнению, распущенную в 1816 году Великую Директориальную ложу «Владимира к порядку», что лишний раз подчеркивает эфемерность достигнутого под его руководством объединения. В обоснование своей идеи Е.А. Кушелев проводит, в общем-то, здравую мысль, уподобляя масонство «мечу обоюдоостру». *Можно смело сказать, отмечал он, что масонство «как весьма полезно, так и весьма вредно» быть может. В первом случае это «когда ложей управляет истинный каменщик, неустанный труженик Христов, верный подданный... В другом же, в противном случае, то есть когда ложа управляется мастером, не почитающим христианство, безбожником, вольнодумцем... все хорошее гибнет, разрушается, и произрастают горькие плоды ко вреду христианской веры, самодержца и всего государства его»⁴⁰.*

Не только из иностранных, но и из наших отечественных «ведомостей», подчеркивал Е.А. Кушелев, известно, *«что во многих королевствах и наипаче в Королевстве Неаполитанском, равно и в прочих землях Италии от тайных сект и обществ, особенно от секты карбонариев возникло вольнодумство, революции, мятежи, кровопролития»⁴¹. Современное ему русское масонство, доказывал Е.А. Кушелев императору, уже давно отошло от целей истинного, нравственного масонства, заключающихся в «глубочайшем благоволении к Творцу всякого, безмолвное повиновение царям и гражданским властям, от них учрежденным, любовь к ближнему, трезвая тихая жизнь и совершенное удаление от разврата и соблазна». Все это достигается только «содействием взаимного братолюбия и просвещения, то есть изъяснением Священного Писания, особенно же Нового Завета»⁴².*

Нечего и говорить, как далеки были от этого идеала масонские ложи начала 1820-х годов. Однако либерального царя, судя по всему, сей факт, в отличие от консерватора Е.А. Кушелева, не очень то и тревожил. Показательна в связи с этим его реплика, относящаяся, правда, к несколько более раннему периоду (1816), когда в ответ на рапорт московского генерал-губернатора графа А.П. Тормасова об открытии здесь масонской ложи «Александра тройственного согласия» император заявил следующее: *«Я не даю явного позволения, но смотрю сквозь пальцы. Опытom доказано, что в них (ложжах. — Б.В.) нет ничего вредного, и то представляю на твою волю»⁴³.*

В дальнейшем, однако, наметилось некоторое охлаждение Александра I и правительственной власти в целом к масонству. Во всяком случае, в 1818 году от руководителей масонских лож

опять стали требовать предварительного объявления в полицию о месте и времени своих собраний. Великие же мастера опять должны были возобновить свои систематические отчеты министру полиции о переменах в составе и обо всем, происходившем в ложах⁴⁴. *«Ныне масонство не имеет уже счастья пользоваться покровительством правительства»*, — с огорчением констатировал в январе 1819 года в письме к управляющему министерством полиции С.К. Вязмитинову тогдашний руководитель Великой ложи «Астреи» граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс⁴⁵.

Но вернемся к Е.А. Кушелеву и его «Запискам». По-видимому, он был уверен в успехе. Свидетельством этому служат разработанные им подробные *«правила Главной Директории Святого князя Владимира к порядку»*⁴⁶ на началах шведской системы, которую он и намеревался, как мы уже знаем, учредить, заручившись предварительной поддержкой императора. Если же государю, писал далее Е.А. Кушелев, будет угодно отклонить его проект, то *«полезно будет, всемилостивейший государь, масонские ложи закрыть, ибо от нынешнего их положения и образа действий... нельзя ничего ожидать, кроме таких же гибельных последствий, каковые уже раскрылись и беспрестанно раскрываются в прочих европейских государствах»*⁴⁷. Поразительно, но факт: беспрецедентное предложение о запрещении масонства в России исходило от его руководителя! Уж ему ли было не знать подлинное состояние дел в масонском сообществе. Не прислушаться к такого рода сигналам Александр I не мог. Тем более что с решительными протестами против масонского засилья в идеологической сфере выступали в это время и отдельные патриотически настроенные представители православного духовенства⁴⁸.

Однако рассчитывать на поддержку царя в этом вопросе особенно не приходилось. Еще 24 мая 1821 года царь возвратился из-за границы и прибыл в Царское Село. Уже в своем первом докладе председатель Государственного совета генерал-адъютант И.В. Васильчиков доложил ему о деятельности тайных обществ в России. Реакция царя была неожиданной. *«Дорогой Васильчиков. Вы, который находитесь на моей службе с начала моего царствования, Вы знаете, что я разделял эти иллюзии и заблуждения. Не мне подобает карать»*⁴⁹. Не получила у него поддержки и докладная записка А.Х. Бенкендорфа (сентябрь 1821) о тайных обществах в России⁵⁰. Более того, когда несколькими месяцами позже в декабре 1821 года полиция опечатала незаконно работавшую розенкрейцеровскую ложу А.Ф. Лабзина в Петербурге и изъяла протоколы ее заседаний и уставы, царь не поддержал своих подчиненных. Когда петербургский генерал-губернатор Милорадович доложил ему об этом инциденте, Александр I был крайне недоволен столь ревностным исполнением своего долга полицией и распорядился о немедленном возвращении изъятых у А.Ф. Лабзина бумаг, заметив при этом, что масонам *«бумаги сии нужнее, нежели*

полиции»⁵¹. Столь трогательная забота повелителя земли Русской о вольных каменщиках, конечно же, впечатляет.

Ничто, таким образом, казалось бы, не предвещало решительного закрытия масонских лож. И тем не менее оно произошло. Непосредственной причиной, толкнувшей государя на этот шаг, послужил, как надо полагать, так называемый меморандум бывшего прусского кабинет-министра (1792—1804) и бывшего крупного масона графа Христиана-Августа Гаугвица (1752—1832), предостерегавшего теперь европейских государей от происков своих бывших собратьев по ордену. В представленном на конгрессе «Священного Союза» в Вероне специальном документе Гаугвиц утверждал, что подлинной целью всемирного масонского ордена является достижение «всемирного владычества» путем превращения государей в послушные орудия своих целей. Этот документ не мог не произвести должного впечатления на Александра I, явное предпочтение которым дел внешних перед внутренними слишком хорошо известно, хотя, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов и недовольство масонами внутри страны.

1 августа последовал высочайший рескрипт на имя управляющего министерством внутренних дел графа В.П. Кочубея «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ». *«Все тайные общества, — читаем мы здесь, — под какими бы они наименованиями ни существовали, как то: масонские ложи или другими — закрыть и учреждения их впредь не дозволять»*⁵². Характерно, что в самом тексте рескрипта в качестве причины закрытия лож прямо были выставлены «беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах от существования тайных обществ» и желание царя «дабы твердая преграда полагаема была по всему, что к вреду государства послужить может». Так что спорить о причинах запрещения масонских лож в России вроде бы и нечего.

*«Вот какой сюрприз сделал нам государь при отъезде своем отсюда! Не знаю, чем провинились перед ним наши братья-масоны», — с горечью отмечал в связи с появлением рескрипта «брат» А.Е. Измайлов*⁵³. Напомним, что союз Великой ложи «Астреи» насчитывал к этому времени (1821) в своих рядах 1404 брата, которые были объединены в 19 лож. Его соперник — Великая Провинциальная ложа насчитывала всего 7 лож и 230 братьев⁵⁴. 11 августа 1822 года В.В. Мусин-Пушкин известил петербургского военного генерал-губернатора, что Великая ложа «Астрея» и восемь зависящих от нее в Петербурге масонских лож отныне закрыты. На следующий день было получено донесение, что и Провинциальная ложа с четырьмя принадлежащими к ней ложами в столице империи тоже объявила о своем закрытии. Характерно, что, извещая об этом государя, Милорадович счел необходимым добавить, что бывший начальник ее С.С. Ланской обнаружил, узнав о запрещении масонства, «большое огорчение и неудовольствие»⁵⁵. Однако большинст-

во братьев восприняли известие о запрещении масонства достаточно равнодушно. Еще раньше, 25 сентября 1821 года великий князь Константин Павлович закрыл 43 польских масонских ложи, действовавших под эгидой Великого Востока Польши⁵⁶.

Связь запрещения масонских лож в России с революционными событиями в Западной Европе сомнений не вызывает. Прав был, по-видимому, А.Н. Пыпин, который, говоря о причинах запрещения масонства в нашем Отечестве, отмечал, что они заключались главным образом «в том предубеждении, которое умели поселить за границей в императоре Александре против европейского либерализма. Когда начались там преследования тайных обществ, а также отчасти и масонских лож, русскому правительству казалось, что и наши ложи представляют такую же опасность»⁵⁷. В несколько ином ракурсе раскрывает подоплеку запрета масонства в России современный российский историк О.Ф. Соловьев. Одной из причин рескрипта 1 августа 1822 года, считает он, было то, что, кроме православной церкви и императора, «и верхи аристократии не были удовлетворены длительным опытом с масонством, которое так и не сумело дать им вспомогательного политического и идеологического инструмента в деле отстаивания своих известных требований»⁵⁸.

Логика рассуждений О.Ф. Соловьева такова: за масонами стояла либеральная аристократия. Рядовое же дворянство (А.А. Аракчеев и К^о) было настроено, в массе своей, весьма консервативно и к масонству относилось отрицательно. Главную роль в запрете масонства сыграли, таким образом, по мнению Соловьева, не внешнеполитические события, а внутривнутриполитические соображения⁵⁹. Масонство в России всегда было орудием вельможной группировки. Резкое ослабление ее позиций в 1820-е годы и особенно после 14 декабря 1825 года и объясняет, по мнению О.Ф. Соловьева, почему масонство в нашей стране ушло после 1822 года в небытие и мало кто пожалел об этом⁶⁰.

Еще одна точка зрения на эту проблему была высказана в свое время Александром Лебедевым, который доказывал, что запрещение масонства стало результатом свидания Александра I с архимандритом Фотием в Зимнем дворце 5 июня 1822 года. Именно Фотий, по его мнению, и раскрыл изумленному императору глаза на антигосударственную деятельность вольных каменщиков в России. «Что государь обещал Фотию уничтожить масонство, — отмечал А.А. Лебедев, — можно видеть из того, что в этот же день 1 августа, когда в Петропавловском соборе совершалось торжественное богослужение и митрополит Серафим возлагал на Фотия дар императора — наперстный алмазный крест, государь прислал нарочного поздравить Фотия и передать ему, что указ о запрещении масонских и тайных обществ ныне же им издан»⁶¹. То, чего не могли достичь докладные записки Е.А. Кушелева, князя Васильчикова и Бенкендорфа, подчеркивает А.А. Лебедев, архи-

мандрит Фотий совершил в одно посещение государя. О том же, правда, без прямой связи этого факта с запрещением масонских лож, пишет и Н.К. Шильдер. Вручение Серафимом Фотию алмазного креста 1 августа 1822 года произошло по личной просьбе императора. В тот же день архимандрит Фотий получил и копию указа об этом⁶². Современный исследователь Ю.Е. Кондаков решительно не согласен с этим. «Истинной причиной указа 1 августа 1822 года, конечно же, был страх императора перед тайными обществами и сходное направление политики европейских дворов», — замечает он⁶³.

Конечно же, не подлежит сомнению, что и свидание Александра I с Фотием также внесло свою лепту в решение императора о запрещении масонства и, быть может, даже явилось той каплей, которая переполнила чашу его терпения по отношению к ним. Принципиальное же решение о закрытии лож было скорее всего принято императором гораздо раньше в связи с активным участием братьев — вольных каменщиков в европейских революциях.

Насколько же обоснованным было запрещение масонских лож? Действительно ли их существование угрожало целостности и безопасности Российского государства? Современный исследователь В.И. Старцев весьма энергично доказывает, что никаких оснований, по большому счету, для запрета масонских лож не было, так как русское масонство этого времени было консервативным. Оно, по его мнению, могло бы и дальше быть «оплотом трона и монархии, если бы Александр I не испугался доносов и начавшегося в 1819—1821 годах обсуждения в масонских ложах политических вопросов»⁶⁴. Согласиться с этим, в свете отмеченных выше фактов, трудно. Хронологический указатель русских лож за 1717—1829 гг., составленный А.Н. Пыпиным, включает в себя 187 мастерских: 115 до 1800 года и 72 после⁶⁵. По другим, уточненным данным, в России первой четверти XIX века работало не менее 90 лож.

Т.А. Бакунина в своем списке русских масонов XVIII — первой четверти XIX в.⁶⁶ установила фамилии 3267 русских масонов этого времени, хотя на самом деле их, согласно ее оценкам, было от четырех до пяти тысяч⁶⁷. Впечатляет и установленное Т.А. Бакуниной общее число лож в России за эти годы — 220. Несмотря на неполноту списка Т.А. Бакуниной, произведенные ею на его основе подсчеты могут считаться вполне репрезентативными. Хотя результаты их шокируют, так как выясняется, что русских людей среди масонской братии этого времени было немногим более половины — 1731 человек из 3267. Все остальные — подвизавшиеся в России иностранцы, главным образом немцы. Особенно много их было среди военных (немцев 407, русских 621) и торгового сословия (немцев 213, русских всего 43 человека)⁶⁸. И хотя состав лож, отражая реальности тогдашней

элиты Российской империи, был пестрым: представители торгового сословия (305 человек), врачи (113), профессура и вообще ученые (103), композиторы и музыканты (40), художники и скульпторы (50), актеры (25), писатели и переводчики (135) и даже, как курьез, 8 крепостных — дворовые люди, записанные в масонство их владельцами для прислуживания в ложах⁶⁹, первое место в нем прочно занимают (1078 человек, или одна треть всего состава лож) «чины военные». Учитывая богатый опыт тогдашних господ офицеров по части организации дворцовых переворотов, нельзя не признать обоснованности опасений правительства на сей счет. Так что вопрос о запрете масонства к 1822 году не только назрел, но и перезрел.

Резкое охлаждение Александра I к масонству в конце своего царствования и его неожиданный (по крайней мере, для самих масонов) запрет позволяют некоторым исследователям ставить вопрос о восстании декабристов, планировавшемся, как известно, на лето 1826 года, и разрабатывавшихся планах убийства императора как своеобразной масонской мести Александру I за «измену» ордену. Что же касается гипотетического «ухода» Александра I из Таганрога в ноябре 1825 года под именем старца Федора Кузьмича, то этот сюжет однозначно трактуется некоторыми публицистами как заранее спланированное бегство императора, опасавшегося якобы за свою жизнь от руки «братьев». Веских оснований для такого рода смелых умозаключений не имеется.

Примечания

¹ Акт взаимных отношений двух Великих лож на Востоке Санкт-Петербурга [СПб., 1817]. С. 1—18.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 4.

⁴ Массонская грамота 1818 года. Сообщ. Т.О. Соколовская // Русский архив. 1903. № 12. С. 531.

⁵ К. Л...р. К истории масонства в России. Пер. с нем. Н.С. Иванова // Русская старина. 1882. № 10. С. 66.

⁶ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 76.

⁷ Акт взаимных отношений двух Великих лож на Востоке Санкт-Петербурга [СПб., 1817]. С. 15—17.

⁸ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 68.

⁹ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 456.

¹⁰ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 70—71.

¹¹ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 456.

¹² Соколовская Т.О. В масонских ложах (1817—1822). Пг., 1914. С. 17.

¹³ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 123.

¹⁴ Уложение Великой ложи «Астреи» на Востоке Санкт-Петербурга. СПб., 5815 (1815). С. 285.

¹⁵ Там же.

¹⁶ К. Л...р. К истории масонства в России. Пер. с нем. Н.С. Иванова // Русская старина. 1882. № 10. С. 66—67.

¹⁷ Уложение Великой ложи «Астреи» на Востоке Санкт-Петербурга. СПб., 1818. С. 341—345.

¹⁸ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 127.

- ¹⁹ Там же. С. 28.
- ²⁰ Кушелев Е.А. Записка о Великой ложе «Астрее» // Русская старина. 1877. Т. XVIII. С. 664.
- ²¹ Щеголев П.Е. К истории пушкинской масонской ложи // Голос минувшего. 1908. Кн.5. С. 517—520.
- ²² Серков А. «Пророк» и «мастер стула». Новое о масонстве Пушкина // Родина. 1997. № 5. С. 48—49.
- ²³ Пушкин А.С. Письма. Под ред. Б.Л.Модзалевского. Т. 2. М.; Л., 1928. С. 3.
- ²⁴ В...ев В.В. Исторические очерки русского масонства и его главнейших представителей // Орловские епархиальные ведомости. 1869. № 2. С. 134.
- ²⁵ Фомичев С.А. Пушкин и масоны // Русская литература. 1991. № 1. С. 162.
- ²⁶ Зуев Н. Кто виноват в гибели поэта? // Наш современник. 1989. № 6. С. 139.
- ²⁷ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 217.
- ²⁸ Масонские перчатки князя П.А. Вяземского // Сахаров Всеволод. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII — начала XIX века. М., 2000. С. 201—203.
- ²⁹ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778—1822). Пг., 1916. С. 78.
- ³⁰ Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения XVIII и первой четверти XIX столетия. СПб., 1907. С. 116.
- ³¹ Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах // Русский архив. 1875. № 9. С. 80.
- ³² Дубровин Н. Наши мистики-сектанты: А.Ф. Лабзин и его «Сионский вестник» // Русская старина. 1894. № 12. С. 101.
- ³³ Из материалов по истории масонства. Сообщ. Т.О. Соколовская // Русская старина. 1907. № 2. С. 345.
- ³⁴ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 5—6. С. 409.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Русский архив. 1892. № 9. С. 55.
- ³⁷ Из масонских писем. Сообщ. Т.О. Соколовская // Русский архив. 1905. № 10. С. 288.
- ³⁸ Уничтожение масонских лож в России. 1822. Сообщ. И.И.Ореус // Русская старина. 1877. Т.18. С. 478—479.
- ³⁹ Там же. С. 464—467, 467—479, 641—650, 661—664.

⁴⁰ Там же. С. 644.

⁴¹ Там же. С. 465.

⁴² Там же. С. 642—643.

⁴³ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 25.

⁴⁴ Там же. С. 26.

⁴⁵ Там же. С. 28.

⁴⁶ Уничтожение масонских лож в России. 1822. Сообщ. И.И.Ореус // Русская старина. 1877. Т.18. С. 645—649.

⁴⁷ Там же. С. 650.

⁴⁸ Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. СПб., 1998. С. 105—107.

⁴⁹ К закрытию масонских лож в России. Публ. А.А. Лебедева // Русская старина. 1912. № 3. С. 524.

⁵⁰ Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. С. 204—215.

⁵¹ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 42—43.

⁵² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т.38 (1822—1823 гг.). СПб., 1830. С. 579.

⁵³ Базанов В.Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 84.

⁵⁴ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 127—128; № 3. С. 123.

⁵⁵ Там же. № 2. С. 48.

⁵⁶ К истории масонства в России. Сообщ. З.Н. // Русская старина. 1907. № 3. С. 540.

⁵⁷ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 454.

⁵⁸ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730—1917. М., 1993. С. 121.

⁵⁹ Там же. С. 122.

⁶⁰ Там же. С. 124.

⁶¹ К закрытию масонских лож в России. Сообщ. А.А. Лебедева // Русская старина. 1912. № 3. С. 528.

⁶² Шильдер Н.К. Император Александр I. Т.4. СПб., 1899. С. 250—251.

⁶³ Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция. СПб., 1998. С. 126.

⁶⁴ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 33.

⁶⁵ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 498—532.

⁶⁶ Bakonina Tatiana. Repertoire Biographique des Francs-Masons Russes (XVIII et XIX siecles). Paris, 1967.

⁶⁷ Шаховской Д.М. Татьяна Алексеевна Бакунина // Из глубины времен. Вып. 10. СПб., 1998. С. 196—208.

⁶⁸ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 19, 23.

⁶⁹ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 64.

МАСОНЫ И МАСОНСТВО В РОССИИ ПОСЛЕ 1822 ГОДА. МАСОНЫ И ДЕКАБРИСТЫ

Запрещение тайных обществ Александром I больно ударило прежде всего по официальным масонским структурам: Провинциальному союзу и союзу Великой ложи «Астреи». На тайные же работы розенкрейцеров оно, по крайней мере, на первых порах, повлияло мало. Смерти Н.И. Новикова (1818), И.А. Поздеева и И.В. Бебера (оба в 1820 г.) способствовали, как это ни странно, определенной консолидации московских и петербургских масонов-мистиков. В отсутствие признанных и не ладивших между собой лидеров «поздние розенкрейцеры» Александровского времени поневоле вынуждены были объединиться во круг ложи «Теоретического градуса», сначала (1820) в Москве, а затем и в Петербурге.

7 апреля 1821 года здесь, наряду с официальным капитулом, была учреждена новая тайная ложа Теоретической степени во главе с Сергеем Степановичем Ланским. В своей речи на ее открытии С.С. Ланской говорил о неких тайных начальниках, от имени которых он якобы и руководит ложею. *«Получив приказание заниматься с вами, я с трепетом приступаю к сему, но долг повиноваться начальству подкрепляет меня!»* — восклицал он. О каком масонском начальстве говорил С.С. Ланской (в то время второй мастер Провинциальной ложи и будущий министр внутренних дел), остается только гадать. *«Речь Ланского, — писала в этой связи Т.О. Соколовская, — не оставляет ни малейшего сомнения, что существовал действительно тот невидимый капитул, коему повиновались и за страх, и за совесть правившие Капитулом Феникса в России наивысшие известные нам русские масоны. Кто были эти неизвестные орденские начальники и где имели они пребывание, о том донныне неизвестно»*¹.

Продолжалась после 1822 года, несмотря на августовский рескрипт Александра I, и тайная деятельность лож, в той или иной мере связанных с декабристами, причем характерно, что наряду с непосредственными участниками движения немало оказалось в их числе и активных гонителей участников восстания 14 декабря 1825 года: В.А. Перовский, А.И. Нейдгард, Е.А. Головкин, И.И. Левенштерн, О.И. Прянишников. Среди членов и сотрудников Верховного уголовного суда над декабристами также было немало масонов: М. Сперанский, Н. Ланжерон, А. Боровков, С. Апраксин, М. Бороздин, А. Бенкендорф,

М. Виельгорский. В этом же ряду оказался даже такой, казалось бы, записной либерал, как Николай Семенович Мордвинов (член петербургской ложи «Молчаливости»²).

В свое время графиня С.Д. Толь в своей известной книге «Масонское действо» даже высказала догадку, что масоны — участники суда над декабристами якобы старались так вести дело, чтобы, с одной стороны, не дать обнаружить главных вождей заговора, а с другой — подвергнуть наказанию руководителей восстания, не сумевших выполнить должным образом порученное им задание. *«Павел Пестель, — писала С.Д. Толь, — ставленник высшей масонской иерархии, не сумел или не захотел (мечтая для себя самого о венце и бармах Мономаха) исполнить в точности данные ему приказания. Много пообещал, но ничего не сделал. Благодаря этому он подлежал высшей каре. Не следует забывать, что он был шотландским мастером, что при посвящении в эту высшую тайную степень у посвящаемого отнималось всякое оружие. Объяснение гласило, что в случае виновности от масона отнимаются все способы защиты»*³.

Легенда эта дожила до наших дней. Всем памятен медальон с пятью профилями казненных декабристов в альманахе «Поллярная звезда». *«В литературе, — пишет в связи с этим В.А. Кобылин, — высказывалось соображение, что молодых масонов-декабристов судили их старшие братья — руководители более засекреченные, которые, собственно, и спланировали декабристский путч. Поэтому выбор имен пяти казненных был не случаен, а символичен. Символ этот — пятиконечная масонская звезда Пламенеющего Разума — был нацелен в революционное будущее России». Законная казнь, таким образом, в тайном масонском плане братьев старших степеней «превращалась в ритуальную жертву, к которой, конечно, не имела никакого отношения законная русская власть», — пишет В. Кобылин*⁴. Источники, однако, не подтверждают столь смелой интерпретации описываемых событий.

Что касается большого числа консерваторов и приспособленцев среди бывших членов масонских лож, то удивляться тут нечему. Более того, можно сказать, что как раз именно такого сорта люди в сущности и определяли его общий фон. Неудивительно поэтому, что, трезво оценив обстановку, наиболее радикальная часть братьев приходит в это время к выводу о необходимости поиска какого-то другого пути, отличного от масонского. Путь этот — военная революция, во многом, как это теперь очевидно, был подсказан русским братьям их европейскими духовными собратьями — итальянскими и испанскими карбонариями⁵. Так возникли первые преддекабристские организации: Орден русских рыцарей, Семеновская артель, а затем уже и собственно декабристские структуры: «Союз спасения», «Союз благоденствия», Северное и Южное общества.

Для либеральной историографии всегда была характерна не-

дооценка степени влияния масонства на декабристское движение. Политический консерватизм русских вольных каменщиков, крайне незначительные размеры их просветительской и благотворительной деятельности, не говоря уже о господствовавшем в ложах мистицизме, отвратили от масонства многих будущих декабристов. Присмотревшись к нему ближе, они вынуждены были разочароваться в нем и поспешно покидали масонские мастерские, доказывал известный дореволюционный историк В.И. Семевский. Масонство в его представлении, конечно же, сыграло *«некоторую роль лишь на первых ступенях организации тайных обществ во второй половине 10-х годов XIX века»*. И уже только поэтому историк не может обойти масонскую проблему при изучении движения декабристов⁶.

Из этого же исходили и другие историки, в том числе и советского времени. Да, говорят они, декабристы были масонами. Это интересно, но не более того, так как скоро им стало тесно в ложах, и они их покинули. Одним словом, масонские ложи, по их мнению, оказались малопригодными для революционных целей, и декабристы как бы переросли их. Что касается связей декабристов с международным масонством, то усилия исследователей здесь обращаются прежде всего к итальянским карбонариям. Уже упоминавшаяся нами дореволюционная исследовательница С.Д. Толь, посвятившая изучению этой проблемы немало времени, пришла к следующему выводу: *«Влияние масонства на события 14 декабря я документально доказать не могла, но надеюсь, что доказала это логически»*⁷. Сегодня уже никто не сомневается, что движение декабристов в известной степени было аналогом карбонарского ответвления европейского масонства на отечественной почве. *«Для российских масонских заговорщиков, — пишет О.А. Платонов, — деятельность карбонариев служила образцом для подражания»*⁸.

Истоки декабризма, как установлено отечественной исторической наукой, восходят к событиям Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии 1813—1814 гг. Длительное пребывание русских офицеров на территории западноевропейских государств, прежде всего Германии и Франции, привело к тому, что либеральные идеи, широко укоренившиеся в этих странах, захватывали и русских «братьев» — членов походных военных лож. Особенно большое значение в этом плане имели непосредственные контакты русских масонов с их иностранными братьями, так как и германские, и французские ложи считали за честь принять в свои ряды русских офицеров. Не следует забывать, что европейское масонство начала XIX века, в полной мере испытав на себе влияние Великой французской революции 1789 года, отличалось радикализмом, что не могло впоследствии не сказаться на мировоззрении ориентировавшихся на них русских братьев — будущих декабристов.

Среди четырех так называемых преддекабристских организаций: Семеновская (1815) и Священная (1814) артели (в последнюю входили офицеры Главного штаба), кружок Владимира Раевского в Каменец-Подольске (1816) и Орден рыцарей русского креста (или Русских рыцарей, 1814–1817 гг.), наиболее показательной с точки зрения выявления масонской родословной идеологии и практики декабризма является история последнего, созданного Михаилом Орловым и Матвеем Дмитриевым-Мамоновым. Инициатива основания ордена принадлежала генералу Михаилу Федоровичу Орлову (1788–1842) — внебрачному сыну Ф.Г.Орлова. Деятельным членом ордена был и граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов (1790–1863) — сын известного фаворита Екатерины II. Оба генерала принадлежали к числу богатейших людей Империи, и уж кому-кому, а им на судьбу вроде бы и грех было жаловаться. Тот же Михаил Орлов, будучи всего 26 лет от роду, уже генерал-майор и по поручению Александра I и союзного командования в марте 1814 года принимает капитуляцию Парижа (подписал текст этого акта). Парадокс, однако, в том, что как раз именно такие умные и образованные люди, хорошо представлявшие, как живут в так называемых «цивилизованных странах», и выражали свое недовольство существующими в России порядками.

В 1814 году, будучи уже в Москве, М.Ф. Орлов посвятил в свои планы по созданию ордена М.А. Дмитриева-Мамонова⁹, который горячо поддержал эту идею и в том же году набросал свои «Пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения». Пункты эти, наряду с ограничением самодержавной власти и учреждением сената, составленного из 200 наследственных пэров или вельмож, 400 представителей дворянства и 400 *«представителей народа»* и *«упразднением рабства в России»*, содержали также далеко идущие планы: *конечное и всегдашнее истребление имени Польша и Королевства Польского и обращение всей Польши, как Прусской, так и Австрийской, в губернии Российские; присоединение Венгрии, Сербии, всех славянских народов; изгнание турок из Европы и восстановление греческих республик под протекторатом России; присоединение Норвегии; «сочинение проекта выгодной войны против Персии и вторжения в Индию»; «переселение половины жидов из Польши в ненаселенные губернии России и обращение их в веру»; «истребление раскола скопцов и всех расколов, брачное состояние отвергающих»; «рассеяние донских казаков»; «вольное книгопечатание»; «конечное падение, а если возможно, смерть иноземцев, государственные посты занимающих»; «вольная продажа вина и упразднение винного откупа» и ряд других столь же радикальных мер по коренной перестройке России.*

В 1816 году им же в типографии Московской медико-хирургической академии тиражом всего 25 экземпляров были опубликованы *«Краткие наставления русским рыцарям» на французском*

языке, предназначенные для новопринятых братьев ордена¹⁰. Целью пока еще только двух братьев проектируемого ордена была борьба за учреждение в России конституционной монархии с ограничением самодержавной власти посредством сената, часть членов которого была бы назначаемой, а часть — выборной от дворянства и горожан. Предусматривались также отмена крепостного права, наделение солдат землей по выслуге лет и другие преобразования. Новая программа, разработка которой Дмитриевым-Мамоновым относится к концу 1816 года, так называемый «Краткий опыт», имела еще более радикальный характер, так как предусматривала уже парламент или вече из двух палат: вельмож и мещан. О монархе в новом проекте даже не упоминалось, что позволяет думать, что автор его был безусловным сторонником республики. Первенствующее место в ней должно было принадлежать землевладельческой аристократии (палата вельмож). Что касается палаты мещан, то наряду с купцами и мастерами людьми видное место в ней отводилось представителям многогосподального русского крестьянства или «поселянам»¹¹. *«Проект Дмитриева-Мамонова восходит к масонско-мистическому революционизму эпохи Великой французской революции: канву своего плана он почерпнул из влиятельного издания «La bonche de fer», которое выпускали Фуше и Бонневиль»*¹².

Активная деятельность ордена продолжалась, однако, недолго: где-то со второй половины 1815-го по начало 1816 года. Что касается членов его, то среди них мы встречаем таких известных масонов Александровского царствования, как Н.И. Тургенев, М. Новиков (племянник известного просветителя), поэт Денис Давыдов, мистик Максим Невзоров и, возможно, князь А.С. Меншиков и будущий шеф жандармов при Николае I А.Х. Бенкендорф¹³. Каких-либо документальных следов своих заседаний орден не оставил, и, по мнению М.В. Нечкиной, *«весьма сомнительно, чтобы указанная шестерка или восьмерка хотя бы один раз вместе заседала за одним столом»*¹⁴. *Жизнь диктовала свои условия, и большую часть времени члены ордена проводили в служебных разъездах.*

В 1818 году Орден русских рыцарей, фактически прекративший к этому времени свою активную деятельность, и декабристский «Союз спасения» объединились в новую декабристскую организацию — «Союз благоденствия». Тем не менее, как полагает московский исследователь А.И. Серков, разногласия между ними сохранялись даже и после 1821 года. Если Северное и Южное общества декабристов, считает он, сошлись в конечном счете на идее военной революции, то члены Ордена русских рыцарей в лице М.Ф. Орлова стояли за органичное сочетание заговора с распространением революционных идей среди русского дворянства¹⁵. В 1819 году М.А. Дмитриев-Мамонов, который и раньше страдал *«помрачением рассудка»*, *подает в отставку «за*

болезнью» и поселяется у себя в подмосковной деревне. 7 июля 1825 года Александр I утвердил мнение Комитета министров о признании генерал-майора Дмитрия Мамонова безумным¹⁶. Последние 38 лет своей жизни (а умер он 11 июня 1863 года от ожогов, случайно поджегши на себе обильно смоченную одеколоном рубашку) периодически страдавший психическим расстройством М.А. Дмитриев-Мамонов провел под опекой.

Совсем другое дело М.Ф. Орлов, который не только был принят в тайное общество (г. Тульчин, 1820), но и, назначенный в том же году командиром 16-й дивизии в Бессарабию, возглавлял Кишиневскую управу Общества. В декабре 1825 года, как и другие участники заговора, был арестован, и только вмешательство близкого к Николаю I брата М.Ф. Орлова спасло его от Сибири. Уволенный со службы, он был выслан в свое имение. С 1831 года — в Москве, где имел репутацию либерала и западника.

Как сколько-нибудь действенная масонская структура, орден проявил себя слабо и существовал, говоря словами самого Матвея Дмитриева-Мамонова, «только в идее»¹⁷. Для нас в данном случае более важно другое. Орден русских рыцарей — это первая, или, во всяком случае, одна из первых преддекабристских организаций, которая была ничем иным, как масонской ложей. «Страстный масон, — пишет о Дмитриеве-Мамонове М.В. Нечкина, — он разрабатывает детальные ритуалы заседаний ордена с бесконечным множеством обрядов, пишет катехизисы для каждой из трех проектируемых степеней ордена и в особой рукописи распространяется о том, что орден должен в окрестностях обеих столиц, а также во всех главных пунктах Империи иметь обширные «дачи», принадлежащие его членам, где будут подземелья и ложи со сводами для ведения великих масонских таинств»¹⁸.

«Везде и всюду, — отмечал Н.М. Дружинин, — масонство ценилось как форма общественного сцепления, не только охраняющая тайну организации и боевой подготовки, но и способствующая подбору людей определенного идеологического устремления»¹⁹. При отсутствии независимых политических структур и недостатке революционного опыта декабристы не могли не вступить в масонские ложи и не встать, по примеру Западной Европы, на путь использования их организационных форм в своих целях.

Настоящим инкубатором и рассадником будущих декабристов была, несомненно, масонская ложа «Трех добродетелей»²⁰, учрежденная в 1815 году князем С.Г. Волконским, П.П. Лопухиным и М.Ю. Виельгорским²¹. Это была иоанновская ложа трех первых степеней. По крайней мере, не менее 10 членов ее на 1817 год были в то же время и членами декабристской организации «Союз спасения»²²: генерал-майор князь С.Г. Волконский, князь И.А. Долгорукий, князь С.П. Трубецкой, М.И. Муравьев-Апостол, С.И. Муравьев-Апостол, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель, А.Н. Муравьев, А.С. Норов, Ф.П. Шаховской²³. Работала

ложа по шведской системе и входила в союз Великой Провинциальной ложи.

Из членов масонской ложи «Трех добродетелей» и вышла первая декабристская организация «Союз спасения» (1816). Характерно, что уже изначально она создавалась по образцу и подобию прусского тайного союза «Тугенбунд» (Друзья добродетели) — полумасонская структура патриотической направленности, образованная в 1808 году в Кенигсберге. Устав «Союза спасения», объединявшего в своих рядах несколько десятков офицеров, был разработан П.И. Пестелем. Согласно показаниям С.П. Трубецкого, уже изначально организация ориентировалась на широкое использование в целях революционной борьбы масонских структур. Так, согласно показаниям С.П. Трубецкого, руководитель ложи А.Н. Муравьев пытался воспользоваться масонской ложей для прикрытия политических целей «Союза спасения». Признавал это обстоятельство и сам А.Н. Муравьев. *«Хотя я и не был начальником ложи «Трех добродетелей», а был оным Лопухин, — заявил он, — а я же был вторым по нем в ложе сей, но сознаюсь, что имел... намерение под покровом сей масонской ложи обезопасить членов Общества, почему и старался я привлечь в нее членов»*²⁴.

К лету 1818 года относится памятное для масонов посещение ложи «Трех добродетелей» императором, в ходе которого А.Н. Муравьев имел неосторожность обратиться к нему по-братски на «ты»²⁵. *«Мирное завоевание» ложи «Трех добродетелей», отмечал Н.М. Дружинин, совсем не исключало необходимости образования крепкого и спевшегося ядра, которое должно было внедриться в расплывчатую масонскую организацию и «переделат ее по своему образу и подобию»*²⁶. Инициатива исходила от Александра Муравьева. Горячо поддерживал на первых порах идею придания тайному революционному обществу защитной оболочки в виде фактически легализированных правительством масонских лож и другой известный руководитель декабристского движения — Павел Пестель.

Заслуживает внимания, что симпатии такого, казалось бы, радикала, как П.И. Пестель, оказались не на стороне либерального союза Великой ложи «Астреи», а его консервативных противников из союза Великой провинциальной ложи. Ларчик тут открывается просто. Безначалие и полное отсутствие дисциплины, царившие в мастерских союза Великой ложи «Астреи», уже, можно сказать, заранее обрекали их на полную непригодность для революционной работы. Ложи же консервативного Провинциального союза, основанные на строгой дисциплине и беспрекословном подчинении младших братьев старшим, выглядели в этом отношении куда предпочтительнее. Главное здесь было как можно выше забраться по масонской лестнице степеней, что открывало перед братьями практически неограниченную

власть над «младшими». И надо сказать, П.И. Пестель преуспел и в этом, быстро получив посвящение сначала в 4-ю, а затем и в 5-ю степень шотландской ложи «Сфинкса». Соответствующий патент на пергаменте за печатью «Сфинкса» на латинском языке был получен П.И. Пестелем 12 февраля 1817 года. Скрепили его тогдашние начальники ложи А.А. Жеребцов, О. де Сион, Г. Зубов, Д. Нарышкин и другие²⁷.

П.И. Пестель остановился на 5-й степени. Его коллегам П.П. Лопухину и Ф.П. Шаховскому повезло больше: в 1817 году они были посвящены в 7-ю степень — Рыцарей храма, а в 1818 году их даже ввели в святая святых — Капитул Феникса, где царствовали М.Ю. Виельгорский, Г.И. Чернышов, С.С. Ланской и другие «начальники ордена».

Прочными были связи с масонством и второй тайной декабристской организации — «Союза благоденствия» (1818–1821 гг.), в полулегальный филиал которого превратилась под влиянием ее «оратора» Ф.Н. Глинки масонская ложа «Избранного Михаила». Членами этой ложи были такие известные впоследствии декабристы, как Н.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, Г. Батеньков, М.Н. Новиков, А.Д. Боровков. Не случайно и то, что эмблемой «Союза благоденствия» стал пчелиный улей — один из распространенных символов масонства. Связь «Союза благоденствия» с масонством отчетливо проявляется и в истории ложи «Любви к истине», основанной в 1818 году в Полтаве. Эта мастерская принадлежала союзу Великой ложи «Астреи». Управляющим мастером ее был Михаил Новиков, член первых декабристских организаций «Союза спасения» и «Союза благоденствия». Наместным мастером ложи был С.Н. Кочубей. Среди членов — члены «Союза благоденствия» В.А. Глинка и В.С. Лукашевич. В 1819 году ложа была закрыта. Справедливости ради следует сказать, что далеко не все участники тайных декабристских кружков были такими уж горячими поклонниками масонства. Некоторые из них, как, например, декабристы В.И. Штейнгель, И.Д. Якушкин, так те и вовсе относились к масонству враждебно. Однако они были все же в меньшинстве.

В 1818 году под Киевом была основана ложа «Соединенных славян» союза Великой ложи «Астреи». Инициатором открытия ее был флигель-адъютант князь Лобанов-Ростовский. Должность управляющего мастера занимал Василий Лукашевич. В 1820–1822 гг. в качестве управляющего мастера подвизался Франц Харлинский, наместным мастером был полковник Леонтий Дубельт. Преобладающим элементом в ложе был польский²⁸. Ложу эту ни в коем случае не следует путать с тайным декабристским обществом масонского толка — «Соединенных славян», основанном в 1823 году подпоручиком Борисовым 2-м²⁹.

Влияние декабристов на масонские ложи было, конечно же, весьма и весьма значительным. На их основе ими были созданы

управы «Союза благоденствия» в Полтаве и Нижнем Новгороде. Полностью в руках декабристов находились масонские ложи Кишинева, Одессы, Киева и ряда других городов. В ряде случаев эти масонские ложи можно рассматривать как филиалы Союза благоденствия³⁰. Материала на эту тему набирается столько, что это позволяет ставить вопрос о декабристах как радикальном направлении в русском масонстве после 1815 года³¹.

Будущих декабристов в это время можно было встретить практически во всех масонских ложах: И.Ю. Поливанов («Елизаветы к добродетели», Петербург), Е.С. Мусин-Пушкин («Орла российского», Петербург), К.Ф. Рылеев («Пламенеющей звезды», Петербург), И.Г. Бибилов («Тройственного благословения», Москва), В.М. Бакунин («Орла российского», Петербург) и другие³². Однако отношение будущих декабристов к масонским работам было неоднозначно. Любопытен в этой связи отрывок из письма масона Н.И. Тургенева к брату Сергею от 11 февраля 1818 года: *«Князь Баратаев пишет мне, что завел ложу в Симбирске, «Ключ к добродетели», и предлагает мне титуло почетного члена и представителя их ложи у здешней директориальной ложи. Я от сего отказался, видя, что масонство у нас процветать теперь не может... В здешних ложах я также не бываю, да оне того в теперешнем их церемониальном ничтожестве и не стоят»*³³.

Однако самое важное здесь — это то, что не оправдывала себя из-за жесткого правительственного контроля над ложами первоначальная установка организаторов первых декабристских кружков на широкое использование их в революционных целях. *«По справедливости следует заключить, — отмечала в связи с этим Т.О. Соколовская, — что ко времени образования ложи «Трех добродетелей» все ложи того союза, к которому принадлежала ложа «Трех добродетелей» (Провинциальный союз. — Б.В.), для правительства не были тайными»*³⁴. Смушали будущих декабристов и господствовавший в мастерских Великой Провинциальной ложи мистицизм и обскурантизм. Убедившись в безнадежном консерватизме большинства своих «братьев» и явном несоответствии масонских работ своим собственным видам, большая часть будущих декабристов уже в 1818–1819 гг. покинула ложи. И хотя массовому исходу их из петербургских лож во многом, как теперь оказывается, способствовали чисто житейские обстоятельства — перевод их как офицеров на новые места службы, в принципиальном плане это дела не меняет. Очевидно, что дороги декабристов, вставших на путь военного заговора, и дороги вольных каменщиков к началу 1820-х годов явно разошлись.

Убедившись в этом, П.И. Пестель, как один из наиболее дальновидных декабристов, перестал поддерживать организационную связь с петербургскими масонами еще в 1818 году. Это повлекло его автоматическое выбытие сначала из шотландской ложи «Сфинкса» (1818), а затем, 5 ноября 1819 года, и из иоан-

новской ложи «Трех добродетелей»³⁵. Еще раньше, в 1818 году покинули ложу «Трех добродетелей» И.А. Долгорукий и Н. Муравьев. В 1819 году были исключены из списка членов ложи С.И. Муравьев-Апостол и Н.М. Муравьев, в 1820-м такая же участь постигла Ф. Шаховского и М. Муравьева-Апостола³⁶. В то же время следует иметь в виду, что часть будущих декабристов сохранила верность масонским ложам и продолжала свои работы в них вплоть до официального их закрытия: М.С. Лунин, Н.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, К.Ф. Рылеев.

О том, какое значение имел для декабристского движения масонский фактор, можно судить на основании следующих данных. Из 121 преданного Верховному уголовному суду декабриста в масонских ложах состояло по крайней мере 23 человека: П.И. Пестель (1812–1819), А.Н. Муравьев (1811–1818), братья Матвей Иванович (1816–1820) и Сергей Иванович (1817–1818) Муравьевы-Апостолы, Н.М. Муравьев (1817–1818), князь С.П. Трубецкой (1816–1819), Ф.П. Фонвизин (1820), князь С.Г. Волконский (1812), М.Ф. Митьков (1816–1821), Ф.П. Шаховской (1817), М.С. Лунин, Н. Бестужев (1818), братья Вильгельм (1819–1822) и Михаил (1818) Кюхельбекеры, Г.С. Батеньков (1818), А.Ф. фон дер Бригген (1817), Янтальцев (1816), С.Г. Краснокутский (1816–1818), Н.И. Тургенев (1814–1817), К.Ф. Рылеев (1820–1821), Е. Мусин-Пушкин (1821), И. Юрьев. Кроме того, известно, что членами заграничных масонских лож были декабристы В.А. Перовский, П.П. Каверин и Н.И. Лорер.

Можно утверждать, что по крайней мере пятая часть, т.е. 20% декабристов, преданных Верховному уголовному суду, были членами масонских лож. Кроме того, масонами был еще целый ряд лиц — членов декабристских тайных обществ, привлеченных к следствию в качестве свидетелей. Среди них: П.Я. Чаадаев, князь И.А. Долгоруков, М.Н. Новиков, Ф.Н. Глинка, князь П.П. Лопухин, П.И. Колошин, граф Ф.П. Толстой, генерал П.С. Пушин, В. Глинка, И. Бибилов, В.Н. Бакунин, барон Г. Корф, Н.В. Мейер, А. Скалон, Ф.В. Гурко, И.Н. Хотяинцев, В.Ф. Раевский, князь С.П. Трубецкой, В.Л. Лукашевич, Г.Ф. Олизар, князь М. Баратаев, В.П. Зубков, С. Проскура, граф П.И. Мошинский.

Таким образом, даже по самым минимальным подсчетам масонов среди декабристов было не менее 50 человек. *«Дальнейшие исследования, — выражал надежду впервые введший в научный оборот эти цифры историк В.И. Семевский, — нужно думать, еще более увеличат численность лиц, в которых проявилась непосредственная связь русских политических тайных обществ с масонскими»*³⁷. Они и увеличили. Так, согласно последним данным А.И. Серкова, с некоторыми допущениями число декабристов-масонов может быть увеличено до 120 человек³⁸. О 121 декабристе-масоне пишет со

*ссылкой на материалы Т.А. Бакуниной из Особого архива в Москве и Олег Платонов*³⁹.

Попытку разобраться в столь запутанном вопросе предпринял в последние годы О.П. Ведьмин. Всего, согласно его подсчетам, к следствию по делу декабристов было привлечено 83 масона. Однако 25 из них (М.П. Баратаев, Л.В. Дубельт, С.М. Кочубей, Эрнст-Вениамин Соломон Раупах и другие) никакого отношения к декабристскому движению не имели. Таким образом, в масонском декабристском списке остается всего 58 человек⁴⁰.

Можно констатировать, что не будь в России Александровского времени масонских лож, не было бы скорее всего и самого восстания. С другой стороны, по мнению ряда исследователей, именно с будущими декабристами связано возникновение и такого нового для первой четверти XIX века явления в русском масонстве, как появление в нем, наряду с либеральным и консервативным, еще и так называемого радикального крыла, нацеленного на коренное изменение политического строя и проведение революционно-демократических преобразований в стране.

Но вернемся к судьбе масонских лож после августа 1822 года. Масоны — не герои. Царских рескриптов (в 1826 году указ Александра I о запрещении тайных обществ был повторен Николаем I) оказалось вполне достаточно, чтобы большинство братьев навсегда позабыло дорогу в ложу. Только немногие из числа просветленных и наиболее преданных ордену братьев высоких степеней в глубокой тайне осмеливались продолжить свои работы. Речь идет прежде всего о Капитуле Феникса, который и после 1822 года продолжил свои работы. Кроме того, продолжали свои работы в доме И.А. Поздеева на окраине Москвы и московские масоны. Правда, в Петербурге в 1828 году хранившиеся в ложе масонские рукописи были изъяты правительством. Однако главные святыни, в том числе и большая пергаментная «Великая рыцарская книга» Капитула Феникса с именами всех русских рыцарей храма в руки правительства так и не попала. Удалось сохранить масонам от конфискации и «Великую синюю книгу» со вписанными в нее великим префектом наименованиями всех русских лож, подчиненных Капитулу Феникса. Что касается розенкрейцеров, то уже в феврале 1828 года они полностью возобновили прерванные ранее собрания ложи «Теоретических братьев». Активное участие в них принимали С.С. Ланской, П.И. Шварц, В.В. Беликов и некоторые другие масоны⁴¹.

Нет сомнения, что после официального запрещения масонских лож отношение русского общества к вольным каменщикам стало более критическим. Любопытен в этом плане следующий рассказ М.Ф. Каменской, относящийся к началу 1830-х годов.

Речь идет о сватовстве некоего инженерного офицера Д.Н. Булгакова к дочери профессора А.Е. Егорова, которое чуть было не закончилось грандиозным скандалом. Оказывается, как пишет М.Ф. Каменская, *«самодур Егоров чуть было Булгакова за дверь не выпроводил... И за что? — За то, что он раз, обедая у них, положил около своего прибора крестом вилку с ножом (масонский знак, принятый в столовых ложках. — Б.В.), а сложил только потому, что у Егоровых подставочек под вилки и ножи и в заводе не было. Заметил это на грех Алексей Егорович и на стену полез... «Чтобы я, — говорит, — русский человек, я, профессор Егоров, дочь свою за масона выдал!.. Да этому никогда не бывать!»⁴².*

В то же время следует иметь в виду, что и после официального запрета работ масонских лож масоны и масонство, по крайней мере на первых порах, представляли собой такую силу, не считаться с которой было нельзя. Стоит, очевидно, в этой связи привести обобщенные результаты так называемых «подписок», собранных среди масонов в 1822 и 1826 годах о их принадлежности к масонству. Конечно, данные эти далеко не полны. Но и они впечатляют. Так оказывается, что одних только господ офицеров среди масонов этого времени насчитывалось 517 человек⁴³. Немало было масонов и среди тогдашней профессуры: профессора и преподаватели Московского университета — И.И. Давыдов, Х.И. Лодер, А.А. Прокопович-Антонский, М.Я. Мудров, М.Я. Малов, М. Гаврилов, Ф. Рейсс, Ф. Кистер, И. Веселовский, О. Ежовский, В.Будревич⁴⁴. Из петербургских масонов, принадлежащих к ученому миру, можно отметить профессоров Петербургского университета К.И. Арсеньева и В. Шнейдера, а также профессоров Царскосельского лицея Н.Ф. Кашанского и барона Л.-А. Гауеншильда⁴⁵. Масонами в эти годы были также А.С. Грибоедов, В.А. Жуковский, П.А. Чаадаев, Ф.П. Толстой, К.А. Тон, А.Л. Витберг, И.П. Мартос, И.Н. Воронихин, А.А. Дельвиг, Н.И. Греч, А. Григорьев и многие другие известные деятели отечественной культуры.

Успех масонской пропаганды в России во многом был связан с тем, что в условиях русской действительности масонство наши образованные классы воспринимали как некий символ прогресса. А отставать от прогресса, конечно же, никому не хотелось. *«На масонство у нас смотрят как на людей высшей интеллигенции, как на людей «передовых», — констатировал современник описываемых событий»⁴⁶. Как отмечал в своих мемуарах масон Пржецовский, масонство в те годы составляло «едва ли не единственную стихию движения в прозябательной жизни того времени; было едва ли не единственным центром сближения между личностями даже одинакового общественного положения». «Вне этого круга, — подчеркивает мемуарист, — общительность, как ее видим в европейских городах, не существовала; все как-то чужда-*

лись друг друга, да и не было таких центров, где можно было бы свести хотя бы случайное знакомство»⁴⁷.

Исчезнуть в одночасье после царских запретов 1822 и 1826 годов эта сила, понятное дело, не могла. Она и не исчезла: Некоторое представление об этой стороне дела дают нам воспоминания выпускника Казанского университета Н.А. Мотовилова, как раз и относящиеся к 1826 году. Несмотря на то что масонство было уже запрещено, симбирская ложа во главе с уже известным нам губернским предводителем дворянства князем М.П. Баратаевым⁴⁸, как ни в чем не бывало продолжала свои тайные работы. Было предложено вступить в ложу и Н.А. Мотовилу, от чего он, будучи человеком православным, имел неосторожность отказаться. Это разозлило М.П. Баратаева, и он стал чинить молодому человеку всяческие препятствия, не давая ему возможность устроиться на должность смотрителя одного из уездных училищ Симбирской губернии. *«Этой должности, — заявил ему М.П. Баратаев, — Вам не видать, как своих ушей: И не только Вы этой должности не получите, но и не попадете ни на какую другую государственную должность, ибо и Мусин-Пушкин (попечитель Казанского учебного округа. — Б.В.), и министр князь Ливен — подчиненные мне масоны. Мое приказание им — закон»*⁴⁹. Вскоре Н.А. Мотовилов воочию убедился, что угрозы М. Баратаева — не пустые слова, а масонское братство и солидарность — отнюдь не миф, а тогдашняя российская реальность. *«С этого времени, — пишет биограф Н.А. Мотовилова С.А. Нилус, — началось преследование им, вернее травля Мотовилова. Не было клеветы, насмешек, тайных подкохов и ухищрений, которыми не подвергала его человеческая злоба»*⁵⁰.

Но, быть может, Н.А. Мотовилов, будучи человеком заинтересованным, несколько преувеличивал незримую власть ордена в тогдашней России? Ничуть. Вот что записал в своем дневнике в 1825 году под впечатлением беседы с одним из высших руководителей ордена масон С.Д. Нечаев (будущий обер-прокурор Святейшего синода). *«Невидимые министры, управляющие миром, прозорливее и дальновиднее обыкновенных вельмож, которые приписывают своему благоразумию сохранение общественного порядка. Есть и невидимая полиция, с которой мирская полиция есть один сколок, весьма несовершенный и часто карикатурный»*⁵¹. Ясное и не скажешь.

Какого-либо единого масонского центра после 1822 года в России, видимо, не существовало. Наиболее значительные масонские силы группировались вокруг ложи «Ищущих манны» в Москве. Среди участников этих собраний — Н.А. Головин, Р.С. Степанов, В.Д. Комынин, С.Н. Арсеньев⁵². Ложа эта просуществовала в Москве до середины 1830-х годов, после чего распалась на более узкие по своему составу кружки братьев «Теоретической степени» и «Капитула ордена». Провинциальным фи-

лиалом ложи «Ищущих манны» была мастерская «Соединение» в Тульской губернии, где у ряда ее членов были поместья. Есть сведения и о других масонских мастерских этого времени из бывших членов ложи «Александра тройственного благословения». Численность их непрерывно падала, и к началу 1860-х годов в Москве функционировал, по-видимому, всего один только эзотерический кружок В.С. Арсеньева, в котором подвизалось не более десятка членов. Что касается Петербурга, то здесь в конце 1820-х годов возобновилась было на короткое время деятельность Великой ложи «Астреи». Однако к началу 1860-х годов о каких-либо масонских кружках в Петербурге сведений уже нет.

Из провинциальных масонских кружков 1820-х — начала 1830-х годов исследователи отмечают нижегородский во главе с А.Н. Сверчковым, тверской во главе с Ю.Н. Бартеньевым. Имеются сведения о масонских кружках в Вологде (бывшие члены ложи «Северной звезды»), Симбирске (бывшие члены ложи «Ключ к добродетели»), Иркутске и Саратове. Но уже к началу 1840-х годов от них не осталось и следа. Следует упомянуть и о возобновлении в 1822—1825 гг. деятельности киевской ложи «Соединенных славян», в которой принимали участие декабристы Н.Н. Раевский, В.Л. Лукашевич и М.Ф. Орлов. Ложа вскоре, однако, была закрыта.

В отсутствие притока свежих сил, русское масонство 1830-х — 1840-х годов явно замыкалось в узких по своему составу семейных кружках, ограничивавшихся, как правило, членами одной семьи и их близкими знакомыми. Наиболее известна из них семейная масонская династия Комыниных-Арсеньевых, насчитывающая целых пять поколений масонов. От старших к младшим переходили в этих семьях предания, масонская символика и обрядность и, конечно же, масонские архивы. Были, хотя и крайне редко, и новые посвящения. В идейно-теоретическом плане все это были убежденные мистики. Некоторые из них, как то: С.С. Ланской, А.Н. Муравьев, А.Н. Голицын, С.Д. Нечаев, В.И. Кутневич занимали видное положение в обществе. Судя по всему, пишет современный исследователь, В.С. Арсеньев, протоиерей С. Соколов, Д.И. Попов, С.С. Ланской, Д.Ф. и Ф.А. Голубинские, А. Григорьев, граф М.В. Толстой, генерал-майор П.А. Болотов, В.А. Жуковский, А.Н. Пыпин и ряд других известных лиц принадлежали к одному и тому же масонскому кругу, хотя и не все из них были москвичами⁵³.

Свое масонское общественно-политическое лицо эти люди проявляли в николаевское царствование в активном участии в различного рода секретных комитетах по крестьянскому делу и разработке планов либеральных преобразований в России, чем, несомненно, способствовали приближению эпохи так называемых «великих реформ». *«В английской франкмасонской литера-*

туре, — отмечал в своей записке по истории масонства в России Л.Д. Кандауров, — имеется указание на то, что с 1856 по 1863 год русское правительство не преследовало существовавших тогда в России лож, может, благодаря тому, что император Александр II был, кажется, посвящен в одной из английских лож в молодости. Не преследовало, но отнюдь не поощряло. Есть сведения, что в эти годы были возобновлены работы новиковской ложи «Нептун» в Санкт-Петербурге, где тогда и были посвящены известный историк русского франкмасонства А.Н. Пылин и П. Беклемишев, впоследствии руководивший ложей «Карма» в Петрограде⁵⁴.

Масонство, отмечал князь П.В. Долгоруков, превратилось в эти годы «в общество взаимного вспомоществования и поддержки взаимной; богатые люди щедро помогали бедным. Люди влиятельные, сильные, имеющие связи, усердно покровительствовали своим собратьям». Любопытное описание масонских лож этой поры читатель найдет в известном романе А.Ф. Писемского «Масоны» (СПб., 1880). Тайную масонскую ложу в Москве возглавлял вплоть до начала 1860-х годов Сергей Павлович Фонвизин. Начальником петербургских братьев был Сергей Степанович Ланской⁵⁵. Ленивый, бестолковый и беспечный, он ничего не делал по своей должности; но благодаря обширным масонским связям дошел в 1855 году до должности министра внутренних дел.

Загнанные в подполье и лишённые внутреннего импульса, масонские кружки этого времени тихо угасали. Последнее ритуальное посвящение в ложе относится к 1850 году. И хотя некоторые исследователи (А.И. Серков) подчеркивают, что «масонские встречи продолжались по 1899 год»⁵⁶, для всякого непредвзятого историка очевидно, что ни о каких прямых продолжателях дела Н.И. Новикова и С.И. Гамалеи далее 1860-х гг. не может быть и речи. Последним масонским актом в России стало закрытие ими работ «Теоретического градуса» в 1863 году⁵⁷.

Примечания

- ¹ Соколовская Т.О. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822). Пг., 1916. С. 80.
- ² Письма Н.И. Новикова. СПб., 1994. С. 307.
- ³ Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914. С. 192.
- ⁴ Кобылин В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб., 1998. С. 402.
- ⁵ Ковальская М.И. Итальянские карбонарии. М., 1977.
- ⁶ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 5–6. С. 412.
- ⁷ Толь С.Д. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914. С. 205.
- ⁸ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 90.
- ⁹ Лотман Ю.М. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 2. Таллин, 1992. С. 249–282.
- ¹⁰ Лотман Ю.М. Краткие наставления Русским рыцарям М.А. Дмитриева-Мамонова // Вестник ЛГУ. 1949. № 7. С. 137–147.
- ¹¹ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 378.
- ¹² Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 323.
- ¹³ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.1. М., 1955. С. 134.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Серков А.И. Российское масонство. 1800–1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С. 15.
- ¹⁶ Болдина Е.Г. Последний из рода Дмитриевых-Мамоновых // Московский журнал. История государства Российского. М., 2001. № 4. С. 47.
- ¹⁷ Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 401.
- ¹⁸ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.1. М., 1955. С. 136.

- ¹⁹ Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 324.
- ²⁰ Серков А.И. Из истории русского масонства. Ложа «Трех добродетелей» и декабристы // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1988. № 5. С. 72–73.
- ²¹ Соколовская Т.О. Ложа «Трех добродетелей» и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908. № 10. С. 218–230.
- ²² Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 5–6. С. 389.
- ²³ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 426–427.
- ²⁴ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 140.
- ²⁵ Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. XVIII и первая четверть XIX столетия. СПб., 1907. С. 174.
- ²⁶ Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 312.
- ²⁷ Там же. С. 315.
- ²⁸ Мордовцев Д.Л. О масонской ложе «Соединенных славян» // Русская старина. 1878. Т.21. С. 187–189.
- ²⁹ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 159–160.
- ³⁰ Серков А.И. Российское масонство. 1800–1861. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1991. С. 13.
- ³¹ Там же. С. 12.
- ³² Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 3. С. 143–146.
- ³³ Там же. С. 144.
- ³⁴ Соколовская Т.О. Ложа «Трех добродетелей» и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908. № 10. С. 225.
- ³⁵ Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И.Пестеля // Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. М., 1985. С. 327.
- ³⁶ Соколовская Т.О. Ложа «Трех добродетелей» и ее члены-декабристы // Русский архив. 1908. № 10. С. 230.
- ³⁷ Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 5–6. С. 380.
- ³⁸ Серков А.И. 250 лет масонства в России. М., 1993. С. 35.

- ³⁹ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 83.
- ⁴⁰ Вельмин О.П. Масоны в России (1730–1825). Кемерово, 1998. С. 160–161.
- ⁴¹ Пыпин А.Н. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 532.
- ⁴² Воспоминания М.Ф. Каменской // Исторический вестник. 1894. № 8. С. 328.
- ⁴³ Список гг. военным, кои принадлежали масонским ломам // Русская старина. 1907. № 7. С. 197–216; № 8. С. 405–452; № 9. С. 643–653.
- ⁴⁴ Московского университета профессоры-масоны (1826) Публ. Дм. Щепкина // Русский архив. 1901. № 6. С. 301.
- ⁴⁵ Соколовская Т.О. Русское масонство и его значение в истории общественного движения. XVIII и первая четверть XIX столетия. СПб., 1907. С. 167.
- ⁴⁶ Русский архив. 1886. Т.2. С. 197–198.
- ⁴⁷ Русская старина. 1874. Т.11. С. 466–468.
- ⁴⁸ К истории масонской деятельности князя Баратаева. Публ. Т.О. Соколовской // Русская старина. 1909. Т.137. Кн.2. С. 424–431, 631–649.
- ⁴⁹ Нилус С.А. Великое в малом. Записки православного. Сергиев Посад, 1911. С. 119.
- ⁵⁰ Там же. С. 120.
- ⁵¹ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 68.
- ⁵² Корнеев В.Е. Документы Государственного архива Российской Федерации о московских масонах XIX — начала XX века // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 89–90.
- ⁵³ Острцов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С. 335.
- ⁵⁴ Там же. С. 420.
- ⁵⁵ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. М., 1992. С. 354.
- ⁵⁶ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 3.
- ⁵⁷ Виноградов А.Е. Российское масонство после правительственного запрета 1822 года. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1992. С. 12–13.

М.М. КОВАЛЕВСКИЙ И ПЕРВЫЕ «ФРАНЦУЗСКИЕ» ЛОЖИ В РОССИИ (1906–1909)

После запрета масонства в 1822 году некоторые «братья» надеялись, что со временем станет возможной хотя бы негласная легализация масонских лож в стране. Но этого не случилось. Николай I был непреклонен и, во избежание каких-либо кривотолков, после восстания декабристов счел необходимым повторить в 1826 году указ своего брата о запрете масонства, взяв к тому же с государственных служащих и военных на сей счет специальные подписки. Правда, если верить запискам П.В. Долгорукова, тайная деятельность «братьев» все же продолжалась: в Москве масонскую ложу возглавлял, как уже отмечалось, С. Фонвизин, в Петербурге же, вплоть до своей смерти (1862), великим наместником Великой провинциальной ложи шведского обряда был не кто иной, как сам министр внутренних дел (1855–1861 гг.), старый масон С.С. Ланской¹.

На этом, собственно, история масонства в России в XIX веке и заканчивается. Приходится констатировать, что к концу его старая посвяtitельная традиция эзотерического масонства второй половины XVIII — начала XIX в. была утрачена. Правда, ряд исследователей, не желая «верить фактам», ссылаясь на якобы «беспрерывное» существование на протяжении всего XIX века новиковской ложи «Нептун» в Петербурге и доверительные отношения последнего представителя старого масонства — В.С. Арсеньева (умер в 1916 году) с некоторыми из московских мартинистов начала XX века (П.М.Казначеев), пытаются оспорить этот бесспорный, с нашей точки зрения, факт. В 1822 году, подчеркивал, например, князь Владимир Вяземский, «указом масона императора Александра I ложам было рекомендовано не собираться. Лишь в 1828 году — через целых четыре года после декабристского восстания — начинается, опять-таки, не запрещение, а очень строгий полицейский надзор. Ложы, собственно, перестали открыто собираться, боясь полиции. Но не подлежит сомнению, что многие продолжали собираться. Ложы мартинистских систем... которые по своему замыслу являются маленькими ячейками, продолжали существовать во многих русских городах беспрерывно, равно как и розенкрейцеровские. И отчасти иллюминаты»².

«Есть сведения, — писал он, — что, например, новиковская ложа «Нептун» в Петербурге существовала беспрерывно; в ней был посвящен известный историк масон Пыпин, а также адмирал Бек-

лемишев, доживший до глубокой старости, до наших дней, и после «Нептуна» принимал видное участие в ложе «Карма» уже при досточтимом брате великом князе Александре Михайловиче. Ее членом был А.П. Веретенников. Что касается Александра II, то он, как известно, — продолжает В.Л. Вяземский, — был посвящен в английское масонство во время поездки в Англию еще наследником престола. С его воцарением полицейские меры отменены не были, но собственно он и его правительство (в котором многие были негласными масонами, вроде графа Лорис-Меликова, графа Панина и др.) смотрели на вольных каменщиков сквозь пальцы»³.

Разделяют мнение о непрерывном якобы существовании масонской традиции в России и некоторые современные российские историки либерального толка. «Последнее ритуальное принятие, — пишет, например, московский исследователь А.И. Серков, — относится к 1850 году. Масонские встречи продолжались по 1899 год; закончили же свой жизненный путь некоторые прямые продолжатели дела Н.И. Новикова и С.И. Гамалеи уже в нашем столетии»⁴. Согласиться с этим трудно, ибо никакие гипотетические «масонские встречи» бывших «братьев» и их духовных последователей (что еще требуется доказать) серьезным аргументом в пользу якобы непрерывности существования масонства в нашей стране на всем протяжении XVIII—XX вв. служить, конечно же, не могут. На самом деле, если не выдавать желаемое за действительное, а исходить из твердо установленных фактов, нельзя не признать, что взоры будущих адептов вольного каменничества в России XIX века были обращены не в далекое прошлое русского масонства, представление о котором у большинства деятелей либеральной оппозиции самодержавию (а именно их среда и являлась потенциальным резервом масонства) было смутным, а в его блестящее настоящее, причем не в России, где оно было запрещено, а в Западной Европе, на которую и равнялась в те годы русская интеллигенция.

Не имея возможности приобщения к вольному каменничеству у себя на родине, наши оппозиционеры стремились не упустить такой возможности, оказавшись на Западе. Так, еще в 1845 году получил посвящение в одной из масонских лож («Социальный прогресс») Великого Востока Италии известный русский революционер-анархист Михаил Александрович Бакунин. Через 20 лет, 3 апреля 1865 года, ему был торжественно вручен патент на одну из высших — 32-ю масонскую степень Древнего и принятого шотландского обряда Великого Востока Италии. Стоит отметить, что М.А. Бакунин был не только автором известного «Катехизиса революционера», но и «Современного катехизиса франкмасонства», где обосновывал революционную сущность вольного каменничества⁵. Впрочем, отношение М.А. Бакунина к масонству, судя по всему, не было однозначным. «Только, друзья, прошу вас, перестаньте же думать, что я когда-либо серьезно

занимался франкмасонством, — писал он своим друзьям А.И. Герцену и Н.П. Огареву в 1866 году. — Это может быть полезно, пожалуй, как маска или как паспорт — но искать дело в франкмасонерии все равно, пожалуй, хуже, чем искать утешения в вине»⁶. В 1850-е годы в итальянской масонской ложе принял посвящение и друг А.И. Герцена Н.П. Огарев. О масонстве А.И. Герцена нет достоверных сведений, но зато масоном был другой не менее известный деятель этого времени князь П.В. Долгоруков⁷.

Более подробные сведения о русских масонах, подвизавшихся в заграничных ложах, относятся к периоду 1870—1880-х годов. Среди них: философ-позитивист Г.Н. Вырубов (1842—1913) — принят в начале 1870-х годов в ложу Великого Востока Франции «Взаимопомощь», изобретатель электрической лампы накаливания П.Н. Яблочков (1847—1894) — принят в 1881 году в ложу «Труд и верные друзья истины» Верховного совета Старого шотландского обряда, врач-психиатр Н.Н. Баженов (1857—1923) — ложа «Соединенных друзей» (1884), профессор социологии М.М. Ковалевский (1851—1916 гг.) — точная дата посвящения неизвестна, скорее всего это мог быть период между 1887 и 1890 годами⁸.

Особо важную роль в становлении русского масонства во Франции сыграли Григорий Николаевич Вырубов — вице-председатель совета Великого Востока Франции с 1885 года, и П.Н. Яблочков. В отличие от Г.Н. Вырубова, П.Н. Яблочков был достойным мастером не Великого Востока Франции, а лож, придерживавшихся Древнего и принятого шотландского обряда. В историю русского масонства он вошел как организатор 25 июня 1887 года в Париже первой русской эмигрантской ложи «Космос». В 1888 году в ней получили посвящение такие известные впоследствии русские деятели, как профессора М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти и Н.А. Котляревский. Магистерская диссертация последнего — «Мировая скорбь в европейской литературе XIX века» посвящена анализу размышлений европейских мыслителей об идеальном человеке как высшей ценности и, несомненно, несет на себе явный отпечаток увлечения ее автора масонством.

П.Н. Яблочков мечтал о том, чтобы превратить ложу «Космос» в элитарную, объединяющую в своих рядах все лучшее, что могла дать русская эмиграция в области науки, литературы и искусства. Мечте этой не суждено было, однако, сбыться. Болезнь, а затем и преждевременная смерть ученого (1894) привели к тому, что созданная им ложа фактически развалилась и сумела возобновить свои работы только в 1899 году⁹. В 1898 году в одну из бельгийских лож вступил один из основоположников российской социал-демократии Сергей Николаевич Прокопович (1871—1955)¹⁰.

К началу 1900-х годов во французских ложах насчитывалось

около полутора десятков русских либералов. Конечно, этого было недостаточно для высадки масонского «десанта» в Россию. Обстоятельства, однако, благоприятствовали масонам. Нашелся человек, взявший на себя хлопоты по собиранию сил и организационному становлению русского масонства во Франции. Это был профессор Максим Максимович Ковалевский. По отзывам лиц, хорошо знавших профессора, это был *«типичный русский барин. Хороший и добрый, умный и либеральный. Истинный европеец, которому чуждо многое специфически русское в нашей духовной культуре, в традиционной сокровищнице наших идей»*¹¹. Уволенный из Московского университета за проповедь в своих лекциях конституционных идей, М.М. Ковалевский долгие годы провел за границей, встречался там с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, был одним из основателей Международного Социологического института. 14 ноября 1901 года благодаря главным образом его усилиям и под контролем ложи «Космос» в Париже была открыта Русская высшая школа общественных наук, проработавшая до 1904 года¹². Цель школы, помимо просветительской, состояла еще и в том, чтобы подготовить, в чисто масонском духе, разумеется, будущих участников борьбы за «освобождение России» без какой-либо оглядки на их партийные и идеологические пристрастия. В 1903 году число слушателей школы достигло 400 человек, среди которых можно, в частности, отметить молодого А.В. Луначарского. Именно в эти годы, судя по всему, он и получил посвящение в одной из лож Великого Востока Франции.

Многие из преподавателей школы, как французы (писатель Эмиль Золя, бывший председатель французского правительства Леон Буржуа, профессора Тард и Реклю), так и русские (И.И. Мечников, М.М. Ковалевский, Е.В. де Роберти, Е.В. Аничков) были масонами Великого Востока Франции. Характерно, что одним из посторонних лекторов, выступивших в Русской высшей школе общественных наук, был и В.И. Ленин. Со своей стороны, профессура школы задумала издание литературно-философского масонского журнала. В качестве одного из редакторов-составителей его был приглашен уже достаточно известный к тому времени поэт М.А. Волошин¹³. Как и следовало ожидать, «роман» М.А. Волошина с масонами закончился посвящением его в мае 1905 года в одну из парижских масонских лож¹⁴. *«Хотя преподаватели Русской высшей школы в Париже, — справедливо отмечает А.И. Серков, — и не стали масонами в своем большинстве, но именно в среде ее профессуры складывался круг лиц, возродивших орден вольных каменщиков в начале XX века»*¹⁵.

Кадры будущих масонов ковались, однако, не только в Париже, но и непосредственно в самой России. Неисчерпаемым резервуаром, из которого черпали масоны своих адептов, были оппозиционные правительству кружки либеральной интеллигенции. Одним из наиболее известных среди них был москов-

ский земский кружок «Беседа» (1899—1905 гг.)¹⁶, объединявший сторонников конституционной монархии в России. Большая часть из них (С.А. Котляревский, Д.И. Шаховской, В.А. Маклаков, Г.Е. Львов и другие) стали впоследствии одними из первых адептов вольного каменщичество в России.

Другим резервуаром масонских лож в России начала века стал союз «Освобождение» во главе с И.И. Петрункевичем, основанный в январе 1904 года на учредительном съезде в Санкт-Петербурге. В инициативную группу союза вошли люди, составившие впоследствии «цвет» русского политического масонства начала века: Л.И. Лутугин, В.Я. Богучарский, Н.Д. Соколов, Е.Д. Кускова, В.М. Гессен, В.А. Оболенский¹⁷. В мае 1905 года союз «Освобождение» вместе с «Союзом земцев-конституционалистов» объединились в единую структуру — Союз союзов, который послужил, в свою очередь, основой для образования в октябре 1905 года партии русских Конституционных демократов (кадеты). В дальнейшем именно кадетской партии, все высшее руководство которой (за исключением П.Н. Милюкова) было масонским, и суждено было стать легальным политическим прикрытием тайной масонской организации в России.

Оживление либерального движения в начале века происходило на фоне резко возросшей активности кружков и групп радикально-социалистического направления. В 1897 году начинает свою деятельность «Бунд» — Еврейский социал-демократический союз. В следующем, 1898 году в Минске было провозглашено создание РСДРП. На начало 1900-х годов приходится и возникновение Боевой организации социалистов-революционеров, развернувшей настоящий террор против представителей царской администрации. После убийства в июне 1904 года министра внутренних дел В.К. Плеве правительство вынуждено было маневрировать. В ноябре 1904 года был разрешен первый земский съезд в России, призвавший правительство к немедленному введению конституционного строя в России. Требование это, конечно же, было отклонено. Тогда осмелевшие земцы-конституционалисты из союза «Освобождение» организуют так называемую «банкетную кампанию» с принятием резолюций с требованиями созыва русского парламента и введения в стране политических свобод.

Тем временем события 9 января 1905 года и неудачи русско-японской войны привели к тому, что общественно-политический кризис в стране стал перерастать в революцию. 18 января 1905 года Николай II вынужден был принять принципиальное решение о созыве «законосовещательного учреждения». Конечно, среди революционеров и забастовщиков масонов не было, но в стороне от происходивших событий они не остались. Еще в мае 1905 года Совет Закона Великого Востока Франции принял решение объединить всех русских братьев в одну общую для них ло-

*он, — как феномен более высокой цивилизации установит свой моральный контроль над русской революцией и сыграет положительную роль в становлении будущей республиканской России»*²⁶. Как видим, планы у наших масонов были, можно сказать, наполеоновские.

11 января 1906 года М.М. Ковалевский направил официальное письмо председателю Совета Закона Великого Востока Франции с просьбой о делегировании его в Россию для открытия там регулярных масонских лож²⁷. Правда, сам М.М. Ковалевский, как мы уже знаем, давно и прочно был связан не с Великим Востоком, а с другой масонской ассоциацией тогдашней Франции — союзом Великой ложи Франции и даже имел здесь 18-ю степень Древнего и принятого шотландского устава. Причинами, побудившими его обратиться к другому масонскому послушанию, были, с одной стороны, относительная простота обрядности в ложах Великого Востока, а с другой — его принципиальная установка на активное участие в политической жизни страны, борьбе за демократию, что, конечно же, не могло не импонировать М.М. Ковалевскому и его русским «братьям».

Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что среди масонских ассоциаций Французской Республики наиболее авторитетной и богатой в это время как раз и был Великий Восток, число членов которого доходило до 30 тысяч человек. В одном только Париже у него было не менее 60 лож²⁸. Широко были представлены масоны Великого Востока Франции и в парламенте. Что касается Великой ложи Франции, то она была менее влиятельна (в Париже у нее было всего 33 братства)²⁹. Русские же «братья», можно сказать, все как один были устремлены в политику. Тот же М.М. Ковалевский, помимо забот об организации первых масонских лож в России, не забывал в то же время и о собственном партийном строительстве, подвизаясь еще и в качестве лидера партии Демократических реформ (учреждена в декабре 1905 года). Видную роль в этой партии, помимо самого М.М. Ковалевского, играли также А.С. Посников и К.К. Арсеньев. Политическая ниша, которую заняла эта партия, была где-то между октябристами и кадетами³⁰.

Но возвратимся к письму М.М. Ковалевского в Совет Великого Востока Франции с просьбой, наряду с перенесением в Россию из Франции деятельности ложи «Космос» (27 апреля 1906 года уже в Петербурге в ней был посвящен князь Давид Бебутов), еще и о разрешении ему учреждения здесь новых так называемых временных лож этой ассоциации. Дело в том, что именно масонство с его четко отлаженной структурой и прочными зарубежными связями представлялось М.М. Ковалевскому и его товарищам наиболее действенным средством в борьбе с самодержавием. Еще в 1904 году, вспоминал И.В. Гессен, он как-то зашел вместе с князем Д. Шаховским к только что прибывшему

из-за границы Ковалевскому и был поражен тем, что, едва успев поздороваться, тот сразу же стал доказывать ему, что *«только масонство может победить самодержавие»*. *«Он положительно на-поминал комиссионера, который является, чтобы сбыть продаваемый товар»*, — язвительно заметил по этому поводу И.В. Гессен³¹. Заслуживает в связи с этим внимания и другое высказывание М.М. Ковалевского, на этот раз в разговоре с П.Н. Милюковым, где он призывал его не упускать шанса использования *«векового опыта масонства в организационной работе и в получении международной поддержки русскому либеральному движению»*³².

Тем временем при посредничестве издателя масонского журнала «Акация» Ш.Лимузена, разрешение на открытие масонских лож от Великого Востока Франции было наконец получено. А вслед за этим уже 15/28 ноября 1906 года в Москве состоялось и открытие первой в XX веке русской масонской ложи — «Возрождение». Открыта она была, и это стоит подчеркнуть, все-таки как временная ложа — обычный путь становления первых масонских лож в той или иной стране. В качестве членов-основателей «Возрождения» выступили уже известные нам «братья» Максим Ковалевский, Николай Баженов, Василий Маклаков, Сергей Котляревский, Василий Немирович-Данченко, Евгений Аничков, Иван Лорис-Меликов, Евгений де Роберти и Юрий Гамбаров — всего 9 человек. Протокол собрания (опубликован в 1966 году Борисом Элькиным³³) подписали: Баженов, Немирович-Данченко, Котляревский, Маклаков, Аничков, Ковалевский и Лорис-Меликов. Они и образовали первый состав членов этой ложи³⁴. Председателем ложи стал Н. Баженов, первым наблюдателем — В. Маклаков, вторым наблюдателем — Е. Аничков, оратором С. Котляревский, секретарем — В. Немирович-Данченко. Общее число членов ложи за 1906-й — февраль 1910 года составило 25 человек³⁵. Можно, таким образом, констатировать, что с 15 ноября 1906 года русское масонство вступило в принципиально новый этап своей деятельности — организационного оформления своих лож непосредственно на территории России.

Через несколько дней, пишет А.И. Серков, в Петербурге была открыта еще одна ложа — «Полярная звезда»³⁶. Однако В.И. Старцев полагает, что произошло это все же не через несколько дней, а по крайней мере через месяц, не раньше декабря 1906 года. Как бы то ни было, уже в конце 1906 года на территории России существовало, помимо переехавшей из Парижа ложи «Космос» во главе с М.М. Ковалевским, еще две масонские ложи: «Полярная звезда» и «Возрождение». Венераблем «Полярной звезды» стал граф А.А. Орлов-Давыдов, первым наблюдателем — Е.И. Кедрин, вторым наблюдателем — барон Г.Х. Майдель, оратором — М.С. Маргулиес. Секретарем ложи, то есть главной деловой фигурой, был избран князь Д.О. Бебутов.

Личный состав «Полярной звезды» во многом устанавливается по воспоминаниям Д.О. Бебутова и датируемым исследованиями декабрем 1907 года списком 13 членов этой ложи, опубликованным в 1966 году Б. Элькиным. Особенностью списка, опубликованного Б. Элькиным, является то, что здесь не только перечислены члены ложи, но и проставлено время посвящения их в масонство: Василий Маклаков (1905), Евгений Кедрин (1906), Д.О. Бебутов (1906). В январе 1907 года были приняты в ложу Алексей Орлов-Давыдов и Мануэль Маргулиес. В феврале — врач Этьен Жихарев и инженер барон Герман Майдель. В апреле — помещик Алексей Свечин. В ноябре — архитектор Павел Макаров, адвокат Иван Переверзев, депутат Государственной думы Александр Колюбакин и профессор Григорий Тираспольский, в декабре — судья Юлиан Антоновский³⁷.

В общей сложности с конца 1906-го по февраль 1908 годов в обе масонские ложи («Полярная звезда» и «Возрождение») было принято 35 человек. Всего же, с учетом отцов-основателей или, проще говоря, первоначального состава этих лож, цифра эта возрастает до 45 человек. Отнимем от нее 5 человек (Ковалевский, Иванюков, Аничков, Гамбаров, де Роберти), вскоре отказавшихся от дальнейшей работы в их составе, и получим цифру в 40 «братьев». Таково было общее число масонов Великого Востока Франции, работающих на середину 1908 года в России³⁸. 12 из них (Ковалевский, Баженов, Маклаков, Котляревский, Немирович-Данченко, Лорис-Меликов, Орлов-Давыдов, Аничков, Бебутов, Гамбаров, де Роберти, Кедрин) получили свое первое посвящение во Франции, остальные — уже в России. Наиболее деятельной среди первых масонских лож этого времени была «Полярная звезда». Возглавлял ее, как уже отмечалось, один из наиболее близких друзей великого князя Николая Михайловича богатый граф Алексей Орлов-Давыдов, в роскошном особняке которого на Английской набережной в Санкт-Петербурге она обычно и собиралась. А.А. Орлов-Давыдов взял на себя и фактическое содержание ложи в финансовом отношении. *«Громадного роста, тучный, неуклюжий, Орлов-Давыдов, — отметил в своих воспоминаниях Д.О. Бебутов, — типичный дегенерат, отличался феноменальной глупостью — страшный тяжелодум и при этом привычен свое умственное мышление излагать громко и при всех». Но поскольку за А.А. Орловым-Давыдовым были большие деньги, его терпели*³⁹.

Принципиальным отличием русского масонства начала XX века был, как уже отмечалось, его ярко выраженный политический характер, поскольку, в отличие от традиционного масонства, на первый план русские «братья» выдвигали не моральное усовершенствование, а борьбу за освобождение России от царского самодержавия. Правда, польский историк Людвик Хасс (см. его статью в сборнике: Историки отвечают на вопросы.

Вып. 2. М., 1990) не совсем согласен с выделением из масонства его политического крыла, поскольку масонство, по его мнению, едино и без общего для всех масонов масонского мировоззрения нет и не может быть никакой особой «масонской политики». Но это уже, как говорится, чисто формальная сторона дела. Более существенно здесь другое. Оказывается, что сам термин «политическое масонство» давнего происхождения и был запущен в научный оборот еще в дореволюционные годы критиками масонства⁴⁰.

Очевидно, что уже с первых шагов в России масонство оказалось отягчено целями весьма и весьма далекими от целей «истинного» масонства. Проблема нравственного самоусовершенствования «братьев» интересовала мало. *«Большинство русских масонов было либералами, выступающими как против самодержавия, так и против революции. Политические успехи французского масонства, особенно Великого Востока Франции, его роль в консолидации общества, вес и авторитет в общественной и культурной жизни страны не могли не вдохновлять русских братьев, не соблазнять их на использование масонства в политических целях. Существовала у них также и надежда на помощь русскому освободительному движению со стороны свободных стран по масонской линии», — справедливо отмечает в этой связи историк С.П. Карпачев⁴¹.*

Главная задача, которая стояла на первых порах перед руководителями только что образованных масонских лож в России, заключалась в том, чтобы из временных превратить их в постоянные, для чего требовалась официальная санкция на то со стороны Верховного совета Великого Востока Франции. Первая делегация русских лож в составе М.М. Ковалевского и Е.И. Кедрина была отправлена с этой целью в Париж весной 1907 года. Однако вопреки надеждам большинства братьев, М.М. Ковалевский привез осенью того же года из Парижа диплом, ставящий русские ложи под юрисдикцию не Великого Востока Франции, а другой, соперничающей с ней в то время ассоциации — Великой ложи Франции. Правда, В.И. Старцев полагает, что событие это произошло несколько ранее (весна 1906 года), однако принципиального значения этот спор между историками не имеет, поскольку очевидно, что приверженность М.М. Ковалевского союзу Великой ложи Франции резко расходилась со стремлением большинства русских «братьев» и дорого ему обошлась. Вопреки М.М. Ковалевскому, уже в январе 1908 года общее собрание русских «братьев» принимает принципиальное решение обратиться за содействием в инсталляции русских лож к соперничавшему с Великой ложей Великому Востоку Франции. М.М. Ковалевский же вместе со своими близкими друзьями Ю. Гамбаровым, И.И. Иванюковым, Е.В. де Роберти и Е.В. Аничковым вынужден был покинуть собрание⁴² и как масон пуститься в «са-

мостоятельное плавание». Из своих сторонников М.М. Ковалевский образовал впоследствии пять регулярных масонских лож юрисдикции Великой ложи Франции в Москве, Петербурге и Архангельске⁴³. Однако сколько-нибудь заметного воздействия на общественно-политическую жизнь страны его ложи, вследствие их малочисленности и маловлиятельности, не оказывали.

2 февраля 1908 года в качестве полномочных представителей русских «братьев» в Париж были отправлены Д.О. Бебутов и Н.Н. Баженов. Здесь они сразу же были приняты президентом Совета Великого Востока Франции профессором Луи Лафером (1861–1929). Идя навстречу пожеланиям русских «братьев», Совет ордена принимает 6 мая 1908 года решение о направлении в Россию для официального открытия там масонских лож юрисдикции Великого Востока Франции своих полномочных эмиссаров. Первый из них, Бертран Сеншоль (1844–1930) — инженер, член Совета ордена, был в свое время одним из близких друзей М.А. Бакунина. Вторым был Жорж Буле (1855–1920) — вице-президент Совета ордена, известный промышленник⁴⁴.

9/22 мая 1908 года Сеншоль и Буле были уже в Петербурге. Наскоро устроившись в гостинице «Англия» на Исаакиевской площади, они сразу же отправились в «Кресты», где отбывал краткосрочное заключение «брат» М.С. Маргулиес, которого они тут же, в комнате свиданий, и произвели, очевидно, за перенесенные им страдания, в степень мастера, предоставив русским братьям право возвести его после освобождения сразу же в 18-ю степень⁴⁵.

Что же касается официальной инсталляции ложи, то она происходила на квартире В.А. Маклакова. После оглашения факта инсталляции ложи, вручения русским братьям официального диплома и поздравительных речей большая часть братьев удалилась. Остались только А.А. Орлов-Давыдов, В.А. Маклаков, П. Майдель и Е.И. Кедрин. Всем им Сеншоль и Буле тут же присвоили 18-ю степень. Несколько позже, осенью 1908 года, в 18-ю степень были посвящены Ф.А. Головин и С.Д. Урусов. Что касается Д.О. Бебутова и Н.Н. Баженова, то они получили ее еще в феврале 1908 года в Париже. Все это позволило позже объединить их всех в особый капитул 18-й степени⁴⁶. 11/24 мая 1908 года Сеншоль и Буле прибыли в Москву, где ими была инсталлирована уже известная нам ложа «Возрождение».

Представление о составе московского политического масонства той поры дает нам список членов ложи «Возрождение» от 11/24 мая 1908 года, опубликованный в 1966 году уже упоминавшимся Борисом Элькиным. Автором-составителем списка (всего в нем 12 фамилий) был, судя по всему, первый наблюдатель этой мастерской Сергей Дмитриевич Урусов. Среди первых членов московской ложи «Возрождение»: Н.Н. Баженов, В.И. Немович-Данченко, С.В. Котляревский, Е.И. Кедрин, В.А. Мак-

лаков. Затем идут фамилии вновь принятых братьев: присяжный поверенный И.Н. Сахаров, князь С.Д. Урусов, В.П. Обнинский — кадет, либеральный земец, присяжные поверенные О.Б. Гольдовский и С.А. Балавинский, кадет А.К. Дворжак, актер Малого театра в Москве А.И. Сумбатов (Южин). Все они, судя по всему, были приняты в ложу в один и тот же день 17 февраля 1908 года. Печать ложи «Возрождение» представляла собой треугольник, вписанный в круг. В центре его — изображение легендарной птицы Феникс, встающей из пепла. По сторонам треугольника следовала надпись «Возрождение».

Что касается печати петербургской ложи «Полярная звезда», то она была изготовлена Д.О. Бебутовым по образцу печати Великого Востока Франции и представляла собой девятиугольную звезду и скрещенные циркуль и наугольник в круге. Сама эмблема была обрамлена традиционной для масонов веткой акации. По кругу шла надпись: «Полярная СПб звезда 1908»⁴⁷.

Ведущую роль в русском масонстве в 1907–1909 гг. играла петербургская ложа «Полярная звезда», что и неудивительно, так как именно в Петербурге находился, можно сказать, эпицентр политической жизни тогдашней России. Рост численного состава ложи устанавливается, как уже отмечалось, на основании списков ее членов (май–июнь 1908 года), опубликованных Борисом Элькиным: профессор русской литературы в Женском педагогическом институте А.К. Бороздин, историк П.Е. Щеголев, историк-архивист Н.П. Павлов-Сильванский, полковник лейб-гвардии Измайловского полка В.В. Теплов, бывший народовец Н.А. Морозов, заведующий рукописным отделом Публичной библиотеки А.И. Браудо, мировой судья И.А. Окунев, депутаты III Государственной думы А.И. Шингарев и А.А. Булат, мировой судья Гольм, адвокат Болотин, профессор Горного института Л.И. Лутугин, адвокат С.Е. Кальманович. Кроме того, по воспоминаниям Д.О. Бебутова устанавливается, что членами «Полярной звезды» в эти годы были также отсутствующие в списках Б. Элькина профессор Политехнического института И.И. Иванюков, помощник присяжного поверенного депутат II и III Государственной думы В.Л. Геловани и товарищ обер-прокурора сената статский советник Н.В. Кармин⁴⁸. В общей сложности, по состоянию на 29 июля 1908 года, в двух русских политических ложах — «Полярная звезда» и «Возрождение» было уже 45 «братьев»⁴⁹. Общее число «братьев» «Полярной звезды» периода 1906–1910 годов составило 60 человек⁵⁰.

К этому времени ложа «Полярная звезда» настолько разрослась, что из нее в феврале 1909 года были выделены еще две так называемые рабочие ложи — «Северное сияние» (наместный мастер Н.В. Некрасов) и «Заря Петербурга» (первый наблюдатель В.Д. Кузьмин-Караваев, секретарь А.А. Демьянов). Еще одной масонской мастерской, открытой в 1909 году, стала Военная

ложа во главе с Н.Г. Андреяновым. Оратором в ней был С.Д. Масловский (Мстиславский). В сентябре 1908 года представители русских лож Д.О. Бебутов и М.С. Маргулиес приняли участие в ежегодном масонском съезде Великого Востока Франции.

Следующим шагом на пути создания собственной организации русского масонства юрисдикции Великого Востока Франции стала структуризация и формирование его руководящих органов. Произошло это в ноябре 1908 года, когда масоны России создали наконец свой первый съезд в Санкт-Петербурге, на котором присутствовало до 60 «братьев». Заседания его продолжались три дня. Председательствовали на нем М.М. Ковалевский, Д.О. Бебутов, Ф.А. Головин. В результате было сформировано два руководящих органа русского масонства начала века: Верховный совет во главе с председателем кадетом князем С.Д. Урусовым и Совет 18-ти для «братьев» высоких степеней, который возглавил князь Д.О. Бебутов. Как видим, несмотря на показной демократизм масонов, во главе организации стояли все-таки представители русской аристократии. Среди членов Верховного совета: Д.О. Бебутов (секретарь), Ф.А. Головин (1-й страж), М.С. Маргулиес (2-й страж). Обязанности казначея исполнял кооптированный в Верховный совет уже после окончания съезда князь А.А. Орлов-Давыдов. Что касается Совета 18-ти, то в качестве наблюдателей здесь подвизались М.М. Ковалевский и Е.И. Кедрин. Обязанности секретаря исполнял Г.Х. Майдель, оратора — М.С. Маргулиес⁵¹.

Задачей Капитула, или Совета 18-й степени, являлось наблюдение за продвижением братьев по степеням масонской иерархии. Непосредственной же их работой в ложах руководил Верховный совет. Главная задача, которая стояла перед ним, заключалась в распространении масонского «света» и устройстве лож не только в Москве и Петербурге, но и в других городах империи. Среди новых «братьев», пополнивших ряды масонских лож в самом конце 1908 года, обращает на себя внимание фигура бывшего профессора кафедры Всеобщей истории Киевского университета им. Св. Владимира, члена кадетской партии И.В. Лучицкого. В короткий срок этот новый «брат» сумел подготовить 11 кандидатов для посвящения в масонство. Это позволило уже в январе 1909 года открыть в Киеве первую масонскую ложу — «Киевская заря». Что касается состава ложи, то он был обычным для той поры: профессора, общественные деятели, гласные Киевской городской думы, юристы. Мастером-наместником ложи стал кадет барон Ф.Р. Штейнгель. Через полгода в Киеве была открыта еще одна ложа⁵².

Всего за период 1906—1909 гг. русскими «братьями» было создано 9 масонских лож, из которых четыре («Полярная звезда», «Северное сияние», «Заря Петербурга» и Военная ложа) работали в Петербурге. Две ложи, как уже отмечалось, располага-

лись в Киеве. По одной мастерской функционировало в 1909 году в Москве («Возрождение»), Нижнем Новгороде («Звено одной цепи») и Одессе («Истина»). Существовали планы открытия масонских лож в Саратове, Курске и на Кавказе⁵³.

27 апреля 1906 года в торжественной обстановке открылась I Государственная дума. На состоявшихся накануне выборах убедительную победу одержала Конституционно-демократическая партия (153 депутата из 448). Собственно, она, а также солидаризировавшиеся с ней крестьянские депутаты (трудовики, 107 человек), а также ряд примкнувших к ним мелких партий и групп либерально-демократического толка и определили политическое лицо этого первого в русской истории парламента. Собственно масонов в I Государственной думе было немного — всего 11 человек: Е.И. Кедрин, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, В.П. Обнинский, А.А. Свечин, С.Д. Урусов, А.Г. Вязлов, К.К. Черносвитов, Д.И. Шаховской, Ф.Ф. Штейнгель, С.А. Котляревский. Конечно, повлиять на ход заседаний Думы они не могли, но позицию по отношению к правительству они заняли жесткую и, что самое главное, солидарную.

Центральным вопросом первых заседаний Думы стало обсуждение ответного адреса депутатов на тронную речь Николая II. Активное участие в завязавшейся в связи с этим дискуссии принимали масоны. В частности, В.Д. Кузьмин-Караваев выступил с предложением об отмене смертной казни. Нечего и говорить, что предложение это было встречено овацией со стороны радикально настроенных думцев. Другой масон М.М. Ковалевский, со своей стороны, явно в унисон В.Д. Кузьмину-Караваеву предложил немедленную амнистию политическим заключенным. Конечно же, предложение это сразу же было поддержано еще одним «братом» — С.А.Котляревским, призвавшим думцев к обновлению страны на демократических началах. А еще один «брат», князь Д.И. Шаховской пошел в своих требованиях к правительству еще дальше, предложив вставить в текст думского адреса к императору требование ответственного перед Думой правительства.

На седьмом заседании I Государственной думы 12 мая 1906 года М.М. Ковалевский призвал депутатов выразить недоверие правительству. Радикальную позицию заняли депутаты-масоны и при обсуждении аграрного вопроса, решительно поддержав кадетский проект «42-х», предусматривавший принудительное отчуждение у помещиков «излишков» земельной собственности⁵⁴.

Сенсацией стало выступление 8 июня 1906 года в Думе бывшего заместителя министра внутренних дел, а теперь уже и масона князя С.Д. Урусова, обвинившего *«темные силы» в организации еврейских погромов, а своих недавних коллег по правительству, в частности министерство внутренних дел, в попустительстве этим «темным силам»*. Попытавшемся было защитить прави-

тельство министру внутренних дел П.А. Столыпину наши «демократы» попросту не дали говорить, и он вынужден был, прервав свою речь, сойти с трибуны. Зато «брата» С.Д. Урусова, напротив, депутаты выслушали очень и очень внимательно, проводив его громом аплодисментов. Одним из последних актов I Государственной думы перед ее роспуском, необходимость в котором была очевидна для каждого непредвзятого человека, стало принятие ею законопроекта об отмене смертной казни. Важную роль в его разработке сыграли масоны, в частности В.Д. Кузьмин-Караваев, выступивший перед думами со специальным докладом по этому вопросу.

Уяснив наконец, что никакая конструктивная работа с откровенно настроенными на продолжение революции в стране «думцами» невозможна, правительство вынуждено было 9 июля 1906 года распустить Думу и объявить новые выборы. Однако и они не оправдали ожиданий правительства. По большому счету, II Государственная дума (20 февраля — 2 июня 1907 года) оказалась еще более левой, чем I. Крупнейшими фракциями в ней были трудовики, кадеты и социал-демократы. Правда масонов среди них было всего 8 человек: А.А. Булат, Ф.А. Головин, В.Д. Кузьмин-Караваев, В.А. Маклаков, А. Шингарев, А.А. Демьянов, О.Я. Пергамент и К.К. Черносвитов. Из них В.Д. Кузьмин-Караваев представлял партию Демократических реформ, а А.А. Булат примыкал к Трудовой группе. Остальные 6 депутатов-масонов были кадетами⁵⁵. Восемь человек — из 518 депутатов. Это, казалось бы, совсем немного. Но именно из их числа был избран председатель Государственной думы. Им стал земский деятель и масон Ф.А. Головин.

Благодаря усилиям «леваков» II Государственная дума больше напоминала антиправительственный митинг, чем серьезное законодательное учреждение. Не были настроены на взаимодействие с правительством и депутаты-масоны, думские выступления которых носили поджигательский, конфронтационный по отношению к властям характер. *«Вы расстреливаете не несчастных людей, не случайные жертвы, не отдельных озлобленных несчастных. Ваши пули — стреляли в совесть русского народа», — витийствовал на думской трибуне масон В.А. Маклаков. Когда же депутаты-монархисты резонно напомнили ему о терроре подпольщиков-революционеров, В.А. Маклаков, не моргнув глазом, заявил, что «ужасы легального убийства превосходят все эксцессы революционного террора». «Рекорд по части забвения человеческой природы власть побила над революцией», — заявил он. II Государственная дума просуществовала всего 102 дня и уже 3 июня 1907 года повторила участь I Думы.*

Плачевный опыт неудачного взаимодействия с «народными избранниками» в I и II Государственных думах кое-чему научил-таки правительство. Обнародованный 3 июня 1907 года но-

вый избирательный закон положил заслон беспрепятственному проникновению радикалов в будущую III Государственную думу, начавшую свою работу 1 ноября 1907 года. Левые партии были в ней уже в явном меньшинстве. Из масонов в нее прошло всего 11 человек: А.А. Булат, Ф.А. Головин, А.М. Колюбакин, В.А. Маклаков, Н.В. Некрасов, А.И. Шингарев, Г.Р. Килевейн, О.Я. Пергамент, Н.С. Розанов, В.А. Степанов, К.К. Черносвитов⁵⁶. Что касается популярности, то вне всякой конкуренции среди думских ораторов был, несомненно, в это время В.А. Маклаков, не раз срывавший во время своих ярких зажигательных выступлений бурные аплодисменты. В.А. Маклаков специализировался на вопросах национального и гражданского равноправия, судебной реформы. Другой думский оратор-масон А.И. Шингарев выступал по вопросам бюджета, финансов и местного самоуправления. Он яростно протестовал против правительственных попыток урезать расходы на образование. *«Мы сотни миллионов тратим на оборону, — демагогически восклицал А.И. Шингарев, — и забываем, что основа страны заключается в культуре, что голодный, необеспеченный учитель не может быть создателем хорошей культуры. Обеспечьте сначала учителя, дайте деревне хорошего учителя, и вы поднимете культуру страны!»*⁵⁷ Естественно, что коллеги А.И. Шингарева по масонской ложе были полностью солидарны со своим «братом».

Подводя итог думской деятельности масонов в период 1906–1910 гг., отметим, что общее число их среди членов Государственной думы всех трех созывов едва ли превысило три десятка человек. *«Думские выступления «детей вдовы», — отмечает специально исследовавший этот сюжет историк С.П. Карпачев, — были проникнуты чувством государственной ответственности, демократизма и гуманизма, стремлением сделать русское государство более цивилизованным, приблизить его к более высоким мировым образцам»*⁵⁸. Что касается стремления масонов-думцев приблизить русское государство к мировым образцам — тут спору нет. Но что касается чувства государственной ответственности, которым якобы были проникнуты их выступления, то здесь можно поспорить. С нашей точки зрения именно как раз чувства государственной ответственности и не хватало нашим «братьям»-масонам. Зато демагогии и политиканства в их выступлениях было хоть отбавляй.

Главной задачей русских лож французского обряда была борьба за ограничение самодержавия и превращение России в современное правовое, демократическое государство. Однако поскольку численность лож в стране была еще незначительной, реально на первый план выходила более узкая и скромная цель: *«обволакивание, — по словам М.С. Маргулиса, — власти людьми, сочувствующими масонству»*⁵⁹. О том же, по существу, говорит в своих воспоминаниях и князь Д.О. Бебутов. *«Мне казалось, при соз-*

дании масонства можно было бы во всех центрах иметь группы, которые, разрастаясь, могли бы проникать во все отрасли государственной жизни», — отмечал он⁶⁰.

Важное значение придавалось также руководителями русского масонства налаживанию и укреплению международных связей русских лож. С этой целью в начале 1909 года по поручению Верховного совета М.С. Маргулиес и С.Д. Урусов посетили ряд масонских лож Италии, Швейцарии и Австро-Венгрии (Будапешт), а князь Д.О. Бебутов (позже к нему присоединились М.С. Маргулиес и С.Д. Урусов) — Константинополь, где русские «братья» были подробнейшим образом ознакомлены с организацией турецкого масонства и распространением масонских идей среди младотурок⁶¹.

В мировоззренческом плане практически все адепты «вольного каменщичества» в России начала XX века были приверженцами рационалистической позитивистской философии и к религии и церкви относились равнодушно. Показателен в этой связи профессор М.М. Ковалевский. Почувствовав приближение смерти, он решился все-таки пригласить к себе православного священника и причаститься. Не сомневаясь во враждебном отношении «братьев»-масонов к этому шагу, он вынужден был оправдываться перед ними, что делает это не из-за своих религиозных убеждений, которых у него как у масона нет, а только *«в память и ради своей матери»⁶².*

Крайне враждебные позиции по отношению к Русской православной церкви занимали Н.А. Морозов, В.А. Маклаков, П.Н. Яблочков, другие масоны. «Альфой и омегой» этих людей был космополитизм и приверженность так называемым «общечеловеческим ценностям». Православие и патриотизм среди таких ценностей, естественно, не значились. Практически все русские масоны были убежденными западниками и превыше всего ставили ценности не своей русской, а западной европейской культуры: свобода, демократия и гуманизм. В продвижении этих любезных их сердцу ценностей на бескрайние просторы России они, собственно, и видели свою главную цель. Масонство как часть западной культуры, западной цивилизации, привлекало их прежде всего возможностями расширения западного влияния в нашем отечестве — считает уже цитировавшийся нами московский историк С.П. Карпачев⁶³.

«Я полностью офранцузился и понимаю потребности и стремления французского общества лучше, чем потребности и стремления того общества, в котором я родился», — с грустью вынужден был отметить Н. Вырубов⁶⁴. Постоянно подчеркивает в своих воспоминаниях русскую косность и отсталость и князь Д.О. Бебутов. Убежденными западниками-космополитами были Ю.С. Гамбаров, Н.Н. Баженов и многие другие масоны. Правда, С.П. Карпачев в своей книге о масонской интеллигенции в России конца

XIX — начала XX века пытается доказать, что европоцентризм и западничество наших масонов якобы органично сочетались у них, или, по крайней мере, у части их с патриотизмом, национализмом и приверженностью к русской государственности. Спору нет, все это в целом ряде случаев действительно, как говорится, «имело место». Однако патриотизм этот был весьма и весьма специфическим — в смысле приобщения России к ценностям западной демократии. Обратной стороной этого «патриотизма» было оправдание ими борьбы с самодержавием как главным препятствием на пути вхождения России в «мировое сообщество» и разрушение Российской империи — «тюрьмы угнетенных народов».

Конечно, люди в масонских мастерских были самые разные. Попадались среди них и государственники, выступавшие за сохранение «единой и неделимой России» и после свержения самодержавия в стране. Однако они в масонском сообществе той поры были в явном меньшинстве. Характерен в этой связи отказ государственника М.М. Ковалевского подписать так называемое «Выборгское воззвание» 1906 года части членов распущенной правительством Государственной думы. Как государственный, заявил он, я не могу подписывать документ, призывающий народ не платить налоги. Поддержки у «братьев» позиция М.М. Ковалевского, при всем уважении к нему как к организатору первых масонских лож в России, тем не менее не нашла. Погоду в ложах в этом отношении делали не государственники, а так называемые «автономисты» — сторонники вхождения нерусских народов, если они того после свержения самодержавия пожелают, в состав будущей Российской демократической республики на правах автономных образований.уществовала даже организация по координации усилий национал-сепаратистов — Союз автономистов и федералистов. Председателем его, понятное дело, был масон М.С. Маргулиес.

С.П. Карпачев, который отнюдь не скрывает своих симпатий к масонству, всячески подчеркивает альтруизм, бескорыстие российских вольных каменщиков. И действительно, примеров такого бескорыстия в истории масонства найти, конечно, можно. Так, будущий масон и кадет А.И. Шингарев в свое время ради абстрактной идеи служения народу даже отказался от университетской кафедры и уехал в деревню лечить крестьян. Не придавал значения деньгам, охотно ссужая их в долг всем, кто попросит, и П.Н. Яблочков⁶⁵. Фактически за свой счет содержал масонскую ложу «Полярная звезда» в Санкт-Петербурге и князь А.А. Орлов-Давыдов. Бескорыстие и альтруизм его были так велики, что в годы Первой мировой войны он даже открыл за свой счет ряд столовых и лазаретов и давал пособия нуждающимся семьям мобилизованных в армию воинов.

Крупные суммы в пользу кадетской партии жертвовал и князь Д.О. Бебутов. Большим альтруистом, человеком, чуждым всяко-

го самовосхваления и рекламы, был и Г.Н.Вырубов. Примеры такого рода можно было бы продолжить. Но еще никто и нигде не доказал и никогда не докажет, что другие люди, не масоны, были, есть или будут хуже, и не занимались, скажем, благотворительностью, не помогали друзьям и прочее. На самом же деле, вопреки установке С.П. Карпачева, какими-либо особыми нравственными качествами по сравнению с другими людьми масоны начала XX века как раз и не отличались: женились, разводились (а некоторые, как, например, князь А.А. Орлов — дважды, или Н.А. Морозов — трижды). Были среди них и карьеристы, и дельцы, и картежные игроки (А.И. Сумбатов-Южин), и пьяницы, и честолюбцы. В общем, все как у людей их состояния, их круга.

Примерно 2/3 состава русских масонских лож начала XX века были выходцами из первенствующего сословия государства, то есть дворянства. В том числе 1/10 часть личного состава относилась к дворянству титулованному — князья, графы, бароны. Около 10% масонов той поры были евреями⁶⁶. Крайне незначительно были представлены в масонских ложах купечество и духовенство. О рабочих и крестьянах, то есть собственно самом русском народе и говорить нечего. Что им было делать в масонских ложах, среди всех этих помещиков, крупных чиновников, преуспевающих адвокатов и профессоров.

Рыба гниет с головы — гласит народная поговорка. Парадокс русской действительности начала века состоял в том, что в оппозиции к правительству находились не низы, а прежде всего верхи общества, его так называемые «сливки» — его наиболее состоятельная и привилегированная часть. Так, богатейшим, а следовательно, и свободнейшим человеком на Руси того времени был, несомненно, один из наиболее известных масонов граф А.А. Орлов-Давыдов, в собственности у которого были: свекло-сахарный завод в Тамбовской губернии, обширные земельные владения в десятках других губерний, каменные дома в Москве и Петербурге, дачи под Ревелем и Мариенбургом, крупные капиталы в несколько миллионов рублей в русских и зарубежных банках. Его коллега, князь С.Д. Урусов после окончания университета поселился в имении своей жены — Расва (1300 десятин). Здесь к его услугам были: 16-комнатный жилой дом, несколько экипажей, прислуга. В домашней оранжерее выращивались персики, сливы, дыни и арбузы. Кроме Расвы С.Д. Урусову принадлежали еще два имения: одно в Калужской (650 десятин) и одно в Орловской (750 десятин) губерниях. В то же время, при всем своем богатстве, этот выдающийся масон был неимоверно скуп и, по отзывам современников, всю свою сознательную жизнь вел приходно-расходную книгу, куда пунктуально заносил все свои даже малейшие траты. В конце же своей жизни, когда пришла пора подводить ее итоги, он констатировал: *«Я вел очень регулярную жизнь, рано ложился спать, редко и случайно пил вино, не ку-*

тил, не подписал в течение своей жизни ни одного векселя». За 50 лет этот масон и гуманист сшил себе всего три фрака, шесть сюртуков, на конских бегах был всего два раза, причем на скачках — ни одного⁶⁷.

Конечно, далеко не все масоны были такими скрягами, как князь С.Д. Урусов. Большинство «братьев» как раз не стеснялись расхода и не пренебрегали радостями жизни. Тем более что состояния их это позволяли. Так, не менее чем в 150 тысяч рублей оценивалась стоимость усадьбы «Турлика» известного масона В.П. Обнинского: хороший кирпичный дом, облицованный камнем в новоанглийском стиле высотой 6 аршин. В доме паркетные полы, кухня с лифтом для подачи воды и дров, душ с горячей и холодной водой, центральное отопление, голландские печи и камины, телефон, мебель из дворца имама Шамиля в Калуге, ковры, картины, библиотека французских классиков (9 тысяч томов) и прочее. При усадьбе В.П.Обнинского были обширные хозяйственные постройки, погреба и 250 десятин земли⁶⁸. В общем, жилось гуманисту-масону в самодержавной России, как видим, совсем неплохо. Неплохо жилось в ней и другим братьям. Обширным имением в 617 десятин в Дмитровском уезде располагал Ф.А. Головин. Большими земельными угодьями владели Г.Н. Вырубов и М.М. Ковалевский (последний считался одним из крупнейших землевладельцев Харьковской губернии).

Думать, что всех этих господ привела в масонские ложи печаль об униженных и оскорбленных на Руси, не приходится. В то же время можно предположить, что отнюдь не личная корысть и не жажда власти как таковой питала неумную оппозицию большинства наших либералов конца XIX — начала XX века. Для этого, надо отдать им должное, они были слишком прекраснодушны. Истинная подоплека оппозиционности сливок тогдашнего русского общества лежит, можно сказать, на поверхности: полученное ими западное воспитание и образование. И дело тут не только в иностранцах-гувернерах, подвизавшихся чуть ли не в каждой дворянской семье, или германских университетов, в которых стажировался чуть ли не каждый будущий русский университетский профессор. Сама система народного просвещения в стране была такова, что какого-либо другого убеждения, что если и есть настоящая, достойная человека жизнь, то искать ее следует только на западе, вынести из нее учащиеся едва ли могли. Русская дореволюционная школа, отмечал в связи с этим П.И. Ковалевский, убила у учащихся «Бога, убила национальность, убила государственность, убила семью, убила человека»⁶⁹. Определенный элемент преувеличения в этом суждении, конечно же, есть. Одно несомненно: и «образовывали», и воспитывали учащихся в дореволюционной России со времен Петра Вели-

кого не в национальном, а в космополитическом духе, на западный, так сказать, манер. Отсюда и результаты.

Не следует забывать и то, что, будучи людьми, как правило, состоятельными, будущие русские масоны годами вольготно жили за границей и какой-либо другой жизни для себя просто не представляли. Крайне любопытно в этой связи следующее признание известного масона В.А. Маклакова. *«Я так привык к свободной жизни во Франции, она стала казаться мне настолько естественной, — вспоминал он, — что я почти позабыл уроки России, ту строгость и произвол, которые я испытывал на себе еще в гимназии»*⁷⁰.

Организационные усилия руководителей русского масонства не пропали даром. Общая численность мастерских французского обряда выросла за период 1908–1909 гг. по крайней мере вдвое. Общее же число масонов в России за 1907–1909 гг. определяется специалистами в 100 человек, причем имена 94 из них устанавливаются документально. К сожалению, это все главным образом члены столичных масонских лож, в то время как имена рядовых членов лож провинциальных остаются нам практически неизвестными⁷¹.

В партийном отношении 25% из них принадлежали к конституционным демократам. Да и сами заседания петербургской ложи «Полярная звезда» происходили над помещением бывшего кадетского клуба. Здесь же собиралась и думская фракция кадетской партии: Ф.А. Головин, В.А. Караулов, А.Н. Букейханов, Е.И. Кедрин, А.М. Коллюбакин, С.А. Котляревский, В.А. Маклаков, В.П. Обнинский, Н.В. Некрасов, В.А. Оболенский, А.А. Свечин, К.К. Черносвитов, А.И. Шингарев, Ф.Р. Штейнгель. Активно участвовали в масонских ложах этой поры и эсеры: В.М. Зензинов, П.Н. Переверзев, С.Д. Мстиславский, О.Я. Пергамент, П.М. Макаров, что, несомненно, способствовало дальнейшей радикализации и политизации думского масонства. Менее представительным было участие в политическом масонстве начала века думских фракций народных социалистов и «трудовиков» (Н.С. Розанов, А.А. Булат, А.А. Демьянов) и депутатов от национальных меньшинств (И.З. Лорис-Меликов, Г.Ф. Зданович, В.Л. Геловани)⁷².

Примечания

¹ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта (1860–1867). М., 1934. С. 326–329.

² Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. Нью-Йорк, 1985. Кн. 161. С. 232–233.

³ Там же. С. 233.

⁴ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 5.

⁵ Там же. С. 53–54.

⁶ Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П.Огареву. СПб., 1906. С. 271.

⁷ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 52.

⁸ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 39–40.

⁹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 56–57.

¹⁰ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 42.

¹¹ Овсяннико-Куликовский Д.Н. Максим Максимович Ковалевский // Овсяннико-Куликовский Д.Н. Воспоминания. СПб., 1903. С. 161.

¹² Погодин С.Н. М.М. Ковалевский и Русская высшая школа общественных наук в Париже // Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.). Сб. научн. статей. СПб., 1995. С. 17–24.

¹³ Волошин М.А. Из литературного наследия. Вып. 1. СПб., 1991. С. 140–141.

¹⁴ Волошин М. Автобиографическая проза. Дневник. М., 1991. С. 225, 227.

¹⁵ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 61.

¹⁶ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1938. Т. 2. С. 295.

¹⁷ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 236–237.

- ¹⁸ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 62.
- ¹⁹ Волошин М. История моей души. М., 1996. С. 107–108.
- ²⁰ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 44.
- ²¹ Там же.
- ²² Вяземский В.Л. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. 1985. Кн. 161. С. 234.
- ²³ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русское масонство XX столетия. М., 1997. С. 163.
- ²⁴ Амфитеатров А.В. Мое масонство // Сегодня (Рига). 1930, 6 июля.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. М., 1998. С. 161.
- ²⁷ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 46.
- ²⁸ Рубинский Ю.Н. Масонство во Франции (вчера и сегодня) // Вопросы истории. 1986, № 9. С. 143.
- ²⁹ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1830–1917. М., 1993. С. 158–159.
- ³⁰ Ковалевский М.М. Партия Демократических реформ и ее программа // Вестник Европы. 1906, № 11. С. 786–793.
- ³¹ Гессен И.В. В двух веках // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 217.
- ³² Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1830–1917. М., 1993. С. 173.
- ³³ The Slavonic East European Review. Volume XLIV. № 103. July 1966. P. 454–472.
- ³⁴ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 50.
- ³⁵ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1141.
- ³⁶ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 92.
- ³⁷ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 56.
- ³⁸ Там же. С. 65.
- ³⁹ Бебутов Д.О. Русское масонство XX века // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 126–127.

- ⁴⁰ Вашутин М. (М.Ф.Таубе) Политическое масонство и его участие в крамоле в России. Харьков, 1914.
- ⁴¹ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. М., 1998. С. 161–162.
- ⁴² Бебутов Д.О. Русское масонство XX века // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 130.
- ⁴³ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 94.
- ⁴⁴ Там же. С. 95.
- ⁴⁵ Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн.161. С. 234.
- ⁴⁶ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 131, 133, 135–136.
- ⁴⁷ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 64.
- ⁴⁸ Там же. С. 61–62.
- ⁴⁹ Там же. С. 65.
- ⁵⁰ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1144–1145.
- ⁵¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 136.
- ⁵² Там же. С. 142–143.
- ⁵³ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 96.
- ⁵⁴ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. М., 1998. С. 179–183.
- ⁵⁵ Там же. С. 191.
- ⁵⁶ Там же. С. 197.
- ⁵⁷ Там же. С. 179.
- ⁵⁸ Там же. С. 190.
- ⁵⁹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 100.
- ⁶⁰ Там же. С. 145–146.
- ⁶¹ Там же. С. 139–142.
- ⁶² Карпачев С.П. Масонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX века. М., 1998. С. 139.
- ⁶³ Там же. С. 160.
- ⁶⁴ Там же. С. 149.
- ⁶⁵ Там же. С. 117.

⁶⁶ Там же. С. 65.

⁶⁷ Там же. С. 121–129.

⁶⁸ Там же. С. 122–123.

⁶⁹ Ковалевский П.И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк, 1922. С. 50.

⁷⁰ Карпачев С.П. Массонская интеллигенция в России конца XIX — начала XX веков. М., 1998. С. 90.

⁷¹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 84.

⁷² Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 102.

«ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ» 1910 ГОДА В РУССКОМ МАСОНСТВЕ И ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОГО ВОСТОКА НАРОДОВ РОССИИ (1912)

А теперь о том, что историк В.И. Старцев назвал «незримой драмой русского масонства» начала XX века. Дело в том, что общая обстановка в масонских ложах этого времени была далеко не братской. Разоблачение в декабре 1909 года провокационной деятельности Е.Ф. Азефа¹ в партии социалистов-революционеров (напомним, что ряд видных представителей ее входили в то же время и в масонские ложи), а также неосторожное интервью Е.И. Кедрина, опубликованное в газете «Русское слово», где он объявил, что имеет степень мастера одной из парижских лож, сильно напугали «братьев», заподозривших проникновение в свою среду агентов Департамента полиции. Под подозрением оказались: Д.О. Бебутов, Е.И. Кедрин, М.С. Маргулис, В.А. Макалов, С.С. Жихарев, Н.Н. Баженов и ряд других братьев, а деятельность некоторых из них (Д.О. Бебутов, С.С. Жихарев) даже подверглась специальному масонскому расследованию.

Конечно, осведомителями Департамента полиции вышеупомянутые «братья» скорее всего не были. Но вели они себя по меньшей мере неосторожно, поскольку не считали нужным скрывать свою принадлежность к ордену вольных каменщиков. А об интервью Е.И. Кедрина и говорить нечего. На Западе, уверял он читателей газеты «Русское слово», в особенности во Франции, масоны никогда не были так могущественны, как в настоящее время. *«Черносотенцы стараются уверить, что освободительное движение в России вызвано масонами. Это совершенно неверно, к сожалению. Говорю «к сожалению», потому что при участии масонов движение получило бы совершенно другую окраску и было бы гораздо более могущественным»*². Собственно, с этой целью — резко усилить натиск антиправительственных сил на самодержавие — и создавалась, как мы знаем, с помощью «братьев» из Великого Востока Франции масонская организация в России. Однако публично, во всеуслышание подчеркивать опасность связи французского масонства с освободительным движением в России — это для масона было, конечно же, чересчур.

Гнетущую атмосферу масонских лож той поры хорошо передает в своих мемуарах Д.О. Бебутов. *«Мне часто приходилось замечать, — пишет он, — что между братьями нет настоящей близости, без чего масонство обречено на смерть. Из Москвы все чаще приходили сведения, что все очень недовольны Баженовым, кото-*

рый недостаточно конспиративен и часто чрезмерно болтлив. Кем-то получено сведение, что Жихарев на подозрении у социалистов-революционеров. По этому случаю был назначен суд, который не нашел ничего подозрительного и даже пожалел Жихарева, который был искренне этим потрясен. Затем многих стала пугать систематическая травля в черносотенной прессе против жидомасонов кадетов... Словом, начало создаваться какое-то прекращение занятий»³.

Наконец, после получившего широкую огласку скандала, связанного с иском к Алексею Орлову-Давыдову, на котором, собственно, все и держалось с финансовой точки зрения, со стороны артистки Пуарэ по поводу необходимости признания им своего внебрачного ребенка, ложа «Полярная звезда» стала разваливаться буквально на глазах. О том, какого накала достигли споры в масонской среде этого времени, красноречивее всего говорит следующий факт. В конце 1909 года «братья» М.С. Маргулиес и П.М. Макаров ни с того ни с сего потребовали у князя Д.О. Бебутова показать им его французский масонский диплом. Д.О. Бебутов показал и тут же горько пожалел об этом. Взбешенный П.М. Макаров выхватил из рук владельца злополучный диплом и тут же, на глазах изумленного Д.О. Бебутова разорвал его⁴. А ведь, казалось бы, интеллигентный человек, инженер. Все дело в том, что П.М. Макаров подозревал в Бебутове провокатора.

Уверенность в наличии провокации была настолько распространена в масонских ложах Москвы и Петербурга, что, например, один из лидеров русского политического масонства Н.В. Некрасов не удержался, чтобы не заявить об этом даже в своих показаниях в НКВД 1939 года, указав на Д.О. Бебутова и М.С. Маргулиеса как на лиц не только нечистоплотных в моральном отношении, но и прямо опасных для масонов по их связям с царской охранкой⁵.

Однако современные историки масонства (А.Я. Аврех⁶, В.И. Старцев) не поддерживают эту версию. Суть конфликта, по мнению В.И. Старцева, была в том, что в отличие от Н.В. Некрасова и его единомышленников, смотревших на масонство как на действенный инструмент борьбы с самодержавием, старое поколение русских масонов в лице Д.О. Бебутова, М.С. Маргулиеса и других крепко держалось за морально-нравственные основы учения вольных каменщиков⁷. Отсюда и конфликт между ними. А подозрения в отношении ряда «братьев» в их провокаторстве, кстати, ничем и никогда не подтвержденные, — это уже закономерное следствие наметившейся среди масонов розни. Нечего много и говорить, что большинство «братьев» были на стороне Н.В. Некрасова и его сторонников. «Старики» вроде Д.О. Бебутова и Е.И. Кедрина, упрямо придерживавшиеся принципов «нравственного» масонства, им только мешали. Отсюда

разрабатывавшиеся в это время среди реформаторов планы коренной реорганизации масонства в России, что позволило бы им избавиться от «балласта».

Инициатором коренной реорганизации русского масонства на новых, более отвечающих политическим реалиям страны началах, был А.М. Колюбакин. Деятельную роль в этом процессе сыграли также его коллеги по кадетской партии Н.В. Некрасов и князь С.Д. Урусов⁸. Воспользовавшись циркулировавшими в то время в «братской» среде слухами о якобы проникших в масонские ложи провокаторах и агентах царской охранки, «молодые реформаторы» решили на время «прикрыть» якобы ставшие ненадежными масонские мастерские, чтобы, оставив таким образом за бортом несогласных с ними сторонников «нравственного» масонства, сформировать из оставшихся фактически новую масонскую структуру. В феврале 1910 года по их инициативе во исполнение этого плана состоялось общее собрание «братьев», игравшее, по сути дела, роль своеобразного масонского конвента. От Петербурга на нем присутствовали Ф.А. Головин, С.Е. Кальманович, Н.А. Морозов, Я.Н. Гордеенко, Д.О. Бебутов и Н.В. Некрасов. От московских масонов присутствовали Н.Н. Баженов и С.Д. Урусов, от киевских — А.Г. Вязлов и Полторацкий. Из Нижнего Новгорода — Г.Р. Кильвейн и Каминский. От Военной ложи — С.Д. Масловский и П.М. Макаров. Председательствовал Ф.А. Головин.

Повестка дня была одна: распускаться или нет. Д.О. Бебутов заявил, что на закрытие масонских лож у собравшихся нет необходимых полномочий. После горячих споров с перевесом в один голос победили сторонники предоставления ложам самим решить их дальнейшую судьбу. *«При таком неопределенном настроении ложи предпочли временно уснуть»*, — отмечал Д.О. Бебутов⁹. Ему и в голову не могло прийти, что все это было не что иное, как фарс, устроенный за его спиной спектакль, призванный «усыпить» прежде всего его самого, а также его коллег Н.Н. Баженова, М.С. Маргулиеса и других противников чрезмерной политики масонских лож.

Анализ состава мастерских Великого Востока Франции в России и пришедших им на смену лож Великого Востока народов России (1912) показывает, отмечает в связи с этим А.И. Серков, что в феврале 1910 года произошло фактическое усыпление масонов, установивших тесные контакты с Францией и получивших капитулярные степени (Д.О. Бебутов, Н.Н. Баженов, Е.И. Кедрин, В.А. Маклаков, М.С. Маргулиес и другие); представителей национальных партий (И.З. Лорис-Меликов, В.Л. Геловани). Формальным поводом было объявлено, как уже отмечалось, склонность этих «братьев» к болтовне, которые, живя в Петербурге, активной политической жизнью тем не менее не занимались. Так фактически были выведены, отмечает А.И. Сер-

ков, из масонских лож *«все профессора, которые стояли у истоков масонства в России, поскольку они тяготели к философскому, а не политическому масонству»*¹⁰. Не все, правда, подчинились решению февральского совещания об усыплении братьев. Среди мастерских Великого Востока Франции в России, деятельность которых была продолжена и после 1910 года, — «Литва» (Вильно), «Федерация» (ею руководил П.Н. Переверзев) и «Белый орел» (из польских уроженцев, проживавших в то время в Санкт-Петербурге). Но погоды эти ложы в масонском сообществе того времени, конечно же, не делали.

Были прекращены, судя по всему, и работы самой многочисленной из лож «Верховного совета русского масонства» — «Полярной звезды», хотя, по некоторым данным, они все-таки продолжались вплоть до 1913 года. Есть сведения (М.С. Маргулиес) и о том, что в 1919 году «братья» из «Полярной звезды» были якобы «усыновлены» парижской ложей «Дружба народов».

Итак, после февраля 1910 года большая часть лож «Верховного совета русского масонства» возобновила свои работы, но уже под новым руководством — Николая Виссарионовича Некрасова. Профессор Томского университета, специалист по статике и сооружению мостов, он рано изменил своему призванию, увлекся политикой и вступил в 1907 году в кадетскую партию. Как впоследствии оказалось, это был правильный ход. Н.В. Некрасова тут же избирают депутатом III, а затем и IV Государственной думы. Здесь он зарекомендовал себя как яркий неординарный политик. Такие люди масонам были, конечно же, нужны, и уже в 1908 году состоялось посвящение Н.В. Некрасова в петербургской ложе «Полярная звезда» под руководством А.А. Орлова-Давыдова. Понятно, что оставаться на вторых ролях даже в масонской ложе такой умный и деятельный человек долго не мог. Он и не остался, причем решающую роль здесь сыграл, несомненно, февральский масонский мини-переворот 1910 года. Был ли он необходим? Видимо, да.

Строгая конспирация была нужна масонам не только в целях сокрытия своих работ от агентов Департамента полиции, но и от некоторых деятелей левого крыла оппозиционных к масонству деятелей. Дело в том, что согласование в рамках масонских лож единой позиции различных политических фракций в Думе могло быть эффективно лишь только в том случае, если думцы-«профаны» ничего бы не знали и даже не догадывались, что выступают объектами масонской политической игры¹¹. Первоочередной задачей в этих условиях было провести немалую подготовительную работу по организационному становлению новой масонской структуры в России. И началась она, естественно, с учреждения новых, уже очистившихся от неугодных членов, масонских мастерских. Конечно же, основу или костяк их составляли старые, проверенные масонские кадры. Но не только. Со-

гласно подсчетам историка В.И. Старцева, из 94 человек — членов лож французского обряда в ложи Великого Востока народов России перешло всего только 37¹². «Усыплено», таким образом, было свыше 50 человек. Конечно, это не мешало им считать себя по-прежнему масонами и бывать в ложах, правда, уже не в России, а во Франции.

«Усыпление» старых масонских лож и организация на их основе лож новых позволила реформаторам не только избавиться от мешавшего им балласта — сторонников так называемого «нравственного масонства», но и существенно обновить свои ряды, влить в еще не вполне окрепшую организацию «свежую кровь». К сожалению, мы еще слишком мало знаем о новых ложах, учрежденных после февраля 1910 года. Видное место среди них занимала, судя по всему, ложа «Малая медведица» (1911). Среди ее членов такие известные масоны, как Б.Г. Барт, А.И. Браудо, С.Д. Масловский, П.Н. Переверзев, П.М. Макаров, А.А. Демьянов, А.Я. Гальперн. Мастером-наместником ложи был А.А. Демьянов, первым надзирателем — П.М. Макаров, вторым — А.И. Браудо. В 1912 году в «Малой медведице» был посвящен А.Ф. Керенский.

Из других новых лож обращает на себя внимание думская ложа «Розы» (1910), составившаяся из депутатов-масонов, членов III Государственной думы: Н.В. Некрасов, А.М. Колюбакин, В.А. Степанов, Н.К. Волков и других, причем среди них были не только кадеты, но и представители других политических партий, представленных в Думе: меньшевиков — Е.П. Гегечкори, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе; прогрессистов — И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов; трудовиков — А.Ф. Керенский. В этом, собственно, и состоял смысл учреждения думской ложи.

Достоин упоминания присоединение в 1911 году к новому русскому масонству во главе с Н.В. Некрасовым и С.Д. Урусовым и двух так называемых «английских» лож. Одна из них работала в Санкт-Петербурге, другая — в Архангельске. Основателем английского масонства в России в начале XX века был настоятель англиканской церкви посольства Великобритании в Санкт-Петербурге пастор Б.-С. Ломбард. Одним из деятельнейших членов английского масонства в Санкт-Петербурге был депутат Государственной думы В.П. Басаков¹³. Заметного следа в России английское масонство не оставило. Как, впрочем, и масонство германское. Внедрение последнего на русской почве всецело было связано с деятельностью сотрудника германского посольства в Санкт-Петербурге Эрвина Германа (1859—1925). В России он появился в 1904 году и уже тогда попытался создать небольшой масонский кружок при посольстве, правда, не вполне удачно. О работе этого кружка известно, впрочем, мало.

Следует подчеркнуть, что и после февраля 1910 года, наряду с ложами Великого Востока народов России, продолжались на ее территории и «работы» других масонских послушаний. В пер-

вую очередь здесь следует отметить мастерские Великой ложи Франции, учредившей в России по крайней мере 5 своих регулярных лож. Особенно влиятельной среди них была ложа «Феникс» (основана в 1906 году), работавшая по шотландскому уставу. Сюда, в частности, входили: Е.В. Аничков, Ю.С. Гамбаров, И.И. Иванюков, Е.В. де Роберти и другие. Возглавлял ложу М.М. Ковалевский¹⁴. К 1916 году относятся сведения и о ложе «Два горизонта», также работавшей, судя по всему, по Древнему и принятому шотландскому уставу, а также родственной с ней ложе «Четыре элемента» (М.Анатольев, М.Добрянский и другие).

Из петербургских лож, непосредственно подчинявшихся Великому Востоку Франции, в России этого времени можно отметить: «Человечество» (Р.М. Бланк и другие), «Федерация» (А.Д. Марголин), «Звено одной цепи» («Железное кольцо») и «Белый орел».

Но вернемся к работе лож масонской организации во главе с Н.В. Некрасовым и С.Д. Урусовым. Собrania их в 1910–1912 гг. происходили более или менее регулярно — один раз в неделю. Обсуждались на них главным образом вопросы политического характера: согласование действий «братьев» в Государственной думе и прочее. Сами ложи принципиальных решений, впрочем, не принимали, а только выносили свои предложения через секретаря организации Н.В. Некрасова в Верховный совет¹⁵. Принципиальным отличием этой новой, или, во всяком случае, основательно обновленной организации являлся ее радикальный характер. В отличие от своих предшественников, «новые» масоны уже прямо заявляли, что они ориентируются на замену монархии демократической республикой через ту или иную форму государственного переворота. Вопросы нравственного совершенствования находились у них далеко не на первом плане. Да и состав самих лож серьезно «полевел» по сравнению с периодом 1906–1909 гг., прежде всего за счет широкого привлечения в них левых кадетов, меньшевиков и эсеров.

В 1910–1911 гг. в петербургские ложи (состав провинциальных, к сожалению, практически неизвестен) были приняты следующие лица: В.А. Степанов, Н.С. Чхеидзе, А.Я. Гальперн, Е.П. Гегечкори, Н.К. Волков, Н.Д. Соколов, В.Г. Харитонов, В.А. Оболенский, Б.Г. Барт, В.А. Виноградов, Я.Я. Брусов. Шестеро из них были меньшевиками, четверо — кадетами¹⁶.

О том, как и при каких обстоятельствах происходили эти первые посвящения, подробно рассказал в своих беседах с Б.И. Николаевским меньшевик Н.С. Чхеидзе. Беседы происходили 24–26 августа 1925 года в Марселе:

«Как-то раз — это было в 1910 г. — ко мне подошел член Государственной думы Степанов, левый кадет, и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит

вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов; упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что вообще это связано с некоторым ритуалом. О том, что это масоны, он мне прямо не сказал. Я не был знаком с характером этой организации, равным образом я мало знал и о масонстве вообще, но почему-то — не припомню теперь, почему именно — сразу догадался, что речь идет о масонской ложе, и тотчас же выразил свое согласие. Степанов указал, куда я должен прийти, — адреса я теперь не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отдельную комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на которые я должен был ответить (Степанов об этой анкете предупредил меня заранее), и оставил меня одного. Я сел писать ответы. Насколько вспоминаю, вопросы были следующие (приведу, что помню, вместе со своими ответами):

Как вы относитесь к семье? — Признаю ее как ячейку, имеющую воспитательный и объединяющий характер.

Как Вы относитесь к человеческому прогрессу? — Признаю, что человечество идет к тому, чтобы стать одной семьей, к этому ведут объективные условия развития человечества, и считаю необходимым всеми силами работать над этим.

Ваш взгляд на религию? — Считаю, что нужно быть терпимым ко взглядам каждого.

Какие пути и методы международных отношений Вы признаете? — Считаю, что только пути мирного сотрудничества, что только общечеловеческая солидарность и стремление к взаимному пониманию являются основами, на которых должны складываться международные отношения.

Как вы относитесь к войне? — Считаю, что метод решения международных споров путем войн должен быть навсегда и совершенно исключен из списка допущенных.

А если нападут на Россию? — Мы должны стремиться ликвидировать ее [войну] тем или иным мирным путем.

Какую форму правления Вы считаете наиболее приемлемой для России? — Республиканскую.

Других вопросов и своих ответов я не помню, но помню хорошо, что вопросов, имевших то или иное отношение к социализму и классовой борьбе, среди них не имелось. Этих тем не коснулся я и в своих ответах.

Когда я написал ответы, в комнату вошел Степанов, взял их и удалился, оставив меня ждать ответа. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи. Через некоторое время вошел Степанов, туго завязал мне глаза и повел куда-то, где меня усадили. Здесь мне был задан вопрос:

«Знаете ли Вы, где Вы сейчас находитесь?»

Я ответил: «На собрании масонской ложи»¹⁷.

В говорившем Н.С. Чхеидзе узнал Н.В. Некрасова, голос ко-

торого был ему хорошо знаком. Вопросы, которые задавал ему последний, повторяли вопросы анкеты, и он легко ответил на них. Затем Некрасов предложил ему встать, и он услышал, что вслед за ним встали и все присутствующие. Некрасов произнес слова клятвы — об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если это связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях. Потом Некрасов задал, обращаясь ко всем присутствующим, вопрос:

«Чего просит брат?»

Присутствующие ответили:

«Брат просит света!»

После этого повязка с глаз Чхеидзе была снята, к нему подошел масон Степанов и поцеловал его как нового брата. С такими же поцелуями к нему стали подходить и остальные.

«Последними, как я теперь увидел, — вспоминал Н.С. Чхеидзе, — были, кроме Некрасова и Степанова, еще член Государственной думы и присяжный поверенный А.Я. Гальперн, относительно последнего у меня некоторые сомнения, был ли он тогда; возможно, что был и еще кто-нибудь из тех, кого я назову дальше, как членов малой ложи, помню, что всего было человек 5–6.

Да, позабыл, акт приема меня был сделан от имени «Великого Востока Франции».

Так я вступил в ложу. Заседания последней шли более или менее регулярно 2–4 раза в месяц; собирались на квартире какого-либо из членов; никаких ритуалов на этих собраниях не соблюдалось; состав несколько менялся — в общем руководствовались тем правилом, чтобы в ложе сходились люди, жившие относительно недалеко друг от друга, но число присутствующих было 6–8.

Совещания эти носили информационный характер; определенных докладов обычно не было; каждый передавал новую информацию — за эту последнюю я особенно ценил эти собрания»¹⁸.

Ценным дополнением к воспоминаниям Н.С. Чхеидзе являются сведения, которыми поделился 7 августа 1928 года в Брюсселе с Б.И. Николаевским социал-демократ Е.П. Гегечкори:

«Это было, кажется, в 1909 г. (1910. — Б.В.) У нас, социал-демократических депутатов, сложились очень хорошие отношения со Степановым, Волковым, Некрасовым, с группой левых кадетов вообще. Несмотря на общую атмосферу, очень неблагоприятную для левых, они не только не сторонились нас, но даже как бы сознательно искали с нами связи. Причины этого я понял только после того, как Чхеидзе ввел меня в масонскую ложу. Первым разговор со мной завел на эту тему Чхеидзе, который после долгих колебаний, что чувствовалось по его подходам, сообщил мне, что именно эта группа левых кадетов предложила ему войти в ложу. Он спрашивал мое мнение и хотел, чтобы в ложу вошел и я. Я спросил, как относится к этому делу он сам. Чхеидзе ответил, что он уже дал

согласие. Я, зная об отрицательном отношении партии ко всякого рода внепартийным объединениям, стал тогда расспрашивать более подробно о задачах масонской организации и мотивах его положительного ответа. Чхеидзе мне объяснил, что эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, что она стремится к насильственному перевороту, что она представляет собой значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах, и что с нашей стороны было бы в высшей степени нецелесообразно остаться вне подобной организации, которая в будущем может сыграть весьма значительную роль; наоборот, если мы в нее войдем и постараемся оказывать воздействие на эту организацию, на ее политические мнения, в желательном для нас, социал-демократов, направлении, то это может быть очень полезно с точки зрения тех задач, которые станут перед нами — социал-демократами. При этом он сообщил, что выяснил, что в организацию не входят правые элементы (правее прогрессистов), и что для дальнейшего им было поставлено условие в неприятии таких элементов, и это условие руководителями организации принято. Эти соображения для меня решили вопрос, и я дал свое согласие»¹⁹.

После этого состоялась встреча Гегечкори с Волковым и Некрасовым. Последние подтвердили все сообщенное Чхеидзе относительно революционного характера организации, что она действительно, оставаясь организацией непартийной, стремится к тем же политическим целям, которые преследуют революционные организации.

После ряда таких разговоров произошло посвящение Гегечкори, процедура которого, в общем, совпадала с тем, что мы уже знаем:

«В назначенный день за мной приехал Волков и в карете повез меня куда-то в район Морской, где меня ввели в чей-то особняк — я до сих пор не знаю, чей он был (во всяком случае, не Набокова). Там меня оставили в отдельной комнате, куда ко мне пришел Некрасов, принесший анкетный лист. Я его заполнил. Помнится, что на вопрос: «Как вы относитесь к семье?» — я ответил: «Считаю ее свободным союзом личностей, связанных общностью интересов и культурного уровня». На вопрос: «Как вы относитесь к дружбе?» — «Считаю ее моральным обязательством, которое человек берет на себя по доброй воле и которое для него с этого момента является морально обязательным». На вопрос об отношении к войне я, оговорив о недопустимости изменческих действий, указал, что считал бы обязанностью стремиться к превращению войны в революцию. О религии — что сам отношусь к ней отрицательно, считаю ее опиумом, но в то же время рассматриваю ее как частное дело каждого.

Помню, что был еще вопрос о личной храбрости, о своей способности пожертвовать своею жизнью и интересами семьи для

дела, которое я считаю общественно полезным. Я ответил, что этот вопрос кажется мне несколько неудобным: сказать «да» было бы слишком смело, самонадеянно, сказать же «нет» было бы несправедливостью по отношению к себе. Такого рода самопожертвование я считаю в известных условиях, т.е. если задача, во имя которой жертва приносится, соответствует той политической работе, которой я себя посвятил, необходимым, но говорить заранее о личной способности на подобный шаг нельзя: это выяснится, когда дело дойдет до действия»²⁰.

Когда Гегечкори заполнил анкету, за ней зашел Некрасов и забрал ее. Потом он завязал Гегечкори глаза и повел в комнату, где заседали члены ложи. Здесь ему вновь были заданы вопросы из анкеты, после чего он принес клятву, повторяя ее за мастером. В клятве говорилось об обязанности держать в тайне даже от самых близких людей, в том числе и от семьи, все, что относится к деятельности ложи, о готовности принести в жертву интересы семьи и близких в пользу тех задач, которые преследует ложа. Если же по его вине тайна ложи разгласится и это повлечет за собою ее провал, то он признает себя подлежащим смертной казни.

«Всю эту клятву я произносил стоя с завязанными глазами; в наиболее патетических местах клятвы, например, при заявлении о готовности пожертвовать собою, к моей груди приставляли ишагу. Во всей этой процедуре было что-то неприятно-жуткое; меня при этом ни на минуту не покидала мысль, что я делаю ошибку, вступая в эту организацию тайно от партии, скрывая этот свой шаг от последней, но в то же время вся она в целом, со всей своей необычностью для революционной среды — я должен это признать, — действовала на меня несколько импонирующе.

После принесения клятвы и того стереотипного вопроса, который приведен в рассказе Чхеидзе («чего просит брат»), мне сняли повязку и все присутствующие подошли с поцелуями. Среди них были Некрасов (председатель), Степанов, Н.Д. Соколов, Г.Ф. Зданович (помню, его присутствие меня очень удивило), Чхеидзе, крупный сотрудник «Русских ведомостей» Обнинский (он был казначей ложи), некто Харитонов — старый революционер, Орлов-Давыдов.

Собрания ложи происходили регулярно каждую неделю, и я настолько увлекся этим делом, что не пропустил ни одного из них. Недоверчивое отношение, которое у меня было вначале, быстро рассеялось. Атмосфера братского внимания друг к другу, стремление оказывать братьям помощь во всех делах, отсутствие враждебности и борьбы — все это действовало подкупающе. На собраниях ложи обсуждали политические вопросы, обменивались мнениями о положении дел, о действиях намеченных партиями или о том, что сделать следует. Ложа сама решений не принимала, она только намечала их и вносила в форме предложений в Верховный совет (через Некрасова). Нашей социал-демократической деятель-

ности ложа не стесняла; ее решения нас не связывали — скорее она нам помогала, так как члены ложи из других партий помогали нашим выступлениям, например, давая нашим подписи под нашими запросами. Даже в таких мелочах они нас поддерживали, как аплодисменты при выступлениях, создавая в Государственной думе атмосферу успеха для наших выступлений»²¹.

Из наиболее ярких случаев, когда масонская ложа оказывалась полезной для социал-демократического дела, Е.П. Гегечкори запомнился следующий. После роспуска Государственной думы на 3 дня в связи с Холмским земством социал-демократическая фракция внесла срочный запрос о нарушении Столыпинным основных законов; этот шаг вызвал недовольство буржуазной, даже левой печати; кадетские газеты писали, а кадетские политики говорили, что социал-демократы не справятся с задачей, что они должны уступить этот запрос кадетам, у которых имеются лучшие ораторские и политические силы (сами кадеты с внесением запроса опоздали). *«Ответственную речь фракция поручила мне, и тогда Некрасов, который вообще в это время сидел рядом с нами и был, по существу, на нашей стороне, а не на стороне кадетов, посоветовал мне обратиться к М.М. Ковалевскому, обещая, что тот поможет в подготовке выступления. Я обратился, и Ковалевский действительно помог всем, чем только мог: он работал весь день, перевернул всю свою библиотеку, пересмотрел все западноевропейские конституции, всех государствоведов и дал мне такой обильный материал, что речь вышла блестящей, и даже кадеты были вынуждены признать, что социал-демократическая фракция оказалась на высоте задачи. Когда я благодарил Ковалевского за помощь, он мне ответил: «Это ведь мой долг в отношении близкого человека». Меня этот ответ несколько удивил: близким к Ковалевскому я никогда не был, видел его тогда чуть не в первый раз. Это мое недоумение сказалось и в моем рассказе Некрасову о приеме, который мне был сделан Ковалевским. Некрасов ответил в тоне Ковалевского: «Иначе он (то есть Ковалевский) и не мог поступить». Из этого я понял, что М.М. Ковалевский близок к масонской организации»*²².

М.М. Ковалевский устраивал каждую Пасху особые пасхальные приемы, на которые собиралось до 40 человек. Туда он стал звать и Е.П. Гегечкори, после того как тот вступил в ложу. На них бывали все члены ложи. Там он встречал Колюбакина, Караулова, адвоката Бернштама, Сидамонова-Эристову и других.

Очевидные успехи нового русского масонства побудили Н.В. Некрасова на дальнейшие организационные шаги по его укреплению. С этой целью уже в январе 1912 года им был поставлен вопрос о проведении учредительного масонского съезда русских лож французского обряда. Был ли уведомлен об этом Великий Восток Франции, мы не знаем. Во всяком случае, из-

вестно, что через князя С.Д. Урусова связь с ними русские братья все-таки держали²³. Известно также, что эmissар Великого Востока Франции Лебук даже приезжал в это время в Петербург. Однако подробностей его визита мы не знаем. Практически ничего не известно нам и о том, при каких обстоятельствах именно Н.В. Некрасов — человек сравнительно новый в масонстве — оказался на должности временного секретаря русских лож в 1910–1912 гг.

Как полагает А.И. Серков, именно в это время (конец 1911 года) произошло объединение обновленных после февраля 1910 года так называемых реформаторских лож Великого Востока Франции в России с шотландскими ложами круга М.М. Ковалевского, хотя заметной роли в Великом Востоке народов России последние никогда не играли. Вторым важным событием, способствовавшим организационному укреплению новой, по сути дела, масонской организации, стало присоединение к ней уже упоминавшихся английских лож (мастерская В.П. Басакова в Петербурге и ложа в Архангельске)²⁴.

Окончательное структурирование новой организации произошло на ее учредительном съезде в Москве летом 1912 года. Были ли до этого какие-либо масонские съезды или совещания после февраля 1910-года — мы не знаем. А.И. Серков полагает, впрочем, что да, поскольку только на них, этих совещаниях и съездах, и могли быть избраны в состав Верховного совета Н.В. Некрасов (секретарь), В.А. Степанов и Г.Д. Сидамон-Эристов, заменившие в нем ряд «усыпленных» к этому времени «братьев»²⁵. Заседания съезда происходили на квартирах «братьев» С.А. Балавинского и Ф.А. Головина. От Петербурга присутствовали: А.Я. Гальперн, Н.В. Некрасов, А.М. Колюбакин, В.А. Виноградов, В.А. Степанов, А.И. Браудо, К.Г. Голубков, А.Ф. Керенский. Московские ложи представляли С.А. Балавинский, Ф.А. Головин, В.П. Обнинский, С.Д. Урусов. От Киева присутствовали: Н.П. Василенко, М.С. Грушевский, Ф.Р. Штейнгель. Нижегородские ложи представлял Г.Р. Кильвейн. Присутствовали также делегаты от Минска и Одессы²⁶.

Состоялось всего два заседания. Вел их секретарь Верховного совета Н.В. Некрасов. Обсуждалось два вопроса. Первый из них — конституирование русской масонской организации как формально независимой от Великого Востока Франции. Как заявил делегатам докладчик от Верховного совета Н.В. Некрасов, в России к этому времени насчитывалось не менее 14–15 лож, из них 5 в Петербурге, 3–4 в Киеве, 1–2 в Москве и по одной в Нижнем Новгороде, Минске и Одессе. Этого, по его мнению, было вполне достаточно для выделения русских братьев в самостоятельный масонский орден наряду с Востоками других европейских стран²⁷. Каких-либо возражений у присутствующих это не вызвало. Правда, на открытие ордена требовалось пред-

варительное согласие Великого Востока Франции. Но его, как уверил присутствующих Н.В. Некрасов, можно будет получить несколько позже. На том и согласились.

В интервью, данном в 1920-е годы историку Б.И. Николаевскому, А.Я. Гальперн утверждал, что связь с Великим Востоком Франции осуществлялась в эти годы через князя С.Д. Урусова²⁸. Однако давал ли тот предварительное согласие на проведение конвента 1912 года в Москве, мы не знаем. Складывается впечатление, что предварительно вся эта акция была все-таки согласована с парижскими «братьями». Другое дело, что афишировать официальное согласие Великого Востока Франции на открытие в России масонского ордена им было ни к чему.

Совсем в другом ключе происходило на съезде обсуждение другого, и явно второстепенного, казалось бы, вопроса о названии ордена русских вольных каменщиков. Подавляющее большинство делегатов были русскими и стояли за то, чтобы орден носил традиционное и общепринятое в Европе название «Великий Восток России». Однако тут неожиданно поднялся со своего места украинский делегат историк М.С. Грушевский и решительно потребовал, чтобы в названии новой масонской ассоциации «ни в коем случае не было слова «Россия». «Он занимал в этом вопросе совершенно непримиримую позицию, отрицая вообще за Россией как государственной единицей право на целостное существование; его с рядом оговорок поддерживал Василенко», — вспоминал впоследствии об этой истории А.Я. Гальперн²⁹. Слово «Россия» в названии ордена удалось в конце концов отстоять, согласившись на компромисс — *Великий Восток народов России*.

Было бы неправильно, конечно, только на основании этого инцидента делать далеко идущие выводы. Одно несомненно: именно масонские ложи со своим показным демонстративным космополитизмом всегда притягивали и притягивают к себе до сих пор самые злобные антирусские силы. Дело дошло до того, с горечью отмечал В.А. Бобринский, что «самое слово «русский» безнаказанно поносилось в стенах Государственной думы. Там дико глумились над любовью к Отечеству и поверхностному наблюдателю не могло не казаться, что русский народ отжил свой век и что Россия отдана на расхищение своим внешним и внутренним врагам. Враги торжествовали и глумились над Русью, над ее священнейшими требованиями и верованиями»³⁰.

Но, быть может, В.А. Бобринский преувеличивает антирусский характер заседавшей в Думе масонской либеральной братии? Есть поэтому смысл обратиться к свидетельству, исходящему из самого либерального лагеря, например, лидера октябристов А.И. Гучкова, о масонстве которого хотя и нет бесспорных доказательств, но сомневаться в нем по ряду косвенных свидетельств не приходится. Вот что вспоминал он об одной из наиболее видных масонских фигур февраля — марта 1917 года — Н.С. Чхеидзе.

«Я относился брезгливо к Чхеидзе с его ненавистью к буржуазному строю, русскому народу, к России самой»³¹. Ну, что касается буржуазного строя, который якобы ненавидел Н.С. Чхеидзе, то это, конечно же, не так. Опыт показал, что более последовательно защитника буржуазного строя, чем социал-демократы (а Н.С. Чхеидзе, напомним, был именно социал-демократом — меньшевиком), в мире, пожалуй, и не сыскать. А вот свидетельство А.И. Гучкова о ненависти Н.С. Чхеидзе к русскому народу и России самой поистине бесценно. Ведь Н.С. Чхеидзе — это не просто видный масон, не просто социал-демократ, он еще и первый председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Советская власть, так сказать, хотя и в меньшевистско-масонском обличье.

Но вернемся к масонскому съезду 1912 года. Еще одной важной задачей, помимо конституирования организации и решения вопроса о ее названии, стала проблема формирования нового состава Верховного совета Великого Востока народов России. Сюда, в частности, вошли А.М. Колюбакин, Н.В. Некрасов, С.Д. Урусов. В тот же день в Верховный совет были кооптированы Д.Н. Григорович-Барский, Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенский. Секретарем (с 1913 года — генеральный секретарь) Верховного совета Великого Востока народов России был избран левый кадет А.М. Колюбакин. Работал Верховный совет на правах ложи. *«Никаких обрядов в заседаниях Верховного совета, как и в ложе, не было»*, — *свидетельствовал Н.С. Чхеидзе*³². Что касается устава Великого Востока народов России, то принятие его было отложено до второго съезда, намеченного на 1913 год. За это время Верховному совету было поручено позаботиться о разработке и предварительном обсуждении соответствующего проекта.

Второй съезд Великого Востока народов России (ВВНР) состоялся, как и было намечено, летом 1913 года, правда, уже не в Москве, а в Петербурге на квартире В.А. Степанова. На нем, в частности, и был принят устав Великого Востока народов России, в котором были определены задачи новой организации и закреплена уже сложившаяся организационная структура ордена.

Согласно записке Л.Д. Кандаурова, автором устава ВВНР был В.П. Обнинский. Однако исследователи отдают предпочтение сообщению А.Я. Гальперна³³, который утверждал, что автор его — С.Д. Масловский (Мстиславский), которому якобы помогал князь С.Д. Урусов³⁴. Экземпляр этого проекта был обнаружен в 1988 году профессором В.И. Старцевым среди бумаг Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира в Стенфорде. Им же, В.И. Старцевым, впервые был дан и подробный разбор этого примечательного документа.

Цель организации, как она формулировалась в проекте устава 1912 г., заключалась в *«создании связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена; братья сохраняют*

свободу политического действия, но стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина»³⁵. Как установил В.И. Старцев, главным источником, из которого черпали Мстиславский и Урусов основные положения устава ВВНР, был Общий регламент Великого Востока Франции, хотя пункты, касающиеся масонской тайны и конспирации, были в нем несколько усилены. В целом же, с точки зрения содержания устава, масонство ВВНР может считаться, по авторитетному заключению В.И. Старцева, вполне нормальным регулярным масонством. Нерегулярными в нем могут быть признаны только его цели — чисто политические, а не морально-этические, чего следовало бы ожидать от масонского ордена. Обращает на себя внимание также и сокращение обрядности при приеме в степень мастера, и исключение степени подмастерья или товарища, а также прием в ложи, наряду с мужчинами, и женщин³⁶. Политические цели, как мы знаем, преследовал не только ВВНР. Не чужды они были и Великим Востокам других европейских стран, в частности Франции и Италии. Так что в регулярности или правильности ВВНР как масонской организации можно не сомневаться.

Особо пристальное внимание уделялось в проекте Мстиславского — Урусова орденской тайне. *«Братья обязаны хранить в тайне как само существование ордена, так и все, что касается его состава, планов и деятельности. Братья обязаны хранить все сообщенное им в братском порядке или ставшие известным в заседаниях ложи. Братья знают лишь членов ложи. Венерабль знает секретаря Верховного совета. Все, относящееся к орденской тайне, не должно быть излагаемо на письме. Письменные ответы испытываемого и баллотировочные записки немедленно сжигаются в самой ложе», — читаем мы здесь.* Все это, а также клятва «братьев» не раскрывать существования братства, хотя бы они и были спрошены об этом даже на суде, восходящая в своей основе к клятве ордена московских розенкрейцеров XVIII века, не оставляет сомнений в двойной морали наших масонов: одна для членов ордена, другая — для профанов. О таком «пустяке», как требуемое масонской клятвой от «братьев» лжесвидетельство в интересах ордена на суде, вроде бы неудобно и говорить.

После небольших поправок устав ВВНР был утвержден «братьями» и, по решению конвента, в зашифрованном виде напечатан вразбивку в изданной в том же 1913 году в Санкт-Петербурге книге Е.Сидоренко «Италийские угольщики XVIII столетия». В конце 1980-х гг. была осуществлена, наконец, и научная публикация этого документа³⁷. Сравнение проекта Мстиславского — Урусова 1912 г. и официального устава, принятого на масонском съезде в 1913 году, было проведено В.И. Старцевым. Оно показало, что каких-либо принципиальных изменений на конvente в него внесено не было. Если в проекте посвящаемый должен был при клятве поднимать правую руку вверх,

то в окончательном варианте все свелось к прижиманию им ее к сердцу. Вместо двух степеней (ученик, мастер), которые предусматривал проект, окончательный вариант устава закреплял существование трех степеней. Должность секретаря Верховного совета ВВНР стала называться теперь не просто секретарь, а генеральный секретарь. Такой же мелочный, непринципиальный характер имели и другие поправки, внесенные в окончательный вариант устава.

Заслуживает внимания более обтекаемый характер по сравнению с первоначальным вариантом формулировки задач ордена. *«Масонство, — читаем мы здесь, — имеет целью искание истины и достижение нравственного совершенства человечества путем объединения людей на началах братской любви, взаимопомощи, терпимости и полной свободы совести. Отсюда девиз масонов: свобода, равенство и братство»*³⁸. Основные усилия орденой организации, в соответствии с уставом, должны были быть направлены на *«общую работу по утверждению и защите прав человека и гражданина, при сохранении, разумеется, за ее членами свободы политического действия»*, — так комментирует это положение устава современный исследователь А.И. Серков³⁹.

Высшей властью в ордене объявлялся согласно уставу его конвент или съезд, который должен был собираться не реже одного раза в год. Составлялся же он как из делегатов лож, так и из членов Верховного совета предыдущего состава. Последние входили в число делегатов съезда как бы автоматически, для обеспечения преемственности. Исполнительным органом ВВНР был Верховный совет, избираемый на съезде. Работал он, как уже отмечалось, на правах ложи. Обращает на себя внимание предусмотренный уставом порядок широкого пополнения рядов Верховного совета не путем избрания на съезде, а путем кооптирования — процедура, как мы знаем, далеко не демократическая. Любопытно, что конвент как таковой избирал большинством в 7/8 голосов не самих членов Верховного совета, а только трех выборщиков, а уже те выбирали трех его членов, которые, в свою очередь, доизбирали еще трех. Общее число членов Верховного совета не должно было превышать 18 человек, однако открыть свои работы Верховный совет мог уже и при 6 членах, избрав из их числа своего секретаря. Нельзя не обратить внимание и на то, что имена членов Верховного совета конвенту, т.е. съезду масонов, не сообщались⁴⁰. Верховный совет, отмечалось в уставе ВВНР 1913 года, *«входит в случае надобности в сношения с другими дружественными союзами для координации действий мирового масонства и совещания по общим делам. Для этой миссии совет может обращаться к содействию всякого известного ему члена братства»*⁴¹.

В обязанности Верховного совета входило также открытие новых лож и контроль за приемом новых членов. Прежде чем

сделать предложение профану, его кандидатура не только тщательно обсуждалась в ложе, но и обговаривалась предварительно с генеральным секретарем Верховного совета. Функции его были весьма обширны: докладчик в Верховном совете по всем текущим делам, он в то же время контролировал кассу ордена и фактически единолично решал все текущие вопросы. Такова она была, масонская демократия. Эффективный и целесообразный характер ее, если иметь в виду условия, в которых приходилось работать вольным каменщикам в нашей стране, не подлежит сомнению. Еще одной особенностью работы Верховного совета были регулярные поездки его членов по провинциальным городам России, в ходе которых они не только лично знакомились с «братьями» местных лож, но и выясняли возможность дальнейшего использования их в интересах организации.

Всего с 1910-го по октябрь 1917 года в составе Верховного совета ВВНР зафиксировано 25 фамилий. В сущности говоря, это был своеобразный мозговой центр русского политического масонства начала XX века: С.А. Балавинский, А.И. Браудо, Н.К. Волков, А.Я. Гальперн, Е.П. Гегечкори, Ф.А. Головин, Д.Н. Григорович-Барский, И.П. Демидов, А.А. Демьянов, А.В. Карташев, А.Ф. Керенский, А.М. Колюбакин, А.И. Коновалов, П.И. Макаров, С.Д. Масловский-Мстиславский, Н.В. Некрасов, В.А. Оболенский, Г.Д. Сидамон-Эристов, Н.Д. Соколов, В.А. Степанов, С.Д. Урусов, В.Г. Харитонов, Н.С. Чхеидзе, С.Н. Чебаков, Ф.Р. Штейнгель⁴².

Ритуал посвящения в ВВНР, как уже отмечалось, был до крайности упрощен. После ответа на традиционные вопросы об отношении к семье, государству, религии, войне, космополитизму и прочее происходил уже сам обряд посвящения нового брата с принесением клятвы. Масонская иерархия в ВВНР также была предельно упрощена: ученик — подмастерье — мастер. Предусматривались уставом, впрочем, и так называемые «офицерские должности» в ложах: венерабль (председатель), наблюдатель, оратор, казначей и секретарь. Председатель вел собрания ложи. Он же осуществлял и ее связь с секретарем Верховного совета. За соблюдением «братьями» устава следил оратор. Сбором членских взносов занимался казначей. Минимальное число членов ложи, как это и положено у масонов, было не менее 7, максимальное — не более 14. Последнее требование, впрочем, соблюдалось далеко не всегда. Членство в ордене было пожизненным. Уйти из него было нельзя. Другое дело — временное или постоянное «усыпление» «брата», отошедшего в силу ряда обстоятельств от дел. «Усыпить» можно было, правда, только решением Верховного совета, и целую ложу. Можно констатировать, что, за исключением, быть может, некоторых пунктов, посвященных конспиративному характеру деятельности «братьев» (обойтись без чего в специфических российских условиях

было бы затруднительно), ничего необычного устав ВВНР не представлял и вполне вписывался в общемасонскую традицию.

Серьезные споры среди исследователей, как уже отмечалось, вызывает вопрос о так называемой «регулярности» ВВНР, то есть признание или непризнание его в качестве масонской организации. Дело в том, что сами масоны ВВНР регулярной, то есть законной масонской организацией официально никогда не признавали и не признают до сих пор, указывая на якобы его недостаточное внимание к обрядовой и посвячительной традиции. И хотя для всякого непредвзятого исследователя очевидно, что создавался ВВНР с молчаливого согласия и по образцу Великого Востока Франции, парадокс состоит в том, что на официальное признание этого факта французские «братья» так и не пошли. Понять это можно так, что руководство Великого Востока Франции сознательно не хотело связывать себя с подпольной масонской антиправительственной структурой в России, опасаясь испортить тем самым отношения с естественным союзником Франции кануна Первой мировой войны — русским правительством. Другое дело, что не все историки склонны считаться с этим соображением. *«Учитывая факт возникновения Великого Востока народов России без санкции иностранных послушаний, — пишет, например, в своей последней работе О.Ф. Соловьев, — и отсутствие контактов между ними, его следует считать неправильной масонской организацией, которую другие федерации не признавали»*⁴³. Основной аргумент О.Ф. Соловьева — это то, что русские «братья» так и не были допущены на парижскую конференцию масонских орденов стран Антанты, проходившую 14–15 января 1917 года, хотя их представитель С.А. Балавинский в Париж все-таки приехал⁴⁴. О том, что французские «братья» не признавали русских масонов, посвященных в орден после февраля 1910 года, свидетельствует, по мнению О.Ф. Соловьева, и сделанное ими в 1919 году в Париже предложение А.Ф. Керенскому и его сторонникам начать свой масонский путь с формального посвящения в степень ученика, от чего те, понятное дело, отказались. Именно это обстоятельство, доказывает О.Ф. Соловьев, и явилось причиной фактического разрыва А.Ф. Керенского с русским масонством в эмиграции⁴⁵.

Другой исследователь, А.И. Серков, напротив, несколько не сомневается, что, несмотря на факт формального непризнания ВВНР Великим Востоком Франции, структура эта была тем не менее его самой настоящей «дочерней организацией» или, говоря другими словами, организацией правильной, масонской, хотя и отмечает ее последующую «несостоятельность» именно с этой точки зрения⁴⁶. Очевиден масонский характер ВВНР и для В.И. Старцева. Вместе с тем более радикальный характер этой ассоциации по сравнению с французскими ложами периода 1906–1909 гг. и отказ русских братьев от некоторых элементов масонской обрядо-

сти (обязательное ношение фартуков, белых перчаток и прочее) позволяет ему заключить, что в этом смысле правы все же те, кто не считает ложи ВВНР настоящим или регулярным масонством. Аргумент В.И. Старцева не оригинален. Упор он делает на то, что внешние формы масонской работы были сведены в ложах ВВНР к минимуму⁴⁷.

Как бы то ни было, и факты, введенные к настоящему времени в научный оборот, и соображения, высказанные в связи с анализом этих фактов исследователями, свидетельствуют о несомненно масонском характере Великого Востока народов России. Другое дело, что масонство это было не нравственно-этическое, а политическое. Ничего необычного в чрезмерном увлечении русских «братьев» политикой в ущерб духовной работе и масонской обрядности, учитывая характер деятельности Великих Востоков в других странах и реалии российской действительности, не было.

Примечания

¹ Огромную роль в разоблачении этого известного провокатора сыграли, как выясняется в свете последних изысканий, масоны Н.А. Морозов, А.И. Браудо и С.Д. Урусов. См.: Серков А.И. История русского масонства. 1845–1945 гг. СПб., 1997. С.103; Городницкий Р.А. Боевая организация социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С.148–149.

² Масоны // Русское слово. 1908. 8 ноября. С. 3.

³ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 143–144.

⁴ Там же. С. 144.

⁵ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.

⁶ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 317–325.

⁷ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 81.

⁸ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 65.

⁹ Бебутов Д.О. Русское масонство XX века // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 144–145.

¹⁰ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 105.

¹¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 23–24.

¹² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 84.

¹³ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 108.

¹⁴ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1145.

¹⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 79.

¹⁶ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 96.

- ¹⁷ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 82–83.
- ¹⁸ Там же. С. 84.
- ¹⁹ Там же. С. 76–77.
- ²⁰ Там же. С. 77–78.
- ²¹ Там же. С. 78.
- ²² Там же. С. 79–80.
- ²³ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 142.
- ²⁴ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 108.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 53–55.
- ²⁷ Русское политическое масонство в 1906–1918 гг. Документы архива Гуверовского института войны, мира и революции. Публ. В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 141.
- ²⁸ Там же. С. 142.
- ²⁹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 54–55.
- ³⁰ Бобринский В.А. Пробный камень славянского братства // Лад. Сборник литературно-общественный. СПб., 1911. С. 136.
- ³¹ Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 118.
- ³² Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 85.
- ³³ Там же. С. 61.
- ³⁴ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 119.
- ³⁵ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 119.
- ³⁶ Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира. Публ. В.И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 129.
- ³⁷ Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. Документы архива Гуверовского института войны, революции и мира. Публ. В.И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 129–134; см. также: Масоны и масонство. Сборник статей. Вып. I. М., 1994. С. 111–117.
- ³⁸ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 124.

- ³⁹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 108.
- ⁴⁰ Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. Документы архива Гугеровского института войны, революции и мира. Публ. В.И. Старцева // История СССР. 1989. № 6. С. 132.
- ⁴¹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 127.
- ⁴² Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1142.
- ⁴³ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 53.
- ⁴⁴ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730–1917 гг. М., 1993. С. 259.
- ⁴⁵ Там же. С. 259.
- ⁴⁶ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 126.
- ⁴⁷ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 107.

ВЕЛИКИЙ ВОСТОК НАРОДОВ РОССИИ В 1912–1916 гг. МАСОНЫ И ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Как ни любопытна проблема правильности или неправильности Великого Востока народов России как масонской организации, принципиального значения для оценки степени реального влияния русских масонов на общественно-политическую жизнь предреволюционной России она не имеет. А оно, это влияние, было весьма и весьма значительным.

К концу 1913 года Верховному совету Великого Востока народов России было подчинено 40 лож, в которых насчитывалось до 400 «братьев». Среди новых членов Великого Востока банкир А.П. Барт, текстильный король А.И. Коновалов, известный журналист Р.М. Бланк. В 1912 году, вероятно, уже после выборов в IV Государственную думу, в ложе «Малая Медведица» получил масонское посвящение уже известный в то время адвокат А.Ф. Керенский¹. В одном только Петербурге число масонских мастерских достигло восьми. Точных названий их мы, к сожалению, не знаем. Но зато руководители в большинстве своем известны. Это, в частности, были: В.А. Оболенский, В.Я. Богучарский, В.А. Степанов, А.А. Демьянов, В.А. Виноградов, Д.П. Рузский, А.М. Колюбакин, Н.В. Чайковский. Секретарем городского петербургского совета Великого Востока народов России был профессор Санкт-Петербургского политехнического института Д.П. Рузский, двоюродный брат главнокомандующего Северным фронтом в 1917 году Н.В. Рузского².

Тон в движении по-прежнему задавали левые кадеты во главе с Н.В. Некрасовым. Кадеты же составляли и численное большинство в ложах по сравнению с представителями других партий — главным образом меньшевики и народнические группы. В профессиональном отношении — это все представители либеральной и демократической интеллигенции: журналисты, адвокаты, профессора, депутаты III и IV Государственной думы, промышленники, финансисты, общественные деятели. Добрую половину масонской «братии» составляли юристы. В одной только петербургской судебной палате и петербургском коммерческом суде масонов было не менее 50 человек. Это присяжные стряпчие, присяжные поверенные и их помощники: Б.Г. Барт, М.В. Бернштам, А.Я. Гальперн, А.К. Гольм, В.Я. Гуревич, Н.Б. Глазберг, В.Л. Геловани, А.А. Демьянов, А.А. Исаев, С.Е. Кальманович, А.Ф. Керенский, Е.И. Кедрин, М.С. Маргу-

лиес, В.Д. Кузьмин-Караваев, К.К. Черносивтов, И.Н. Сахаров, Г.Д. Сидомон-Эристов, А.Ф. Стааль, Л.М. Берлин, Л.М. Брамсон, П.А. Брюнели, Б.Л. Гершун, К.П. Гес де Кальве, А.Э. Дюбуа, Б.И. Золотницкий, М.К. Адамов, М.Г. Казаринов, А.М. и Е.М. Кулишер, И.А. Кистяковский, Н.В. Майер, А.Д. Лаврентьев, С.В. Познер, Б.С. Орнштейн, П.Н. Переверзев, Н.В. Петровский, Я.М. Шефтель, А.С. Шапино, Г.Б. Слиозберг, М.Д. Ратнер, Б.Е. Шатский и другие.

Другим крупным поставщиками адептов вольного каменничества была профессура Психоневрологического института, курсов П.Ф. Лесгафта, Высших женских курсов и других учебных заведений столицы: М.М. Ковалевский, И.И. Иванюков, Ю.С. Гамбаров, Е.В. Аничков, В.И. Иванов, Н.О. Лосский, Н.А. Котляревский, И.В. Лучицкий, А.В. Карташев, С.И. Метальников, В.Н. Гессен, М.П. Чубинский, В.И. Бауман, Н.А. Морозов, А.А. Мейер, Д.М. Одинец, В.Н. Сперанский и другие. Хорошее представительство имели масоны и в петербургской городской Думе: Э.П. Беннигсен, А.Л. Велихов, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.П. Макаров и другие. Такая же примерно ситуация была и в Москве, в масонских ложах которой подвизались такие присяжные поверенные и их помощники, как О.Б. Гольдовский, П.М. Казначеев, В.А. Маклаков, И.Н. Сахаров, С.А. Балавинский, Ф.К. Богров, В.В. Короленко, А.Ю. Раппопорт и другие³.

Понятно, что рассчитывать с таким составом лож на предметный разговор о действительных народных нуждах и чаяниях особенно не приходилось: страшно далеки были эти люди от народа. *«На первом плане были вопросы высокой политики, — отмечал масон-эсер Л.К. Чермак (член ложи под руководством В.А. Степанова. — Б.В.). — Я помню мы обсуждали вопросы о границах будущей Польши... мы обсуждали проблему Константинополя, Дарданеллы и пр. И когда я попытался обратиться к нашему внутреннему положению, к настроению трудового народа, к тому, что ожидает нас после окончания войны, особенно если она не будет благоприятна для России, то меня просто замолчали. Нам неоднократно внушали, что революционная работа не наше дело, что мы — организация надпартийная, что мы должны направлять через наших «братьев» — членов Думы ход нашей жизни и пр.»*⁴.

Общая цель, которая привела этих, казалось бы, таких разных людей в масонские ложи, заключалась, говоря словами одного из руководителей Великого Востока народов России А.Я. Гальперна, в *«стремлении к моральному усовершенствованию членов на почве объединения их усилий в борьбе за политическое освобождение России»*⁵. *«Масонство было надпартийным, — показывал в 1939 году в НКВД Н.В. Некрасов, — т.е. в него входили представители разнообразных политических партий, но они давали обязательство ставить директивы масонства выше партийных. Народнические группы были представлены Керенским, Демьяновым, Переверзевым,*

Сидамон-Эристовым (исключен в 1912 году ввиду подозрений в связи с азефовщиной). Меншевики и близкие к ним группы имели Чхеидзе, Гегечкори, Чхенкели, Прокоповича, Кускову. Среди конституционных демократов были: Некрасов Н.В., Колюбакин А.М., Степанов В.А., Волков Н.К. и много других. Среди прогрессистов отмечу: Ефремова И.Н., Коновалова А.И., Орлова-Давыдова А.А., Коробку Н.И. Особенно была сильна организация на Украине, где ее возглавлял барон Ф.Р. Штейнгель, — Д.Н. Григорович-Барский, Василенко Н.П., Писаржевский М.В. и ряд других крупных имен до Грушевского включительно⁶. Все это представители левого крыла политического спектра дореволюционной России.

В начале 1914 года при посредстве А.И. Коновалова были проведены предварительные переговоры с двумя представителями большевистского крыла РСДРП И.И. Скворцовым-Степановым и Г.И. Петровским на предмет координации усилий в борьбе с самодержавием. Левый крен Великого Востока народов России очевиден. Отсюда и «боевая политическая задача», которую ставили перед собой в это время «братья-масоны»: «бороться за освобождение Родины и закрепление этого освобождения», или, говоря другими словами, бороться за власть и ее удержание⁷. Что собой будет представлять «освобожденная Россия», этого сказать заранее не мог, конечно, никто. Но общая установка масонов в отношении своей Родины заключалась в создании на месте России или того, что от нее после «освобождения» останется, буржуазно-демократической федеративной республики.

Специально для привлечения в орден талантливых писателей и журналистов левой ориентации зимой 1914 года учреждается т.н. «Литературная ложа». Одним из первых ее членов стал известный историк церкви — кадет А.В. Карташев (1875–1960), подвизавшийся в это время в качестве сотрудника Императорской Публичной библиотеки. Помимо него в ложу входили также С.Д. Мстиславский, А.А. Мейер, В.Я. Богучарский, А.Я. Гальперн и ряд других лиц. В планах Верховного совета было привлечь в Литературную ложу известного меньшевика А.И. Потресова и известного журналиста Канторовича из газеты «День». Впрочем, «братья» побуждали работать на общее масонское дело не только записных масонов, но и лиц, формально в ложах не состоявших, но духовно, идейно к ним весьма близких, как, например, журналиста А.М. Клячко (Львова), печатавшегося в газете «Речь».

Заинтересованные в «уловлении» в свои сети определенных лиц из среды творческой интеллигенции, не брезговали «братья» и созданием лож по принципу полезности тех или иных лиц для масонского дела. К числу именно таких лож смело можно отнести ложу для З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, куда, помимо них, вошли еще А.Я. Гальперн, А.В. Карташов, А.А. Мейер, Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский. Это позволило масонам приоб-

рести влияние на петербургское Религиозно-философское общество. Массонское влияние на Техническое и Вольное экономическое общества обеспечивалось путем создания специальной ложи для Е.Д. Кусковой и С.Н. Прокоповича, входившей ранее в Великий Восток Франции (В.Я. Богучарский, В.В. Хижняков, Е.Д. Кускова).

В женскую ложу Е.Д. Кусковой входила, в частности, первая жена Максима Горького Е.Д. Пешкова. Что касается масонства самого писателя, то документальных данных, подтверждающих эту версию, у нас нет. Хотя на его портрете (1926 год, Сорренто) работы художника Б. Григорьева он и изображен в позе, воспроизводящей ритуальный жест вольного каменщика. В пользу этого предположения говорит и намерение наших эмигрантов первых послереволюционных лет назвать одну из парижских русско-французских лож «Дидро-Горький»⁸.

Примерно в это же время (зима 1913/14 г.) было положено начало и Военной ложе Великого Востока народов России. Организатором ее стал полковник Генерального штаба эсер С.Д. Мстиславский (Масловский). Кроме него, сюда входили генерал А.А. Свечин, А.А. Орлов-Давыдов, полковник В.В. Теплов и ряд неизвестных нам офицеров, пишет проф. В.И. Старцев⁹. К «неизвестным» офицерам В.И. Старцев относит, очевидно, таких известных генералов, как В.И. Гурко, П.А. Половцева, М.В. Алексеева, Н.В. Рузского и полковника А.М. Крымова, привлеченных в 1916 году масонами к подготовке дворцового переворота¹⁰.

Правда, А.И. Серков, без указания на источник, отмечает, что с началом Первой мировой войны ложа эта якобы прекратила свое существование¹¹. Однако едва ли это было так. Во всяком случае, тот же А.И. Серков вынужден отметить существование в годы войны еще одной Военной ложи, в частности, на Юго-Западном фронте, под руководством московского масонского центра¹².

В Военную ложу входил, судя по всему, на правах одного из ее организаторов и А.И. Гучков¹³. Бесспорных доказательств о их принадлежности к масонству у нас нет. Что же касается косвенных, то, как мы увидим в дальнейшем, их более чем достаточно.

Однако самой влиятельной ложей Великого Востока народов России в 1912–1916 гг. являлась, вне всякого сомнения, думская ложа «Розы», в которой объединились в 1912 году масоны-депутаты IV Государственной думы. Открылась она 15 ноября 1912 года. Принципиальное отличие ее от III Думы состояло в явном уменьшении влияния центра (число октябристов в Думе резко сократилось: вместо 120 их осталось всего 98), в то время как число правых (185 вместо 148) и левых (кадеты, прогрессисты — 107 вместо 87), напротив, возросло. Размежевание полити-

ческих сил в Думе усилилось, а вместе с ним рухнули и надежды правительства на создание проправительственного большинства в ней. Год от года IV Государственная дума становилась все более оппозиционной к правительству, причем критика его раздалась не только слева, но и справа. Председателем IV Государственной думы стал октябрист М.В.Родзянко.

Масонов в IV Государственной думе было по меньшей мере 23 человека: В.А. Виноградов, Н.К. Волков, И.П. Демидов, А.М. Колюбакин, Н.В. Некрасов, А.А. Орлов-Давыдов, В.А. Степанов, Ф.Ф. Кокошкин, К.К.Черносвитов, А.И. Шингарев, Ф.А. Головин, Д.Н. Григорович-Барский, Н.П. Василенко, Ф.Р. Штейнгель, А.Н. Букейханов, А.А. Свечин, Е.П. Гегечкори, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, И.Н. Ефремов, А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский¹⁴. Все они, как уже отмечалось, и составляли думскую ложу «Розы». Возглавлял ее прогрессист И.Н. Ефремов¹⁵.

Решающим условием приема в думскую ложу была не партийная принадлежность депутата, как это принято в думских фракциях, а именно его организационная принадлежность к одной из масонских лож.

«В IV Государственной думе, — показывал бывший масон Л.А. Велихов, — я вступил в так называемое масонское объединение, куда входили представители от левых прогрессистов (Ефремов), левых кадетов (Некрасов, Волков, Степанов), трудовиков (Керенский), социал-демократов (Чхеидзе, Скобелев) и которое ставило целью блок всех оппозиционных партий Думы для свержения самодержавия»¹⁶. От кадетов, помимо уже упомянутых Л.А. Велиховым Волкова, Некрасова и Степанова, входили также В.А. Виноградов, И.П. Демидов, А.М. Колюбакин, А.А. Орлов-Давыдов, В.А. Степанов. От меньшевиков — Е.П. Гегечкори, М.И. Скобелев, Н.С. Чхеидзе, А.И. Чхенкели, от прогрессистов — И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов, от трудовиков — А.Ф. Керенский¹⁷. Что касается октябристов (А.И. Гучков), то их принадлежность к масонству хотя и не вызывает больших сомнений, но доказать ее пока еще не удастся.

«Помню разговоры о войне, о Распутине, о стачечном движении и др., — вспоминал позже Н.С. Чхеидзе. — Попыток перехода к активной деятельности, обсуждению и разработке каких-либо планов не было». Согласование всякого рода личностных, групповых и партийных интересов и определение общей согласованной линии в думской борьбе — вот что определяло деятельность думской ложи в 1912–1915 гг. Не менее важной задачей являлось и согласование политических интересов внутри самой кадетской партии, внутри которой год от года набирала силу ее так называемое левое крыло во главе с Н.В. Некрасовым.

С началом Первой мировой войны после недолгого колебания большинство лож Великого Востока народов России реши-

ло встать на патриотические позиции. А генеральный секретарь Верховного совета А.М. Колюбакин, так тот даже ушел добровольцем в действующую армию, где и погиб на прифронтовой полосе от случайной пули¹⁸. Секретарь Петроградского Совета лож Великого Востока народов России В.А. Оболенский возглавлял санитарный отряд Союза городов от Петроградской городской Думы. От Москвы такой санитарный отряд возглавил масон князь Павел Долгоруков. Санитарный отряд от городов Сибири возглавил Н.В. Некрасов. Но продолжалось это недолго. Неудачи русской армии летом и осенью 1915 года не только донельзя обострили внутривластную обстановку в стране, но и привели в конце концов к созданию в августе 1915 года так называемого Прогрессивного блока в Думе и Государственном совете. Организаторами Прогрессивного блока были масоны, а главным требованием его стало создание «кабинета общественного доверия».

По инициативе «братьев» Ефремова И.Н. и Коновалова А.И. летом на квартире М.М. Ковалевского велись интенсивные переговоры между оппозиционными членами Думы и членами Госсовета. Результатом этих переговоров, собственно, и стало создание Прогрессивного блока, объединившего в своих рядах шесть думских фракций от октябристов и прогрессивных националистов до кадетов. И хотя представители левого спектра (социал-демократы, трудовики) войти в Прогрессивный блок отказались, устойчивое антиправительственное большинство в Думе было тем не менее сформировано. А это и было главной целью масонов на предварительном этапе на пути захвата власти. Правда, в октябре 1916 года из блока вышли прогрессисты, но на деятельности этого оппозиционного объединения это практически не отразилось. Опираясь на Прогрессивный блок, либеральная оппозиция развязала настоящую войну против правительства.

Масонская подоплека этой войны секретом, разумеется, не была. Но вот что характерно: яростно обличая окопавшихся в Думе масонов и подчеркивая их несомненную связь с еврейством (*«нынешнее масонство — это еврейство, а еврейство — это биржа»*)¹⁹, сами обличители от предложений назвать конкретные фамилии известных им масонов-думцев категорически отказывались, ссылаясь на их якобы всеобщую известность. *«Мы вовсе не желаем называть по имени наших политических деятелей, — заявлял, например, член Русского собрания депутат Государственной думы Г. Щечков, — и без того известных за масонство; мы лишь хотели освободить себя от упрека в голословности некоторых наших положений»*²⁰. Другими словами, ничего конкретного о масонах в Думе у их противников из правого лагеря не было.

По большому счету, задачи думской ложи были те же, что и у Прогрессивного блока, — способствовать всемерному объеди-

нению оппозиционных самодержавию сил, но только «с левым, — по словам А.Я. Гальперна, — уклоном». Левизна думской логики не исключала, однако, возможности приема в нее отдельных представителей из консервативного лагеря, если они, разумеется, могли быть полезны масонскому делу. *«Во всяком случае, сознательного отстранения октябристов из этой группы не было»*, — пояснял А.Я. Гальперн²¹.

Резкое полевение Великого Востока народов России с 1915 года привело к тому, что более радикальный характер приобретают и общие установки этой организации. *«Произошла, — констатирует проф. В.И. Старцев, — резкая смена ориентации всей организации. Если раньше она принимала оппозиционеров, но не ставила цели насильственной революционной смены режима, а скорее рассчитывала перестроить существующую государственную машину путем проникновения в ее звенья, то теперь она прямо ориентировалась на замену монархии демократической республикой через ту или иную форму переворота»*²². Он и произошел, отметим от себя, в 1917 году, когда, отказавшись подчиниться указу Николая II о временной приостановке деятельности Государственной думы, оппозиционные партии и группы в ней сформировали из своих рядов так называемый Временный комитет, а затем и Временное правительство, к которым, собственно, и перешла реальная власть в стране.

Наряду с Прогрессивным блоком много места уделялось в это время руководством Верховного Совета Великого Востока народов России и созданию так называемого блока левых сил из представителей кадетов и других революционных групп. Именно с этим связано появление в ложах таких ярко выраженных деятелей левой ориентации, как эсеры Н.Д. Авксентьев, Б.В. Савинков или большевик И.И. Скворцов-Степанов²³. *«Очень стремились мы в этот период и к установлению связи с подпольными организациями революционных партий, — вспоминал позже А.Я. Гальперн. — Для нас самих вопрос о революционных методах тогда еще не стоял. Мнение о том, что революция невозможна и недопустима, у нас все еще преобладало. Но интерес к революционным движениям все рос, и желание связаться с ними становилось сильнее. Связи с эсерами нам давал Керенский, связи с социал-демократами я и Соколов; именно к этому времени относится вовлечение в ложи и некоторых большевиков, например, И.И. Скворцова-Степанова в Москве»*. В масонскую ложу этого известного большевика вовлек в 1914 году не кто иной, как князь С.Д. Урусов²⁴.

На заседаниях лож теперь все чаще и чаще стали обсуждаться вопросы создания рабочих групп при военно-промышленных комитетах, проблемы стачечного движения и некоторые другие вопросы текущей политики²⁵. Как полагает В.И. Старцев, уже с 1912 года, т.е. с момента образования Великого Востока народов России и выборов в IV Государственную думу, наметилось опре-

деленное соперничество за лидерство в кадетской партии между Н.В. Некрасовым, представлявшим ее левое крыло, и П.Н. Милюковым, проводившим правоцентристскую политику. Если опорой П.Н. Милюкова был Прогрессивный блок в IV Государственной думе, созданный в августе 1915 года, то Н.В. Некрасов, не имея прямой поддержки ни в ЦК своей партии, ни в Думе, поневоле вынужден был опираться на так называемое тайное влияние посредством масонских лож. *«У Милюкова, — пишет В.И. Старцев, — были «друзья» справа, у Некрасова — слева. Именно по вопросам левого блока и отношения к революционным партиям и группам и шли главные споры в ЦК кадетской партии... Левые кадеты часто терпели поражение внутри ЦК, но они компенсировали их тайной властью, которой они обладали через масонскую организацию», — считает этот исследователь²⁶.*

Сам П.Н. Милюков писал, что он всегда решительно отклонял лестные для него предложения о вступлении в «братство». *«Дорожа своей свободой и не желая подчиняться решениям неизвестного мне коллектива, я упорно отказывался. Впоследствии мне, однако, пришлось считаться с готовыми решениями, принятыми без моего участия, и довольствоваться тем, что я не нес за них личной ответственности. Все же о своем отказе я никогда не жалел. Против целого течения я все равно идти бы не смог». «В полном же объеме с влиянием масонов, — ядовито комментирует этот пассаж современный исследователь, — П.Н. Милюкову пришлось познакомиться только во Временном правительстве, из которого ровно через два месяца он вынужден был уйти в отставку»²⁷.*

Летом 1916 года в Петрограде состоялся третий Всероссийский съезд Великого Востока народов России. Заседания его проходили на квартире В.А. Степанова и продолжались два дня. От самого Петрограда на съезде было представлено тринадцать человек: А.Я. Гальперн, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов, В.А. Степанов, И.П. Демидов, В.А. Виноградов, А.В.Карташев, Д.П. Рузский, А.А. Мейер, В.А.Макаров, А.А. Демьянов, К.Г. Голубков. От Москвы на съезде присутствовали: Ф.А. Головин и С.Д. Урусов. Масонов Киева представляли: Д.Н. Григорович-Барский, Ф.Р. Штейнгель, Н.П. Василенко и другие — всего семь человек. Были представлены на съезде и масоны от Екатеринбурга, Саратова, Харькова, Самары, Одессы, Ревеля, Риги, Вильно, Полтавы и Витебска.

С докладом выступил и.о. генерального секретаря Верховного совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасов. В центре внимания его оказалось положение на фронте и насущные задачи движения. Затем последовали доклады с мест, мотивом которых была мысль о необходимости перехода «братьев» к более радикальным формам борьбы. «Низы», таким образом, откровенно солидаризировались с заговорщическими настроениями в Верховном совете Великого Востока народов Рос-

сии. «Переменялась военная программа организации, — писал в связи с этим Людвик Хасс, — вместо примирения общества с властью руководство Великого Востока начало ориентироваться на военно-дворцовый переворот с заменой на царском престоле Николая II его братом Михаилом»²⁸. Правда, формально в принятой съездом официальной резолюции благодаря удачным выступлениям ряда членов Верховного совета, сумевших несколько приглушить «революционный порыв» низов, эти революционные настроения отражения не нашли и резолюция была выдержана строго в духе политики Верховного совета²⁹.

Генеральным секретарем Верховного совета на съезде был избран А.Ф. Керенский³⁰. Впервые об этом со всей определенностью поведал миру Леопольд Хаймсон в опубликованной в 1965 году статье «Проблема социальной стабильности в городской России (1903—1917 гг.)»³¹. Честь этого, без всякого преувеличения, открытия принадлежит, впрочем, не ему, а русскому исторiku-эмигранту Б.И. Николаевскому, установившему сей примечательный факт в ходе своих интервью с А.Я. Гальперном и Н.С. Чхеидзе. А.И. Серков, впрочем, полагает, что это не так и генсеком на съезде стал А.Я. Гальперн. А.Ф. Керенский же, по его мнению, секретарствовал в Верховном Совете после смерти А.М. Колюбакина в 1915—1916 гг.; что же касается Н.В. Некрасова, то он занимал эту должность всего несколько месяцев в 1915 году³². Сам Н.В. Некрасов в своих показаниях от 13 июля 1939 года следователю НКВД утверждал, однако, что именно он, а никто другой как раз и являлся секретарем Верховного совета Великого Востока народов России на протяжении всего периода 1910—1916 гг.³³ Характерно, что этим периодом он датировал свое секретарство в Верховном совете и на допросе 26 июня 1939 года³⁴. Да и организацию Великий Восток народов России» Н.В. Некрасов почему-то называет неправильно («Масонство народов России»), причем возникновение ее связывает с 1910 годом, когда, говоря его словами, «русское масонство отделилось и прервало свою связь с заграницей»³⁵. Причину явного умолчания Н.В. Некрасова о секретарстве А.М. Колюбакина и А.Ф. Керенского еще предстоит выяснить исследователям.

Согласно данным В. Вяземского, к августу 1914 года в России насчитывалось, по крайней мере, не менее 38 лож³⁶. Только в Петербурге работало 7 лож, в которых насчитывалось около 95 человек. Две ложи работали в Москве. Кроме того, масонские ложи функционировали еще в 14 городах: Киев, Рига, Ревель, Самара, Саратов, Нижний Новгород, Екатеринбург, Кутаис, Тифлис, Одесса, Минск, Вильно, Витебск, Харьков³⁷.

К сожалению, мы не знаем названий большинства этих лож, но зато руководители их хорошо известны. В частности, в Петербурге это были ложи А.Я. Гальперна, Е.П. Гегечкори, К.К. Черношвита, Д.П. Рузского, Л.К. Чермака. Из провинции-

альных лож Великого Востока народов России можно отметить ложи в Харькове (Я.Л. Рубинштейн), Тифлисе (Х.А. Вермишев), Саратове (С.Е. Кальманович), Екатеринбурге («Большая Медведица»), Киеве («Единение», «Заря»), Одессе («Истины»).

Активно работал и созданный еще в 1912–1913 гг. местный петербургский совет Великого Востока народов России, куда вошли руководители 8 петербургских масонских лож (В.Я. Богучарский, В.А. Виноградов, П.А. Демьянов, А.М. Колюбакин, В.А. Оболенский, Д.П. Рузский, В.А. Степанов, Н.В. Чайковский)³⁸.

Особо следует сказать о витебской масонской ложе, куда входил с 1913 года известный впоследствии художник-модернист Марк Шагал, который привлек туда через некоторое время своего товарища Г.Я. Аронсона. В 1914 году в Витебске побывал тогдашний генсек Великого Востока А.М. Колюбакин и были приняты в ложу Г.Я. Брук и А.О. Волкович. В 1916 году Витебск посетил А.Ф. Керенский, и опять этот приезд ознаменовался принятием в ложу рядом новых членов³⁹.

Любопытные воспоминания об этом событии оставил Б. Гуревич. *«Официально его (Керенского. — Б.В.) миссия была — чтение лекции о деятельности Государственной думы. Лекция была прочитана с огромным успехом. Были овации, публика ожидала члена Думы у здания. А он уехал в ресторан, где в отдельном кабинете его чествовал союз приказчиков. Керенский был председателем последнего разогнанного правительством съезда приказчиков, а Гинзбург, принимавший его в Витебске, был одним из товарищей председателя съезда. Тогда же при участии А.Ф. Керенского состоялось и заседание масонской ложи. Об этом собеседник мне рассказывал следующее.*

Его, рассказчика, как-то спросили, не согласится ли он вступить в масонскую ложу. Эти предварительные разговоры вел с ним д-р Брук. Осведомил его о немногом: в Петербурге давно существует масонская ложа, куда входят по персональному признаку руководящие деятели оппозиционных партий в Государственной думе. Девиз масонства: за истину и свободу. Цель — объединение интеллигенции на почве этих лозунгов во имя возможных событий исторического значения. Война, разложение двора и сфер обязывают нас быть наготове. Если вы согласны примкнуть к нам, вы будете связаны клятвой: свято хранить тайну о масонстве. Вот и все, что предшествовало принятию моего собеседника в масонскую ложу.

Обряд посвящения происходил таким образом. Вечер. Он — рассказчик — в темной комнате, к тому же с завязанными глазами. С ним Керенский, который торжественно читает формулу присяги. В ней нет ничего особенного. Тот же девиз: за истину и свободу, и обещание хранить тайну. Рассказчик повторяет за ним формулу присяги. Затем Керенский снимает повязку с его глаз, целует его, называет его «братом» и за руку вводит в комнату, где

происходит заседание ложи. Все поднимаются с мест, целуют его, говорят ему «ты», называют его «братом»...»⁴⁰.

«За численностью организации не гнались, — отмечал Н.В. Некрасов, — но подбирали людей морально и политически чистых, а кроме и больше того, пользующихся политическим влиянием и властью». Яснее, откровеннее и циничнее и не скажешь! По прикидке Н.В. Некрасова, в 1917 году Великий Восток народов России насчитывал в своих рядах не более 300–350 членов. «Но среди них, — добавлял он, — было много влиятельных людей»⁴¹. В этом-то все и дело. От 300 до 500 политических масонов на всю Россию насчитывает к 1917 году и В.И. Старцев⁴². Несколько большую цифру приводит (правда, на начало 1915 года) — 600 человек и 49 лож польский исследователь Людвик Хасс⁴³. В 1915–1916 гг. девять лож, как уже отмечалось, распалось, и, таким образом, к февралю 1917 года в России насчитывалось, по прикидке Л. Хасса, всего 40 лож. Что же касается численности масонской организации, то вследствие уменьшения ее на 200 человек она составляла всего 400 «братев»⁴⁴.

Цифры эти вполне реальны. Другое дело, что при попытке определения персонального списка политических масонов этого времени сразу же выясняется, что сделать это не так-то легко. Так, В.И. Старцев, когда он предпринял такую попытку, смог установить из них пофамильно только 104 масонов, принадлежавших к Великому Востоку народов России⁴⁵. В лучшем случае это всего лишь одна четвертая, если не одна шестая общего их числа за эти годы (от 400 до 600 человек). Из этих 104 масонов более половины (67) члены петербургских лож, причем 25 человек из них — это так называемая старая гвардия, еще входившая ранее в 1906–1910 годах в ложи «Французского обряда»⁴⁶.

Можно, таким образом, констатировать, что личный состав петербургских, а отчасти, московских лож Великого Востока народов России уже не представляет большого секрета для исследователей. Другое дело провинциальные ложи, по крайней мере, из 200 членов которых нам известно всего лишь только 24 человека⁴⁷.

«Головку» русского политического масонства накануне 1917 года составляла тройка его наиболее деятельных членов: Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский и М.И. Терешенко. В 1916 году к ним добавилось еще два «брата» — А.И. Коновалов и И.Н. Ефремов, после чего «тройка» превратилась в масонскую «пятерку». Распределение ролей между ними было следующим. Н.В. Некрасов отвечал за связь с либеральной оппозицией; А.Ф. Керенский общался с социалистами и радикалами всех мастей; М.И. Терешенко отвечал за работу среди военных; И.Н. Ефремов и А.И. Коновалов поддерживали связь с торгово-промышленными кругами. Душой русского политического масонства этого времени

был князь С.Д. Урусов, через которого по-прежнему поддерживалась связь с Великим Востоком Франции.

Проводниками масонского влияния в России накануне революции были: Религиозно-философское общество во главе с А.А. Каменской, Русское Антропософское общество (председатель Е.В. Васильева), Лига Прав человека (председатель Яков Рубинштейн), Общество сближения между Россией и Америкой во главе Н.А. Бородиным и другие организации либерального и пацифистского толка. Наряду с творческой и научной интеллигенцией (З.Н. Гиппиус, Марк Алданов, Д.С. Мережковский, Б.В. Савинков, В.И. Немирович-Данченко, М. Волошин, академики В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, профессора Д.Д. Гримм, Е.В. Аничков, П.Б. Струве, С.П. Костычев, М. Таубе, А.В. Карташев, П.Е. Щеголев), широко были представлены в русском масонстве и торгово-промышленные круги: А.И. Гучков, Павел Бурышкин, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, Павел Штейнгель, Степан Морозов, Абрам Животовский, Карл Ярошинский, Алексей Путилов, П.П. Рябушинский и другие.

Практически полностью в масонских руках накануне революции находились и общественные структуры русской буржуазии: Земский и Городской союзы, объединившиеся в организацию — Союз земств и городов (Земгор) во главе с Г.Е. Львовым. Формально организация эта занималась налаживанием производства обмундирования, амуниции, медикаментов и теплых вещей для фронта. Фактически же она стала играть роль одного из центров оппозиции власти. Особенно сильным было масонское влияние в Военно-промышленном комитете, занимавшемся распределением военных заказов среди предприятий России. Ведущую роль в комитете играли А.И. Коновалов, П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, М.И. Терещенко. Председателем Центрального военно-промышленного комитета (июль 1915) был избран А.И. Гучков, сразу же взявший курс на превращении его в центр политической оппозиции царской власти. *«Итак, — справедливо отмечает Н.Н. Берберова, — кадры были готовы. В обеих столицах думцы, профессора, дипломаты, члены Военно-промышленного комитета, члены Земского и Городского союзов, адвокаты, военные, общественники созывали друг друга: их день настал»*⁴⁸.

День этот, 27 февраля 1917 года, ныне хорошо известен. Менее известны усилия масонов в 1916-м начале 1917 года, направленные на скорейшее приближение этого дня. Речь идет о масонских планах военного заговора против царя. Резкая активизация антиправительственных сил в стране должна была бы, казалось, встряхнуть правительство и побудить его к более решительным и эффективным мерам по борьбе с врагами престола и Отечества. Этого, однако, не произошло.

По-прежнему главные надежды здесь возлагались на Депар-

тамент полиции. Конечно же, там знали о масонах и об их антигосударственной деятельности. Первым из лиц правительственной администрации, кто со всей определенностью поставил перед Департаментом полиции вопрос о необходимости оперативной разработки и нейтрализации антиправительственной деятельности масонов в России, был министр иностранных дел В.Н. Ламздорф. В своем циркуляре от 14 декабря 1905 года на имя министра внутренних дел П.Н. Дурново он прямо заявил, что в сложившейся в то время внутриполитической ситуации в стране *«было бы весьма полезно иметь возможно подробные сведения о развитии масонской деятельности в пределах империи», и предложил своему коллеге провести соответствующее расследование по этому предмету*⁴⁹.

Первым проблеском масонства в России, замеченном в 1908 году Департаментом полиции, стала деятельность уже известных нам оккультных кружков А.П. Чистякова и В.П. Быкова. О судьбе их уже шла речь. В июле 1908 года информация о московских «масонах» была доложена П.А. Столыпину, который наложил на докладе по этому вопросу следующую резолюцию: *«Ведь масонство у нас запрещено законом!»*⁵⁰

Главными экспертами Департамента по масонской проблеме были в те годы полковник Г.Г. Мец и чиновник МВД Б.К. Алексеев, составлявшие по его поручению аналитические обзоры на эту тему. Командированный в 1910 году своим начальством во Францию Б.К. Алексеев вошел здесь в контакт с руководителем «Антимасонской лиги» аббатом Жюлем Турмантэном⁵¹. За свое сотрудничество Ж. Турмантэн требовал денег, и немалых. П.А. Столыпин, которому был сделан соответствующий доклад, вопроса не решил. Не решил его и царь, к которому обратился в декабре 1910 года товарищ министра внутренних дел генерал П.Г. Курлов. Проявив живейший интерес к масонам, Николай II пожелал тем не менее более внимательно ознакомиться с проблемой.

В январе 1911 года к делу решено было подключить проживавшего в Париже под фамилией Рихтер бывшего заведующего заграничной агентурой Департамента полиции Л.А. Ратаева. Первая его записка о масонстве поступила в Департамент полиции в марте 1911 года. *«Масонство в России, — отмечал здесь Ратаев, — явление не новое. Проникло оно к нам в первой половине XVIII века и затем периодически то появлялось, то исчезало или, вернее сказать, притаивалось. Но неизменно и всегда, кроме горя и напасти, ничего с собою не приносило»*⁵².

Конечно, можно подивиться тому, что, в то время как масонские ложи почти беспрепятственно росли и множились в самой России, информацию о них Департамент полиции решил почему-то получать из Парижа. Но польза от вояжа Б.К. Алексеева во Францию и особенно записок Л.А. Ратаева (всего их 4)

несомненно была большая. Так как это позволило Департаменту нащупать в конце концов суть масонской проблемы — политическое или кадетское масонство. «Главным приютом для масонов служит кадетская партия», — писал в Департамент полиции Л.А. Ратаев. «Вглядитесь внимательно, — отмечал он, — как между нашими масонами распределены роли и сферы влияния. Среди членов Государственного совета и в литературной среде действует М.М. Ковалевский; среди членов Государственной думы И.Н. Ефремов, П.Н. Милюков и В.А. Маклаков. Влияние последнего распространяется и на адвокатскую среду, где он пользуется популярностью. Деятельность Е.П. Коган-Семеновского обнимает жидовские круги и мелкую прессу. Наконец, А.Н. Бренчанинов, убежденный деятельный масон, стремится воздействовать на высшее общество. Уже на его собраниях начинают появляться лица титулованные или же посещающие — громкие дворянские фамилии, как, например: Кугушевы, Толстые и т. п. Будет весьма печально, если благодаря этим стараниям масонство внедрится в высшие слои русского общества»⁵³.

Это был принципиально новый, свежий взгляд на масонскую проблему в России: ведь до этого в своих поисках масонов в нашем Отечестве Департамент полиции неизменно натывался на мистиков: дело спирита В.П. Быкова и П.А. Чистякова с его «Великой ложей «Астрея»» 1908 года, петербургских и московских мартинистов (Г.О. Мебес, П.М. Казначеев, Ч.И. Чинский) 1911–1912 годов, организация Варвары Овчинниковой (Орден Филалетов) и др.⁵⁴

Конечно, и за мистиками надо было наблюдать. Но политическое влияние этих господ было невелико и борьба с ними была заведомо пустой тратой сил и средств Департамента полиции. А.Я. Аврех в свое время пришел к выводу, что происходило это потому, что Департамент полиции якобы взял «ложный след», или, иначе говоря, попросту проморгал политических масонов⁵⁵.

Факты, однако, показывают, что подлинная картина была несколько иной. На первых порах Департамент полиции действительно отождествлял масонов только с мистиками. Однако продолжалось это недолго. И в конце концов, не без помощи докладных записок Б.К. Алексеева и, особенно, Л.А. Ратаева, он нащупал-таки суть проблемы. Убедительное свидетельство этому — уже цитировавшая нами записка Л.А. Ратаева 1911 года. О том же говорят и другие документы Департамента полиции по масонству. Правда, в составленном 12 декабря 1912 года в Департаменте полиции «Списке лиц, главнейших деятелей масонства в России, за корреспонденцией которых желательно установить наблюдение» наряду с политическими масонами, такими, как князь Е.Н. Трубецкой и князь П.Д. Долгоруков в Москве, князь Д.И. Бебутов, М.М. Ковалевский, князя А.Д. и Н.Д. Оболенские, наблюдение за почтовой перепиской которых действи-

тельно могло что-то дать, фигурируют в то же время и уже известные нам масоны-мистики: В.П. Быков, П.А. Чистяков и В.С. Арсеньев в Москве, а также А.А. Каменская, Е.П. Семенов, И.К. Антошевский, Г.О. Мебес, Т.О. Соколовская, Б.А. Леман, К.К. Арсеньев, Е.К. Арсеньев, Е.И. Войно-Панченко — все в Петербурге. Курьезом можно считать наблюдение специалистов Департамента полиции за перепиской известной в то время писательницы на оккультные темы В.И.Семеновой-Крыжановской и жены бывшего председателя Совета министров С.Ю. Витте — графини Матильды Ивановны Витте⁵⁶.

Однако простаками чины Департамента полиции не были и за оккультистами они скорее всего наблюдали так, на всякий случай. Главным объектом их внимания были, конечно же, не оккультисты, как думал А.Я. Аврех, а политические масоны. Убедительное свидетельство этому — аналитическая записка Департамента полиции о масонстве от 25 июня 1913 года⁵⁷. Масонами, по сведениям Департамента полиции, являлось в это время около 90 человек. Особенно важно то, что за редким исключением (Александр Блок, Максим Горький) подавляющее большинство представленных здесь фамилий: А.В. Амфитеатров, Л.Андреев, Е.Аничков, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, Н.И. Астров, Ю. Гамбаров, князя Павел и Федор Долгоруковы, Е.В. де Роберти и другие — все это действительно, как мы теперь уже точно знаем, деятельные члены тогдашних масонских политических лож; никаких мистиков среди них нет.

Можно констатировать, что широко распространенное среди историков представление, что, организовав охоту за оккультистами, Департамент полиции якобы взял «ложный след», едва ли справедливо. После некоторых колебаний след специалисты Департамента полиции взяли все-таки верный — политическое или кадетское масонство. Другое дело, что эффективная борьба с ним в тех условиях, которые сложились после царского манифеста 17 октября 1905 года (свободное функционирование в стране оппозиционных правительству партий и групп было гарантировано законом) была едва ли возможна.

Масонство, как отмечалось в аналитической справке Департамента полиции от 2 января 1914 года «О распространении масонства в России», как тайная организация, работающая над ниспровержением существующего в России строя под прикрытием всевозможных обществ: просветительных, оккультных и благотворительных — практически неуязвимо для полиции, так как доказать преступный умысел в их действиях юридически невозможно. *«Распространение влияния масонства не встречает никаких препятствий на своем пути. Конечные цели их скрыты, и само масонство осторожно. Лица, непосредственно ведущие борьбу с революционным движением, с масонским движением не знакомы, и, собираясь под прикрытием якобы заседаний всевозможных*

легализированных обществ, масонство, будучи тайным политическим обществом, может работать беспрепятственно», — с горечью констатирует автор аналитической справки⁵⁸.

Последняя записка Л.А. Ратаева о масонах в Департамент полиции относится к февралю — марту 1916 года. Внимательно прочитав ее, тогдашний директор Департамента генерал Е.К. Климович какого-либо хода этому документу так и не дал⁵⁹. Приближалась революция, и Е.К. Климович, очевидно, решил, что есть у его ведомства и дела поважнее масонов. А между тем в стране, можно сказать, почти в открытую зрел самый настоящий антиправительственный заговор, и далеко не последнюю роль в нем играли, как теперь выясняется, «братья-масоны».

Примечания

- ¹ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 148.
- ² Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 145.
- ³ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 117–118.
- ⁴ Чермак Л.К. Как я был масоном. Публ. и прим. А.И. Серкова // Масоны в России: вчера.... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 132.
- ⁵ Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 145.
- ⁶ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.
- ⁷ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.
- ⁸ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 331.
- ⁹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 115–116.
- ¹⁰ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 43.
- ¹¹ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1143.
- ¹² Там же. С. 1143.
- ¹³ Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 134.
- ¹⁴ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 116–112.
- ¹⁵ Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). Книга 161. С. 235.
- ¹⁶ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 года. М., 1993. С. 277.
- ¹⁷ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 116–117.

- ¹⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж. 1988. С. 461–462.
- ¹⁹ Шечков Г.А. Масоны и Государственная дума // Мирный труд. Харьков. 1909. № 4. С. 120–151.
- ²⁰ Там же. С. 147.
- ²¹ Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 143.
- ²² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 96.
- ²³ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 66.
- ²⁴ Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 147.
- ²⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 66, 67.
- ²⁶ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 147.
- ²⁷ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып.2. С. 152.
- ²⁸ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 68.
- ²⁹ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып.2. С. 152. См. также: Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 160.
- ³⁰ Slavic Review. 1965. Vol.XXIV. P.3–14.
- ³¹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 115.
- ³² Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 147.
- ³³ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.
- ³⁴ Там же. С. 36.
- ³⁵ Там же. С. 38.
- ³⁶ Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). Книга 161. С. 235.
- ³⁷ Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 148.
- ³⁸ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1145.

- ³⁹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 145.
- ⁴⁰ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 103–104.
- ⁴¹ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.
- ⁴² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 158.
- ⁴³ Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века. // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып.2. С. 152.
- ⁴⁴ Там же. С. 152.
- ⁴⁵ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 109.
- ⁴⁶ Там же. С. 109.
- ⁴⁷ Там же. С. 110.
- ⁴⁸ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 31.
- ⁴⁹ Документы Департамента полиции о масонстве в России. Публ. В.Е. Корнеева // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 99.
- ⁵⁰ Там же. С. 114–115.
- ⁵¹ Щеголев П.Е. Охота за масонами, или Похождения асессора Алексева // Былое. 1917. № 4. С. 108–145.
- ⁵² Ратаев Л.А. Международный парламентский союз // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 645.
- ⁵³ Ратаев Л.А. Записка о масонстве. // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 648.
- ⁵⁴ Корнеев В.И. Документы Государственного архива Российской Федерации о московских масонах XIX — начала XX века. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 98–128.
- ⁵⁵ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 337–338.
- ⁵⁶ Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 120–122.
- ⁵⁷ Из аналитического доклада Департамента полиции министру внутренних дел 25 июня 1913 года // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 118–120.
- ⁵⁸ Масоны в России: вчера... сегодня... завтра?.. Сборник научных трудов под ред. А.А. Королева. М., 1999. С. 124.
- ⁵⁹ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 336.

ПРОБЛЕМА «МАСОНСКОГО ЗАГОВОРА» НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. МАСОНЫ И ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II

Первым, кто со всей определенностью поставил вопрос о масонских планах насильственного отстранения императора Николая II от власти путем дворцового переворота или, иначе говоря, существовании накануне революции масонского заговора, а также ведущей роли, которую сыграли масоны в февральско-мартовские дни 1917 года, был эмигрантский историк С.П. Мельгунов¹. В вышедшей в 1931 году в Париже сенсационной книге «На путях к дворцовому перевороту» он убедительно показал, что подготовкой и организацией Февральского переворота 1917 года руководили две группы, или два кружка, русских масонов. Во главе одного из них — военного стоял А.И. Гучков. Другой, гражданский, возглавлял А.Ф. Керенский. Последующие изыскания исследователей позволили во многом уточнить и детализировать картину масонского вхождения во власть в 1917 году². Но честь первопроходца в исследовании темы принадлежит, безусловно, С.П. Мельгунову.

Конечно, сами масоны, как непосредственные участники описываемых событий, отнюдь не стремились афишировать решающую роль своего присутствия в них. Так, правда, уже в советское время, в своих показаниях в НКВД СССР в июле 1939 года бывший генеральный секретарь Верховного совета Велико-го Востока народов России Н.В. Некрасов всячески подчеркивал, что надежды либералов на масонство как действенный инструмент политической борьбы с самодержавием оказались крайне преувеличенными. Но и он вынужден был признать «некоторую роль», которую сыграла эта масонская организация. Как в период подготовки революции, когда она была своеобразным «конспиративным центром народного фронта», так и в первые дни Февральской революции, когда именно она помогла объединению «прогрессивных сил под знаменем революции». «В Петрограде и в Москве встречи деятелей социал-демократической и социал-революционной партии с представителями левых кадетов и прогрессистов стали, — по его словам, — последние месяцы перед революцией постоянным правилом»³. Преобладали на них левые настроения и основным лозунгом здесь была республика. «Большинство участников этих встреч (о них есть упоминание и в книге Суханова) оказались виднейшими деятелями Февральской революции. А их предварительный сговор сыграл, по моему глубокому убеждению, вид-

ную роль в успехе Февральской революции. Велась даже некоторая техническая подготовка, но о ней долго говорить», — дипломатично отмечал Н.В. Некрасов⁴.

Что это была за техническая подготовка, на этом мы еще остановимся. Но сначала об общей атмосфере, господствовавшей в масонских ложах в 1915–1916 гг. Характерной особенностью ее была, говоря словами А.Я. Гальперна, «ненависть к трону, к монарху лично»⁵. С.П. Мельгунов приводит в своей книге следующий примечательный факт. Принимали в масонскую ложу командира Финляндского полка В.В. Теплова. Один из «братьев» задал ему вопрос о его отношении к планам физического устранения царя. В.В. Теплов недолго думая с солдатской прямоотой ответил: «Убью, если велено будет»⁶.

Неудивительно, что в такой атмосфере левый эсер масон полковник Генерального штаба С.Д. Мстиславский (Масловский) взял да и предложил осенью 1915 года братьям «организовать заговор на жизнь государя». Осуществить его, уверял С.Д. Мстиславский, не так уж и трудно, так как «имеется возможность найти нужных людей среди молодого офицерства»⁷. То, что убийству царя в «братской» среде обрадовались бы многие, сомневаться не приходится. Но сами масоны в таком опасном деле, как истинные интеллигенты, «светиться» не желали. Самое любопытное в этой истории — это то, что от своего собственного имени действовать С.Д. Мстиславский почему-то не захотел, решив непременно испросить на это разрешения Верховного совета ВВНР. Дай ему Верховный совет такое разрешение, и членам его наверняка не миновать было бы Сибири. Однако здесь, как оказалось, сидели совсем не глупые люди. Они быстро сообразили, что кроется за предложением С.Д. Мстиславского.

«Прений о нем совсем не было, — свидетельствовал А.Я. Гальперн. — Было только сформулировано общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства. В персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно»⁸. Больше на заседании ложи С.Д. Мстиславский, которого подозревали в провокации, не появлялся. Все контакты «братьев» с ним были прерваны. Однако скорей всего провокатором С.Д. Мстиславский (наст. фам. Масловский) — участник Февральской и Октябрьской революций, известный советский писатель, все же не был, и действовал он вполне искренне. Но «братьев» он все-таки здорово напугал.

История с С.Д. Мстиславским ясно показывает, что идея военного заговора носилась в масонских кругах в 1915–1916 годах, можно сказать, в воздухе. Любопытно, что этот же вопрос о необходимости подготовки государственного переворота ставил осенью того же 1915 г. на заседании Бюро Прогрессивного блока другой масон, правда, французского обряда — В.А. Маклаков⁹.

Однако формально «политического заговора как сознательно поставленной цели в программе нашей работы не стояло, — подчеркивал А.Я. Гальперн, — и если бы кто-то попытался в задачи организации такой заговор внести, то это вызвало бы протест со стороны многих». В то же время и он вынужден признать, что был среди братьев и «целый ряд лиц, из них часто очень влиятельных, которые очень сильно к заговору склонялись»¹⁰. Понять это можно только так: формально выдвинуть идею антиправительственного заговора Верховный совет ВВНР не решился. Неофициально же разработка таких планов с его ведома велась, но уже не от имени организации, а якобы исключительно по личной инициативе отдельных частных лиц.

«Тем не менее, — пишет в связи с этим исследователь А.И. Серков, — даже среди масонов ложу Верховного совета стали считать центром заговора, что привело к глубокому кризису Великого Востока народов России в 1915 году»¹¹. Отрицать, что в Верховном совете действительно рассматривались планы по устранению от власти Николая II, не позволяет свидетельство масона Н.С. Чхеидзе. «Переворот, — свидетельствовал он, — мыслился руководящими кругами в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая II и замены его. Кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила.

В этот период Верховным советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту. Помню агитационные поездки Керенского и других в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного совета. Помню сборы денег для такого переворота»¹².

Правда, после протеста украинских масонов прямая подготовка дворцового переворота со стороны Верховного совета была прекращена и центр заговора переместился в группу А.И. Гучкова — А.М. Крымова¹³, якобы действовавшую уже исключительно на свой страх и риск. Но и «гражданский кружок», как называл Верховный совет П.Н. Милюков, продолжал свою деятельность по подготовке заговора. Важное заседание его состоялось в сентябре 1916 г. на квартире кадета М.М. Федорова с участием П.Н. Милюкова и председателя Государственной думы М.В. Родзянко. Тон на нем задавали А.И. Гучков, Н.В. Некрасов и М.И. Терещенко, отстаивавшие в своих выступлениях план насильственного отстранения от власти Николая II и передачи ее наследнику при условии регентства великого князя Михаила Александровича и введения конституционного правления в России.

Еще одним центром зревшего заговора (правда, скорее потенциального, чем реального) против царя часто называют кружок князя Г.Е. Львова — А.И. Хатисова со ставкою на великого князя Николая Николаевича Младшего. 22 апреля 1928 г. некто С.П. Смирнов опубликовал в газете «Последние новости» (Па-

риж) рассказ бывшего тифлисского городского головы А.И. Хатисова. 9 декабря 1916 г., свидетельствовал А.И. Хатисов, после закрытия полицией V съезда представителей городов, на квартире князя Г.Е. Львова состоялось секретное совещание. Присутствовали: Н.М. Кишкин, М.М. Федоров, А.И. Хатисов и другие. Г.Е. Львов предложил собравшимся следующий план действий: Николая II заменить Великим князем Николаем Николаевичем, который сразу же объявит о введении в стране ответственного министерства. Очевидно, что именно с этими разговорами и возникла версия о существовании так называемого «Кавказского центра», готовившего заговор. Однако на самом деле реально этот центр никак себя не проявил. Более того, когда в январе 1917 года А.И. Хатисов попробовал было заговорить на эту тему с самим великим князем Николаем Николаевичем, тот ответил отказом на предложение возглавить заговор¹⁴.

Как бы то ни было, в результате ряда организованных единым масонским центром совещаний оппозиционных деятелей был разработан общий план захвата царского поезда во время одной из поездок Николая II из Петербурга в Ставку или обратно. Арестовав царя, предполагалось тут же принудить его к отречению от престола в пользу царевича Алексея при регентстве Михаила Александровича и введению в стране конституционного строя¹⁵.

Роль первой скрипки, как уже отмечалось, играл на этих переговорах лидер октябристов А.И. Гучков. Следует в связи с этим подчеркнуть, что имеющиеся в литературе указания на его принадлежность к масонству абсолютно верны. А.И. Гучков был принят в масонскую ложу еще 1913 году. Решительное же отрицание этого факта самими масонами объясняется последующей «радиацией» А.И. Гучкова в 1920 году¹⁶, т.е. исключением из масонства — процедура, требующая от «братьев» безусловного отрицания какой-либо принадлежности исключенного к братству. То, что А.И. Гучков и некоторые другие октябристы были посвящены в масонство, — очевидно. Организовать широкий антиправительственный блок в Думе с последующим прицелом на взятие власти одним кадетам без их поддержки нечего было и думать. А ведь именно ради этого — взятия власти и создавалась организация политического масонства в России.

Другое дело, что афишировать посвящение некоторых видных октябристов в масонство даже в узком братском кругу никто, похоже не собирався, и знали о нем немногие.

Что же касается самой политической атмосферы той поры, то о грядущем перевороте говорили уже не таясь. Как-то в 1916 году известный масон А.В. Оболенский разговорился со своим знакомым из евреев — служащим Сибирского торгового банка, и тот взял да и рассказал ему о подготовке в Петербурге заговора против царя. Так случилось, что, оказавшись вскоре у лидера

октябристов А.И. Гучкова, А.В. Оболенский решил проверить у него справедливость услышанного. *«Удивленный подробностями, — пишет он, — моего рассказа, особенно о дне восстания, Гучков вдруг начал меня посвящать во все детали заговора и называть его главных участников... Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нем и другие лица, как генерал Рузский, и даже знал о нем А.А. Столыпин (брат Петра Аркадьевича)... Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэра Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания проходили у него»¹⁷. Однако главную ставку масонские заговорщики делали все же на армию. «Незадолго до Февральской революции, — отмечал Н.В. Некрасов в своих показаниях в НКВД СССР от 13 июля 1939 года, — начались и росли связи с военными кругами. Была нащупана группа оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, сплотившихся вокруг А.И. Гучкова (Крымов, Маниковский и ряд других) — и с нею завязалась организационная связь»¹⁸. Готовилась и специальная группа в селе Медведь, где стояли запасные воинские части. Она-то, судя по всему, должна была сыграть решающую роль в аресте царя.*

Что касается нащупанной масонами группы оппозиционных царскому правительству генералов и офицеров, то не приходится сомневаться, что речь здесь идет о вовлечении их в уже упоминавшуюся нами Военную ложу. *«Есть упоминания о создании в Петрограде Военной ложи с участием А.И. Гучкова, В.И. Гурко, А.А. Половцева и еще человек десяти высокопоставленных военных чинов», — отмечает историк О.Ф. Соловьев¹⁹. Среди этих «человек десяти» высокопоставленных чинов, тайно посвященных через А.И. Гучкова в масонство, можно отметить уже упоминавшихся нами ранее М.В. Алексеева, Н.В. Рузского, А.М. Крымова, В.В. Теплова²⁰.*

«Гучков, — пишет в связи с этим Л.П. Замойский, — втянул в Военную ложу генералов Алексеева, Рузского, Крымова, Теплова. В их намерения входило убрать Распутина, заточить царицу, заставить монарха отречься, а на престол возвести его брата Михаила. Себя они мнили регентами при новом государе, а в диктаторы хотели назначить генерала Алексеева. К ним примыкали князь Львов, генерал Ломоносов. Симпатизировал планам отстранения царя и Брусилов»²¹.

В 1916 году на квартире А.М. Горького возникает еще и так называемый «морской план», заключавшийся в том, чтобы, заманив Николая II с императрицей Александрой Федоровной на военный корабль, арестовать их и отправить в Англию. Но с этим якобы не согласилось английское правительство²².

9 февраля 1917 года в кабинете председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко состоялось совещание лидеров оппозиционных думских фракций. Присутствовали также пригла-

шенные на него генерал Н.В. Рузский и полковник А.М. Крымов. Как вспоминал позднее Н.Д. Соколов, решено было, что *«откладывать дальше нельзя, что в апреле, когда Николай будет ехать из ставки, его в районе армии Рузского (т.е. в Пскове. — Б.В.) задержат и заставят отречься. Крымову отводилась какая-то большая роль»*.

Наведя справки в Государственной думе и земских кругах, Соколов узнал, что во главе заговора стояли А.И. Гучков и М.В. Родзянко. С ними был связан Родзянко-сын, который создал целую организацию из старших офицеров.

А.М. Крымов, который и должен был арестовать царя, намерялся заговорщиками в генерал-губернаторы Петербурга с тем, чтобы его руками быстро очистить город от неблагонадежных элементов. *«В момент переворота всякое новое правительство слабо. Надо ударить решительно, чтобы возможные противники испугались, а то и уничтожить их»*, — отмечал А.И. Гучков. Во всяком случае, позднее на вопрос собеседника, зачем им нужен был именно Крымов, он ответил, что тот *«не постеснялся бы кого нужно без долгих разговоров вздернуть»*²³.

Свидетельство Н.Д. Соколова подтверждается отчасти и воспоминаниями об этом А.Ф. Керенского. *«Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с первого ноября 1916 года по 26 февраля 1917 года, — отмечал он, — надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции»*. В начале января 1917 года в Петрограде появился вместе с группой офицеров уже популярный в то время полковник А.М. Крымов — командующий 3-м кавалерийским корпусом на Юго-Западном фронте. На состоявшейся встрече с лидерами оппозиционных думских фракций А.М. Крымов, свидетельствует А.Ф. Керенский, *«от имени армии призвал Думу безо всякого промедления совершить переворот, заявив, что в противном случае у России нет шансов победить в войне. Все присутствовавшие поддержали точку зрения А.М. Крымова»*²⁴.

Правда, А.И. Гучков в своих воспоминаниях отрицал причастность А.М. Крымова к заговору. Однако историки (А.В. Смолен, С. Ляндерс) полагают, что слишком доверять его рассказу нельзя, так как, отрицая участие А.М. Крымова в заговоре генералов, А.И. Гучков тем самым *«скорее намеренно преуменьшает практическое значение и последствия заговора»*²⁵. Впрочем, справедливости ради, следует отметить: оговорившись, что лично он А.М. Крымова в свои заговорщические планы не посвящал, А.И. Гучков в то же время, допускал, что в планы эти его вполне могли посвятить другие, в частности А.И. Терещенко. *«Я склонен думать, что он знал, но отрицаю, что он участвовал»*, — утверждал А.И. Гучков²⁶. Основываясь на личных беседах с бывшими руководителями думского масонства, Б.И. Николаевский был твердо уверен, что *«в месяцы, предшествовавшие марту 1917 года, руководи-*

тели организации развернули энергичную деятельность, торопясь с осуществлением планов переворота сверху». Сдерживали же их, по его мнению, умеренно настроенные лидеры Прогрессивного блока (прежде всего П.Н. Милюков), доказывавшие, что возможности влияния на Николая II далеко еще не исчерпаны. «На этой почве, — подчеркивал Б.И. Николаевский, — произошло размежевание между руководителями масонства и лидерами Прогрессивного блока, часто в пределах одной и той же партии»²⁷.

Ничего необычного в повороте «головки» российского масонства к заговорщической тактике накануне 1917 года не было: придумать что-либо другое в сложившихся общественно-политических реалиях той поры было едва ли возможно. Тем не менее признать русских политических масонов заговорщиками решаются далеко не все исследователи. Отсюда странный вывод А.И. Серкова о некоем исчезновении или перерождении русского масонства как раз накануне 1917 года в узкую «политическую группу». Если поверить А.И. Серкову, то никаких масонов к 27 февраля 1917 года в России просто не было. «В январе — феврале 1917 года, — пишет он в одной из своих последних работ, — произошёл переход от политического масонства к политической группе»²⁸. Вот так-то, читатель! Когда велась подготовка к перевороту, масоны в нашей стране вроде еще были, а когда наступил наконец решающий момент по взятию этой власти, масоны сразу куда-то исчезли. И все, что происходило в 1917 году в нашей стране, не имеет к масонам, по А.И. Серкову, никакого отношения. «Анализ мемуарных свидетельств, — пишет он далее, обосновывая свою точку зрения, — показывает, что Великий Восток народов России не создавался как надпартийная политическая организация (то есть был все-таки масонской структурой. — Б.В.), но, постепенно удаляясь от чисто масонских задач, приобрел характер политического объединения в 1915–1916 гг.». Первоначально же, т.е. в 1912–1914 гг., в постановке задач своей организации руководители ее, считает А.И. Серков, стояли на масонской платформе и всячески стремились «следовать идеям Великого востока Франции и Великой революции 1789 г.» в их первобытном, неискаженном виде. И только активное участие Великого Востока народов России в политической борьбе привело к революционизированию этой масонской организации. В результате «точка зрения некоторых масонов», что их организация носит определенно революционный характер и должна стремиться к насильственному перевороту, стала в конце концов преобладающей²⁹. Это-то, по А.И. Серкову, и погубило русское думское масонство. «Окончательный отход Великого Востока народов России от масонства даже в его наиболее политизированных формах произошёл в январе — феврале 1917 года, — пишет в этой связи А.И. Серков. — Число лож сократилось до 28–30, но работа в организациях стала более интенсивной. В этих условиях Верховный совет принял решение оставить в ячейках обще-

ства лишь лиц, пригодных для будущей административной работы». Отмечены ими попытки «братьев» устраивать у себя в целях усиления своего влияния на общественное мнение и более широкие собрания «прогрессивной общественности» (в частности, у Н.Д. Соколова), на которые приглашались не только масоны, но и им сочувствовавшие³⁰.

Прямо скажем, выглядит все это не слишком убедительно. На самом деле именно 1917 год, как справедливо утверждала Н.Н. Берберова, оказался для русских масонов настоящим апогеем их деятельности³¹. Согласен с этим и такой осторожный исследователь, как В.И. Старцев. Влияние масонов на политическую жизнь двух столиц и ряд других городов было накануне февраля 1917 года «максимальным», констатирует он³².

Первый «звонок» для царизма прозвенел в ночь 16–17 декабря 1916 года, когда группой заговорщиков (великий князь Дмитрий Павлович, князь Ф.Ф. Юсупов и член Государственной думы В.М. Пуришкевич) был убит пользовавшийся влиянием на царя Григорий Распутин. Несмотря на то что собственно масонов среди убийц Г.Е. Распутина не было, само убийство расценивается некоторыми исследователями как своего рода подготовительный этап на пути к осуществлению задуманного ими государственного переворота. Убийство Г.Е. Распутина «задумала известная группа лиц, к которой принадлежал в качестве консультанта-соучастника член кадетского ЦК масон В.А. Маклаков. В курсе был и П.Н. Милюков», — отмечает, например, О.Ф. Соловьев³³. К этому можно добавить, что В.А. Маклаков, этот масон-«гуманист», был не только советчиком-консультантом убийц Г.Е. Распутина, но, в известном смысле, и подстрекателем этой акции, так как лично вручил Феликсу Юсупову возможное орудие убийства — бандитский «кистень с двумя свинцовыми шарами»³⁴. А ведь адвокат, масон и вроде бы даже приличный человек, но и он почему-то считал, что убить «плохого» человека не такой уж и большой грех. А ведь Г.Е. Распутин, как бы к нему ни относиться, никого никогда не убивал, закона Божественного и человеческого не преступал и как бессудная жертва именно в этом нравственном смысле стоит на недостижимой высоте по сравнению со своими убийцами и рукоплескавшей им в то время «прогрессивной» общественностью.

Важно еще раз подчеркнуть, что руководство Верховного совета (А.И. Коновалов, А.Ф. Керенский, Н.В. Некрасов) было полностью осведомлено как о плане убийства Г.Е. Распутина, так и планах переворота, готовившегося «гражданским» и «военным» кружками, и регулярно сообщало о них «братьям»³⁵. Некоторая же растерянность Верховного совета ВВНР в первые дни революции объясняется тем, что готовилась она, как мы уже знаем, не на февраль, а на апрель 1917 г. «Революция произошла на две недели слишком рано», — сетовал впоследствии

А.И. Гучков. Однако говорить о неподготовленности заговорщиков к революционным событиям февраля — марта 1917 г. у нас нет никаких оснований. Ведь к этому времени помимо Государственной думы под контролем масонов находились: армия, флот, большая часть прессы, а также такие влиятельные общественные организации русской буржуазии, как Всероссийский земский союз во главе с князем Г.Е. Львовым и Центральный Военно-промышленный комитет во главе с А.И. Гучковым. С масонами был связан и председатель московского Военно-промышленного комитета крупный фабрикант Павел Рябушинский, издававший газету масонско-либерального толка «Утро России».

Таким образом, констатирует современный историк П.В. Мультатули, к концу 1916 года против Николая II *«был организован заговор, инициатором которого был «Прогрессивный блок» и верхи буржуазии, поддерживаемые Антантой»*³⁶. *Что касается вовлеченности в заговорщические планы лидеров «Прогрессивного блока», то здесь речь должна все же идти о его левой, кадетской части, хотя совсем уж исключать участие в их разработке отдельных представителей других партий, в частности октябристов, видимо, нельзя.*

Волнения 23 февраля 1917 года в Петрограде, как это всегда и бывает в таких случаях, начались неожиданно, практически сразу же после отъезда Николая II в Ставку. 25 февраля царь телеграфировал командующему Петроградским военным округом генералу Хабалову о немедленном прекращении беспорядков. Днем 26 февраля войска начали стрелять по демонстрантам. Но сам переворот начался с выступления в ночь на 27 февраля 1917 года солдат одной из рот Волынского полка. Утром к ним присоединились солдаты запасного батальона гвардии Преображенского полка. К середине дня восставших солдат было уже около 20 тысяч. Соединившись с рабочими, они разгромили здание Окружного суда и дом Предварительного заключения, заняли Финляндский вокзал, другие стратегически важные объекты.

Толпа рабочих и солдат заполонила Таврический дворец, где в Полуциркульном зале собрались не желавшие подчиниться царскому указу о временной приостановке работы Государственной думы народные избранники, тут же образовавшие из своей среды Временный комитет Государственной думы. В то же время в другом помещении дворца группа меньшевиков-думцев, а также несколько большевиков и левых эсеров учреждают в спешном порядке временный исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председателем исполкома в тот же день был избран масон, член Верховного совета Великого Востока народов России меньшевик Н.С. Чхеидзе. Членами исполкома и его заместителями стали такие же масоны: Н.Д. Соколов, М.И. Скобелев, Н.Н. Суханов, А.Ф. Керенский. Масонское влияние в Петросовете было таким образом

обеспечено. Такая же примерно картина сложилась и с масонским представительством во Временном комитете Государственной думы, куда вошли следующие «братья»: Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский, Н.С. Чхеидзе, А.И. Коновалов, М.А. Караулов, В.А. Ржевский³⁷.

Едва ли такое было бы возможным, если бы «братья-масоны» оказались застигнутыми врасплох молниеносными событиями Февральской революции, как уверял впоследствии А.Я. Гальперн. *«Революция застала нас врасплох. Растерянность среди нас была вначале просто фантастической», — говорил он в своем интервью Б.И. Николаевскому.* Факты, однако, свидетельствуют как раз об обратном: врасплох событиями Февральской революции оказались застигнутыми не столько масоны, сколько царь и его окружение.

Получив 27 февраля 1917 г. первые сведения о фактическом перевороте в Петрограде, царь распорядился о немедленной отправке туда батальона Георгиевских кавалеров в 700 человек во главе с генералом Н.И. Ивановым. По дороге к ним должны были присоединиться надежные части Северного фронта. Этого в принципе было вполне достаточно для восстановления правительственного контроля над столицей. А в 5 часов утра отправился из Могилева на Петроград и царский поезд. Маршрут его был следующим Смоленск — Лихославль — Тосно — Царское Село. 1 марта около 2 часов ночи поезд прибыл на станцию Малая Вишера. И вот здесь-то как раз и произошел первый сбой в планах царя. Пронесся слух, что все станции на пути царского поезда якобы заняты революционными солдатами и матросами. Это была ложь. Главным виновником задержки царского поезда был масонский комиссар А.А. Бубликов. Командированный своими «братьями»-думцами в министерство путей сообщения, он буквально засыпал местное железнодорожное начальство на пути следования царского поезда своими «революционными» приказами о его немедленном блокировании³⁸. Однако коронным и, пожалуй, наиболее действенным номером А.А. Бубликова стала дезинформация о занятии тех или иных железнодорожных станций революционными солдатами и матросами³⁹. Ведь если кого и боялся царь, то это были, конечно же, именно «революционные солдаты и матросы». А об окружении царя и говорить нечего.

Роль А.А. Бубликова в истории с блокированием царского поезда на пути его следования в Петроград, конечно же, важна. Но сам А.А. Бубликов в масонской иерархии был сравнительно мелкая сошка. Подлинным организатором погони или, правильнее, блокирования царского поезда и предательского направления его в Псков — прямо в руки заговорщика Н.В. Рузского — был член Верховного совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасов. *«Два момента особенно врезались в па-*

мать, — вспоминал он в 1921 году, — приказ командующему Балтийским флотом Непенину арестовать финляндского генерал-губернатора Зейна и погоня за царским поездом, которую мне довелось направлять из Государственной думы, давая распоряжения Бубликову, сидевшему комиссаром в министерстве путей сообщения»⁴⁰. Сам Н.В. Некрасов о смысле своего управления погоней за царским поездом умалчивает, хотя он и очевиден. Нетрудно уяснить и то, что делалось это скорее всего не по личной инициативе Н.В. Некрасова, а уж тем более А.А. Бубликова, а по прямому поручению Верховного совета Великого Востока народов России, который собственно и являлся фактическим штабом революции в эти дни.

Самое поразительное в этой истории — так это удивительная синхронность действий А.А. Бубликова и ближайшего окружения царя, которое сумело-таки убедить его изменить первоначально намеченный курс его поезда и повернуть на запад — на Псков, где якобы под командованием генерала Н.В. Рузского еще оставались надежные части Северного фронта. Это, как скоро выяснилось, была ловко подстроенная заговорщиками западня, так как именно Рузский как раз и являлся одним из наиболее деятельных участников готовившегося на апрель 1917 года государственного переворота. Ничего этого царь, разумеется, не знал, и вечером 1 марта 1917 года его поезд благополучно прибыл в Псков. *«Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, и другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны (Военная ложа. — Б.В.). Они немедленно включились в его заговорщические планы», — пишет Н.Н. Берберова*⁴¹. Все так.

О том, что Псков оказался ловко расставленной ловушкой для Николая II, стало ясно уже из первых реплик, которыми встретил царскую свиту хозяин положения — главнокомандующий Северным фронтом Н.В. Рузский. *«На Вас только и надежда», — говорили они ему. И что же Н.В. Рузский? «Вовек не забуду, — с горечью вспоминал позже об этом эпизоде генерал Д.Н. Дубенский, — ответа генерал-адъютанта Н.В. Рузского на этот крик души всех нас... «Теперь надо сдаться на милость победителя», — сказал он. После разговора с Рузским мы стояли потрясенные и как в воду опущенные... С цинизмом сказанная Рузским фраза: «Надо сдаваться на милость победителя» — все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроградский Совет, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот»*⁴². Так оно, как мы теперь знаем, и было. Вскоре царь пригласил Н.В. Рузского к себе, и в ходе затянувшейся за полночь беседы с ним Николаю II воочию пришлось убедиться в предательстве генерала, неожиданно предъявившего самодержцу требование о его немедленном отречении от престола. Давление Н.В. Рузского было столь велико (фак-

тически царь был полностью в его руках), что в 0 часов 20 минут 2 марта Николай II послал генералу Н.И. Иванову, который уже находился в Царском Селе, приказ не предпринимать никаких действий по борьбе с заговорщиками без его специальных на сей счет указаний. Впрочем, едва ли Н.И. Иванов мог что-либо сделать в сложившейся ситуации со своими Георгиевскими кавалерами, так как Н.В. Рузский решительно отказался передать в его распоряжения какие-либо войска. В 3 часа ночи 2 марта Н.В. Рузский вступил в телеграфные переговоры с председателем Государственной думы М.В. Родзянко в Петрограде и генералом М.В. Алексеевым в Ставке. Последний решил помочь Н.В. Рузскому и по своей инициативе как начальник Генштаба срочно разослал из Ставки телеграммы командующим фронтами с недвусмысленным призывом высказаться за отречение императора от власти⁴³. Содержание телеграмм М.В. Алексеев препроводил в Псков, лицемерно добавив от себя: «Умоляю Ваше Величество безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам. Промедление грозит гибелью России»⁴⁴. Увы, губительным для России, как оказалось впоследствии, было не промедление, а скорее поспешность, с которой принял царь предъявленный ему ультиматум.

Последняя телеграмма от командующих фронтами поступила в Псков 2 марта около 15 часов дня. А уже через 5 минут, пока еще только для себя, никому ничего не говоря, царь принимает принципиальное решение о своем отречении. Сопоставление этих фактов не оставляет никакого сомнения, что главными виновниками разыгравшейся драмы с отречением Николая II были военные: начальник Генерального штаба М.В. Алексеев и генерал Н.В. Рузский. Правда, поскольку М.В. Алексеев был далеко — в Могилеве, гнев царя обрушился главным образом на Н.В. Рузского. «Генерал Рузский был первым, который поднял вопрос о моем отречении от престола. Он поднялся ко мне во время моего следования и вошел в мой вагон-салон без доклада, — с обидой вспоминал впоследствии царь. — Бог не оставляет меня. Он дает мне силы простить всех моих врагов и мучителей, но я не могу победить себя только в одном — генерал-адъютанту Рузскому я простить не могу»⁴⁵.

Впрочем, предателям очень скоро пришлось горько пожалеть о содеянном. «Никогда не прощу себе, что поверил в искренность некоторых людей; послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении государя от престола», — сокрушался уже через несколько дней в беседе с генералом А.С. Лукомским М.В. Алексеев. Что это были за люди, по наущению которых М.В. Алексеев решил разослать главнокомандующим фронтами злополучную телеграмму и какие отношения связывали его с ними, генерал предпочел умолчать. Догадаться, впрочем, в свете того, что мы уже знаем о его масонских контактах, несложно. Заметим в то же время, что сожаление о беспрецедент-

ном давлении, оказанном им вечером 1 марта 1917 года на Николая, высказывал впоследствии и Н.В. Рузский⁴⁶ (расстрелян в 1918 г. в Пятигорске при занятии города красными повстанцами). Но было поздно.

2 марта в 10 часов вечера с требованием об отречении Николая II прибыли наконец-то в Псков и посланцы Думы — октябрист А.И. Гучков и «монархист» В.В. Шульгин. Масоном, пусть под вопросом, из них мог был только А.И. Гучков. Но серьезно значения этот факт в данном случае не имеет. Вся необходимая подготовительная работа с царем была уже проведена до них М.В. Алексеевым и Н.В. Рузским. Принципиальное же решение об отречении было принято Николаем II, скорее всего, как уже отмечалось, еще днем — в 15 часов 15 минут или, иначе говоря, за 7 часов до появления думцев в салон-вагоне царского поезда. В ходе беседы с царем А.И. Гучков и В.В. Шульгин настаивали на отречении Николая II в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича. Царь, однако, настоял на отречении в пользу Михаила не только за себя, но и за больного сына Алексея. В 23 часа 40 минут 2 марта 1917 года долгожданный документ был наконец-то подписан царем. Старый масонский план по насильственному устранению Николая II от власти путем захвата царского поезда на его пути из Ставки был осуществлен.

«2 марта. Четверг, — записал в своем дневнике Николай II. — Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство без Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К двум с половиной часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект Манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный Манифест. В 1 час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, трусость и обман!»⁴⁷

Решающую роль в понуждении Николая II к отречению от престола сыграла Ставка Верховного главнокомандующего. Именно здесь, в Могилеве, составилась и первый проект манифеста об отречении царя (второй привезли с собой из Петрограда члены Государственной думы А.И. Гучков и В.В. Шульгин). Конечно, первоначальный текст отречения составлял не генерал М.В. Алексеев, а «специалист» — начальник дипломатического отдела Ставки Н.А. Базили, которому помогал генерал А.С. Лукомский. По сведениям Н. Свиткова (Степанова), Н.А. Базили был масоном⁴⁸. Современный исследователь А.И. Серков

не согласен с этим⁴⁹. Поскольку, как мы уже выяснили, сам М.В. Алексеев был каким-то образом причастен к заговору, ближе к истине скорее всего Н. Свитков. Как бы то ни было, редактировал подготовленный, очевидно, по указанию Н.А. Базили текст отречения, видимо, все-таки он. Он же распорядился, как мы знаем, и о передаче по телеграфу 2 марта 1917 года подготовленного в Ставке текста этого документа в Псков генералу Н.В. Рузскому⁵⁰. В 8 часов 30 минут вечера он был уже на руках у генерала. Именно этот проект и лег в основу того текста, который вынужден был подписать царь и который передали затем в Ставку, главнокомандующим фронтами и который был опубликован 4 марта 1917 года в «Известиях»⁵¹.

«Основной пружиной заговора был, конечно, Гучков», — отмечал Иван Солоневич и называл его «главным стратегом Февраля». Техническим же исполнителем переворота был, по его мнению, генерал М.В. Алексеев⁵². Верно схватив суть происшедшего, И. Солоневич оставался, однако, в полном неведении относительно тайных масонских пружин «Великого Февраля». На самом деле А.И. Гучков был таким же «техническим исполнителем» переворота, как и М.В. Алексеев или Н.В. Рузский. Стратегию же переворота на самом деле разрабатывали совсем другие люди. И лучшей иллюстрацией этого положения может служить, как представляется, последующая судьба династии Романовых.

Дело в том, что лидер кадетов П.Н. Милюков и октябрист А.И. Гучков отстаивали необходимость сохранения конституционной монархии в России. Однако масонское большинство во Временном комитете Государственной думы и в Петроградском Совете было решительно против. Принципиальное решение об отречении М.А. Романова было принято на заседании в доме М.С. Путятина с участием А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, Г.Е. Львова, А.Ф. Керенского, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасова. Решительным оппонентом П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова выступил здесь А.Ф. Керенский, пригрозивший в конце своей речи тем, что в противном случае он не ручается за жизнь Михаила Александровича⁵³.

Натолкнувшись, как пишет В.И. Старцев, на сплошной масонский фронт республиканцев во главе с Н.В. Некрасовым, П.Н. Милюков вынужден был отступить и идея отречения Михаила победила⁵⁴. И тому не оставалось ничего другого, как согласиться. Текст отречения Михаила от власти составил, по его собственному признанию, Н.В. Некрасов.

«В момент начала Февральской революции всем масонам был дан приказ немедленно встать в ряды защитников нового правительства — сперва Временного комитета Государственной думы, а затем Временного правительства. Во всех переговорах об организации власти масоны играли закулисную, но видную роль», — подчеркивал Н.В. Некрасов⁵⁵. Сама инициатива образования 27 фев-

раля 1917 года Временного комитета Государственной думы и решения не подчиняться царскому указу о временной приостановке ее работы исходила от масонов. «Весь первый день пришлось употребить на то, — вспоминал Н.В. Некрасов, — чтобы удержать Думу на этом революционном пути и побудить ее к решительному шагу взятия власти... Когда в ночь на 28 февраля нам удалось убедить Родзянко провозгласить власть Временного комитета Государственной думы, я ушел в техническую работу помощи революции»⁵⁶. Работа эта заключалась на первых порах, как мы уже знаем, в организованной им погоне комиссара А.А. Бубликова за царским поездом и беспрецедентном давлении через Н.В. Рузского и М.В. Алексеева на царя с целью заставить его отречься от престола.

О возможных последствиях совершенного в разгар войны государственного переворота «братья» предпочитали особенно не задумываться. Зато на Западе услуга, оказанная ими извечным недругам России, была оценена по достоинству. «Нет больше России, — с удовлетворением констатировал в своем дневнике, узнав о революции в России, британский посол в Париже Ф. Берти. — Она распалась, и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на Востоке, т.е. Финляндии, Польши, Украины и т.д., сколько бы их удалось сфабриковать, то по мне остальное может убираться к черту и вариться в собственном соку»⁵⁷. Дело тут, конечно, совсем не в том, что Ф.Берти был таким уж отчаянным русофобом. Даже при самом благожелательном отношении к России и русским английского дипломата и его европейских коллег трудно было бы убедить, что существование огромного, сильного и независимого соседа на востоке так уж отвечает национальным интересам их стран.

Хотели того русские масоны или не хотели, но сценарий разыгранного ими в 1917 году «действия» был написан все-таки на Западе, и все складывалось так, что никакой другой роли, кроме «пятой колонны» «демократической» Европы, в России уготовлено им не было. Такова уж, видно, судьба нашей «прогрессивной интеллигенции», которая традиционно всегда равнялась и равняется на более передовые в ее понимании страны Запада.

Примечания

¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. Париж, 1931. С. 149, 180, 185.

² Журина Н.Г. Масоны и Февральская революция в России // Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 2. М., 1992. С. 158–159; Старцев В.И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 2001. С. 109–136.

³ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории 1998. № 11–12. С. 39.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 63.

⁶ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 185.

⁷ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 65–66.

⁸ Русское политическое масонство начала XX века (1906–1918 гг.). // Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 146.

⁹ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 140.

¹⁰ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 119.

¹¹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 119.

¹² Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 88–89.

¹³ Там же. С. 92–96.

¹⁴ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 143.

¹⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 31, 32, 121.

¹⁶ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 152.

- ¹⁷ Кобылин Виктор. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В.Алексеев. СПб., 1998. С. 423.
- ¹⁸ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. / Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.
- ¹⁹ Соловьев О.Ф. Русское масонство 1730–1917 г. М., 1993. С. 183.
- ²⁰ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 43.
- ²¹ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 302.
- ²² Там же. С. 303.
- ²³ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 95–96.
- ²⁴ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 106.
- ²⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 134. Прим.
- ²⁶ Там же. С. 23.
- ²⁷ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 41–42.
- ²⁸ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 122.
- ²⁹ Там же. С. 109.
- ³⁰ Там же. С. 122.
- ³¹ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 30.
- ³² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 148.
- ³³ Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730–1917 г.). М., 1993. С. 250.
- ³⁴ Маклаков В.А. Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина. // Современные записки (Париж). 1928. Кн.34. С. 271–272.
- ³⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 68–69.
- ³⁶ Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...» Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002. С. 236.
- ³⁷ Старцев В.И. Тайны русских масонов. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 2001. С. 143.

- ³⁸ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 241.
- ³⁹ Сафонов М.М. Кругом измена, трусость и обман // Диван. 1997. № 11. С. 15.
- ⁴⁰ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20.
- ⁴¹ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 43.
- ⁴² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 54.
- ⁴³ Поливанов О.А. Позиция русского генералитета и отречение императора Николая II // Новый часовой. СПб., 2001. № 11–12. С. 408–411.
- ⁴⁴ Миллер Любовь. Царская семья — жертва темной силы. Мельбурн. 1998. С. 508.
- ⁴⁵ Винберг В.Ф. Крестный путь. Т.1. Мюнхен, 1922. С. 142.
- ⁴⁶ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 633.
- ⁴⁷ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.
- ⁴⁸ Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 года). Составлено на основании масонских документов. Париж, 1932. С. 18.
- ⁴⁹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 2.
- ⁵⁰ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. М., 1998. С. 65–72.
- ⁵¹ Сафонов М.М. Кругом измена, трусость и обман // Диван. 1998. № 2. С. 11.
- ⁵² Солоневич И. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 198.
- ⁵³ Шульгин В.В. Дни. М., 1990. С. 272–274.
- ⁵⁴ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 150.
- ⁵⁵ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 39.
- ⁵⁶ Там же. С. 20.
- ⁵⁷ Национальная политика России и современность. Отв. ред. В.А. Михайлов. М., 1997. С. 255.

МАСОНЫ У ВЛАСТИ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ ВЕЛИКОГО ВОСТОКА НАРОДОВ РОССИИ И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО (МАРТ—ОКТАБРЬ 1917)

«Русские политические масоны, — пишет проф. В.И. Старцев, — сыграли большую роль в усилении революционной ситуации в конце 1916-го — начале 1917 г.; первыми воспользовались результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 года. Восемь месяцев после Февральской революции — это период наибольшего влияния в России тайного политического союза. Во Временном правительстве численность политических масонов непрерывно возрастала»¹.

О том как умело и грамотно воспользовались масоны результатом стихийного восстания 27 февраля 1917 года для захвата власти, мы уже знаем. Что касается Временного правительства, то его формирование не заняло у них много времени. Ведь предварительный состав его был обговорен еще в 1916 году на совещании представителей оппозиционных думских фракций в номере Г.Е. Львова в петербургской гостинице «Астория»² и опубликовался в московской газете «Утро России» П.П. Рябушинского 13 августа 1915 года. Всего же «общественностью» в 1915—1916 гг. было составлено 6 списков кандидатов в будущее демократическое правительство³. Окончательный же вариант распределения министерских портфелей был обсужден в ночь на 2 марта 1917 года, получив полное одобрение на совместном заседании делегаций Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы. Из принципиально новых лиц здесь фигурировал, пожалуй, только А.Ф. Керенский. 2 марта 1917 года Петроградский Совет выразил официальную поддержку правительству в его шагах, направленных на борьбу с контрреволюцией и усилия по демократизации общественной жизни в стране.

Сам механизм формирования Временного правительства и характер масонского участия в этом процессе хорошо показал Л.Д. Кандауров. Перед Февральской революцией, свидетельствует он, «Верховный совет поручил ложам составить список лиц, годных для новой администрации, и назначил в Петрограде на случай волнений сборные места для членов лож. Все было в точности исполнено, и революционными движениями без ведома их руководителей руководили члены лож и сочувствовавшие. Многие из первых вошли в состав министерства князя Львова и Керенского (в последнем все министры были членами лож); многие заняли места комиссаров Временного правительства»⁴. Правда, профессор

В.И. Старцев утверждает, что в первом составе Временного правительства было всего три министра-масона: министр путей сообщения Н.В. Некрасов, министр торговли и промышленности А.И. Коновалов и министр юстиции А.Ф. Керенский⁵. Исследователь при этом ссылается на показания бывшего генсека Верховного совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасова в ОГПУ 1939 года. «Показательно, — отмечал он, — что в составе первого Временного правительства оказалось три масона: Керенский, Некрасов и Коновалов. А вообще на формирование правительства масоны оказали большое влияние, так как масоны оказались во всех организациях, участвовавших в формировании правительства»⁶. Что это были за организации, мы уже знаем — Временный комитет Государственной думы и Петроградский Совет. Но слишком доверять Н.В. Некрасову нельзя, ибо помимо названных им трех «братьев» в составе первого правительства имелся еще один явный масон — министр земледелия А.И. Шингарев. Правда, как масон Великого Востока Франции, официально в ложе Великого Востока народов России он не входил. Но суть дела от этого не меняется. Пятым несомненным масоном в первом составе Временного правительства был М.И. Терещенко (об этом свидетельствовал Е.П. Гегечкори). Во всяком случае, такой авторитетный исследователь, как Людвик Хасс, в масонстве М.И. Терещенко нисколько не сомневался⁷. Однако В.И. Старцев стоит на своем. «Только Гегечкори считает его масоном. Все остальные свидетельства принадлежат не масонам или антимасонам», — замечает он⁸. Согласиться с такого рода источниковедческим изыском, когда окончательный вердикт выносится с оглядкой на свидетельства самих масонов, нельзя. Отказывается признать масоном В.И. Старцев и главу Временного правительства, близкого к кадетам князя Г.Е. Львова. С ним решительно не согласен, однако, московский профессор О.Ф. Соловьев. Князь Г.Е. Львов ко времени назначения его главой правительства был несомненным масоном⁹, считает он.

Особые разногласия среди исследователей вызывает масонство А.И. Гучкова, занявшего в правительстве князя Г.Е. Львова один из наиболее важных постов — военного и морского министра. В.И. Старцев, как мы уже знаем, решительно отклоняет версию о Гучкове-масоне, появление которой он склонен объяснить «происками правых», так как Военная ложа, куда скорее всего он входил, объединяла в своих рядах, по версии В.И. Старцева, исключительно деятелей левой ориентации¹⁰ и, следовательно, октябристам там нечего было делать, можно сказать, уже «по определению». Конечно, идеология движения важна. Но ведь есть еще и политическая целесообразность. Она-то, как представляется, и привела А.И. Гучкова и некоторых его коллег по партии «Союз 17 октября» в масонские ложи. В своей основе версия В.И. Старцева уходит своими корнями в эмигрантскую

историографию, ряд представителей которой (проф. Н. Первущин) даже полагали, что именно левый масонский курс Временного правительства как раз и привел страну к «катастрофе» 25 октября 1917 года¹¹.

Если же исходить из данных Биографического словаря русских масонов XX столетия Н.Н. Берберовой¹², то получается, что практически все министры — члены Временного правительства во главе с близким к кадетам князем Г.Е. Львовым (10 человек из 11) были масонами: А.И. Гучков (октябрист), Н.В. Некрасов (кадет), А.И. Коновалов (прогрессист), М.И. Терещенко (беспартийный), А.И. Мануйлов (кадет), А.И. Шингарев (кадет), А.Ф. Керенский (трудовик), В.Н. Львов (центр.), И.В. Годнев (октябрист). «Белой вороной» здесь был, по-видимому, только министр иностранных дел П.Н. Милюков. Правда, в последнее время со ссылкой на данные архивов французских спецслужб некоторые исследователи (О.А. Платонов) считают, что и П.Н. Милюков был все-таки масоном, правда, не в русской, а во французской ложе. Однако убедительные данные о масонстве П.Н. Милюкова все же отсутствуют. *«П.Н. Милюков, осведомленный об этом движении, — писала Е.Д. Кускова (1955), — в него не вошел: «я ненавижу всякую мистику» якобы заявил он в ответ на предложение принять посвящение»*. Скорее всего так оно и было, хотя никакой мистики в политических ложах Великого Востока народов России, и П.Н. Милюков это наверняка знал, никогда не было.

Итак, 10 министров из 11. Поистине, Временное правительство можно именовать не только Временным, но и масонским. Но это все же, быть может, несколько завышенные, оптимистичные данные о масонском представительстве в правительстве. Но и по минимальным данным (до 6 «братьев») картина получается все-таки впечатляющей. В целом же, даже по самой осторожной оценке проф. В.И. Старцева, за весь период существования Временного правительства (март — октябрь 1917 года) в его составе пребывало не менее 15 «братьев»: А.Д. Авксентьев, П.А. Бурышкин, И.Н. Ефремов, А.В. Карташов, А.Ф. Керенский, Ф.Ф. Кошкин, А.И. Коновалов, А.В. Ливеровский, Н.В. Некрасов, П.Н. Переверзев, С.Н. Прокопович, Б.В. Савинков, М.И. Скобелев, В.А. Степанов, М.И. Терещенко, А.И. Шингарев¹³.

Одним из первых реальных результатов Временного правительства стал его отказ признать власть Михаила Александровича, против чего протестовали, как уже отмечалось, только А.И. Гучков и П.Н. Милюков. 3 марта под давлением масонов Михаил вынужден был отречься от престола. Не менее сильными были разногласия П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова с левым крылом Верховного совета Великого Востока народов России и по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов. Если П.Н. Милюков настаивал на решительной борьбе с

ними, то остальные «братья» из числа руководителей Великого Востока народов России выступали под флагом сотрудничества с ними¹⁴.

«В 1917 году ложа в Петрограде продолжала работать, — вспоминал позже Е.П. Гегечкори. — Чхеидзе мне в марте писал: «Братья наши проявляют большую активность». Некрасов и Чхеидзе вели переговоры, как брат с братом. Мне передавали, что в марте Милюков был противником введения в правительство Керенского и Терещенко и когда их все же ввели, говорил о какой-то неведомой силе, которая начинает нависать над правительством. Но когда я узнал список членов Временного правительства, то сразу понял, откуда явились некоторые новые малоизвестные имена»¹⁵.

Бороться со своими противниками, связанными единой незримой масонской цепью, П.Н. Милюкову, как человеку, не вхожему в русские масонские ложи Великого Востока народов России, было невероятно трудно, даже невозможно. Повествуя об этом в своих мемуарах П.Н. Милюков прямо писал: *«Я хотел бы только подчеркнуть еще связь между Керенским и Некрасовым и двумя неназванными министрами — Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли. Но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо этого они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политически, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы даже, взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь связывает центральную группу. Если я не говорю о ней здесь яснее, то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного правительства»¹⁶.*

Негласная связь руководящей четверки, о которой здесь пишет П.Н. Милюков — это, вне всякого сомнения, масонская, «братская» связь. Любопытно, что именно кадет П.Н. Милюков и октябрист А.И. Гучков, на которых как на скрытых масонов грешат (и не без оснований) некоторые историки, как раз и вынуждены были после апрельского правительственного кризиса оставить свои посты. Бесспорные же масоны, напротив, не только остались в правительстве, но и получили здесь 6 (19 мая) 1917 года солидную поддержку в лице двух новых «братьев» — масонов-министров П.Н. Переверзева и М.И. Скобелева¹⁷. Преимущественно министрами-масонами были представлены и последующие составы Временного правительства: 24 июля (2 августа) и третьего — 25 сентября (8 октября) 1917 года.

Поворотным пунктом масонского хождения во власть стала отставка князя Г.Е. Львова и назначение 8 (21) июля 1917 года главой Временного правительства министра-председателя

А.Ф. Керенского. Правительство в результате резко полевело, усилив, тем самым, и без того напряженное состояние в обществе.

Центральной фигурой в русском политическом масонстве конца 1916—1917 г. был А.Ф. Керенский, занимавший в нем с лета 1916 года ключевую должность генерального секретаря Верховного совета Великого Востока народов России. Этим, собственно, и объясняется не вполне обычный для непосвященных взлет карьеры А.Ф. Керенского и завидная активность его в февральско-мартовские дни 1916 года. Да и первое послереволюционное заседание Верховного совета Великого Востока народов России состоялось 2 марта 1917 года не где-нибудь, а у него на квартире. Безусловно, прав поэтому был старый и мудрый большевик В.Д. Бонч-Бруевич, когда писал в 1930 году об А.Ф. Керенском, что он был *«вспоен и вскормлен масонами еще когда он был членом Государственной думы и был специально воспитываем ими»* в качестве наиболее подходящего кандидата на роль политического руководителя во время предстоящего движения за свержение самодержавия¹⁸. Вскормлен и вспоен! Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Напрасно поэтому промасонски настроенный исследователь А.И. Серков, явно смазывая картину масонского вхождения во власть в 1917 году, пытается убедить доверчивого читателя (правда, без ссылок на источник), что генеральным секретарем Верховного совета Великого Востока народов России в это время был (с лета 1916 года) не А.Ф. Керенский, а А.Я. Гальперн¹⁹ — фигура в политическом отношении бесцветная и малозначащая. Впрочем, и А.Ф. Керенский на роль лидера огромной страны явно, говоря современным языком, «не тянул». *«О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит все»*, — с возмущением говорил о А.Ф. Керенском после назначения его главой Временного правительства хорошо знавший новоиспеченного премьера острый на язык академик И.П. Павлов²⁰. Такие карьеры, какую сделал себе в 1917 году А.Ф. Керенский, индивидуальными усилиями не делаются. Здесь нужна коллективная воля. Но даже если это и не совсем так и формально генсеком Верховного совета А.Ф. Керенский в 1917 году все же не был, фактическое лидерство его в масонском тандеме не подлежит сомнению.

«Группа руководящих деятелей Верховного совета, — свидетельствовал А.Я. Гальперн, — Коновалов, Керенский, Карташов и я, — все время были вместе, по каждому вопросу обменивались мнением и договаривались о поведении». И хотя о «сознательном воздействии» на формирование Временного правительства, по его мнению, говорить вроде бы и нельзя, «известное влияние» на этот процесс, признает А.Я. Гальперн, масоны все же оказывали»²¹.

Летом 1917 года в связи с перегруженностью административной работой А.Ф. Керенский, ставший уже к этому времени премьер-министром, вынужден был формально оставить долж-

ность генсека Верховного совета Великого Востока народов России. Как полагал польский историк Людвик Хасс, сделано это было на специальном, уже четвертом конвенте русских масонов. Как раз в это время, доказывал он, и произошла легализация ордена в демократической России²². В.И. Старцев, напротив, считает, что произошло это еще до официального назначения А.Ф. Керенского министром-председателем правительства 7 июля 1917 года²³. Поскольку преемником А.Ф. Керенского на столь ответственной должности стал А.Я. Гальперн, как публичный политик ничего собой не представлявший (во Временном правительстве он занял должность управляющего делами Кабинета министров), не приходится сомневаться, кто был истинным хозяином в Верховном совете Великого Востока народов России. Несомненно, что и после формальной отставки с должности генсека руководящая роль в масонской тройке А.Ф. Керенский, А.Я. Гальперн, Н.В. Некрасов по-прежнему принадлежала ему.

Много места в деятельности Верховного совета в 1917 году занимали вопросы войны и мира, причем большинство масонов явно склонялись на позиции необходимости форсирования заключения мира (А.Я. Гальперн и другие). *«Я считал тогда, — вспоминал он, — что воевать мы не можем (об этом говорили все доклады с фронтов), а поэтому необходимо убедить союзников, что мы можем лопнуть, если они не согласятся на общие переговоры»*²⁴. Они не соглашались. *«Сам А.Ф. Керенский, — пишет В.И. Старцев, — еще в апреле 1917 года на встрече с французской правительственной делегацией общался с ее членами-масонами «братским образом» и дал твердое обещание, что Россия не заключит сепаратного мира с Германией и не бросит свою союзницу Францию. Этому обязательству Керенский остался верен до 24 октября 1917 года, несмотря на то что доводы благоразумия толкали его к необходимости выхода России из войны»*²⁵. Здесь В.И. Старцев исходит из данных Н.Н. Берберовой, которая прямо писала, что видные руководители Великого Востока Франции Альбер Тома (министр вооружений) и социалист Марсель Кашен приезжали в апреле 1917 года в революционный Петроград, где были сразу же приняты А.Ф. Керенским. Здесь, ссылаясь на его масонскую клятву 1912 года, они якобы потребовали от него не бросать Францию в беде и не заключать сепаратного мира с немцами. Альбер Тома (сама Н.Н. Берберова ссылается на устное свидетельство полковника Н.Н. Пораделова) якобы на коленях стоял перед А.Ф. Керенским, а Марсель Кашен рыдал, закрыв лицо носовым платком²⁶.

Поездка А.Тома и М.Кашена действительно имела место в указанное Н.Н. Берберовой время. Подтверждается и факт личной встречи 12 (25) апреля 1917 года этих политиков, по крайней мере А. Тома²⁷, с А.Ф. Керенским. Но сама сцена со стоящим на коленях Альбером Тома и рыдающим Марселем Кашеном,

по оценке О.Ф. Соловьева, скорее всего плод журналистской фантазии Н.Н. Берберовой²⁸, хотя тайные контакты Временного правительства с немцами в Стокгольме через журналиста Колышко вроде бы и имели место. Во всяком случае, некоторые основания для подозрений у французского правительства относительно позиции России в вопросе сепаратного мира с немцами, видимо, все-таки были. Что касается будущего лидера французских коммунистов Марселя Кашена, то он хотя и ушел из масонского ордена еще в 1901 году, но сохранял тем не менее тесные связи с ним²⁹. Принадлежность же к масонству другого участника описанной Н.Н. Берберовой сцены — социалиста Альбера Тома и вовсе не вызывает никаких сомнений. Еще до октября 1917 года как министр вооружений Франции он направил в Россию еще одного масона — капитана Ж. Садуля, игравшего здесь роль политического наблюдателя. *«Несомненно, — констатирует О.Ф. Соловьев, — министр Тома делился сведениями и с руководителями центров ордена, имевшими информацию как бы из первых рук»*³⁰. Так что спорить тут вроде бы и нечего.

Особо важное значение придавало руководство Верховного Совета Великого Востока народов России взаимодействию с Петроградским Советом, руководящая роль в котором, как и во Временном правительстве, принадлежала «братьям-масонам»: Н.С. Чхеидзе (председатель), М.И. Скобелев, Н.Д. Соколов, К.А. Гвоздев. *«Тот факт, что Чхеидзе был «братом», — отмечал впоследствии А.Я. Гальперн, — сильно облегчал мою задачу. Я мог говорить с ним совсем просто: чего кочевряжиться, ведь все же наши считают это неправильным, надо исправить и сделать по-нашему»*³¹. С учетом существования единого тайного масонского центра (кадеты, меньшевики, трудовики, прогрессисты, эсеры), цепко державшего под своим негласным контролем и Временное правительство, и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, традиционное ленинское представление о периоде с марта по июль 1917 года как периоде двоевластия нуждается в серьезной корректировке. Власть-то, оказывается, была у нас все-таки одна. Впрочем, оговаривается В.И. Старцев, «было бы ошибкой считать, что масоны подчинили себе обе власти или даже представляли собой третью, подлинную тайную власть в революционной России»³².

Но вот что отмечал в связи со спорами о роли Верховного совета после февраля 1917 года в смысле его влияния на политику Временного правительства такой, вне всякого сомнения, осведомленный историк, как Б.И. Николаевский. Избавившись от балласта, оставшиеся в ложах масоны, получив подкрепление в лице вернувшихся из эмиграции «братьев», сплотились *«более тесно, образовав политически довольно однородную группу, от левых кадетов и прогрессистов до правых социал-демократов, которая в течение почти всего периода Временного правительства*

играла фактически руководящую роль в направлении политики последнего»³³. Яснее и не скажешь.

Конечно, преувеличивать значение единого тайного масонского центра в событиях 1917 года, может быть, и не стоит, тем более что сами события развивались отнюдь не по масонскому сценарию. Но виноваты в этом были, конечно же, не одни масоны. Для нас в данном случае важна констатация факта, что центр такой в 1917 году все же был и тайная координация с его стороны деятельности основных очагов революционной власти — исполкома Петросовета и Временного правительства успешно до поры до времени осуществлялась.

Наиболее ощутимым это незримое масонское присутствие сказывалось в кадровой политике Временного правительства. «Решающим моментом» при принятии тех или иных государственных назначений при А.Ф. Керенском (министр-председатель с 7 июня 1917 года) была прикосновенность того или иного кандидата к масонству³⁴. О том, как происходило формирование Временного правительства, мы уже знаем. Этот же принцип — брать только своих — неукоснительно соблюдался и при формировании новой «революционной» администрации на местах. «Большую роль, — отмечал в связи с этим А.Я. Гальперн, — играли братские связи в деле назначения администрации в 1917 году на местах. Да это и вполне естественно: когда вставал вопрос о том, кого назначить на место губернского комиссара или на какой-либо другой видный административный пост, то прежде всего, мысль устремлялась на членов местных лож, и если среди них было сколько-нибудь подходящее лицо, то на него и падал выбор». В.И. Старцев, который посвятил исследованию этого вопроса специальную статью «Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года», установил имена 44 масонов, назначенных на свои высокие административные и выборные должности благодаря их масонским связям. Большинство таких назначений приходится на вторую половину 1917 года, то есть уже при А.Ф. Керенском: министр Временного правительства, председатель Предпарламента (Временный совет Российской Республики) Н.Д. Авксентьев, представитель российского Общества Красного Креста во Франции П.А. Бурыйкин, управляющий делами Временного правительства А.Я. Гальперн, товарищ министра внутренних дел А.А. Демьянов, а также министры И.М. Ефремов, Ф.Ф. Кокошкин, А.В. Карташов, А.И. Коновалов, А.В. Ливеровский, П.Н. Перверзев, С.Н. Прокопович, Б.В. Савинков, М.И. Скобелев, В.И. Степанов, М.И. Терещенко, А.И. Шингарев³⁵.

Из масонов-комиссаров «керенского призыва» известны: Алихан Букейханов — представитель Временного правительства в Тургайской области, Л.А. Велихов — комиссар Временного правительства в Одессе, А.А. Волкович — комиссар Временного правительства в Витебской губернии, С.М. Писаревский — сек-

ретарь Витебского губернского комитета, В.В. Федорович — уездный комиссар Витебской губернии³⁶. Основным поставщиком кадров для местной администрации при Временном правительстве были провинциальные масонские ложи. Никакого отрыва Верховного совета от местных лож, о чем пишет А.И. Серков³⁷, не произошло, и ни о каком прекращении деятельности Великого Востока народов России, как масонской структуры, ни накануне, ни тем более после Февральской революции не может быть и речи. Другое дело, что центр тяжести этой работы по условиям времени оказался перемещен из местных лож в Верховный совет. Но и ложи не совсем бездействовали. Так, известно, что 4 апреля 1917 года в петроградской ложе «Истинные друзья» получил посвящение в вольные каменщики известный эсер-террорист Б.В. Савинков³⁸.

Основной причиной некоторого спада активности местных лож и перенесения центра тяжести в Верховный совет следует признать проявившиеся после февраля — марта 1917 года несогласия между «братьями». Не следует забывать, что состав их в политическом плане был весьма и весьма разношерстным. В до-революционные годы перед лицом общего врага в лице царского самодержавия разногласия эти отходили на задний план. После же февраля 1917 года, когда самодержавие пало, исчезла и та цементирующая сила, которая по необходимости склеивала столь разных людей в единое тайное братство. *«Вражда между братьями в это время была настолько сильна, что я, например, состоя председателем одной из петербургских лож, не мог созвать после февральского переворота ни одного ее собрания, ибо члены моей ложи просто не могли бы сесть за один стол», — отмечал в этой связи В.А. Оболенский³⁹.*

Идеей фикс Верховного совета была идея коалиции, за которую он, по свидетельству А.Я. Гальперна, и держался в 1917 году до конца, хотя и меньшевики и эсеры, которые резко в это время полевели, и протестовали против коалиции с кадетами. Как то ни было, жизнь показала, что такая практика на первых порах себя оправдывала. Во всяком случае, в критические дни 3—4 июля 1917 года, поддавшись на уговоры Верховного совета, Н.С. Чхеидзе и другие масонские руководители ЦИК сумели-таки повлиять на представителей демонстрантов обещанием созвать в ближайшее время 2-й съезд Советов, который якобы и рассмотрит вопрос о власти. Это, пишет В.И. Старцев, способствовало успокоению массы демонстрантов. Но 8 июля ЦИК объявил Временное правительство правительством спасения революции и заявил о передаче ему всей полноты власти⁴⁰. Это была капитуляция, но капитуляция, как теперь выясняется, хорошо продуманная и хорошо спланированная. 22 июля 1917 года было сформировано второе коалиционное правительство А.Ф. Керенского. Возобновились и переговоры о коалиции с ка-

детами. По-другому, впрочем, и быть не могло, ибо дирижеры у ЦИК и правительства были общие и играли они по одной и той же партитуре.

Задача, которая стояла перед правительством, заключалась прежде всего в стабилизации власти на основе соглашения ведущих политических партий и подготовке на этой основе к созыву Учредительного собрания. Своеобразным смотром демократических сил и их возможностей в смысле поддержки усилий Временного правительства стало Государственное совещание 12 (25) августа 1917 года в Москве. Корниловский мятеж 25 августа (7 сентября) 1917 года, несмотря на успешное его подавление, нанес тяжелый удар по Временному правительству. Леворадикальные оппоненты его в лице большевиков постарались извлечь максимальную выгоду из этого инцидента. Чувствуя по мере большевизации Советов, что власть уходит из рук, и правительство, и Верховный совет Великого Востока народов России, как его теневая структура, предпринимают в это время лихорадочные усилия по сплочению демократических сил. Именно в этом ключе и следует рассматривать работу 14–22 сентября (22 сентября — 5 октября) 1917 года Демократического совещания с участием представителей городских дум, кооперативов и профсоюзов, а также открытие 7 (20) октября Временного Совета Российской Республики (Предпарламент), как своеобразных подпорок уже зашатавшемуся правительству.

24 сентября 1917 года было объявлено о создании 3-го коалиционного правительства А.Ф. Керенского. Но было уже поздно. *«Кучка интеллигентов не могла играть большой роли и сама распалась под влиянием столкновения классов», — отмечал Н.В. Некрасов*⁴¹. Однако главная причина катастрофического падения влияния Великого Востока народов России на ход событий в стране и фактическое бездействие низовых ячеек масонского сообщества — его лож заключалась в том, что создавался Великий Восток, как мы знаем, с одной-единственной целью — захват и удержание власти. После того, как власть была захвачена и закреплена, исчезла и необходимость его дальнейшего существования, по крайней мере, в том виде, в каком он продолжал функционировать в это время. *Пытаясь выявить причины резкого уменьшения влияния масонов на события уже со второй половины 1917 года, В.И. Старцев называет, в частности, возвращение из эмиграции и ссылки большой группы «политиков высшего класса», к масонским организациям не причастных: Г.В. Плеханова, Е.К. Брешко-Брешковскую, Н.Д. Авксентьева и других. «Хотя некоторых из вернувшихся удалось вовлечь в ложи, большинство этих лидеров действовали независимо от масонов, нарушали их планы и масонскую солидарность»*⁴². В новых политических условиях ситуация повернулась так, что политическая деятельность уже перестала быть привилегией только избранных «братьев».

Отсюда и резкое падение численности масонских лож. К октябрю 1917 года их в России оставалось, по сведениям В. Вяземского, не более 28⁴³. Сходную цифру приводит и Людвик Хасс. Из 40 лож, насчитывавшихся в феврале 1917 года, к октябрю этого же года осталось 29⁴⁴. Последнее заседание Верховного совета состоялось в конце сентября или в начале октября и было посвящено борьбе с украинским сепаратизмом. Прибывшие на это заседание из Киева украинские масоны К.П. Григорович-Барский и С.Н. Чебаков упрекали Временное правительство в неоправданных уступках украинским сепаратистам. Верховный Совет поддержал их, и было принято решение воздействовать в соответствующем смысле на Временное правительство⁴⁵. Все это, конечно, замечательно, но не дай вам Бог, читатель, подумать, что антирусская позиция российских масонов в национальном вопросе претерпела в 1917 году серьезные изменения. Нет, стратегический курс «братьев» вольных каменщиков, несмотря ни на что, оставался прежним — разрушение «империи» и создание на основе России ряда независимых или полунезависимых от Центра государств.

Любопытно в связи с этим характерное признание бывшего главы Временного правительства А.Ф. Керенского. Дело было в 1953 году. Интервьюировавший его французский журналист Роже Лютеньо, видимо, желая угодить отставному политику, напомнил А.Ф. Керенскому о провозглашенной им в 1917 году автономии Финляндии. Однако тот неожиданно запротестовал: *«Нет! Мы восстановили независимость Финляндии. Она была аннексирована Россией в ходе наполеоновских войн и вошла в империю в качестве независимого государства, заключившего союз лично с императором... Временное правительство немедленно вернуло Финляндии все права, при одном-единственном условии: независимость Финляндии должна быть принята Учредительным собранием. Одновременно мы провозгласили и независимость Польши. Начал разрабатываться режим предоставления независимости для прибалтийских стран, для Украины»*⁴⁶. Говорить о последствиях для нашего народа разрабатывавшихся оказавшимися у руля государства временщиками планов предоставления независимости для прибалтийских стран и Украины здесь, очевидно, большой необходимости нет. Всякому непредвзятому человеку ясно, что одной только «сдачей» Прибалтики и Украины ограничиться никак в то время было нельзя, ибо на очереди стояли уже сепаратисты Кавказа, Сибири и Поволжья.

Октябрьский переворот 1917 года не только поставил жирную точку на этих планах, но и положил фактический конец деятельности как Временного правительства, так и Великого Востока народов России. Отдельные члены его продолжали свою работу на территории России вплоть до конца 1918 года. С отъездом в декабре этого года за границу генерального сек-

ретаря Верховного совета Великого Востока народов России А.Я. Гальперна исполнение его обязанностей взял на себя С.А. Балавинский. Но продолжалось его секретарство недолго, и в конце 1918 года Великий Восток народов России, как организация, фактически прекратил свое существование.

В годы гражданской войны остававшиеся еще в стране деятели Великого Востока народов России заняли открыто антисоветские позиции. Так, во главе Комитета Учредительного собрания, захватившего в мае 1918 года при содействии бывших союзников России власть в Поволжье, подвизался лидер эсеров, видный масон одной из парижских лож А.Д. Авксентьев. Другой видный масон — народный социалист Н.В. Чайковский встал во главе Временного правительства в Архангельске. Еще один «брат», эсер Б.В.Савинков возглавил антисоветские мятежи в Рыбинске и Ярославле. Немало было масонов и в окружении Колчака, горько жаловавшегося на их происки.

В 1919 году в Париже группа оказавшихся здесь политических масонов попыталась было восстановить Великий Восток народов России. Был даже избран его новый генеральный секретарь — И.П. Демидов⁴⁷. Но инициатива эта из-за прохладного отношения к ней со стороны французских «братьев» ни к чему не привела. Не жаловали А.Ф. Керенского и его ближайших коллег по Великому Востоку народов России и русские эмигранты. Возрождение русских масонских лож во Франции происходило, вследствие этого, уже без их участия⁴⁸.

Примечания

¹ Старцев В.И. Русское эмигрантское масонство во Франции (1918–1939 гг.) // Российское зарубежье: история и современность. М., 1998. С. 41.

² Алданов М.А. 3 марта // Сборник в честь 70-летия П.Н. Милюкова. Париж, 1929. С. 25.

³ Коваленко Н.А. Февральская революция и образование Временного правительства // Историки размышляют. Сб. Под ред. Л.И. Семенниковой. М., 1999. С. 61.

⁴ Острцов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С. 422–423.

⁵ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 150.

⁶ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.

⁷ Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 154.

⁸ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 163.

⁹ Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730–1917 гг.). М., 1993. С. 254.

¹⁰ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 111, 157.

¹¹ Первушин Н. Русские масоны и революция // Новый русский. (Нью-Йорк). 1986. 1 августа.

¹² Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 126–216.

¹³ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 162–163.

¹⁴ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20.

¹⁵ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1990. С. 81.

¹⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 478.

- ¹⁷ Список русских политических масонов лож французского обряда и Великого Востока народов России // Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 170–174.
- ¹⁸ Бонч-Бруевич В.Д. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. 1930. № 4. С. 183.
- ¹⁹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 115.
- ²⁰ Орбели Л.А. Воспоминания. М.; Л., 1966. С. 83–84.
- ²¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 149.
- ²² Хасс Людвик. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С. 153.
- ²³ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 160.
- ²⁴ Русское политическое масонство 1906–1918. Публ. В.И. Старцева // История СССР. 1990, № 1. С. 149.
- ²⁵ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 164.
- ²⁶ Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С. 41.
- ²⁷ Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 433.
- ²⁸ Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730–1917 гг.). М., 1993. С. 260.
- ²⁹ Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730–1917 гг.). М., 1993. С. 69.
- ³⁰ Там же. С. 70.
- ³¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 150.
- ³² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 157.
- ³³ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 42.
- ³⁴ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 163–164.
- ³⁵ Старцев В.И. Русские политические масоны в правящей элите Февральской революции 1917 года // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сборник статей. Вып. 2. СПб., 1994. С. 18–23.
- ³⁶ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 162–163.

- ³⁷ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 122.
- ³⁸ Хасс Людвиг. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С. 150.
- ³⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1998. С. 450.
- ⁴⁰ Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 165.
- ⁴¹ Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 гг. Публ. В.В. Шелохаева и В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 38.
- ⁴² Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996. С. 158.
- ⁴³ Вяземский В.Л. Четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. 1985. Кн.161. С. 236.
- ⁴⁴ Хасс Людвиг. Русские масоны первых десятилетий XX в. // Историки отвечают на вопросы. Вып.2. М., 1990. С. 154.
- ⁴⁵ Русское политическое масонство начала XX в. (1906–1918 гг.). Вступ. статья и комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 150.
- ⁴⁶ Императрица требовала моей головы. Беседа с Александром Керенским // Литературная газета. 1990. 5 сентября. С. 13.
- ⁴⁷ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 74.
- ⁴⁸ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 127–170.

РЕЛИГИОЗНО-МИСТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ И ОРДЕНА В РОССИИ (1900–1917)

Как ни важно для нас уяснение подлинной роли кадетского или политического масонства в истории России XX века, не следует забывать, что оно все-таки всего лишь вершина айсберга¹, с которым столкнулся в начале века громадный и неповоротливый корабль российской государственности.

Проникновение в толщу русского материка масонской «подземной реки», неумолимо и методично размывающей самые глубинные основы традиционного русского самосознания, началось, конечно же, задолго до февральско-мартовских дней 1917 года. Продолжалось это проникновение и в послереволюционные годы, причем как до, так и после 1917 года видная роль здесь принадлежала практически неизвестным сейчас масонским (мартинисты, филалеты, розенкрейцеры) или масонствующим (спириты, теософы, софианцы) кружкам и группам российской интеллигенции. Непросто складывались отношения тайных интеллигентских сообществ и со спецслужбами. Особенно драматичный характер приобрели они в 1920-е годы.

Масонская традиция утверждает, что первой попыткой легализации масонства в России после запрета его в 1822 году явилось посвящение в 1866 году в Копенгагене во Всемирное братство цесаревича Александра Александровича — будущего царя Александра III. Руководил его посвящением будущий тесть — датский король Кристиан IX.

Большого впечатления на воспитанного в национальном духе наследника российского престола масонская церемония, однако, не произвела. *«Да, все это интересно, — заявил он, — но боюсь, что преждевременно в России вводить»*².

Тем временем работа по распространению масонского «света» в России уже шла полным ходом. Первыми освоили русскую почву в этом плане спириты. Спиритизм (Spiritus — дух) как вера в возможность появления в мире физическом духов загробного мира был известен еще в глубокой древности. Однако в современном его звучании он берет начало с 1848 года, когда в американском городке Гайдесвилль проживавшую там семью Фокс стали беспокоить некие таинственные стуки в доме³. Одна из дочерей Фокс, Кэт, вступила путем перестукивания в контакт с таинственным незнакомцем. Им оказался дух убитого в этом доме 31 год назад человека. Сестры Кэт были признаны медиу-

мами или посредниками между миром духов и людей. Желавших вступить в контакт с духами умерших родственников оказалось немало, и у сестер Фокс появились последователи не только в Америке, но и в Европе.

В России первые спиритические сеансы были устроены в 1853 году и сразу же вызвали горячие споры. В 1875 году по предложению профессора С.-Петербургского университета Д.И. Менделеева была образована комиссия для изучения спиритических явлений. Членам ее были показаны два медиума, доставленные из Англии горячим пропагандистом этого учения профессором Н.П. Вагнером, — братья Петти, и женщина-медиум Кляйер. Результаты их медитации оказались плачевными, и комиссия констатировала, что спиритизм есть не что иное, как обман и суеверие. Это, однако, несколько не охладило приверженцев учения, в числе которых был и известный химик, академик А.Н.Бутлеров⁴. Присущая спиритизму способность увлекать неопита чудесами и необычными для обыденного восприятия феноменами способствовала популярности этого явления.

В 1905 году на основе московского спиритического кружка и редакции оккультного журнала «Ребус» было образовано «Русское спиритическое общество». Деятельными членами его уже буквально с первых шагов стали М.И. Сизов, М.П. Киселев и М.А. Эртель⁵.

Наибольшую известность среди спиритических кружков и групп 1907–1908 гг. получил кружок (до 15 человек), группировавшийся вокруг издателя журнала «Спиритуалист» почетного гражданина Владимира Павловича Быкова. При нем также издавались оккультный журнал «Голос всеобщей любви» и газета спиритуально-оккультного направления «Оттуда». Важно подчеркнуть наличие у В.П. Быкова, который являлся мастером стула одной из московских лож и поддерживал тесные связи с масонами Чернигова и Петербурга, посвятивших тетрадей, паролей и знаков некоего ордена розенкрейцеров. Это, во-первых, исключает самостоятельный характер работ московских «братьев», а во-вторых, прямо указывает на их связь, ввиду союза двух орденов, с мартинизмом. Едва ли случайно поэтому, что уже в январе 1908 года московские «братья» посылают в Париж к главе ордена мартинистов Папюсу своего представителя с приглашением принять участие в работе журналов и, что самое любопытное, получают его полное согласие на это. Никак нельзя поэтому согласиться с А.Я. Аврехом в оценке В.П. Быкова как *«обыкновенного проходимца, который делал весьма выгодный бизнес на глупости и суеверии замоскворецких клиентов»*⁶.

В 1910 году В.П. Быков участвовал в работе Всемирного конгресса спиритов в Брюсселе, где русским делегатам было прямо заявлено, что только из-за отсутствия в России политиче-

ских свобод и изобилия невежества и темноты в народе у них еще держится представление о Христе как о Боге. Во всех других странах, за исключением двух небольших религиозных общин в Швейцарии, спириты уже давно развенчали Спасителя и считают его обыкновенным человеком, и даже обыкновенным медиумом. Более того, современный медиум-целитель Пиле из Дуэ якобы имеет больше основания называться Христом.

«И эти страшные слова, — пишет В. Быков, — при взгляде на жирного, с лоснящейся физиономией француза Пиле, присутствовавшего при этой кощунственной речи, были громовым ударом для бедных русских делегатов от русского спиритизма, уже давно катившихся по наклонной плоскости, но еще бывших на некотором расстоянии от такого конца»⁷.

Так, к удивлению многих, вчерашний горячий пропагандист этого учения в одночасье превратился в его яростного ниспровергателя⁸. *«Могу уверить горьким опытом, — писал он теперь, — что девять десятых спиритических феноменов представляют собою результат самой бессовестной грубой подделки, в которой души умерших не принимают ни малейшего участия». Вместе с тем, наряду с обыкновенным мошенничеством на почве галлюцинаций, самовнушения, гипноза и коллективного психоза, в спиритических сеансах, доказывал он, присутствует и нечто большее, вырастающее в «яркую картину мировой борьбы с Богом и святой церковью. Сила эта есть не что иное, как сила Сатаны»⁹.*

Повальное увлечение российской интеллигенции спиритизмом и столоверчением во многом облегчило восприятие ею более сложного религиозно-мистического учения масонского характера, каким является теософия.

Основу теософской мудрости составляет герметическая философия, названная так по имени Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего) — легендарного автора учения, дошедшего до нас в 14 книгах (или отрывках из них) египетско-греческого происхождения. В литературе эти книги получили название герметических (Гермес, как известно, древнегреческий бог, сопровождающий души умерших в загробный мир, и покровитель тайного знания). Само учение представляет собой сплав египетского многобожия, иудейско-христианского монотеизма и греческого философского идеализма. Его элементы встречаются практически во всех религиозно-философских учениях древности от брахманизма и древнееврейской каббалы до розенкрейцеров. В современном понимании теософское учение сложилось, однако, только во 2-й половине XIX века. Основоположителем его является Елена Петровна Блаватская (урожд. Ган) — двоюродная сестра графа С.Ю.Витте, выдававшая себя за ученицу и посланницу великих буддийских мудрецов, якобы живущих в горах Тибета¹⁰.

Несостоятельность теософских претензий Е.П. Блаватской

убедительно показал в свое время в хорошо известной специалистом брошюре «Современная жрица Изиды» близко знавший ее Всеволод Соловьев¹¹.

В 1875 году вместе с английским полковником Генри Олькоттом Блаватская основывает Теософское общество в Нью-Йорке, ставящее целью образование первоначального ядра будущего всечеловеческого братства, развитие сверхъестественных сил человека, изучение и пропаганду религиозно-философских учений древности¹². Основной труд Е.П. Блаватской — сочинение «Тайная доктрина»¹³.

Главной задачей человека современные теософы считают познание им Бога в себе самом путем добродетельной и созерцательной жизни. Важной составной частью учения является вера в перевоплощение человека и многократность его существования на Земле, а также стремление к созданию мировой универсальной религии. Бог в представлении теософов есть совокупность мира, проявление которого можно наблюдать во всей природе¹⁴.

В России московское и петербургское теософические общества были созданы в 1908 году. Петербургское общество возглавила А.А. Каменская. Официальным органом общества был журнал «Вестник теософии». Среди русских последователей этого учения был и Н.К. Рерих, развивавший в своих произведениях мысль о легендарных Учителях человечества, постигших законы эволюции мироздания, и о легендарной Шамбале, где якобы живут эти Учителя.

Многие видные теософы (Е.П. Блаватская¹⁵, Анна Безант¹⁶ и др.) были членами масонских лож. Н.К. Рерих был посвящен в 1919 г. в одной из эзотерических масонских лож в Лондоне и входил в мексиканский капитул ордена «Розы и креста», управлявший ложами системы «Права человека»¹⁷. Отдали дань увлечению теософией и масонством Андрей Белый, Вячеслав Иванов и другие поэты-символисты. Однако официально теософы отрицают свою связь с масонскими ложами. Во всемирном братстве им отведена роль своеобразного идеологического прикрытия «вольного каменщичества».

Яснее всего темная духовная сущность теософии проявляется в ее отношении к христианству; теософы решительно отрицают Божественность Христа, который для них не более чем медиум.

Весьма популярным среди российской интеллигенции предреволюционных лет было и учение антропософов, объединявшее в своих рядах последователей Рудольфа Штейнера (1861–1925) — генерального секретаря немецкого отделения Теософского общества. В 1913 г. он порывает с теософией и основывает собственное Антропософское общество (январь 1913) с центром в г. Дорнахе (Швейцария). Считается, что антропософия — это теософия, так сказать, высшего порядка, предназначенная для

тех, кто хочет внести в нее дух научного знания. *«Она увлекала, — как писал Н.А. Бердяев, — более культурных людей».*

Каких-либо принципиальных отличий от теософии антропософия не содержит: просто индийские мотивы, которыми проникнута теософия, отодвинуты здесь на второй план, а на первый план выдвинуто христианство и Библия. Собственно, «просветлением» и очищением человека в смысле приближения его к «истинно христианским ценностям» и занимаются антропософы. В целом антропософия представляет собой причудливую смесь восточной теософии, еврейской каббалистики, пифагорейской и неоплатоновской мистики, манихейства, астрологии и масонства. Следует иметь в виду, что сам основоположник антропософии инженер Рудольф Штейнер был видным масоном.

Русское Антропософское общество в Москве¹⁸ было открыто уже 20 сентября 1913 года в день положения краеугольного камня будущего антропософского храма Гетеанума в Дорнахе. Первым председателем Антропософского общества стал Б.П. Григоров, в 1921 г. его сменил Т.Г. Трапезников.

10 октября 1913 г. было зарегистрировано и петербургское отделение общества. Возглавила его жена инженера путей сообщения Елизавета Васильева. Секретарем общества стал Борис Леман.

Среди наиболее горячих пропагандистов антропософского движения в России — Андрей Белый (Бугаев)¹⁹, его вторая жена Клавдия Васильева, М.Я. фон Сиверс, О.Н. Анненкова, М.А. Сабашникова (первая жена М.А. Волошина), М.А. Столяров, В.О. Анисимова (Станевич), А.С. Петровский.

Идеей фикс антропософов этого времени стало сооружение специального антропософского храма в Дорнахе — так называемого «Гетеанума». Деятельное участие в этом строительстве принимала русская художница Анна (Ася) Алексеевна Тургенева, троюродная внучка великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева, оставившая об этом периоде своей жизни любопытные, хотя и поверхностные воспоминания²⁰. Здесь же находился вплоть до 1916 года и поэт Андрей Белый (в Германию он уехал в 1912 году), Мария Яковлевна фон Сиверс (1866–1948), вышедшая в 1914 году замуж за Рудольфа Штейнера, и другие русские антропософы. Связи русских и немецких последователей Р. Штейнера были, таким образом, самыми тесными.

В 1923 г. Теософское и Антропософское общества были формально закрыты, хотя фактически продолжали существовать вплоть до конца 1920-х годов. Первый серьезный удар по ним нанесли аресты 1927 года. Окончательно же их добились в 1931 году, когда большая часть участников движения оказалась в ссылках и лагерях.

Активно подвизались в начале XX века на русской почве и

духовно-мистические ордена: мартинисты, розенкрейцеры, рыцари-филалеты (друзья истины), иллюминаты.

Председателем петербургского отделения ордена иллюминатов был Фриц Дезор. Среди членов: А. Маркович, А. Лосская, А. Трояновский, М. Исаев, Н. Дондукова и др. Как утверждал В.Л. Вяземский, в Кронштадте еще в начале XX века работала и новиковская ложа «Нептун», членом которой был якобы сам академик А.Н. Пыпин (умер в 1904 году), Н.Н.Беклемишев и ряд других лиц²¹. Хорошо осведомленный современный исследователь масонства А.И. Серков относится к этой версии скептически²². Это и понятно вследствие практически полного отсутствия документальных подтверждений данного факта.

Не так много знаем мы, к сожалению, и о другом масонско-мистическом ордене, действовавшем на территории дореволюционной России, — Рыцарей Филалетов (друзей истины). Орден этот был основан во Франции еще в 1890 году неким масоном шотландского обряда Алкаестом. В самом конце 1890-х годов там же, в Париже, была учреждена и центральная ложа ордена — «Карма», объявившая себя преемницей ордена средневековых розенкрейцеров. Первые ложи ордена филалетов в России — «Пирамида» и «Карма» были учреждены при покровительстве великого князя Александра Михайловича еще в 1898 году²³. В 1900-е годы большой поклонницей идей ордена становится русская феминистка Варвара Авчинникова-Архангельская. В 1910 году она получает назначение делегата ордена в России. В Петербурге В.Авчинникова-Архангельская была поддержана уже упоминавшимся адъютантом великого князя Александра Михайловича, председателем Лиги обновления флота (с 1912 года) Николаем Николаевичем Беклемишевым (1887–1957)²⁴. На страницах редактируемого им журнала «Море» была развернута (правда, под прикрытием критики западного политиканствующего масонства) самая настоящая пропаганда масонских идей в нашем Отечестве²⁵.

В 1914 году В.В.Авчинникова-Архангельская неожиданно умирает, и Великим провинциальным мастером ордена филалетов в Санкт-Петербурге становится Н.Н. Беклемишев. К 1917 году под его руководством известны, в частности, следующие ложи ордена: «Северная пирамида», «Два горизонта», «Четыре элемента», «Нептун» и «Карма». Одну из этих лож («Карма») возглавлял, судя по всему, великий князь Александр Михайлович. Впрочем, Л.Д. Кандауров в своей «Записке» утверждал, что великий князь всего лишь покровительствовал ордену²⁶. В 1916 году в Петрограде была открыта еще одна мастерская ордена филалетов — Великая ложа «Астрея». 12 апреля 1917 года в ложе «Карма» получил посвящение А.П. Веретенников. Формально ложа просуществовала вплоть до конца 1919 года. Собирались «братья» обычно в гостинице «Англетер». Деятельнейшим чле-

ном этого сообщества был секретарь германского генерального консульства в Петрограде Юлиус Германн²⁷.

Самой таинственной оккультной организацией дореволюционной России, вне всякого сомнения, могут считаться розенкрейцеры. Каббалистический орден Креста и Розы был воссоздан в 1880-х годах во Франции Станиславом Гуайта. Его последователи считают себя наследниками традиций знаменитого Братства розенкрейцеров XVI–XVII столетий. Особенностью ордена является чрезвычайно скрытный характер его деятельности и поощрение образования вокруг себя различного рода свободных групп и ассоциаций, из которых розенкрейцеры и черпают свежие силы. Розенкрейцеры, отмечает исследователь ордена Ю.П. Граббе, работают, состоя не в рядах масонства, а значительно выше его (18-я степень в масонстве есть степень розенкрейцера)²⁸.

Из петербургских лож ордена достоверно известно только о кружке Александра Каспаровича Кординга в Озерках (основан 30 июня 1907). Кроме того, есть упоминания и о существовании розенкрейцерских лож в Москве, Саратове, Казани и Нижнем Новгороде. Лож в Полтаве («Кирилл и Мефодий»), Киеве («Северное сияние») и Феодосии («Иордан») работали под управлением центральной ложи «Нарцисс»²⁹. Более точными сведениями об их деятельности исследователи, к сожалению, не располагают, так как розенкрейцеры имеют обыкновение работать «в тиши», не афишируя своей деятельности.

К розенкрейцерским сообществам следует отнести и так называемую ложу «Астрей», учрежденную в 1908 году на основе мистического кружка Петра Александровича Чистякова — издателя оккультного журнала (вышло всего несколько номеров) «Русский франк масон». Инициатива учреждения ложи принадлежала британскому подданному из русских евреев Ивану Федоровичу Персицу (Джеймс Перси). Настоящее имя Персица — Хаим Исаак Завелевич. Родился он 15 октября 1877 года в Москве в еврейской купеческой семье. С 13 лет жил за границей, причем в последнее время перед возвращением в Москву (май 1908) в Лондоне. В России он выдавал себя за представителя англо-американского масонства. Этим он привлек к себе внимание не только московских простаков, не подозревавших, что имеют дело с секретным сотрудником Департамента полиции³⁰, но и газетчиков. Поскольку Джеймс Перси публично заявлял, что он хлопочет об открытии масонских лож в России, один из них напомнил ему, что с 1822 года масонство в России запрещено. *«Да, я знаю это, — парировал Дж. Перси, — но объясняется это тем, что представители властей знакомы с учением масонов по французским ложам, а не по английским. Английское масонство — враг всякой политики, и я уверен, что, познакомившись с ним, правительство разрешит нам пропаганду его в России. Я еду в бли-*

жайшее будущее в Петербург, куда имею много рекомендательных писем»³¹. Что двигало Джеймсом Перси, когда он делал это явно провокационное заявление, остается только гадать. Но масонская ложа в Москве с помощью П.А. Чистякова была им все же, судя по всему, организована.

Мастером стула этой во многом «полицейской» по своему происхождению ложи стал, благодаря своему авторитету в кругах московских оккультистов, П.А. Чистяков. Секретарем при нем, по утверждению И. Персица, была известная исследовательница масонства Т.О. Соколовская. 21 декабря 1908 года, когда члены ложи собрались на квартире П.А. Чистякова для проведения своего обыкновенного заседания, туда неожиданно нагрянула полиция. «Братьев» наскоро переписали и предложили разойтись по домам³². Что касается И.Ф. Персица, то, как английский подданный, он был выслан в Австро-Венгрию³³, оставив в архиве «охранки» так называемый «Список членов масонской ложи «Астрей». Единственным человеком, который этот список видел, был в 1917 году, по его утверждению, С.П. Мельгунов³⁴. Что касается дальнейшей судьбы И.Ф. Персица, то в феврале 1912 года он вновь появился в Москве. Продолжилось и его секретное сотрудничество с Департаментом полиции³⁵.

Практически одновременно с орденами филалетов и розенкрейцеров активно работали в России и тесно связанные с ними мартинисты. Не следует забывать, что неперенным условием посвящения в 18-ю розенкрейцерскую степень «братьев»-масонов является успешное прохождение ими герметической науки у мартинистов. Мартинизм — одна из наиболее распространенных форм эзотерического масонства. Основан был орден в 1890 году во Франции врачом практиковавшим в области гипноза, Жераром Энкоссом (1860–1916), более известным под своим эзотерическим именем «Папюс». Большой вклад в становление ордена внес еще один известный оккультист — Огюст Шабосо. Масонская традиция связывает истоки учения мартинистов с деятельностью знаменитого мистика XVIII века Мартинеса Паскалиса. Большой вклад в развитие учения и становление организационной структуры внесли во второй половине XVIII века ученики и последователи Паскалиса Ж.-Б. Виллермоз и Клод Сен-Мартен, именем которого и был назван орден. Декларируемая цель мартинистов вполне в масонском духе: нравственное возрождение личности и всего человечества.

Главное средство в достижении поставленной цели они видели в личном примере, в *«духовно-нравственном подъеме своих членов», что обеспечивалось их неустанными поисками «духовного» сближения с Божеством в лице Исккупителя. Пантаклем ордена мартинистов является черный круг с двумя пересекающимися треугольниками (светлою вершиною вверх и черною вершиною вниз).*

Начало проникновения мартинизма в Россию относится к 1894 году, когда в Петербурге появился первый делегат ордена, однако заметным оно становится лишь с деятельностью на этом поприще полковника графа Валериана Валериановича Муравьева-Амурского (брата министра юстиции). Еще будучи военным атташе во Франции, он увлекся оккультизмом и около 1895 года был принят в орден самим Папюсом. По возвращении из Парижа В.В.Муравьев-Амурский основывает в Петербурге в 1899 году первую в России мартинистскую ложу, подчиняющуюся Верховному совету ордена в Париже — «Аполлония».

К этому же времени относятся и сведения об увлечении мартинизмом Николая II. В начале 1900 года герцогиня Лейхтенбергская Анастасия Николаевна по поручению Николая II посетила во Франции некоего «святого» старца Филиппа Ансельм-Вашо из Лиона, чтобы убедиться в его чудотворной силе. Филипп родился 25 апреля 1849 года в Савоие в крестьянской семье и был известен во Франции к этому времени как целитель и гипнотизер. Законченного медицинского образования, как водится в таких случаях, он не имел и лечил внушением. 20 сентября 1901 года произошла личная встреча Николая II с мосье Филиппом в Компьене³⁶, организованная все той же герцогиней Лейхтенбергской, после чего глубокой осенью того же года по личному приглашению царя почтенный старец прибыл в Петербург. По сведениям П.А. Бурышкина, первое посещение Филиппом Вашо России было непродолжительным (около двух месяцев) и ограничивалось Царским Селом, где он вместе со своей дочерью госпожой Лаланд был на попечении дворцового коменданта П.П. Гессе.

Второй визит, в ходе которого старец посетил Крым, где он жил во дворце великого князя Петра Николаевича, П.А. Бурышкин относит к осени 1902 года. В принципе, это вполне согласуется с выводом исследователей о центральной роли в этой истории доклада руководителя русской заграничной агентуры в Париже П.А. Рачковского, смело разоблачившего «святого старца» как авантюриста и агента масонов. Доклад этот стоил карьеры П.А. Рачковскому. 15 октября 1902 года он был уволен в отставку³⁷. Однако другой исследователь, А.М. дю Шайла, относил приезд Филиппа к осени 1903 года и даже называл точную дату его отъезда — 25 ноября³⁸. Примирить эти данные может, впрочем, предположение, что на самом деле первый визит Филиппа Вашо в Россию был более продолжительным, чем считал П.А. Бурышкин, и растянулся без малого на целый год.

Как бы то ни было, «святой старец», а именно так неизменно выставлял себя мосье Филипп, сумел полностью очаровать и подчинить своему влиянию как государя, так и в особенности его суеверную супругу. Характерно, что по настоянию Филиппа Николай II повелел руководству Военно-медицинской акаде-

мии в Петербурге выдать ему диплом доктора медицины. Одновременно с этим мосье Филипп получил чин действительного статского советника и, по некоторым, не вполне, впрочем, подтвержденным данным, получил назначение на должность инспектора по военно-санитарной части³⁹.

Как отмечал в своем дневнике за 30 августа 1902 года А.А. Полонцев, именно мосье Филипп внушил императрице путем гипноза навязчивую мысль о ее беременности. Однако когда она показалась врачам, оказалось, что это не так. Между тем история с мнимой беременностью императрицы получила огласку. Конфуз «старца» был, казалось бы, полным, и ему не оставалось ничего другого, как собираться в дорогу. Однако перед отъездом старец вновь предсказал императрице скорую беременность и рождение сына. *«Я видела госпожу Ольгу Мусину-Пушкину несколько раз после этого, — вспоминала позже уже упоминавшаяся нами госпожа Лаланд, — и она рассказала мне, что, едучи в карете императора и императрицы, мосье Филипп обещал императрице сына, и на этот раз не он, а царица поцеловала руку Учителя. У Ольги Мусиной-Пушкиной были на глазах слезы. Это обещание впоследствии исполнилось»*⁴⁰.

Важно подчеркнуть, что роль Филиппа при русском дворе не ограничивалась советами по медицинской части, что хорошо видно из переписки императрицы Александры Федоровны с Николаем II. *«Это не по моей воле, а Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Григорий всегда это говорил, т-р Philippe — тоже», — писала она своему супругу 16 июня 1915 года. Эта же тема неизменно присутствует и в целом ряде других писем государыни. «Вспомни, что даже т-р Филипп сказал, что нельзя давать конституцию, так как это будет гибелью России и твоей. И все истинно русские говорят это» (письмо от 14 декабря 1916 года)*⁴¹.

На медиумических сеансах по желанию царя Филипп якобы вызывал дух его отца Александра III, который советовал сыну крепить дружбу с Францией и подталкивал его к войне с Японией⁴². Советы эти не случайны, так как Филипп был не только целителем, но и крупным оккультистом и масоном, членом Верховного совета ордена мартинистов, своего рода духовным отцом Папюса.

2 августа 1905 года Филипп умер и был похоронен в местечке Лояс. Однако в России его не забыли. Мы уже указывали на ряд писем императрицы с упоминанием о «святом старце». В одном из них она прямо характеризует Филиппа как «одного из двух друзей, посланных нам Богом» (под вторым другом подразумевался, конечно, Григорий Распутин). Во многом странную и не всегда разумную приверженность царя дружбе с Францией объясняли тесными связями царя с парижскими орденами мартинистов и розенкрейцеров⁴³. На роль первого оккультного советника царя после смерти Филиппа выдвинулся уже известный

нам Папюс. Относительно времени его первого знакомства с царской семьей у нас нет точных данных. По сведениям Мориса Палеолога, первая поездка Папюса в Петербург относится к 1902 году⁴⁴.

Как бы то ни было, в самый разгар революции в России (октябрь 1905 года), когда для Романовской династии действительно наступили черные дни, именно к нему обратил свои взоры встревоженный монарх. Срочно прибыв по его приглашению в Царское Село, Папюс уже едва ли не на следующий день устроил здесь вызывание духа Александра III. Кроме царя и царицы, на этой тайной, по его словам, литургии присутствовал только один свидетель — адъютант императора капитан Мандрыка (несколько позже — губернатор Тифлиса). *«Ты должен во что бы то ни стало подавить начинающуюся революцию, — якобы заявил ему Александр III. — Но она еще возродится и будет тем сильнее, чем суровее должна быть репрессия теперь. Что бы ни случилось, бодрись, сын мой, не прекращай борьбы»*⁴⁵. *В последний раз в Петербург Папюс приезжал в феврале 1906 года*⁴⁶.

Конечно, некоторые детали изложенных здесь фактов неоспорны и нуждаются в дополнительном, в первую очередь документальном обосновании — слишком уж они необычны для нашего, ставшего уже традиционным восприятия личности последнего русского императора. Но сам факт увлечения Николая II и его супруги Филиппом Вашо и Папюсом, как, впрочем, и тесной связи царской семьи с этими проходимцами, не подлежит никакому сомнению.

С увлечением царской четы французскими оккультистами доктором Папюсом и мосье Филиппом связана и такая сложная проблема, как прикосновенность Николая II к масонству. Ведь мартинисты, по сути дела, — те же масоны. Речь идет о так называемой «царской» ложе «Крест и звезда» в Царском Селе, в которой якобы и посвятил мосье Филипп Николая II. О времени этого посвящения единого мнения среди исследователей нет. Так, согласно сведениям Л.Д. Кандаурова, ложа «Крест и звезда» была основана Филиппом Вашо еще в 1895 году. Но это очевидная ошибка, что подтверждается, в частности, и данными Департамента полиции, относящими ее учреждение к 1900 году и согласует ее со временем знакомства царской четы с Филиппом и последующим приглашением его посетить Россию. Согласно данным В.Л. Вяземского, Николай II лично председательствовал в ложе «Крест и звезда» *«учрежденной в Зимнем дворце под руководством опытных мартинистов Филиппа и самого Папюса»*⁴⁷. *Сведения эти Вяземский почерпнул из сочинения о Филиппе главы ордена мартинистов 1920-х годов Жана Брико.*

Современный российский исследователь А.И. Серков полагает, что легенда эта не имеет под собой реальной исторической основы⁴⁸, однако доводов в пользу своего предположения не

приводит. А следовало бы. Ведь сведения о пребывании Николая II в мартинистской ложе содержатся и в других источниках, в частности в брошюре Кружка русских масонов в Лондоне (1928)⁴⁹. О том же сообщает в своей записке (ЦХИДК, ф.730, оп.1., д.172, л.33) и хорошо информированный Л.Д. Кандауров. *«В числе членов ложи, — пишет он, — был император Николай II. Собрания открывались и закрывались молитвословиями. Ритуал был выработан собственный. Интересовалась ложа главным образом вопросами религиозно-нравственными. Как говорят, созыв первой Гаагской мирной конференции (1899 г. — Б.В.) был вызван в значительной степени влиянием этой политики. Позднее царь отвернулся от оккультизма и обратился к святому Серафиму Саровскому, перестав посещать ассоциацию».* О.Ф. Соловьев склонен верить сообщениям о масонстве Николая II⁵⁰.

К этому же склонялся и известный русский историк Ю.В. Готье: *«Очередная беседа с А.А. Тихомировым (бывшим ректором и попечителем Московского университета), — отмечал он в своем дневнике за 12(25) мая 1920 года, — который говорил в виде предположения, что Николай II в свое время был не без греха в масонстве и участвовал в черных мессах; он ссылался при этом на лиц, бывших близкими ко двору с заднего крыльца. Кто знает, быть может, в этом есть доля правды»*⁵¹. Сомнения, впрочем, все же остаются.

Что касается обособленности этой ложи от других мартинистских кружков и групп, то объяснить это можно ее особым положением как ложи, в которую входил сам император. В результате сношения поддерживались главным образом только с французской мартинистской ложей в городе Тур. В 1902–1903 гг. Николай II отворачивается, как уже отмечалось, от оккультизма и фактически прекращает посещать ложу, которая тем не менее просуществовала вплоть до 1916 года. *«Полицейские скоро напали на след мартинистов, — отмечал в своей записке Л.Д. Кандауров, — группировавшихся вокруг издававшегося в Царском Селе журнала «Ребус», среди которых было несколько великих князей (Николай Николаевич, Петр Николаевич, Георгий Михайлович) и лиц, близких ко двору. Их не тронули»*⁵².

Как бы то ни было, громадное влияние Филиппа на Николая II и его жену не подлежит сомнению. *«У их величеств, — вспоминала Анна Вырубова, — в спальне всегда стояла катанная рамка с засушенными цветами, данными им т. Philippe, которые, по его словам, были тронуты рукой самого Спасителя»*⁵³. И дело тут совсем не в том, что у Григория Распутина, оказывается, при царском дворе был французский предшественник — мосье Филипп, а в так характерном для Николая II мистически-религиозном умонастроении, которое, собственно, и довело его до Ипатьевского дома. Что уж тут говорить о масонской ложе, тем более что масонский характер мартинизма далеко не очевиден для не-

посвященных. Ведь основные усилия членов этого ордена направлены на овладение тайным знанием, в благих, разумеется, целях — ради спасения человечества от бедности, войн и других напастей. Что касается посвятительной традиции и ритуальной стороны в практике ордена, то ей не уделялось серьезного внимания. А ведь посвятительно-символическая работа, собственно, и составляет основу нравственного масонства. Все это позволяет некоторым исследователям характеризовать орден мартинистов лишь как формально-масонскую организацию⁵⁴. Такой же формально-масонской могла быть, если следовать этой логике, и прикосновенность к масонству Николая II. Несмотря на кажущуюся экзотичность, сама по себе версия о мартинизме Николая II правдоподобна и вполне имеет право на существование. Тем более что, как уже отмечалось, ближайшие родственники царя князья Николай и Петр Николаевич (внуки Николая I и двоюродные братья Александра III), а также великий князь Георгий Михайлович, будучи мартинистами высокого посвящения, продолжали свои работы в Царском Селе вплоть до 1916 года. Заядлым оккультистом был и великий князь Александр Михайлович (брат Георгия), возглавлявший в Петербурге накануне войны масонскую ложу розенкрейцерского толка, состоявшую из придворных аристократов.

Роль ложи-матери петербургских мартинистов в 1900-е годы играл «масонский кружок» актрисы императорской труппы Ольги Ивановны Мусиной-Пушкиной, куда, помимо В.В. Муравьева-Амурского, входили: ротмистр лейб-гвардии конного полка Д.Ф. Левшин, библиотекарь Зимнего дворца А.И. Леман, а также «братья», укравшиеся за инициалами П.Н. и Н.Н. Сюда же входил и сам Папюс. Первоначально «кружок» пытался воздействовать на императорский двор через аббата Филиппа, а после его отъезда из России действовал непосредственно через Папюса.

Видное место среди масонско-оккультных кружков и групп Петербурга этого времени занимал кружок почетного академика, ответственного редактора (с 1909 года) либерального журнала «Вестник Европы» Константина Константиновича Арсеньева (1837–1919), который, в свою очередь, состоял в тесной связи с Папюсом. В этот кружок входили бывший профессор Московского университета князь Е.Н. Трубецкой, шталмейстер двора его величества князь А.Н. Оболенский, член Государственного совета С.К. Войналиченко, адъютант великого князя Сергея Михайловича гвардейский капитан С.М. Война-Панченко, полковник В.Н. Андронников, княгиня В.Ф. Гагарина и др. Как и члены «кружка» Мусиной-Пушкиной, К.К. Арсеньев и его «братья» также стремились воздействовать на двор, в частности, через шталмейстера А.Д. Оболенского. Есть сведения и о связях кружка Оболенского с английскими (через некую Мари Поле) и

американскими масонами⁵⁵. Окультические бдения в доме Арсеньева продолжались вплоть до его смерти в 1919 году⁵⁶.

В связи с масонскими бдениями у К.К. Арсеньева в Петербурге стоит, очевидно, упомянуть и об аналогичном кружке в Москве. Возглавлял его тоже Арсеньев. Правда, не Константин Константинович, а Василий Сергеевич (1829—1915). Как и его петербургский родственник и собрат, он также был потомственным масоном. Ведь отец его входил в свое время в ближайшее окружение самого Н.И. Новикова. Мать была дочерью известного масона В.Д. Комынина. Масоном был и дядя матери Л.В. Левшин. Несмотря на то что масонство в николаевское время официально как бы и не существовало, обстоятельство это нисколько не помешало В.С. Арсеньеву вступить в 1850 году в ложу.

Но вернемся в оккультно-масонский Петербург начала века. Из других кружков и групп этого времени здесь можно отметить еще и так называемую «масонскую фракцию» «Деница», куда входили уже известные нам О.И. Мусина-Пушкина, М.И. Доможирова (вдова контр-адмирала), частный поверенный Б.В. Никольский, И.Н. Семенов (муж известной писательницы В.И. Крыжановской) и ряд других лиц.

Особый интерес вызывает дьявологическая ложа «Люцифер» (1910—1916), принадлежавшая к московскому капитулу ордена розенкрейцеров («Астрей»), куда входили увлекавшиеся декадансом представители творческой интеллигенции, среди которых были поэты-символисты: Вяч. Иванов, В. Брюсов, А. Белый, А. Петровский, а в период работы над мистической пьесой «Роза и Крест», возможно, и Александр Блок⁵⁷.

В январе 1906 года В.В. Муравьев-Амурский опубликовал в ряде газет («Русское слово», «Русские ведомости») объявления о вызове им лиц, желающих вступить в масонские ложи, и получил в ответ на свое приглашение 63 письма. В числе отозвавшихся был и внук масона Александровского времени (ложа «Соединенных друзей») судебный исполнитель из города Владимира Петр Михайлович Казначеев (р. в 1854). В 1907 году В.В. Муравьев и его ближайший помощник М.К. Исаев лично прибывают во Владимир с целью посвящения в мартинисты как самого П.М. Казначеева, так и его сына Дмитрия, а также жену и дочь Петра Михайловича. Одновременно в мартинисты были посвящены и братья К. и М. Соковнины⁵⁸. Так во Владимире летом 1907 года возникла еще одна мартинистская ложа — «Святого Иоанна».

Тем не менее общее число мартинистов в России было крайне незначительным. Так, даже в Петербурге во времена Муравьева число членов его кружка едва превышало 10 человек. Можно поэтому констатировать, что распространение мартинистских лож в России того времени не подкреплялось сколько-нибудь серьезной работой по руководству их деятельностью

со стороны генерального делегата ордена для России графа В.В. Муравьева-Амурского, относившегося к своим обязанностям весьма своеобразно: лож он не открывал, посвятителных тетрадей не вручал и посвящал сам безо всякого ритуала и часто сразу в третью степень. Кроме того, граф много играл на бирже, причем котировку бумаг предыдущего дня ему безошибочно угадывала постоянно сопровождавшая его женщина-медиум.

Возникшие на этой почве недоразумения В.В. Муравьева с Папюсом, которого он обвинил в люциферанстве, привели к тому, что незадачливый граф, связывавший свои неудачи в биржевой игре с происками сатанистов, вынужден был в 1907 году оставить должность. Ушел из ордена и его помощник М.К. Исаев, правда, не к профанам, а в берлинский орден иллюминатов, отделение которого было открыто в Петербурге в 1908 году. Среди первых членов этого ордена был, в частности, известный переводчик сочинений Папюса на русский язык А.В. Трояновский⁵⁹.

Должность руководителя русских мартинистов оставалась вакантной вплоть до 2 мая 1910 года, когда генеральным делегатом ордена в России был назначен хиромант и спирит, автор популярных брошюр по этой теме («Страдания самоубийцы в потустороннем мире». СПб., 1910; «Графология». СПб., 1903 и др.) граф Чеслав Иосифович Чинский.

Родился он в 1858 году в Варшавской губернии. До 1890 года жил в Кракове, выдавая себя за гипнотизера. В марте 1893 года был выслан из Пруссии, после чего поселился в Дрездене. Лечил стареющих дам «бальзаковского возраста» наложением рук на живот. С женой не жил. Неприятности у Чинского начались после того, как, соблазнив баронессу Ядвигу Цедеш, он вступил с ней в фиктивный брак под именем пастора Веретемана. В дело вмешались, однако, отец и брат потерпевшей, подавшие на Чинского в суд. Вердикт суда (17–20 декабря 1894 года, Дрезден) был суров: три года тюрьмы и «потеря чести» на пять лет.

В Петербурге Ч.И. Чинский появился еще в 1906 году. Здесь под псевдонимом «Пунар-Бхава» он публиковался в «Биржевых ведомостях». За умеренную плату предсказывал будущее и подавал советы на все случаи жизни. Имел хорошую клиентуру, состоявшую в основном из состоятельных дам романтического унастроения⁶⁰.

В Петербурге делегат ордена поселился по адресу: Кузнечный переулок, дом 16/19, в квартире Е.К. Лосской, вдовы приносящего поверенного, с которой, по сведениям Департамента полиции, видимо, и сожительствовал.

Главная задача, которая стояла перед ним, заключалась в объединении мартинистских лож в стране в рамках единой организации — русского отделения ордена, в связи с чем уже 9 июля 1910 года он представил петербургскому градоначальнику заявление с просьбой о легализации мартинизма в России⁶¹. Впро-

чем, не дожидаясь разрешения, которое так и не последовало, Чинский стал открывать ложи явочным порядком, щедро раздавая высокие масонские степени своим новым знакомым. К этому времени относится знакомство Чинского с выходцем из Лифляндии (родился в 1868 году в Риге) бароном Григорием Оттоновичем Мебесом — наиболее серьезным и глубоким из оккультистов России.

Г.О. Мебес после окончания в 1891 году физико-математического факультета Петербургского университета оставил мечты о карьере и всецело посвятил себя изучению «тайного знания». Глубокий ум, прекрасное знание древних языков (греческий, латинский, древнееврейский), не говоря уже о языках новых, а также солидная математическая подготовка позволили ему создать фундаментальный «Курс энциклопедии оккультизма» в двух томах (вышел в 1913-м) — наиболее серьезное пособие по этому предмету не только в русской, но и западноевропейской оккультной литературе того времени. В 1906–1917 годах Г.О. Мебес — преподаватель математики в Пажеском корпусе и Николаевском кадетском корпусе. Его женой была Ольга Евграфовна Нагорнова, с которой он порвал в 1912 году, что не помешало ей играть впоследствии видную роль в мартинизме. *«Худой, очень некрасивый, с каким-то немного перекошенным лицом, с пенсне на носу»⁶², Г.О. Мебес являл собой пример ученого поистине энциклопедических знаний. «Вся внешность Григория Оттоновича, — пишет А.М. Асеев, — производила впечатление внутренней силы. Крупный, с широкими плечами, немного сутулый, резкие черты лица, с тяжелым горбатым носом и густыми бровями, нависшими над спокойными и всегда внимательными серыми глазами, густыми усами и клинообразной бородкой. Цвет волос рыжий, с проседью. Обычно был одет в черный сюртук. Манеры имел спокойные и несколько старомодные, говорил изысканно вежливо, зачастую вставляя в речь шутку»⁶³.*

Серьезное отношение Г.О. Мебеса к оккультизму и глубина его познаний в этой области произвели впечатление на Чинского, и, недолго думая, он предложил ему степень «Неведомого начальника» (полное мартинистское посвящение) и почетный диплом доктора герметизма Высшей герметической школы в Париже. В конце 1910 года Г.О. Мебес становится генеральным инспектором (секретарем) петербургского отделения ордена, Генеральной ложей которого (ложа-мать) стала «Великая ложа Аполлония Тианского», объединявшая вокруг себя малые ложи. В том же году 5 августа уже сам Г.О. Мебес официально открывает во Владимире мартинистскую ложу «Апостола Иоанна». Основной костяк ее составила уже известная нам семья Казначеевых и их ближайшие друзья и родственники. В 1911 году в связи с переездом Казначеевых в Москву ложа «Святого Иоанна» также была перенесена в Первопрестольную.

Деятельным членом ложи «Святого Иоанна» в Москве была актриса Л.Д. Рындина — жена известного политического масона С.А. Соколова. Большой интерес к деятельности московских мартинистов проявил уже известный нам патриарх русского масонства В.С. Арсеньев, сохранивший в своем архиве многие рукописи московских розенкрейцеров XVIII века. Основываясь на этих контактах русских мартинистов начала XX века, известный писатель-масон Ю.К. Терапиано даже писал, что благодаря знакомству П.М. Казначеева с В.С. Арсеньевым якобы произошло символическое слияние русского масонства новиковского толка с орденом мартинистов⁶⁴, что, конечно же, большая натяжка.

Существовала еще и третья мартинистская ложа — «Святого Андрея» в Киеве, которой руководил С.К.Маркотун. Известно также о существовании русской мартинистской ложи в Маньчжурии, которая, впрочем, скоро была «усыплена»⁶⁵.

Широкая известность Ч.И.Чинского привлекла внимание царя. Прибыв в октябре 1910 года по его приглашению в Царское Село, Ч.И. Чинский, как и его предшественник, аббат Филипп, стал вызывать дух Александра III. Облечившись в ритуальные одежды мага и заключив царя вместе с присутствующими в магический круг, с мечом в руке Ч.И.Чинский силился вызвать потустороннюю силу, определяющую судьбу России. В конце концов ему это удалось, и дух предсказал Николаю II великую войну и невиданные потрясения империи. Когда же заинтригованный царь осведомился о собственной судьбе и стал настаивать на ответе, то, как вспоминал позднее Чинский, раздался страшный шум, потух свет и магический алтарь опрокинулся. Царь был разочарован.

Это обстоятельство, а также скандальная слава, которую приобрел Чинский своими денежными аферами, привели к тому, что он был выслан в 1911 году под гласный надзор полиции в Белозерский уезд Новгородской губернии, где у него было имение Кочево. Продав его вскоре за 40 тысяч рублей, Чинский в декабре 1913 года покидает Россию. Воспользовавшись этим, Г.О. Мебес постарался избавиться от опеки парижских руководителей, объявив в августе 1912 года о провозглашении независимости русских мартинистов. Возглавляемую им ложу «Аполлония» Г.О. Мебес (посвятительное имя Butator) объявил великой ложей (Великий совет России). В ответ на это его начальник Ч.И. Чинский немедленно отстранил Г.О. Мебеса от дел. Управляющим Российской верховной делегацией ордена им был назначен П.М. Казначеев, который тут же выдал патент С.К. Маркотуну на учреждение ложи «Святого апостола Андрея» в Киеве. Окончательно ситуация прояснилась только к концу 1912 года, после официального сообщения Г.О. Мебесом Папюсу о своем разрыве с ним и учреждении в России самостоятельного ордена под названием «Автономный разряд мартинистов».

низма русского послушания» во главе с «невидимым магистром».

В 1913 году петербургские мартинисты во главе с Г.О. Мебесом образовали особую автономную цепь О.М.О.Р. с ярко выраженной тамплиерской окраской. В 1916 году она была преобразована в «Орден мартинистов Восточного послушания». Управлялся орден «Невидимым магистром» или Отцом (Г.О. Мебес). Его официальным представителем был ученик Г.О. Мебеса генерал-инспектор И.К. Антошевский (посвятительное имя Гиацинтус). Летом 1917 года, когда И.К. Антошевский был убит, его сменил в этой должности другой ученик Мебеса — В.В. Богданов. Капитул ордена состоял из семи лиц. Официальным печатным органом русских мартинистов был оккультный журнал «Изида».

Противоречия между петербургскими и московскими «братьями» имели принципиальный характер. Если П.М. Казначеев во главу угла ставил посвятительную традицию, что сближало его с философским или нравственным масонством, то Г.О. Мебес приоритетным для себя и своих учеников считал овладение оккультным знанием. На фоне подчеркнуто корректного отношения к христианству со стороны москвичей открыто антихристианская направленность оккультических бдений петербуржцев бросалась в глаза. Тем временем в 1915 году в Варшаве во время вступления туда немцев лишился рассудка Ч.И. Чинский, и управление русской делегацией ордена мартинистов перешло к П.М. Казначееву⁶⁶.

Декларативная цель, которую ставили перед собой русские мартинисты, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, подготовить идущего к Высшему посвящению (программа-максимум), а с другой — расширить среднее эзотерическое образование непознанных достойных посвящения.

А.М. Асееву принадлежит версия, согласно которой все три главные ветви русского посвятительного движения: масонство, мартинизм и розенкрейцерство существовали в виде отдельных и самостоятельных организаций. Однако руководил ими один и тот же человек — Г.О. Мебес. Нечего и говорить, что все три ордена работали в тесном контакте друг с другом и входили в них зачастую одни и те же лица. Мартинистские и розенкрейцерские ложи располагались, по сведениям А.М. Асеева, на квартире Г.О. Мебеса в Песках и были прекрасно обставлены⁶⁷. Комментатор текста А.М. Асеева Н.А. Богомолов отмечает, однако, что на самом деле квартира Г.О. Мебеса находилась не в Песках, а на углу Греческого проспекта и 5-й Рождественской. Это действительно так. К сожалению, Богомолов не учитывает того обстоятельства, что в 1917-м — начале 1918 года Г.О. Мебес действительно жил некоторое время в Песках, где учительствовал. Все это указывает на то, что А.М. Асеев был весьма и весьма хорошо информирован, и информации его можно, следовательно,

доверять. Хотя вывод его, что Г.О. Мебес якобы был негласным руководителем посвяtitельного движения в России не только начала века, но и в 1920-е годы — явное преувеличение. Другое дело, что и масоны, и мартинисты, и розенкрейцеры, в сущности говоря, звенья одной цепи — они всегда работали и работают в тесном контакте друг с другом. Скрытная деятельность их в России, а затем и в СССР продолжалась вплоть до 1925 года, когда ими всерьез заинтересовалось ОГПУ⁶⁸.

Стоит отметить, что за эти годы как московские, так и петербургские мартинисты проделали немалую эволюцию, суть которой заключалась во все большем и большем сближении их с масонами. Первый шаг в этом направлении был сделан с принятием в 1912 году в Италии известного киевского мартиниста С.К. Маркотуна в 18-ю шотландскую степень масонства. П.М. Казначееву же, как фактическому руководителю московской ветви ордена, и вовсе была присвоена высшая 33-я степень шотландского масонства.

На основании патента, выданного Великой ложей Италии, работала с 1914 года и киевская ложа «Нарцисс» (шотландский устав). В 1917 году под ее руководство перешли и братья из ложи «Соединенных славян». Ей же подчинялся и ряд лож в провинции («Кирилла и Мефодия» в Полтаве и «Иордан» в Феодосии). Председательствовал в ложе все тот же С.К. Маркотун. Среди ее членов были Ю.К. Терапиано и П.П. Скоропадский. В 1916–1917 гг. дело дошло и до официального учреждения мартинистами настоящих масонских лож.

В сентябре 1917 года киевская ложа «Андрей Первозванный» провозгласила себя «Великой ложей Украины» и существовала в качестве таковой на территории СССР вплоть до 1933 года. Любопытно, что среди ее членов были такие небезызвестные в отечественной истории деятели, как гетман Украины (1918) Павел Петрович Скоропадский и председатель Директории Украинской народной республики (с февраля 1919 года) Симон Васильевич Петлюра. Последний даже подвизался некоторое время (1919) в качестве великого мастера этой ложи⁶⁹.

В апреле 1917 года такая же ложа — «Семен Гамалея к кубическому камню» — была учреждена и в Москве. Кроме П.М. Казначеева, первыми членами ее стали Ю.К. Терапиано, переведенный как офицер в один из московских полков, и Леон Гольторп. Официальное открытие ее пришлось, однако, отложить на октябрь 1917 года, когда членами ложи стали барон А.Ф. Каульбарс, генерал И. Новицкий, Л. Хорват, Н.А. Назарьев и Ф.И. Шилов⁷⁰. Официальные заседания ложи «Семен Гамалея к кубическому камню» были прекращены 13 июня 1918 года. Неофициальные же работы «братьев» продолжались до 1920 года⁷¹. Знали о их существовании и масоны Великой ложи Франции, отправившие в 1923 году в Советскую Россию через масона

Н.П. Вакара ряд вещевых посылок «братьям» в качестве посылки гуманитарной помощи⁷². Заслуживает внимания и то, что к Великому Востоку Италии принадлежал и один из руководителей петербургских мартинистов в 1918–1919 годах Борис Викторович Кириченко (Астромов).

Недостаточное внимание Г.О. Мебеса, Б.В. Астромова и некоторых других руководителей оккультно-масонских кружков и групп начала века к посвятителю традиции позволяет отнести созданные и возглавляемые ими организации: «Орден мартинистов Восточного послушания» (1912), «Мартинезический разряд строгого Восточного послушания» (1919), «Автономное русское масонство» Б.В. Астромова, «Орден мартинистов» во главе с П.М. Казначеевым — не столько к масонским, сколько к парамасонским образованиям, считает А.И. Серков. Впрочем, в принципиальном плане суть дела от этого не меняется.

Спириты, теософы, розенкрейцеры, мартинисты не скрывают антиправославной, шире — антихристианской сущности своего учения. Сложнее обстоит дело с софианством или неоправославием, подрывающим под предлогом требований реформ православную церковь изнутри. Связь софианцев с масонством и розенкрейцерством не подлежит сомнению⁷³. Софианство произошло из «семян, упавших с символической Розы и проросших в плодородной почве современного общества», — отмечал Ю.П. Габбе⁷⁴.

Вопросом о розенкрейцерских истоках софианства занимался в свое время и П.А. Бурыйшкін. *«Вряд ли это можно утверждать, — пришел он к выводу, — если не считать антропософию своего рода розенкрейцерством, а самого Штейнера — прежде всего рыцарем Креста и Розы. Но косвенное влияние, может быть, и было»*⁷⁵. В том-то и дело, добавим мы от себя.

Основоположник учения о Святой Софии — Владимир Соловьев (1853–1900), обладая гениальным умом, представлял собой в то же время, как полагают некоторые исследователи, *«врожденно неполноценную личность с несомненными психопатическими чертами психической дегенерации. На слабых плечах своей телесной и нервно-психической неполноценности нес он тяжкое бремя яркой гениальности. Рано пробудившаяся и, «как жало во плоть», всю жизнь мучившая Соловьева патологическая эротика вместе с тлетворными влияниями неправославной, нецерковной мистики извратили его религиозный мистический опыт, пленили его в прелесть и увели в бесконечность блужданий в поисках истины — вне церкви»*⁷⁶.

Даже если согласиться, что присоединение В.С. Соловьева к католической церкви 18 февраля 1896 года (в Москве, в домашней часовне о. Н.А. Толстого) было канонически неправильным, одна его идея «соединения церквей» (уния), не говоря уже о его учении о Святой Софии, ясно показывает, насколько дале-

ко ушел он от ортодоксального, охранительного православия в духе отца Иоанна Кронштадтского.

Начитавшись в юности статей Д.И. Писарева, В.С. Соловьев глубоко проникся духом «шестидесятнического» нигилизма и утилитаризма. *«Но если Д.И. Писарев и Н. Добролюбов покушались только на искусство, пытаясь поставить и его на службу прогрессу, превратив каждое стихотворение в политическую прокламацию, то Соловьев пошел еще дальше. Он захотел саму религию заставить таскать каштаны для либералов-общественников. Его грандиозный синтез, — пишет современный исследователь, — был задуман с одной-единственной целью — мобилизовать все ресурсы, даже потусторонние, на службу посюстороннему прогрессу»⁷⁷.*

«Это, — писал сам В.С. Соловьев, разъясняя свое учение о Святой Софии, — мы с Богом, как Христос есть Бог с нами. Понимаете разницу? — Бог с нами, значит, он активен, а мы пассивны! Мы с Богом — наоборот, он тут пассивен, он — тело, материя, а мы — воля, дух»⁷⁸.

Но именно это-то как раз и требовалось по условиям того времени, таков был тогдашний, говоря языком нашего времени, «идеологический заказ». Отсюда и энтузиазм поклонников В.С. Соловьева, не жалевших усилий для пропаганды «модернизированного православия» своего кумира. Не смутило их и появление некоей Анны Шмидт, объявившей себя в 1900 году «тварным воплощением» Святой Софии, а Владимира Соловьева — земным воплощением Иисуса Христа, чего тот, правда, не признал⁷⁹.

Характерно, что в качестве «тварного воплощения» Святой Софии у каждого софиолога был, как говорится, свой персонаж женского пола. Если для Андрея Белого воплощением Подруги Вечной выступала Маргарита Кирилловна Морозова (урожденная Мамонтова — жена промышленника и мецената М.А. Морозова), которую он впервые увидел на симфоническом концерте в 1901 году (само знакомство произошло только в 1905 году), то у Александра Блока в качестве таковой выступает Незнакомка, Прекрасная Дама — Л.Д. Менделеева, вдохновлявшая в те годы его поэтическую музу.

31 июля 1900 года В.С. Соловьев умер. Это дало сигнал для возникновения среди его поклонников небольшого кружка, члены которого ставили своей задачей развитие и популяризацию учения о Святой Софии. Собирались они в Москве в доме брата знаменитого философа, Михаила Сергеевича Соловьева. Среди членов кружка — поэт Андрей Белый, А.С. Петровский, С.Н. Трубецкой, Л.Л. Кобылинский (Эллис), сын М.С. Соловьева — поэт С.М. Соловьев. Бывали здесь и В.Я. Брюсов, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус.

Центральной идеей, объединявшей этих людей, являлось учение Владимира Соловьева о Святой Софии как женственном

начале в Боге, неустанными поисками «познания» которого они и занялись. Что же касается подходов к проблеме, то здесь его участники разошлись. Если одних интересовала ее преимущественно религиозно-философская сторона, базировавшаяся на учении гностика II в. н.э. Валентина, то другие, напротив, перенося Святую Софию в область идейно-политическую, усматривали ее проявление в приближающейся революции в России.

Задача, которую они перед собою ставили, заключалась в идейной подготовке приближающегося революционного взрыва. Революции социально-политической, утверждали они, должна предшествовать «революция духа». Судя по тому, что в феврале 1917 года Русь, по выражению В. Розанова, «слиняла за три дня», отрицать вклад «революционеров сознания» в крушение исторической России не приходится.

Тем временем в 1903 году умирает М.С. Соловьев, и на месте его кружка возникает новая организация «Братство Аргонавтов», намекающее на древнегреческий миф о героическом путешествии в поисках золотого руна на корабле «Арго». Председателем «Арго» был поэт Андрей Белый. Среди членов — философы и поэты Л.Л. Кобылинский (Эллис), С.М. Соловьев, Г.А. Рачинский, П.И. Астров, А.С. Петровский, В.В. Владимиров, А.С. Челищев, М.А. Эртель, которые и составляли его основное ядро. Кроме них, собрания «Аргонавтов» посещали поэты К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, Ю.К. Балтрушайтис, философы М.О. Гершензон, Г.Т. Шпет, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, В.Ф. Эрн и другие.

В идейном плане «Аргонавты» были продолжателями кружка М.С. Соловьева. Святая София, согласно их представлениям, «открывается» только индивидуумам, коллективному сознанию она недоступна. Индивидуум созерцает ее как владычицу мира, в мистическом восприятии она — «душа мира», но может раскрыться и как «душа человечества». Ее откровения могут глаголить и народам.

С Братством «Аргонавтов» были тесно связаны русские символисты с характерным для них мистическим восприятием культуры (Д.С. Мережковский, В. Брюсов, К. Бальмонт, Вяч. Иванов, А. Белый и др.). У Д. Мережковского и З. Гиппиус это вылилось в поиски некой новой религии, у Вячеслава Иванова и Андрея Белого — в разработку теории символов как знамения и средства выражения новой реальности. Близок к «Аргонавтам» был и Александр Блок, хотя, живя в Петербурге, он не посещал их заседаний. У Блока, отмечал А. Белый, едва ли не раньше других «братьев» «выработалось конкретное учение о Софии», в котором он исходил из гностической системы Валентина⁸⁰.

«Для нас символизм, — писал в 1909 году Л.А. Кобылинский (Эллис), — дорог более всего как путь освобождения, неизбежно ведущий нас к единству воли и знания и к примату творчества над

познанием. *Этим он сближается с сокровенным ядром последних глубоких мистических учений и великих религий, с заветнейшими устремлениями и положениями оккультной науки и практики, превращая самых высших из среды своих последователей в жрецов как бы новой религии, посвященных Откровения, высочайшего среди всех в наши дни»⁸¹.*

«Аргонавты» не были тайной организацией или тайным союзом, но намерения создать его у них были, как это хорошо видно из письма Андрея Белого к Э.К. Меттнеру от 26 марта 1903 года, где он не только выражает такое желание, но и указывает на цель этого *«негласного общества (союза) — во имя Ницше — союз аргонавтов. Цель эзотерическая — путешествие сквозь Ницше в надежде отыскать золотое руно»⁸².*

Использование «аргонавтами» мифа о золотом руне, под которым алхимики понимают обычно полное описание герметических работ, ведущих к получению философского камня, весьма показательны. Так же как и то, что «золотым руном» мистики называют обычно готовую для «делания» материя⁸³.

Говоря об «Аргонавтах», следует иметь в виду, что это была свободная ассоциация людей искусства, литературы и науки, не связанная каким-либо уставом и не имеющая четко обозначенных контуров. А отсюда и непрочность, недолговременность этого объединения. В 1910 году кружок «Аргонавтов» прекратил существование. Одновременно с московским кружком и в тесной связи с ним работали и петербургские софианцы, группировавшиеся вокруг Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус, квартира которых получила среди «братьев» название «логовище мысли». Здесь собирались С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, А.В. Карташев, А.С. Аскольдов, И.М. Андреевский, Д.В. Философов, А.М. и С.П. Ремизовы, В.В. Розанов. Одной из излюбленных тем этой публики была теория «брака трех» (*menage en trois*), горячим пропагандистом которой выступал, в частности, Д.С. Мережковский.

Практическим воплощением этой идеи была некоторое время «тройка» — А.А. Блок, его жена Л.Д. Блок (Менделеева) и Борис Бугаев (Андрей Белый). *«Л.Д. мне объясняет, — отмечал в связи с этим А. Белый, — что Александр Александрович ей не муж; они не живут как муж и жена; она его любит братски, а меня подлинно; всеми этими объяснениями она внушает мне мысль, что я должен ее развести с Александром Александровичем и на ней жениться; я предлагаю ей это; она — колеблется, предлагая мне, в свою очередь, нечто вроде *menage en trois*, что мне не симпатично. Мы имеем разговор с Александром Александровичем, где ставим вопрос, как нам быть. Александр Александрович молчит, уклоняясь от решительного ответа, но как бы давая нам с Любовью Дмитриевной свободу...»⁸⁴.*

Да и что ему оставалось делать, если, по признанию самой

Любови Дмитриевны, «короткая вспышка чувственного его увлечения мной в зиму и лето перед свадьбой скоро, в первые же два месяца погасла, не успев вырвать меня из моего девического неведения, так как инстинктивная самозащита понималась Сашей всерьез»⁸⁵. По авторитетному свидетельству Андрея Белого, в интимном плане А. Блок был извращенец, неспособный на нормальный половой акт, и большой любитель так называемых «ночных фиалок». Интересующихся вопросом о том, что скрывается за этим специфическим термином, мы отсылаем к мемуарам Р. Гуля⁸⁶. Сказанное, как представляется, вполне оправдывает многочисленные любовные увлечения Л.Д. Блок. Наиболее сильное из них — К.Н. Кузьмин-Караваев, от которого она родила сына (это при живом-то муже, Александре Блоке!). Ребенок умер в 1912 году.

Любопытный штрих на тему нравственного облика этой богемы «серебряного века русской культуры» приводит в своих воспоминаниях поэт Максимилиан Волошин. Поэт Эллис (Л.Л. Кобылинский. — Б.В.) заговорил «при Брюсове: почему Вячеслав Иванов так восторгается Городецким (С.М. Городецкий, поэт. — Б.В.). Брюсов ответил ему: «Знаете, Лев Львович, нельзя быть таким наивным. Кто не знает, в каких отношениях Вячеслав Иванов и Городецкий?» Эллис не вполне поверил и спросил приехавшего В.Ф. Нувеля. Тот засмеялся ему в лицо: «Вы совсем наивное дитя, несмотря на Ваш голый череп. Наша жизнь, — моя, Кузьмина, Дягилева, Вячеслава Иванова, Городецкого — достаточно известна всем в Петербурге»⁸⁷.

Это было время, когда отношения Андрея Белого и четы Мережковских были наиболее близкими. «Они приняли меня на свои тайные моления; их малая община имела свои молитвы, общие; было 2 чина; 1-х: чин ежедневной вечерней молитвы; и 2-х: чин служб: этот чин свершался приблизительно раз в 2 недели, по «четвергам»; во время этого чина совершалась трапеза за столом, на котором были поставлены плоды и вино; горели светильники; на Мережковском и Философове были одеты широкие пурпурные ленты, напоминающие епитрахили. В числе участников «четвергов» в это время были: Мережковский, Гиппиус, Философов, Карташев, я, Татьяна Николаевна Гиппиус, Наталья Николаевна Гиппиус; вот и все: Мережковские одно время надеялись ввести в чин свой Бердяева и Волжского; но те скоро отошли от них»⁸⁸.

Господствовавшая у Мережковских атмосфера «кадетской религиозной общественности» и «абстрактное направление» их кружка⁸⁹ не вполне устраивали его членов. Во главе «оппозиции» встал В.И. Иванов, организовавший в ноябре — декабре 1905 года новое «братство», которое и становится с этого времени центром софианской жизни Петербурга. Помимо организаторов кружка (В.И. Иванов, А. Белый, А. Блок) собрания на квартире Иванова («Башня») посещали также А.Н. Бенуа, Н.С. Гумилев, Е.В. Анич-

ков, В.А. Пяст, С.М. Городецкий, Лев Шестов, А.С. Аскольдов, Н.О. Лосский, А.Р. Минцлова⁹⁰.

Если московские «аргонавты» ставили перед собой мистико-теургические задачи, то в Санкт-Петербурге господствовали концепции мистического анархизма Г.Чулкова, соборности и дионисийский мистицизм Вячеслава Иванова⁹¹.

Собирались «братья», как правило, по средам⁹². Помимо обычного для таких собраний чтения рефератов на религиозно-философские темы, случались на «средах» В.И.Иванова и масонские оргии, известные как «Дионисово действие». Во время черной смуты 1905 года, с укоризной отмечал в связи с этим В.Ф. Иванов, наши «богоискатели» и рыцари Св. Софии создавали «христианские братства борьбы» и оправдывали «освободительное движение» с его ложью, грязью, насилием и кровью.

«Мы были свидетелями, когда самые выдающиеся представители нашей интеллигенции, пресловутый «мозг страны», устраивали мистерии с музыкой, песнями, плясками и вином, причащались кровью, выпущенной из музыканта-еврея, и посвящали восторженные стихи дьяволу»⁹³, — писал он. Факт, как оказалось, действительно имевший место 2 мая 1905 года на квартире петербургского литератора Николая Минского (Виленкина). «Где-то, кого-то кололи булавкой и пили его кровь, выжатую в вино под флагом той же мистерии — это только смешило», — свидетельствует в связи с этим Андрей Белый⁹⁴.

Кроме самого Вячеслава Иванова (в 1926 г. перешел в католичество), активное участие в работе кружка принимала и его жена — Л.Д. Зиновьева-Аннибал. Разыгрывая из себя дионисийскую натуру, она принимала своих гостей в «Башне» не иначе как в красном хитоне. *«Об этой женщине, — восторженно пишет современная исследовательница, — сложили легенды. Когда она, в огненно-красной тунике, прихотливо задрапированной на плечах, обнажавших ее прекрасные руки, появлялась в помещении без мебели, с накинутыми на подушки оранжевыми коврами (а именно такой была обстановка знаменитой «Ивановской башни» на Таврической, 25 в Петербурге, где собирались близкие к «новым» течениям в искусстве ученые, музыканты, поэты), смолкали готовые вспыхнуть споры, взоры людей жадно обращались к ней, ловя каждое произнесенное ею слово»⁹⁵.* В кружке Зиновьева-Аннибал играла роль вдохновительницы. Н.А. Бердяев называл ее душою, Психеей ивановских сред. Широкой публике эта дама была известна скандальной повестью «Тридцать три уroda» (СПб., 1907), в которой подробно описывается лесбийская любовь.

В плане усилий членов кружка, направленных на внедрение в общественное сознание идеи «свободной любви» или, проще говоря, подготовки сексуальной революции в нашей стране, обращает на себя внимание выступление на одном из заседаний кружка в «Башне» М.Волошина, прочитавшего доклад «Новые

пути Эроса»⁹⁶. Лекция изобиловала двусмысленными фразами, вроде: *«все мы гермафродиты в духе своем»* или *«по любви к юношам узнают служителей истинной любви»*. В ходе возникшей затем дискуссии *«дивно говорил»* Вячеслав Иванов, энергично доказывавший, что *«в сущности, вся человеческая и мировая деятельность сводится к Эросу, что нет ни этики, ни эстетики — обе сводятся к эротике»*.

В свете последних разысканий становится все более очевидным, что так называемый «серебряный век» в России, о котором с таким придыханием говорит сегодня наша интеллигенция, породил, между прочим, откровенно антихристианское направление в нашей литературе (В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, Ф.К. Сологуб, Н.С. Гумилев, А.А. Блок и др.), восходящее в своей основе к идеям древних гностиков II–III веков новой эры⁹⁷. В то же время, несмотря на очевидные издержки увлечения нашей творческой интеллигенции начала XX века мистикой и теософией, оно имело и положительную сторону, так как способствовало расцвету у нас такого известного направления в литературе и искусстве, как символизм с его подчеркнуто мистическим восприятием мира и попытками постижения его скрытой от непосвященных сущности. Это и уже неоднократно упоминавшиеся нами Александр Блок, Андрей Белый, Вяч. Иванов, В.Я. Брюсов, З. Гиппиус, Д.С. Мережковский, К.Д. Бальмонт, Ю. Балтрушайтис, Эллис (Л.Кобылинский), И. Анненский и другие⁹⁸.

Особый интерес в этой связи представляет увлечение оккультизмом и спиритическими сеансами поэта Валерия Брюсова⁹⁹. Вот что вспоминал об этом В.К. Станюкович: *«Как-то раз я зашел к Брюсову вечером, — пишет он (воспоминания относятся к 1894 году. — Б.В.), — он торопился к А. Лангу на спиритический сеанс и затащил меня к нему, зная мое отрицательное отношение к этим сеансам. В слабо освещенной комнате с темными портьерами мы нашли длинного, странного, с блестящими глазами Ланга. Он был один и никого не ждал. В торжественной тишине хозяин и Брюсов приступили к священнодействию. На дощечку, сквозь которую проходил карандаш, они положили правые руки, и он тотчас забегал по большому листу, расположенному на столе. Как только лист исписывался, он убирался в сторону, а под ним оказывался чистый, готовый к дальнейшим откровениям. Быстро покрывались листы строками, написанными крупным почерком. Мягкий мрак и тишина кругом, а в круге света, падающего из-под низкого опущенного абажура, склоненные фигуры над бегающими по белому листу руками. Я сидел в глубоком кресле, мне было уютно, и никакой таинственности я не ощущал. Продолжая так около часу, они остановились»*.

Спириты хотели и меня вовлечь в их мистирию, но я отказался, и мое явное неверие вызвало чрезвычайное раздражение Духа. Он начал покрывать очередной лист самыми отборными ругательствами, которыми никогда не осквернялись уста товарищей. Я на-

чал хохотать и разогнал таинственную атмосферу уютной комнаты с мягкими темными драпировками, разомкнув руки товарищей. Дух, возмущенный моим присутствием, перестал двигать карандаш, и исписанные листы были приобщены к толстой гряде прежних откровений».

Возвращались они уже по темной Москве. Брюсов упрекал Станюковича в нетерпимости и неверии. Убеждал в том, что Дух, а не он ругал его. «В этом я ему наполовину поверил (их было двое). Обещал никогда более не искушать Духа. Насколько помню, — замечает В.К. Станюкович, — эти общения с духами, совместно с Лангом, длились долго. Брюсов вообще интересовался областью тайного знания, а Ланг был убежденный спирит. Брюсов говорил мне, что стихи Ланга написаны не им, а духами... Ланг выступил со стихами вместе с Брюсовым в первом выпуске «Русских символистов» под псевдонимом Миропольский, а затем выпустил под фамилией Березина книжку стихов «Одинокий труд»¹⁰⁰.

Самое удивительное, что увлечения своего Валерий Яковлевич не оставлял и в зрелые годы. «В эту зиму (1903 год. — Б.В.), — писал в своих воспоминаниях М.А. Волошин, — литературная молодежь обычно встречалась у Брюсова в старом фамильном доме на Цветном бульваре. Дом этот, очевидно, принадлежавший родителям Брюсова, находился на противоположной стороне, супротив тогдашних цирков Саломоновского и Никитина, на самой периферии московской «Субурры», описанной в рассказе А. Чехова «Припадок». Дом носил московский купеческий характер. Здесь, в небольшой белой столовой, рядом с гостиной, уставленной цветочными горшками, где «лопасти латаний рисовались на эмалевой стене» высокой изразцовой печки, собиралась у Валерия Яковлевича в зиму, предшествующую основанию «Весов», московская поэтическая молодежь того времени. За чайным столом читали по очереди свои стихи и выслушивали критические замечания хозяина. Разговоры Брюсова, который в это время собирал материалы для «Огненного Ангела», были сухи, богаты, остры, осведомлены и часто вращались около оккультных тем. Его интерес к оккультизму был не только книжный. Незадолго до этого он сам, по-видимому, пережил оккультный роман.

«Меня интересовало, — рассказывал он, — как спиритические духи, т.е. те существа, с которыми мы разговариваем на спиритических сеансах, сами относятся к нам, как они видят и принимают человеческий мир. Я иногда ставил им вопрос об этом и получал ответы очень неожиданные:

— Так, как будто огонек в поле и около него тени.

В виде огонька они, значит, видят спиритический столлик. Я пробовал спрашивать:

— А сколько же нас сидит около огонька?

Но у них не было явно ни восприятия лиц, ни числа. Ответы были самые противоречивые и разные:

— Один, пять — толпа...

Считать они совсем не уметь. Мы занимались обыкновенно вдвоем с Лангом (Миропольским, поэма которого «Лествица» напечатана «Скорпионом»). Постепенно у нас составилась круг знакомцев, которые с нами беседовали. В этом круге сущностей они являли свои виды и планы на нас — и мы им в чем-то должны были помочь. В чем, так и осталось для меня неясным. Они начали нами руководить и давали нам ряд указаний и формул, носивших характер чисто магический, который часто трудно было исполнить. По смыслу их требований, необходимо было иметь в своем распоряжении обширное пустопорожнее место. Требование, которое трудно было осуществить в условиях городской жизни. Мне показалось, что этому мог бы удовлетворить большой чердак недостроенного дома. Я подал эту мысль, и они одобрили. У меня был на примете такой четырехэтажный строящийся дом, хозяин которого был знакомым моей семьи. Я отправился к нему просить разрешения, и тут случилась первая странность. Этот человек, уже не молодой и почтенный, принял меня в отдельной комнате, и когда я ему изложил все мое дело и он поднялся со стула, чтобы ответить мне, — он вдруг упал — у него был удар и паралич языка. Ответа я так и не получил.

В другой раз все уже было устроено и разрешение получено — я ждал только Ланга, чтобы идти туда, он должен был зайти за мной. Но он не пришел ко мне, и сеанс не состоялся. Потом выяснилась вещь еще более странная:

Когда он шел по Цветному бульвару, какой-то прохожий, поравнявшись с ним, ударил его по голове тяжелым кирпичом, завернутым в клетчатый платок. Он потерял сознание и очнулся только через два часа в аптеке, куда его отнесли. Так и второй раз наш сеанс не состоялся.

Лишь по третьему разу нам удалось его устроить. Я расставил светильники, как нам было указано, начертил знаки и круг, но когда начал произносить заклинания, то рядом с нами упала тяжесть в несколько десятков тысяч пудов. Светильники наши были разбиты вдребезги и погасли, не понимаю, как чердачные балки вынесли этот удар и как мы сами не пострадали. Очевидно, я сам недостаточно тщательно замкнул круг или сдвинул один из светильников. Словом, эксперимент был неудачен, и наше общение с этой группой духов этим кончилось. Никто из них на сеансах с нами больше не разговаривал. Мы старались узнать о их судьбе, расспрашивая других духов, но ответы были странные, мало понятные. Нам отвечали: «Их нет. Они заперты» и раз даже — «Они умерли»¹⁰¹.

Любопытна в связи с этим реакция Брюсова на провозглашенный Андреем Белым на одной из «сред» у Вячеслава Иванова масонский тост: «Пью за Свет!» «Брюсов, сидевший рядом со мной, — свидетельствует А. Белый, — вскочил как ужасенный и, поднимая свой бокал, прогортанил: «За тьму!» Впрочем, такие «богомерзкие» выходки были обычным явлением в этой среде. «Я не выдержал, — вспоминал А. Белый, — вдруг за столом при

всех сорвал с себя крест, бросив его в траву. А.А. (Блок. — Б.В.) усмехнулся недоброй улыбкой»¹⁰².

Сам Андрей Белый всю свою сознательную жизнь оставался глубоким и законченным мистиком. «Человек начинается там, — писал он, — где кончается слово, где слово свивается — там начинается оккультизм; и все мы — оккультисты... Оккультизм — это воздух, которым мы дышим; и изучение оккультистов без овладения жестами, без умения их видеть, читать — есть дурная привычка. Назвавши себя оккультистом, не думаю, что я оккультист в полном смысле: тот смысл постигается в десятилетиях подвига упражнений, в конкретности и не лежит путь смысла в сентенциях об оккультизме». Воспаленное воображение поэта рисовало впечатляющие картины некоей вселенской мистерии, участники которой «строятся в им одним открытые знаки и образуют фигуры как в танцах; танцуют треугольники из людей, пересекаются в гексаграммы... если знак пентаграммы есть пять, то входжение шестого в обряд пентаграммы обогащает в шесть раз возникающие возможности встречи... Но этого не поймут, о чем, собственно, говорю; обрываю слова...» — записывал он в своем дневнике. И далее следует обширный пассаж о месте оккультной символики в современном мире. «Священные фигуры — оккультные знаки нельзя созерцать безнаказанно (опрокинутый треугольник — не то, что прямой: опрокинутый — самосознание, обращенное к духу, прямой — на себя); созерцание треугольника на калоше, вторую топчем мы (знак божества!), есть пародия на обряд: и неспроста святым этим знаком давно штемпелюют калоши, и ежедневно мы топчем в грязи властный знак Божества. И это — дело «их» рук...»¹⁰³

Именно братские мистерии «аргонавтов», а также мистериально-теургические элементы их мифотворческого гнозиса, пишет современный исследователь Г.В. Нефедьев, «оказались определяющими для трансформации ценностей мифопоэтического символизма в ценности розенкрейцерские. Основу этих элементов составлял синтез философско-эстетических и оккультных мифологем аргонавтического мировоззрения... Мистерии и спиритизм, алхимия и теософия, теургия и соловьевская софийская мистика Вечно женственного, христианство и гностицизм — все это в той или иной мере укладывалось в розенкрейцерскую мифологию. В не меньшей степени к ней подводило и представление о себе аргонавтов как о рыцарях, стремящихся к посвящению, как о членах эзотерического братства. Таким образом, — констатирует этот исследователь, — сложилась реальная почва для преобразования эзотерической общности аргонавтов в розенкрейцерское братство»¹⁰⁴.

«Приступ медиумизма» и усиление антиправославных, антихристианских настроений у «аргонавтов» во многом были связаны с деятельностью в их среде А.Р. Минцловой — известно, что одно время она подвизалась в качестве помощницы извест-

ного теософа Рудольфа Штейнера. Порвав с ним, она появилась сначала в Москве, а затем в Петербурге в качестве представителя некой таинственной организации, судя по всему, ордена розенкрейцеров, и имела своей задачей создание «Братства Святого Духа».

«Минцлову, — писал в связи с этим Н. Валентинов, — дочь известного в Москве адвоката, я видел один только раз в кафе на Тверской улице: меня познакомил с нею приехавший из Петербурга Арабажин — двоюродный брат Белого. Она произвела на меня самое неприятное впечатление: толстый обрубок, грязные желтоватые волосы, огромный глупый лоб, узенькие свиные глаза, а главное — речи! За два года я привык говорить с символистами, к «воздуху» символизма достаточно привык и на всякие мистические «всмутки» уже не реагировал. Но Минцлова раздражала своими таинственными намеками вроде: «Как маловажно то, что вы говорите, в сравнении с тем, что вот здесь, рядом с нами, находится и нас слушает», «О ком вы говорите?», «Да зачем мне отвечать — ведь все равно вы этого не поймете. У вас нет для этого органов восприятия».

Минцлова была вхожа ко всем писателям, и особенно к символистам. В Петербурге она была постоянным гостем и другом Вяч. Иванова, а в Москве «обрабатывала» А. Белого. Осенью 1908 г. Белый действительно бегал не только к «раввину» (М. О. Гершензону. — Б. В.), проникаться у него духом «Вех», — мысль его бежала и в другом направлении: он входил «в стихию теософических дум», штудировал «*Doctrine Secrète*» Блаватской, посещал теософический кружок Христофоровой, где у него завязались отношения с Минцловой, уже прошедшей через антропософскую школу Рудольфа Штейнера. «Оккультистка» Минцлова была, несомненно, сумасшедшей, и она околдовала Белого»¹⁰⁵.

Результатом медиумического затмения Андрея Белого стало появление (июль 1908 года) у него антирусского по своему духу, упаднического стихотворения «Отчаянье»:

*Довольно: не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ.
В пространство пади и разбейся.
За годом мучительный год,
Века нищеты и безволя.
Позволь же, о Родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать, —*

заканчивающегося следующим пассажем:

*Исчезни в пространстве,
Исчезни, Россия,
Россия моя!*¹⁰⁶

Что это было затмение, свидетельствует появившаяся в 1909 году в журнале «Весы» большая статья А. Белого под названием

«Штемпелеванная культура», где он восстает против засилья инородческих элементов в русской культуре.

Проштемпелеванный, т.е. прошедший сквозь цензуру биржевиков, интернационализм с пафосом провозглашается последним словом искусства морально шаткой и оторванной от народа группой критиков — негодует здесь А. Белый. Кто же эти критики?

«Главарями национальной культуры, — пишет он, — оказываются чуждые этой культуре люди... Чистые струи родного языка засоряются своего рода безличным эсперанто из международных словечек... Вместо Гоголя объявляется Шолом Аш, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргон... Вы посмотрите на списки сотрудников газет и журналов в России: кто музыкальные и литературные критики этих журналов? Вы увидите сплошь и рядом имена евреев... пишущих на жаргоне эсперанто и терроризирующих всякую попытку углубить и обогатить русский язык». Рать критиков и предпринимателей в России пополняется «в значительной степени одной нацией; в устах интернационалистов все чаще слышится привкус замаскированной проповеди самого узкого и арийству чуждого юдаизма». «Ударяясь в космополитизм, — предупреждает Андрей Белый, — мы подкапываемся под само содержание души народной, то есть под собственную культуру»¹⁰⁷. С резким протестом против «оброссиивания» и интернационализации русской культуры выступил в это же время и П.Б. Струве.

«Не знаменательно ли, — писал он в статье «Интеллигенция и национальное лицо», — что рядом с «Российской империей», с этим в глазах всех радикально мыслящих, официальным казенным чудовищем-левиафаном, есть тоже «российская социал-демократическая рабочая партия». Не русская, а именно «российская». Ни один русский, иначе как слегка иронически не скажет про себя, что он «российский» (уже говорят. — Б.В.) человек, а целая и притом наирадикальнейшая партия применила к себе это официальное — ультра-государственное название, ультра-имперское обозначение. Это значит: она хочет быть безразлична, бесцветна, бескровна в национальном отношении... Для меня важно сейчас подчеркнуть, что ради идеала человеческой и разумной государственности — русская интеллигенция обесцвечивает себя в «российскую». Этот космополитизм очень государственен, ибо «инородцев» нельзя ни физически истребить, ни упразднить как таковых, то есть нельзя сделать «русскими», а можно лишь воспринять в единое «российское» лоно, и в нем успокоить». «Но позвольте мне, — заявил П.Б. Струве, — убежденному стороннику государственности, восстать против обнаруживающейся в этом случае чрезмерности культа государственного начала. Позвольте мне сказать, что так же, как не следует заниматься «обрусением» тех, кто не хочет «русеть», так же точно нам самим не следует себя «оброссиивать». Мы,

русские, также имеем право на свое «национальное русское чувство» и «не пристало нам хитрить с ним и прятать наше лицо»¹⁰⁸. Однако погоды такого рода заявления не делали и большинство представителей русской дореволюционной интеллигенции твердо стояло на космополитических, интернационалистских позициях.

Это к ней с горечью обращался в свое время известный русский философ Н.А. Бердяев: *«Вы, — говорил он, — неспособны проникнуть в интимную тайну национального бытия... Вы готовы были признать национальное бытие и национальные права евреев или поляков, чехов или ирландцев, но вот национальное бытие и национальные права русских вы никогда не могли признать. И это потому, что вас интересовала проблема унетения, но совершенно не интересовала проблема национальности»*¹⁰⁹. В тех же случаях, когда отдельные представители русской интеллигенции, вопреки всему, все же пытались встать на национальные, патриотические позиции, интернациональная, космополитическая среда, к которой они всецело принадлежали, тут же ставила их «на место».

И эпизод с Андреем Белым, возмущившимся засильем космополитических элементов в русской культуре, в этом смысле весьма показателен. Дело в том, что это один из редких случаев, когда мы знаем, чем закончился этот инцидент. А закончился он тем, чем, очевидно, всегда заканчиваются у нас и другие, подобные этой, истории. Друзья и знакомые после злополучной публикации сразу же отшатнулись от Андрея Белого. Но это еще было полбеда. Главная беда заключалась в том, что отшатнулись от него и издатели. В результате наш «патриот» вынужден был дать задний ход, вкяться и просить прощения, получив выволочку от одного из властителей дум тогдашней русской прогрессивной интеллигенции в Петрограде — М.О. Гершензона.

*«А ведь какой кипучка он был, — вспоминал А. Белый в 1925 году в связи со смертью М.О. Гершензона. — Раз на меня напал, накричал, почти выгнал от себя (за заметку «Штемпелеванная культура»). Я смутился, и — внутренне сказал себе: заслужу прощение... И заслужил; дулся он на меня два месяца и после вернул расположение»*¹¹⁰. Больше таких «проколов» в смысле патриотизма Андрей Белый уже не допускал.

Но вернемся к той атмосфере, в которой жила, можно сказать, «варилась» тогдашняя петербургская богема, увлеченная проповедями А. Минцловой. В 1910 году Минцлова неожиданно исчезает из поля зрения «братьев», оставив Андрею Белому аметистовое кольцо, по которому его должны были найти посланцы «Братства». По словам П.А. Бурышкина, которого А. Минцлова перед своим уходом успела-таки посвятить в свою тайну, миссия, ей порученная, заключающаяся якобы в том, чтобы *«возжечь к свету сердца, соединив их для мира духовного»*, оказалась ею неисполненной; *«миссия-де провалилась, потому что ее*

неустойчивость и болезненность вместе с растущей атмосферой недоверия к ней расшатали все светлое дело каких-то неведомых благодетелей человечества, за нею стоящих... Ее удаляют они навсегда от людей и общения»¹¹¹.

Удалось все-таки или нет А.Р. Минцловой создать среди «аргонавтов» розенкрейцеровское «Братство Святого Духа», сказать наверняка нельзя. Г.В. Нефедьев полагает, что да. Ядро московского розенкрейцеровства составляли, по его мнению, Андрей Белый, Э.К. Меттнер и Н.П. Киселев¹¹².

«В кратких заметках, — отмечала в своих мемуарах А.А. Тургенева (первая жена А.Белого), — нельзя передать бредовую атмосферу, окружавшую группы людей в России, переживавших эти и подобные им происшествия в обстановке того времени. С разными оттенками эти настроения были свойственны многим кругам. И, приезжая из Западной Европы, ты каждый раз был захвачен душевным богатством и интенсивностью московских разговоров до трех часов ночи, за остывшим самоваром; в Петербурге в «Башне» Вячеслава Иванова они длились нормально до шести часов утра, но были более определенными, литературно-эстетическими. Но что следовало из этих разговоров? Они велись изо дня в день непрерывно, пока кто-нибудь из учеников не выдерживал и не начинал бунтовать, впадая в истерику — такой тотчас отправлялся друзьями в деревню на поправку»¹¹³.

В 1912 году Андрей Белый увлекается антропософией и становится учеником и последователем Рудольфа Штейнера. Вместе со своей тогдашней женой Асей Тургеневой он покидает Россию и уезжает в Швейцарию, чтобы слушать лекции Учителя и принять участие в строительстве антропософского храма в Дорнахе («Иоанново здание»).

К этому времени в Петербурге и Москве уже вовсю действовала новая масонская организация — Религиозно-философское общество (РФО). Возникло оно в 1907 году и состояло в основном из последователей учения Владимира Соловьева и так называемых «обновленцев», требовавших «обновления» и реформирования православной церкви в духе времени, а то и вовсе замены ее учения неким «новым религиозным сознанием»¹¹⁴. Как справедливо отмечал С. Франк, отождествляя божественную силу Христову с революционным движением, а дьявола с реакцией, творцы так называемого «нового религиозного сознания» низводили тем самым религию «почти на уровень служебного средства общественного прогресса»¹¹⁵. Большей профанации роли религии в обществе представить трудно.

Результатом этой кипучей деятельности «реформаторов» было резкое усиление нападок либеральной прессы на православное духовенство. Само же общество быстро превратилось во враждебный всему русскому центр масонства. Кого только не было на его собраниях. Богоискатели, владимироловьевцы,

раскаившиеся декаденты, отважно либеральничающие священники, соборные анархисты, эсдеки, а также оккультисты всех мастей, теософы и антропософы. Само собой разумеется — студенты, курсистки, взыскующие Града Господня и просто ищущие¹¹⁶.

Председательствовал на заседаниях петербургского отделения общества профессор С.-Петербургской Духовной академии масон Антон Владимирович Карташев. Среди наиболее активных членов РФО — такие же масоны: Д.С. Мережковский, Зинаида Гиппиус, Петр Струве, Александр Мейер, Д.В. Философов, Евгений Аничков и целый сонм сливок петербургской масонствующей интеллигенции.

Духовным и организационным предтечей общества явились уже упоминавшиеся выше Религиозно-философские собрания 1901—1903 гг. Вот какое впечатление произвели они на только что возвратившегося в январе 1903 года из Парижа М.А. Волошина.

«Петербург и русская жизнь меня поразили, — пишет он. — Читал доклад В.В.Розанова на тему о возможности творчества в области церковных догматов. Читал доклад не Розанов, который никогда публично не говорил, а читал Мережковский по его рукописи. Нервный, женский и высокий голос Мережковского, трагический шишковатый лоб В.В.Розанова, который он молча и нервно охватывал властными пальцами, прикрывая глаза; бледные испитые лица петербургских литераторов, вперемишку с черными клобуками монахов; огромные седые бороды и живописные головы священников, лиловые и коричневые ясы; острый трепет веры и ненависти... над собранием. Это рождало смутные представления о раскольничьем соборе XVII века»¹¹⁷. Неудивительно поэтому, что в том же году собрания были закрыты. Однако идея их не умерла, воплотившись в заседания Религиозно-философского общества.

Возглавлял петербургское отделение общества с 1912 года Вячеслав Иванов, которого сменил в 1917 г. А.В. Карташев. Секретарем была Ксения Половцева. «Мятежный дух» в обществе постоянно поддерживала уже упоминавшаяся нами Зинаида Гиппиус — «святая дева с ликом блуды» (С. Соловьев), в отношении которой современники расходились, пожалуй, только в одном: гермафродит она или только лесбиянка.

Во главе московского отделения Религиозно-философского общества стояли: Г.А. Рачинский (председатель), Андрей Белый, В.А. Свенцицкий, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой. Церковное течение в софианстве представлял Сергей Булгаков. Наиболее же радикальная часть общества группировалась вокруг В.П. Свенцицкого и его «Христианского братства борьбы» (1905—1908), пытавшегося вести революционную работу под флагом христианских идей¹¹⁸. Лейтмотивом развернутого

ими похода на традиционные основы русского самосознания стал призыв к разрыву с православием и возвращение к «первоисточникам христианства»¹¹⁹.

Результатом оголтелой проповеди «внецерковного религиозного революционаризма» стал очевидный накануне 1917 года раскол среди членов общества. Еще в 1914 году в знак протеста против исключения В.В. Розанова вынуждены были покинуть его ряды С.А. Аскольдов (Алексеев) и П.Б. Струве. И уж совсем нетерпимое положение сложилось в петербургском Религиозно-философском обществе после «победоносного Февраля», когда потерявшие всякое чувство меры «леваки» (А.А. Мейер, К.А. Половцева) попытались организовывать религиозные митинги на животрепещущие по тем временам темы: социализм и религия, Бог и наука, церковь и государство, революция сознания, религия и революция. Не менее любопытен и состав предполагаемых участников «народных митингов»: А.Ф. Керенский, Б.В. Савинков, А.В. Карташев, А.А. Мейер, Н.Д. Соколов, В.П. Соколов, Н.О. Лосский, Г.В. Плеханов¹²⁰.

Неудивительно поэтому, что деятели РФО не только не испугались «Великого Октября», но, напротив, основав (ноябрь 1919) в Петрограде т.н. «Вольную философскую ассоциацию» (Вольфила¹²¹), можно сказать, удвоили свои силы в борьбе против ортодоксального православия и традиционных ценностей русского народа. На то, что Вольфила, как и РФО, была организацией определено масонского толка, указывает большой интерес, который проявлял к ней руководитель петербургских мартинистов Г.О. Мебес. «Этой организацией, — писал А.М. Асеев, — очень интересовался Г.О.М.; он встречался и подолгу беседовал с глазу на глаз с Андреем Белым. Постоянно бывали в Вольфиле и некоторые петроградские масоны, принимавшие активное участие в ее работе»¹²². В октябре 1921 г. было открыто и московское отделение Вольфилы. Однако должного взаимопонимания с большевиками они не нашли и в 1922 году многие активные деятели Вольфилы и Религиозно-философского общества были высланы из страны на «философском пароходе».

Стоит отметить, что и за границей бывшие деятели Вольфилы (Булгаков, Бердяев, Франк, Трубецкой, Карташев) задачу свою по-прежнему видели в развитии и распространении православного мировоззрения среди русских эмигрантов в его «современной упаковке». Огромную роль в этой связи они придавали деятельности созданного ими в 1923 году Братства святой Софии. Однако к доктрине о святой Софии Владимира Соловьева прямого отношения их деятельность не имела¹²³.

Примечания

- ¹ Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730–1917 гг.). М., 1993; Старцев В.И. Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996; Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–1996. М., 1996.
- ² Орден. Интервью главы русской масонской ложи во Франции Михаила Гардера // Политика. 1991. № 11. С. 12.
- ³ Конан Дойл А. История спиритизма. СПб., 1999. С. 50–51.
- ⁴ Прибытков В.И. Спиритизм в России от возникновения до настоящего времени. СПб., 1901. С. 75–83.
- ⁵ О русском спиритуалистическом обществе // Вопросы психизма и спиритуалистической философии. 1908. № 1. С. 40.
- ⁶ Аврех А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 252.
- ⁷ Быков В.П. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. М., 1914. С. 318–319.
- ⁸ Шахнович М. Петербургские мистики. СПб., 1996. С. 216.
- ⁹ Быков В.П. Спиритизм перед судом науки, общества и религии. М., 1914. С. 265.
- ¹⁰ Мэрфи Г. Елена Блаватская. Пер. с англ. Челябинск, 1999.
- ¹¹ Соловьев В.С. Современная жрица Изиды. Мое знакомство с Е.П.Блаватской и «Теософическим обществом». Изд. 2-е. М., 1994.
- ¹² Пазилова В.П. Современна ли жрица Изиды? М., 1990. С. 13.
- ¹³ Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Синтез науки, философии и религии. Т. 1–2. М.; Харьков, 1999.
- ¹⁴ Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М., 2002.
- ¹⁵ Блаватская Е.П. Письма. М., 1995. С. 45–46.
- ¹⁶ Кудрявцев К.Д. Что такое Теософическое общество? СПб., 1914. С. 41.
- ¹⁷ Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1996. С. 190–191.
- ¹⁸ Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917–1923) // Минувшее. Исторический альманах. Вып.6. М., 1992.

- ¹⁹ Андрей Белый и антропософия. Публ. Дж.Мальмстада // Минувшее. Исторический альманах. Вып.6. М., 1992. С. 337–448.
- ²⁰ Тургенева Ася. Воспоминания о Рудольфе Штейнере и строительстве первого Гетеанума. М., 2002.
- ²¹ Вяземский В.Л. Первая четверть века существования русского зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн. 161. С. 233.
- ²² Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 89.
- ²³ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731–1996. М., 1996. С. 165–166.
- ²⁴ После 1917 года Н.Н. Беклемишев находился в эмиграции.
- ²⁵ Лебедев С.Б. Масоны и вокруг них на страницах журнала «Море» с 1901 по 1917 гг. Библиографический аннотированный указатель. СПб., 1994.
- ²⁶ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 88.
- ²⁷ Серков А. Придет ли к нам «Великий Восток»? // Родина. 1993. № 11. С. 87.
- ²⁸ Граббе Ю.П. Корни церковной смуты. Белград, 1927. С. 1.
- ²⁹ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 90.
- ³⁰ Документы Департамента полиции о масонах в России. Публ. В.Е. Корнеева // Масоны в России. Вчера... сегодня... завтра?.. М., 1999. С. 104.
- ³¹ Происки масонов // Вече (Москва). 1908. 4 декабря. С. 2.
- ³² Новое время. 1908, 23 декабря. С. 3.
- ³³ Соловьев О.Ф. Русское масонство (1730–1917 гг.). М., 1993. С. 197–205.
- ³⁴ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Масонские заговоры перед революцией. Париж, 1931. С. 182.
- ³⁵ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 636.
- ³⁶ Бурьшкин П.А. Филипп — предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн.40. С. 179–199.
- ³⁷ Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998. С. 27.
- ³⁸ А.М. дю Шайла. Монархическая идея и действительность // Последние новости. Париж, 1921. 2 июня. С. 2.

- ³⁹ Б у р ы ш к и н П.А. Филипп — предшественник Распутина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн.40. С. 190.
- ⁴⁰ Там же. С. 196.
- ⁴¹ Там же. С. 198—199.
- ⁴² А.М. д ю Ш а й л а. Монархическая идея и действительность // Последние новости. Париж, 1921. 2 июня. С. 2.
- ⁴³ К е р е н с к и й А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 123.
- ⁴⁴ П а л е о л о г М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 235.
- ⁴⁵ Там же. С. 237.
- ⁴⁶ Там же. С. 236.
- ⁴⁷ В я з е м с к и й В.Л. Первая четверть века существования русского зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн. 161. С. 234.
- ⁴⁸ С е р к о в А.И. История русского масонства 1845—1945. СПб., 1997. С. 71.
- ⁴⁹ З а м е т к и о м а с о н с т в е. Лондон, 1928. С. 41.
- ⁵⁰ Вопросы истории. 1998. № 9. С. 157.
- ⁵¹ Г о т ь е Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1992. № 2—3. С. 151.
- ⁵² О с т р е ц о в В.Л. Масонство, культура и русская история. М., 1998. С. 421.
- ⁵³ Неизвестные фрагменты воспоминаний Анны Вырубовой // Родина. 1998. № 2. С. 66.
- ⁵⁴ С е р к о в А.И. История русского масонства 1845—1945. СПб., 1997. С. 69.
- ⁵⁵ О ч л е н а х м а с о н с к о - о к к у л ь т н ы х к р у ж к о в С а н к т - П е т е р б у р г а // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. Издание 2-е. М., 1996. С. 578—585.
- ⁵⁶ А в р е х А.Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 309—312.
- ⁵⁷ Б е р б е р о в а Н.Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986. С. 23.
- ⁵⁸ С е р к о в А.И. История русского масонства 1845—1945. СПб., 1997. С. 74.
- ⁵⁹ Там же. С. 75.
- ⁶⁰ У х т у б ж с к и й П. Процесс Чинского // Земщина. 11 октября 1910 г. С. 2; См. также: Процесс Чинского в истинном свете. СПб., 1908.
- ⁶¹ О д е я т е л ь н о с т и м а с о н а - а ф е р и с т а Ч.Чинского // Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—1996. Издание 2-е. М., 1996. С. 593.

- ⁶² Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 78.
- ⁶³ Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998. № 2. С. 33.
- ⁶⁴ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 78–79.
- ⁶⁵ Заметки о неомартинизме // Музей истории религии (Санкт-Петербург). Р.О. Колл.П. Д.14. Л.1–4.
- ⁶⁶ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 83.
- ⁶⁷ Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998. № 2. С. 33.
- ⁶⁸ Петербургские мартинисты 1910–1925 гг. Публ. В.С. Брачева // Отечественная история. 1993. № 3. С. 177–182.
- ⁶⁹ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1140.
- ⁷⁰ Серков А.И. История русского масонства 1845–1945. СПб., 1997. С. 83–84.
- ⁷¹ Там же. С. 84.
- ⁷² Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 185.
- ⁷³ Нефедьев Г.В. Русский символизм и розенкрейцерство // Новое литературное обозрение. М., 2001. № 51. С. 167–195.
- ⁷⁴ Граббе Ю.П. Корни церковной смуты. Белград, 1927. С. 5.
- ⁷⁵ Бурыйшкін П.А. Розенкрейцеровские истоки софианства // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 462.
- ⁷⁶ Андреев (Андреевский) И.М. Очерки по истории русской литературы XIX века. Вып. 1. Джорданвилль, 1968. С. 301.
- ⁷⁷ Соболев Альберт. Владимир Соловьев и о. Георгий Флоровский // Россия. XXI. 2000. № 4. С. 116.
- ⁷⁸ Там же. С. 116–117.
- ⁷⁹ Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. С письмами к ней Владимира Соловьева. М., 1916.
- ⁸⁰ Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея. Т. I. М., 1922. С. 149, 164.
- ⁸¹ Эллис (Л.Л. Кобылинский). Культура и символизм // Весы. 1909. № 10–11. С. 108.

- ⁸² Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 108.
- ⁸³ Нефедьев Г.В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2002. № 4(56). С. 151.
- ⁸⁴ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 468.
- ⁸⁵ Блок Л.Д. И были, и небылицы о Блоке и о себе // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 74.
- ⁸⁶ Гуль Р. Я унес Россию // Новый журнал (Нью-Йорк). 1985. Кн. 161. С. 10.
- ⁸⁷ Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 269.
- ⁸⁸ Белый А. Начало века. М., 1990. С. 672.
- ⁸⁹ Записки петербургских религиозно-философских собраний (1902–1903). СПб., 1906.
- ⁹⁰ Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея. Т. III. М.; Берлин, 1922. С. 173.
- ⁹¹ Нефедьев Г.В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2002. № 4(56). С. 162.
- ⁹² Из оккультного быта «башни» Вяч. Иванова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 311–334.
- ⁹³ Иванов В.Ф. Православный мир и масонство. Харбин, 1935. С. 127.
- ⁹⁴ Белый А. Между двумя революциями. М., 1990. С. 499.
- ⁹⁵ Михайлова Мария. Мы — две руки единого креста // Наука и религия. 1995. № 3. С. 30.
- ⁹⁶ Пути Эроса. Материалы и комментарии к платонову «Пиру» // Волошин Максимилиан. Из литературного наследия. Т. 2. СПб., 1999. С. 13–28.
- ⁹⁷ Слободнюк С.Л. «Идущие путями зла». Дьяволы серебряного века. Древний гностицизм и русская литература. 1880–1930 гг. СПб., 1998. С. 4.
- ⁹⁸ Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.
- ⁹⁹ Спиритизм Валерия Брюсова // Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 279–310.
- ¹⁰⁰ Станюкович В.К. Воспоминания о Брюсове // Литературное наследство. Т. 83. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 727–728.
- ¹⁰¹ Волошин М.А. В. Брюсов. Воспоминания. Фрагменты // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 391–392.

- ¹⁰² Белый А. Воспоминания о Блоке. Эпопея. Т. II. М.; Берлин, 1922. С. 250.
- ¹⁰³ Белый А. Записки чудака. «Геликон». М.; Берлин, 1922. С. 153–155, 171.
- ¹⁰⁴ Нефедьев Г. В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2002. № 4(56). С. 163.
- ¹⁰⁵ Валентинов Н. Встречи с Андреем Белым // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 137.
- ¹⁰⁶ Белый А. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 160.
- ¹⁰⁷ Бугаев Б. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 74–76, 80.
- ¹⁰⁸ Струве П. Б. Интеллигенция и национальное лицо // Слово. 10 (23) марта 1909 г. С. 2.
- ¹⁰⁹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 91.
- ¹¹⁰ Белый А. — Р. В. Иванову-Разумнику. Март, 1925 // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 312.
- ¹¹¹ Бурый П. А. Розенкрейцеровские истоки софианства // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999. С. 458–459.
- ¹¹² Нефедьев Г. В. Русский символизм и розенкрейцерство. Статья вторая // Новое литературное обозрение. 2002. № 4(56). С. 149.
- ¹¹³ Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 190.
- ¹¹⁴ Мейер А. А. Петербургское религиозно-философское общество // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 112.
- ¹¹⁵ Франк С. О так называемом «новом религиозном сознании» // Мережковский Д. С. Pro et contra. СПб., 2001. С. 310–311.
- ¹¹⁶ Розенталь Л. Как изгоняли Розанова. Ленинградская панорама. 1989. № 11. С. 32.
- ¹¹⁷ Волошин М. А. В. Брюсов. Воспоминания. Фрагменты // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994. С. 389.
- ¹¹⁸ Иванова Е. В. Флоренский и Христианское братство борьбы // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 159–166.
- ¹¹⁹ Колеров М. А. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех» (1902–1909 гг.). СПб., 1996. С. 253.
- ¹²⁰ Петербургское Религиозно-философское общество (1907–1917). Публ. Е. В. Бронниковой // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 121.
- ¹²¹ Гаген-Торн Н. И. Вольфила: Вольная философская ассоциация в Ленинграде 1920–1922 годов // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 214. См. также: Иванова Е. В. Вольная фило-

софская ассоциация. Труды и дни // Ежегодник рукописного отделения Пушкинского дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 3–77; Белоус В.Т. Петроградская Вольная философская ассоциация (1917–1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997.

¹²² Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998. № 2. С. 36.

¹²³ Прот. Василий Зенькович. О Братстве святой Софии в эмиграции // Братство святой Софии. Материалы и документы. 1923–1939 гг. М., 2001. С. 5.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ МАСОНЫ И МАРТИНИСТЫ 1920-х ГОДОВ И ИХ СУДЬБА

Как бы то ни было, масонская идеология в начале XX века пустила настолько глубокие корни в среде российской интеллигенции, что даже знаменитый большевистский террор 1920-х годов оказался не в состоянии сразу уничтожить ее быстрорастущую поросль. На сегодняшний день известно, по крайней мере, одиннадцать тайных масонских или полумасонских организаций, действовавших в 1920-е годы в СССР: «Единое трудовое братство», орден мартинистов, орден Св. Грааля, «Русское автономное масонство», «Воскресение», «Братство истинного служения», орден Света, орден Духа, «Эмеш Редивиус», орден манихеев (неорозенкрейцеров арионского посвящения), орден тамплиеров и розенкрейцеров. Шесть первых из них располагались в Ленинграде. Орден Света, орден манихеев и «Эмеш Редивиус» объединяли в своих рядах московских «братьев» и «сестер».

Тесно связанные с московским орденом Света, орден Духа и орден тамплиеров и розенкрейцеров располагались соответственно в Нижнем Новгороде и Сочи. Дочерними ложами «Русского автономного масонства» были ложа «Гармония» в Москве и «Рыцари Пылающего Голубя» в Тбилиси.

Крупнейшей оккультной организацией 1920-х гг. в Ленинграде был орден мартинистов, представлявший собой ветвь одноименного французского ордена. Напомню, что первая мартинистская ложа была организована здесь еще в 1899 году графом Валерианом Муравьевым-Амурским. Трения, возникшие между ним и главой ордена мартинистов в Париже известным оккультистом Папюсом, привели к тому, что около 1905 г. В.В. Муравьев-Амурский был отставлен от должности делегата ордена в России.

В 1910 г. на его место был назначен поляк граф Ч.И. Чинский, с именем которого собственно и связано создание русского отделения ордена мартинистов. В 1912 г. среди них произошел раскол, и петербургская часть ордена во главе с Григорием Мебесом объявила о своей автономии или, проще говоря, независимости от Парижа. Московские же братья во главе с П.М. и Д.П. Казначеевыми, напротив, остались ему верны и продолжали свою деятельность под руководством своего парижского начальства вплоть до 1920 года. Петербургские же мартинисты об-

разовали в 1913 г. особую автономную цепь с тамплиерской окраской, которая и просуществовала вплоть до ее разгрома в 1926 году ОГПУ.

В основе учения мартинистов лежит оккультизм — особое направление религиозно-философской мысли, стремящееся к познанию божества интуитивным путем, путем психических переживаний, связанных с проникновением в потусторонний мир и общением с его сущностями. В отличие от своих «братьев» из «Великих Востоков» Франции, Италии и «Великого Востока народов России» (А.Ф. Керенский и К°), преследовавших чисто политические цели, мартинизм ориентирует своих членов на внутреннюю духовную работу над самим собой, своим собственным моральным и интеллектуальным совершенствованием.

Это позволяет отнести мартинистов к особой, т.н. духовной или эзотерической ветви Мирового братства. Отличительным знаком русских мартинистов являлся круг с шестиконечной звездой внутри, основные цвета: белый (ленты) и красный (плащи и маски). Посвящения производились по примеру масонских с несколько упрощенным ритуалом. В 1918–1921 гг. лекции по Зогаре (часть Каббалы) читал Г.О. Мебес, по истории религии, с ярко выраженным антихристианским уклоном, его жена Мария Нестерова (Эрлангер). С историей масонства слушателей знакомил Борис Астромов. Помимо чисто теоретических занятий в «школе» велась и практическая работа по развитию у ее членов цепи способностей к телепатии и психометрии.

Всего нам известны имена 43 человек, прошедших «школу» Г.О. Мебеса в 1918–1925 гг., в том числе известный военный историк Г.С. Габаев и поэт Владимир Пяст. Однако в целом состав ордена был вполне зауряден: юристы, бухгалтеры, студенты, домохозяйки, несостоявшиеся художники и журналисты — одним словом, рядовая, разочаровавшаяся в жизни и ударившаяся в мистику русская интеллигенция¹.

Неприглядную роль в судьбе ленинградских мартинистов сыграл Борис Викторович Астромов-Ватсон (наст. фамилия Кириченко), о котором уже шла речь в начале очерка. Выходец из обедневшей дворянской семьи, он родился в 1883 году в городе Богучар Воронежской губернии. В 1903 году поступил на Восточный факультет Санкт-Петербургского университета. Участник русско-японской войны. В 1905 году Б.В. Кириченко уезжает в Италию, где поступает на юридический факультет Туринского университета. Здесь он становится учеником знаменитого криминалиста масона Чезаре Ломброзо. В 1909 г. состоялось его посвящение в Братство (ложе «Авзония», принадлежащая к «Великому Востоку Италии»).

То, что Б.В. Кириченко (Астромов) оказался именно в Италии, не было случайностью. Дело в том, что здесь у него жил двоюродный дядя (судя по всему, по матери) Юлиан Констан-

тинович Астромов. Родился он еще в 1820 г., и к встрече с племянником дяде было уже далеко за 80. В Италии же он оказался в 1847 г., когда после окончания Петербургского университета (1845) уехал в качестве домашнего учителя графа Уварова за границу: сначала в Германию, а затем в Италию. Здесь в Риме 8 сентября 1847 г. Ю.К. Астромов принимает в иезуитской церкви Св. Игнатия католичество и вскоре становится монахом. Разрыв с православием произошел под влиянием друзей и чтением католической литературы. В 1855 г. Ю.К. Астромова заочно судили в Санкт-Петербурге за вероотступничество. Умер он в 1913 г. в Риме в сане священника римско-католической церкви². История с дядей-католиком многое разъясняет в запутанной биографии Б.В. Кириченко. И не только в смысле происхождения его второй фамилии Астромов, но и в смысле приверженности его к поискам духовного начала в жизни, что, как выясняется, было семейной чертой его рода. *«Я всегда интересовался метафизикой и мистикой, — писал Б.В. Астромов в одной из своих биографий. — Будучи студентом Туринского университета (Италия), в 1909 г. вступил в масонскую ложу «Конкордия» (по другим данным «Авзония». — Б.В.), принадлежавшую к «Великому Востоку Италии». Моим руководителем был инженер Джамутини. Я был посвящен в степень ученика и товарища (подмастерья). Из итальянских масонов знал, кроме того: профессора университета Ахилла Лориа и директора того же университета Джованни Горрини. Они оба изучали русский язык, и на этой почве я с ними познакомился»³.*

Учился Б.В. Астромов хорошо и даже рассчитывал на оставление в университете для подготовки к профессорскому званию. Неожиданная смерть Чезаре Ломброзо расстроила его планы, и новоиспеченный юрист после получения диплома вынужден был возвратиться зимой 1909/10 г. в Санкт-Петербург. Должность, которую ему удалось здесь получить — помощник делопроизводителя III-го разряда судебного отдела Государственно-го банка, его устраивала мало.

К сожалению, мы ничего не знаем о духовных исканиях Б.В. Астромова этого времени. Известно лишь, правда, со слов его самого, что никакого участия в работе петербургских масонских лож он в 1910–1917 гг. не принимал. Посвящение его в орден мартинистов состоялось только в 1918 году после знакомства с Г.О. Мебесом. В 1919 г. Г.О. Мебес назначает Б.В. Астромова Генеральным секретарем ордена.

Трения, возникшие между ними, приводят к тому, что в 1921 г. Б.В. Астромов вынужден был уйти из ордена. Г.О. Мебес в своих показаниях в ОГПУ в 1925 году основной упор делал на низкие моральные качества Б.В. Астромова (авторитаризм, половая распущенность, финансовые злоупотребления и пр.). Но существовали, как представляется, и более серьезные причины для их разрыва. Дело в том, что после 1917 года Г.О. Мебес, по

информации А.М.Асеева, *«сильно сократил масонскую сторону своей деятельности; считал масонство по своей конструкции организацией сложной и громоздкой, а потому опасной в условиях советской действительности»*⁴. Б.В. Астромов же, напротив, в центр своей деятельности поставил именно масонство как таковое. В результате он вышел из юрисдикции Г.О.М. и начал самостоятельную работу совместно с О.Е.Нагорновой — мастером женской масонской ложи, организованной уже после революции.

Казалось бы, пути незадачливого генсека и мартинистов навсегда разошлись. Однако оказалось, что это далеко не так. В мае 1925 г. Б.В. Астромов неожиданно появляется в приемной ОГПУ в Москве и предлагает свои услуги по освещению масонства в стране в обмен на разрешение покинуть СССР. Разрешения на эмиграцию Б.В. Астромов не получил, зато его предложение по освещению масонства в СССР заинтересовало чекистов, тем более что, как оказалось, они следили за ним еще с 1922 года.

Однако оставим на некоторое время чекистов с их проблемами и обратимся к личности героя нашего очерка — Б.В. Астромова. Скупые данные его биографии мы уже привели. Теперь, как представляется, самое время обратиться к его «художественному», так сказать, портрету. Принадлежит он известным ленинградским журналистам 1920-х годов — Л.Д. Тубельскому и П.Л. Рыжей, писавшим под псевдонимом «Тур». В 1928 году по следам масонских дел ленинградского ОГПУ ими были опубликованы две статьи-фельетона: «Галиматья» — в «Ленинградской правде» и «Тень от нуля (Масоны в Ленинграде)» — в «Красной газете».

«Перед нами, — писали они, — фотографическая карточка: нечто вроде крылатого грифона, озаренного вспышкой магия, — кивер, доломан, шкура пантеры, кожаные рейтузы. На бледном изможденно-наглом лице зияют огромные жемчужные пустые глаза, холодные, серые как платина. Они похожи на две склянки эфира — кажется, вот-вот они испарятся к небесам. Лицо, сжигаемое тайными страстями аскета и негодая. Это — Астромов, он же Ватсон, он же Кириченко. Это именно он в своем опереточном пышном наряде — юрист, лицензиат, мечтатель, золоторотец, окончивший академию в Италии с ученой степенью магистра иллюзорных наук, великий мастер ордена масонов.

Даже его родная мать (теща. — Б.В.) не может объяснить происхождение трех его фамилий. Вся его прошлая и настоящая жизнь покрыта пеленой таинственности, не совсем вспоротой даже ланцетом следствия.

Биография его заслуживает внимания. Он родился в разорившейся дворянской семье, учился в кадетском корпусе, из которого был выгнан за попытку изнасиловать учительницу французского языка. 1906 год застаёт его в Италии, куда он попал невесть ка-

ким путем. Во Флоренции он сходится с масонами и принимает обет вольного каменщика. Далее карьера его идет извилистыми странными путями. Он возвращается в Россию, где пытается организовать мистическое объединение. Мирно служит в страховом обществе «Саламандра». Между дел кончает юридический факультет (факт не подтверждается. Юридический факультет Б.В. Астромов закончил еще в Италии. — Б.В.). Затем непосредственно поступает на службу в сыскное отделение (документального подтверждения не имеется. — Б.В.). Открывает игорный дом. Женится на баронессе Либен. Несколько лет Астромов живет на ее средства, окончательно подчиняя себе ее волю. Разорив ее, заставляет при посторонних играть роль жилищи, водит к себе на семейную квартиру женщин, живет с известной кошкой из «Аквариума» Анжеликой Гопп. Награждает жену за четырехлетнюю совместную жизнь истерией.

Во время мировой войны Астромов занимается шпионажем и мародерством (документальные подтверждения отсутствуют. — Б.В.). Делает себе изрядное состояние на шарлатанских поставках каких-то корбундовых кругов для патронных заводов. Занимается искусными спекуляциями субтропическим рисом «индиго». В перерывах между сделками — совсем как в бульварном романе — Ривьера, Ницца, Иль-де-Франс. Томительные сумерки Ронсара. В один, как говорится, прекрасный день Астромов играет на бирже на повышение манташевских акций и ленских шерри и проигрывает все, вплоть до трости и котелка. Спасаясь от долгов, устав от мирской суеты, он уезжает в качестве лесничего в лес, в имение знакомого помещика под Курском.

Революционные потрясения не меняют жизненного стиля Астромова. В революции он продолжает жить той же паразитической жизнью авантюриста. Высокомерный анатом любви, изысканный бульвардье, он мешочничает, возит в деревню граммофоны и ситец. Транспортирует обратно соль и муку. Насиловывает в деревнях девушек под лозунгом «улучшения породы». Необъяснимыми путями он получает академический паек в Доме ученых. Потом профессии его меняются с быстротой необыкновенной. Он занимается кустарной выработкой бальзамов и снадобий против клопов и тараканов, причем называет эти снадобья «Эликсир сатаны». Затем, при переходе к нэпу, он открывает масонское кафе «Веселый фарисей». Играет в ресторанном джаз-банде на саксофоне. Заведует прачечной от Комхоза. Наконец, устраивается инспектором в Губфинотделе.

Меняя профессии как перчатки, он все чаще меняет женщин и жен. На вечеринке у масона Сверчкова он пытается насилловать присутствовавших там дам... Материальный достаток Астромова складывается из торговли гороскопами по червонцу за штуку и из поборов подчиненных ему масонов. Великий мастер страдает манией величия: любит облачаться в странные одеяния, командо-

вать и приказывать; написал два своих портрета в костюмах бенедиктинского монаха и маркиза XVIII столетия. Показывая их посетителям, скромно дает понять, что это его портреты в прошлых инкарнациях. Сообщает, что он живет две тысячи лет. Туманно рассказывает о своем происхождении от Наполеона I, подтверждая это своим наружным сходством с ним.

Великий мастер нечист на руку: продал мебель своей четвертой жены (третьей? — Б.В.), украл четыре фунта серебра у одной из масонов, украл старинный меч из приемной врача. Таков, — заключают авторы, — один из характерных представителей отечественного масонства в наши дни. Таков один из последних могикан крупного авантюризма типа Калиостро. Родись он веком раньше, он был бы Калиостро или де Роккетом. Сейчас он — опереточная, смешная фигура».

Досталось от авторов статьи и коллеге Б.В. Астромова — С.Д. Ларионову. Места ему в фельетоне уделено, правда, значительно меньше, но яркость и выпуклость зарисовки от этого не пострадали.

«Подобно тому, как Калиостро сопровождал его друг и доверенный Петер Шенк, точно также тенью Астромова являлся этот Ларионов, — пишут они. — Он происходил из семинаристов. Был одновременно студентом-медиком, студентом Консерватории по классу гобоя, актером фарса Сабурова, православным священником и, конечно, масоном. Когда Синод лишил его священнического сана, он принял католичество и быстро стал ксендзом одного из соборов. Это — авантюрист астромовского толка. И тот, и другой сейчас — вымирающая, редкая порода бобров или марабу. Жесткие законы Дарвина действительно и в применении к поколениям авантюристов»⁵.

Как ни художественна и занимательна характеристика Б.В. Астромова, данная ему «братьями Тур», она все же пристрастна. Во всяком случае, к появлению Б.В. Астромова на Лубянке и к его предложениям там отнеслись со всей серьезностью. Очевидно, что, несмотря на присущие ему недостатки, столь красочно описанные фельетонистами, Б.В. Астромов оставался в то же время достаточно умен и убедителен в глазах своих высокопоставленных собеседников из ОГПУ.

После допросов и бесед в Москве со «специалистами» ОГПУ (член коллегии Я.С. Агранов, начальник Секретно-оперативного отдела Генкин) Б.В. Астромов прибыл в начале июня 1925 г. в Ленинград, где и стал «работать» под контролем ОГПУ. Оперативную связь с ОГПУ (зам. начальника Райский) Б.В. Астромов осуществлял через некоего Лихтермана, встречаясь с ним время от времени на конспиративной квартире по Надеждинской улице. Не возбранялось ему появляться в ОГПУ и по собственной инициативе, позвонив, правда, предварительно по соответствующему телефону.

Повышенный интерес этого учреждения к Б.В. Астромову понятен, так как он «заложил» не только мартинистов, но и собственную подпольную организацию «Русское автономное масонство», генеральным секретарем которого и представился чекистам. Начало ей было положено еще в 1921 г. учреждением Б.В. Астромовым из недовольных Г.О. Мебесом мартинистов собственной, независимой от него масонской ложи «Три северные звезды».

Сделать это было не так уж и сложно, поскольку в результате проведенной в 1919 году Г.О. Мебесом реорганизации ордена мартинистов (введение так называемого «строгого послушания» или, проще говоря, строгой дисциплины) недовольных было много. Часть их группировалась вокруг А.Н. Семигановского (старый мартинист, возглавлявший с 1916 года ложу «Зодиак»), исключенного Г.О. Мебесом в 1919 году и основавшего после разрыва с Учителем собственный «Христианский Эзотерический орден» (1920–1923 гг.) — С.Д. Ларионов, Б.Л. Киселев, Н.Н. Молчанов, Н.П. Смирнов и другие. Часть пошла за Б.В. Астромовым. Членами его ложи вскоре стали: инженер-архитектор П.Д. Козырев, инженер-путеец М.М. Петров, бывший присяжный поверенный В.П. Остен-Дризен, художник Н.Г. Сверчков, киноартист С.Д. Васильев, бывший адъютант командующего Ленинградским военным округом Д.И. Аврова, служащий АРА в Ленинграде Р.А. Кюн, кинорежиссер Г.В. Александров, бывший инспектор консерватории Г.Ю. Бруни, артист балета Е.Г. Кякшт. Б.В. Астромову удалось организовать четыре диссидентствующие ложи мартинистского толка — «Пылающий лев» (мастер стула В.П. Остен-Дризен), «Дельфин» (мастер стула М.М. Петров, наместный мастер А.Н. Вольский), «Золотой колос» (наместные мастера Н.А. Башмакова и О.Е. Нагорнова). Упражнения в передаче мыслей, столоверчение, гипнотические сеансы, лекции — таков приблизительно был круг их занятий.

В августе 1922 года представители этих лож учредили т.н. ложу-мать Великая ложа «Астрея» и объявили о создании новой, независимой от мартинистов организации «Русское автономное масонство» (члены: А.Н. Вольский, С.В. Полисадов, М.М. Севастьянов, В.В. Петров, А.Н. Остен-Дризен, Р.А. Кюн). Генеральным секретарем Великой ложи «Астреи» стал Б.В. Астромов.

Располагалась *Astrea Ruthenica*, или «Великая ложа Русская звезда», в доме на Михайловской площади, напротив Михайловского театра, на втором этаже, в квартире О.Е. Нагорновой и ее приемной дочери, на которой был женат Б.В. Астромов. Ложа занимала большой зал с драпировкой голубого цвета. Окна помещения выходили на Михайловскую площадь. Собственная ложа Б.В. Астромова «Три северные звезды» располагалась в его собственной квартире недалеко от Владимирской церкви. Это

был обычный кабинет с двумя окнами. В нише одного из них помещался алтарь со всеми необходимыми атрибутами. Чтобы превратить обычный кабинет в масонскую ложу, достаточно было отдернуть занавеси.

Что касается должности Великого мастера, которым был объявлен бывший директор императорских театров В.А. Теляковский (1861—1924), то она, судя по всему, оставалась вакантной, так как в ходе следствия Астромов вынужден был признать факт мистификации «братьев» в этом вопросе и подделку подписи Теляковского на официальных документах ложи.

На основании патентов, выданных Б.В. Астромовым, были открыты две ложи за пределами Ленинграда: «Гармония» в Москве во главе с бывшим маринистом Сергеем Полисадовым и «Рыцарей пылающего голубя» в Тифлисе во главе с братом Б.В. Астромова Львом Кириченко-Мартовым.

Отношения Б.В. Астромова с Советской властью в первые послереволюционные годы были весьма дружественными. *«Петрогубчека, — вспоминал он позднее, — призвав наших руководителей и побеседовав с ними, выяснила, что наша организация стояла и стоит в стороне от политики и занимается философскими вопросами человеческого самоусовершенствования и перевоспитания... Следовательно... Владимиров еще до революции был знаком с деятельностью Российского Автономного масонства. Поэтому, расспросив нас и заслушав доклад Владимирова, председатель Петрогубчека Комаров махнул добродушно рукой: «Раз вы не против нас, то живите мирно, принося в своем маленьком масштабе известную пользу человечеству».*

«Я не буду касаться моего дальнейшего прохождения гражданской службы после демобилизации по болезни в начале 1920 года, — показывал 3 февраля 1926 года Б.В. Астромов на допросе, — лишь расскажу происшедший у меня разговор с членом Президиума Коминтерна, а тогда комиссаром Петрогуботдела юстиции тов. Я.И. Анвельтом. Тов. Анвельт назначил меня в 1921 г. юрисконсультом в Смольный. Тогда я пришел к нему и откровенно сказал, что я — масон, а потому, может быть, он передумает. Тот, пристально посмотрев на меня, сказал — «я знаю, что вы порядочный человек». И я был назначен. Этот разговор всегда можно проверить, т.к. т. Анвельдт находится в Москве. Труднее проверить разговоры мои с председ. Сов. нар. суда в Ленинграде тов. Филиповой, спрашивавшей меня неоднократно, почему я не вступаю в коммунистическую партию, потому что тов. Филипова, захваченная эстонским правительством и не желая попасть ему в руки, покончила с собой в 1923 г. в Ревеле, но один такой разговор происходил в присутствии нарсудьи тов. Арнольд, которая теперь служит во ВЦИКе и, наверно, помнит мой шуточный ответ: «Все равно я уже синдикалист. Ведь и Джон Рид — тоже синдикалист». Это был период моего увлечения масонством.

Каковы мои политические убеждения. Как масон — я гражданин мира, т.е. для меня теперь (во времена студенчества еще существовали) не существует национальных и государственных границ. Для меня все равны: русский, еврей, татарин, индус, китаец и т.д., француз, итальянец и американец; хотя тянет меня к Востоку. Как масон — я стремлюсь к счастью и прогрессу всего человечества, когда не будет ни войн, ни болезней, ни страданий; и вижу, что у нас, в СССР, через диктатуру пролетариата это будет со временем достигнуто в малом масштабе, т.е. в пределах СССР.

Значит, нужно стараться поскорее: а) изжить этот переходный период — диктатуру, и б) расширить советы до Всемирного Союза Советов всех освобожденных народностей»⁶.

Б.В. Астромову даже удалось получить охранную грамоту для Великой ложи «Астреи» и помещения ложи «Аполлония Тианского» ордена мартинистов во главе с Г.О. Мебесом. Копия этого документа вместе с телефоном уполномоченного ЧК по борьбе с левыми партиями хранилась у председателя домкома масона С.Д. Ларионова⁷.

Церемония посвящения в младшие степени ордена сводилась к следующему. Преклонив колена перед алтарем, неофит зачитывал соответствующий его степени отрывок посвящательной тетради, после чего председательствующий в белой одежде мага делал ему краткое наставление. Заканчивалась церемония приведением неофита к присяге, скрепляемой его подписью кровью из проколотого пальца.

По свидетельству М.М. Севастьянова, которого Б.В. Астромов посвятил в 30-ю масонскую степень (4-я мартинистская), ему в ходе этого таинства пришлось не только поставить кровью отпечаток указательного пальца у своей подписи под текстом клятвы с обетом молчания, но и поцеловать рукоятку ритуального меча и шестиконечную звезду на груди Б.В. Астромова. Кроме того, в соответствии с оккультной традицией, Астромов нарисовал ему на лбу еще и изображение священной пентограммы, т.е. пятиконечной звезды. Среди ленинградских оккультистов «школа» Б.В. Астромова считалась магической, так как позволяла, по общему мнению, прошедшим ее «подчинять» себе окружающую среду, правда, не прибегая, в отличие от черной магии, к услугам темных, сатанинских сил.

Такова была в общих чертах организация Б.В. Астромова, члены которой оказались втянутыми своим руководителем в крупную политическую игру. Некоторое представление о ней дает подготовленный Б.В. Астромовым и его коллегой по ордену М.М. Севастьяновым 15 августа 1925 г. по просьбе ОГПУ специальный доклад (о нем уже упоминалось в начале нашего очерка), целиком посвященный возможному сотрудничеству между большевиками и масонами.

При помощи ОГПУ доклад был перепечатан на машинке и отправлен в двух экземплярах в Москву, а копия его представлена в Ленинграде в местное отделение ОГПУ. Доклад Б.В. Астромова не был его личной импровизацией на «масонскую» тему. Это был масонский ответ на интересовавшие «специалистов» ОГПУ конкретные вопросы. В первую очередь речь шла, естественно, о возможности использования масонской организации в интересах строительства коммунизма в СССР.

Развивая эту мысль, Б.В. Астромов в своем докладе подчеркнул, что *«конечно, масоны не претендуют на открытую легализацию, т.к. это будет скорее вредно, чем полезно для работы»*. И тогда, отмечал он, *смогут обвинить в «чекизме» или «рептильности», что непременно оттолкнет от масонства русскую интеллигенцию*. Роль масонства должна была главным образом заключаться в том, чтобы убедить лучшую часть ее в *«закономерности переживаемых событий, а следовательно, и неизбежности их»*.

Здесь, по мнению Б.В. Астромова, *«реальная работа» «Автономного русского масонства» могла бы выразиться прежде всего «в укреплении в правосознании русской интеллигенции идей интернационализма и коммунизма, а также в борьбе с клерикализмом»*. В конечном итоге Б.В. Астромов предлагал советскому правительству следующий *«modus vivendi»*: советская власть терпит существование масонских лож и ячеек, входящих в союз «Генеральной ложи «Астреи», не преследуя ее членов, а «Генеральная ложа «Астрея», в свою очередь, берет на себя обязательство «не иметь никаких тайн от правительства СССР и не находиться в связи или в союзе ни с одним иностранным масонским орденом».

Документ — что и говорить — примечательный. Но что или кто стоит за ним? Действительно ли Б.В. Астромов сам додумался до идеи масонизации при негласной поддержке правительства если не всей страны, то хотя бы русской интеллигенции, или же эта идея была подсказана ему во время бесед со «специалистами» ОГПУ.

Ответить на этот вопрос непросто. Дело в том, что, заявляя в ходе следствия, что никаких других целей при создании своей организации, кроме «самоусовершенствования и самодисциплинирования» ее членов, он не преследовал, Б.В. Астромов был не вполне искренен. Во всяком случае, попытки Б.В. Астромова связаться с английским масоном Ломбартом Деритом — бывшим пастором англиканской церкви в С.-Петербурге, а также с ректором Туринского университета масоном Горрини позволяют предположить, что планы его шли несколько дальше работы «над собой» членов сообщества. Об этом же говорит переписка Астромова с Р.А. Кюном и его хлопоты, начиная с 1923 года, о получении заграничной визы.

Р.А. Кюн был приятелем Б.В. Астромова и членом его ложи. Эмигрировав в начале 1920-х гг. в Америку, он попытался уста-

новить связь ленинградских масонов с тамошними «братьями», предъявляя им при этом подписанный Б.В. Астромовым «диплом» или «патент» Великой ложи «Астрейя» Автономного русского масонства. Но никакого впечатления на американских масонов бумаги Р.А. Кюна не произвели.

«Вчера говорил опять с историком здешнего факультета (руководитель масонской ложи. — Б.В.), — писал он Астромову из Америки. — Он шельма, очень образованный и недаром историк (масон. — Б.В.). Очень трудно его убедить. Все эти дипломы — все не то, хотя они еще будут рассматриваться на заседании консилиума. Он говорит: почему? — 1) шотландский стиль; 2) египетский рисунок; 3) еврейские подписи... Должно быть не больше трех факультетов (степеней. — Б.В.). И много, много еще ерунды, которой здесь больше нет давным-давно. Они говорят: таких обманщиков много на свете, почитали немного и лезут в ученые»⁸.

Как видим, Б.В. Астромов отнюдь не собирался засиживаться на берегах Невы. И все же сама мысль о возможном сотрудничестве масонов с советской властью принадлежит, судя по всему, не Б.В. Астромову.

Здесь скорее всего, как представляется автору этих строк, были задействованы иные силы. Некоторый свет на них проливают показания масона Н.Н. Беклемишева, который свидетельствовал, что уже в конце 1925 г. Б.В. Астромов говорил ему о своем желании устроить в Москве «ложу с ведома Политуправления, чтобы работать совместно на сближение с западными державами». «Припоминаю, — показывал он 3 марта 1926 г. следователям ленинградского ОГПУ, — что сначала Астромов приписывал эту идею некоему Барченко, а потом уже стал говорить от себя и, кажется, ездил по этому вопросу в Москву». Таким образом выясняется, что идея использования масонских каналов для сближения Советской России с западными державами была подброшена Б.В. Астромову со стороны А.В. Барченко, который, как мы уже знаем, вовлек в 1919 г. в масонскую ложу Г.И. Бокия (могло, впрочем, быть и наоборот) и был, несомненно, связан с ОГПУ.

Правой рукой Б.В. Астромова был наместный мастер московской ложи «Гармония» Сергей Палисадов, с помощью которого ему удалось «выйти» на своего коллегу из «Великого Востока Франции» В.И. Забрежнева, работавшего в середине 1920-х гг. в Совнаркоме СССР. Ободренный этим, Б.В. Астромов дает С.В. Полисадову задание связаться посредством орденских знаков с А.В. Луначарским и редактором «Известий» Ю.С. Стекловым (Нахамкисом). Сам Астромов тоже не сидел сложа руки и сумел заинтересовать масонством заведующего отделом международных расчетов в Ленинграде члена ВКП(б) А.Р. Рикса и настойчиво искал встреч с бывшим следователем Петроградской Губчека К.К. Владимировым.

«Иисус Христос, — смущал Б.В. Астромов работавших с ним

чекистов, — самый первый христианин, можно сказать, был и первым масоном... Но его можно также назвать и первым большевиком. Хотя все это очень спорно... В нашем понимании Христос — самозванец. Мы чтим Бога как Архитектора Вселенной, как нечто отвлеченное, отвергая официальную религию и церковь. Масоны — скорее большевики, чем христиане».

Сведения о ленинградских масонских ложах, имевшиеся к этому времени в ОГПУ, сводились к тому, что среди их членов немало «высококвалифицированных научных как гражданских, так и военных сил, технических специалистов и пр. — лиц, занимающих крупные должности в советском аппарате, готовящихся выступить против Соввласти». Было известно также и о связях ленинградских лож с заграницей, в частности, с масонскими ложами «фашистской Италии». Не остался без внимания чекистов и конспиративный характер работы масонских лож и их бешеная «борьба с «засильем жидов», Соввластью и ВКП(б)», а также попытки втянуть в масонство «отдельных членов партии, дабы проводить через них свою работу».

Летом 1924 года ОГПУ установило, что вождем ордена мартинистов в Ленинграде является Г.О. Мебес, причем деятельную помощь ему оказывает «проживающая с ним М.А. Нестерова». Не было секретом для ОГПУ и имя руководителя союза «Астрей» — Борис Викторович Астромов-Кириченко-Ватсон. 14 июля 1924 года ОГПУ сумело установить, что на квартире у П.П. Ишимерского собирается оккультный кружок, члены которого занимались вызовом духов и различного рода предсказаниями, в том числе и политического характера: «смерть тов. Троцкого от руки женщины», «приближающееся царство Николая III» и т. п. Наружным наблюдением была установлена связь этого кружка с Г.О. Мебесом.

Выяснилось также (апрель 1925 года), что оккультист Г.В. Александров занимался «вербовкой людей в масонскую организацию, где посвящение производится только после длительного предварительного испытания, причем после посвящения производится тщательное наблюдение за вновь принятым, вплоть до его спальни». Члены кружка занимались развитием воли, строгим подчинением себе своих желаний. Было установлено также, что сам Г.В. Александров, в свою очередь, является членом ложи Б.В. Астромова.

2 июня 1925 года ОГПУ стало известно о существовании подготовительной масонской группы (20 человек), собиравшейся на квартире у Е.П. Вартапетовой-Бершадской-Баресковой, которая вместе со своим братом А.П. Баресковым и являлась ее руководителем.

Семь месяцев продолжалась провокационная по своей сути деятельность Б.В. Астромова, пока наконец работавшие с ним чекисты не поняли, что их подопечный явно не та фигура, с ко-

торой можно иметь серьезное дело. Инвалид второй группы (последствие контузии, полученной им в русско-японскую войну), Б.В. Астромов пользовался у масонов незавидной репутацией не только неуравновешенного, но и лживого, морально нечистоплотного человека. Ни о каком уважении к нему со стороны учеников не могло быть и речи. Весь авторитет Б.В. Астромова среди «братьев» покоился на присущей ему силе гипнотического воздействия на собеседника. В связи с этим среди части братьев даже распространилось поверье, что вся магическая сила Астромова заключается в семи длинных волосках на его лысом черепе под академической шапочкой, направление концов которых якобы регулярно меняется им с переменной направления астрального влияния.

Крайне неблагоприятные для Б.В. Астромова показания относительно его морального облика дали в ходе следствия его теща О.Е. Иванова-Нагорнова и две первые жены: Л.И. Хальфина и баронесса А.Н. Либен. Особенно много нареканий вызывало практикуемое Б.В. Астромовым принуждение своих учениц к вступлению с ним в половую связь в извращенных формах — так называемое *«трехпланное посвящение»*, якобы распространенное в некоторых эзотерических ложах Западной Европы. В развитие этого сюжета стоит отметить, что в ходе следствия в представительство ОГПУ в ЛВО поступило заявление от Е.Л. Юргевич, просящей привлечь Б.В. Астромова за оскорбление, «имевшее место на вечеринке у Н.Л. Сверчковой, где он пытался ее изнасиловать, а затем, пользуясь гипнозом, подчинил ее волю и принудил к противостественному половому сношению с собой, а впоследствии неоднократно пытался склонить ее к тому же». Свидетельскими показаниями Н.Л. Сверчковой было установлено, что Б.В. Астромов сожительствовавал со своей ученицей К.В. Степановой-Михайловой, которая, в свою очередь, не только подтвердила этот факт, но и рассказала, что одновременно с этим тот сожительствовавал и с актрисой Гарязиной и пытался сожительствовавал с другими ее подругами.

Припертый к стенке в ходе следствия своими «братьями» по ордену, Б.В. Астромов защищался как лев. Прежде всего он постарался отвести свидетельства о якобы присущей ему клеptomании. Характерны в этом отношении его показания от 11 февраля 1926 года:

«Предупрежденный, что за дачу ложных показаний буду привлечен к ответственности по статье 178 УК, показываю:

В[опрос]. Крали ли у кого-либо из знакомых или присваивали ли себе чужие вещи?

О[твет]. Ни у кого и ничего никогда не крал и чужих вещей не присваивал. В краже меня обвиняет, очевидно, приемная мать моей жены — Нагорнова-Иванова Ольга Евграфовна. Был следующий случай: в 1923 году, когда Г.О.М[ебес] окончательно запретил ей

бывать у него (с Г.О.М. она жила до 1912–1913 года), благодаря ее интриганскому и взбалмошному характеру она, разозленная на Г.О.М., предложила мне кому-нибудь продать подаренный ей Г.О.М. мартинистический знак 4-й тайной степени в виде пятиконечной звезды, состоящий из семи металлов. Тогда я ей сказал, что зачем ей продавать другим, когда я сам куплю у ней его. Мне она ответила: «Нет, Вам я его подарю». Когда же у нас начались с ней несогласия, я ей возместил этот знак вещами, стоимость коих значительно превосходит указанную ею сумму — 50 рублей. Правдивость вышеизложенного могут подтвердить письма моей жены. Никаких других вещей я у Нагорновой не брал и споров о вещах с ней не заводил, зная ее характер...

В. Какие меры запугивания вы употребляли в отношении непокорных или ухודивших от вас масонов?

О. Никаких физических мер запугивания мною не предпринималось. Помню один случай, когда на масона Сверчкова было наложено взыскание за недисциплинированность, а он, обидевшись, подал заявление об уходе. Тогда мною ему было написано письмо, где указывалось, что из-под наказания не уходят, что нужно его сначала выполнить, а потом уходить. В письме была ссылка на принесенную им при посвящении присягу с вытекающими из нарушения ее нравственными последствиями. После этого Сверчков явился ко мне со слезами раскаяния и извинениями. Уходящих учеников у меня не было, и никаких мер и угроз в отношении других масонов мною не предпринималось».

Отрицал Б.В. Астромов какие-либо элементы принуждения и в отношении сожительствовавших с ним учениц, признавая, впрочем, свою приверженность «нетрадиционным» приемам секса. «Фактов своей извращенности не отрицаю», — отмечал он в своих показаниях.

Однако моральный облик Б.В. Астромова, судя по всему, не так уж интересовал следствие. Материалов на эту тему у него и так было предостаточно. Другое дело — заграничные связи Б.В. Астромова. Впрочем, здесь Борис Викторович был немногословен и ответы на задаваемые ему следователями ОГПУ вопросы давал продуманные и взвешенные.

«В. Кому за границу вы посылали сведения о русском масонстве?

О. Собирался послать выдержки из своей лекции о масонстве для напечатания в итальянских журналах и об этом писал Горрини. Но этой статьи не собрался перевести на итальянский язык и послать. Предполагал везти с собой (речь идет о предполагаемой поездке Астромова в Италию. — Б.В.).

В. Имеете ли родственников за границей помимо жены и где?

О. Имею только одного брата Михаила Викторовича в Мукдене. Письмо от него получил одно летом 1924 года и на него не отвечал. Был один дядя (двоюродный) в Италии, католик, настоятель католической церкви в Риме. Умер в 1910 году.

В. Почему вы искали знакомства с консульствами?

О. Знакомств с консульствами я не искал, но когда собирался уезжать за границу, то хлопотал о визах для себя и своей жены. Бывал в латвийском, итальянском, германском и в Москве был в австрийском консульстве уже с готовым паспортом моей жены. Знаком по Итальянскому обществу с итальянским консулом, секретарем итальянского консула, а из германского консульства знаю служащего Блюменфельда по Коллегии защитников. В каждом из этих консульств я был не более двух-трех раз по надобностям виз.

В. Кто вам дал визу из Италии?

О. О визе я начал хлопотать в 1923 году через находившееся тогда в Ленинграде коммерческое представительство, где и познакомился с нынешним секретарем итальянского консульства. Визу я получил непосредственно из итальянского министерства иностранных дел по представлению коммерческого агентства.

В. В каких взаимоотношениях вы находитесь с парижской конторой по розыску наследников?

О. Ни в каких. Но знаю о ней следующее. Дризен мне рассказывал, что гражданин Хазин, наживший в свое время крупный капитал на розыске наследников, ныне, переехав в Париж, открыл там такое же бюро и имеет, полагаю, большую агентуру в СССР. Дризен является его рядовым агентом, так как я знаю, что он сам ездил куда-то за Москву, кажется, в Рязань, за какими-то документами по поручению Хазина. Я лично с Хазиным виделся несколько раз; в моих хлопотах о получении паспорта в бюро виз и на квартире у Дризена. Хазин мне однажды дал адрес парижского адвоката, некоего Бентовского, полагаю, что это его поверенный...»

Воспользовавшись словоохотливостью Б.В. Астромова, следствие потребовало от него подробной характеристики названных им ранее известных ему оккультных групп и их отдельных членов. Б.В. Астромов с готовностью откликнулся на это требование.

«Дополнительно к предыдущему, — читаем мы в его показаниях от 11 февраля 1926 года, — показываю:

Помимо упомянутых оккультных групп существовал «Эзотерический орден Восточного Послушания» под руководством Семигановского Антона Николаевича. Он родился в Париже в 1887 году от матери-итальянки Дяльти, почему эту фамилию он и присоединил после революции к своей. Кончил университет в Санкт-Петербурге. В 1916—1917 годах читал лекции по оккультизму в обществе «Сфинкс», председателем коего был Лабода Георгий Осипович. С Г.О.М. он познакомился в 1916 г. (кажется) у оккультистки Гревцовой. Скоро Семигановскому была дана 4-я степень мартинизма, соответствующая 30-й масонской, которая дает право посвящать в младшие степени, и было ему поручено управлять мартинистской ложей «Зодиака». Эта ложа находилась на квартире Семигановского на площ. Мариинского театра. В этой ложе

находились также Ларионов Сергей Дмитриевич и Киселев Борис Львович, а также, кажется, и художник Молчанов Николай Петрович. В своих практических работах по оккультизму (так наз. астральный выход) Семигановский стал прибегать к морфию, к которому скоро пристрастился. К нему же он приучил и своего ученика — Киселева Б.Л.

Благодаря морфию у Семигановского развилась болтливость и мания величия. Для подтверждения ходивших об этом слухов к Семигановскому была подослана мартинистка Демченко Екатерина Григорьевна, которой Семигановский действительно выболтал о своей тайной степени посвящения и своих планах образовать самостоятельный орден, так как он «не хочет подчиняться женщине», то есть Нестеровой Марине Альфредовне. За это он был лишен своих степеней и исключен в 1919—1920 годах из ордена мартинистов.

Семигановский не успокоился и основал собственный христианский «Эзотерический орден». Его помощниками были Ларионов С.Д., Киселев Б.Л. и Смирнов Н.П., которым он для авторитетности сразу дал третью степень мартинизма (чисто формально, не дав им посвячительных тетрадей и не подготовив их теоретически к этой степени). Зимой 1923 года член ложи «Трех северных звезд» Казанский Петр Васильевич доложил мне, как своему мастеру стула, что на Бассейной, 8, в квартире некоего Ордовского (бухгалтера по профессии), читаются лекции по оккультизму, причем лектора говорят, что у них имеется несколько групп, большая библиотека по оккультизму и что всю организацию возглавляет видный оккультист, имя которого они пока отказались назвать. Заинтересованный этим, я вместе с Казанским стал посещать эти лекции под видом якобы интересующегося оккультизмом. Сразу же я узнал в лекторах исключенных из среды мартинистов Ларионова и Киселева, которые, как младшие, меня, конечно, не знали...

Случай рассказывать орден скоро представился. Ларионов, который был «великим канцлером», давно собирался «съесть» Семигановского, но нечем было его заменить. Сам же он, очевидно, не решался на самостоятельную деятельность. Мой приход в этом отношении был ему на руку. Тем более что я совершенно не был в курсе их орденских дел, а следовательно, сделав меня магистром, а себя наместником, Ларионов получал полную свободу действия. Он подговорил Киселева, слабовольного, как морфиниста, и тот подал заявление в капитул, прося суда над магистром...

Вместо того, чтобы исключить Семигановского, я воспользовался своими правами верховного судьи, и, взяв предварительно с них подписку... закрыл «Эзотерический орден» и примыкающую как подготовительная ступень к нему, «Эзотерическую церковь» — кружок подготавливавшихся. Происходило это весной 1923 года.

Ларионов и Киселев затаили недоброжелательство против меня, но им пришлось подчиниться».

Большой интерес представляют характеристики, данные Б.В. Астромовым ближайшим помощникам Семигановского — С.Д. Ларионову, Б.Л. Киселеву, Н.П. Смирнову.

«Ларионов Сергей Дмитриевич, рождения 1893—1895 гг. Был студентом-медиком 3-го курса, учился в консерватории, был артистом у Сабурова и, наконец, в одно время с Семигановским сделался священником. В ордене мартинистов он был в младшей степени ассоциата. За устройство своего мистического брака Ларионов был на год исключен из ордена. В 1920 году он появился снова у Нестеровой, предлагая организованную им якобы группу. Эту группу поручено было «посмотреть» Комарову, и тот дал отрицательный отзыв, и ее вхождение (группы) не состоялось. После этого, по слухам, Ларионов принял католичество и был в сношениях с католическим епископом Цепляком. В чем выражалась деятельность Ларионова после возвращения Семигановского в Москву, не знаю.

Киселев Борис Львович, одних почти лет с Ларионовым, был студентом политехникума. В ордене мартинистов был в младшей степени. Находился под руководством Богданова Василия Васильевича. Сначала подавал надежды, но потом, под влиянием Семигановского, пристрастился к морфию и стал обнаруживать признаки клептомании, за что был удален из ордена.

При образовании Семигановским своего «Эзотерического ордена» был привлечен последним в качестве «ректора» оккультных курсов. Перед самым закрытием ордена у него снова стали проявляться болезненные признаки клептомании. Думаю, что угроза Ларионова рассказать об этом другим и заставила Киселева согласиться на предложение Ларионова подать свою жалобу на Семигановского, так как по натуре своей Киселев не злой человек и не интриган...

Смирнов Николай Петрович, был священником 35 лет и ничего собой интересного не представляет. Семигановскому и Ларионову он, очевидно, нужен был для рекламы, так как редко можно встретить простого попа, который бы занимался столь «богомерзким» делом, как оккультизм.

О других руководителях оккультных групп в Ленинграде дополняю:

Клочков Григорий Владимирович. Знаю, что он был литератором, печатавшимся в газетах. Теперь «профессор» в каком-то военно-учебном заведении. В 1918—1919 гг. жил в Ялте, где, как говорят, успешно лечил магнетизмом (пассажи). Говорят, что некоторые, приходившие на костылях, уходили от него совершенно здоровыми...

Лобода Георгий Осипович, бывший председатель общества «Сфинкс», где бывали Семигановский и Барченко А.В. Серьезное

вначале, общество впоследствии выродилось в столоверчение и в ужины с вином за отдельными столиками. В 1917 году Лобода составил компилятивный сборник «Сфинкс», который, если бы не был так проникнут «лампадным маслом», мог бы служить руководством для начинающих оккультистов. Занятия Лободы оккультизмом носили явно выраженный эротический характер, за что он и поплатился: в него стреляли, пуля попала в рот и, выбив несколько зубов, вылетела наружу, и рана быстро зажила, не оставив повреждений, кроме следов пороха на лице. В 1923–1924 годах он принимал участие в комиссии по изучению психических явлений при Институте мозга. Жена его популярная в Сенновском районе гадалка»¹⁰.

Словоохотливость Б.В. Астромова, помимо, так сказать, шкурного интереса, связанного с возможностью облегчения своей участи, имела и другую, не менее важную основу. Всякие отношения со своими коллегами по ордену были к этому времени у него уже порваны. И дело тут не только в изъянах нравственного облика генерального секретаря «Автономного русского масонства», которые, конечно же, не могли не беспокоить их. Не менее важно и то, что «братья» быстро догадались о контактах Б.В. Астромова с ОГПУ и, понятное дело, не одобряли их, справедливо подозревая в нем провокатора. Смута, возникшая в связи с этим в «братской» среде, закончилась в конце концов тем, что 16 ноября 1925 г. астромовская ложа «Кубического камня» была закрыта «братьями», что означало фактическое исключение его из им же созданной организации.

22 ноября Б.В. Астромову был предъявлен ультиматум о сложении им с себя звания генерального секретаря сообщества, который он в сложившихся обстоятельствах вынужден был принять. 12 декабря 1925 года после долгих проволочек Б.В. Астромов объявил об официальном снятии с себя «звания» члена «Генеральной ложи «Астреи» и генерального секретаря. Это был конец Б.В. Астромова, ибо как с частным лицом ни о каком сотрудничестве с ним ОГПУ уже не могло быть и речи. Теперь он мог интересовать чекистов лишь в качестве подследственного.

И действительно, 30 января 1926 г. Б.В. Астромов был арестован. Начались усиленные допросы ленинградских оккультистов — Г.О. Мебеса, М.А. Нестеровой и других.

«Эзотеризмом, — показывал Г.О. Мебес на допросе 28 апреля 1926 года, — интересовался с давних пор (могу сказать, с молодости). В 1910 году, имея уже вполне сложившееся эзотерическое мировоззрение, знакомлюсь с фон Чинским, тогдашним делегатом ордена мартинистов парижского послушания; через два месяца посвящаюсь им в Неведомого начальника (полное март. посвящение); в конце 1910-го (или в начале 1911-го), несмотря на снабжение меня Парижской Высшей герметической школой Почетным дипломом на степень доктора герметизма и очень почетное и доверчивое обращение со мною фон Чинским, я неофициально ухожу из ордена,

недовольный поверхностным отношением к науке и Преданию большинства членов ордена, его печати, а также периодической печати дружественного с ним Парижского каббалистического ордена Креста—Розы. В 1911—1912 гг. работаю самостоятельно, прочитываю несколько публичных лекций; в 1912—1913 читаю лекции у себя на дому. В этот период времени, собственно, и возникает у меня Автономный разряд мартинизма русского послушания (термин «русский» после Октябрьской революции заменен термином «восточный», и тот и другой термины фактически означали — «не зависящий от Парижа»), что не мешает мне в 1912-м исполнить по просьбе Чинского два-три поручения по части справочной и по посвящению отдельных лиц. В конце 1912-го (или в начале 1913-го) я официально сообщаю Папюсу, что я категорически утверждаю не только фактическую, но и формальную свою автономию, и прошу провозгласить это печатно, что и выполняется журналом *Initiation* (правда, в очень мягкой и почтительной ко мне форме, но все же категорично)...

Вся работа на школе велась мною и М.А.Н. только в Ленинграде. Иногородных делегатов не имелось, и самый институт делегирования признается мною неортодоксальным и нецелесообразным, ибо его отрицательные стороны мне исторически известны, хотя бы на примере Парижского мартинизма.

Лично я работаю программно только с полноправными Нев[едо-мыми] нач[альниками], расширяя их философское мировоззрение и критико-исторические подходы к Преданию и к этиологии религиозных верований.

В общем плане работы своей идейно преследую нижеперечисленные цели: мне желательно заставить ученика в строгой постепенности самоанализа пересмотреть все свои знания, все свои верования, все свои привычки, все свои этико-эстетические подходы к жизни. Для облегчения этой работы я с ним рассматриваю сложный философский, научный, жизненный и т. п. материал в очень широких пределах — от грубейших суеверий почти дикого человека до тончайших методологических потуг человека высококультурного. Таким планом работы думаю развить в человеке, во-первых, сознательность, во-вторых, бодрое, мужественное отношение к жизни и спокойное довольство своим положением, как бы скромно оно ни было. Никаких догматических тезисов не навязываю, но, как учитель, ставлю обязательство работать по моему плану и вести себя согласно тому, что я считаю обязательным минимумом порядочности и серьезности.

На вопрос о том, как я отношусь к дивинации, отвечаю, что считаю уместным для работающих у меня проверять в жизни данные френологического, физиогномического характера, а также данные теории психологических «планетных» типов и так называемых «аналогично-групповых планетных влияний». Что касается астрологии, то она, по-моему, интересна только с точки зрения

ознакомления с ее терминологией, проникшей далеко за пределы учения о дивинации, а отчасти и с точки зрения истории религий. Лично я к астрологии отношусь ультраскептически, но годичный гороскоп для Северного полушария составляю, признавая за ним педагогическое значение в смысле указания на опасность тех или других человеческих слабостей: люди всегда лучше запомнят указание на определенные слабости, чем на слабости вообще, хотя бы эти определенные слабости были выбраны случайно.

На вопрос о том, какое я себе отвожу место, как оккультисту, и знаю ли я себе равного по эрудиции в этой области в пределах территории СССР, вынужден ответить, что самого себя судить не могу, а стараюсь только применить честно те скромные познания, которыми обладаю...

Раскрывать псевдонимы и называть своих учеников я не могу — не позволяет совесть»¹¹.

Решительно отказалась выдавать своих учеников по «школе» и М.А. Нестерова:

«Руководила школой Старого восточного послушания, причем отвечала за правильность руководства перед Григорием Оттоновичем Мебесом. Эта школа организована мною весной 19-го года и работала до последнего времени. Школа ставила своей задачей общеобразовательные цели и затем этико-эстетическое развитие. Устав и программа школы нигде не были зарегистрированы, и школа, следовательно, не является легальной. Ничего противного существующему строю в школе не преподавалось. Всего приблизительно через школу прошло человек 35. Школа отличалась текучестью состава.

Вопрос. Кто персонально являлись Вашими учениками?

Ответ. Отказываюсь назвать»¹².

Принципиальная позиция отказа от «сотрудничества» со следствием, занятая руководителями мартинистов, заслуживает уважения. Однако придерживались ее далеко не все. Особенно неприглядно вел себя с этой точки зрения Б.В. Астромов, который не только раскрыл личный состав ордена, но и «засветил» ряд других оккультных кружков Ленинграда, чего он, конечно, мог и не делать.

«Из других оккультных организаций мне известны:

1) Группа Лободы Георгия Осиповича, образовавшаяся из оккультного общества «Сфинкс», легально существовавшего до 1918 года. Как велико общество и состав его, мне неизвестно. Полагаю, что состав женский и занимаются там больше столоверчением и молитвословиями.

2) Остаток эзотерического ордена Восточного послушания Семигановского под названием «Внутренняя (эзотерическая) церковь». Руководят кружком священник Ларионов Сергей Дмитриевич и Киселев Борис Львович. У них ведутся лекционные занятия по истории оккультизма. Состав кружка не знаю.

3) Клубок Ключкова Григория Владимировича с антихристианским направлением. Он работает вместе с женой Патцнер. Знаю, что после ухода из ордена мартинистов у Ключкова бывал Трапичин с женой, который читал там лекции по истории буддизма.

4) Орден рыцарей Грааля под руководством некоего Гошерона Делафос. Занимаются они оккультизмом. Придерживаются чрезвычайно пышного ритуала. Предполагаю в них христианское направление.

5) Клубок доктора Барченко Александра Васильевича. В свое время он бывал в обществе «Сфинкс» и пытался с ним соединиться, но безуспешно. Из членов клуба Барченко знал Шандаревского Петра Сергеевича и Кондалайна А.А. Среди оккультистов Барченко не пользуется хорошей репутацией, как, например, могу указать на распространение им среди учеников рукописи, выдаваемой им за свою, которая есть не что иное, как плохой перевод с французского одной из книжек Элифаса Леви.

6) Знал группу Ломана (жив[ет] на Адмиралтейском канале), занимающуюся также оккультизмом и принадлежащую к антропософии, т.е. учеников Рудольфа Штейнера.

7) Из одиночек оккультистов знаю: 1. Наумова Александра Адельфиевича, ушедшего из клуба Ларионова и занявшегося магнетическим лечением знакомых; 2. Хлебникова Михаила Владимировича (?), у кого на квартире в свое время помещалось общество «Сфинкс»; 3) Беклемишева Николая Николаевича, который, думаю, за старостью оккультизмом уже не занимается.

8) Из одиночек масонов Великого Востока Франции знаю: а) Зарудного [Александра] [Сергеевича]; б) Морозова Николая Александровича; в) Грузенберга Семена Оскаровича; г) Геккена Вениамина Григорьевича; д) Некрасова [Николая Виссарионовича]¹³.

Уже находясь в Доме предварительного заключения, Астромов пишет 11 февраля 1926 г. письмо И.В. Сталину, где развивает мысль об использовании «красного масонства» не только как объединения коммунистически мыслящих интеллигентов, но и как «форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн».

«В поданном в авг. м. прошл. года вместе с управляющим мастером московской ложи «Гармония» Полисадовым докладе наблюдающему органу СССР о возможности совместной деятельности Авт(онного) рус(ского) мас(онства) и коммунизма, — писал Б.В. Астромов, — была вскользь брошена фраза: «красное масонство свободно могло бы существовать рядом с буржуазным — ведь существует же Профинтерн и Коминтерн рядом с рабочими и крестьянскими союзами, примыкающими к Амстердамскому соглашению»¹⁴.

Теперь я хочу указать на красное масонство не только как на объединение коммунистически мыслящих, но как на форму и маскировку, которую мог бы принять Коминтерн. Ни для кого не секрет, что Коминтерн (негласное московское правительство и штаб мировой революции, как его называют на Западе) является глав-

ным камнем преткновения для заключения соглашений с Англией, Францией и Америкой, и, следовательно, задерживается экономическое возрождение СССР.

Между тем, если бы Коминтерн был перелицован по образцу масонства, т.е. принял бы его внешние формы (конечно, упростив и видоизменив многое), ни Лига Наций, ни кто другой ничего не осмелился бы возразить против его существования, как масонской организации. Особенно Франция и Америка, где имеются целые ложжи с социалистическим большинством и где правительство большей частью состоит тоже из масонов (напр. президент Тафт, не бывший раньше масоном, сейчас же по избрании был посвящен в масоны).

Принятие Коминтерном масонской личины — совсем несложно и коснется лишь внешности. Каждая национальная секция его могла бы образовать отдельную ложу — мастерскую, а представители их (президиум) сформировали бы генеральную ложу.

Я удивляюсь, как рабоче-крестьянскому правительству раньше не пришло в голову воспользоваться этой старо рабочей, профессиональной организацией, захваченной буржуазией. Конечно, реформировав ее и очистив ее, согласно духу и заветам ленинизма (ведь позаимствовали же рабочие организации идею скаутизма и завели у себя отряды пионеров). Тем более что Соввласть уже взяла масонские символы: пятиконечную звезду, молоток и серп.

Наконец, сама пропаганда ленинизма, благодаря масонской конспирации и дисциплине, могла бы вестись успешнее, особенно в странах Востока, где так склонны ко всему таинственному.

Все, что я здесь пишу, только отдельные мысли, не обработанные и не детализированные.

Мне хотелось бы этими строками лишь дать толчок, пробудить Вашу творческую созидательную мысль.

А может быть, это Вас заинтересует. Тогда я готов служить своими знаниями и опытом в этой области, в качестве советника-консультанта или как Вы найдете удобным».

Характерно, что себя незадачливый генеральный секретарь «Автономного русского масонства» видел «в качестве советника-консультанта» при И.В. Сталине¹⁵.

Жизнь, однако, распорядилась по-другому. Сразу же после ареста Б.В. Астромова дошла очередь и до членов «Русского автономного масонства» и ордена мартинистов во главе с Г.О. Мебесом. В ночь с 16 на 17 апреля 1926 года ОГПУ провело обыски на квартирах наиболее активных деятелей оккультных лож: Г.О. Мебеса, М.А. Нестеровой, С.В. Слободовой, А.П. Барескова, В.Ф. Гредингера, Г.И. Лободы, С.Д. Ларионова, Г.В. Клочкова, А.Н. Патцнер, Н.Г. Сверчкова. «Улов» чекистов был ошеломляющим: огромное количество книг, масонских значков, мечей, шпаг, плащей, ленточек и других предметов масонского ритуала, которые были немедленно изъяты. Сложнее об-

стояло дело с масонским алтарем и молельней, обнаруженными на квартире у Г.О. Мебеса (Греческий пр., д.13/3, кв.5), который было решено оставить под сохранность хозяина. После этого ленинградских оккультистов стали то и дело вызывать на допросы в ОГПУ. Однако под арестом держали одного только Б.В. Астромова. В отношении остальных было решено ограничиться подпиской о невыезде.

Характерно, что уже после ареста Б.В. Астромова его ближайшие друзья: Георгий Александров, Николай Сверчков и Василий Гредингер пытались спасти организацию, преобразовав ее в ложу «Возрожденного Сфинкса», основанную уже на розенкрейцерских началах. Основу этого масонского сообщества должны были составить масоны, «оставшиеся от Астромова»¹⁶. Но было уже поздно.

20 мая 1926 года Б.В. Астромову, Г.О. Мебесу и другим оккультистам было предъявлено официальное обвинение. История масонства в России, читаем мы здесь, показывает, что оно всегда было в услужении того или иного капиталистического государства и как течение выросло и развилось из усилий буржуазии, направленных на то, чтобы притупить противоречия, рождаемые классовой борьбой и капиталистической эксплуатацией. *«Усилия буржуазии в этом направлении чрезвычайно разнообразны, и в маскировке классовых противоречий масонство занимает важное место, создавая в обществе атмосферу незыблемости капиталистического строя. Политика буржуазии делается не только в парламентах и передовых статьях. Буржуазия обволакивает сознание промежуточных слоев общества и вождей рабочих партий, парализуя их мысль и волю, создавая на их пути могущественное, хотя и не всегда заметное препятствие».*

Масонство, подчеркивалось в обвинительном заключении, по существу своему является не чем иным, как *«мелкобуржуазной переделкой католицизма, где роль кардиналов и аббатов играют банкиры и парламентские дельцы, продажные журналисты и адвокаты, а также прочие политические авантюристы. Разбавив католицизм и сократив небесную иерархию до одного лица — Великого архитектора вселенной, масонство приспособило к своему обиходу терминологию демократии: братство, гуманность, истина, справедливость, добродетель и в такой форме является важной составной частью буржуазного режима».*

Вступление в масонскую ложу в буржуазных странах означает, как правило, приобщение к высшим сферам политики, так как именно здесь *«завязываются карьеристские связи, создаются группировки и вся эта работа покрывается флером морали, мистики и обрядности... Масонство не меняет своей тактики в отношении коммунистической партии: оно не исключает коммунистов из своей среды. Наоборот, оно широко открывает перед ними двери, поскольку его политической функцией как раз и является*

всасывание в свои ряды представителей рабочего класса, дабы действовать размягчению их воли, а по возможности и мозгов»¹⁷.

Опасения, что широкая огласка этого дела могла бы привлечь к нему внимание «еще не окрепших идеологически некоторых групп населения» СССР, привели к тому, что судьба ленинградских оккультистов была решена во внесудебном порядке. 18 июня 1926 года дело было рассмотрено Особым совещанием Президиума коллегии ОГПУ. Самое тяжелое наказание — три года концлагерей по ст. 61 УК РСФСР получил сотрудничавший с ОГПУ Б.В. Астромов, заподозренный чекистами в неискренности. По три года получили его коллеги: В.Ф. Гредингер и С.Д. Ларионов. Остальные 16 обвиняемых — Г.В. Александров, А.А. Егоров, А.А. Антонова, Н.З. Кирюнов, Б.Л. Киселев, А.А. Наумов, С.В. Слободова, М.А. Нестерова, Г.В. Клочков, Г.О. Лобода, Е.П. Вартапетова-Барескова, М.А. Колокольцева, Г.С. Габаев, А.Н. Патцнер, А.В. Клименко, Г.О. Мебес — отделались сравнительно легким испугом. Как «социально опасные элементы» они подлежали административной ссылке в отдаленные местности СССР сроком на три года. Н.Г. Сверчкову в связи с «временной отлучкой», а также А.П. Барескову, находившемуся в психиатрической больнице, обвинения предъявлено не было¹⁸.

После отбытия срока практически все осужденные получили дополнительно трехлетний срок (это так называемый «минус с двенадцати») и были отправлены на вольные поселения: Г.О. Мебес — в город Усть-Сысольск на Урале, Астромов, Дризен, Петров и Гредингер — на Урал, Палисадов — в Ташкент. Остальные масоны, мартинисты и розенкрейцеры оказались в Сибири (Нарынский край) и Средней Азии. Наконец, после отбытия трех лет ссылки, они были освобождены. Но не все дождалась долгожданной свободы. В ссылке в Череповце в возрасте 30 лет умер Г.В. Александров. Такая же участь постигла в Усть-Сысольске и Г.О. Мебеса. Характерно, что после его смерти русские масоны передавали из уст в уста, что на его могиле якобы совершенно неожиданно вырос большой куст акации (масонский символ жизни). Одни говорили, что его якобы специально посадил один из учеников Г.О. Мебеса, другие — что кустик появился сам, без всякого содействия рук человеческих, как некогда расцвел на могиле Хирама куст акации¹⁹.

Что касается московской ложи «Гармония», то она, как это ни удивительно, практически не пострадала. Арестован был один только С.В. Палисадов (сидел в Бутырской тюрьме), который всю вину за организацию нелегального сообщества взял на себя. Очень скоро «Гармония» опять возобновила свою работу, правда, уже под руководством не Палисадова, а преподавателя Московского института восточных языков Петра Михайловича Кайзера. Однако просуществовала ложа недолго и уже в 1930 году, в связи с делом «Русского национального центра», была раз-

громлена, а члены ее: П.Н. Киселев, М.Г. Попов и другие — арестованы. Руководитель ложи П.М. Кайзер-Ясман был расстрелян. В том же 1930 году был расстрелян и ряд ленинградских масонов: бывший полковник пограничной стражи Александр Сергеевич Гирс и бывший подпоручик лейб-гвардии Павловского полка Георгий Алексеевич Клодт²⁰.

Что же касается Б.В. Астромова, то местом его пребывания после отбытия наказания стал город Гудауты Абхазской АССР, где он устроился работать зав. лабораторией местного табачного завода. 10 июля 1940 года он был вновь арестован сотрудниками 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

«Трудно поверить, — писала в связи с делом Б.В. Астромова «Ленинградская правда», — что еще совсем недавно в Ленинграде функционировали четыре масонские ложи. Четыре самых настоящих, вполне серьезных масонских ложи с несколькими десятками членов, с магистрами, с мастерами, с посвящениями, клятвами, подписанными кровью, с уставом, заграничной перепиской, служениями, заседаниями и даже членскими взносами. Генеральным секретарем, магистром и инициатором этой Великой ложи «Астреи» — братства российских масонов был некто Астромов-Кириченко-Ватсон. Его личность сама по себе требует клинического изучения. Хронический и врожденный авантюрист, гипнотизер, бывший кавалергард, тип патологический в половом смысле, утверждавший, что ведет свой род от Наполеона I и доказывавший это своим поразительным сходством с последним — он был идеологом и трибуном «вольных каменщиков». Бульварный авантюризм сочетался в масонском главаре со своеобразной эрудицией. В делах житейских он прошел сложный темный путь... Для организации масонского ордена он окружил себя не только соответствующей бутафорией, но и компанией изуверов, обскурантов и мракобесов. Откуда-то он приискал для своего дела некоего Мебеса — дворянина, автора многих оккультных книг и владельца крупнейшей в мире коллекции порнографических открыток. В анкете Мебес на вопрос о социальном происхождении ответил, что происходит «от Адама». Каким-то образом Астромов раздобыл и старуху (М.А. Нестерова. — Б.В.), имевшую гипнотическое влияние на женщин — членов ложи и вымогавшую у них деньги и молчание.

Дело развивалось в порядке строгой последовательности. Упомынутый изысканный актив занимался вербовкой «вольных каменщиков», агитацией и пропагандой. Новые братья и сестры, в свою очередь, вербовали своих друзей. Отечественное масонство разрасталось. Нового посвящаемого приводили в комнату Великого магистра под таинственный свет старинных фонарей, среди Библий, иероглифов, эмблем, «каффинских узлов» и пентаграмм. Ему демонстрировали пару-другую призраков, сделанных с помощью киноаппарата, несколько вертящихся столов, перелаивали над ним шагу, заставляли подписаться кровью и требовали членские взносы.

сы. Таким образом были посвящены покойный Теляковский, балерина (ошибка: надо артист балета. — Б.В.), несколько видных кинорежиссеров и артистов, сын придворного кондитера, библиотечкарь, пара-другая счетоводов, десяток женщин без определенных занятий, поэты, славянофилы, интеллигенты, обыватели, бывшие офицеры, дворяне и даже пом. прокурора ЛВО Гредингер, оказавшийся впоследствии авантюристом и заявлявший, что он розенкрейцер и что он уже жил в нескольких веках на протяжении разных столетий.

Конечно же, происходили служения и собрания. Они заключались в мистических занятиях и, как гласит устав, «гармонизации» братьев с сестрами, то есть, попросту говоря, в самом настоящем блюде. В распоряжении ложи имелась обширная порнографическая литература... Однако, конечно, этой музыкой не ограничивалось истинное лицо масонской ложи. Кроме денежного вымогательства, здесь имелись и политические задачи: масоны мечтали о власти масонства на Руси и о постепенном свращении большевиков на путь масонства!

Но, пожалуй, самое примечательное во всей этой галиматье — это то, что внешне под нее подводится архиреволюционный «идеологический базис». Масоны писали льстивые письма нашим ответственным работникам и рядовым партийцам; в которых заверяли о своем горячем сочувствии Советской власти и Коммунистической партии. Более того, они заявляли, что задачи и цели масонства тождественны задачам и целям ВКП(б). Астромов пытался даже напечатать в «Прожекторе» статью «Великая французская революция и масоны». Масонская ложа посылала своих наиболее красноречивых агитаторов к советским работникам, но — ясное дело — им не удалось завербовать ни одного партийца²¹.

Характерной особенностью фельетонов является усиленный нажим (особенно это характерно для второй публикации — в «Красной газете») на моральную нечистоплотность «братьев» и «сестер». «Трудно, да и омерзительно описывать в газетной статье, — констатируют авторы, — все формы и разветвления масонской работы. Кроме телепатии и психометрии, в промежутках между антисоветской пропагандой, во всех этих ложах: «Пылающего льва», «Дельфина», «Золотого колоса», «Цветущей акации», «Кубического камня» процветали самые противоестественные формы порока. «Пылающий лев» на поверку оказывался всего лишь тлеющей собакой. Среди главарей масонской организации существовала так называемая любовная цепь, по которой все женщины переходили от одного главара к другому в последовательном порядке. (В протоколах допросов этот факт не отражен. — Б.В.). Половые литургии у аналогов, радения среди кадилниц, похабнейший блуд в стиле Поль-де-Кока, среди стигматов божественного блаженства. Здесь, в этой масонской галиматье, лишний раз подтвердилось, что известное психологическое сочетание метафизи-

ки и эротизма, аскетическое богословие Фомы Аквината и вавилонский разврат Таисы всегда были связаны роковой близостью»²².

Самое любопытное во всей этой истории с фельетонами — это то, что появились они задним, так сказать, числом — через полтора-два года после осуждения Б.В. Астромова и руководителей ордена мартинистов. И на то были серьезные причины.

Дело в том, что вскоре после окончания «масонского дела» 1926 года ОГПУ вышло на след еще нескольких оккультных организаций. Едва ли не на первом месте среди них значился и орден рыцарей Святого Грааля. Возглавлял его француз — Александр Габриэлович Гошерон-Делафос, подвизавшийся в 1920-е гг. в роли контролера финансового контрольного отдела Губфо.

Мы уже знаем, что первыми, кто получил возможность обратиться к изучению архивно-следственных дел ленинградских оккультистов, были не историки, а журналисты — Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей, разразившиеся целым рядом написанных на их основе статей, опубликованных в 1928 году в ленинградских газетах. Не обошли они своим вниманием и дело Гошерон-Делафоса. Было бы несправедливо, если бы мы оставили без внимания их, или, вернее сказать, «огэпэушную» интерпретацию истории и характера деятельности его кружка. Правда, в отличие от предыдущих фельетонов, статья о «Братстве Святого Грааля» лишена присущего их произведениям блеска (сказалась бедность и сухость имевшегося в их распоряжении следственного материала), но читается она, безусловно, с большим интересом.

«Мы слышали о Черном Интернационале анархистов, — начинают свою статью Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей. — Нам известен Желтый Интернационал Бонкура и Жуо. Мы знаем, наконец, красный Интернационал коммунизма. Но голубой интернационал! Вряд ли слышал о таком кто-нибудь из читателей. Между тем этот лазурный интернационал существовал совершенно конкретно и неопровержимо, причем центр его до сего времени находился в Ленинграде, — интригуют они читателя. — Правда, этот интернационал состоял всего из нескольких десятков человек, но тем не менее он имел вполне определенное лицо и четкую идеологическую платформу.

В сущности говоря, этот голубой интернационал являлся детищем ордена Святого Грааля. Поэтому сначала расскажем пару слов о самом ордене, ибо, «к сожалению», сей орден не пользовался достаточной популярностью среди широких масс.

Ленинградский орден Святого Грааля являлся средоточием мистически настроенной интеллигенции, богемы и «бывших людей». Его возглавлял некто Александр Габриэлович Гошерон-Делафос. Этот гражданин со звучной фамилией служил контролером Губфо. В орден принимались исключительно бывшие дворяне. Сюда

входили, кроме Гошери-Делафоса, Цуханов — делопроизводитель Академии наук, Пуаре-Пургольд — художница, чьи муж и мать сидят в Соловках, Михновский — контролер Госипподрома, уже не раз привлекавшийся за агитацию, Шляхтина-Адамсон — дочь полковника, эмигрировавшего во Францию, Анна Фогт — актриса, переводчица издательства «Радуга», Тюлин — преподаватель консерватории, Битютко — работник концессионного предприятия «Бергерт и Вирт» и другие. Все эти колоритные фигуры, — подчеркивалось в статье, — обладают высшим образованием и происхождения, конечно, из дворян...»

Главным лейтмотивом статьи являлся тезис об антисоветском характере деятельности ордена. «Согласно устава, — утверждали ее авторы, — рыцарям Чаши Святого Грааля вменялось в обязанность вести антисоветскую агитацию на кораблях, на пристани, дома, у друзей, на улице, в консерватории, на высокой работе, на низкой, в пивной, везде, всюду, всегда, где находятся рыцари Святого Грааля».

Политическая программа ордена, утверждали они, достаточно четко «окрашена в национальные цвета бывшей Российской империи. Критикуя все существующие формы государственного устройства, орден признавал идеальной формой государственного строя систему абсолютной монархии. Основой этого учения являлся «научно обоснованный» догмат, что не личность должна служить обществу, а наоборот, общество — личности. «Индивидуализм — знамя и двигатель прогресса. Масса, толпа — символ грубой силы, застоя, косности. Все тонкое, красивое — от индивида, все животное, безобразное — от массы» (официальная доктрина ордена).

Но спасение одной своей заблудшей Отчизны тщедушным рыцарям Грааля, видите ли, казалось мало. Необходимо благодетельствовать все человечество. Они желали поселить свои мудрые идеи в душах всего мира и для этого считали необходимым создать свой интернационал. Об этом они декларировали почти в стихотворной форме: «не красный — символ крови, ненависти и насилия. Не черный — символ мрачной решимости и смерти. А лазурный — символ неба, воздуха и простора. Итак — новый, голубой интернационал монархии».

Сии политические гексаметры нуждались в реальном подкреплении, тем более что орден признавал необходимость активной борьбы за свои идеи. Члены ордена должны были заниматься «изучением целей и путей борьбы, особенностей поля битвы, качества оружия и способов владения им».

Магистр Гошерон-Делафос для того, чтобы поддержать дух своих рыцарей, кормил их баснями о том, что орден должен скоро получить значительные денежные субсидии от заграничных капиталистов. Конечно же, для него самого было ясно, что никто из финансистов, хотя бы и ослепленный ненавистью к Советскому

Союзу, не даст ни копейки на это маниакальное предприятие. Но магистр Делафос не останавливался на этом и продолжал хвастать, что имел встречу с каким-то приезжавшим из Рима аббатом и будто бы вел переписку с «мыслящим» Западом.

Такова история голубого интернационала в Ленинграде, — отмечала в заключение газета. — Влача серенькое и жалкое существование, его рыцари питали весьма голубые и прозрачные надежды. Но эти надежды были растоптаны бдительными руками рабочей диктатуры в самом цветущем.

Характеризуя далее орден Святого Грааля как «экстракт из тупого юродства и неудавшихся покушений», «перья ОГПУ» — Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей усматривали в этой оккультной организации «бесплодную злость некоторой категории общественных импотентов», «озлобленное отчаяние», «жестокую тоску» и даже «собачьи порывы» людей, выбитых из седла и очутившихся «под конем, легших как обреченные шпалы под железный путь нашей эпохи. И в этом бесплодном бесновании — их печальный и единственный удел»²³.

Теперь, когда читатель уже получил, хотя и «огэпэушное», но все же какое-то самое общее представление о «Братстве Святого Грааля», самое время обратиться к первоисточнику вдохновения Л.Д. Тубельского и П.Л. Рыжей — самому архивно-следственному делу А.Г. Гошерона-Делафоса.

Старейшими членами ордена были близкие друзья Делафоса: Николай Цуханов и Михаил Битютко, которые и составляли вместе с ним руководящий «треугольник» организации. Среди других «братьев» и «сестер»: художница М.А. Пуаре-Пургольд, артистка театра А.И. Фогт, студентка ЛГУ Наталья Тарновская, музыкант А.А. Кинель, археолог Г.В. Михновский, композитор и музыковед Ю.А. Зингер. Фактически орден возник не ранее 1916 года, хотя первые посвящения в него А.Г. Делафос совершил еще в 1914 году (поэт Дмитрий Коковцов и Николай Цуханов). Дело в том, что к этому времени Делафос возвратился из поездки по Франции, где и был, видимо, посвящен, хотя на следствии он и отрицал этот факт.

Во главе ордена стоял «треугольник» (Александр Гошерон-Делафос, Николай Цуханов, Михаил Бицютко). Степеней посвящения в ордене было семь: паж, рыцарь, лебедь, страж, шеф, помощник, учитель. Высшей степенью посвящения — «учитель» — обладал Александр Гошерон-Делафос. Николай Цуханов и Михаил Бицютко подвизались в качестве «помощников» («эдов»). А.А. Кенель обладал степенью «внемерный луч». Георгий Михновский и Александра Шляхтина-Адамсон были посвящены в степень «шеф», Анна Фогт, Марианна Пуарэ-Пургольд и Юрий Тюлин — «хранитель» (или «страж»). Наконец, самый младший член сообщества, 22-летняя студентка Зинаида Иванова, подвизалась и в самой младшей степени — «рыцарь».

В свою очередь, каждый «эд» должен был иметь трех учеников — «гардов» («стражей»), каждый «гард» — трех «лебедей», каждый «лебедь» — двух «рыцарей». Настольным руководством для членов ордена являлись: «Историческая традиция Святого Грааля» и «Великое наставление» как образец высоконравственного поведения рыцаря Святого Грааля. Истоки своего ордена члены его возводили к дому французских герцогов Анжуйских, традиции которого якобы выражал потомок этого дома, глава ордена, «учитель» А.Г. Гошерон-Делафос.

Прием новых членов происходил при соблюдении соответственного ритуала, который состоял в том, что «треугольник» произносил ряд формул и заклинаний, а посвящаемый давал торжественную клятву — хранить тайны ордена и его название. На собраниях рыцарей перед посвящением и включением в магическую цепь новых членов глава ордена читал лекцию-наставление и рассказывал подробности своего посещения центра всей системы Ордена, находящегося во Франции, где якобы производится такая же работа и подготовка к посвящению новых рыцарей. На торжественном собрании рыцарей Св. Грааля 8 мая 1927 года по случаю годовщины существования ордена в России Гошерон-Делафос сообщил о предстоящем приезде представителя высшей системы Ордена из-за границы для обследования степени подготовленности рыцарей в Ленинграде и предложил усилить как занятия с учениками, так и связь между отдельными рыцарями. Одновременно Гошерон указал, что, если работа будет признана удовлетворительной, возможно, последует денежная субсидия ордену и ежемесячное вознаграждение его членам.

Официально декларируемая цель ордена — *«усовершенствование мыслительных и нравственных способностей» рыцарей Чаши Святого Грааля по мере их продвижения по лестнице степеней — не отличалась оригинальностью и была сродни целям, декларируемым другими масонскими сообществами всех времен. Легенды о Граале — чаше, в которую якобы стекала кровь распятого Христа после того, как римский центурион Лонгин пронзил копьем его грудь, и Парсифале — рыцаре, который удостоился высокой чести войти в братство Св. Грааля, — так же почитаемы у масонов, как и миф об Адонираме — строителе Соломонова Храма. Сам А.Г. Делафос говорил своим ученикам о существовании некоего идеального центра Св. Грааля в полуразрушенном рыцарском замке Монсалват в Бретани во Франции, увидеть и войти в который могут только посвященные.*

Мистико-религиозная философия, проповедуемая Делафосом, уходит своими корнями в средневековое сектантство, известное в литературе как манихейство — доктрина, исповедуемая еретическими движениями катаров, вальденсов и альбигой-

цев. Помимо чаши, в символике ордена присутствовали также крест и светящаяся пентаграмма.

В ночь на 15 июня 1927 года члены мистического братства были арестованы. При обыске у них было изъято большое количество оккультной литературы и богатый архив ордена: протоколы собраний, записи лекций, описания ритуалов при посвящении, а также рисунки разного рода оккультной символики.

В ходе следствия А.Г. Гошерон-Делафос энергично отрицал факт своего посвящения и связывал образование ордена исключительно со своим интересом к европейскому средневековью и своей литературной работой²⁴. Собственно, так и должен был себя вести в ходе допросов эзотерист-масон, да и просто разумный человек. Немногословны были и другие члены сообщества. *«Организация, если можно так выразиться, — заявил, например, Н.И. Цуханов на допросе 16 июня 1927 года, — существует как научно-философское течение с 1917 или с 1916 года. Впервые я узнал об этом из книг, название которых не помню. Несколько человек, как то: Битютко Михаил Михайлович, Пуарэ Марианна Александровна, Колокольцева Мария Александровна и семья Фогт: Анна Ивановна, Михаил Федорович и Федор Федорович объединились в то время и занимались вопросами оккультного характера с научно-философским подходом. Эта группа существует и до настоящего времени. Больше лиц, этим занимающихся, я не знаю»*²⁵.

Более откровенен был допрошенный в качестве свидетеля музыкант Юрий Зандер, отметивший антисоветский характер высказываний некоторых членов кружка (Н.И.Цуханова, Г.В. Михновского)²⁶. В целом же протоколы допросов арестованных поражают удивительной бедностью своего содержания. Понять это можно. Большой политики в деятельности членов кружка не было — одни обывательские разговоры. Что же касается оккультной, мистической стороны работы кружка, то она следствие интересовала мало. Еще меньше в ее раскрытии были заинтересованы сами арестованные.

Как бы то ни было, в обвинительном заключении по делу однозначно утверждалось, что орден Святого Грааля является *«организацией нелегальной и антисоветской»*, а посему следствие на этом основании было решено считать законченным, а предъявленное обвинение в преступлении, предусмотренном ст. 58—5 УК РСФСР, — доказанным²⁷.

Наиболее суровое наказание в соответствии с постановлением Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года — 10 лет концлагерей — было определено А.Г. Гошерон-Делафосу, по 5 лет получили М.М. Битютко, Г.В. Михновский и Н.И. Цуханов. По 3 года концлагерей получили М.А. Пуарэ-Пургольд и А.А. Кенель. Более мягкое наказание — 3 года ссылки — ждало А.И. Фогт (Сибирь) и А.Я. Шляхтину-Адамсон (Средняя Азия). В отношении Ю.Н. Тюлина и З.К. Ивановой дело было прекращено.

Суровость приговора, явно не соответствующая тяжести содеянного арестованными, не может не озадачить, хотя только на первый взгляд. Если же обратить внимание на то, что практически все подследственные «из дворян», то все становится на свои места. Да и позиция ОГПУ в отношении оккультистов к этому времени уже определилась, что не замедлило сказаться и на судьбе других групп масонского толка, действовавших в 1920-е годы в Ленинграде. Одной из них являлось «Братство истинного служения», известное, впрочем, и под другим названием — «Эзотерическая ложа».

В начале февраля 1927 года в ПП ОГПУ в ЛВО стали поступать сведения о том, что в квартире № 28, дом 43-в по Кирочной улице у Георгия Анатольевича Тюфяева, конторского служащего из недоучившихся студентов (3 курса юрфака Петербургского университета), происходят собрания оккультистов, устроивших тайный оккультный клуб для совершения молитв и проведения спиритических сеансов. После проверки указанных сведений выяснилось, что сведения эти соответствуют действительности, поскольку на квартире Тюфяева происходят собрания членов нелегальной оккультной и религиозной организации, носящей название «Эзотерическая ложа», или «Братство истинного служения».

Собрания членов этой ложи происходили каждые 9 дней в специально приспособленном храме для совершения молитв, после которых устраивались спиритические сеансы. В них участвовало до 40 человек. «Братство истинного служения» возникло в начале 1925 года, а до этого существовало как оккультный кружок, члены которого занимались спиритизмом и изучением оккультных наук под руководством уже упомянутого Г.А. Тюфяева и Владимира Германовича Лабазина.

Прием новых лиц производился по поручительству одного из членов «Братства». Вступающий приносил клятву верности «Братству» и брал на себя обязательство под страхом строгой кары хранить в тайне все происходящее в «Братстве», а также само его существование, не открывая этого никому, даже своим родственникам. После этого вступающий принимал посвящение в первую степень — «ищущего». Всего существовало четыре степени посвящения: «ищущий», «идуший», «ведущий», «поучающий».

Вступающий в «Братство» проходил определенный курс оккультных знаний в специально составленных группах (согласно подготовленности отдельных членов «Братства»), причем члены одной группы не могли переходить по своему желанию в другую группу и должны были хранить в секрете все происходящее в своей группе.

Кроме того, члены «Братства» платили членские взносы в размере не меньше 1 рубля в месяц и, по возможности, вносили

пожертвования на содержание храма. Считалось, что все члены «Братства», находясь под покровительством архангела Рафаэля, должны строго выполнять все его распоряжения, которые передаются во время спиритических сеансов через дисковые беседы или медиумов.

Основной целью «Братства», доложил информатор ОГПУ, являлось практическое и теоретическое изучение эзотерических явлений посредством спиритических сеансов. «Братство истинного служения» имело рукописные материалы выработанных обрядов и ритуал, по которым совершались молитвы архангелам, а также формулы клятв и посвящений, а также специально сшитую одежду, надеваемую при молитвах всеми посвященными «братьями» и «сестрами».

Особый интерес у ОГПУ вызвали проповеди пастырей «Братства»: Георгия Анатольевича и Лидии Владимировны Тюфяевых, Владимира Николаевича Очнева-Лефевра и Александра Ивановича Сикстеля, энергично внушавших своим слушателям, что в течение веков происходит борьба между Христом и Антихристом. В России в 1917 году победил Антихрист и с силой распространяет свою власть, увлекая всех в непроглядную бесконечную тьму Черного треугольника. Постепенно, через организации, устроенные Антихристом на земле, он разрушает храмы и церкви, а руководителей их убивает и отправляет в ссылку.

Сами руководители — пастыри «Братства» не могут служить в советских учреждениях, потому что такой службой они поддерживали бы власть Антихриста.

Членам «Братства» от имени архангела Рафаэля разрешалось работать в советских учреждениях исключительно «за хлеб», чтобы не умереть с голода, и запрещалось участвовать в работе общественных советских организаций, так как этим они поддерживали власть Антихриста.

В конце марта были получены сведения, что ложа Г.А. Тюфяева настолько заполнена, что не может принимать новых членов, для чего в квартире № 27 того же дома была срочно устроена новая ложа, где был оборудован еще один храм под руководством Алексея Алексеевича Разуваева. Одновременно, по предложению Тюфяева, проводилась большая кампания по вовлечению в ложу новых членов, главным образом из мистически настроенной молодежи.

В ночь на 13 мая ОГПУ произвело обыски у членов «Братства» и арестовало 15 наиболее активных его участников: Г.А. Тюфяева, Л.В. Тюфяеву, В.С. Берестина, А.И. Сикстеля, В.Н. Очнева-Лефевра, Е.И. Очневу-Лефевр, А.А. Разуваева, А.А. Разуваеву, Л.Н. Люценко, Н.А. Ольховскую-Ростову, М.П. Протасова, О.П. Грицнер-Варламову, Е.М. Калачникову, А.Д. Локтеву и В.Г. Лабазина. При обысках было изъято оборудование двух храмов, а также большое количество оккультной литературы,

символических изображений, пасторская одежда, устав и печать «Братства», а также такие сугубо «мирские» предметы, как пишущая машинка и револьвер.

В ходе предварительного следствия выяснилось, что еще в конце 1924 года Г.А. Тюфяев, В.Г. Лабазин и М.Д. Нилов организовали кружок под названием «Научно-спиритическое общество», в который, помимо них, вошли Любовь Зюньзя, Надежда Радынская, Вера Лабазина, Аглайда Раттай, Эмиль Солтис и несколько девиц из соседнего интерната. Через некоторое время Г.А. Тюфяев сообщил, что архангел Рафаэль требует от общества гармонии между его членами. Гармония эта должна была выражаться в телесной и духовной связи между мужчинами и женщинами кружка. «Сгармонизироваться», согласно требованию архангела Рафаэля, должны были следующие пары: Г.А. Тюфяев — с Н.А. Радынской, Н.Д. Нилов — с А.Н. Ратай, Э.Л. Солтис — с В.Г. Лабазиной, В.Г. Лабазин — с Л.А. Зюньзя.

Неофициально Г.А. Тюфяев, пользуясь положением руководителя, пожелал «сгармонизироваться» и с другими женщинами, в частности, с двумя девушками из интерната. Последние от этого предложения, однако, отказались, переведя все в шутку. Больше их на заседаниях кружка никто не видел. Несмотря на претензии к Г.А. Тюфяеву со стороны «сестер» и его трения с В.Г. Лабазиным, также претендовавшим на роль руководителя кружка, основное его ядро не только было сохранено, но и сам кружок непрерывно пополнялся за счет новых членов. Как видно из протоколов допросов арестованных, многие из них оказались втянутыми в кружок, наивно надеясь пообщаться таким образом со своими умершими родственниками, что вполне определенно обещал им Г.А. Тюфяев.

Как бы то ни было, резкое возрастание численности кружка позволило Г.А. Тюфяеву объявить в конце 1925 года о преобразовании его в «Братство истинного служения», численность которого, как уже отмечалось, доходила до 40 человек. Достоверные же сведения о членстве в «Братстве» ОГПУ удалось получить только в отношении 33 «братьев» и «сестер». Это пасторы ложи № 4 Г.А. Тюфяев, Л.В. Тюфяева, А.И. Сикстель, В.Н. Очнев-Лефевр, «пасторы ложи № 2 (базирувавшейся в квартире № 27) А.А. Разуваев и В.Г. Лабазин, казначей ложи № 4 В.С. Берестин, медиумы ложи № 2 Н.А. Ольховская-Ростова и Л.А. Зюньзя, медиум ложи № 4 Е.И. Крель, временный пастор ложи № 4 М.П. Протасов, «сестры» ложи № 4 Е.М. Калачникова, А.Д. Локтева, Е.И. Очнева-Лефевр, Н.И. Бутова, А.А. Разуваева, Н.А. Радынская, А.Н. Раттай, А.С. Кункевич, Т.В. Калачникова, А.М. Розенгейм, А.Н. Азбелева, М.М. Александрова, Е.И. Лапина, А.В. Козлянинова, Д.В. Титова, Т.В. Козлянинова, Л.П. Масленникова, Н.А. Азмидова, А.И. Мишина, «сестры» ложи № 2 Л.Н. Люцен-

ко и О.П. Грицнер-Варламова и, наконец, «брат» ложи № 4 М.Д. Нилов.

В ходе следствия Г.А. Тюфяев вынужден был сознаться в мистификации «братьев» и «сестер»²⁸. Я признаю себя виновным, заявил он, в том, что обманывал «братьев», поскольку сам не верил в правоту теософских учителей и высших духов. Относительно «высокопосвященных братьев» Эбрамара и Андрея он также вынужден был признать, что в действительности они не существовали и были использованы им для поднятия своего авторитета среди членов «Братства». Вынужден был он признать и неприглядность своего поведения в отношении «сестер» «Братства». Я, свидетельствовала «сестра» Л.В. Шернспец, участвовала в спиритических сеансах, устраиваемых Г.А. Тюфяевым в помещении Государственного художественно-промышленного техникума и в квартирах по Пушкинской и Кирочной улицах, где оказалась под его влиянием. Оказывается, Г.А. Тюфяев принуждал ее к половому сожительству, симулируя приказания архангела Рафаэля через диск. Фанатизм Лиды Шернспец был, однако, настолько велик, что она уже была намерена отдаться ему, но, вовремя узнав об обманах Тюфяева, она ушла из «Братства».

Из допросов Ю.М. и В.М. Шернспец выяснилось, что они также оказались жертвами Тюфяева, который вымогал у них деньги и одежду, а В.М.Шернспец таким же образом принуждал к вступлению с ним в половую связь. Под давлением улик Г.А. Тюфяев также вынужден был признать свою вину, что, пользуясь авторитетом братьев Эбрамара и Андрея, посылал от их имени письма членам «Братства» — Наталье Ольховской и Лидии Люценко с целью принуждения их к половой с ним связи.

В ходе следствия всплыл вопрос об отношении Г.А.Тюфяева к ордену «Звезды на Востоке», члены которого Агния Разуваева, Анна Калачникова и Евгения Лапина подвизались в то же время и в качестве «сестер» «Братства истинного служения». Признав факт агитации его в это теософское оккультное сообщество, Г.А. Тюфяев подчеркнул свое отрицательное отношение к нему. *«Скажу так, — показывал он. — Впервые я узнал об этой организации от гражданки Агнии Разуваевой, которая и познакомила меня весьма спутанно с идеями ордена, показавшимися мне абсурдными... так как я совершенно не разделял мнения теософских учителей о каком-то пришествии на землю Христа, что является сущей утопией»*²⁹.

Видную роль в «Братстве» играл безработный артист драмы В.Н.Очнев-Лефевр. *«Этот дом по Советскому проспекту, — писала «Красная газета», — почти ничем не выделяется среди остальных. На нем нет ни памятной доски, ни геральдических гербов. Однако — кто бы мог подумать — еще совсем недавно в нем проживал Людовик XVI, король Франции и Наварры. Он проживал*

здесь до нынешних времен, пока не выбрал места не столь отдаленные, к северу от Ленинграда. Впрочем, настоящее имя Людовика XVI было Владимир Николаевич Очнев-Лефевр. Дворянин, сын придворного кондитера, он был одним из активнейших членов «Эзотерического ордена» или «Братства истинного служения». Этот орден был основан в 1924 году и работал вплоть до наших дней. Мистическое братство это возглавлялось неким Тюфяевым, отцом Георгием — бывшим дворянином, бывшим студентом, бывшим человеком. Очнев же играл в «Братстве» роль перевоплощенного Людовика XVI, призванного спасти Россию и Францию... В одной из проповедей Тюфяев, между прочим, сообщил, что наряду с «Братством истинного служения» существует «Черное братство», где собираются слуги Антихриста. И что на одном из этих «Черных братств» он, Тюфяев, был и видел, как Зиновьев причащался кровью двухлетнего убитого ребенка»³⁰.

Состав «Братства» — безработные артисты (В.Н. Очнев-Лефевр, Л.Н. Люценко, Н.А. Ольховская-Ростова, Е.М. Калачникова, Л.А. Зюньзя), вдовы и дочери бывших царских офицеров (А.С. Кункевич, Е.И. Крель, М.М. Александрова, О.П. Грицнер-Варламова и другие) — практически все «из дворян». Успех у этой специфической публики умело организуемых Георгием Тюфяевым «медиумических сеансов» и «трансов» вполне закономерен.

Несмотря на очевидное отсутствие серьезной «политики» в деятельности «Братства истинного служения», приговор Коллегии ОГПУ от 8 июля 1927 года был суров: Г.А. Тюфяев — 10 лет концлагерей, В.Н. Очнев-Лефевр, В.Г. Лабазин, А.И. Сикстель, В.С. Берестин, М.П. Протасов — 5 лет. Л.В. Тюфяева, А.А. Разуваев, Н.А. Ольховская-Ростова — 3 года концлагерей. О.П. Грицнер-Варламова, А.А. Разуваева, Л.Н. Люценко, Е.И. Очнева-Лефевр, Л.А. Зюньзя, Е.И. Крель, Е.И. Лапина — 3 года ссылки (Средняя Азия). А.Д. Локтева, Е.М. Калачникова, М.М. Александрова и А.С. Кункевич были лишены права проживания в Москве, Ленинграде и ряде пограничных областей СССР сроком на три года.

«При ликвидации этой веселой компании, — отмечала «Ленинградская правда» в уже упоминавшемся нами фельетоне «Галиматия», — можно только удивляться и разводить руками. Действительно, вот необыкновенное дело! Какой странный и нелепый парадокс. На десятом году революции в Советской стране, в городе рабочей диктатуры — такие странные птицы. Поистине, нужно быть талантливым авантюристом, чтобы в век атомистических теорий, химического анализа, индустриализации, Волго-Донских каналов, гидростроительства, океанских перелетов, шедевров металлургии — проповедовать масонство. Да где еще — в Советском Союзе!

Но этот парадокс, если взглянуть в него поглубже, совсем не

так удивителен, а пропитан печальной иронией. Это маленький парадокс, создавшийся в результате больших социальных перемещений. Массонская ложа в 1927 году — это последняя и диковинная форма, в которую вылились искания внутренней эмигрантичины и опустошенной обывательщины. Это последняя спазма изгоев революции, сиротливо шатающихся на историческом ветру как недожатые колосья. Это одно из предчувствий выражения «бессильной активности» «третьей силы». И в небывалой нелепости этой масонской истории можно прочесть издевательскую иронию времени над историческим барахлом, забытым в наших днях прошедшей эпохой»³¹.

«Чем же по существу является советское масонство? Оно является жалкой трагикомедией старой консервативной «великодержавной» интеллигенции, которая осталась на старых идеологических позициях. Это один из ее последних, наиболее полно выраженных и четко окрашенных тупиков. Это — наиболее издевательское знамение ее распада. Это вырождение вылилось в карикатуру. И когда разворотили эту зловонную плесень, обнаружилось во всей отвратительной наготе потрясающее ничтожество этих спиритов, этих завонявшихся в самих себе дрянненьких брюзжащих великодержавных интеллигентов. Как клопы, понюхав персидского порошку, высыпали наружу, на листы следствия, все эти дворяне, генеральские вдовы, доктора богословия, спившиеся актеры, воспитанники кадетских корпусов, доценты христианской экзегетики, кокаинисты, кантианцы, идеалисты, старорежимные прокуроры, гвардейские поручики, апостолы чистого разума, предводители дворянства, пенсионерки, сестры милосердия, черносотенцы, потомственные и почетные скулодробители, доморощенные Пуришкевичи и Крушеваны. Стало еще раз ясно, что они со всеми своими усилиями — абсолютное ничтожество, совершеннейший нуль, скорее тень от нуля. Стало еще раз ясно, что их уже ничто не спасет в их зачумленной моральной пустоте, даже высокий перст Рафаэля, даже небесный пуп Эбрмара»³².

Из зарубежных откликов на дело ленинградских мартинистов удалось обнаружить лишь публикацию в издававшейся в Париже русской эмигрантской газете «Возрождение» за 2 и 3 июля 1926 г. Однако ничего нового по сравнению с архивными документами она не содержит.

Примечания

¹ Петербургские мартинисты 1910–1925 гг. Публ. В.С. Брачева // Отечественная история. 1993. № 3. С. 180–182.

² Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое русского либерализма. М., 1999. С. 81.

³ Виталий Оппок в. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия. 1995. № 2. С. 105.

⁴ Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998. № 2. С. 34.

⁵ Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // Красная газета. 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск. С. 5.

⁶ Архив УФСБ РФ по СПб. и Ленинградской области. Д. 12517. Т. 1. Л. 78.

⁷ Виталий Оппок в. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия. 1995. № 2. С. 107.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ Виталий Оппок в. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия. 1995. № 2. С. 112.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 109–117об.

¹¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 503–504.

¹² Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 444.

¹³ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, лл. 94–95.

¹⁴ Такой фразы в августовском докладе Б.В. Астромова 1925 г. нет, хотя общий смысл его предложения передан им верно.

¹⁵ Ленинградские масоны и ОГПУ. Публ. В.С. Брачева // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 275–276.

¹⁶ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 687.

¹⁷ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 655–656.

- ¹⁸ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 12517, т. 2, л. 694–698.
- ¹⁹ Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А. Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998. № 2. С. 35.
- ²⁰ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 63.
- ²¹ Тур. Галиматья // Ленинградская правда. 5 января 1928 г. С. 2.
- ²² Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // Красная газета. 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск. С. 5.
- ²³ Тур. Голубой интернационал магистра Делафоса // Ленинградская правда. 29 июня 1928 г. С. 3.
- ²⁴ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14368, л. 7–9.
- ²⁵ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14368, л. 40.
- ²⁶ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14368, л. 102–104.
- ²⁷ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14368, л. 103–111.
- ²⁸ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 9315, т. 2, л. 130–138.
- ²⁹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 9315, т. 2, л. 137.
- ³⁰ Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // Красная газета. 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск. С. 5.
- ³¹ Тур. Галиматья // Ленинградская правда. 5 января 1928 г. С. 2.
- ³² Тур. Тень от нуля (Масоны в Ленинграде) // Красная газета. 15 июня 1928 г. Веч. Выпуск. С. 5.

«ВОСКРЕСЕНИЕ»

Наряду с оккультными сообществами откровенно масонского характера широкое распространение в интеллигентской среде получили в 1920-е годы религиозно-философские кружки и группы, промасонская сущность деятельности которых хотя и не подлежит сомнению, но далеко не так очевидна для непосвященных. Крупнейшей из такого рода подпольных организаций интеллигенции Ленинграда являлось в те годы «Воскресение».

Начало ей было положено в декабре 1917 года собранием инициативной группы сотрудников Публичной библиотеки на квартире философа Г.П. Федотова. Кроме самого Г.П. Федотова, здесь присутствовали его коллеги, тоже сотрудники библиотеки: Н.П. Анциферов и А.А. Мейер с женами и Л.В. Преображенская.

То, что начало кружку было положено сотрудниками Публичной библиотеки, не было, конечно, случайностью, так как уже в годы войны стараниями известных масонов Александра Мейера и Александра Браудо она была превращена в один из опорных пунктов «вольного каменщичества» в Петербурге. Как показывала на допросах в ОГПУ Ксения Половцева, именно Г.П. Федотов стоял у истоков «Воскресения», он же разработал, по ее словам, и «детальные тезисы», положенные в основу работы кружка. Тем не менее очень скоро на роль лидера рядом с ним выдвигается масон А.А. Мейер и сама К.А. Половцева, что имело, как увидим, далеко идущие последствия для организации.

В идейном плане кружок Г.П. Федотова — А.А. Мейера был продолжателем традиций левого крыла Религиозно-философского общества, представленного такими именами, как З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, А.В. Карташев, В.П. Свенцицкий, Е.П. Иванов, А.А. Мейер и др. Петербургское отделение общества всегда было левее московского. Его наиболее видные члены — масоны З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский — в свое время резко осудили «Вехи» и призывали народ к революции. Члены общества исключили В.В. Розанова за признанные ими «антисемитскими» его статьи о «деле Бейлиса» («Андрюша Юшинский») и еврейском вопросе («Наша кошерная печать») в России, а З.Н. Гиппиус яростно протестовала против «русского шовинизма» в годы Первой мировой войны и, в частности, про-

тив переименования Петербурга в Петроград. В отличие от своих московских коллег, петербургские члены РФО сознательно стремились теснее увязать свою деятельность с современным им общественным движением, ставя в центр своего внимания такие важные для русской действительности начала века проблемы, как преодоление разрыва между интеллигенцией и народом, между религией и социальной революцией.

Вот что вспоминал о зарождении кружка и его первых шагах Н.П. Анциферов.

«Я служил в эти дни в отделе Rossica в Публичной библиотеке. Ко мне обратился А.А. Мейер с предложением встретиться и вместе подумать. Встреча была назначена у Ксении Анатольевны Половцевой в ее квартире на Пушкарской. Так возник кружок А.А. Мейера. Александр Александрович был очень красив, статен, высок, с тонкими правильными чертами лица, окаймленного густыми длинными волосами. Лицо нервное, одухотворенное, речь, сперва медленная, становилась все более страстной. Ксения Анатольевна была также красива, с синими глазами и темными, просто причесанными волосами. Ее внутренняя жизнь была всегда напряженной...

В кружке Мейера было решено воздерживаться от споров. Кто-нибудь выдвигал какой-нибудь вопрос, и начиналось обсуждение по кругу. В моем дневнике, сгоревшем в нашем домике в дни ленинградский блокады, я записывал все прения, и теперь по памяти мне трудно восстановить даже наши темы. Все же кое-что запомнилось. «Патриотизм и интернационализм» (правда того и другого), «Взаимосвязь понятий «свобода», «равенство» и «братство». Еще юношей в 1907 году я писал о свободе и равенстве как о ценностях отрицательных, не имеющих своего положительного содержания. Человек может переживать рабство, неравенство как болезнь общества. Но здоровье переживать нельзя. Переживание — это освобождение от рабства, от гнета неравенства. Так переживается не здоровье, а выздоровление. Братство — реальное переживание, оно имеет свое содержание в любви друг к другу и к чему-то высшему, стоящему над нами (Бог, родина). Еще обсуждалась тема «Товарищество и дружба». Это разные понятия (их теперь путают). Товарищей объединяет какое-нибудь дело (учение, борьба, труд). Друзей объединяет внутренняя жизнь человека. Дружба — глубоко индивидуальное понятие. Оно не исключает дела, но не сводится к нему. Что дает смысл жизни, ее наполнение: любовь, творчество, искусство, труд. Запомнилось мне своеобразное выступление Марии Константиновны Неслуховской (теперь жена Н. Тихонова). Она говорила о смысле грехопадения: «Адам и Ева вздумали приобрести самое ценное — познание добра и зла — без всякого труда, просто вкусив запретное яблоко». Труд для нас был основой нравственной жизни.

Собирались мы первоначально по вторникам, а потом решили

встречаться в воскресные дни, чтобы иметь более свежие головы. Наши вечера напоминали собрания кружка Н.В. Станкевича строго трезвенным характером: только чай. Встречались самые разнообразные люди. Приходили и уходили. Бывали биолог Л.А. Орбели, художники К.С. Петров-Водкин и Л.А. Бруни, литературовед Л.В. Пумпянский, музыкант М.В. Юдина, бывал рабочий Иван Андреевич. Скромный и обаятельный человек, но фамилию его забыл. Постепенно кружок срастался и начинал менять свой характер: становился более религиозным. По инициативе Мейера и Половцевой собрания начинались молитвой. В нее были включены слова о «свободе духа», а беседа начиналась с пожатия рук всех собравшихся. Получался круг вроде хоровода. Мейер и Половцева всячески стремились придать собраниям характер ритуала. Отмечая годовщину I-го собрания кружка, испекли хлеб и перед началом роздали его всем присутствующим. Это были дни голода. Меня, и в особенности мою жену, смущали эти тенденции.

Переменили и адрес собраний, но не в конспиративных целях. Мы подчеркивали, что у нас нет ничего тайного. К нам может прийти каждый желающий. Не помню, с какого времени мы стали собираться на Малом проспекте близ Б. Спасской в одноэтажном домике, двери которого не запирались. Приходившие приносили несколько поленьев, и, когда трещал огонь в печках, становилось уютно и создавалось особое чувство близости. Бывало, прежде чем разойтись, просили мужа Ксении Анатолиевны Павла Дмитриевича Васильева спеть нам что-нибудь. Голос у него был очень приятный, и пел он с большим чувством. В особенности хорошо выходила ария князя Игоря.

Не помню, у кого возникла идея издавать свой журнал. Не помню, кто дал средства. Это был 1918 год (начало). Свой орган мы назвали «Свободные голоса». Вышло всего два номера. Журнал вызвал резкую оппозицию Д. Мережковского и З. Гиппиус. Они обвинили нас в том же грехе, что и А. Блока за его «Двенадцать»¹.

Уже в марте 1918 года кружок состоял из 18 человек. Это позволило его руководителям поставить вопрос об общественной роли кружка. Тогда же выносится постановление о пропаганде идея кружка и ведении массовой агитационной работы среди населения. С этой целью было решено издавать свой журнал — «Свободные голоса». За средствами остановки не было (частные пожертвования), и уже в том же марте месяце был выпущен его первый номер под редакцией А.А. Мейера и Г.П. Федотова.

Содержание журнала отражало идейно-политические позиции кружка. Его статьи самым энергичным образом призывали русских людей к борьбе с большевизмом и взывали к патриотическим чувствам русской интеллигенции, побуждая ее к объединению во имя спасения родины. Со страниц журнала члены кружка как бы обращались к русским людям с предупреждением, что их родина, отечество, находится на краю гибели. Глав-

ная задача русской интеллигенции, считали они, заключается в том, чтобы возвратиться к вере и, выявив «слово русское», создать общий фронт против большевизма (статья Н.П. Анциферова «Россия и будущее»).

«У всякого народа, — развивал эту мысль Г.П. Федотов (статья «Лицо России»), — есть родина, но только у нас — Россия... В начале войны у части русских социалистов проснулось сознание права на Отечество, как самостоятельную ценность. Теперь пора определить это все еще международное отечество как наше, как Россию. Еще недавно это стоило бы многим из нас тяжких усилий. Мы не хотели поклониться России-царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России — самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным мы проклинали Россию, с Марксом — ненавидели ее. И она не вынесла этой ненависти. Теперь мы стоим над ней, полные мучительной боли. Умерла ли она? Все ли жива еще? Или может воскреснуть?..

К России приблизилась смерть. Отвернувшись от царицы, мы возвращаемся к страдальце, к мученице, к распятой. Мы даем обет жить для ее воскресения, слить с ее образом все самые священные для нас идеалы»².

«Магия интернационалистических лозунгов, — писал А.А. Мейер (статья «Интернационал и Россия»), — подкрепляемая усталостью населения, привела к развалу армии и к торжеству непрошенных гостей. Интернационал оказался новой державой, вмешавшейся в войну, союзницей Германии, являющейся крепким оплотом всей европейской социальной реакции. Лозунги Интернационала непримимы с пониманием национальной культуры и любовью к Родине. «Единство трудящихся всех стран» базируется на национальном обезличении, на ослаблении любви к нации, на угасании пафоса к личному и является полным отрицанием национального лица. Только религиозное понимание истории могло бы дать выход из противоречия между нациями. До тех пор, пока социализм не подчинит свою общественную идеологию религиозной идеи личности, он будет служить целям, чуждым его собственной правде. Интернационал — это суррогат великого вселенского братства, который, соблазняя малых сил правдой мира и единения, делает из себя особую державу, подданные которой неизбежно становятся изменниками делу национального и всякого вообще творчества».

Такой же характер имел и второй номер журнала «Свободные голоса» (июнь 1918), после чего из-за опасения репрессий со стороны властей его издание было прекращено.

Ядро кружка в первые годы его существования составляли: Г.П. Федотов, А.А. Мейер, К.А. Половцева, М.В. Пигулевская, П.Ф. Смотрицкий, Н.П. Анциферов. Деятельное участие в нем принимали также историк И.М. Гревс, философ С.А. Алексеев-Аскольдов, родственница С.М. Кирова (сестра его жены) старая большевичка С.Л. Маркус, Н.И. Конрад, А.А. Гизетти,

Н.А. Крыжановская, литературовед М.М. Бахтин, его брат В.В. Бахтин, Д.Д. Михайлов, антропософ Н.В. Мокридин, библиограф Л.Ф. Шидловский, пианистка М.В. Юдина, морской офицер С.А. Тиличев. *«Этот кружок, — отмечала Е.П. Федотова, — никак не мог быть назван не только церковным, но даже и православным. Три протестанта, две католички, перешедшие из православия, несколько некрещеных евреев и большинство православных, но православных по рождению и мироощущению, а пока стоящих вне Таинства»*³.

Никакой строго определенной политической ориентации кружок, судя по всему, не имел. Среди его членов было 2 коммуниста, 1 монархист, но большинство надеялось на эволюцию советской власти. Путь, по которому решили идти «кружковцы», был путь широкой пропаганды и идеи религиозного возрождения, который только и мог, по их мнению, спасти Россию.

В конце 1919 года на одном из заседаний организации, выросшей к этому времени до 25–30 человек, она получает название «Воскресение» как символ воскресения, возрождения России.

К 1919 году ядро кружка (около 11 человек) выделилось в братство «Христос и свобода». В отличие от остальных, которые по-прежнему продолжали собираться по вторникам («вторичане»), члены братства стали собираться узким составом и по воскресеньям. Так продолжалось до 1923 года, когда произошел разрыв между кружковцами. Формальным поводом для него явился доклад Г.П. Федотова «О жертве», прочитанный им 6 марта 1923 года, после чего часть «вторичан» заявила, что эти вопросы им *«слишком чужды, что они боятся и, вероятно, больше не придут»*. После этого «вторники» вскоре прекратились. Что же касается «воскресений», то они продолжались вплоть до декабря 1928 года.

Главная задача, которую ставили перед собой участники кружка, заключалась в том, чтобы не дать большевикам возможности «уничтожения христианской культуры». По свидетельству Н.П. Анциферова, члены кружка, разделяя экономическую и социальную программу большевиков, считали вместе с тем ее явно недостаточной для «обновления человечества и построения коммунизма», так как она игнорировала религию. Другими словами, они хотели соединить несоединимое, надеясь, что придет время, *«когда 1 Мая встретится с Пасхальным воскресеньем»*. «Основная установка моя в вопросе религия и революция — сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело, — отмечал А.А. Мейер. — Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своем утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией».

Члены кружка, особенно в первый период его деятельности.

отрицательно относились к православию и православной церкви, полагая, что в рамках ее невозможно свободное развитие христианских идей. Этому же соответствовали и доклады, прочитанные на заседаниях кружка в 1921–1922 гг.: об аскетизме, о церковных делах, о еврействе, о коммунизме, о собственности, о Василии Великом и др. *«Для меня вторники, — отмечала К.А. Половцева, — это та лаборатория, где будет готовиться идеология современной интеллигенции, которая учтет и религиозность, и коммунизм».*

В 1920–1921 гг. так думало большинство интеллигенции. Советская действительность заставила их вскоре если не переменить свои убеждения, то по крайней мере внести в них серьезные коррективы. *«Я в свое время, — писала в этой связи Н.В. Пигулевская 7 ноября 1922 года, — исповедовала такое убеждение: коммунизм строит здание, и строит без креста, но когда достроит до конца, мы сделаем купола, поставим крест, и все будет хорошо. Я так думала. Теперь иначе. Я знаю, что из ратуши церквей не делают. Теперь строится синагога сатаны, из которой — сколько колоколов ни вешай, ничего не сделать».*

С весны 1920 года начинается процесс возвращения «вторичан» в лоно православной церкви. Инициаторы кружка все еще оставались вне таинства, но евреи крестились и попадали под влияние своих православных священников, обличавших А.А. Мейера в *«мережковских ересьях»*. *«Это заставило в конце концов и самого А.А. Мейера также вернуться в лоно православной церкви».*

С закрытием в 1923 году «Вольно-философской ассоциации» (Вольфила), которая использовалась как место встреч участников кружка и подбора подходящих кандидатов для его пополнения и высылкой за границу ее наиболее активных членов (Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский и др.), возможности легальной деятельности «Воскресенья» резко сократились. Чтобы не привлекать внимания ОГПУ, в начале 1924 года решено было собираться не всем сразу, а поочередно, небольшими группами, на квартирах К.А. Половцевой, Г.П. Федотова, П.Ф. Смотрицкого, П.Д. Васильева, Г.В. и И.В. Пигулевских.

По инициативе или при непосредственном участии наиболее активных членов «Воскресения» в 1924–1925 годах в Ленинграде был создан и успешно функционировал целый ряд интеллигентских кружков: «Содружество» (из студентов Института им. Лесгафта, руководитель А.А. Мейер), «Кружок переоценки ценностей» (руководитель Г.П. Федотов), «Религиозно-философский кружок» (из бывших студентов и преподавателей Богословского пасторского училища, руководитель А.А. Мейер), «Кружок медиевистов» (руководители И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская), «Культурный уголок» (руководитель П.Ф. Смотрицкий). Однако в состав собственно «Воскресения» как кружка

за все время его существования было введено всего 32 человека: Елизавета Вахрушева, Анна Дмитрук, Алексей Максимович, Анастасия Дедок, Клавдия Некрасова, Тамара Арнсон, Анна Лишкина, Эмилия Лаббе, Татьяна Смотрицкая, Юлия Цезарева-Боярова, Евгений Иванов, Мария Юдина, Евгения Тиличева-Оттен, Лев Пумпянский, Иван Гревс, Евгения Бахтина, Всеволод Бахтин, Ольга Дедок, Сергей Алексеев (Аскольдов), Николай Анциферов, Алексей Смирнов, Ольга Петрова (Менжинская), Татьяна Гиппиус, Вера Гиппиус, Николай Спицын, Вера Штейн, Иван Шилов, Самуил Дружкин, Вера Дружкина, Сильвия Зильберштейн, София Маркус⁴.

В 1925 году Г.П. Федотов уезжает за границу, и руководство «Воскресением» полностью переходит в руки А.А. Мейера. *«Александр Александрович Мейер, — свидетельствует близко знавший его Д.С. Лихачев, — это — колоссальная человеческая личность»*. Видный философ⁵, он оказался в то же время неплохим организатором и умел привлекать к себе людей. Где бы ни появлялся этот человек, сразу же около него начинала группироваться интеллигентная молодежь.

«Ни как религиозный мыслитель, ни как просто верующий Мейер не был ортодоксален, не любил «людей в мундирах», как говорил Достоевский. Мейер воспитывался в лютеранской атмосфере, но считал себя православным (похоронен философ на лютеранском Волковом кладбище). В своем учении о слове, об имени он близок М. Бахтину, с одной стороны, а с другой — имяславческой традиции. На Соловках, кстати, были заключенные из женского имяславческого монастыря, обительницы которого все погибли поодиночке: их отказ называть свое имя был расценен как контрреволюционная конспирация.

Самое главное в Мейере — это гениальность самой его личности. Он был способен, встав утром с постели, тут же начать разговор с соседом на общие философские темы. Когда в арестантской роте он читал лекцию, большинство публики не понимало, о чем он говорит, но покорены его обаянием были все.

Он больше состоял из мыслей, чем из тела, не распределяясь поровну меж телом и мыслью.

Распространяя себя на других, он не терял себя, был энергетически собран, как шаровая молния. Он воздействовал на людей всем целостно организованным внешним обликом, внутренне сопряженным с миром его идей. Помню, когда однажды на Соловках ему остригли волосы, он очень стеснялся этим нарушением гармонии внешнего и внутреннего.

Мейер не строил свою жизнь как художественное произведение, но артистизм мыслителя, обаяние учителя были свойственны ему в высшей степени»⁶.

По инициативе К.А. Половцевой уже в том же 1925 году принимается решение о развертывании целой сети кружков сре-

ди школьной молодежи для занятий с ними по закону Божьему, среди которых можно отметить кружок учительницы Е.М. Вахрушевой в школе первой ступени (б. Стоюниной), в котором занимались дети 12—13 лет.

После долгих споров к 1925 году среди членов кружка возобладала точка зрения А.А. Мейера, бывшего лютеранина, перешедшего в православие, о необходимости создания общего фронта представителей всех религиозных конфессий в борьбе против атеизма. На этом основании был даже разрешен доступ в «Воскресение», наряду с православными, людям других вероисповеданий, если только они подходят под остальные требования «Воскресения». В своем докладе на эту тему А.А. Мейер подробно изложил, как будет протекать эта совместная борьба, если такое объединение состоится. В виде иллюстрации к его докладу К.А. Половцева продемонстрировала перед слушателями графическую схему, согласно которой в дополнение к существующим должны были быть созданы еще пять кружков: из католиков, лютеран, евреев и проч. Однако решение это вызвало резкие разногласия среди членов сообщества, некоторые из них заявили о своем отказе от общей молитвы с иноверцами. Убеждения А.А. Мейера, что принятая в «Воскресение» еврейка не может помешать общей молитве, так как она солидарна с православием и дала обещание креститься, не помогли, и большая группа членов кружка (до 10 человек: П.Д. Васильев, Е.М. Вахрушева, Н.В. Пигулевская, В.В. Бахтин, В.П. Герман, А.Л. Лишкина, Е.С. Бахтина, Н.В. Спицын и другие) составила оппозицию руководителям кружка. Не считая себя вправе участвовать в общей молитве с иноверцами, они собирались с этой целью отдельно по средам на своих собственных квартирах.

«Воскресение» не было ни чисто религиозной, ни тем более православной организацией, поскольку среди ее членов находились люди самых различных вероисповеданий. Вместе с тем не было оно и безобидной ассоциацией кружков интеллигентных людей, связанных общим культурным интересом, — речь, безусловно, может идти только о масонской структуре. На это намекал и сам А.А. Мейер, еще в 1922 году призывавший своих коллег *«не захватывать власти... не строить партии, а создавать б. м. ордена, которые пробудили бы идею в своей жизни, которая потом даст эффект вовне»*. Промасонский характер «Воскресения» нашел свое отражение и в символике этой организации: *«Светносный треугольник с Всевидящим Оком Провидения»*. По инициативе А.А. Мейера и К.А. Половцевой собрания кружка открывались молитвой (всего их было две), в которую были вставлены слова о свободе духа. Что же касается бесед по кругу, то начинались они со взаимного пожатия рук всеми собравшимися — знаменитая масонская цепь. «Мейер и Половцева, — подчеркивал Н.П. Анцифе-

ров, — всячески стремились придать собраниям кружка характер ритуала»⁷.

«Когда я впервые начал посещать «Воскресение», — показывал 3 января 1929 года на следствии Всеволод Бахтин, — и присмотрелся к тому, что там происходит, то для меня стало ясно, что «Воскресение» — не просто кружок интеллигентных людей, связанных общим культурным интересом, а нечто, что почти можно назвать религиозной сектой. Об этом говорило существование своей обрядности: свои молитвы, свои праздники по кругу. Впечатление усиливалось тем обстоятельством, что руководители и члены, избегая говорить об этом подробно и полно, несомненно придавали этой обрядности очень большое значение. Я как новое лицо, естественно, захотел узнать смысл и происхождение обрядов, дабы не поступить религиозно, безответственно связывая себя с чем-то неизвестным. К моему удивлению, попытки расспросить встречали весьма уклончиво, а на настоятельные вопросы отвечали довольно решительным отпором. В частности, никоим образом нельзя было добиться, каково происхождение «своих» молитв. В результате у меня сложилось убеждение, что я не могу участвовать в религиозной жизни объединения, религиозное лицо которого мне неизвестно, и даже более того, со временем все более и более затемняется. Наряду с этим постепенно все крепло подозрение, что религиозные искания «Воскресения» для меня, как для православного человека, неприемлемы. Подозрение, ибо повторяю, что ничего определенного в ответ на свои сомнения я добиться не мог.

Приблизительно так же, как и я, думали некоторые другие члены «Воскресения» (Васильев, Пигулевская, Вахрушева, Герман, моя жена). Так как у нас была потребность в религиозном общении и так как в «Воскресении» она по указанным причинам не могла удовлетвориться, то мы решили собираться отдельно. К нам вначале примкнул Смотрицкий П.Ф., но очень быстро порвал с нами. Новое объединение по традиции не имело какого-либо названия, а именовалось днем недели, когда мы встречались, т.е. «Среда». Особенностью «Среды» было то, что в нее входили только определенно православные люди, поддерживающие живую религиозную связь с церковью. Внешним признаком этого должно было служить то, что каждый из участников «Среды» говел не реже двух раз в год. Задачей «Среды» было оказывать помощь друг другу в личной религиозной жизни, причем члены «Среды» воспринимались как лично близкие люди. Иными словами, «Среда» должна была быть маленькой религиозной общиной православных людей. Встречи наши мы посвящали чтению (Евангелие, духовная литература) и общей молитве. Из вошедших первоначально в «Среду» людей большая часть постепенно отходила, так что в 1928 г. нас оставалось только четверо (я, жена, Вахрушева, Васильев), вернее даже трое (я, жена, Васильев), и Вахрушева поддерживала связь нерегулярно. Тем не менее мы не прекращали наших встреч по средам, которые при-

няли, таким образом, совсем интимный характер (но сохранили общую молитву и чтение вслух)»⁸.

Явное желание А.А. Мейера превратить организацию в масонскую ложу привело в конце 1928 года к тому, что часть членов «Воскресения» вынуждена была порвать с ним. Этому событию предшествовала попытка руководителей организации выявить предварительно наиболее близких им по духу людей.

2 декабря 1928 года после перерыва в деятельности «Воскресения», устроенного из конспиративных соображений, на квартире Половцевой состоялось собрание, поставившее всех перед фактом перехода «Воскресения» к новым методам работы. Присутствовали А.А. Мейер, П.Ф. Смотрицкий, К.А. Половцева, Е.П. Иванов и другие — всего 10 человек. В докладе о религиозном и культурном положении населения нынешней России К.А. Половцева осветила падение религиозности среди населения, уничтожение русской культуры и указала, какие обязанности в связи с этим падают на членов организации. Она предупредила, что для серьезной и успешной работы нужна сильная, дисциплинированная организация с членами, не считающимися с личным благополучием. В самом конце доклада она попросила высказаться, и если есть колеблющиеся, не желающие рисковать, то, заявила она, они обязаны об этом сообщить немедленно секретарю организации — Тамаре Наумовне Арнсон и раз и навсегда уйти из ее состава.

После этого Т.Н. Арнсон огласила новый устав «Воскресения», суть которого сводилась к следующему: 1) люди мы все церковные; 2) Христос и свобода; 3) скрещивание религиозного и социального вопросов; 4) о культурности церковных людей. Смысл устава принципиально менял лицо и задачи кружка. «Воскресение» было объявлено организацией людей разных вероисповеданий, религиозной лишь постольку, поскольку она занимается обсуждением религиозных вопросов.

В ходе обсуждения вопроса часть собравшихся (В.В. Бахтин, Е.П. Иванов, М.В. Юдина, Е.О. Тиличева, А.Г. Дмитрук) выразили свое несогласие с тезисами и покинули собрание, заявив о выходе из «Воскресения». Среди членов организации произошел, таким образом, раскол. Это было, как показали дальнейшие события, началом ее конца.

К этому времени А.А. Мейер и его коллеги уже находились под наблюдением ОГПУ. 8 декабря 1928 года был арестован В.В. Бахтин, 11 декабря А.А. Мейер, а вслед за ними и другие члены организации. Начались допросы.

В известной мере, дело «Воскресения» — это прямое следствие дела «Братства преподобного Серафима Саровского» (1928). Дело это решилось постановлением Коллегии ОГПУ в октябре 1928 года. А уже в ноябре в ОГПУ стали поступать сведения о сборе средств и вещей в пользу осужденных. Заинтересовавшись

этим сообщением, ОГПУ быстро установило, что занимались этим избежавшие суда коллеги осужденных: студент Института гражданских инженеров Лев Косвен, врач-психиатр Модест Моржецкий, лектор политпросвета Наталья Бурцева и преподаватель педагогического института им. А.И. Герцена Александр Сухов⁹. Все четверо были арестованы, после чего в ходе допросов (Косвен, Моржецкий) выяснилось, что, кроме ликвидированного ОГПУ «Братства Серафима Саровского» во главе с Иваном Михайловичем Андреевским, на свободе остаются члены еще одного интеллигентского сообщества, находившиеся с ним в тесной связи.

Так следствие вышло на т.н. «Содружество пяти» (И.М. Андреевский, к этому времени уже осужденный, С.А. Алексеев (Аскольдов), В.Н. Финне, Н.А. Молочковский и Б.В. Сланский), *«составлявшее как бы коллегия по руководству «Братством Серафима Саровского»*. В конце ноября 1928 года все они были арестованы. Не приходится отрицать сам факт близости И.М. Андреевского и других членов т.н. «Содружества пяти». Как и он, арестованные Н.А. Молочковский и В.Н. Финне были врачами-психиатрами, Б.В. Сланский — студент медицинского института. Однако в том, что они составляли коллегия по руководству «Братством Серафима Саровского» и «Космической академии наук» (руководитель Э.К. Розенберг), члены которой к этому времени также были осуждены, — позволительно усомниться. Скорее всего, это был домысел следователей ОГПУ.

Сомнительно также и то, что «Содружество пяти» имело какое-то отношение (хотя бы и через И.М. Андреевского) к кружку бывшего бухгалтера Госторга Григория Тайбалина, как то утверждало следствие. Во всяком случае, сами арестованные этого не подтвердили, хотя и признали, что были осведомлены о существовании кружков.

В дальнейшем в ходе следствия выяснилось также, что осужденный по делу «Братства Серафима Саровского» бывший профессор Петроградского университета С.А. Алексеев (Аскольдов) входил, наряду с ним, в еще одну подпольную организацию под названием «Воскресение». Каких-либо конкретных данных о составе этой таинственной организации не было, и только в результате длительного и, надо сказать, профессионального агентурного наблюдения ОГПУ удалось получить о ней необходимые сведения. Они-то и послужили основанием для проведенных в декабре 1928 года — январе — феврале 1929 года арестов членов этой организации и связанных с ней кружков.

Первое время после ареста в ходе предварительного следствия почти все арестованные отказывались от дачи показаний. Принципиальную позицию отказа от сотрудничества занял А.А. Мейер, отказавшийся от дачи каких-либо показаний по существу дела.

«С самого возникновения Религиозно-философского общества в Ленинграде в 1906 (1907. — Б.В.) году, — показывал он 5 января 1929 года, — я начал в нем работать. В Религиозно-философском обществе было много различных течений. Я примыкал тогда к тому течению, которое представлено было Мережковским и Карташевым. Сущность этого учения сводилась к борьбе за освобождение христианства от связи с монархизмом. Во время революции РФО прекратило существование (в марте 1917 года). В конце 1917 года Карташев уехал за границу. Мережковский еще года два был в России, работал в Публичной библиотеке. Уже тогда мы разошлись с Мережковским в понимании происходивших социальных процессов. Именно поэтому Мережковский не был привлечен тогда мною к работе моего кружка, в котором, по существу, продолжалась работа того течения в РФО, к которому примыкал и я. Основная установка моя в вопросе «религия и революция» сводится к следующему: религия не частное и не национальное дело. Религия не может быть безразлична к историческим путям человечества. Христианская религия в принципе своим утверждает преодоление индивидуализма, и в этом главный путь смычки христианства с социальной революцией»¹⁰.

Ближайшим помощником и единомышленником А.А. Мейера по «Воскресению» являлась, как уже отмечалось, Ксения Анатольевна Половцева, бывший секретарь РФО, с которой он состоял в так называемом гражданском браке, не порывая, впрочем, официально и с законной женой — Прасковьей Аркадьевной Мейер, от которой имел двоих детей: дочь Марию и сына Аркадия. Что касается К.А. Половцевой, то она к этому времени, судя по всему, была уже разведена с П.Д. Васильевым, кстати, тоже членом этого братства.

«Я, нижеподписавшаяся, Половцева Ксения Анатольевна, 42 лет, бывшая дворянка, проживающая Петроградская сторона, Малый проспект, дом 7 кв. 10, работающая зав. библиотекой завода «Электроаппарат», разведенная, муж — артист б. Мариинского театра, неимущая, беспартийная, сочувствую советской власти, — показывала она 25 декабря 1928 года. — Образование — Высшие женские строительные курсы. Архитектор.

Сознаюсь в том, что действительно активно работала с моим мужем Мейером в объединении «Воскресение». Объединение берет фактически свое начало от инициативной группы во главе с Федотовым, который в данное время в Париже. Федотов служил с моим мужем Мейером в Публичной библиотеке. Однажды Мейер, придя домой, позвал меня к Федотову на совещание инициативной группы. Здесь присутствовали: Анциферов с женой, я с Мейером, Преображенская Лидия Васильевна и ее приятельница, фамилии которой я не помню. На этом совещании Федотов сделал доклад на тему: «Пойдут ли церковь и религиозное движение вместе?» Обсуждали, но, естественно, ни к какому результату не пришли.

Так этот вопрос остается до сих пор для нас нерешенным. Прочли молитву: «Отче наш», кончили чаем и угощением. Решили впредь также собираться. После этого первого совещания собирались на квартире у Федотова почти ежемесячно. Бывал несколько раз Гревс. Деятельное участие принимал Шайтан. Бывал Курицын Владимир Николаевич, архитектор Пумпянский, Пигулевский, Оттен Евгения Оскаровна, Покровский Александр Михайлович, еще какие-то люди приходили, фамилии которых я не знаю. Одно-временно бывали ныне находящиеся за границей Маркович Наталья Николаевна, Алина Карловна и Вероника. Федотов разработал детальные тезисы, положенные в основу работы и обсуждения нашего объединения. Я сама составила и начертила графическую схему. Так продолжалось до отъезда Федотова за границу, т.е. до 1925 года. После отъезда Федотова вскоре уехали за границу также Маркович Вероника и Алиса Карловны, Бауман Анна Ивановна. Наступил второй период. Остались Мейер, я, Смотрицкий с женой, Дмитрук Анна Герасимовна, Максимович Алексей Яковлевич, Некрасова Клавдия Ильинична, Лишкина Анна Леонидовна, Арнсон Тамара Наумовна, Дедок Анастасия Анатольевна и Федорова Лена. Продолжали собираться ежемесячно в разных местах преимущественно у Смотрицкого и последние два раза у меня на квартире. На этих собраниях прорабатывались аналогичные вопросы, иногда с молитвами. Помимо этого у Смотрицкого был еще свой кружок. Последнее время собрания проводились у меня. 2 декабря 1928 года было поставлено задачей выявить всех лиц, которые будут серьезно прорабатывать все вопросы поставленные общиной «Воскресение». Для этого я предварительно с Арнсон разработала тезисы. Сушность их сводилась к следующему: 1) люди мы все церковные, 2) Христос и свобода, 3) скрещивание религиозного и социального вопросов, 4) о культурности церковных людей. Собралось человек двенадцать-четырнадцать. Когда собрались, я объяснила, почему я собрала их. Смысл моего обращения сводился к тому, что необходимо было окончательно выявить, остались ли еще люди, сочувствующие идее «Воскресения», и кто из них остался верен ей. После моего обращения Арнсон зачитала составленные мною тезисы. Некоторые из присутствующих не были согласны, возражали и ушли. Например, Юдина, Иванов, Бахтин и его жена. Остальные были согласны. Наметили собраться 24 декабря 1928 года у Смотрицкого. В намеченный день действительно собрались у Смотрицкого, обсуждали результаты организационного собрания. Констатировали, что откликнулись не все. Одновременно говорили о молитве, как молиться. Решили употреблять молитвы церковные, а не своими словами. Решили и впредь встречаться по возможности регулярно. Информацию о религиозном движении в рядах эмиграции получали со слов Мейера. Приятельница жены Федотова в 1926 или 1927 г. ездила за границу в Париж, виделась там с Федотовым, о чем рассказала Мейеру, а он в свою очередь — мне. Я знаю, что у

Мейера была книга, сочиненная Федотовым, «Митрополит Филипп», изданная за границей в 1928 году. Откуда взята эта книга, мне неизвестно. В свое время я также видела у Мейера заграничный журнал религиозного направления. Откуда он взял его, я тоже не знаю. Протокол записан с моих слов правильно, в чем и подписываюсь».

Допрошенная в тот же день дополнительно, К.А. Половцева сообщила:

«В дополнение своих чистосердечных показаний показываю, что лиц, связывающих Мейера с заграницей, я знаю лишь двух, 1 — подруга жены Федотова, кажется, Маргарита, фамилия возможно Грюнвальд. Помню, что жена Федотова называла ее Маргаритой. Маргарита ездила в Париж в 1927 году по командировке ее учреждения. По возвращении своем из Парижа она Мейеру рассказывала, а он в свою очередь мне, следующее. Подробно о личной жизни Федотова говорила, что Федотов читает лекции в Богословском институте, встречается часто с молодежью. Но идеологически он совсем одинок. О Карташеве рассказывала, что он занимается общественной деятельностью, у него бывает очень много людей, и он вообще живет на широкую ногу. Говорили о его личной жизни, что Карташев женился и у него есть ребенок. Параллельно рассказывал, что у них есть церковь (переоборудованный костел), расписанная русским художником. Недалеко от него есть общежитие, где живет молодой Струве, сделавшийся священником. Вместе с этим могу заявить, что второе лицо, которое ездило в Париж и рассказывало то же самое, является Добиаш-Рождественская. Больше о заграничных связях Мейера я не знаю. Протокол написан правильно, в чем и подписываюсь, К.Половцева»¹¹.

Весьма уклончивые и неопределенные показания дали в ходе следствия Т.Н. Арнсон, А.П. Смирнов, Е.В. Корш, Т.Н. Гиппиус, Б.М. Назаров, Э.А. Зыкова, Н.А. Александров, Г.Г. Тайбалин и Е.А. Тайбалина, Б.В. Бахтин, И.А. Аполлонская-Стравинская, Т.М. Смотрицкая, А.П. Сухов. Однако в дальнейшем такую принципиальную позицию выдержать удалось далеко не всем. Благодаря показаниям Всеволода Бахтина, Евгения Иванова, Павла Смотрицкого и ряда других арестованных, согласившихся в конце концов на «откровенные» показания (правда, с условием не называть личностей), общая картина истории и функционирования организации прояснилась вполне.

В итоге следствию удалось обнаружить или проявить, по крайней мере, пять кружков ленинградской интеллигенции, общее руководство которыми восходило, согласно версии ОГПУ, к А.А. Мейеру: «Содружество» (руководитель А.А. Мейер), «Переоценка ценностей» (руководитель до 1925 г. Г.П. Федотов), «Кружок медиевистов» (руководитель И.М. Гревс и О.А. Добиаш-Рождественская), «Культурный уголок» (руководитель

П. Ф. Смотрицкий), кружок Г. Г. Тайбалина. Состав же их оказался следующим.

Кружок Мейера «Содружество» (собирался по пятницам): Вахрушева Елизавета Михайловна, Лишкина Анна Леонидовна, Максимович Алексей Яковлевич, Ганьковский Дмитрий Михайлович, Якобсон Фаня Германовна, Давыдова Евгения Владимировна, Федорова Елена Семеновна, Арнсон Тамара Наумовна, Дмитрук Анна Герасимовна, Воронид Николай Степанович, Некрасова Клавдия Ильинишна, Зыкова Эликонида Александровна, Лаббе Эмилия Васильевна.

Кружок Федотова «Переоценка ценностей» (собирался по вторникам): Юдина Мария Вениаминовна, Батурина Александра Николаевна, Шилов Иван Андреевич, Гиппиус Вера Альбертовна, Мишонов Алексей Михайлович, Спиро Мария Семеновна, Пумпянский Лев Васильевич, Покровский Николай Александрович, Потулов Иван Ерофеевич.

Кружок Гревса и Добиаш-Рождественской (собирался по субботам): Федотов Георгий Петрович, Бахтин Всеволод Владимирович, Пигулевская Нина Викторовна, Герман Вера Петровна, Люблинский Владимир Сергеевич, Ушаков Сергей Александрович, Тиханова-Клименко Мария Александровна, Гуковский Матвей Александрович, Штерн Георгий Александрович, Винберг Нина Анатольевна, Люблинская Александра Дмитриевна, Скржинская Елена Чеславовна, Вальтер Георгий Ульрихович, Тубянский Илья Давыдович.

Кружок Смотрицкого «Культурный уголок» (собирался по четвергам): Арнсон Тамара Наумовна, Мишенев Сергей Михайлович, Грузова Валентина Сергеевна, Кареев Константин Николаевич, Приселков Сергей Васильевич, Венгировская Стелла Георгиевна, Жуков Владимир Акимович, Палей Петр Николаевич, Муликовская Елизавета Павловна, Платунов Борис Аркадьевич, Мухина Анна Ивановна, Спиро Мария Семеновна, Пешекирова Мария Сергеевна, Туманова Нина Владимировна, Баканова Екатерина Михайловна, Лукина Мария Васильевна, Волкович Михаил Михайлович, Ганьковский Дмитрий Михайлович, Якобсон Фаня Германовна, Гелландер Рудольф Оттович, Штейн Михаил Петрович.

Кружок Тайбалина: Аполлонская-Стравинская Инга Александровна, Дидерикс Михаил Михайлович, Вальдгарт Павел Петрович, Бельгардт Валериан Валерианович, Бахтин Борис Владимирович, Роменская Вера Васильевна, Кенель Александр Александрович, Мюллер Василий Федорович, Катенина Анна Алексеевна, Аничков Игорь Евгеньевич, Барковский Михаил Михайлович, Миханков Андрей Михайлович, Таубе Сергей Михайлович, Конюченко Андрей Тимофеевич.

Сам факт существования этих кружков не подлежит сомнению. Менее очевидна центральная организующая роль А. А. Мей-

ера и «Воскресения» в их возникновении и деятельности. Даже в самом «Воскресении» среди членов его не было должного идейного единства. Наряду с либерально-масонским ядром его во главе с А.А. Мейером и К.А. Половцевой достаточно сильные позиции в кружке имели представители энергично противостоящего ему православно-монархического направления¹². Правда, в «Воскресении» они были в меньшинстве. Однако в ряде других кружков (Григория Тайбалина, Бориса Назарова, Ивана Андреевского (Хельфернак), «Братство Серафима Саровского»), Эдуарда Розенберга («Космическая академия наук») ситуация была принципиально иной, и тон в них задавали не либералы, а резко православные люди. Сбить их с толку было не так то просто.

Как бы то ни было, притянув к «Воскресению» более или менее с ним связанные (по крайней мере, идейно) кружки и группы, следствие получило возможность раскрутить на этом материале крупнейшее даже по тем временам «интеллигентское дело».

Оказывается, как гласит обвинительное заключение по нему¹³, *«вскоре после Октябрьской революции некоторые ученые последователи идеалистических течений в науке, профессора Духовной академии и бывшие общественные деятели, оказавшиеся отстраненными от преподавательской и общественной работы, устроились при содействии двух академиков в аппарате Академии наук, Публичной библиотеке, музеях и научных институтах. Не участвуя в общественной жизни и наблюдая за укреплением ненавистного им государственного строя, в конце 1917 года в квартире одного из академиков членов ЦК партии кадетов при участии профессора государственного университета (тоже кадета) И.М. Гревса собрались несколько человек для обсуждения вопросов как сохранить чистоту русской интеллигенции от влияния новых идей. В результате было признано желательным организовать встречи интеллигентных одинаково мыслящих людей, с таким расчетом, чтобы не нарушить старых традиций и, главным образом, сохранить свое влияние на своих бывших учеников, молодых ученых и подрастающую молодежь. Для опыта было решено связаться с проживавшим в Москве бывшим князем Д.И. Шаховским, организовавшим там кружок молодежи из своих близких знакомых. Результаты этих переговоров сказались сразу же. В декабре 1917 года создается маленький кружок (ядро) из членов бывшего Петроградского религиозно-философского общества — сотрудников Публичной библиотеки и Академии наук Карташева Антона Владимировича, бывшего министра Временного правительства по делам вероисповедания, Половцевой Ксении Анатольевны, дочери придворного чиновника, Мейера Александра Александровича — бывшего духовного проповедника, Гревса Ивана Михайловича — профессора университета, бывшего орловского помещика Федотова Георгия Петровича, учеников Гревса и др., положивших начало регулярным собраниям на*

частных квартирах для обсуждения тенденций политических событий в России».

Так было положено начало созданию подпольной «контрреволюционной» организации правой интеллигенции под названием «Воскресение».

«Во главе организации стояли бывшие активные деятели Петроградского религиозно-философского общества, и за все время своего существования организация насчитывала до 110 членов.

«Воскресение» было связано с парижской белой эмиграцией в лице активных политических деятелей: члена группы «Борьба за Россию» и председателя Всеэмигрантского национального комитета Антона Владимировича Карташева и активного деятеля Союза христианской молодежи в Париже — Георгия Петровича Федотова, которым регулярно посылалась информация о деятельности организации.

Лидеры «Воскресения» из разных источников получали белоэмигрантские газеты и литературу.

Имея своей конечной целью свержение Советской власти, организация задачей текущего дня ставила создание крупного общественного движения против существующей политической системы.

Пытаясь создать такое движение, организация широко использовала религиозные и националистические настроения той интеллигенции, которая, благодаря своему враждебному отношению к Советской власти, оказалась выбитой из колеи общественной жизни.

Из этой интеллигенции организация по плану создавала целую сеть подпольных кружков, которыми руководили отдельные члены организации и для которых подлинные ее политические цели маскировались целями борьбы с культурной и религиозной политикой Советской власти.

Помимо систематической антисоветской пропаганды в своих кружках организация проводила широкую агитацию всюду, куда могли проникнуть ее члены (церкви, вузы, школы и частные квартиры), и распространяла антисоветские материалы, которые печатались силами и средствами организации»¹⁴.

Из 110 человек, прошедших за все время существования «Воскресения» через его кружки и группы, к ответственности, в конечном счете, было привлечено всего 70. Материалы в отношении И.М. Гревса, О.А. Добиащ-Рождественской и Л.С. Косвена были выделены в самостоятельное производство. «По своему социальному прошлому, — отмечалось в обвинительном заключении, — члены организации — осколки бывшего дворянского сословия, уничтоженного революцией, среди них дети бывших помещиков, дворцовых чиновников, бывшие статские советники и их жены, бывшие офицеры, попы и монахи». И это правда. Перед нами действительно представители «старого дворянского класса», до-

революционной русской интеллигенции. Практически все обвиняемые — из дворян и имели высшее образование.

Не менее существенно, однако, и другое. Наряду с попами (С.П. Мачихин, П.И. Жарков), монахами (Е.А. Зыкова, Г.М. Егоров) и бывшими офицерами (Н.А. Александров, С.М. Таубе, Г.Г. Тайбалин, А.В. Розеншильд-Паулин), как, впрочем, и библиотекарями (В.В. Бахтин, Н.В. Стебницкая-Пигулевская — ГПБ), певцами (П.Д. Васильев — бывший муж К.А. Половцевой), врачами (В.А. Дегтярева, М.Н. Моржецкий, Н.А. Молочковский), художниками (С.Г. Венгировская), студентами (М.М. Дитерихс, М.М. Волкович, Б.В. Сланский, А.Я. Максимович) среди проходивших по делу свыше трети оказались все же преподавателями высших и средних учебных заведений Ленинграда. Это: А.А. Мейер (Петроградский богословский институт), А.П. Смирнов (Институт истории искусств), Е.Л. Тенчинская (108-я сов. школа), А.В. Болдырев (ЛГУ), Б.В. Бахтин (33-я сов. школа), Н.А. Александров (108-я сов. школа), А.П. Сухов (Педагогический институт им. А.И. Герцена), А.А. Дедок (32-я сов. школа), Е.М. Вахрушева (51-я сов. школа), А.П. Алявдин (ЛГУ), П.П. Вальдгардт (Центральный музыкальный техникум), С.В. Приселков (доцент и проректор Академии художеств), О.В. Яфа (157-я сов. школа).

Очевидно, что острие репрессий второй половины 1920-х годов было направлено не столько против старой интеллигенции вообще, о «вредительстве» которой много говорилось в то время, сколько против ее наиболее активной, духовно развитой, думающей части.

Уже в мае 1929 года следствие по делу «Воскресения» было закончено и за подписями начальника СОУ В.Р. Домбровского и ПП ОГПУ в ЛВО С.А. Мессинга ушло в Москву на рассмотрение коллегии ОГПУ. Участь обвиняемых была решена последней 22 июля 1929 года. Наиболее суровое наказание — 10 лет концлагерей — было определено А.А. Мейеру, Э.А. Зыковой, П.Ф. Смотрицкому и К.А. Половцевой. А.М. Мишенев, С.П. Мачихин, Г.Г. Тайбалин, М.М. Бахтин, А.В. Болдырев, Т.Н. Арнсон, А.И. Голубинский, А.Я. Максимович, Е.А. Назарова-Заржецкая, А.В. Розеншильд-Паулин, Н.В. Стебницкая-Пигулевская, Н.В. Спицын и П.П. Сланский получили по 5 лет концлагерей. По 3 года получили: В.В. Бахтин, Б.В. Бахтин, Л.А. Барышева, П.П. Вальдгардт, М.М. Волкович, Т.Н. Гиппиус, В.С. Грузова, А.Л. Лишкина, Н.А. Молочковский, К.И. Некрасова, А.П. Сухов, Б.В. Сланский, М.М. Таубе и С.М. Таубе, В.Н. Финне, О.В. Яфа, В.П. Герман, В.Ф. Штейн, Е.Л. Тенчинская, Н.П. Анциферов. Более мягкое наказание — 3 года ссылки — было определено А.А. Дедок, И.Н. Дукельской, Е.С. Бахтиной, Н.Б. Бурцевой (Гришковской, Долбежневой), С.Г. Венгировской-Приселковой (урожд. Коган), С.В. Приселкову, Е.П. Иванову, А.А. Катени-

ной, М.Н. Маржецкому, А.Ф. Мушниковой, Т.М. Смотрицкой, Е.А. Тайбапиной, Е.Н. Харламовой, М.И. Шалиско, Г.М. Егорову, М.К. Гринвальд, Е.В. Корш, П.И. Жаркову, И.А. Аполлонской-Стравинской. 3 года концлагерей получила В.А. Дегтярева, но ввиду преклонного возраста подсудимой наказание ей было смягчено — 3 года ссылки. В отношении остальных: Е.О. Оттен-Тиличевой, М.М. Дитерихса, К.Н. Кареева (сын известного историка) и других — решено было ограничиться условным наказанием: лишением их права проживания в Москве, Ленинграде и ряде других городов СССР с обязательным прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года.

Примечания

¹ Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 324–325.

² Федотов Г.П. Лицо России // Федотов Г.П. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 1. М., 1996. С. 104.

³ Федотов Г.П. Лицо России. Париж, 1988. С. 37.

⁴ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т. 1, л.391.

⁵ Исупов К.Г. Слово как поступок (о философском учении А.А. Мейера) // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 93–102.

⁶ Лихачев Д.С. Об Александре Александровиче Мейере // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 92–93.

⁷ Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 325.

⁸ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т. 1, л. 400.

⁹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. ДП-81782, т. 1, л. 181.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14284, т. 1, л. 230.

¹¹ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 14284, т. 3, л. 244–246.

¹² Антонов В.В. «Воскресение» Мейера и «воскресники» Тайбалина // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып.18. СПб, 1997.

¹³ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81782, т. 1, лл. 179–242.

¹⁴ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. 81782, т. 1, л. 180.

МОСКОВСКИЕ АНТРОПОСОФЫ, ТАМПЛИЕРЫ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ 1920—1930-х ГОДОВ

Видную роль среди оккультно-мистических кружков и групп 1920-х годов по-прежнему, как и в дореволюционные годы, продолжали играть антропософы. Русское антропософское общество, напомним, возникло еще в 1913 году и в первые послереволюционные годы действовало на вполне легальных основаниях. Однако в 1923 году обществу было отказано в очередной перерегистрации, и оно поневоле вынуждено было перейти на нелегальное положение, разбившись на небольшие кружки единомышленников и наиболее близких друзей. Председателем Московского антропософского общества с 1921 года являлся Трифон Георгиевич Трапезников (1882—1926). В 1925 году, незадолго до смерти, он уехал в Германию.

После него во главе московского общества антропософов встали: врач Петр Васильевич Васильев (р. 1885) и режиссер МХАТа Владимир Николаевич Татаринов (р. 1879) — один из ближайших друзей уехавшего за границу известного актера М.А. Чехова (1891—1955).

Лидерами петроградских антропософов 1920-х годов были поэт Борис Алексеевич Леман (1880—1945), руководивший так называемой группой «Бенедиктуса», и поэтесса Елизавета Ивановна Васильева (1887—1928), стоявшая во главе группы Ильи Пророка. Руководящее ядро движения составляли поэт Андрей Белый, Клавдия Николаевна Васильева, Алексей Сергеевич Петровский и Борис Павлович Григоров¹.

Идейным руководителем общества был Андрей Белый, лично знакомый с основоположником учения немецким мистиком инженером Рудольфом Штейнером. Напомним, что первая встреча Андрея Белого с Рудольфом Штейнером произошла еще в 1912 году. До марта 1914 года Андрей Белый ездил с ним по разным городам Европы, где слушал и записывал лекции учителя и занимался под его руководством эзотерической практикой, приобретая в этой области большие теоретические познания и практический опыт. С мая 1914-го по апрель 1916 года он жил в Дорнахе (Швейцария), где вместе с другими антропософами работал на строительстве здания антропософского центра. В 1921—1923 годах Андрей Белый вновь сумел побывать в Германии в гостях у Рудольфа Штейнера, после чего вернулся в СССР.

Важное место в оккультной практике антропософов всегда придавалось занятиям эвритмией, то есть искусству передачи

слов при помощи ритмических движений тела. В 1920-е годы в Москве ими было образовано несколько таких кружков. Один из них вела Н.М. Моисеева. Ее брат В.М. Моисеев организовал кружок для начинающих. Среди других кружков можно назвать детский, подростковый и христианский.

Никакой «политики» в деятельности последователей Рудольфа Штейнера в СССР не было, хотя отдельные члены общества и выезжали в 1920-е годы за границу: уже упоминавшийся нами Андрей Белый (1921–1923), М.А. Чехов (1923), В.Н. Татаринов (1923), Н.М. Моисеева (1927). Там они встречались как с самим Рудольфом Штейнером (умер в 1925 году), так и с его женой Марией Яковлевной (урожд. Сиверс). Этого оказалось достаточно, чтобы попасть в поле зрения сотрудников ОГПУ.

В 1926–1927 годах были проведены первые аресты среди петербургских антропософов: Б.А. Леман, Е.И. Васильева (в 1928 году Е.И. Васильева умерла в ссылке) и др. Однако основное, московское ядро антропософов в 1927 году уцелело. Но весной 1931 года дошла очередь и до него.

В мае 1931 года московское ОГПУ отчиталось перед вышестоящим начальством о ликвидации им *«нелегальной контрреволюционной организации антропософов, ставящей конечной целью своей деятельности уничтожение существующего строя и реставрацию капитализма в СССР»*². Аресты среди антропософов начались еще 27 апреля 1931 года, когда были взяты под стражу 4 человека. 8 мая арестовали еще четверых, причем среди них оказались и близкие к Андрею Белому люди: актер и режиссер МХАТа В.Н. Татаринов и московский врач П.Н. Васильев (муж сожительницы Андрея Белого Клавдии Николаевны Васильевой). 20 мая 1931 года в Москве был арестован А.С. Петровский, 27 мая — Б.П. Григоров. Все они были помещены в изолятор временного содержания Бутырской тюрьмы. Наконец, 30 мая 1931 года была арестована вместе со своей подругой актрисой М.А. Скрябиной в Детском Селе у Андрея Белого и К.П. Васильева. 2 июня она была доставлена в Москву. Взволнованный ее судьбой, Андрей Белый через своего приятеля режиссера В.Э. Мейерхольда нашел путь к начальнику Секретно-политического отдела центрального аппарата ОГПУ Я.С. Агранову. 24 июня Андрей Белый срочно приезжает в Москву, а уже 27 июня он находился в кабинете у Я.С. Агранова. В результате уже 3 июля 1931 года К.Н. Васильева была на свободе³.

Всего по делу антропософов 1931 года проходило 27 человек: Васильева Клавдия Николаевна (р. 1886), Петровский Алексей Сергеевич (р. 1881), сотрудник Библиотеки им. В.И. Ленина, Григоров Борис Павлович (р. 1883), преподаватель Московского энергетического института, Васильев Петр Васильевич (р. 1885), врач, Моисеев Владимир Михайлович (р. 1897), библиограф НИИ при Академии им. В.И. Ленина, Моисеева Наталья Михайловна (р. 1901), преподаватель музыки, Татаринов

Владимир Николаевич (р. 1879), режиссер МХАТа, Невейнова Елена Васильевна (р. 1902), технический секретарь Академии им. В.И. Ленина, Кезельман Елена Николаевна (р. 1889), домохозяйка, Клименкова Надежда Степановна (р. 1894), преподаватель музыки, Твердова Маргарита Александровна (р. 1896), инструктор трудотерапии, Зайцев Петр Никанорович (р. 1889), литератор, Лугач Роза Владимировна (Вульфовна) (р. 1889), библиотекарь, Каликина Лидия Васильевна (р. 1888), педагог, Скрябина-Татаринова Мария Александровна (р. 1901), артистка МХАТа-2, Татаринова Надежда Николаевна (р. 1880), библиотекарь, Выборнова Татьяна Андреевна (р. 1893), артистка, Иконникова Магдалина Александровна (р. 1894), чертежница, Шанько Т.В. (р. 1909), библиотекарь, Шанько Екатерина Александровна (р. 1879), домохозяйка, Красновский Михаил Константинович (р. 1912), учащийся музыкального техникума, Голенищев Анатолий Иванович (р. 1881), делопроизводитель, Красновский Константин Николаевич (р. 1884), юрист, Краснушкина Евгения Николаевна (р. 1880), библиотекарь, Макин Георгий Александрович (р. 1892), технический регистратор, Анненкова Ольга Николаевна (р. 1884), преподаватель английского языка, Рудакова Евгения Николаевна (р. 1907)⁴.

Однако главного идейного руководителя московских антропософов этого времени Андрея Белого в этом списке мы не найдем. И это, видимо, главная загадка этого дела. Обвинительное заключение по нему датировано 29 июня 1931 года. Приговор по делу был оглашен 8 сентября того же года. Вопреки ожиданию, он оказался сравнительно мягким: три года ссылки в отдаленные местности СССР. Причем многие из антропософов оказались на свободе досрочно. Конечно, свою роль в таком исходе их «дела» сыграли, несомненно, высокие покровители, имевшиеся у руководителей этого мистического сообщества (Максим Горький, Яков Агранов, Всеволод Мейерхольд и другие). В то же время не следует сбрасывать со счетов и определенные колебания, которые мы наблюдаем у властей по отношению к несомненно сочувствующей Советской власти масонствующей российской интеллигенции, к числу которой мы, несомненно, можем причислить не только антропософов, но и представителей других парамасонских мистических сообществ.

Крупную роль среди масонов и оккультистов 1920-х годов играл «*епископ церкви Иоанновой, каббалист, хиромант, церофант*», известный поэт и скульптор Борис Михайлович Зубакин (Эдвард) (1894–1938). Сам Зубакин-Эдвард определял себя как *свободномыслящего мистика-анархиста и христианина*.

Еще в 1911 году из числа своих товарищей по 12-й С.-Петербургской гимназии он организовал первую в своей жизни масонскую ложу — «Лоджия Астра». Среди ее членов: В. Владимиров, О. Богданова, Е. Розанова. Собирались, как правило, на даче Зубакина, сочиняли и пели масонские гимны, изучали ок-

культную литературу. В 1913 году Зубакин знакомится с руководителем ложи розенкрейцеров в Санкт-Петербурге — уже упоминавшимся Александром Кордингом — и вступает вместе со своими друзьями в его организацию. В 1915 году А. Кординг умирает, передав руководство орденом Б.М. Зубакину.

В 1922 году Зубакин был арестован и вскоре освобожден. Это сразу же дало основание тогдашним властям умов московской интеллигенции заподозрить в нем провокатора и агента ОГПУ. Современные исследователи не дают однозначного ответа на этот вопрос. В 1929 году Б.М. Зубакина высылают в Архангельск. 3 февраля 1938 г. он был расстрелян⁵.

«По матери, — показывал 31 декабря 1922 года Б.М. Зубакин, — наш род английский, Эдварды мистики, масоны. Мистикой интересуюсь с детства». Отвергая предъявлявшиеся ему обвинения в принадлежности к контрреволюционной организации и в 1922, и в 1929, и в 1937 гг., он неизменно подчеркивал, что с 1913 г. принадлежал к духовно-религиозному мистическому братству неорозенкрейцерского характера, являющемуся тайной церковью Иоанновой, отличающейся «отсутствием политической идеологии, духовно-каббалистическим вероучением, целью».

«Почему было «незаконным»? По исторической традиции всегда маленькие (по своей природе не могли быть большими) группы — т. называемые братства — церкви Иоанновы были тайны и интимны, желая жить в тишине и не подвергаться обвинению официальных церковников в ереси, чтоб не слыть еретиками.

Какие были условия принятия в братство?

А) Изучение (многолетнее) каббалистического учения арканов, каббалы. В) Принятие и выполнение нравств[енно] и физич[ески] особой школы. С) Принятие сана — рыцаря Духа (КА) и алтаря = диакону церкви Иоанновой и алтаря: Дарохранителя (ОР) = пресвитеру: Высокого или Ведущего = первосвященнику, епископу (погреч[ески] иерофанту). Были 2-е, 3-е и более, — Братьями т[ак] ск[азать] «по доверию» слушающих курс, но не принявших пока сана. Ибо целью было всем быть на уровне «ВА» третьей степени нравствен[ного] пути и духов[ного] сана. Было свое богослужение — и форма — таинства принятия сана, почти не соблюдаемая последние годы».

Собственно история ордена в изображении Б.М. Зубакина выглядит следующим образом. «В 1913 году мы назывались «Лоджия Астра» = звездная обитель церкви Иоанновой (или капелла). С присоединением к нам старика-каббалиста Кординга стали называться «Эль-а» («Эль» — по древнееврейской каббале = имя Божие, т.е. носители имени Божия, его основ — Альфы = «А»)). С Кордингом «высокое счастье» заниматься каббалой, арканами (система герметических наук) и мистической философией он имел вплоть до 1916 года. «Занятия с ним меня совершенно поглотили. Теперь уже я, Владимиров (связь с ним я утерять с 1917-го и что с ним, увы, не ведаю), и Волошинов уже не мечтали с прежним пы-

лом попасть во Французский оккультный институт. Мы уже с пренебрежением относились к слову «масон» (пренебрежение это у меня неизменно и до сих пор).

Мы решили, что мы сами достаточный институт во главе с Кордингом и Владимировым. К нам примкнул д-р Злобин, быв[ший] репетитор Волошинова (пропал без вести с конца 1916), мой гимназический учитель А.Ал. Попов (в 1917-м уехал к родным в Уфу и с тех пор ни слуху ни духу) и приятель Волошинова Георгий Ченцов, Шандаровский Петр Сергеевич, Бржезинский (имени не помню). С 1917 г. связи с ними не поддерживаю (почему, объясню ниже), имел сведения, что они в Петербурге.

Мы сами открыли свою школу. Это значило, что я (заместитель умирающего от неизлечимой болезни Кординга и почти никому не показывающегося) и Волошинов читали лекции по философии мистики и по каббале.

Мы мечтали съехаться все у меня в Озерках по ж.д. и жить общежитием.

Были мы недотрогами, как мимозы, боялись любопытствующих, теософствующих дам и молодых бездельников — стремившихся к нам влезть в душу⁶.

Вскоре к ним примкнул отец Б.М. Зубакина — Михаил Зубакин, первая жена Б. Зубакина — Евгения Пшесецкая и другие. Через знакомого Б.М. Зубакину было обещано знакомство с Г.О. Мебесом — представителем ордена мартинистов в России, однако воспользоваться его лекциями он не смог, ибо в 1916 году он был мобилизован в армию и «совершенно сдуру» пошел на войну. «Патриотом, как понятно, я не был. Я был и есть мистик-анархист, мечтающий о небольшой интимной мистически-философской общине», — отмечал он.

В начале 1916 года Б.М. Зубакин и его друг В.Н. Волошинов объявили себя преемниками (через Кординга) христианского розенкрейцерства: «Духовным орденом, государственным и школой-институтом «Lux Astralis». Установили четырехгодичный курс школы (1-й год — символика и введение, 2-й год — каббала и магия, 3-й — мажорные арканы и 4-й — минорные арканы), себя объявили «В-А» (Ведущими в Астральную мудрость) и, так как их было очень мало, почти всех своих учеников включили в совещание или «Верховный совет Духовного рыцарства LA». Уход в конце февраля 1916 года Зубакина на фронт надолго выключил его из кружка.

Все дело теперь осталось на В.Н. Волошинове. Он придумал печать с египетским ключом и буквами, вел занятия с учениками, магнетизировал больных, занимался самообразованием и подбором оккультной библиотеки. Цель кружка его руководители видели в том, чтобы «создать общежитие либо в сельской местности, либо в двухкомнатных соединенных вместе квартирах, создать духовную общину, обитель, коммуну «рыцарей Духа», Грааль — «Монсальват». Жить и молиться вместе». Собственно, это

было в миниатюре осуществлено в 1913–1917 годах в Озерках и на квартире Волошинова.

В 1918 г. семья В.Н.Волошинова переехала к Зубакину и художнику А.Буйницкому под Невель. Возникла «коммуна-церковь» «Эль». А. Буйницкий пытался организовать «Капитул» нового розенкрейцерства «LA», т.е. собрание-общезитие образцовой ячейки братьев высшей, третьей степени. В 1920 году коммуна распалась. А. Буйницкий и В.Н. Волошинов ушли из нее. Б.М. Зубакин пытался самостоятельно основать общину вместе с оставшимися, но ничего не вышло. В 1924 году он и Л.Ф. Шевелев объявили о прекращении деятельности кружка. «Братья» разошлись. Деятельность «Лоджии Астра» как целого прекратилась. Остались лишь персональное учительство и надежда когда-нибудь вновь воссоздать обитель-общезитие. Братство «Лоджия Астра» стало «странствующей церковью Иоанновой».

«Когда я в первый раз увидела этого человека, — вспоминала Анастасия Цветаева, — он сидел в общезитии Союза писателей за столом среди невообразимого беспорядка и писал стихи. Парусиновый балахон с капюшоном. И он очень был похож на монаха. Лысина. Темные волосы ниже ушей, хрупкие на концах и легко вьющиеся. Великолепный (как у греческих философов) лоб. И когда он повернул лицо — зеленоватые, большие, ясные, очень любезные глаза. Любезная, даже слишком, и чуть едкая улыбка. Что-то от испанского гранда. Встал: маленький рост... Молодой? Пожилой? Нет, древний. Вне возраста. И я долго смеялась (не верила), что ему 28 лет!»⁷

Крупная роль Б.М. Зубакина в истории масонских или полумасонских оккультных кружков и групп очевидна. Не все, впрочем, разделяют это мнение. *«Судя по всему, — пишет Н.А.Богомолов, — Б.М.Зубакин стоял совершенно в стороне от сколько-нибудь институционализированных орденов, однако устремления его были, несомненно, ориентированы на ту же систему эзотерических ценностей, что и у деятелей различных посвященных орденов»⁸.*

Не исключено, впрочем, как полагает А.Л. Никитин, что организация Б.М. Зубакина поддерживала в 1920-е годы какую-то связь еще с одним мистическим сообществом — Амаравэлла, во главе с артисткой В.Н. Руной-Пшесецкой. О самой организации, кроме того, что это были советские последователи Н.К. Рериха, мало что известно. Среди членов этого кружка подвизался, в частности, одно время известный художник Б.А. Смирнов-Русецкий⁹.

Считается, что, возможно, входил одно время в ложу розенкрейцеров в Москве и известный писатель Михаил Булгаков¹⁰. Нет, не даром, выходит, вывел он в своем романе «Мастер и Маргарита» похождения «бесов» в столице победившего социализма. Знал, выходит, о чем пишет. Бесспорных, впрочем, дока-

зательств его причастности к ордену у нас нет, хотя интерес писатель к оккультизму проявлял несомненный.

Как бы то ни было, в 1927 году Б.М. Зубакин уходит, по его словам, на покой, назначив своим духовным преемником Л.Ф. Шевелева, однако фактически это произошло едва ли раньше 1929 года, то есть времени его высылки в Архангельск.

С 1929 по 1936 годы организация работала, по крайней мере формально, под руководством Леонида Федоровича Шевелева, умершего в 1936 году. Его преемником стал Яков Онисимович Монисов (расстрелян в 1938 году). Духовное руководство движением по-прежнему осуществлял Б.М. Зубакин. Н.Н. Леонгард (агент ОГПУ), В.А. Пяст (Пестовский), проф. В.К. Бочкарев (Вязьма), М.А. Жуков (Ленинград), Н.А. Мещерская, А.С. Шевелева, К.С. Шевелева, К.Л. Журавлев (Ленинград), Е.Н. Штарк-Михайлов отошли к этому времени от сообщества. Однако основное ядро кружка в составе Я.О. Монисова, Ф.Ф. Попова, Н.А. Геевского, а также А.П. и Е.А. Ракеевых — продолжало, судя по всему, функционировать. Деятельным последователем учения Б.М. Зубакина оставалась все эти годы его личный секретарь Анастасия Ивановна Цветаева.

Отношение А.И. Цветаевой к Зубакину ярко характеризуют ее воспоминания последних лет в записи Доброславы Донской: *«За вечерним чаем о друге Анастасии Ивановны — Зубакине. Поэт, художник, скульптор, человек, наделенный мистической силой. Арестовывался дважды, находился в архангельской тюрьме. Первый арест в 1926-м. Через три года вернулся. Затем второй арест. В 1933 и 1935 годах Анастасия Ивановна ездила к Зубакину в Архангельск»*¹¹.

Конец наступил 26 января 1938 года.

«Слушали: дело № 13602, — гласит выписка из протокола состоявшегося в этот день заседания тройки ОГПУ, — по обвинению Зубакина Бориса Михайловича, 1894 г. рожд., уроженца г. Ленинграда, бывшего дворянина, бывшего офицера царской армии, беспартийного, за контрреволюционную деятельность арестовывавшегося органами НКВД в 1922 и 1929 гг., осужденного к 3-м годам высылки в Северный край, скульптора.

Обвиняется в том, что проводил и был организ[атором] и руководит[елем] антисоветской мистическ[ой] фашистской] и повст[анческой] организ[ации] масонского направления, ставил себе задачей сверж[ение] сов[етской] власти и установл[ение] фашистского] строя.

*Постановили: Зубакина Бориса Михайловича — расстрелять»*¹².

3 февраля 1938 года приговор был приведен в исполнение.

Из провинциальных лож неорозенкрейцерского ордена Духа (Невель, Смоленск) наибольший интерес по составу участников и их дальнейшей судьбе представляет минская ложа «Stella» (1920), куда входили художник Павел Аренский, Леонид Никитин и кинорежиссер Сергей Эйзенштейн.

«Я никогда не забуду помещения ложи в Минске, — несколько иронично вспоминал позднее С.М.Эйзенштейн это время. — Мы приходили туда — несколько человек. Громадного роста, состоявшийся когда-то в анархистах дегенерировавший аристократ с немецкой фамилией (Борис Плеттер. — Б.В.). Неудачник — сын одного из второстепенных русских композиторов (Павел Аренский (1887—1941), поэт, драматург, востоковед. — Б.В.). Актер Смолен из передвижной фронтовой труппы... Тренкает за дверью балалайка. Стучат котелки из походной кухни во дворе. А здесь, накинув белую рубаху поверх гимнастерки и обмоток, — трижды жезлом ударяет долговязый анархист. Возвещает о том, что епископ Богори готов нас принять. Омовение ног посвященными руками самого епископа. Странная парчовая митра и подобие епитрахили на нем. Какие-то слова. И вот мы, взявшись за руки, проходим мимо зеркала. Зеркало посылает наш союз в... астрал. Балалайку сменяет за дверью гармонь. Красноармейцы уже веселы. Печаль их была ожиданием ужина. А мы уже — рыцари-розенкрейцеры».

Далее последовало посвящение Б.М. Зубакиным новоиспеченных рыцарей в учение Каббалы, арканов Таро (метод пророчеств с помощью 78 символических изображений на игральных картах) и другие азы оккультизма. *«Не сплю, — вспоминает далее С.М. Эйзенштейн, — только на самой интересной части учения, все время вертящегося вокруг божеств, Бога и божественных откровений. А тут в самом конце выясняется, что посвященному сообщают: «Бога нет, а Бог — это он сам». Это мне нравится»¹³.*

«Имел здесь очень интересную встречу — писал из Минска С.М.Эйзенштейн о Зубакине своей матери, — сейчас перешедшую в теснейшую дружбу нас троих с лицом совершенно необыкновенным: странствующим архиепископом ордена Рыцарей Духа... Начать с того, что он видит астральное тело всех и по нему может о человеке говорить самые его сокровенные мысли. Мы все испытали это на себе. Сейчас засиживаемся до 4—5 утра над изучением книг мудрости Древнего Египта, Каббалы, Основ Высшей Магии, оккультизма... какое громадное количество лекций (вчетвером) он нам прочел об «извечных вопросах», сколько сведений сообщил о древних масонах, розенкрейцерах, восточных магах, Египте и недавних (дореволюционных) тайных орденах! Тебя бы все это бесконечно заинтересовало, но всего писать не могу и прошу дальше никому не говорить. Сейчас проходим теоретическую часть практического курса выработки воли. Вообще он излагает удивительно захватывающее учение. И опять же дальнейшее — Москва. Туда, вероятно, прибудет и он. Знания его прямо безграничны...»¹⁴

В том же году, уже в Москве, к ним присоединился актер Михаил Чехов, театральный режиссер Валентин Смышляев и ряд других «сливок» московской т.н. «творческой интеллигенции». В 1921 году рыцарями ордена Духа становится актер МХАТа Юрий Завадский с женой.

В Москве занятия Б.М. Зубакина с рыцарями были продол-

жены, причем большое внимание, почему-то, уделялось им беседам на тему «Незримого Лотоса», якобы расцветающего в груди посвященного. *«Несомненно, в Незримом Лотосе что-то есть, — кощунствовал в связи с этим Михаил Чехов. — Вот возьмите собачек. Мы не видим ничего. А они что-то друг у друга вынюхивают под хвостиками»*¹⁵.

Вскоре «братья-рыцари» начинают отходить от Зубакина, чтобы положить начало новой масонской организации, известной как орден тамплиеров (орден Света), или масонская ложа А.А. Солоновича¹⁶.

У истоков этой организации стоял Аполлон Андреевич Карелин (1863—1926), более известный в своем кругу под эзотерическим именем как рыцарь Сантей. Популярный писатель на темы из русского общинного быта, он начинал как народник, позже перешел к эсерам, а к 1905 году окончательно сформировался как анархист.

Эмигрировав за границу, читал лекции в организованной русскими масонами Высшей школе социальных наук в Париже, где и был, видимо, посвящен в «вольное каменничество». В Россию Карелин вернулся осенью 1917 года с репутацией теоретика анархо-коммунизма. Здесь он сразу же был введен в состав ВЦИКа и развернул кипучую деятельность: была учреждена Всероссийская Федерация анархистов и анархо-коммунистов, создан «Черный крест» (организация, оказывавшая помощь анархистам) и знаменитый клуб анархистов в Леонтьевском переулке. В 1920 году А.А.Карелин основывает в Москве так называемый «Восточный отряд» ордена тамплиеров и начинает подготовку кадров для его будущих дочерних структур.

«Не помню, при каких условиях я познакомился с Карелиным, — писал в своих показаниях Ю.Завадский, — кто и когда меня к нему привел, знаю только, что он мне представлялся человеком, принятым Советской властью и вполне лояльным. Он жил в 1-м Доме Советов и сам мне рассказывал о своих хороших отношениях с А.С. Енукидзе, которому, в свою очередь, я как-то рассказывал о своем знакомстве с Карелиным... В те времена, воспитанный моим учителем по театру Е.Б. Вахтанговым в большой мере идеалистически, я интересовался всевозможными философскими и мистическими проблемами. Карелин меня тогда заинтересовал своей философией — я сейчас совершенно не в силах восстановить в памяти (так это для меня далеко сейчас) подробное содержание его взглядов, но помню только, что они были очень отвлеченными и туманными, касались главным образом проблем подсознательной работы, проблем душевных и духовных сущностей и т.д.

У Карелина я встречал Смышляева, жену Солоновича, мою сестру — В.А. Завадскую, Аренского и ряд лиц, которые, промелькнув, вовсе не остались в моей памяти. Белая роза — его любимый цветок — часто стояла у него на столе. Карелин рассказывал легенды, потом слушатели задавали вопросы и беседовали... Иногда

вместо Карелина у него в квартире вел с нами такие беседы Солонович...»

Весной 1924 года кружок был реорганизован в орден Света, руководителем которого несколько позже стал А.С. Поль — преподаватель экономического института им. Плеханова. Братья, посвященные ранее в орден Духа, автоматически перешли в разряд его старших рыцарей высших степеней. Всего их было семь, и каждой из них соответствовала определенная орденская легенда: об Атлантах, потомки которых якобы жили в подземных лабиринтах в Древнем Египте, об Эонах, взявших на себя роль посредников между миром Духов и людей, о Св. Граале — священной чаше с кровью Христа и т. п.

Обряд посвящения в орден был прост: после ознакомления посвящаемого с соответствующей орденской легендой руководитель кружка слегка ударял рукой по его плечу, имитируя таким образом удар плашмя мечом при посвящении средневекового рыцаря, и на этом церемония считалась законченной. Символом ордена являлась восьмиконечная голубая звезда — олицетворение надзвездного мира восьми измерений.

Подробное описание картины посвящения в орден дал в своих показаниях Ф.Ф. Гиршфельд:

«Проводивший посвящение старший рыцарь с белой розой в руке рассказывал вступающим в орден легенду о Древнем Египте. К посвящаемому подходили два других старших рыцаря (мужчина и женщина), призывая его быть мужественным, блюсти честь и хранить молчание. Затем принимавший ударял посвящаемого рукой по плечу, имитируя удар плашмя мечом в рыцарском посвящении, и предлагал ему выбрать орденское имя. В разных кружках эти имена начинались с разных букв. При вступлении неопиту сообщалось следующее: орден имеет семь степеней, во главе его стоит командор; рыцари переводятся из степени в степень в зависимости от их деяний (практически это делалось по прослушивании определенного количества орденских легенд); цель ордена — борьба со злом (которое заключается во всяком проявлении власти и насилия); в орден не принимаются члены политических партий (принадлежность к анархическим группировкам допускается)». Средства ордена составляли ежемесячные отчисления рыцарями одного или полутора процентов их заработка.

В архивно-следственном деле имеются показания Е.А. Поль с описанием рождественской трапезы, происходившей в конце 1924 года: *«Мы сидели за круглым столом, накрытым скатертью, в середине которого стояла чаша с вином, накрытая белым покрывом с черным крестом посреди. Сверху лежала какая-то веточка. На столе лежало Евангелие, заложенное голубой лентой. Праздник начался с вопроса младшего из присутствовавших о том, есть ли совершенная красота. Все остальные по очереди отвечали на этот вопрос, после чего можно было приступить к еде. Затем руководитель рассказывал какой-то миф, содержание которого совершенно*

не помню. Праздник закончился пением хором гимна архангелу Михаилу. Надо прибавить, что на стене висело изображение рыб, а в руке корифея была небольшая черная палочка, которой давался знак к действию...»¹⁷

Отличительным же знаком рыцарей второй и последующих степеней была белая роза — олицетворявшая возвышенность и чистоту помыслов «братьев». Дочерней организацией ордена в Москве была ложа «Храм искусств» и «Общество милосердия» (руководитель — В.Р. Никитина), где и группировались художественные и артистические круги масонствующей московской интеллигенции. В Нижнем Новгороде и в Сочи действовали филиалы московской организации — соответственно, орден Духа, куда входили студенты агрономического факультета Нижегородского университета (М.А. Владимиров, С.Н. Раева и другие, всего 12 человек — т.н. «нижегородское дело» июля — октября 1930 года), и орден тамплиеров и розенкрейцеров (Н.А. Ладыженский, Я.Т. Чага).

Что касается приемов, при помощи которых производилось пополнение «личного состава» кружка, то ничего оригинального здесь не было. *«Если им кажется, что вы податливый человек, вам начинают предлагать переходную литературу: оккультные романы, йогсов, каббалистов, теософов и антропософов, Карпен-тера, Эмерсона, церковных мистиков, Бердяева, Булгакова, литературу по сектантству, индуистскую, персидскую и т. п. мистическую литературу, соответственно тому, что окажется подходящее. Вам читают лекции, направленные против материализма, или даже в первое время против наименее удобных форм материализма. Затем вводят в кружок взаимопомощи, изучения Евангелия, изучения философии и т. п. Затем начинают незаметно прививать свой псевдопнеуматизм, антисемитизм, ненависть к науке и технике и к индустриальной культуре. Прививают любовь к средневековью, к магизму и т.д. ...»*¹⁸. А то, что многие русские интеллигенты были весьма податливы на такого рода ухищрения, очевидно.

Вот что показывал 14 октября 1930 года А.В. Уйттенховен:

«На повторный вопрос об эволюции моего мировоззрения могу сообщить следующее: интерес к вопросам философского характера возник у меня очень рано (мне было тогда лет четырнадцать), и первым был интерес к анархизму, выразившийся в чтении Эльцбахера и Ницше. Чтение Эльцбахера (книга «Анархизм», где излагаются разные системы анархизма) привело меня к изучению Льва Толстого и к увлечению его «Евангелием», так что в течение нескольких лет (до 1915–1916 гг.) я считал себя толстовцем. От этого периода осталась у меня склонность к вегетарианству (мяса я не ем до сих пор, рыбу — изредка) и некоторые взгляды на искусство (например, нелюбовь к Шекспиру). Знакомство с различными религиозными системами (через Толстого) привело к изучению буддизма и теософии. Первое выразилось в том, что в университете я

заялся изучением санскрита, прерванным призывом меня на военную службу в мае 1916 г. В университете же прочитал почти все книги по теософии, имевшиеся на русском языке. Пребывание на военной службе до октября 1917 г. (когда я вернулся с Юго-Западного фронта) прервало это изучение, возобновившееся отчасти осенью этого же года. В университете я занятия не возобновлял, т.к. интересующие меня предметы (санскрит и экспериментальная психология) не начинали читаться. В это время я нашел (по объявлению на обложке книги) библиотеку Теософского общества, некоторое время брал там книги и познакомился с некоторыми теософами — председателем московского общества Герье, библиотекарем Зелениной, Н.А. Смирновой, П.Н. Батюшковым. Из теософской литературы мне больше всего нравились книги Р. Штейнера, но тогда же я узнал, что Штейнер не теософ, а антропософ. Они привели меня к антропософии, и это увлечение (вытеснив теософию) продолжалось вплоть до осени 1920 г. Попав в это время за границу (в г. Ригу, в качестве секретаря военного атташе), я стал изучать последние работы Штейнера в области социального организма. По возвращении в Москву в 1922 г. я прочел в Антропософском обществе доклад «Очередная утопия», в котором резко критиковал идеи Штейнера, после чего всякие связи, кроме личных, с антропософией были прерваны...»¹⁹

Несколько иной характер имела духовная эволюция коллеги А.В. Уйттенховена по ордену Н.К. Богомолова. «Одного анархокоммунизма мне казалось мало, казалось необходимым подвести под него более обширные основания идеологического порядка. Толстой связывал свое учение с христианством... Так я вошел в число членов-соревнователей Толстовского общества в Москве. Посещал собрания общества и много думал, какой путь правильный: с применением насилия или без применения насилия? Решение этого вопроса я считал для себя важным. На этом пути мне пришлось обратиться даже к прочтению Евангелия и литературы по истории христианства. Должен оговориться, что я вообще не церковник, не хожу в церковь. К церкви, как властной организации, как к организации принципиально иерархического порядка у меня всегда было ярко отрицательное отношение. Нужно проводить резкую грань между церковью и христианством, беря последнее как одно из учений о нравственности. Прочитавши некоторые источники, я увидел в поучениях церкви, что вопрос об оправдании государства и власти, оправдании насилия является нелогичным, двойственным и явно неверным. Размышления над текущей политической действительностью как в СССР, так и за границей, привели меня к мысли, что применение насилия и должно становиться все менее действенным для тех, кто его применяет. Насилие не дает тех результатов, которые ожидают от него... Ознакомление с мистическими идеями, с учением Христа по Евангелию показало мне и с этой стороны правильность основных установок анархизма, как я их понимал, то есть принципов любви, красоты, безвластия, принципа добра...

Слова Христа «не убий», «взявший меч от меча и погибнет» явились для меня определяющими мое личное поведение...»

Учение московских мистиков не претендовало на оригинальность и представляло собой сплав гностицизма, теософии, розенкрейцерства, средневекового тамплиерства и оккультной египтологии. Одним из центров практического воплощения мистического знания членов ордена стала в 1923–1924 годах Белорусская государственная драматическая студия в Москве, среди преподавателей которой подвизались в эти годы Ю.А. Завадский, В.С. Смышляев, П.А. Аренский. Первоначально студия была создана при МХАТе. Однако в связи с тем, что его основная труппа гастролировала за рубежом, в качестве опекуна студии утвердился 2-й МХАТ.

Уже первый спектакль Белорусской студии — «Царь Максимилиан» по А.М. Ремизову (1924) — был решен в форме средневековой мистерии с использованием рыцарской символики. В таком же мистическом духе был решен и второй спектакль — «Апраметная». Во 2-м МХАТе мистическая идеология его руководства сказалась прежде всего в постановке «Золотого горшка» Э.-Т.-А. Гофмана (переработка П.А. Аренского, художник Л.А. Никитин). Неудивительно, что спектакль этот так и не был пропущен цензурой.

Одним из центров кружка в эти годы, помимо музея Кропоткина, была квартира Л.А. и В.Р. Никитиных в доме на углу Арбата и Денежного переулка (д. 57). Собрания, происходившие у Никитиных, показывала на следствии пианистка И.В. Покровская, носили *«определенно организованный характер... Программа была следующей. Читали стихи А.Блока, К.Бальмонта, Н. Гумилева, рассказывали легенды и сказки, читали доклады на разные художественные и мистические темы, как то: иероглифы в Египте, Врубель и его творчество, портрет и его развитие. С этими докладами выступал Никитин. Были музыкальные номера и чай. Никитин же водил нас в музеи — в Шукинский, Кропоткинский, Морозовский, Музей изящных искусств. По прочтении докладов бывал обмен мнений. Жена Поля пела следующих композиторов — Глиэра, Рахманинова, Чайковского, Римского-Корсакова. Я играла и аккомпанировала»*.

Неожиданный арест А.А. Солоновича в апреле 1925 года приостановил работу кружков, которая возобновилась только осенью. К этому времени был освобожден из Суздальского концлагеря и сам А.А. Солонович, что объясняется, как полагает А.Л. Никитин, *«провалом широкомасштабной провокации ОГПУ против анархистов, задуманной как раскрытие терактов против правительства (в частности, Зиновьева). Вслед за провокацией должен был начаться широкий процесс над анархическим движением в целом. В этом причина массовых арестов анархистов весной 1925 года. Однако провокация не удалась, а внимание ОГПУ пере-*

ключилось на «троцкистско-зиновьевскую оппозицию», уничтожение которой заняло три года.

Для анархо-мистиков это было время передышки, время реализации наиболее значительных планов в области организации орденовских кружков и в области искусства. Именно тогда, с осени 1925 года, вернувшийся в Москву Солонович становится во главе анархической секции Кропоткинского комитета. Секция почти полностью обновляет свой состав и резко меняет направленность работы. На ее собраниях, конечно, не читают орденовских легенд, однако ставят вопросы, связанные с орденовским учением»²⁰.

Главным источником пополнения личного состава ордена, членами которого стали в эти годы Н.К. Богомолов, Д.А. Бем, Л.И. Дейкун, Г.И. Ивакинская, А.Е. Смоленцева, Н.А. Лодыженский, Н.И. Проферансов, И.В. Покровская, В.И. Сно, А.В. Уйттенховен, его жена И.Н. Уйттенховен-Иловойская и др., по-прежнему оставалась московская творческая интеллигенция; художники, музыканты, литераторы. Попадались, впрочем, и недоучившиеся студенты — Илья Рытавцев и даже бывший морской офицер Евгений Смирнов.

Сами московские тамплиеры нисколько не сомневались в своей принадлежности к сообществу, ведущему свое начало от средневекового ордена храмовников или тамплиеров (основан в 1118 году в Иерусалиме). Стремлением подчеркнуть эту преемственность можно объяснить и парадные одежды «рыцарей» — белые льняные плащи с красным восьмиконечным крестом и белые холщовые пояса — символ чистоты помыслов у тамплиеров.

Однако настоящими тамплиерами, восходящими к традиции ордена Рыцарей Храма, члены московского ордена Света, конечно же, не были. И тамплиерство, усвоенное ими благодаря А.А. Карелину, имело скорее всего не исторический, а общекультурный характер²¹. Не принадлежали «братья-рыцари», судя по всему, и «ни к одной ветви масонства, хотя какие-то связи А.А. Карелина с Великим Востоком Франции (или сходной системой) и представляются возможными»²².

В то же время нельзя не учитывать, что символика божественного света, которой придерживались московские тамплиеры, является едва ли не основной в учении «вольных каменщиков». Уже только на этом основании их вполне можно записать «по масонскому разряду». Сближает их с масонами и особый пие-тет перед Евангелием от Иоанна, Апокалипсисом и, особенно, перед образом Иоанна Крестителя, день которого является, как известно, главным праздником для масонов. Не следует забывать и о том, что в древнем шотландском обряде 17-й градус — «Рыцарь Востока и Запада» — также отмечен почетным знаком восьмиугольника. На лицевой стороне его изображали обычно агнца с книгой Семи Печатей. Ассоциировались же они как с

Апокалипсисом, так и с печатями мистического молчания из масонских легенд.

На масонскую сущность ордена Света указывают и семь ступеней его внутренней структуры: ведь действительных степеней и в шотландском масонском обряде насчитывается тоже семь: ученик, подмастерье, мастер, тайный мастер, рыцарь избранный Девяти, князь розенкрейцер (соответствует 18-му градусу), рыцарь-кадош (соответствует 30-му градусу). Да и в специальной литературе связь масонства с тамплиерством, в общем-то, не вызывает больших сомнений. Споры скорее идут здесь о формах и времени передачи традиций, нежели о самом факте ее существования.

Можно, таким образом, констатировать, что идейные установки и этические нормы, положенные в основание ордена Света, роднят его «братьев-рыцарей» не столько со средневековыми тамплиерами, сколько с «вольными каменщиками» нового и новейшего времени. Неприязнь к православию и традиционным русским национальным ценностям, поиски некоей новой философии, призванной синтезировать анархическое мировоззрение с мировоззрением раннего христианства, широкая пропаганда необходимости организации коммун, артелей и союзов анархистского толка не оставляют сомнений относительно масонского характера ордена Света.

Именно так и воспринимали его современники. Заслуживает внимания свидетельство скрипача Большого театра З.М. Мазеля о посещении им вместе с М.А. Чеховым «заседаний масонской ложи в Москве». О масонской ложе Солоновича, в которую его приглашали в 1924 году московские «братья», показывал на допросах в ОГПУ руководитель «Братства Серафима Саровского» в Ленинграде Иван Андреевский²³. Критика большевизма велась «братьями-рыцарями» явно с масонских позиций, так как в революции они видели не «диктатуру пролетариата», а *«духовное и социальное преобразование человека, раскрытие всех его потенциальных сил и способностей, победу Света над Мраком, Добра над Злом»*. Обескураживающие реалии советской действительности не только ставили их в оппозицию к большевистскому режиму, но и показали ошибочность прежних представлений о скором и, главное, легком осуществлении масонского идеала. *«Человек, — писал А.А. Солонович, — есть «Гроб Господень», освободить который можно только новыми крестовыми походами Духа, для чего и нужны новые рыцарские ордена — новая интеллигенция, если хотите, которая и положит в основу свою непреодолимую волю к действительной свободе, равенству и братству всех в человечестве»*²⁴.

К этому времени Алексей Александрович Солонович — преподаватель МВТУ им. Баумана — был известнейшим в своем кругу теоретиком мистического анархизма. Его лекции в Кропоткинском музее, где он возглавлял секцию анархистов, или на дому — пользовались большим успехом у слушателей. После смерти

А.А.Карелина 20 марта 1926 года А.А.Солонович становится духовным лидером не только ордена, но и всего движения. Наиболее крупным и, к сожалению, несохранившимся теоретическим трудом А.А. Солоновича является его трехтомное исследование «Бакунин и культ Иоалдобаофа» (одно из воплощений Сатаны), ходившее в машинописном виде по рукам среди членов сообщества. А.А. Солонович был разочарован результатами Октябрьского переворота 1917 года. Большевики, доказывает он в своей книге, растоптали идеалы Октября, «предали», «задушили» революцию, последними вспышками которой он считал Кронштадтский мятеж и крестьянские восстания 1921–1922 годов.

«После Октябрьской революции моя установка по отношению к советской власти,— показывал он в ходе допроса 14 сентября 1930 года,— была: принципиально не признал советской власти, как и всякой другой, но фактически считал невозможным и нецелесообразным вести против нее борьбу, так как такая борьба могла бы дать только победу буржуазии, ибо такова была общая ситуация и, в частности, положение самого анархического движения. Однако считал возможным и необходимым вести пропаганду анархических идей в легальных и лояльных формах. До 1919 г. я входил в Московский Союз Анархистов, а затем во Всероссийскую Федерацию анархистов-коммунистов и анархистов. Состоял членом секретариата (кто входил в секретариат, кроме меня, я принципиально отказываюсь говорить)...

После смерти Кропоткина организовался Кропоткинский Комитет, в который я вошел (других членов принципиально отказываюсь называть). Моя работа в Комитете заключалась в музейной деятельности — собирание средств при помощи подписных листов, пожертвований, выступлений публичных и пр.; в архивной — собирании биографических материалов, писании очерков, библиотечной работе; в организационной — организации анархической секции Комитета, научной секции, социально-экономической и литературной, причем сам я состоял в анархической и научной секциях. Наконец, была пропагандистская работа, которая заключалась в написании статей и в лекциях по различным вопросам, связанным с личностью, мировоззрением и отдельными идеями Кропоткина... Мои лекции, читаемые в музее Кропоткина, дома или по приглашению на какой-либо квартире, стенографировались анархическим кружком и потом давались мною читать желающим. Их задачей было показать, как от любого мировоззрения можно прийти к анархизму. Особенное значение здесь имели религиозно-мистические установки, так как они свойственны очень многим людям, и гораздо целесообразнее не суживать анархизм до одного частного типа мировоззрения, но расширить его, показать его совместимость с любым...»²⁵

«По следам Иоалдобаофа, — предупреждал А.А.Солонович, — ползут лярвы, и бесовская грязь пакостит души людей и их жизни». Нигилистически, как и всякий масон, относился он и к Рус-

ской Православной церкви, которая нуждалась, по его мнению, не только в очищении от якобы присущего ей догматизма, но и в коренном реформировании.

А.Л. Никитин, ссылаясь на «обскурантизм», «доносительство» и ряд других «грехов» русской православной церкви, пытается оправдать эту позицию. «Изучая различные силы, действующие в истории общества, — пишет А.Л. Никитин, — Солонович не мог, конечно, обойти вопрос о церкви — достаточно острый для России 20-х годов. Большевики не просто разрушили российскую православную церковь, но и занялись физическим уничтожением людей, так или иначе с ней связанных. Сейчас, когда спала первая волна запоздалого сочувствия, все чаще задаются вопросом: как такое могло произойти? Как могла это допустить сама церковь, занимавшая, по словам ее апологетов, «стержневое» место в сознании русского народа? Да и общество в целом довольно равнодушно смотрело на гибель национальных святынь. Именно в то трагическое время была заметна явная враждебность широких масс к церкви; или поиски новых духовных ценностей. Те же тамплиеры — лишь одно из многих направлений религиозно-мистической жизни общества тех лет (вспомним популярность теософских и антропософских организаций, толстовцев и т. п.). Пожалуй, это можно назвать поисками новой религии, основанной на постулатах христианства, однако отрицающей его прежнюю организационную структуру.

Не претендуя на исчерпывающее решение этой сложной проблемы, можно сказать, что к началу XX века организация русской православной церкви себя в достаточной степени дискредитировала: подчиненностью бюрократической машине государства, догматизмом, а порой и малой культурой. В отличие от католицизма и протестантизма, православная церковь оппонировала обществу и науке и в организационном плане действительно была феодальным пережитком.

Для Солоновича церковная иерархия всегда представляла «властническую структуру», построенной на подчинении и принуждении. Он резко выступал против той церкви, которая подменяла учение Христа о любви и терпимости — нетерпимостью к инакомыслящим, то есть несвободой духа. Солонович обращается к проблеме, обсуждавшейся еще на вселенских соборах: возможно ли наличие благодати у человека недостойного только на том основании, что он утвержден вышестоящей церковной инстанцией, когда «избранничество» подменяется «назначением»²⁶.

«Церковь еще задолго до революции потеряла паству, вызывая со стороны населения, в первую очередь образованного, неприязнь своим обскурантизмом, сотрудничеством с государством в области запретительной и доносительной, своим сопротивлением давно назревшим внутренним реформам. Она не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке...

Не так ли было и в нашем случае? Анархо-мистицизм — не религия. Он не давал программы действий, не требовал исполнения устава, не вмешивался в личную и духовную жизнь человека. Анархо-мистицизм пытался убедить своих адептов лишь в том, что данная жизнь, имея физический конец, отнюдь не означает конца для духовной личности, которой не все равно, как будет пройден краткий, но обязательный отрезок земного существования.

В мире распада и разрушения, в мире крушения, казалось бы, всех ценностей эта философия, питаемая достижениями человеческого духа всех времен и всех культур, опиравшаяся на один из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты — рыцарство, — заинтересовала и увлекла множество людей. Их сознание было не способно смириться с разрушением многовековой культуры, с физическим уничтожением миллионов людей, по большей части не понимавших, что с ними происходит. Те же, которые понимали, видели, что у них отнята не только религия, но и вера. Они не верили существующей церкви, ибо видели, как она предавала их прежде и предаёт теперь, пойдя на сотрудничество с убийцами. Они убедились, что пропасть разделяет Церковь (организацию) и Учение, которое служителями церкви было искажено.

Нужна была новая вера и новая религия. Эту потребность и использовал поток чувственной мистики, оккультизма, интерес к тайным (и не тайным) учениям Востока. Но новые учения характеризовались либо ярко выраженным «учительством», либо попыткой уловить души обещанием наделить «сверхъестественными» силами. Человек опять оказывался игрушкой в руках посредников, теряя представление о собственном пути и предназначении, о той естественной духовной эволюции, которая раздувает искорку, упавшую от Логоса в косную материю, в пламя, рвущееся к изначальному источнику Света.

Христианская церковь учила человека смирению и выполнению своих обязанностей. Масонство провозгласило необходимость активных действий в кругу этических задач. Обращение анархо-мистиков к гнозису потребовало от человека не только упражнений а нравственности, но и знаний об окружающем мире (в том числе полученных мистическим путем). Это не обогащало его материально, не наделяло сверхъестественными способностями, однако давало спокойную уверенность в том, что он движется вперед, в назначенном ему направлении, для дальней, непостижимой, но прекрасной цели»²⁷.

Московские тамплиеры, по А.Л. Никитину, просто обязаны были заполнить тот вакуум, который образовался в духовной жизни общества в начале века, и подобрать ту паству, которую потеряла в это время русская православная церковь. Со стороны населения, особенно образованных классов, православная церковь вызывала очевидную неприязнь из-за своего «обскурантизма», сотрудничества с государством в области запретительной и доносительской, а также своим сопротивлением реформатор-

ским ожиданиям русского общества, считает А.Л. Никитин. Не пожалев черной краски для своей, православной церкви, которая *«не сумела объединить общество и противопоставила себя науке, которая бурно развивалась в XIX веке»*, в качестве ориентира для наиболее адекватной оценки роли ордена Света в духовной жизни страны А.Л. Никитин выбрал... итальянского масона Дж. Гамберини, хотя, казалось бы, немало и своих.

«Возникла ситуация, аналогичная той, о которой (применительно к Западу) говорил Дж. Гамберини, некогда Великий Мастер Великого Востока Италии, отмечая «универсализм» масонства: «Благодаря протестантской реформе этическое единство западного мира прекратило свое существование в силу распада христианства. Европейцы доказали, что они могут вполне обходиться без единства веры. Однако они оказались не в состоянии развиваться при отсутствии этического единства, общей нравственной ткани, связующей их воедино. Когда окончательно погибла иллюзия Священной Римской империи, а религиозное единство вступило в полосу трагического кризиса, вот тогда европейцы и обратились к масонству. Оно приняло их в объятия своего конкретного универсализма, который тем прочнее, чем меньше в нем идеологических примесей».

И выпады А.Л. Никитина против православной церкви, и его пассажи как о «новой вере», так и о «новой религии», которые якобы были нужны русским людям (каким? Уж не Вячеславу ли Иванову со товарищи?), так и его рассуждения о «множестве людей», увлеченных «одним из наиболее понятных для европейцев идеалов нравственной чистоты — рыцарством», озадачивают. Очевидно, он не только глубоко вжился в тему, но и, быть может, сам того не замечая, впитал в себя и основные мировоззренческие установки «братьев-рыцарей». А они, как мы знаем, независимо от того, в какие бы бутафорские одежды они нирядились: тамплиеров ли, мартинистов или розенкрейцеров, — в принципе одни и те же и легко вписываются в простую, но емкую формулу — граждане мира.

«Сейчас я понимаю, — пишет А.Л. Никитин, — что все они жили по заветам ордена — по тем же заветам, по которым жили и действовали члены московского кружка Новикова и Шварца в конце XVIII века, «работавшие над камнем» — над собственной личностью, чтобы освободить от уз невежества, себялюбия и других пороков ту божественную искру, которая должна указывать каждому дорожку к свету истинного знания и любви, помочь противостоять распаду личности.

Собственно говоря, это и было самым важным в том деле, которое начиналось на «воскресниках» у Никитиных на Арбате разговорами о культурных и духовных ценностях, с катастрофической быстротой выпадавших из круга тогдашней жизни, с ее варварской идеологией «обостряющейся классовой борьбы». На собраниях в кружках не только читали легенды, о которых мы еще будем гово-

речь. Здесь велись беседы о самовоспитании, борьбе с собственными недостатками, о необходимости овладения знаниями и мастерством в избранной сфере деятельности, чтобы через нее преобразовывать к лучшему окружающий мир, воспитывать нравственное чувство»²⁸. Яснее и не скажешь.

Разгром ордена Света и связанные с этим аресты во многом были подготовлены борьбой, которую развернули в конце 1920-х годов против А.А. Солоновича его противники во главе с видным анархистом А.А. Боровым. Стремясь во что бы то ни стало убрать А.А. Солоновича из Кропоткинского музея и «захватить» его, А.А. Боровой со своими сторонниками — т.н. «политические» анархисты не стеснялись в средствах, выставляя в печати А.А. Солоновича и Кропоткинский комитет во главе с В.Н. Фигнер и С.Г. Кропоткиной (вдова анархиста) как цитадель реакции и черносотенства²⁹.

Апофеозом разнузданной кампании против московских анархо-мистиков стала статья Юрия Аникста против А.А. Солоновича, опубликованная в 1929 году в парижском анархическом журнале «Дело труда»³⁰.

«Преподаватель Московского высшего технического училища по курсу математических упражнений; наследник покойного А.А. Карелина по «анархическим» и оккультно-политическим делам и организациям, Алексей Александрович Солонович несомненно талантливая и незаурядная личность. Внешнее безобразие придает энергии его внушения особую силу, особенно действующую на восторженных натур и женщин. Громадная активность, пропагандистская и организационная, искупает его организационную бездарность, окружая его постоянно видимостью организационного кипения, вереницей эфемерных организаций. Бесконечные ордена и братства: Света, Духа, Креста и Полумесяца, Сфинкса, Взаимопомощи и т. п., целая иерархия оккультных, политических, «культурных» организаций, посвященных Иалдабаофу и его альтер эго — архангелу Михаилу, феерией болотных огней вспыхивают на темных и извилистых тропинках его жизни...

Талант Солоновича своеобразен. Он пишет стихи. Но они никуда не годны по форме и их нельзя понимать: это какой-то набор звонких слов и образов. Он читает лекции и доклады, ошеломляет ими публику до одурения: столь они блестят эффектами остроумия, сравнений, неожиданных «новых» (хотя и вычитанных) взглядов и оборотов. Но как я ни пытался самое позднее на другой день после их произнесения узнать от его слушателей, о чем же говорил в лекции Солонович, ни разу ни один, несмотря на все потуги, не мог ничего, кроме внешних эффектов, припомнить...

Он написал труд «О Христе и христианстве», «Волхвы и их предтечи», «Бакунин-Иоальдобаоф» и т. п. — бесконечный ряд трудов, кроме оккультных «Голубых сказок», пьес (подражая Карелину), медитаций и т. п. О «Бакунине-Иоальдобаофе» он ухит-

рился в два года написать шесть громадных томов... (на самом деле три, хотя и в шести экземплярах. — Б.В.)».

Отрекомендовав его как «отъявленного антисоветчика и антисемита», Ю. Аникст припомнил командору помимо уже известной нам рукописи о М.А. Бакунине едва ли не все его преступления перед Советской властью, начиная от симпатий к кронштадтским мятежникам 1921 года и кончая принадлежностью к зарубежному масонству — словом, весь тот букет, который скоро будет предъявлен ему уже в качестве официального обвинения.

Первый «звонок» для анархо-мистиков прозвенел еще в ноябре 1929 года, когда ОГПУ была арестована группа молодежи во главе с Н.Р. Лангом, работавшая при библиотеке Кропоткинского музея над библиографией трудов П.А. Кропоткина³¹. Однако по-настоящему за них взялись только в августе — сентябре 1930 года. 7 августа был «изъят» Н.А. Ладыженский, 14 августа в Маесте арестовали Н.И. Проферансова — одного из руководителей сочинского филиала ордена. Наиболее же крупная волна арестов пришлось на 11 сентября 1930 года, когда за одну ночь были арестованы Е.Г. Адамова, Г.И. Аносов, Н.К. Богомолов, Ф.Ф. Гиршфельд, Г.Д. Ильин, И.В. Покровская, Н.Н. Русов, А.И. Смоленцева, А.А. Солонович, И.Н. Уйттенховен (Иловайская), Н.В. Водовозов, Ю.Г. Завадский, И.И. Леонтьев, В.Н. Любимова, Е.Н. Смирнов, Н.А. Никитина, В.Ф. Шишко. 14 сентября были арестованы Д.А. Бем, Е.К. Бренев и И.Е. Рытацев. 15 сентября — Г.К. Аскаров, А.А. Поль. 16 сентября — Л.А. Никитин, 24 сентября — В.И. Сно, 25 сентября — И.Е. Корольков, 26 сентября — Е.А. Поль, 7 октября — А.В. Уйттенховен и Н.А. Леонтьева, 11 октября — А.В. Андреев, 13 октября — П.А. Корнилов, 1 ноября — В.Р. Никитина. Всего по делу проходило 33 человека³².

В ходе допросов некоторые члены сообщества пытались затушевать его подлинную сущность, делая упор на несерьезном, игровом характере ордена Света. «В период 1924–1925 годов, — показывал 23 января 1931 года Л.А. Никитин, — увлеченный формами романтического искусства, я близко подошел к представлениям о рыцарстве как универсальной форме романтической культуры... Никаких организационных форм, никакой мысли о воссоздании рыцарства в орденом смысле у меня не было, и потому никаких уставов, никаких программ какого-либо действия тоже не предполагалось... Лабораторные занятия, требовавшие участия иногда нескольких лиц, породили, по-видимому, у некоторых представление о действительном наличии рыцарской организации, чему могло многое способствовать. Во-первых, наименование работы орденом Света произошло от как бы некоего лозунга или девиза, под которым эта работа проводилась. Дело в том, что, взявшись за идею рыцарства, как материала для разработки, я прежде всего постарался отбросить все то историческое и классовое, что было связано с рыцарством Средневековья, взяв здесь рыцарство как бы в некой его абстракции. Таким образом, был поставлен во-

прос о вообще «светлом» рыцарстве, понимая под этим отсутствие всякого рода каких-либо иных его определений... Наряду с этой основной работой наметилась также возможность идеологической проработки вообще проблем искусства под лозунгом искусства большого стиля в духе мистерии с привлечением соответствующей терминологии вроде «храма искусства». Мистериальная основа такого искусства взята была именно потому, что вообще представляла собой форму синтетического искусства, из которой в дальнейшем развился театр и другие виды искусства. Все это в целом, однако, не ставило никаких политических целей и задач, и те организационные формы, в которые это выливалось, существовали постольку, поскольку какой-то минимум организованности должен был быть для осуществления самой работы...». Успеха, однако, эта тактика не имела.

Уже в ходе следствия выяснилось, что ряд арестованных, не смотря на приятельские отношения с «рыцарями», сами таковыми не являлись. Так, Н.Н. Русов, И.В. Покровская, Г.К. Аскаров, как вынуждено было признать следствие, никакого отношения к организации А.А. Солоновича не имели. Категорически отрицала свое участие в ордене и Н.А. Леонтьева. Немного словными были и показания А.И. Смоленцева, В.Р. Никитиной, И.Е. Рытавцева.

Судя по всему, сами следователи не слишком интересовались орденскими делами. Главное внимание их было сосредоточено на констатации нелегального характера собраний и антисоветских высказываниях членов кружка. К моменту ареста ОГПУ, уже давно следившее за московскими анархо-мистиками, имело среди них своего агента — некоего Я.К. Шрайбера (Шрейбера). Существенную помощь следствию оказали и сами арестованные (Ф.Ф. Гиршфельд, И.В. Покровская, Н.В. Водовозов, В.Ф. Шишко), которые не только сами дали откровенные показания, но и охотно изобличали своих несговорчивых товарищей. Сознался и «командор» ордена А.А. Солонович³³.

Обвинительное заключение по делу «контрреволюционной организации орден Света (дело № 103514, 1930 год, по первоначальной нумерации) за подписью помощника начальника 1-го отдела СО ОГПУ Э.Р. Кирре было утверждено 9 января 1931 года, а уже 13 января Особым совещанием Коллегии ОГПУ (С.А. Мессинг, Г.И. Бокий в присутствии прокурора Р.П. Катаняна) была решена и участь арестованных: А.А. Солонович, П.Е. Корольков, Г.И. Аносов, Д.А. Бем, Н.И. Профрансов — по 5 лет тюрьмы. 5 лет лагерей получил Л.А. Никитин. По 3 года тюрьмы получили И.Н. Уйттенховен, П.А. Корнилов, В.Н. Любимова, Е.К. Бренев. На этот же срок, но уже концлагерей были осуждены А.С. Поль, В.Р. Никитина, К.И. Леонтьев, Е.Н. Смирнов, Е.Г. Адамова, Н.А. Леонтьева, А.И. Смоленцева. Трехлетняя ссылка была определена Н.К. Богомоловой-Николиной, Е.А. Поль, Н.А. Ладыженскому (Западная Сибирь), А.В. Анд-

рееву (Урал), Н.А. Никитиной (Средняя Азия), А.В. Уйттенховен и И.Е. Рытавцеву (Северный Край), Г.Д. Ильину (Восточная Сибирь). В отношении же сотрудничавших со следствием Н.В. Водовозова, Ф.Ф. Гиршфельда, И.В. Покровской, Н.Н. Русова, В.Ф. Шишко и Г.К. Аскарова дело было прекращено. Та же участь постигла в конце концов и дело Ю.Г. Завадского, за которого хлопотали К.С. Станиславский и А.С. Енукидзе.

Освобожденный 10 июня 1933 года досрочно из тюремного заключения командор ордена тамплиеров Алексей Александрович Солонович был выслан в Нарымский край. Однако и там вездесущее ОГПУ в покое его не оставило. 21 января 1937 года А.А. Солонович вновь был арестован и скончался во время следствия. Умерли в лагерях и ссылке Л.А. Никитин (1942), Н.И. Преферансов (1934). Были расстреляны П.А. Корольков (1937), Е.Н. Смирнов (1937), Д.А. Бем (1938), Е.К. Бренев (1938), Ф.Ф. Гиршфельд (1938)³⁴.

Однако большая часть рыцарей ордена Света — Ю.А. Завадский, К.И. Леонтьев, Леонтьева-Нилендер, В.Р. Никитина, Н.А. Никитина, И.В. Покровская, А.С. Польш, Е.А. Польш, А.В. Уйттенховен, И.Н. Уйттенховен и др. — сумели пережить страшные годы репрессий.

Конечно же, о восстановлении ими и их последователями прежней организации ордена «Рыцарей Света» как дочерней организации ордена тамплиеров в условиях советской действительности не могло быть уже и речи. Однако московский исследователь А.Л. Никитин полагает, что отдельные мистические кружки в Москве все-таки продолжили свое существование и в 1940-е, и в последующие годы, причем роль их фактического руководителя играла Мария Вадимовна Дорогова (урожд. Менгден)³⁵, которая, по его словам, на протяжении всей своей жизни руководила орденскими кружками в Москве³⁶.

Легальной формой встреч московских масонов 1920-х гг. были так называемые «Никитинские субботники» — собрания ученых и интеллигентов космополитического толка на квартире жены масона Никитина Евдокии Федоровны Никитиной. Частыми посетителями этих собраний были А.В. Луначарский, Б.М. Зубакин, П.Н. Сакулин, Л.П. Гроссман³⁷.

В феврале 1928 года в Москве были проведены аресты по делу оккультного розенкрейцерского ордена «Эмеш Редивиус» во главе с Вадимом Карловичем Чеховским (1902–1929) и Евгением Карловичем Тегером (1890). Главной своей задачей руководители ордена ставили, с одной стороны, практическое решение вопроса о передаче мыслей на расстоянии, а с другой — овладение при помощи оккультных методов стихийными духами или элементариями. Е.К. Тегер, немец по происхождению, еще в юношеские годы увлекся анархизмом и оккультным знанием. После октябрьского переворота 1917 года он перешел на сторону Советской власти и даже работал некоторое время в качестве

советского консула в Афганистане. Вернувшись в начале 1920-х годов в Москву, Е.К. Тегер организовал здесь в 1923 году небольшой розенкрейцерский кружок (А.И. Ларионов, Ф.П. Веревин), ставящий своей задачей овладение тайнами средневековых розенкрейцеров. В 1925 году в кружок вошел молодой метеоролог В.К. Чеховской, В.В. Преображенский и ряд других лиц. В Москве, на Малой Лубянке, д.16, члены кружка арендовали небольшой подвал у домкома, где и проводили свои опыты.

В феврале 1928 года, как уже отмечалось, В.К. Чеховской и Е.К. Тегер были арестованы, а вместе с ними та же участь постигла еще десятка два тесно с ними связанных членов кружка. После проведенного ОГПУ расследования этого дела руководители сообщества Тегер и Чеховской были отправлены в концлагерь на Соловки. Тегера вскоре, впрочем, перевели по болезни в Среднюю Азию, где он и сгинул. Чеховской же в октябре 1929 года был расстрелян за участие в подготовке побега группы заключенных³⁸.

Признанным лидером московских розенкрейцеров первой половины 1920-х годов был инженер путей сообщения Владимир Алексеевич Шмаков. Сын черносотенца А.А. Шмакова, он получил известность в оккультных кругах Москвы и Петербурга своим фундаментальным исследованием по тайному знанию «Священная книга Тота». В 1922 году, то есть уже при Советской власти, выходит в свет еще одно фундаментальное исследование В.А. Шмакова — «Пневматология». Из других работ В.А. Шмакова можно указать еще и на его книгу «Закон Синархии», увидевшую свет в Киеве в 1994 году³⁹. Выдающиеся способности и фундаментальные знания, которыми обладал В.А. Шмаков в области тайной науки, позволили ему организовать в 1922 году на своей квартире в Москве небольшой розенкрейцерский кружок. Его посещали известный философ и богослов П.А. Флоренский, искусствовед А.А. Сидоров, биофизик М.И. Сизов, инженер В.П. Веревин, врач М.В. Дорогова, филолог-языковед В.В. Белюстин. Круг занятий членов кружка был вполне традиционен для оккультистов: лекции по арканологии (философия мистики), практические занятия по каббалистике и прочее⁴⁰.

В 1924 году В.А. Шмаков покидает СССР (умер в 1929 году в Аргентине от «удара»). Преемником его в роли руководителя кружка стал Всеволод Вячеславович Белюстин (1899–1943) — сын сенатора, окончил Александровский лицей по филологическому отделению. В годы гражданской войны в России он оказался в Крыму, откуда перебрался в 1922 году в Москву. Благодаря хорошей языковой подготовке был принят в 1924 году в Наркомат иностранных дел СССР в качестве переводчика. Здесь Белюстин проработал вплоть до 1932 года, когда его уволили как бывшего дворянина. По свидетельству знавших его, В.В. Белюстин был умен, образован, красив и хорошо воспитан. Это, однако, ничуть не мешало ему выдавать себя (по крайней ме-

ре, никогда не опровергал этого) за очередное воплощение легендарного розенкрейцера графа Сен-Жермена⁴¹. Конечно, В.В. Белюстин был авантюрист, но авантюрист несомненно талантливый и очень умный. В 1926 году на основе распадавшегося кружка В.А. Шмакова он организует свой собственный Московский орден манихейстов или, как они себя называли, неорозенкрейцеров орионийского посвящения. Общее число членов его составляло 16 человек: М.И. Сизов, С.В. Палисадов, В.В. Новиков, В.Л. Волкова, А.Л. Толмачева-Виппер, М.В. Дорогова, Ф.П. Веревин, художник В.П. Монин, инженер В.И. Жданов, супруги Трушевы⁴². Большая часть членов этого сообщества активно участвовала в работе ряда других оккультных кружков и групп Москвы 1920-х годов, в частности, ордена тамплиеров.

Цель ордена В.В. Белюстина, как и близкого к нему по направлению кружка Чеховского — Тегера, заключалась в овладении магическими способностями средневековых розенкрейцеров. Что же касается средств достижения этой цели, то ими было признано достижение астрального посвящения, то есть возможности существования в двух мирах — реальном физическом мире и мире астральном, потустороннем. Как обязательная ступень на пути выхода в астрал рассматривалось овладение «братьями» первоначальными навыками ясновидения и телепатии.

С арестом в 1928 году Тегера и Чеховского и ликвидацией их кружка та же участь должна была, казалось бы, постигнуть и кружок Белюстина. Этого, однако, не произошло, хотя сам Белюстин и был арестован. Но продержали в заключении его недолго, и уже через три месяца ОГПУ отпустило его на свободу. В результате, несмотря на легкий испуг, члены его кружка спокойно работали вплоть до весны 1933 года. Здесь нет необходимости в подробном изложении учения неорозенкрейцеров вследствие его исключительно книжного происхождения. Из доступной оккультной литературы была почерпнута символика и обрядность ордена. Что касается целей кружка В.В. Белюстина, то сошлемся здесь на А.Л. Никитина. Московские розенкрейцеры, пишет он, *«стремились к власти — сначала, как исторические розенкрейцеры, к власти над стихийными силами Земли и космоса, затем — к власти над мировыми силами зла, чтобы стать владыками мира и благодетельствовать человечество»*⁴³.

Аресты 1933 года положили конец ордену неорозенкрейцеров. Чудеса, однако, продолжались. Речь идет об очередном освобождении В.В. Белюстина. Не пострадали, за редким исключением (Ф.П. Веревин, М.В. Дорогова, супруги Трушевы), и другие члены ордена. Все это, конечно, неспроста. В.В. Белюстин, несомненно, работал на ОГПУ. Но очевидно, что и других неорозенкрейцеров до поры до времени ОГПУ берегло. Время их, казалось, пришло только в 1940 году. Именно на апрель этого года приходится новый, и на этот раз уже по настоящему серьезный арест «графа Сен-Жермена». Взяли В.В. Белюстина в

далеком Сталинабаде (Душанбе), где он преподавал немецкий и английский языки в местном педагогическом институте. В это же время, 10 июля 1940 года, был арестован и обосновавшийся в поселке Гудауты в Абхазии Б.В. Астромов⁴⁴.

В Москве им предложили выступить в качестве свидетелей затевавшемся НКВД большом процессе против ученых-востоковедов, которых оно намеревалось представить в качестве шпионов, работавших на разведки целого ряда зарубежных государств. В качестве других свидетелей по этому процессу, наряду с показаниями В.В. Белюстина и Б.В. Астромова, предполагалось использовать и показания других масонов, в частности С.А. Палисадова и Е.К. Тегера. Однако безусловное согласие на это дали только В.В. Белюстин и С.В.Палисадов, что выдает их, как говорится, с головой как бывших сотрудников ОГПУ. Что же касается Б.В. Астромова и Е.К. Тегера, то они отказались участвовать в готовившемся судебном спектакле. Конечно, не стоит думать, что именно их позиция явилась тому причиной, но процесс этот так и не состоялся. Что касается В.В. Белюстина, то ему на этот раз уйти от ответственности не удалось. 10 лет лагерей — таков был приговор по его делу Коллегии НКВД. Такая же участь постигла и Б.В. Астромова. Дальнейшие следы их затерялись на просторах ГУЛАГа.

Говоря о масонах и оккультистах в СССР, не обойтись без сюжета и о так называемой «Кремлевской ложе». Для начала, так сказать, для затравки, небольшой отрывок из диалога, состоявшегося в декабре 1982 года между московским писателем Феликсом Чуевым и бывшим Председателем Совнаркома СССР Вячеславом Молотовым. *«Сейчас много разговоров идет о масонстве. Говорят, что у нас в стране тоже есть масоны», — заводит разговор Чуев. «Наверное, есть. Подпольные. Не может не быть», — отвечает Молотов. «И про вас говорят, что вы тоже масон». — «Масон давно. С 1906 года», — улыбается Молотов, имея в виду время своего вступления в РСДРП. «Существует мнение, что масоны есть и среди коммунистов», — не отстаёт от него Чуев. «Могут быть», — допускает Молотов. «И вот говорят, что в Политбюро Молотов был главным масоном». — «Главным, — отзывается Молотов. — Да, это я между делом оставался коммунистом, а между тем успевал быть масоном. Где это вы копаете такие истины?»⁴⁵*

Разговор этот не случаен. Дело в том, что на тесную связь (по крайней мере, внешнюю) масонства и большевизма обращали внимание многие исследователи. Связь эта (опять-таки чисто внешняя, конечно), прослеживается уже в символике Советского государства: серп, молот, пшеничные колосья и знаменитая пятиконечная красная звезда. Конечно же, звезда — широко распространенный символ, в том числе и в христианстве. Но те звезды — голубые. Большевики же избрали в качестве одного из

своих важнейших символов именно красную (пламенеющую) звезду, а это, как уже отмечалось, чисто масонский символ. Стоит отметить, что впервые в качестве революционного символа красная пятиконечная звезда появляется еще в апреле 1917 года в новой военно-морской кокарде. В Красной Армии пятиконечная звезда с помещенным в центре изображением плуга и молота была введена 7 мая 1918 года и имела наименование «марсовой звезды с плугом и молотом». Дело в том, что по древнеримскому преданию, бог войны Марс вырос из красно-оранжевого пятиконечного цветка лилии. Этот символ становится в 1918 году принадлежностью лиц, состоящих на службе в Красной Армии. Любопытно, что в начале марсова звезда носилась красноармейцами двумя лучами вверх, а одним вниз, что означало знак Антихриста из-за ассоциации с рогами дьявола. Вследствие этого военный отдел ВЦИК вынужден был даже выпустить специальную листовку: «Смотри, товарищ. Вот красная звезда». В листовке первоначальная оплошность была исправлена и пятиконечная звезда была уже нарисована правильно, то есть двумя лучами вниз. И с этого времени знак этот больше не менял своего положения⁴⁶.

«Под знаменем масонской звезды, — писал в 1932 году председатель Архиерейского собора русской православной церкви за границей митрополит Антоний, — работают все темные силы, разрушающие национальные христианские государства. Масонская рука принимала участие и в разрушении России. Все принципы, все методы, которые большевики применяют для разрушения России, очень близки к масонским. Многолетнее наблюдение над разрушением нашей Родины воочию показало всему миру, как ученики подражают своим учителям и как поработители русского народа верны программе масонских лож». Что же касается еврейства, то иудаизм, по его мнению, «исторически связан с масонством самыми тесными узами в своей ожесточенной борьбе с христианством и в масонских устремлениях к мировому владычеству»⁴⁷.

«В 1918 году, — вторит ему историк-эмигрант В.Ф. Иванов, — над Россией восходит пятиконечная звезда — эмблема мирового масонства. Власть перешла к самому злобному и разрушительному масонству — красному во главе с масонами высокого посвящения — Лениным, Троцким и их приспешниками — масонами более низкого посвящения: Розенфельдом, Зиновьевым, Парвусом, Радеком, Литвиновым... Программа борьбы «строителей» сводится к уничтожению православной веры, искоренению национализма, главным образом великорусского шовинизма, разрушению быта, русской православной семьи и великого духовного наследия наших предков»⁴⁸.

«Для торжества масонских идеалов, — отмечал он, — нужно было убить душу русского народа, вырвать у него Бога, национально обезличить, затоптать в грязь его великое прошлое, развратить молодое поколение и воспитать новую породу людей без Бога

и Отечества, двуногих зверей, которые, выдрессированные укротителем, покорно засядут в масонскую клетку».

Мнение о тесной связи масонства, иудаизма и коммунистического учения было распространено в 1920-е годы не только среди эмигрантов, но и в Советской России. *«Еврей всегда ищет общности, — отмечал в этой связи известный философ А.Ф. Лосев, — так как он прирожденный коммунист». Что же касается самого учения основоположников научного коммунизма, то это, по его заключению, есть не что иное, как «типичнейший иудаизм», хотя и в несколько переработанном виде⁴⁹.*

«В конце 1920-х годов, — пишет в связи с этим специально изучавший этот вопрос Л. Кацис, — Лосев выдвинул идею, что будто бы историческим носителем духа Сатаны является еврейство, а марксизм и коммунизм есть наиболее полное выражение еврейского (сатанинского) духа»⁵⁰. Спорность этого утверждения А.Ф. Лосева очевидна, ибо еще с большим успехом он мог бы утверждать то же самое применительно к капитализму. Для нас в данном случае важно уяснить распространенность таких представлений среди русской интеллигенции того времени.

Самое любопытное, что общность конечных целей масонов и большевиков не отрицают и сами масоны. Читатель уже знает из «масонского дела», возбужденного в январе 1926 года ОГПУ против ленинградских «братьев», о весьма любопытном документе, адресованном правительству СССР. Датирован он августом 1925 года и принадлежит перу генерального секретаря «Автономного русского масонства» Бориса Астромова. А говорилось в нем следующее: дорога и цель вольных каменщиков и коммунистов одни и те же — *«обращение человечества в единую братскую семью... Преследуя одни и те же цели, признавая справедливыми и подлежащими проведению в жизнь одни и те же воззрения, коммунизм и русское масонство совершенно не должны подозрительно смотреть друг на друга, наоборот, пути их параллельны и ведут к одной цели».* Разница, по мнению Б.В. Астромова, только в *«методах действий»*, т.к. в отличие от революционного пути, которым идут большевики, *«путь русского масонства — это путь медленной интеллектуальной работы, путь тихой сапы».* А враги у большевиков и масонов, отмечал Б.В. Астромов, *одни и те же — национальные и религиозные предрассудки, классовый эгоизм, частная собственность. Суть сделки, которую он предлагал большевикам, заключалась в том, что в обмен на «негласную легализацию» в стране масонских лож «братья» взяли бы на себя обязательства содействовать «перемагничиванию» русской интеллигенции на сторону советской власти, т.к. «стремления коммунизма совпадают в общих чертах со стремлениями русского масонства».* Сопоставим теперь эти рассуждения масона Астромова, заподозрить которого в «черносотенстве» едва ли возможно, с высказываниями на эту тему противников масонства — Василия

Иванова и митрополита Антония. Совпадение взглядов, как видим, поразительное.

«Не подлежит, однако, сомнению, — писал А.М. Асеев, — что в прошлом масонами были Анатолий Луначарский — нарком просвещения, и Карл Радек. Принадлежали к масонству и один из крупнейших русских поэтов Валерий Брюсов (член коммунистической партии с 1920 года) и знаменитый писатель Максим Горький (Алексей Пешков). Ходили слухи, что масоном был Лев Троцкий»⁵¹. Мы уже отмечали как бесспорный факт принадлежности к масонству двух большевиков: И.И. Скворцова-Степанова и С.П. Середы. Отметим, уточняя сведения Асеева, что масоном был, правда недолго, и Л.Д. Троцкий. Как видно из закрытых масонских источников — письмо адепта берлинской эмигрантской ложи «Великий свет Севера» С.А. Соколова достопочтимому мастеру ложи А.К. Елухину от 12 марта 1937 года, — «Троцкий был некогда в течение нескольких месяцев рядовым членом одной из французских лож, откуда согласно уставу был исключен за переездом в другую страну без извещения и за неуплату обязательного сбора»⁵².

В связи с обнаружившимся масонством Л.Д. Троцкого нельзя не упомянуть и об опубликованной в Москве в 1991 году книге И. Ландовского «Красная симфония», впервые появившейся на книжных прилавках Испании еще в 1960-е годы. Врач И. Ландовский был эмигрантом, работавшим в качестве врача НКВД с подследственными на знаменитых Московских процессах 1937–1938 гг. В своей любопытной книге он не только признает факт использования при допросах подследственных психотропных средств, но и приводит в ней показания видного большевика Христиана Раковского. Здесь Х.Г. Раковский, заявив о своей принадлежности к ордену «вольных каменщиков», намекает далее на некую таинственную связь, которая якобы существовала между руководством большевиков и направлявшим их деятельностью «интернационалом банкиров». Доверенным лицом этого «интернационала» якобы и являлся Л.Д. Троцкий, женатый, как известно, на дочери банкира Льва Животовского, тесно связанного с банкирами Варбургами — компаньонами и родственниками американского миллионера Якова Шиффа⁵³.

Правда, в 1922 году на IV конгрессе Коминтерна Л.Д. Троцкий решительно отрицал свою принадлежность к ордену. Протестуя против разговоров о его и В.И. Ленина якобы масонстве, Л.Д. Троцкий публично выразил недоумение, «почему подобные обвинения не адресуют нашим товарищам Зиновьеву, Радеку, особенно Бухарину, который вполне подходит для масонства»⁵⁴. «Товарищи», впрочем, тоже уже давно под подозрением у историков. Что касается В.И. Ленина, то речь здесь идет о масонской ложе «Союз Бельвиля» Великого Востока Франции, в которую он якобы входил до 1914 года. Согласно другой версии, ложа, в которую якобы входили Ленин и Зиновьев, называлась «Ар э Травай»⁵⁵. Архив ее, к сожалению, погиб в годы Второй мировой

войны. Косвенным подтверждением этой версии может служить публикация московской журналистки Екатерины Деевой, в которой утверждается об обнаружении французскими масонами книги почетных посетителей Великой ложи Франции за 1905 год, где якобы имеется и запись В.И.Ульянова (Ленина)⁵⁶.

Масонами Великого Востока Франции в свое время были, как теперь уже известно из рассекреченных архивов КГБ СССР, Г.В.Чичерин и А.В.Луначарский. Нельзя исключить возможность принадлежности к «Братству» в дореволюционный период их деятельности и других видных большевиков.

Н.Н. Берберова в своей книге «Люди и ложи» отметила факт обмена в марте 1936 года в Праге Н.И. Бухарина тайными масонскими знаками с присутствовавшими в зале «вольными каменщиками» из числа русских эмигрантов. Тем самым бывший член Политбюро ЦК ВКП(б) хотел подчеркнуть свою близость к ним. Выступая позже во время посещения СССР в 1989 году на ленинградском телевидении, Н.Н. Берберова уточнила, о каком знаке шла речь. По ее сведениям, этот знак — движение ладонью от правого плеча к левому, свидетельствовавший, как полагают некоторые исследователи, что Николай Иванович был посвящен в свое время во 2-ю степень братства⁵⁷. Полагают также, что ближайшему другу Н.И. Бухарина К.Б. Радеку было поручено ЦК ВКП(б) поддерживать связи с просоветским и пацифистским крылом западного масонства⁵⁸.

Все это, однако, частности. Гораздо важнее другое. Несмотря на то что документального подтверждения эти сведения пока не получили, каких-либо препятствий для вхождения большевиков (по крайней мере до 1917 г.) в заграничные масонские ложи не было. Ведь как и их коллеги меньшевики, все они были социал-демократами, входили в одну и ту же партию — РСДРП, хотя и принадлежали к разным ее фракциям. Активное же участие в работе масонских лож меньшевиков, как и вообще социалистов Европы и Америки, никогда не вызывало сомнений.

Можно, конечно, сомневаться, был или не был, скажем, Г.Е. Зиновьев масоном. Но то, что он предлагал через различные оккультные организации и масонские ложи Западной Европы «вытащить» Советский Союз из экономической дипломатической изоляции — это факт⁵⁹. И надо думать, что такого мнения придерживался не только Григорий Евсеевич. В этом-то, собственно, и состоял интерес «кремлевских насельников» и ОГПУ к масонам.

Примечания

¹ Спивак Моника. Андрей Белый в следственном деле антропософов // Лица. Биографический альманах. Вып.9. СПб., 2002. С. 275–276.

² Там же. С. 277.

³ Там же. С. 268.

⁴ Там же. С. 318–325.

⁵ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. С. 275.

⁶ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. С. 110.

⁷ Цветаева Анастасия. Воспоминания. М., 2002. С. 708.

⁸ Богомолов Н.А. К истории эзотеризма советской эпохи // Литературное обозрение. 1998. № 2. С. 24.

⁹ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 32.

¹⁰ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. С. 109.

¹¹ Донская Доброслава. Анастасия Цветаева. Штрихи к портрету (дневниковые записи). Орехово-Зуево, 2002. С. 37.

¹² Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. С. 274.

¹³ Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т. 1. М., 1997. С. 62–63.

¹⁴ Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. С. 96.

¹⁵ Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т. 1. М., 1997. С. 64.

¹⁶ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992. № 4/5, 6/7, 8–12. 1993. № 1–7.

¹⁷ Показания Е.А. Поль 14.10.1930 г. Из дела «Ордена Света» // Шиповская Е.А. Исповедь рыцаря света. М., 1998. С. 167.

¹⁸ Аникст Ю. Трубадур мистического анархизма // Дело труда (Париж). 1929. № 50–51 (июль — август).

¹⁹ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1993. № 6. С. 60.

- ²⁰ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1993. № 1. С. 45.
- ²¹ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1993. № 3. С. 25.
- ²² Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1993. № 6. С. 55.
- ²³ Антонов В.В. Братство прп. Серафима Саровского. СПб. епархиальные ведомости. Вып.16. СПб., 1996. С. 94.
- ²⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312. Т.2. Л.16.
- ²⁵ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992. № 12. С. 11.
- ²⁶ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992. № 12. С. 14.
- ²⁷ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1993. № 7. С. 24.
- ²⁸ Никитин А.Л. Тамплиеры в Москве // Наука и религия. 1992. № 6—7. С. 27.
- ²⁹ Никитин А.Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 89.
- ³⁰ Аникст Ю. Трубадур мистического анархизма // Дело труда (Париж). 1929. № 50—51 (июль — август). С. 17.
- ³¹ Никитин А.Л. Заключительный этап развития анархистской мысли в России // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 101.
- ³² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312. Т.2. Л.1.
- ³³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-33312. Т.2. Л.10—17.
- ³⁴ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1998. С.323.
- ³⁵ Сидоров В. Знаки Христа. М., 1992. С.11—14.
- ³⁶ Шиповская Е.А. Исповедь рыцаря света. Воспоминания. М., 1998. С.175 (прим.).
- ³⁷ Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996. М., 1996. С. 293.
- ³⁸ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 186.
- ³⁹ Шмаков В. Закон Синархии. Учение о двойственной иерархии монад и множеств. Система эзотерической философии. Киев, 1994.
- ⁴⁰ Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 179.
- ⁴¹ Никитин А.Л. Московский Сен-Жермен, или Работник комиссариата иностранных дел — глава тайного мистического ордена // Знания — сила. 1998. № 6. С. 119—130.

- ⁴² Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы. М., 1998. С. 181–182.
- ⁴³ Там же. С. 190.
- ⁴⁴ Виталий Оппок. Кашеева игла масонства // Молодая гвардия. 1995. № 2. С. 107.
- ⁴⁵ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 267.
- ⁴⁶ Антонов О.И., Казаков А.В. Военная символика Красной Армии в период гражданской войны // Гражданская война в России. Материалы X Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998. С. 99.
- ⁴⁷ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 174.
- ⁴⁸ Иванов В.Ф. От Петра I до наших дней. Харбин, 1934. С. 497.
- ⁴⁹ Так истязается и распинается истина. А.Ф.Лосев в резолюциях ОГПУ // Источник. Вестник Архива Президента РФ. Документы русской истории. 1996. № 4. С. 124.
- ⁵⁰ Кацис Л. Русская эсхатология и русская литература. М., 2000. С. 648.
- ⁵¹ Асеев А.М. Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство. Публ. Н.А.Богомолова // Литературное обозрение. М., 1998. № 2. С. 32.
- ⁵² Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 234.
- ⁵³ Из протокола допроса обвиняемого Христиана Георгиевича Раковского следователем НКВД Гавриилом Кузьминым (Дювалем) 26.01.1938 г. // Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 431–460.
- ⁵⁴ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 79.
- ⁵⁵ Виноградов А. Ретушью по белым пятнам // Молодая гвардия. 1991. № 8. С. 267.
- ⁵⁶ Деева Е. Тайна убитого мастера // Московский комсомолец. 17 мая 1994. С. 4.
- ⁵⁷ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 343.
- ⁵⁸ Там же. С. 333.
- ⁵⁹ Олег Шишкин. Исчезнувшая лаборатория // Огонек. 1995. № 34(4413). С. 71.

«ЕДИНОЕ ТРУДОВОЕ БРАТСТВО» ПРОФЕССОРА А.В. БАРЧЕНКО. МАСОНЫ И ОГПУ

Сейчас можно уже утверждать, что ОГПУ, а через него и Политбюро ЦК ВКП(б), не только было осведомлено о роли масонства в мире, не только держало «под колпаком» наши отечественные масонские кружки и группы, но и стремилось извлечь из этого определенную пользу. Об «Автономном российском масонстве» Б.В. Кириченко-Астромова и его контактах с ОГПУ мы уже знаем. Теперь, как представляется, самое время возвратиться к истории другой масонской структуры 1920—1930-х годов — «Единое Трудовое Братство». Оно тоже, как оказалось, представляет в этом плане большой интерес.

Организовал его в 1923 году в Петрограде уже хорошо известный к тому времени оккультист Александр Васильевич Барченко. Родился он в 1881 году. Отец его был из бывших крепостных крестьян, мать — из духовного сословия. Учился на медицинском факультете Юрьевского университета. С детства А.В. Барченко проявлял склонность к религиозности и мистицизму. В Юрьевском университете профессор римского права А.С. Кривцов рассказал ему о книге Сент-Ив д'Альвейдра (1842—1909) о существовании в горах Тибета некоего очага древней тайной культуры и науки — Агарте или Шамбале, который расположен где-то на стыке границ Индии, Афганистана и Тибета. То, что предлагают своим adeptам европейские мистики и масоны, уверял юного студента А.С. Кривцов, ничто по сравнению с теми знаниями, которыми якобы владеют живущие в Агарте тайные учителя человечества.

В переводе с санскрита Шамбала (Счастливая земля) означает место покоя, иначе говоря, прообраз земного рая, некоей земли обетованной. Буддистская традиция связывает Шамбалу с учением о Калачакре, что в переводе с санскрита означает «Колесо времени», сокровенное знание, обладание которым позволяет достичь просветленного состояния. В Тибете Калачакра, или Дюнхор, становится известной на рубеже XXI—XIV веков. Именно тогда под руководством индийских проповедников и был осуществлен перевод основных текстов Калачакры (описания Шамбалы, сведения о ее правителях, истории, пророчестве о грядущей великой битве против варваров на берегах реки Шита (Сита) в Индии и пришествии нового Золотого века) с санскрита на тибетский язык¹.

Войдя в контакт с хранителями тайн «Древней науки»,

скрывающимися от непосвященных в легендарной Шамбале-Агарте, и получив от них «ключи» к неизвестным нам источникам космической и психической энергий, человечество, доказывал А.Сент-Ив д'Альвейдр, сможет в конечном счете выйти на принципиально новый виток своего развития.

Вера — понятие субъективное. Неудивительно, что при всей абсурдности идея эта чрезвычайно увлекла А.В. Барченко и, можно сказать, перевернула всю его оставшуюся жизнь.

К Октябрьской революции А.В. Барченко отнесся отрицательно, но и особой враждебности к ней вследствие своего низкого происхождения, судя по всему, не испытывал, и был к тому же убежденным противником частной собственности. К этому времени он уже зарекомендовал себя как знающий оккультист и литератор, много писавший для журналов «Вестник труда» и «Паломник».

Наиболее крупными вехами на этом пути стали его романы «Доктор Черный» и «Из мрака», опубликованные в 1913 (книга 1–5) и 1914 годах в журнале «Мир приключений»². Главный герой этих во многом автобиографичных произведений, доктор медицины и приват-доцент Петербургского университета Александр Николаевич Черный — тайный член «Теософского общества», младший из Махатм, то есть посвященных. Действие романа разворачивается как в России, так в Индии в горах Тибета. Осенью 1914 года А.В. Барченко призывают в армию. Однако уже в 1915 году он возвращается в Петроград и занимается журналистикой, выступая с публичными лекциями, пропагандирующими «Древнюю науку». В это же время А.В. Барченко посещает различного рода мистические кружки, которых было немало в это время в Петрограде: мартинистки и теософки Ю.Н. Данзас, доктора Д.В. Бобровского (двоюродный брат черносотенца Николая Евгеньевича Маркова (Марков 2-й)), а также заседания общества «Сфинкс». Вскоре вокруг уже и самого А.В. Барченко формируется небольшой оккультный кружок, составившийся из его близких друзей, последователей и единомышленников: сотрудник Академии наук астроном А.А. Нилус, уже упоминавшийся доктор Д.В. Бобровский, еще один сотрудник Академии наук астроном Александр Александрович Кондаин и его жена Элеонора Месмахер, ученицы А.В. Барченко Лидия Николаевна Маркова (Шишелова) и Юлия Струтинская, инженер С.Ф. Островский, физик Владимир Михайлович Алтухов, студенты Восточного института живых иностранных языков В.П. Королев и Ю.В. Шишелов, юрист Петр Сергеевич Шандаровский, служащий Николай Троньон.

Тем временем в январе 1921 года по заданию Института мозга А.В. Барченко был командирован в Мурманск и Лапландию для изучения так называемого «мерячения» — психического заболевания, связанного с периодическим впадением коренного

населения этих мест в состояние транса. Кроме жены Натальи, Александра Васильевича в этой поездке сопровождали также и его уже упоминавшиеся нами ученицы — Юлия Струтинская и Лидия Шишелова — дочь Н.Е. Маркова, известного лидера правых в Государственной думе. Здесь на европейском Севере А.В. Барченко пробыл почти два года. Основной задачей экспедиции было обследование района, прилегающего к Ловозерскому погосту, населенному в основном лопарями, проживавшими по берегам Лов-озера и Сейд-озера. Результаты экспедиции привели А.В. Барченко к твердому выводу, что лопари происходят от какой-то *«более древней культурной расы»*. *В пользу этого вывода говорят, по мнению А.В. Барченко, и сфотографированные им валуны — остатки, как он полагал, некогда существовавшей здесь древней цивилизации*³. Однако оригинальным в своих выводах А.В. Барченко здесь не был. Убеждение в том, что в далеком прошлом на севере Европы существовала древняя цивилизация — Гиперборея, высказывали в то время многие. Среди них известный русский мыслитель-космист Николай Федорович Федоров (1828–1909), выдвигавший идею строительства на берегу Баренцева моря в районе полуострова Рыбачий новой полярной столицы России⁴.

В Петроград А.В. Барченко и его спутники возвратились поздней осенью 1922 года. А уже в начале 1923 года последовало и отчетное выступление А.В. Барченко в Институте мозга. К этому же времени по приглашению директора института В.М. Бехтерева начинается и сотрудничество А.В. Барченко с Комиссией при институте по изучению мысленного внушения во главе с А.К. Борсуком и Л.Л. Васильевым.

В своем стремлении нащупать возможные подходы к легендарной Шамбале и «Древней науке» А.В. Барченко пошел даже на такой неординарный для европейца шаг, как поселение в монашеском ламаистском общежитии при буддийском храме (построен в 1916 году в Старой Деревне), являвшемся в то время вместе с примыкающими к нему строениями резиденциями тибетской и монгольской миссий под эгидой НКВД СССР. Так А.В. Барченко познакомился с проживавшими здесь монголом Хаяном Хирвой и тибетцем Нага Навеном, сыгравшими в его жизни немалую роль. Особый интерес для него представлял Нага Навен — наместник Западного Тибета, прибывший в Россию для переговоров с Советским правительством. Общение с Нага Навеном многое дало А.В. Барченко в смысле углубления его знаний о Шамбале — Дюнхор. Весьма сведущим в этом учении оказался и другой новый знакомец А.В. Барченко — начальник внутренней охраны Монголии, член ЦК Монгольской народно-революционной партии Хаян Хирва. Довольно близок был в это время А.В. Барченко и с главой тибетской миссии в СССР ламой Хамбо Агваном Доржиевым. Новые друзья А.В. Барченко не только углубили его знания в «Древней науке», но и подска-

зали ему более точную ориентировку местонахождения легендарной Шамбалы (к северо-западу от Непала) и окончательно убедили его в правильности своей теории.

В ламаистском общежитии А.В. Барченко пробыл недолго и уже в конце 1923 года организовал небольшую коммуны, поселившись вместе с двумя своими женами Натальей и Ольгой в трехкомнатной квартире супругов А.А. и Э.М. Кондияинов на углу Каменноостровского проспекта и Малой Посадской улицы (д.9/2, кв.49). Здесь же вместе с ним проживали еще и ученицы А.В. Барченко Юлия Струтинская и Лидия Шишелова, а вместе с ними и хозяйка квартиры супруги Кондияин. Себе с новой женой Ольгой (одна из его учениц) А.В. Барченко смастерил деревянный топчан. Остальные спали прямо на полу на войлочной подстилке. *«Мы жили одной семьей или, вернее, коммуной, — вспоминала позднее Э.М. Кондияин. — У нас все было общее. Мы по очереди дежурили по хозяйству. За столом часто разбирали поведение того или другого, его ошибки, дурные поступки»*⁵. *«Один раз (дело было в 1923 году), — вспоминала позже Э.М. Кондияин, — А.В. Барченко взял да и посвятил нас в розенкрейцеры без всякой таинственности и мистики»*⁶. *Здесь же в квартире-коммуне А.В. Барченко оборудовал специальную лабораторию, в которой и проводил свои опыты по телепатии. Ходил он обычно в старом полушубке, туго подпоясанном солдатским ремнем, старой офицерской фуражке без кокарды, но зато в хороших хромоновых сапогах, всегда идеально начищенных*⁷. *Выглядел он, согласно воспоминаниям дочери супругов Кондияинов О.А. Кондияин, следующим образом: широкоплечий, довольно высокого роста, с копной седеющих волос и неизменным пенсе на носу*⁸. *В своей коммуне А.В. Барченко был безусловным лидером, и все ее члены беспрекословно подчинялись ему.*

Однако главным делом А.В. Барченко в это время стала организация им в том же 1923 году небольшого эзотерического кружка под названием «Единое Трудовое Братство». Толчком к его возникновению послужил рассказ нового знакомого А.В. Барченко (дело было зимой 1922/23 года) Петра Сергеевича Шандаровского, который рассказал ему о Едином трудовом содружестве его учителя, известного мистика Г.И. Гурджиева. Александропольский грек Георгий Иванович Гурджиев (1873–1949)⁹ появился в Москве в 1911 году, где вокруг него через некоторое время образовался небольшой эзотерический кружок последователей. Весьма частым гостем был он и в Петербурге. Любимыми учениками у него здесь были Петр Шандаровский, Антон Чарковский, Анна Бутковская, С.Д. Меркуров и С.Г. Успенская. Они-то и составили костяк организованного им мистического сообщества — Единое трудовое содружество. В феврале 1917 года Г.И. Гурджиев выехал из Москвы на кавказские минеральные воды. Некоторое время жил в Ессентуках, Туапсе, пока не перебрался в августе 1918 года в Тифлис. Покинул пределы

России Г.И. Гурджиев в июне 1920 года, отплыв вместе с рядом учеников на пароходе из Батума в Константинополь¹⁰. Последующие годы его бурной оккультно-мистической деятельности связаны главным образом с Францией, где им был основан Институт гармоничного развития человека.

По образцу кружка Г.И. Гурджиева, очевидно, и создавалось Братство А.В. Барченко. Сам он в своих показаниях следователям ОГПУ в качестве членов «Единого Трудового Братства» называл следующих лиц: В.М. Алтухов, А.А. Кондияйн, Э.М. Кондияйн, Ю.В. Струтинская, В.П. Королев, Ю.В. Шишелов, Николай Троньон, П.С. Шандаровский. Показания А.А. Кондияйна позволяют добавить к этому списку еще несколько фамилий: А.К. Борсук, В.П. Кашкадамов, Л.Л. Васильев, Н.В. Лопач, М.Г. Лазарева, К.П. Поварнин, писатель Н.Д. Никитин, библиотечарь В.П. Песецкий, ботаник П.Е. Васильковский¹¹. Однако обольщаться насчет принадлежности этих господ к Братству, как справедливо пишет А.И. Андреев, не стоит. Очевидно, что следствие стремилось максимально расширить состав лиц, причастных к Братству¹². Во всяком случае, костяк Братства был невелик: П.С. Шандаровский, А.А. и Э.М. Кондияины, Ю.В. Струтинская, Л.Н. Шишелова-Маркова, Ю.В. Шишелов, В.Н. Королев, а также старая и новая жены А.В. Барченко Наталья и Ольга.

В том же 1923 году А.В. Барченко составил так называемые «Правила жизни Единого Трудового Братства» — своего рода его моральный кодекс. Кроме того, в 1923 году им же был разработан и устав «Единого Трудового Братства», регламентирующий его так называемые оперативные функции.

«Размышляя о Боге, — говорится в первом пункте «Правил жизни», — помни, что понятие Бог можно выразить в числе — единицей, в геометрии — точкой. Геометрическая точка не имеет измерения, но, излучая энергию, она обнимает вселенную. Пружина обладает наибольшей мощью, будучи скрученной до совмещения с точкой».

Далее в «Правилах» даются следующие заповеди:

«2. Цель не оправдывает средства.

3. Не имей собственности ни в вещах, ни в супруге, ни в людях.

4. Ноша в пути изнуряет, а что тяжелее золота?

5. Неси свою ношу в гору на собственных плечах.

6. Давай, не удручая просящего.

7. Давай всегда сам в собственные руки.

8. Считай себя должником того, кому ты имел возможность оказать помощь.

9. Воровство — не только присвоение вещей, не принадлежащих тебе, но и хранение лишнего, не нужного тебе.

10. Не проходи мимо женщины с ребенком на руках без вопроса, не нуждается ли она в необходимом.

11. Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой.

12. При встрече с бедняком, с лицом, стоящим ниже тебя, голову обнажай первый; от богача, от лица, стоящего выше тебя, ожидай привет.

13. Не сопротивляйся злу насилеи.

14. В личной защите не применяй иного оружия, кроме личного примера.

15. Смерти не бойся, но бойся оставить тело раньше чем то, что им управляет, окрепнув, не возмужало.

16. Самоубийство расценивается как дезертирство.

17. Убийство допустимо только в том случае, если это единственная возможность спасти большое число жизней.

18. Стремись вперед, чтобы подать руку отставшему.

19. Споткнувшись, не изнемогай, а шагай тверже.

20. Вникай в то, что тебе доверяют, чтобы совесть не угнетала тебя после.

21. Нет презренного ремесла, если из рук выходит то, что не вредит живому.

22. При встрече с воином не кичись белизной своих рук.

23. Размышляя о том, какую специальность избрать сыну твоему, помни: посрамивший мудрецов ходил по земле плотником.

24. Помни, что ложь, грязнящая душу человека, душу ребенка делает калек.

25. Отходя ко сну, дели поступки свои на 2 (положительные и отрицательные) и на 7 (планетных категорий: Солнце, Меркурий, Венера, Земля Или Луна, Марс, Юпитер, Сатурн).

26. Никогда не прячься от солнца.

27. Два врача исцеляют — солнце и воздух.

28. Солнце — отец, Земля — мать; она родила тебе сестер и братьев там, где ты на ней обитаешь.

29. К супругу своему относись бережно, как к драгоценному сосуду, — ты пьешь из него наслаждение.

30. Если супруг твой подойдет к пропасти, пусть заглянет в нее и измерит ее глубину; но пусть рука твоя будет тверда, чтобы вовремя удержать его от падения.

31. Из тины болот тянутся лилии, они белы.

32. Законам страны, в которой живешь, — подчиняйся. С властью трудящихся — сотрудничай.

33. Семья — кирпич, из которого строится здание государства.

34. Говорящему: «Один в поле не воин» — возражай: «Голос одного бодрствующего будит тысячу спящих».

35. Слабость — предмет не уважения, а искоренения.

36. Не отдавай себя в жертву одержимым шимнусами (злые духи), сытому, спящему сердцем.

37. Если ты озлословил человека, которому ты оказал помощь,

то лучше бы ты его обокрал, ибо ты украл у него самое дорогое — доброе имя.

38. *Не строй себе счастье за счет несчастья других*¹³.

Во главе «Единого Трудового Братства», согласно его уставу, стоял Совет (А.В. Барченко, А. Кондияйн, П.С. Шандаровский). Степеней продвижения по мистической лестнице тайного знания здесь предусматривалось всего две: «ученик» и «брат». В качестве символа Братства была принята *«шестигранная фигура со знаком ритма, окрашенная в черные и белые цвета»*. Отличительным признаком «брата» была красная роза с лепестком белой лилии и крестом. Характерно, что все эти знаки следовало обязательно носить на перстне, розетке или булавке, а также помещать в окна своей квартиры, чтобы другие члены кружка могли по этому признаку отыскать среди окон окно своего «брата».

Программные положения «Единого Трудового Братства» базировались на том, что ключ к успешному решению всех животрепещущих проблем современности надо искать в мистической Шамбале-Агарте, некоем конспиративном очаге, где сохраняются до сих пор остатки знаний и опыта того общества, которое находилось на более высокой стадии социального и материально-технического развития, чем современная цивилизация. *«А поскольку это так, необходимо выяснить пути в Шамбалу и установить с нею связь. Годными для этого могли бы быть люди, свободные от привязанности к вещам, собственности, личного обогащения, свободные от эгоизма, то есть достигшие высокого нравственного совершенства. Стало быть, надо было определить платформу, на которой люди разных мировоззрений могли бы заглушить свои временные социальные противоречия и подняться до понимания важности вопроса. Отсюда основным положением ЕТБ являются — отрицание классовой борьбы в обществе, открытый доступ в организацию лиц без различия их классовой, политической и религиозной принадлежности, то есть признание права для контрреволюционных элементов участвовать в организации, признание иерархии и уважение религиозных культов», — показывал позднее на следствии А.В. Барченко*¹⁴.

Свое сообщество члены кружка однозначно рассматривали, по словам А.В. Барченко, как передовой отряд *«в борьбе человечества на арене истории, объединяющий своих членов на почве помощи телесно и духовно страдающему человеку, независимо от его политических и религиозных убеждений, в обладании приобретенным опытом древних цивилизаций, а также заживлении социальных ран средствами, имеющимися в распоряжении Братства»*¹⁵.

Братство называлось «трудовым», и, следуя логике этого названия, А.В. Барченко поневоле должен был стремиться к тому, чтобы вовлечь его членов в трудовую деятельность (курсы кройки и шитья, работа на ткацком станке, столярное дело). Однако

из затей этой, как и следовало ожидать, ничего путного не получилось, и это благое начинание А.В. Барченко осталось втуне.

Суть «Древней науки», которую проповедовал своим слушателям А.В. Барченко, хорошо передает написанная им для членов «Единого Трудового Братства» «Памятка»:

«Золотой век, т.е. Великая Всемирная ФЕДЕРАЦИЯ народов, — говорится в начале этого примечательного документа, — построенная на основе чистого идейного коммунизма, господствовала некогда на всей земле. И господство ее насчитывало около 144 000 лет. Около 9000 лет тому назад, считая по нашей эре, в Азии (в границах современного Афганистана, Тибета и Индии) была попытка восстановить эту федерацию в прежнем объеме. Это та эпоха, которая известна в легендах под именем похода Рамы (Ра = □ и Ма = #, следовательно, Рама — культура, овладевшая полностью как дорической, так и ионической наукой). Рамидская Федерация, объединившая всю Азию и часть Европы, существовала в полном расцвете около 3600 лет и окончательно распалась после революции Иршу, около 5600 лет назад. Гибель Атлантиды в тесном смысле этого слова, т.е. архипелага между Африкой, Испанией и Америкой, населенного краснокожими, владевшими еще большей или меньшей полнотой Универсального знания, следует отнести к эпохе за 11 000 лет до нашего времени.

Нет сомнения, что эта «Атлантида» была уже периодом упадка, вырождения древнейшей мировой цивилизации, господствовавшей в полном расцвете на земном шаре, надобно думать, вплоть до эпохи за 36 000 лет до нашего времени»¹⁶.

Но представлять себе, продолжает далее А.В. Барченко, что все 144.000 лет на Земле царил золотой век с молочными реками и кисельными берегами, было бы крайне наивно. Правильнее было бы считать, что в границах этого огромного периода, «когда космические условия особо благоприятствовали развитию цивилизаций, сконструированных по Универсальной схеме, чередовались периоды расцвета и упадка, в такой приблизительно последовательности: 2000 лет полного упадка и ожесточения, соответствующих нашей эре с Р. Х., в конце их наступает бурный революционный период в мировом масштабе, затем 8000 лет полного расцвета Универсальной Культуры, постепенно охватывающей весь мир». Затем наступает постепенный упадок культуры, что заняло в общей сложности приблизительно 6000 лет. В его границах еще существуют «солнечные» культуры, но наряду с ними и культуры «серебряные», под знаком #, т.е. те, в которых руководящее высшее содержание Универсальной науки □. «Доризм» постепенно уходит в подполье. Руководящую политическую роль постепенно получает Ионизм, # серебро, т.е. та часть Универсального знания, которая владеет методами познания применения энергетических механизмов природы. В логическом развитии господства лишь энергетической науки культура

постепенно вырождается в культивирование прогрессивно снижающихся ступеней телесных потребностей. У выродившихся таким путем народностей начинает развиваться чувственность, как логический результат этого развития в цивилизациях наука вырождается в религиозные культы прогрессивно грубеющего содержания в смысле чувственности (грубая чувственность Вавилона — Молох, Астарта или рафинированная чувственность Египта).

И как результат чувственного огрубления, развивается жестокость (кровавые жертвоприношения, войны). Этот период включен в границы приблизительно 4000 лет и символически отвечает, разумеется, Венере — «Медный век».

Такой век приблизительно исчисляется 2000 лет. В конце железного века, проходящего под знаком революций и войн, развивается господство монархий и в культуре — анализ. Логический конец — разрушение цивилизации и обратный ход в центр камня, т.е. к идее коммунизма, безличности авторитета, правомочно организованного коллектива. *«Вот схематический, с весьма близким к действительности приближением, в числах циклический ход развития цивилизации на всем земном шаре в границах истекшего около 36 000 лет тому назад земного (т.е. для всего земного шара) золотого века в 144 000 лет (космический, или «зодиакальный» золотой век длится больше). И в его границах сменяется на земле золотой век (точнее, «Иридиевый» + «Платиновый» + «Золотой» = вместе 144 000, «Серебряный» — 108 000 лет, «Медный» — 72 000 лет и «Железный» + «Оловянный» + «Свинцовый» = 36 000 лет. Всего в этом земном цикле 360 000 лет)»¹⁷.*

Далее А.В. Барченко переходит в своей «Памятке» к фантастическому рассказу о смене господствовавших в прошлом на Земле человеческих рас. *«Думать, что во время всей Атлантиды была только одна красная раса, тоже наивно. Надобно думать, что красная раса была в то время лидером, вождем цивилизации, как теперь претендует белая раса. Но считать красных исключительно господами земли в древности отнюдь не приходится. Были и прежде все расы, но, так сказать, знамя культуры переходило из рук в руки, надобно думать, в такой последовательности. 1) Черная, 2) Белая, 3) Желтая, 4) Красная и опять в том же порядке. Это можно проследить на преданиях о том, что Лемурия (великая культура желтых, погибшая в Тихом океане и оставившая на побережье Азии Японию и Китай) была прежде чем Атлантида — культура красных, которые после опускания дна Атлантического океана уцелели в Америке и Гренландии и Северо-Восточной Азии (эскимосы, чукчи). Предания о Лемурии и Атлантиде в ныне живущих поколениях уцелели, как бесформенные, совершенно потускневшие легенды. Между прочим как предания о великой борьбе с черными белой расы сравнительно свежи (Рамаяна, предания о борьбе арийцев с черными в Индии и борьбе кельтов с черными в Ев-*

ропе, о нахождении доисторического черепа типа негров). Это потому, что после окончания красной расой \square 144 000-летнего цикла следующий железный 36 000-летний (который брамины называют Кали-юг — черный, жестокий век) начала по тому же универсальному закону смены рас черная раса, владевшая Универсальным ключом до Рамидской цивилизации. Ее именно памятники уцелели в горах Кавказа и Крыма»¹⁸.

«Современные академические «киты», — полемизирует А.В. Барченко с представителями «официальной» науки, — относят пещерные города Крыма и Кавказа к Христианской эре, не понимая, что якобы «христианские» эмблемы — суть механизмы Доисторического Универсального знания». «Черного лидера» культуры сменили, согласно теории А.В. Барченко, «Белые в Азии». По его мнению, белая раса возглавляла культуру, но лишь на Евразийском материке, около 3600–4000 лет. Но до этого «предания говорят о существовании в Европе, откуда шли Рамиды, культуры в руках белой расы в течение 2000 лет (Кельтическая — «Друидическая» культура)». Следовательно, заключает А.В. Барченко, белая раса владела универсальной культурой в ближайший к нам период лишь около 6000–7000 лет в форме держания этого знания в подполье, в руках ограниченной коллегии теократического (жреческого) меньшинства. Сейчас же мы видим, она занимает доминирующее положение на всем земном шаре. Правда, оговаривается А.В. Барченко, «пока она действует всеми отрицательными орудиями железного века. Но ближайший маленький (2000 лет) железный цикл истекает (от Р.Х.) через 100, даже менее лет. До потопа же в мировом масштабе (очередное поднятие Атлантического океана) Универсальный ключ дает цифру еще около 120 лет. Необходимо учесть обстоятельства.

1) В самой седой древности, какую теперь люди помнят, на всем земном шаре господствовала преимущественно желтая раса.

2) После нее по всему свету расселилась и угасла, но предварительно овладев ключом \square знания, красная раса.

3) Потом, тем же порядком, черная — ибо следы ее мы видели и в Америке, и на островах Тихого океана, и в Африке, и в исторических уже преданиях в качестве массы, изгоняемой белыми из Средней Азии и Европы.

4) Теперь расселяется по всей земле белая раса. В прошлом она в частичных своих цивилизациях (кельтическая, Рамидская) владела Универсальным ключом, но применить его к постройке федерации народов в рамках этого железного века возможности еще не имела»¹⁹.

Согласно А.В. Барченко, смена господствующих рас на Земле сопровождалась в прошлом и будет сопровождаться в будущем мировыми катаклизмами:

«Крупные океанические потоки совпадали с уходом с культурной арены расы, владевшей Универсальным ключом в мировом мас-

штабе, расселенной по всему свету (желтая, красная). Еще не было потопа, отвечавшего черной расе, но следы расселенности таковой и владения ключом по всему свету уже налицо. Белая раса еще не расселилась по всему свету, но накануне расселения. Белая раса еще не применяла ключ в полном мировом масштабе. До ближайшего мирового потопа, — пророчествовал А.В. Барченко, — осталось около 1200 лет»²⁰.

Однако не все так плохо. Согласно А.В. Барченко, в 2000 году должен был закончиться 2000-летний железный период для белой расы, за которым обязательно последует мировая революция и золотой период — «коммунистический рай», который продлится 8000 лет.

«Из этих данных, — пишет далее А.В. Барченко, — логика заставляет вывести заключение, что:

а) Очередной потоп уничтожит последние следы черной цивилизации в упадочной ее форме — т.е. больше всего пострадает, вероятно, Африка.

б) Белая раса применит социологический идеал Универсального знания в его высшем □ виде, т.е. в виде мировой федерации народов, на основе чистого, гармонизированного с природой, коммунизма, а не в форме, хотя бы и высоко рафинированной, теократии Рамидов, скрывавшей высоту знания все-таки в сословии, резко ограниченном и допускавшем представительство в форме царей и императоров.

в) После потопа, надобно думать, белая же раса заключит 8000-летний золотой век большого золотого века, и под ее знаменем культура будет колебаться в своем развитии в границах всего междупотопного периода, ибо к ближайшему (через 1200 лет) потопу белая раса расселится по всему свету, и после поднятия дна Атлантического океана погибнут вместе с Африкой все низменные страны Европы, Америки и Азии, где ныне сосредоточена так называемая «культура», и степи Китая и Монголии. Горные же плато и кряжи Евразии, сплошь заселенные белой (Авганы, Кафиры, Горные Таджики, Курдистан, Белуджистан, Персия, Азербайджан, Закавказье и Гималаи с Шамбола и Саджа), должны уцелеть. Таким образом, белая раса после ближайшего потопа останется в большинстве. А так как перечисленные выше народности организованы и фактически управляются объединениями (в глазах европейских ослов это «жалкие секты дикарей»), владеющими □ наукой (секта Ахл-и-Хакк «Люди истины», Зер-дешти, Иезиды, Суфи, Джайни, Якобиты и пр.), то провести в жизнь социологический идеал этой науки и воспитать новые, в полном объеме, на основах этой науки, особых затруднений тогда не представит. Таким образом, весьма и весьма отдаленное будущее находится еще всецело в руках белой расы. Желтая раса действительно должна следовать в мировом масштабе за белой. Но этот период еще слишком далек от нас, чтобы о нем говорить теперь»²¹, — заключает А.В. Барченко.

Нет никаких сомнений в компилятивном характере «эзотерической мудрости» А.В. Барченко, составленной на основании трудов западных оккультистов. Однако на его слушателей, людей, как правило, несведущих в дебрях оккультного знания, известное впечатление она все-таки производила. Самое поразительное, что не избежали этой слабости и люди вполне серьезные, облеченные властью. Во всяком случае, в конце 1923 года А.В. Барченко был зачислен ими консультантом Главнауки. Ему были даже выделены соответствующие средства для создания Биофизической лаборатории в здании Политехнического института в Москве. Об опытах, которые здесь проводились, известно мало. Полагают, что речь должна идти о передаче мыслей на расстоянии, или, иначе говоря, опытах парапсихологического характера. Показательно, что в то время, как у правительства катастрофически не хватало средств для поддержки отечественной науки, для сомнительных изысканий А.В. Барченко деньги нашлись. Причем поддержку ему оказывал не кто иной, как сам начальник Главнауки старый большевик Ф.Н.Петров (1876–1973), член партии с 1896 года. Однако сотрудничество А.В. Барченко с Главнаукой продолжалось недолго. Весной 1924 года у него произошел конфликт с одним из ее руководителей академиком С.Ф. Ольденбургом, решительно выступившим против планов А.В. Барченко по организации по линии Главнауки монголо-тибетской экспедиции. В результате проект А.В. Барченко был отвергнут.

В это трудное время на помощь ему пришли «друзья», которыми он обзавелся в первые послереволюционные годы. Наиболее близким к нему человеком в это время был астроном Александр Александрович Кондияйн (1889–1937). После окончания в 1911 году физико-математического факультета Петербургского университета А.А. Кондияйн сотрудничал в качестве астронома-наблюдателя с Русским обществом любителей мировидения, которое возглавлял известный масон Н.А. Морозов (1854–1946) — родоначальник печально известной ныне так называемой «новой хронологии» (академик Фоменко и К°). Знакомство А.В. Барченко с А.А. Кондяином произошло в 1918 году. Близок был в это время к А.В. Барченко и П.С. Шандаровский, окончивший до революции юридический факультет Петербургского университета. Однако подлинной страстью П.С. Шандаровского, как и А.В. Барченко, была «Древняя наука», на почве которой они и познакомились зимой 1922/23 года.

Весьма колоритной фигурой среди ближайших друзей А.В. Барченко середины 1920-х годов был Константин Константинович Владимиров (родился в 1883 году в городе Пернов, ныне Пярну, Эстония). Как и А.В. Барченко, К.К. Владимиров учился на медицинском факультете, однако окончить его не сумел и перебивался разного рода конторской работой. В конце

1900-х годов он увлекся графологией и сравнительно быстро обзавелся собственной клиентурой. В числе его клиентов, которым он предсказывал судьбу по их почерку, были поэт Сергей Есенин, художник А.Н. Бенуа и другие представители тогдашней богемы Санкт-Петербурга. В октябре 1918 года склонный к авантюризму К.К. Владимиров становится сотрудником Петроградской ЧК, в которой он проработал с небольшим перерывом до конца 1920 года²². В 1927 году Константин Константинович был арестован и выслан в Сибирь на три года, однако уже в мае следующего 1928 года он был вновь арестован и обвинен в шпионаже в пользу Англии. 5 ноября 1928 года К.К. Владимиров был расстрелян.

К 1919 году относится и близкое знакомство А.В. Барченко еще с двумя чекистами, сыгравшими важную роль в его жизни: Э.М. Отто (родился в 1884 году) и А.Ю. Рикс (родился в 1889 году). Первый из них, Эдуард Морицевич Отто, работал в Петроградской ЧК с февраля 1918-го по декабрь 1922 года. Второй, Александр Юрьевич Рикс — с июня 1918-го по февраль 1923 года. Знакомство с ними А.В. Барченко состоялось в 1919 году, когда по их инициативе он был вызван в ЧК якобы в связи с поступившим на него доносом. Знакомство это вскоре переросло в дружбу. Полтора десятилетия спустя бывшие чекисты были в 1936 году арестованы по делу профессора Коммунистического университета в Ленинграде эстонца Я.К. Пальвадре и 11 октября того же года расстреляны.

К числу покровителей и друзей А.В. Барченко из интересовавшихся «Древней наукой» чекистских кругов можно отнести и К.Ф. Лейсмейера-Шварца или «Карлушу», как ласково его называли в ближайшем окружении. Знакомство с ним А.В. Барченко относится к 1924 году. Уйдя, как и его товарищи, в 1920-е годы из «органов», К.Ф. Лейсмейер-Шварц подвизался в качестве фоторепортера «Союзфото» в Ленинграде. Из всех чекистов — друзей и покровителей Барченко его расстреляли последним, в сентябре 1937 года.

Но вернемся к А.В. Барченко и его конфликту с академиком С.Ф. Ольденбургом, в результате чего он вынужден был уйти из Главнауки. Самые близкие друзья А.А. Кондияйн и П.С. Шандаровский помочь ему, как лица, не вхожие во власть, не могли. Другое дело — плотно опекавшая его чекистская четверка в лице К.К. Владимирова, Э.М. Отто и А.Ю. Рикса, К.Ф. Лейсмейера-Шварца. По их совету А.В. Барченко составил письмо о своих работах на имя председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского, которое К.К. Владимиров тут же отвез в Москву на Лубянку. Одновременно он связался с членом Коллегии ОГПУ Г.И. Бокеем, которого хорошо знал по совместной работе в Петрограде. В результате уже через несколько дней в Ленинграде появился один из руководителей ОГПУ, еще недавно занимавший при-

мечательную должность начальника Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции при Секретно-оперативном управлении ГПУ Я.С. Агранов (1893–1938). Встреча его с А.В. Барченко произошла на одной из чекистских конспиративных квартир. Закончилась она, как и следовало ожидать, положительно. Видимо, А.В. Барченко произвел благоприятное впечатление на этого высокопоставленного чекиста.

После этого А.В. Барченко отправился вместе со своими друзьями-чекистами в Москву для встречи с самим Г.И. Бокием (1879–1937), членом Коллегии ОГПУ и заведующим спецотделом ОГПУ. Бокий также отнесся к идее А.В. Барченко об установлении контактов большевиков с обладателями тайн «Древней науки», скрывающимися в легендарной Шамбале-Агарты, с пониманием. В результате состоявшегося поздней ночью заседания Коллегии ОГПУ с подачи Г.И. Бокия ему было поручено более детальное знакомство с проектом А.В. Барченко и использование его предложений по своему усмотрению на пользу социалистическому строительству²³. Такова версия этого знакомства в изложении А.В. Барченко.

Несколько иначе вспоминал об этом сам Г.И. Бокий. После того, как он познакомился с А.В. Барченко, тот, по словам Г.И. Бокия, тут же изложил ему свою теорию, согласно которой еще в доисторические времена существовало *«высокоразвитое в культурном отношении общество, которое затем погибло в результате геологических катаклизмов. Общество это было коммунистическим и находилось на более высокой стадии социального (коммунистического) и материально-технического развития, чем наше. Остатки этого высшего общества, по словам Барченко, до сих пор существуют в неприступных горных районах, расположенных на стыках Индии, Тибета, Кашгара и Афганистана, и обладают всеми научно-техническими знаниями, которые были известны древнему обществу так называемой «Древней Науки», представляющей собой синтез всех научных знаний. Существование и Древней Науки, и самих остатков этого общества является тайной, тщательно оберегаемой его членами. Это стремление сохранить свое существование в тайне Барченко объяснял антагонизмом древнего общества с римским папой. Римские папы на протяжении всей истории преследовали остатки древнего общества, сохранившиеся в других местах, и, в конце концов, полностью их уничтожили. Себя Барченко называл последователем древнего общества, заявляя, что был посвящен во все это тайными посланцами его религиозно-политического центра, с которыми ему удалось однажды вступить в связь»*²⁴.

Здесь необходимо сказать несколько слов о самом Глебе Ивановиче Бокии²⁵. Лев Разгон в своих воспоминаниях о Г.И. Бокии, которого он лично знал, рисует образ интеллигент-

ного (учился в Горном институте, дворянин) и весьма скромного человека, никогда и никому не пожимавшего руки и отказывавшегося от всех привилегий: жил с женой и старшей дочерью в крошечной трехкомнатной квартире, зимой и летом ходил в плаще и мятой фуражке. И даже в дождь и снег, свидетельствует Л. Разгон, на его открытом «Паккарде» никогда не натягивался верх²⁶. В то же время странности эти органично сочетались у Г.И. Бокия с присущей ему неумемной энергией и недюжинными организаторскими способностями. Карьеру себе он сделал, можно сказать, еще в первые послереволюционные годы, в Петроградской Чрезвычайной комиссии. Переведенный в 1921 году в Москву на повышение, он сразу же выдвинулся здесь среди своих товарищей и вошел в число руководящих сотрудников ОГПУ (член Коллегии). В мае 1921 года он создает здесь спецотдел (СПЕКО), специализировавшийся на охране государственных тайн, и в частности, прослушивании и расшифровке переговоров и переписки иностранных посольств в Москве²⁷. Достаточно подробные сведения о спецотделе Г.И. Бокия дает бежавший в 1930 году на Запад бывший сотрудник Иностранного отдела ОГПУ Г. Агабеков.

«Специальный отдел (СПЕКО) работает по охране государственных тайн от утечки к иностранцам, для чего имеет штат агентуры, следящий за порядком хранения секретных бумаг. Важной задачей отдела является перехватывание иностранных шифров и расшифровка поступающих из-за границы телеграмм. Он же составляет шифры для советских учреждений внутри и вне СССР.

Шифровальщики всех учреждений подчиняются непосредственно специальному отделу. Работу по расшифровке иностранных шифров спецотдел выполняет прекрасно и ежедневно составляет сводку расшифрованных иностранных телеграмм для рассылки начальникам отделов ОГПУ и членам ЦК.

Третьей задачей специального отдела является надзор за тюрьмами и местами заключения по всему Советскому Союзу, охрану же их несут войска ОГПУ. При отделе имеется канцелярия, фабрикующая всевозможные документы (паспорта, фальшивые удостоверения и пр.), необходимые для той или иной цели в работе.

Начальником отдела состоит Бокий, бывший полпред ВЧК, буквально терроризировавший Туркестан в 1919–1920 годах. О нем еще и сейчас, десять лет спустя, ходят легенды в Ташкенте, что он любил питаться сырым собачьим мясом и пить свежую человеческую кровь. Несмотря на то что Бокий только начальник отдела, он, в исключение из правил, подчиняется непосредственно Центральному Комитету партии и имеет колоссальное влияние в ОГПУ. Подбор сотрудников в специальном отделе хорош, и работа поставлена образцово»²⁸.

«Информация Агабекова, — комментирует этот опус бывшего чекиста современная исследовательница Татьяна Грекова, — со-

мнений не вызывает, если не считать слухов о сыром мясе и человеческой крови, которые, впрочем, и сам автор называет легендой. Скорее всего Бокий просто употреблял в пищу собачье мясо»²⁹. Учитывая, что собачье мясо считается эффективнейшим средством для лечения туберкулеза, которым страдал все эти годы Г.И. Бокий, ничего мистического и свидетельствующего об особой кровожадности этого чекиста в данном факте нет.

Научный поиск Барченко во многом стимулировался его духовными исканиями, размышлениями о путях нравственного совершенствования человека в эпоху мировых катаклизмов. Поворотным в его жизни как в плане научном, так и сугубо личном, стало его приобщение, не без помощи тибетских и монгольских лам, к таинствам буддийского эзотерического учения Дюнхор (Калачакры), происходящего из легендарной Шамбалы. В этом учении Барченко нашел ответы на самые злободневные вопросы современности. Однако, подобно бодхисаттвам, он не хотел довольствоваться собственным прозрением, а чувствовал потребность разделить свое знание с другими людьми. Первым делом он поставил себе задачу — посвятить в тайну Дюнхор «высших руководителей коммунистического движения в России». Сделать это было необходимо, поскольку «Россия в данный момент совершенно далека от понимания той величайшей общечеловеческой ценности, коей скрыто владеет Восток», — писал он в 1927 г. бурятскому ученому Г. Цыбикову. По своему неведению большевики ломают «коренной быт» азиатских народов, оказываясь тем самым «в одном ряду среди западных угнетателей Востока». А между тем «учение марксизма об основной мировой субстанции, о «материи», родственно учению Дюнхор», — доказывал он³⁰.

В том, что А.В. Барченко пытался заинтересовать своими опытами правительственные структуры, ничего удивительного, конечно, нет. Удивительно здесь другое: та легкость, с какой фантастические прожекты А.В. Барченко нашли живой отклик в правительственных структурах молодой Советской республики, и в первую очередь — в ОГПУ.

Одной из причин пристального внимания чекистов к А.В. Барченко являлись, несомненно, установленные им в 1923 году связи с так называемым «Великим братством Азии», объединившим ряд мистических течений Востока, с представителями которого Хаяном Хирвой и Нага Навеном он встречался в этом же году в Ленинграде. За всем этим стояла большая политика, поскольку, в отличие от далай-ламы, ориентировавшегося на англичан, духовный лидер Тибета Панчен-Богдо и ламство Западного Тибета обнаруживали стремление к сближению с СССР. «Из совещаний с Нага Навеном, — показывал в 1937 году А.В. Барченко, — я получил от последнего санкцию на сообщение большевикам моих мистических изысканий в области древней науки через специально созданную группу коммунистов и на установ-

ление контактов Советского правительства с Шамбалой. От Нага Навена я получил также указание на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступлений всех мистических течений Востока, которыми, в частности, являются: гандизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке»³¹.

В общем, повторим, это была большая политика, суть которой, говоря словами А.В. Барченко, заключалась в том, чтобы при помощи ряда мистических сообществ, традиционно пользующихся авторитетом на Азиатском континенте, «добиться этим путем изменения политического курса и прорыва революционной базы на Восток»³². Яснее, пожалуй, и не скажешь. В Москве А.В. Барченко призывал советское руководство повернуться лицом к Востоку. У Востока, заявлял он, свой путь развития, путь эволюции и бескровного разрешения социальных противоречий на основе овладения наследством древней науки, якобы уцелевшей в Шамбале.

Трудно сказать, насколько искренен был А.В. Барченко. Что касается советских руководителей, то единственное, чем их могли привлечь идеи А.В. Барченко, — так это возможность «разбудить Азию» в свете господствовавшей тогда среди них идеи мировой революции. Поскольку на рабочих в странах Востока особенно рассчитывать не приходилось, для целей этих, в принципе, могли пригодиться и мистики. Важное место в этих планах отводилось, в частности, Индии и Афганистану. «Я ориентировал, — отмечал А.В. Барченко, — правительственные круги на Ага-хана, главу исмаилитов — президента Всеиндийской лиги мусульман, как на хранителя революционных традиций Востока».

С целью установления тесных связей с исмаилитами, при ближайшем участии Г.И. Бокия, А.В. Барченко была подготовлена в 1925 году экспедиция в Афганистан. Благодаря хлопотам Г.И. Бокия, удалось добиться солидных ассигнований как на эту, так и на монголо-тибетскую экспедиции в размере 100 тыс. рублей золотом. Комиссаром экспедиции, т.е. главной деловой фигурой, предполагалось назначить знаменитого чекиста, убийцу германского посла в России графа Мирбаха Якова Блюмкина. Ободренные этим, члены кружка А.В. Барченко — жены Наталья и Ольга, личный секретарь Юлия Струтинская, а также Лидия Шишелова и А.А. Кондияйн всерьез стали готовиться к ней: учили восточные языки и занимались верховой ездой.

Дело оставалось за малым: согласовать этот вопрос с народным комиссаром иностранных дел Г.В. Чичериным. К этому же времени относятся тесные контакты А.В. Барченко с крупным советским чиновником Владимиром Ивановичем Забрежневым — масоном Великого Востока Франции. «Между прочим, — показывал А.В. Барченко в 1937 году, — Забрежнев писал обо мне Чичерину перед тем, как подготавливалась моя экспедиция в Афгани-

стан. В беседе со мной Чичерин упоминал, что он получил это письмо от Забрежнева»³³. Что связывало этих людей, становится ясным из оброненного А.В. Барченко в ходе следствия замечания о Г.В. Чичерине как «старом члене Великого Востока Франции»³⁴.

Беседа А.В. Барченко и Г.В. Чичерина состоялась 31 июля 1925 года. Высказав свое категорическое «нет» разрабатываемым А.В. Барченко планам экспедиции в Афганистан (наркоминдел явно не хотел дразнить окопавшихся там англичан), Г.И. Чичерин был, казалось бы, не против экспедиции в Лхасу (Тибет). «Я, разумеется, убежден, что никакой богатейшей культуры в доисторические времена не существовало, но исходя из того, что лишняя поездка в Лхасу может в небольшой степени укрепить связи, создающиеся у нас с Тибетом», — заявил он в своей записке в Политбюро ЦК ВКП(б)³⁵.

Однако и этой экспедиции не суждено было состояться. Вместо А.В. Барченко Г.В. Чичерин решил поддержать экспедицию в Лхасу успевшего побывать у него до А.В. Барченко и, возможно, также связанного каким-то образом с ОГПУ³⁶ американского гражданина русского происхождения, известного художника и философа Николая Константиновича Рериха (1874–1947).

Сегодня уже ни для кого не секрет ни принадлежность Н.К. Рериха к масонству, ни масонский характер его идей («Пакт Рериха», движение «Знамя мира» и др.)³⁷.

Спор сейчас идет о частностях: был или не был Н.К. Рерих тайным агентом ОГПУ. Пальма первенства в разработке этой версии принадлежит московскому журналисту Олегу Шишкину³⁸. В том же всегда подозревали Н.К. Рериха, отметим мы от себя, и американские спецслужбы, приложившие немало усилий, чтобы обнаружить эту связь, но ничего не нашли³⁹.

Да и полемика между противниками и последователями учения Н.К. Рериха (статьи Ольги Старовойтовой⁴⁰, Александра Шальнева и др.)⁴¹ показала, что веских аргументов для того, чтобы утверждать, что агент ОГПУ в США под кличкой «буддист» был именно Н.К. Рерих, у нас все же нет, хотя вопрос этот и остается открытым.

*«Огромное богатство Рериха (35 млн. долл. на счетах в Швейцарии), во всяком случае, происходило не от успеха его творчества, — пишет А.Е. Виноградов. — Большое количество золота и драгоценностей, которые видели у мистика-художника его посетители, — это валюта Коминтерна. Так Коминтерн расплачивался со своим агентом, включая, видимо, расходы на новые вербовки и т.д. Происхождение эти ценности имели одно: национализированная церковная и иная собственность»*⁴².

Особенно важна была роль Н.К. Рериха в восточной политике Советской России. Как раз в это время Н.К. Рерих разрабатывал свой «Великий план» о создании в самом центре Азии при

содействии большевиков некоей «новой страны» — большого монголо-тибетского государства как оплота будущего буддо-коммунистического миропорядка в Азии, как места пришествия на Землю будущего Будды⁴³.

Что касается таинственной Шамбалы, то первоначально Н.К. Рерих представлял себе ее местонахождение как прекрасную закрытую со всех сторон долину в Тибете с субтропической растительностью, окруженную холодными и дикими пустынями и неприступными горами Тибета⁴⁴. Однако впоследствии, познакомившись ближе с Тибетом и с состоянием здесь буддизма, Н.К. Рерих пришел к выводу, что искать Шамбалу надо все-таки не в Тибете, а за его пределами (Бутан, Сикким, Непал)⁴⁵. Полагают даже, что Рерих установил контакт с духовными учителями Индии и Тибета — махатмами.

Прервав в 1926 году свою трансгималайскую экспедицию, Н.К. Рерих неожиданно появляется в июне 1926 года в Москве. Здесь он вручил наркому иностранных дел Г.В. Чичерину послание от махатм, т.е. живущих в Шамбале легендарных Учителей человечества. Кроме того, Н.К. Рерих привез с собой для опубликования в Советском Союзе рукопись своей книги «Община» с описанием идеального общества будущего, которую он хотел здесь опубликовать, и как особую святыню — ларец со священной гималайской землей «на могилу В.И. Ленина»⁴⁶.

Наибольший интерес для нас представляет «Послание махатм» к советскому руководству:

«На Гималаях мы знаем совершаемое вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили тюрьму лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили наук живых. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости матери. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения дворцов Общего Блага!»

*Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность вашего движения и посылаем вам всю нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28–31–36. Привет вам, ищущим Общего Блага!»*⁴⁷

Конечно же, последователи учения Н.К. Рериха и Е.И. Рерих вольны верить, что Шамбала — это не миф и что их кумиру действительно удалось установить контакт, мысленный, конечно (как и Е.П. Блаватской), с ее жителями — представителями скрывающейся от нас некоей более высокой цивилизации. Од-

ним словом, Учителями человечества, которые, собственно, и внушили ему этот текст⁴⁸. Но для человека непредвзятого очевидно, что подлинным авторов этого примечательного документа, солидаризирующегося с боготорческой политикой большевиков, был сам Н.К. Рерих. Подлог же понадобился ему для того, и это очевидно, чтобы застолбить себе ведущее место в качестве духовного лидера не только октябрьской, но и мировой революции, которая, как он, видимо, верил, непременно должна произойти на Востоке. Сомневающимся в этих поистине «геростратовских» претензиях Николая Константиновича мы советуем еще раз внимательно прочитать его пассаж из «Послания махатм»: «...Мы остановили восстание в Индии (вот как? — Б.В.), когда оно было преждевременно, также мы признали своевременность вашего движения и посылаем вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии». И наконец, предпоследняя фраза послания: «Знаем, многие построения свершатся в годах 1928—1931—1936». Что это, как не ясно выраженное желание Н.К. Рериха приписать победу Великого Октября некоей мистической помощи большевикам со стороны «Учителей человечества» и предсказание ими на ближайшее, начиная с 1926 года, десятилетие мировой революции на Азиатском континенте? Нет никаких сомнений, что Н.К. Рерих, лукаво подавая себя советским руководителям в качестве посредника между ними и виртуальными махатмами, на роль реального духовного учителя человечества явно выдвигал таким образом самого себя.

Таким же, по сути, авантюрным человеком рериховского склада, также претендовавшим на роль духовного учителя советских вождей, являлся и А.В. Барченко. Беда его, однако, в первых, заключалась в том, что, в отличие от Н.К. Рериха, он был советским, а не американским гражданином. Кроме того, если умный и деятельный Н.К. Рерих к 1926 году уже успел побывать в Тибете и даже «вышел» (правда, пока виртуально) на Шамбалу и получил послание к советскому руководству от тамошних мудрецов (какая «удача»!), то А.В. Барченко только еще собирался в Лхасу, и предъявить советскому руководству ему, по большому счету, было пока нечего.

Несмотря на отчаянные усилия Г.И. Бокия помочь планировавшейся А.В. Барченко экспедиции он так и не смог. Экспедиция так и не состоялась. Вместо нее А.В. Барченко организовал в 1927 году при поддержке все того же Г.И. Бокия другую экспедицию, на этот раз в крымские пещеры. На 1929—1930 гг. приходится его следующая экспедиция — на Алтай. Цель у них была, в принципе, одна и та же — поиски следов древней культуры и установление контактов с Шамбалой и якобы находящимися там духовными учителями человечества.

Большое место в деятельности Барченко этого времени занимала практическая работа по подготовке созыва в Москве

съезда религиозно-мистических сообществ России и Востока. С этой целью, начиная с 1925 года, им были установлены связи с хасидами, исмаилитами, мусульманскими суфийскими дервишами, караимами, тибетскими и монгольскими ламами, а также алтайскими старообрядцами, кержаками и русской сектой голбешников. Конечно, сидя в Москве, сделать это было довольно затруднительно. Впрочем, А.В. Барченко и не сидел. *«В этих условиях, — отмечал он, — я выезжал из Москвы в разные районы Союза: в Крым, в Ленинград, на Алтай, в Уфу, в бывшую Самарскую губернию, а также в Кострому»*⁴⁹.

На все эти поездки нужны были, конечно, деньги и немалые. Деньги давало ОГПУ. *«Денежными средствами, — рассказывал в 1937 году А.В. Барченко, — как и всем моим материальным обеспечением субсидировал член группы Бокий Глеб Иванович. Начиная с 1925 года от него в общей сложности получено около 100 тысяч рублей»*⁵⁰.

Потерпев фиаско в своих глобальных проектах, А.В. Барченко вполне преуспел, однако, на ниве так называемых «малых дел». Речь идет об организованном им в конце 1925 года из числа сотрудников спецотдела Г.И. Бокия небольшом мистическом кружке (следует иметь в виду, что с 1925 года А.В. Барченко жил в Москве). На первых порах в кружок входили исключительно только сотрудники ОГПУ: Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Плужников и Евгений Гоппиус. Однако занятия А.В. Барченко с сотрудниками спецотдела продолжались недолго ввиду их явной неподготовленности к усвоению премудростей «Древней науки». В результате кружок распался. Тогда Г.И. Бокий решил организовать из числа своих бывших товарищей по учебе в Горном институте новое сообщество. В него, в частности, вошли инженеры М.Л. Кострикин и А.В. Миронов, зам. наркоминдел Б.С. Стомоняков, зав. орграспредотделом ЦК и член оргбюро И.М. Москвин, А.Я. Сосновский. Несколько раз занятия кружка посетили работник ЦК ВКП(б) С.М. Диманштейн, инженер Ю.Н. Флаксерман и даже будущий шеф НКВД Г.Г. Ягода⁵¹.

Из других членов «Братства», не входивших в его основной московский состав, Г.И. Бокий называл впоследствии в своих показаниях 1937 года ленинградцев — уже известного нам астронома А.А. Кондиайна, бывшего работника наркоминдела В.И. Забрежнева (1878–1939) и известного скульптора С.Д. Меркурова⁵². Наиболее известной фигурой среди них был, несомненно, скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров (1881–1952)⁵³. Родился он в 1881 году в городе Александрополе (позднее Ленинск) и был двоюродным племянником знаменитого оккультиста XX века Георгия Ивановича Гурджиева, о котором у нас уже шла речь. Учился на философском факультете Цюрихского университета и в Академии художеств в Мюнхене, где и познакомился с ма-

сонством. Большим увлечением С.Д. Меркурова являлось снятие посмертных масок знаменитых людей, как основы для создания бюстов и памятников им. Стоит в связи с этим заметить, что посмертные маски с Льва Николаевича Толстого, Якова Михайловича Свердлова, Владимира Ильича Ленина, Феликса Эдмундовича Дзержинского и Алексея Максимовича Горького снимал именно С.Д. Меркуров. От расстрела его спасло очевидное заступничество И.В.Сталина, так как именно С.Д. Меркуров являлся автором грандиозных гранитных монументов В.И. Ленина и И.В.Сталина у начала канала Волга—Москва (1937). После создания этих монументов тема вождей станет основной в творчестве скульптора — лауреата двух Сталинских премий. Вершиной творчества⁵⁴ С.Д. Меркурова считается скульптурная композиция «Смерть вождя» мемориала в Горках Ленинских. Работа над ней заняла у него почти 20 лет, с 1927 по 1947 год. Поскольку тело Владимира Ильича Ленина изображено здесь С.Д. Меркуровым не в традиционной для европейца одежде, а покрытым, как полагают специалисты, буддийской тогой махатм, это дает возможность некоторым исследователям видеть в этом чуть ли не намек скульптора на причастность вождя мирового пролетариата к мистическому братству посвященных.

Непростым человеком среди членов «Единого Трудового Братства» был и Владимир Иванович Забрежнев (настоящая фамилия Федоров). Недоучившийся студент физико-математического факультета Петербургского университета, увлекавшийся анархизмом, он рано включился в революционную борьбу, был арестован и бежал за границу, где и вступил, в конце концов, в масонскую ложу Великого Востока Франции. После Октябрьской революции, как член ВКП(б), занимал ряд ответственных должностей, в том числе заместителя директора Государственного Эрмитажа, откуда и был перемещен в 1930 году в Институт мозга в качестве заместителя его директора. Большим увлечением В.И.Забрежнева были исследования в области гипнологии, что, вероятно, и сблизило его с Г.И. Бокием и А.В. Барченко. Расстрелян в 1939 году в Ленинграде.

Но вернемся к А.В. Барченко. Перейдя в 1925 году из Главнауки в ВСНХ, куда он был зачислен консультантом, и переселившись в Москву, А.В. Барченко продолжил здесь свои изыскания в области гелиодинамики и лекарственных растений. При помощи Г.И. Бокия им была организована секретная Нейроэнергетическая лаборатория для изучения парапсихологических феноменов, которая была вскоре передана в Московский энергетический институт, а с 1934 года находилась под крышей Всесоюзного института экспериментальной медицины. Деятельным сотрудником Нейроэнергетической лаборатории был химик Евгений Евгеньевич Гоппиус. Здесь же в качестве сотруд-

ницы лаборатории подвизалась и ученица А.В. Барченко Лидия Шишелова.

Кроме собственно научной работы и чтения лекций для сотрудников спецотдела, А.В. Барченко выступал в роли консультанта по парапсихологии и принимал участие в разработке метода дешифровки. Ходил он в это время в кожаной одежде и разъезжал на служебном «Паккарде», вследствие чего соседи по дому, где он жил, однозначно считали его крупным чекистом. Можно констатировать, что дела А.В. Барченко шли хорошо. Однако теория малых дел совсем не в духе А.В. Барченко. Как и всякому прожектору, ему непременно были нужны только великие дела, проекты, так сказать, глобального, вселенского масштаба. Фанатично уверовав в легендарную Шамбалу, А.В. Барченко рассчитывал обратить в свою веру и высшее руководство СССР. *«Я нерегистрированный коммунист», — утверждал А.В. Барченко (письмо к профессору Г.Ц. Цибикову от 24 марта 1928 года) и выражал чувство гордости тем, что именно его русский народ оказался впереди других народов в своей способности поднять знамя социальной революции. «Я отнюдь не настолько наивен, — отмечал он, — чтобы думать, что правящая партия в России, даже полностью убедившись в реальности и ценности Дюнхор, сразу повернет идеологический и политический руль на 180°, разорвет все отношения с Западом, займется тантрической и созерцательной тренировкой и все поиски коллективно приложимых источников энергии заменит путем индивидуального совершенствования до степени возбуждения в себе крестцового «Чакрам»». Но, предвидя неизбежность столкновения в будущем культур Востока и Запада, А.В. Барченко считал необходимым «посвятить идейных руководителей России в подлинную сущность того научного богатства, которым скрытно владеет Восток»⁵⁵.*

В начале 1936 года А.В. Барченко настойчиво просит Г.И. Бокия организовать ему встречу с наркомом обороны К.Е. Ворошиловым и председателем Совнаркома В.М. Молотовым. Однако Г.И. Бокий оказался куда умнее и на поводу у А.В. Барченко не пошел. Тогда тот обратился в том же году к своему старому другу, уже известному нам бывшему сотруднику ОГПУ Ф.К. Шварцу, подвизавшемуся в качестве фоторепортера «Союзфото» в Ленинграде. Шварц в просьбе не отказал, но личной встречи с К.Е. Ворошиловым добиться, естественно, не смог. Единственное, что ему удалось, так это передать тезисы доклада А.В. Барченко о «Дюнхор» адъютанту наркома. Дошел ли он до адресата — неизвестно.

Ровно через год, весной 1937 года, А.В. Барченко вновь вызывает Ф.К. Шварца в Москву и дает ему на этот раз еще более ответственное и опасное поручение — добиться личной встречи А.В. Барченко с самим И.В. Сталиным. На прием к вождю Ф.К. Шварц не попал, а вот внимание на себя компетентных

органов, несомненно, обратил. К сожалению, исследователи, констатирующие этот факт⁵⁶, явно уходят от его оценки. А зря, так как более неадекватного восприятия советской действительности, чем поведение А.В. Барченко, трудно себе представить. В отличие от него, советские вожди фанатиками отнюдь не были и прожектеров типа А.В. Барченко раскусить могли. С одним из советских руководителей, наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, А.В. Барченко уже пришлось столкнуться, как мы помним, в 1926 году. Однако впрямь этот случай не пошел.

Конечно же, было бы совсем неправильным делать вывод о личной ответственности А.В. Барченко за провал «Братства». В условиях той общеполитической ситуации, которая сложилась в Советском Союзе к 1937 году, «зачистка» НКВД, арест Г.И. Бокия как представителя «старой гвардии» большевиков, а следовательно, и всех, с кем он был тесно связан, в том числе и А.В. Барченко, были, можно сказать, запрограммированы. Однако отрицать, что действия А.В. Барченко носили явно неадекватный и даже опасный характер, как для него, так и для его окружения, не приходится.

Тем временем 16 мая 1937 года Г.И. Бокий был вызван к наркому внутренних дел Н.И. Ежову. Домой он уже не вернулся. Во время обыска, произведенного у Г.И. Бокия, чекисты обнаружили в его квартире немало странного, в том числе несколько десятков засушенных мужских половых органов, предназначенных, как надо полагать, для использования в магических целях⁵⁷.

Следствие по делу Г.И. Бокия было поручено вести комиссару государственной безопасности 2-го ранга Льву Николаевичу Бельскому (настоящее имя — Абрам Михайлович Левин, 1889—1941). Помогал ему старший лейтенант госбезопасности казах Али Кутебаров.

Первый допрос Г.И. Бокия состоялся 17—18 мая 1937 года. Ему было предъявлено обвинение в членстве в контрреволюционной масонской организации «Единое Трудовое Братство», шпионаже в пользу Англии и участии в антисоветском спиритическом кружке, на котором предсказывалось будущее. Свою «вину» Г.И. Бокий не отрицал. *«Мои расхождения с партией, — заявил он, — начались еще в 1918 г. с периода Брестского мира, когда я поддался мелкобуржуазным настроениям и вместе с Бухариным и другими левыми коммунистами пошел против Ленина. В силу выработавшихся у меня традиций я тогда подчинился партийной дисциплине, но, так как переубежден я не был, обстоятельство это оставило во мне неприятный осадок.*

Это неприятное чувство усилилось, когда меня с партийной работы помимо моего желания перебросили на работу в ЧК, и в особенности, когда из-за конфликта с Зиновьевым отозвали из Ленинграда в Москву, затем послали в Ташкент, откуда я также

вместе с другими членами Турккомиссии был отозван, вернее, снят с работы. К периоду профсоюзной дискуссии выросшая на почве изложенных выше неудач личная неудовлетворенность начала перерастать у меня в недовольство более общего порядка. В период дискуссии я стоял на позиции Ленина, но применявшиеся нами, на мой взгляд, демагогические методы борьбы отталкивали меня от нее и углубляли сложившееся у меня недовольство существующим положением. Неизгладимое впечатление произвели на меня Кронштадтские события. Я не мог примириться с мыслью, что те самые матросы, которые принимали участие в Октябрьских боях, восстали против партии и власти, и в поисках объяснения этого факта приходил к обвинению ЦК. При введении нэпа я, несмотря на образовавшийся у меня надрыв, не выступал против этого мероприятия партии. Нутром, однако, я воспринять нэп не мог и признал его только потому, что не видел другого исхода.

Обстоятельство это привело к углублению внутреннего разлада во мне, и я начал отходить от партийной жизни.

Дискуссию с Троцким 1923—1924 г. я воспринял уже по-партийному, и хотя не разделял взглядов Троцкого, но был против той, на мой взгляд, излишней страстности, которая применялась в полемике против него. Решающее влияние в дальнейшем имела смерть Ленина. Я видел в ней гибель Революции. Завещание Ленина, которое мне стало известно, не помню от кого, мешало мне воспринять Сталина как вождя партии, и я, не видя перспектив для Революции, ушел в мистику. К 1927—1928 г. я уже отошел от партии настолько далеко, что развернувшаяся в это время борьба с троцкистами и зиновьевцами прошла мимо меня, и я в ней никакого участия не принял. Углубляясь под влиянием Барченко все более и более в мистику, я в конце концов организовал с ним масонское сообщество и вступил на путь прямой контрреволюционной деятельности»⁵⁸.

Не отрицал Г.И. Бокий и своего масонства, заявив, что масоном он стал еще в 1909 году, вступив в некую розенкрейцеровскую ложу, среди членов которой, наряду с уже упоминавшимся нами скульптором С.Д. Меркуровым, был и покойный к тому времени известный академик-востоковед, занимавший с 1904 по 1929 год должность постоянного секретаря Академии наук С.Ф. Ольденбург (умер в 1934 году). Ввел его якобы в эту ложу сотрудник журнала «Русское богатство» П.В. Мокиевский. Достаточно подробно изложил Г.И. Бокий и историю возникновения «масонской ложи» в своем спецотделе ОГПУ. «До переезда в Москву в 1925 году, — показывал он, — у Барченко в Ленинграде произошел крупный конфликт с руководителями масонской организации, обвинявшими его в разглашении тайн ордена и грозившими ему уничтожением. Угроза эта от имени масонской организации была высказана ему в 1924 г. членом ордена академиком Ольденбургом. В связи с конфликтом с руководством организации Барченко отошел от ее ленинградского ядра и стал искать пути для не-

посредственной связи с высшим капитулом Шамбала-Дюнхор, объединяя вокруг себя различный масонствующий элемент. Таким образом и возникло наше мистическое сообщество, фактически самостоятельная ложа, ориентировавшаяся на непосредственную связь с высшим масонским капитулом Шамбала-Дюнхором. К какому ордену принадлежал до переезда из Ленинграда Барченко, я сказать затрудняюсь. Ввиду особых, конфликтных отношений Барченко с основным ядром масонской организации в Ленинграде никто из нас, группировавшихся вокруг Барченко в новой ложе, официального посвящения не прошел, и как не посвященным Барченко не мог рассказывать некоторых тайн ордена, к которому мы формально не принадлежали. По косвенным намекам Барченко и общим наблюдениям можно судить, что он посвящен в члены ордена розенкрейцеров. Говорю я это на основании того, что на розенкрейцеров Барченко определенно указывал как на орден, связанный с нашим центром Шамбала-Дюнхором. У Барченко в различного рода геометрических чертежах и многочисленных фотографических снимках предметов древности постоянно повторялись эмблемы Розы, Креста и Чаши, которые являются символами розенкрейцеров. В настоящее время Барченко обладает печатью с общемасонскими эмблемами — двойного треугольника с символически изображенными на его сторонах Солнцем, Луной и Чашей»⁵⁹.

Особый интерес проявили следователи к личности организатора и идейного руководителя кружка А.В. Барченко. Как и следовало ожидать, надеясь сохранить свою жизнь, Г.И. Бокий сразу же «сдал» его. «Я признаю, — заявил он, — что мне были известны факты, указывающие на шпионскую деятельность Барченко.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Почему же вы не приняли мер для ареста и привлечения Барченко к ответственности, а помогали ему продолжать свою шпионскую деятельность?

БОКИЙ: Я признаю, что наша ложа входила в состав общемасонской системы шпионажа. Я терпел такое положение, потому что, как я уже говорил, поставил интересы нашего ордена выше интересов партии и государства и, наблюдая проявления контрреволюционной шпионской деятельности, закрывал на них глаза, оправдывая их теми же интересами нашего ордена.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: С кем еще, кроме Владимирова, были связаны члены ложи по линии шпионажа?

БОКИЙ: Со слов Барченко, мне известно о связях нашего ордена с известным организатором английского шпионажа на Востоке, проживающим в настоящее время в Париже афганским принцем Ага-Ханом. Ага-Хан входит в состав ордена Шамбала-Дюнхор и непосредственно связан с центром. Кроме того, у Барченко существовала связь с Польшей, через члена нашего ордена Кондиайна. В частности, Барченко мне рассказывал в 1925 г. о том, что Кондиайном были получены «под видом наследства» деньги из Польши.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Дайте подробные показания, в чем заключалась шпионская деятельность Барченко.

БОКИЙ: Шпионская деятельность Барченко в основном заключалась в создании разветвленного аппарата шпионажа. Работа эта велась им в двух направлениях — организация шпионской сети на периферии и проникновение в руководящие советские и партийные круги. Последнее делалось с той целью, чтобы овладеть умами руководящих работников и, по примеру масонских организаций в капиталистических странах, в частности, во Франции, направлять деятельность правительства по своему усмотрению. Для насаждения сети на периферии Барченко использовал различные религиозно-мистические секты восточного происхождения. Для этой цели он постоянно предпринимал поездки в различные районы Союза, устанавливая связь с местными сектантскими организациями, встречался с закордонными эмиссарами. В 1926 г., когда он выезжал в Кострому для встречи с представителями нашего ордена Шамбала, который должен был прибыть из-за границы, он был задержан местным отделом ОГПУ. Я, однако, имея в виду интересы ордена, приказал его освободить. Кроме Костромы, как я уже показывал, он выезжал на Алтай, в Крым, Казань, Уфу и Самарскую губернию. Для того чтобы проникать в руководящие круги советских работников, Барченко старался заинтересовать отдельных лиц своими «научными исследованиями», их значением для обороны страны и т. п. Заинтересовав кого-либо научной стороной вопроса, он постепенно переходил к изложению своего учения о Шамбале и, опутав жертву паутиной мистики, использовал ее в целях шпионажа. Таким образом он в свое время обработал меня и проник в ОГПУ»⁶⁰.

Собственно, религиозно-мистическая сторона «Древней науки», в контакт с хранителями которой так наивно надеялся вступить Г.И. Бокий, следствие интересовала мало. Другое дело — персональный состав кружка, тем более что Г.И. Бокий, надеясь спастись, не думал, судя по всему, ничего в этом плане скрывать. «Кружок этот, — показывал он, — работал под руководством посвященного в его тайны Барченко. Входили в кружок сотрудники Спецотдела ВЧК/ОГПУ Гусев, Цибизов, Клеменко, Филиппов, Леонов, Гопиус, Плужнищев. Вскоре после организации мною кружка, однако, выяснилось, что привлеченные мною в него лица из числа сотрудников Спецотдела не подготовлены к восприятию тайн Древней Науки. В связи с этим кружок распался, и я привлек для изучения мистического учения Барченко новых лиц из числа своих старых товарищей по Горному институту. Эти лица впоследствии и составили наше масонствующее сообщество.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Кто, кроме вас, входил в состав этого сообщества?

БОКИЙ: Кроме меня и руководящего нашими занятиями Барченко, в состав нашей группы входили: Кастрыкин Михаил Лаврентьевич, Мионов Александр Владимирович, Москвин Иван Михайлович и Стомоняков Борис Спиридонович. Непродолжительное время в группу входил Александр Яковлевич Сосновский.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Какую связь вы поддерживали с этими лицами помимо кружка?

БОКИЙ: Все эти лица, как я уже показывал, являются моими старыми товарищами по Горному институту. Помимо собраний, на которых Барченко читал нам рефераты о своем мистическом учении, у нас были установлены традиционные встречи, так называемые «свидания друзей». Раз в 3 или 4 в году я, Стомяков, Кастрыкин, Миронов собирались у старой знакомой Алтаевой и проводили вместе 2–3 часа, после чего расходились, не встречаясь между собой до следующего раза.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: С какой целью вы производили эти сборища, что делали на них?

БОКИЙ: Мы собирались как старые друзья для того, чтобы просто провести время вместе. Никаких других задач мы не ставили»⁶¹.

Шокирующая откровенность показаний Г.И. Бокия во всем, что касалось его «братьев по ложе», органично сочеталась у него с чрезвычайной скупостью во всем, что касалось его личной роли во всем этом деле. «Прямых заданий по шпионажу от Барченко, — показывал он, — я не получал. Моя роль в этом деле выражалась в том, что, будучи увлечен мистикой Барченко, я пренебрегал интересами государства и помогал ему вести шпионскую работу, закрывая глаза на характер его деятельности и покрывая ее именем Спецотдела ОГПУ

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Это неверно. При занимаемой вами должности Барченко не мог не стремиться использовать вас в целях шпионажа более активно.

БОКИЙ: Причины сдержанности в этом отношении Барченко непонятны и для меня самого. Теперь, после обнаруженных под руководством наркома внутренних дел Ежова обстоятельств, я думаю, что шпионаж в органах ОГПУ—НКВД шел по другой линии. При самом активном использовании меня я не мог дать тех сведений, которые имели возможность давать другие арестованные лица, в частности Ягода. В связи с этим меня, очевидно, держали в резерве, не желая подвергать напрасно риску провала, сопряженного со всякой активной деятельностью, и довольствуясь тем общим содействием, которое я оказывал Барченко. К этому заключению меня приводит еще и следующее обстоятельство. Последние полтора-два года моя связь с Барченко значительно ослабела. Мы с ним не встречались, и он перестал обращаться ко мне с какими-либо просьбами и только после произведенных в последнее время арестов он, стараясь восстановить со мной прежнюю связь, вновь обратился ко мне с письмом. Полагаю, что здесь именно имеет место попытка включить меня в активный шпионаж, ввиду провала других линий.

СЛЕДОВАТЕЛЬ: Следствие вам не верит. Стараясь увести следствие от расследования связей шпионской деятельности, вы хотите направить его в другую сторону. Предлагаю вам дать откровенные показания о вашей шпионской работе.

БОКИЙ: К тому, что я уже показал, я больше ничего существенного добавить не могу»⁶².

Второй допрос Г.И. Бокия состоялся 15 августа 1937 года. На этот раз каких-либо иллюзий относительно своей участи Г.И. Бокий уже, видимо, не питал и «признался» в подготовке убийства И.В.Сталина, сотрудничестве с английской разведкой и даже в подготовке терактов с помощью взрывов на расстоянии (напомним, что этой проблемой в его спецотделе занимался Е.Е.Гоппиус).

Благодаря показаниям Г.И. Бокия следствие уже с первых своих шагов получило исчерпывающие сведения о личном составе «Единого Трудового Братства». Уже 22 мая 1937 года был арестован А.В. Барченко, 26 мая — Л.Н. Шишелова (Маркова), 7 июня — А.А. Кондияйн, 2 июля — К.Ф. Шварц, 8 июня — В.Н. Ковалев. Всем им были предъявлены стандартные обвинения в антисоветской деятельности и принадлежности к контрреволюционной организации. Такая же участь постигла в начале июня 1937 года и высокопоставленных друзей Г.И. Бокия: зам. наркома иностранных дел Бориса Спиридоновича Стомонякова и Ивана Михайловича Москвина⁶³, занимавшего во второй половине 20-х — начале 30-х годов ряд важных должностей в ЦК ВКП(б) и его секретариате, хотя напрямую их арест и не был связан с делом А.В. Барченко и Г.И. Бокия.

В ходе следствия чекистами была сфабрикована версия о существовании некоей заговорщически-конспиративной организации восточных масонов-мистиков под названием «Великое братство Азии», играющей роль «высшего масонского капитула», с которым связаны все масонские ордена на Востоке. Основная задача этого центра заключалась якобы в том, чтобы подчинить своему влиянию коммунистическое руководство СССР. В то же время, подчеркивалось в обвинительном заключении, не брезговала эта организация, или, вернее, ее филиал во главе с А.В. Барченко, и шпионско-террористической деятельностью в пользу Англии. Одним из эпизодов ее якобы должна была стать организация по разработанному К.Ф. Шварцем и А.А. Кондияйном плану покушения на И.В. Сталина во время его отдыха на озере Рика.

Вот на это мифическое «Великое братство Азии», или вернее, его представителей монгола Хаяна Хирву и тибетца Нага Навена, от которых он получал инструкции, якобы и «работал» А.В. Барченко.

Надо сказать, что сам он в своих показаниях отчасти подыгрывал в этом отношении следствию. *«Под общим названием «Великое братство Азии», — отмечал он в своих показаниях от 10 июня 1937 года, — объединяются все мистические течения Востока — Центральной, Средней и Передней Азии, в которую входят различные монголо-тибетские братства, мусульманские секты, некоторые дервишские ордена Азии и отчасти Африки, в это братство*

входят парматы и хасиды, а также русские секты, известные под названием «бегуны», «подтольники», «голбешники». В 1923 году в городе Ленинграде я встречался с представителями ВБА Хаяном Хирвой и Нага Навеном.

Нага Навен осведомил меня, что он прибыл для личного свидания с представителями советского правительства, чтобы добиться сближения Западного Тибета с СССР. Он сказал, что Далай-лама все больше сближается в Восточном Тибете с англичанами, а население и ламство Западного Тибета против союза с англичанами, что вследствие этого ламство массами эмигрирует во Внутреннюю Монголию и далее в Улан-Батор, что духовный глава Тибета Панчен-Богдо также обнаруживает оппозицию Далай-ламе и что в связи с этим создаются исключительные возможности для установления самых тесных отношений как политических, так и культурных между СССР и Западным Тибетом, через Южную Монголию.

Нага Навен указал, что политическую сторону этого вопроса он надеется осветить советскому правительству и Коминтерну через Чичерина. Далее Нага Навен сообщил мне ряд сведений о Шамбале как о хранилище опыта доисторической культуры и центре «Великого Братства Азии», объединившего теснейшим образом связанные между собой мистические течения Азии. Нага Навен обнаруживал широкую осведомленность во всех вопросах мистических учений, меня интересовавших. Он вырос в моих глазах в совершенно исключительный авторитет «Великого Братства Азии». С этой встречи с Нага Навеном созданное мною «Единое Трудовое Братство» включилось в связь с «Великим Братством Азии» и дополнялось его филиалом. Из совещаний с Нага Навеном я получил от последнего санкцию на сообщение большевикам моих мистических изысканий в области «древней науки» через специально созданную группу коммунистов и на установление контактов советского правительства с Шамбалой. От Нага Навена я получил также указания на желательность созыва в Москве съезда мистических объединений Востока и на возможность этим путем координировать шаги Коминтерна с тактикой выступлений всех мистических явлений Востока, которыми, в частности, являются гандаизм в Индии, шейхизм в Азии и Африке. Продвижение вопроса о Шамбале большевикам, по словам Нага Навена, будет способствовать самому глубокому изменению отношений между СССР и Востоком. Именно на такое изменение отношений со всем Востоком, в результате сближения с СССР и Западным Тибетом он, Нага Навен, готовится обратить внимание Чичерина, и если удастся, то и Коминтерна. Таким образом представитель «Великого Братства Азии» Нага Навен в моем лице указывал «Единую Трудовую Братству» путь внедрения связи с ответственными представителями советского правительства и Коминтерна, с тем чтобы ориентировать их в осуществлении революционной пропаганды и руководства национально-освободительными движениями на револю-

ционные силы и добиться этим путем изменения политического курса и прорыва революционной базы на Восток.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы встретились с представителем «Великого Братства Азии» Хаяном Хирвой и как поддерживали с ним связи?

Ответ: Хаян Хирва явился ко мне в квартиру в Ленинграде, где я жил совместно с Кондиайном, и сообщил, что обо мне, как о разрабатывающем систему Дюнхор, он узнал от лам в дацане. О себе заявил, что хотя сам не является авторитетом в этой системе, но имеет о ней конкретное представление. Впоследствии он встретился со мной в Москве и там связался с Нага Навеном. В Москве Хаян Хирва разыскал мой адрес в Главнауке, где я тогда в конце 1923 года работал. В 1926 году, когда Королев поехал в командировку в Улан-Батор, я через него пытался установить связи с Хаяном Хирвой, через последнего с Нага Навеном, прибывшим, как мне сообщили ламы, во Внутреннюю Монголию. С Королевым было направлено письмо. Он был снабжен также мною листом, на котором были изображены некоторые символы, в том числе розенкрейцеровская роза с крестом для предъявления Хаяну в доказательство того, что Королев является моим представителем»⁶⁴.

На вопрос следователя о том, каким же все-таки образом реализовывал он указания представителя «Великого Братства Азии» Нага Навена, А.В. Барченко отвечал, что через Г.И. Бокия, с которым он связался в конце 1924 года при помощи К.К. Владимирова и К.Ф. Лейсмейера. «В ходе общения с Бокием, — заявил он, — я привлек его интерес к мистической теории Дюнхор и установлению контакта с Шамбалой, с тем, чтобы продвигать эти вопросы в Политбюро ЦК ВКП(б) в соответствии с контрреволюционными задачами, поставленными Нага Навеном. Внешне эти свои шаги я обосновывал тем, что контакт с Шамбалой способен вывести человечество из кровавого тупика безумия, той ожесточенной борьбы, в которой оно безнадежно тонет. Во главе с Бокием и вокруг него с моим участием создавалась группа братства, которая затем стала осуществлять функцию высшего совета «Единого Трудового Братства». Группа создавалась на основе указаний Нага Навена, а затем уже упоминавшегося Круглова, что изучение мистических теорий «древней науки» допустимо либо в порядке прямого, преемственного посвящения в степень ученика и брата, либо в порядке сообщения знаний правомочному коллективу, и что к этому изучению могут быть привлечены лишь лица, достигшие 45-летнего возраста. Какого-либо индивидуального посвящения члены группы не проходили, поскольку братству были чужды всякого рода ритуальные посвящения. Группа была организована в порядке 2-го типа приема членов братства. Группа была создана в Москве на условиях полной конспирации. Я обязался перед группой, что все мои связи будут контролироваться ею, в том числе подыскание учеников братства хотя бы только для этического воспитания. В этот же период я дал члену Совета братства Кондиайну,

который находился в Ленинграде, указание вести работу в Ленинграде по вовлечению в братство ряда профессоров (Парчук, Кашкадамов, Никитин, Ризен), ознакомить их с уставом, правилами и требником, с тем чтобы после они прибыли ко мне для получения ученического посвящения, заключавшегося в разъяснении обязанностей ученика братства. Ученичество, как я уже показывал, имело целью приобщение в дальнейшем ученика к работе братства в полном объеме»⁶⁵.

В сентябре 1937 года следствие было закончено, обвинительное заключение подписано, и начались расстрелы. Первым по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР (ст.58, п.6, 8 и 11 УК РСФСР) расстреляли 9 сентября 1937 года А.А. Кондяйна, обвиненного в том, что он якобы был организатором и руководителем ленинградского отделения ордена розенкрейцеров и принимал участие в подготовке теракта против И.В. Сталина. Что касается проходивших с ним по делу других «розенкрейцеров» — сотрудника Института мозга профессора В.П. Кашкадамова, А.К. Борсука, К.И. Поварнина и Л.Л. Васильева, то их дело было выделено в отдельное производство, обнаружить которое исследователям до сих пор так и не удалось. Известно лишь, что В.П. Кашкадамов работал в последние годы жизни в педагогическом техникуме в Ленинграде. Умер он в январе 1941 года⁶⁶.

В сентябре 1937 года был расстрелян бывший чекист К.Ф. Лейсмейер-Шварц, 26 декабря — В.Н. Королев, 15 ноября — Г.И. Бокий, 21 ноября — И.М. Москвин, 30 декабря — Л.Н. Шишелова (Маркова).

Пострадали и жены «врагов народа»: Э.М. Кондяйн и О.П. Барченко, которые получили по 8 лет концлагерей. Еще более сурово обошлось Особое совещание с женой И.М. Москвина — Софьей Александровной, дочерью обрусевшего француза Александра Доллера и еврейки-народоволки Софьи Наумовны Шехтер. Надо сказать, что И.М. Москвин был не первым мужем Софьи Александровны. До 1923 года она была замужем за его другом Г.И. Бокием, от которого имела двух дочерей. Одна из них, Оксана Бокий, вышла замуж за будущего писателя Льва Разгона (это была его первая жена). Живя в первые годы после женитьбы в семье Москвиных, он хорошо знал героев этой истории и оставил о них весьма колоритные воспоминания, о которых у нас уже шла речь. Несмотря на развод, отношения между Софьей Александровной и ее бывшим супругом были самые хорошие и Г.И. Бокий был своим человеком в семье Москвиных.

Арестовали Софью Александровну 14 июня 1937 года. Обвинение, предъявленное ей, было несколько иного рода, нежели ее мужу, — подготовка террористического акта в отношении секретаря ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова и шпионаж в пользу Японии. Непосредственным исполнителем этого акта должен был стать

известный в то время врач, лечивший методами традиционной тибетской медицины, Николай Николаевич Бадмаев, племянник известного до революции целителя Петра Александровича Бадмаева (Жамсаран Бадмаев)⁶⁷. Но и Софья Александровна, оказывается, не была, по версии следователей, самостоятельна, а действовала по указанию бывшего меньшевика А.М. Арнольдова, связанного, в свою очередь, с «Троцкистским параллельным центром». Задание отравить Н.И. Ежова она якобы получила от него еще в 1932 году⁶⁸. 25 декабря 1937 года следствие по делу С.А. Москвиной-Бокий было закончено, а 8 февраля 1938 года она была расстреляна⁶⁹. В этом же месяце решилась и судьба А.В. Барченко. Смертный приговор ему был вынесен Военной коллегией Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха 25 апреля 1938 года⁷⁰.

Несмотря на трагический конец жизненного пути А.В. Барченко, неожиданным его назвать трудно. Слишком уж плотно был окружен «незарегистрированный коммунист» чекистами. Очень уж легко принял он навязанные ими правила игры, вплоть до кожанки и служебного «Паккарда», на котором разъезжал по улицам Москвы, пугая обывателей. И естественно, что, когда протезировавших ему чекистов «первого призыва» стали потихоньку расстреливать, дошла очередь и до него.

Так кем же он был на самом деле, доктор А.В. Барченко? Крупным ученым, мечтателем, не понятым современниками и ставшим невинной жертвой «тоталитарного режима», каким его подают современные исследователи (О.А. Шишкин, А.И. Андреев)? Или все-таки удачливым (до поры до времени) авантюристом, сумевшим-таки заинтересовать своими прожектами таких серьезных людей, как Г.И. Бокий и Я.С. Агранов? Как ни огорчительно это прозвучит для поклонников таланта А.В. Барченко, автор этих строк склоняется все же ко второму варианту, и вот почему.

Ключевую роль в судьбе А.В. Барченко сыграла, как известно, его встреча с чекистом Г.И. Бокием в 1925 году. Организовали ее ленинградские чекисты, друзья А.В. Барченко. В том же 1925 году произошло знакомство Г.И. Бокия и Я.С. Агранова с еще одним оккультистом, вызванным ими из Ленинграда в Москву, — Б.В. Кириченко-Астромовым. За ним также стояли чекисты, в частности С.В. Палисадов (Полисадов). И тот, и другой соблазняли в приемной ОГПУ в Москве Г.И. Бокия и Я.С. Агранова радужными перспективами, которые якобы сулило им использование масонства в интересах Советского государства. Правда, Б.В. Кириченко-Астромов акцент делал на политические и идеологические выгоды, а «доктор» А.В. Барченко упирал на «науку». И тот, и другой были внимательно выслушаны высокопоставленными чекистами и обласканы ими. Однако выбор, в конце концов, был сделан ими в пользу А.В. Барченко. Б.В. Кириченко-Астромова же, после шести месяцев «работы» с

ним, посадили в начале 1926 года за решетку. Очевидно, что респектабельный «доктор» А.В. Барченко показался Г.И. Бокию куда более деловой и солидной фигурой, чем импульсивный и взбалмошный Б.В. Кириченко-Астромов. К тому же стоит напомнить, что А.В. Барченко выдавал себя за ученого и апеллировал к науке (парапсихология, чтение мыслей, организация взрывов на расстоянии и, наконец, контакты с «Учителями человечества»). Б.В. Кириченко-Астромову же предьявить чекистам в этом плане было нечего. Отсюда и результат.

Однако ученым, тем более крупным недоучивший студент-медик А.В. Барченко едва ли все-таки может считаться. Более того, даже в той отрасли оккультного знания, которой, очевидно, он овладел, А.В. Барченко, как это показал А.И. Андреев, не был оригинален и всецело следовал за А. Сент-Ив д'Альвейдра и другими западными оккультистами⁷¹. Другое дело — фанатизм и неумная энергия в распространении своего учения и вербовке его адептов. Здесь, как представляется, А.В. Барченко был несомненно на коне. Но именно этими качествами, не стоит забывать, как раз всегда и отличались прожектеры-авантюристы всех времен и народов. Уж они-то всегда знали и знают, как спасти человечество, и всегда готовы послужить своим знанием сильным мира сего. За некоторую мзду, конечно, в виде хорошо оплачиваемых должностей, спецлабораторий, служебных «Паккардов» и доступа в ведомственные распределители.

Характерны в этом плане настойчивые попытки А.В. Барченко добиться личной встречи с И.В. Сталиным, чтобы открыть ему глаза на перспективы овладения большевиками «Древней наукой» с его, А.В. Барченко, помощью, конечно. На эту же роль «советчика-консультанта» Генерального секретаря ЦК ВКП(б) претендовал, как мы знаем, в 1926 году в своем письме на имя И.В. Сталина и Б.В. Кириченко-Астромов. Можно поэтому сказать, что по большому счету и А.В. Барченко, и Б.В. Кириченко-Астромов — птицы одного полета.

Стоит, видимо, упомянуть, что вскоре после этого пристальный интерес к Тибету проявляют в 1930-е годы нацистские спецслужбы, организовавшие туда три экспедиции СС под личным патронажем Гимmlера и Розенберга⁷². Никаких Учителей, не говоря уже о входе во «внутреннюю полость Земли», они, конечно же, не обнаружили. Не нашел их и Н.К. Рерих, которому помогал спецотдел Г.И. Бокия, хотя он и утверждал, что его экспедиция, как никто другой, была близка к цели. Но это уже несколько другая история.

Примечания

- ¹ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 6–8.
- ² Барченко А.В. Из мрака. М., 1991.
- ³ Красная газета. 1923. 28 февраля. Веч. выпуск.
- ⁴ Федоров Н.Ф. О полярной столице России // Федоров Н.Ф. Собр. соч. в 4-х томах. Т.3. М., 1997. С. 383–385.
- ⁵ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 111.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 110.
- ⁸ Там же. С. 112.
- ⁹ Мистики XX века. Энциклопедия. М., 2001. С. 164–180.
- ¹⁰ Ровнер А. Гурджиев и Успенский. М., 2002. С. 221–245.
- ¹¹ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 99.
- ¹² Там же. С. 99.
- ¹³ Там же. С. 96–98.
- ¹⁴ Протокол № 2 от 10 июня 1937 года допроса Барченко Александра Васильевича // Шишкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 367.
- ¹⁵ Там же. С. 367.
- ¹⁶ Памятка для членов ЕТБ // Шишкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 307–308.
- ¹⁷ Там же. С. 309–310.
- ¹⁸ Там же. С. 310–311.
- ¹⁹ Там же. С. 311–312.
- ²⁰ Там же. С. 312–313.
- ²¹ Там же. С. 313–314.
- ²² Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 64.
- ²³ Шишкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 129–130.
- ²⁴ Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17–18 мая 1937 // Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 210–211.

- ²⁵ Бережков В.И. Испытания чекиста Бокия. СПб., 1999.
- ²⁶ Разгон Л. Непридуманное. Повесть в рассказах. М., 1989. С. 29.
- ²⁷ Соболева Т. История шифровального дела в России. М., 2002. С. 408.
- ²⁸ Агабеков Г.С. Секретный террор. М., 1996. С. 13–14.
- ²⁹ Грекова Т.И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 187–188.
- ³⁰ Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. СПб.; Прага; Самара, 1997. С. 244–245.
- ³¹ Там же. С. 369.
- ³² Там же. С. 370.
- ³³ Там же. С. 362.
- ³⁴ Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 41.
- ³⁵ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 152.
- ³⁶ Там же. С. 189.
- ³⁷ Виноградов Алексей. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 190.
- ³⁸ Шишкин О. Н.К. Рерих: «Не счесть алмазов в каменных пещерах» // Сегодня. 19 ноября 1994 г. См. также его статью «Н.К. Рерих в объездах наглого монстра» в этой же газете за 29 октября 1994 г.
- ³⁹ Защитим имя и наследие Рерихов. Документы. Публикации в прессе. Очерки. Т.1, М., 2001. С. 514.
- ⁴⁰ Ольга Старовойтова. Обвинение брошено: суперагент Коминтерна. Где доказательства? // Защитим имя и наследие Рерихов. Документы. Публикации в прессе. Очерки. Т.1, М., 2001. С. 509–512.
- ⁴¹ Защитим имя и наследие Рерихов. Документы. Публикации в прессе. Т.1–2., М., 2001.
- ⁴² Виноградов Алексей. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 191.
- ⁴³ Росов В.А. Николай Рерих — вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. М., 2002; Он же. Маньчжурская экспедиция Н.К. Рериха в поисках «новой страны» // Ариаварта. 1999. № 3; Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 17–18.
- ⁴⁴ Декроа Н. Тибетские странствия полковника Кордашевского. СПб., 1990. С. 217.
- ⁴⁵ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 17–18.
- ⁴⁶ Шамбала — это не миф. Сост. Н.Е.Ковалева. М., 2002. С. 354.
- ⁴⁷ Там же. С. 191–192.
- ⁴⁸ Беликов П.Ф. Н.К. Рерих: опыт духовной биографии. Новосибирск, 1994. С. 287.

- ⁴⁹ Допрос А.В. Барченко от 10 июня 1937 г. // Шишкин О.А. Битва за Гималаи. М., 1999. С. 374.
- ⁵⁰ Там же. С. 375.
- ⁵¹ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 155.
- ⁵² Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17–18 мая 1937 // Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 214–215.
- ⁵³ Меркуров С.Д. Записки скульптора. М., 1953.
- ⁵⁴ Меркуров С.Д. Монумент И.В. Сталина. Ереван. Фотоальбом. М., 1952; Он же. Избранные произведения. Альбом. М., 1958.
- ⁵⁵ А.В. Барченко — Г.Ц.Цибикову. 24 марта 1928 года // Шишкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 350.
- ⁵⁶ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 175–176.
- ⁵⁷ Грекова Т.И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 224.
- ⁵⁸ Из протокола допроса Г.И. Бокия от 17–18 мая 1937 // Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 209–210.
- ⁵⁹ Там же. С. 213–214.
- ⁶⁰ Там же. С. 217–218.
- ⁶¹ Там же. С. 212.
- ⁶² Там же. С. 219–220.
- ⁶³ О И.М. Москвине см.: Разгон Л. Непридуманное. Повесть в рассказах. М., 1989. С. 8–9.
- ⁶⁴ Протокол № 2 от 10 июня 1937 года допроса Барченко Александра Васильевича // Шишкин О.А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М., 1999. С. 368–370.
- ⁶⁵ Там же. С. 370–371.
- ⁶⁶ Грекова Т.И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 233.
- ⁶⁷ Гусев Б.С. Петр Бадмаев: крестник императора, целитель, дипломат. М., 2000.
- ⁶⁸ Материалы из следственного дела по обвинению Бокий-Москвиной С.А. // Грекова Т. И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 354–358.
- ⁶⁹ Грекова Т.И. Тибетский лекарь кремлевских вождей. М., 2002. С. 202.
- ⁷⁰ Андреев А.И. Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России. М., 2002. С. 181.
- ⁷¹ Там же. С. 121–125.
- ⁷² Демиденко М.И. По следам СС в Тибете. СПб., 2003. С. 228–295.

МАСОНЫ И МАСОНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Масоны и их роль в современной России. Казалось бы, вот тема, мимо которой не должен равнодушно пройти ни один исследователь масонства. Однако на самом деле мы зачастую наблюдаем совсем другую картину: современным масонством интересуются, как правило, его критики, в то время как представители либеральной историографии стараются это явление не замечать. Характерен в этом плане московский историк Дмитрий Харитонович из Института всеобщей истории Академии наук РАН. С 1991 года, пишет он, «ходят слухи о создании неких лож в России, о возникновении то ли в 1994-м, то ли в 1996-м году регулярного российского масонства. Эти сведения автору настоящих строк, — отмечает он в своей книге, — подтвердил один его коллега, настаивавший, что в оных ложах категорически запрещено обсуждать религиозные и политические темы. Что там происходит (если происходит), я, не являясь «свободным каменщиком», не знаю», — заключает Д.Э. Харитонович¹.

А между тем, для того чтобы «просветиться» на сей счет, стоило бы Д.Э. Харитоновичу полистать подшивки российских газет и журналов за 1990-е годы.

«Большой кабинет окнами на Садовое кольцо. Общественная организация, арендующая помещение в правительственной контро. Отмечается день рождения видного журналиста. Среди гостей — зам. министра, руководитель Информагентства, солисты Большого театра, полковники (один из Минобороны, остальные из штабов частей), коллеги-журналисты. Хорошая компания, объединенная, казалось бы, случаем — общим знакомством с виновником торжества; возвышенные речи, подарки со значением, завязывание новых связей... И вдруг замечаешь на пальцах одного из присутствующих масонский перстень, в петличке пиджака другого — масонский значок. А тихий гуманитарий-доцент в очках оказывается поразительно похожим на Великого мастера, мелькнувшего инкогнито на телеэкране. Так вот, какие они, масоны, вот их сфера действия — частная жизнь, совместные трапезы, полезные знакомства, вневедомственные коммуникации. Настраивание на один общий духовно-моральный камертон»², — таким солидным и респектабельным предстает перед нами современное русское масонство со страниц демократических изданий.

Конечно же, было бы верхом наивности думать, что Д.Э. Харитонович не читает прессы. Газеты он, во всяком случае, демо-

кратические, безусловно читает. А вот распространяться на тему происков современных российских масонов из присущего ему чувства осторожности явно не хочет.

Эта же осторожность присуща и другому современному русскому исследователю О.Ф. Соловьеву.

«Если говорить серьезно, — пишет О.Ф. Соловьев, — то до конца 1980-х годов масонов в СССР вообще не водилось; центры ордена ничего не предпринимали для насаждения лож». С этим можно было бы согласиться, если бы мы ничего не знали ни о масонских ложах в Советской России в 1920–1930-х гг., ни о судьбе тех масонов, дореволюционного, так сказать, призыва, которые остались после 1917 года в СССР, причем, как выясняется, далеко не все из них пострадали при новой власти.

Так, видный масон, один из авторов устава Великого Востока народов России, активный участник событий Февральской (26 февраля он был вызван в Таврический дворец для формирования штаба восстания, сразу же принял на себя руководство боевыми действиями в городе и был кооптирован в исполком Петросовета) и Октябрьской революций 1917 года бывший полковник Генштаба С.Д. Масловский (Мстиславский) не только не подвергся в 1930-е гг. каким-либо репрессиям, но, напротив, при своем весьма скромном литературном таланте снискал завидную славу крупного советского писателя, автора таких популярных тогда книг, как «Крыша мира» (М., 1925), «Союз тяжелой кавалерии» (М.; Л., 1929), «Откровенные рассказы полковника Платова» (М., 1935) и др. Особенно большой популярностью пользовалась напечатанная им в 1937 г. повесть «Грач, птица весенняя» о революционере-большевике Н.Э. Баумане.

В 1938 г. решением ЦК ВКП(б) С.Д. Масловский, известный теперь уже как Мстиславский был назначен официальным биографом Председателя Совнаркома СССР В.М. Молотова. Все эти годы, когда других его коллег по эсеровской партии отправляли в концлагеря, С.Д. Мстиславский спокойно сидел у себя на даче под Москвой, писал книги и руководил творческой кафедрой в Литературном институте Союза писателей СССР. Умер он 22 апреля 1943 г. в эвакуации в Иркутске.

Благополучно закончил в 1946 г. свой жизненный путь в должности директора Института физической культуры им. Лесгафта в Ленинграде и другой видный масон (ложа «Заря Петербурга») бывший народоволец Николай Александрович Морозов (1854–1946). Персональную пенсию от Совнаркома СССР получал вплоть до конца своих дней (1937) и один из руководителей Великого Востока народов России князь С.Д. Урусов.

Его коллега Ю.В. Ломоносов выполнял важные дипломатические поручения. А.И. Браудо до самой смерти в 1924 г. оставался вице-директором Публичной библиотеки в Петрограде. Н.Н. Кутлер, бывший при царе товарищем министра финансов, состоял членом коллегии Наркомата финансов. А.А. Булат в

1940—1941 гг. заведовал юридическим отделом Верховного Совета Литовской ССР. Л.В.Писаржевский до 1938 г. возглавлял Институт физической химии АН УССР. Значительные должности занимали при Советской власти и такие известные масоны, как А.А. Мануйлов (бывший ректор Московского университета), М.И. Скобелев, П.Н. Малянтович и другие.

Конечно же, не все масоны смогли так хорошо устроиться при Советской власти, как это удалось С.Д. Масловскому, С.Д. Урусову и Н.А. Морозову. Показательной в этом плане следует признать судьбу бывшего генерального секретаря Верховного совета Великого Востока народов России Н.В. Некрасова, расстрелянного чекистами в 1940 г. Трагически сложились в 1930-е гг. и судьбы некоторых других масонов. И тем не менее очевидно, что многие из оставшихся после 1917 г. в СССР масонов сумели уцелеть в годы лихолетья. *«Почему нельзя вскрыть это движение? — отмечала в октябре 1955 г. Е.Д. Кускова в письме на имя Н.В. Вольского (Валентинова). — Потому, что в России не все члены его умерли»⁴. Однако погоды отдельные члены ордена, проживавшие в СССР, конечно же, не делали, тем более что, как совершенно справедливо пишет А.Е. Виноградов, о продолжении ими масонской деятельности нам ничего не известно, хотя «учитывая их связи с бывшими братьями за рубежом, ее нельзя исключать»⁵.*

Что же касается реально существовавших масонских структур в Советской России, то это все-таки были ложи или мастерские, как теперь говорят, «неправильные», то есть официально не признанные ведущими масонскими центрами Запада. И не потому что они этого не заслуживали. Масонскому патронажу из-за границы над интеллигентскими кружками и группами в Советской России препятствовало, и весьма эффективно, само государство в лице ОГПУ — НКВД — КГБ СССР. Да и существование таких кружков было вне закона, и члены их, как мы уже тоже знаем, подвергались жестоким репрессиям. Предпринятые же руководителями ряда масонских кружков 1920-х годов попытки налаживания диалога с властью с предложением своих услуг по «перемагничиванию» российской интеллигенции на сторону большевиков не увенчались успехом. Не помогло и непосредственное обращение одного из руководителей ленинградских масонов того времени Б.В. Кириченко (Астромова) к И.В.Сталину (1926)⁶. В масонских и околomasонских кругах и по сей день сохраняется легенда, что якобы, узнав о просьбе «братьев» разрешить им работать на благо государства рабочих и крестьян, вождь тут же распорядился принести ему список «красных масонов», после чего больше их уже никто не видел⁷.

Не жаловали масонов и последующие советские руководители. *«Спрашиваю Великого магистра Великой ложи Великого Востока (Жан Пьера Рагаша. — Б.В.), — пишет корреспондент «Правды» во Франции Владимир Большаков, — почему масоны на заре советской власти разошлись с ней? Он отвечает: — Дело в*

том, что антимасонство было вмонтировано в саму идею советской системы, которая терпеть не могла рядом с собой какой-либо организации, не зависящей от тоталитарного государства и действующей абсолютно свободно. Когда в свое время у Хрущева спросили, нельзя ли будет восстановить в России масонство, он сказал: «Я не намерен запускать вшей себе под рубаху!»⁸

Однако помимо масонства внутреннего существовало у нас на протяжении почти всей советской истории еще и масонство эмигрантское. И если советские масоны, лишенные связи с зарубежными масонскими центрами вынуждены были вариться в собственном соку, то эмигрантские ложи полностью направлялись и контролировались зарубежными «братьями». Конечно, сами масоны ничего предосудительного в этом тогда не видели, да едва ли видят и теперь. Однако непредвзятый взгляд на проблему позволяет усомниться в корректности такой позиции. «Подлинная политика Западной Европы, — писал еще в 1904 г. на страницах закрытого масонского журнала «Акация» его редактор, известный в то время прогрессивный журналист Ш.Лимузен, — должна бы состоять в расчленении этого колосса, пока он еще не стал слишком опасным. Следовало бы использовать возможную революцию для восстановления Польши в качестве защитного вала Европы, а остальную часть России разделить на три или четыре государства»⁹. «Конечно, — комментирует этот примечательный опус современный исследователь О.Ф. Соловьев, — в приведенных строках нетрудно обнаружить зримые черты генезиса заговора масонов против России. Бесспорно, здесь проявились важные подходы некоторых влиятельных кругов Запада, причем не только Паризжа, но и Лондона». Однако преувеличивать значение масонских планов расчленения России, по его мнению, все же не стоит, так как основные параметры курса западных демократий определялись все же с учетом той роли, которая отводилась царизму, как мощному противовесу против Германии. Вариант расчленения России отработывался ими, по его мнению, про запас, на всякий случай и по-настоящему был задействован только после Октябрьской революции 1917 г.¹⁰ Во исполнение его 23 декабря 1917 г. было подписано англо-французское соглашение о разделе России на сферы влияния западных держав. Суть его заключалась в курсе на расчленение страны при пособничестве антисоветских сил внутри России¹¹. Фактически это означало, что старый масонский план 1904 г. получал, таким образом, реальный шанс воплотиться наконец в жизнь. Что же касается наших «братьев-масонов», оказавшихся в марте 1917 г. у власти, то им в рамках реализации этого откровенно антирусского проекта отводилась незавидная роль подручных ведущих западных масонских центров.

После февраля 1917 года французские «братья» направили масонскому Временному правительству официальное поздравление, ясно указывающее на то, что свержение самодержавия в

России и было подлинной целью масонской политики по отношению к России.

Немало сил и энергии приложили французские масоны в смысле воздействия на Временное правительство, чтобы не допустить выхода России из войны. Во внутренней же его политике они всецело поддерживали левый масонский курс Временного правительства на соглашение с социалистическими партиями. Чем это закончилось — хорошо известно. Неоднозначным было вследствие этого и отношение французских масонов к большевистскому перевороту, в котором они увидели интересный социальный эксперимент, своего рода продолжение их собственного исторического опыта.

Несмотря на участие Франции в интервенции против Советской Республики, в ее масонских кругах было в то же время немало лиц, откровенно сочувствующих РСФСР.

8 декабря 1919 года парижская ложа Эффор даже провела собрание с докладом, носившим характерное название «Эволюция? Революция? Большевизм?». Подготовил доклад член Совета Великого Востока «брат» Лан. 21 декабря 1919 г. масонский конвент циркуляром совета предложил братствам изучать доктрины и методы большевиков в сопоставлении с идеалами Французской революции XVIII века. В списке рекомендуемой литературы — работы В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина на французском языке. А 30 марта 1920 года Великий Восток призвал ложи *«высказаться в связи с возникновением пролетарских республик в Восточной Европе и тем отношениям, которые должна была теперь установить с ними Франция»*.

Что же касается русских масонов-эмигрантов, то им предлагалось *«вступать в братства системы Великой ложи Франции, связанной с Верховным советом Франции, причем начинать с первой степени ученика. Керенский, Чхеидзе, Гальперн оскорбились и не легализовали свое масонство. Другие же подчинились и основали в Париже капитул «Астрей»*. Малочисленные русские ложи появились в Германии, Сербии, Чехословакии, Египте. Международная конференция федерации верховных советов в Лозанне (1922) дала санкцию на легализацию эмигрантских ассоциаций, поручив Верховному совету Франции наблюдение за ними»¹².

Первая русская эмигрантская ложа — Астрей (досточтимый мастер Ф.Ф. Макшеев) юрисдикции Великой ложи Франции была учреждена здесь еще в 1922 г.¹³ Активно работал с эмигрантами и другой масонский союз — Великий Восток Франции. Им были открыты ложи: «Северное Сияние» (1925), «Свободная Россия» (1931) и др. В 1928 г. общее число русских масонов во Франции превысило 400 человек. Около 100 русских масонов подвизалось в это время в ложах других стран Европы: Англии, Германии, Югославии¹⁴. Главным объектом внимания «братств-масонов» была все эти годы Советская Россия. 2 декабря 1936 года известный масон Александр Давыдов (1881–1955) — второе после

Л.Д. Кандаурова лицо в русском зарубежном масонстве — даже выдвинул план воссоздания масонства на территории СССР. Основная тяжесть этой работы должна была пасть на Ю.К. Терапиано (1892—1980), которого в этой связи предполагалось посвятить в 33-ю степень и переправить на территорию СССР¹⁵.

Однако все попытки забросить масонские сети на территорию СССР успехом не увенчались, и в конце концов русским «братьям» досталась незавидная роль своеобразного масонского резерва с тем, чтобы в нужный момент они могли бы *«возглавить любое идейное течение будущей России»* (из письма председателя специального русского совета 33 градуса шотландского обряда Л. де Гойера Великому командору Верховного Совета Франции Ж. Раймону от 10 декабря 1955)¹⁶. Тем временем ожидание этого «нужного момента» растянулось на многие десятилетия. Для русских масонов это имело самые катастрофические последствия: старые «братья» один за одним уходили на «Восток вечный»; новое же пополнение лож практически отсутствовало.

В результате, когда в 1991 г. давно ожидаемый «братьями» нужный момент масонского десанта в разваливавшийся на глазах изумленного мира СССР все-таки наступил, выяснилось, что посылать-то в Россию в принципе уже и некого. Конечно, русских по происхождению в масонских ложах Франции не так уж и мало. Все дело, однако, в том, что, несмотря на их русские корни, настоящей их родиной была уже Франция, и рассчитывать на их укоренение в России было нельзя.

Первая масонская ложа перестроечного времени была открыта в СССР в конце 1988 года. В мае следующего, 1989 года в еврейском журнале «L'Arghe» появилось сообщение о состоявшемся с 23 по 29 декабря 1988 года визите в Москву делегации французского отделения еврейского масонского ордена «Бнай-Брит» во главе с его президентом Марком Ароном. Результатом этого визита стала организация в Москве первой еврейской масонской ложи этого ордена. Уже через год такие же ложи были открыты в Ленинграде, Киеве, Одессе, Новосибирске и Нижнем Новгороде.

Наибольший интерес к происходившим в конце 1980-х начале 1990-х гг. в СССР переменам и появившейся в связи с этим реальной перспективой возрождения здесь масонства проявили, как и следовало ожидать, масоны из наиболее влиятельной и политизированной масонской структуры Франции — Великого Востока Франции. *«Тихая парижская рю Кадет, — делится своим впечатлением от посещения штаб-квартиры ордена московский журналист Владимир Большаков. — Обычные жилые дома, маленькие забегаловки. На их фоне дом под номером 16 своим суперсовременным бетонно-алюминиевым фасадом напоминает средневековую многоэтажную крепость. Здесь штаб-квартира ложи Великий Восток Франции... Высший служитель масонского храма по имени «Великий Восток» Жан Пьер Рагаш встречает меня на по-*

роге своего кабинета. Почему-то я ожидал увидеть Великого магистра таким, как на журнальных фотографиях — в расшитом золотом парадном треугольнике с замысловатым орденом и шелковым фартуке, на котором вышиты циркуль, треугольник и еще какие-то масонские знаки отличия.

Мсье Рагаш, однако, был в цивильном пиджаке и скорее напоминал учителя старших классов, чем руководителя такого влиятельного тайного общества или, по-масонски, послушания как «Великий Восток» (на декабрь 1991 г. — 35 тысяч членов в 500 ложах) — ударного отряда почти что десятиллионной всемирной масонской армии¹⁷.

А началось все с того, что уже в 1990 г. руководство Велико-го Востока Франции установило неофициальный контакт с уже давно интересовавшимся масонством первым секретарем посольства СССР во Франции Юрием Рубинским. «Он сказал нам, — рассказывал Великий магистр этой ассоциации Жан Пьер Рагаш, — что возможность восстановить франкмасонство в Советском Союзе, без всякого сомнения, существует»¹⁸.

И дело тут не только в тех послаблениях в идеологической сфере, которые принесла с собой горбачевская «перестройка». Гораздо существеннее здесь другое: наличие в стране к этому времени мощной идеологической базы масонства в лице либеральной советской интеллигенции. «Многочисленные намеки на это, — пишет в этой связи А.Е. Виноградов, — видны во многих произведениях литературы и искусства. В «опере-детективе» Андрея Вознесенского «Дама трюф» автор «делает знак масонов». В его же стихотворении «В театре» есть многозначительная строчка о «братстве ложи». «И ходит строчка стиховая меж нами, как масонский знак», — писал А. Кушнер в «Письме к другу». Писатель Юрий Мамлеев достаточно прозрачно намекает на характер посещавшегося им в 60-е гг. «дружеского кружка»: «Это были своего рода мистерии... Был внешний круг, и был внутренний круг... Все были связаны между собой духовными узами. Центр интересов занимали проблемы метафизики... поиски ответа на основные религиозные вопросы, который выходил за пределы любых ортодоксий. Это был до известной степени возврат к устному общению. Все эзотерические учения передавались друг другу только устно...» На многочисленных международных конференциях за рубежом, особенно по истории культуры (где вполне невинно звучали темы вроде «Масонство и Просвещение XVIII столетия»), советские интеллектуалы могли сравнительно свободно контактировать с «братством» и вступать в него¹⁹.

Разумеется, оговаривается А.Е. Виноградов, речь здесь идет только о верхах интеллигенции, а не о Коммунистической партии. «Хотя значимость этого «культурного слоя» не была ничтожно малой даже для высоких руководителей (напомним, что поэт Евтушенко имел прямой телефон к председателю КГБ Андропову,

чего не удаивались и многие министры), но от рычагов управления страной он оставался далек»²⁰.

Со всем этим можно было бы согласиться, если бы дальше А.Е. Виноградова не «занесло» и в масоны он, без тени сомнения, не записал бы (со ссылкой на некую переводную книгу «Масонство в современном мире», которая якобы была издана в ГДР в 1980 году) членов Политбюро М.А. Суслова и А.А. Громыко, а также Яноша Кадара, Николае Чаушеску и Войцеха Ярузельского²¹. Вполне пригодный для целей очередного журналистского расследования, каковым и является книга А.Е. Виноградова, в глазах серьезного историка такой сомнительный источник, как некая переводная книга, значения не имеет. И уж конечно, верхом исследовательской доверчивости А.Е. Виноградова может служить принимаемая им на веру цитата из книги А.М. Иванова «Логика кошмара»: *«Секретариат ЦК после ряда пертурбаций, которые он пережил после смерти Сталина... возглавил Хрущев, а тремя его подручными стали Суслов, Поспелов и Шелепин — все трое масоны... Важнейшее в системе партократии звено власти, секретариат ЦК, оказался в руках масонов»*²².

Не приходится сомневаться, что лиц, разделявших масонские взгляды и убеждения, среди руководителей партии и государства, не говоря уже о творческой интеллигенции, в 1960-е — 1970-е годы было немало. Однако реальные масонские структуры появились в нашем Отечестве только во времена горбачевской перестройки. Первым российским интеллигентом, посвященным в 1990 г. в одной из парижских лож Великого Востока Франции (L'Ouvre Fraternel), стал Георгий Борисович Дергачев. Он родился в Ярославле, образование получил историческое и, являясь аспирантом-заочником столичного педвуза, проживал без прописки в общежитии. Здесь-то в Москве он и познакомился со своей будущей супругой Еленой Сергеевной Соболевой (псевдоним). У нее, в отличие от Г.Б. Дергачева, было все: хорошее образование — кинорежиссер, московская прописка, квартира, знание иностранных языков, связи, а главное — неутомимая энергия и пробивные способности в борьбе за свое место под солнцем. Надо полагать, тихий и скромный юноша из провинции понравился Елене Сергеевне. Они поженились, хотя до этого Г.Б. Дергачев уже был один раз женат и имел сына, на содержание которого платил алименты. Как бы то ни было, брак этот оказался в целом удачным, и в семье Дергачевых вскоре появился сын. Назвали его Глебом. Защитил он, в конце концов, в 1982 году в Московском университете и свою злополучную диссертацию по эстетике²³. Ничто, казалось, не сулило главе этой, можно сказать, обычной семьи советских интеллигентов каких-либо потрясений или взлетов. Но они все же произошли. Горбачевская перестройка и «новое мышление» выдвинули на авансцену истории в нашей стране и привели в действие такие

силы, о каких тогда, казалось, никто и не задумывался. Одной из важных составляющих этих сил как раз и являются братья-масоны.

Инициатива исходила от самого Г.Б. Дергачева. Узнав, что его приятель француз-масон, Г.Б. Дергачев попросил его о содействии в приеме в ложу. Друг в просьбе не отказал. Звали же его Жан Пьер. Начало же этой истории относится к 1985 году, когда Жан Пьер впервые появился в Москве. Уже через год после знакомства с ним Г.Б. Дергачев оказался по его приглашению во Франции. В 1987 году в Москву в гости к Дергачевым приехал еще один француз-масон, некий «брат» Андрэ. Неплохое знание женой Г.Б. Дергачева Еленой Сергеевной французского языка упрочило это знакомство. Вояжи четы Дергачевых в Париж стали регулярными. В Париже их теперь тепло принимали не только Жан Пьер, но еще и «брат» Андрэ, его жена Франсин и их сын Рафаэль. Зачастили в Москву и французы. Вот что вспоминает об этом прекрасном времени Елена Сергеевна:

«Летом мы принимали у себя Андрэ и Франсин. Заядлая кошатница, Франсин едва в обморок не падала, глядя на шикарных сибирских котов, которые бегают у нас по помойкам. А когда увидела беспризорного «русского голубого»! В голове у нее тут же сработал калькулятор: в Париже такой экземпляр стоит семь тысяч долларов! У нее, по-моему, даже планы экспорта русских котов завоились».

В Ленинград повезли их на «Москвиче» через дачу, точнее, «домик в деревне» родителей Елены Сергеевны, через дремучие тверские и псковские леса. Бедные французы были подавлены размахом русского гостеприимства, необъятностью пространств и дикостью дорог. Андрэ чуть не умер в бане, а «прозрачная, синеватая как картофельный росток» Франсин, брошенная прямо с полка в Западную Двину, кричала так, что замшелые бабки протрезвели и перекрестились... Еще многие годы спустя в Париже ходили устные байки про русскую тайгу, баню, икру и мистическую пустоту прилавков.

С помощью Андрэ разговоры о возрождении масонства в России приобретали пугающую конкретность. В Питере был срочно завербован в будущую ложу муж двоюродной сестры Елены Сергеевны. Снова Париж. Дергачевы с любопытством листают в масонских архивах желтые, распухшие от времени страницы журналов досточтимых лож. Гусиными перьями подписи — Жуковского, Пушкина, Апухтина, Вяземского... Десятки знакомых имен.

«Северная звезда» — так будет называться и наша первая ложа, в которую мы соберем самых близких и верных друзей, самых надежных и проверенных долгими годами кухонного антисоветского разговорного подполья. Но это будет потом, дома. А в Париже мы быстро обрастаем «братскими» связями, — вспоминает это «золотое время» Елена Сергеевна. — Неромантичность и демагогия. Вот что мне сразу же не понравилось в этих знакомствах.

Мы, выросшие в обществе тотального блат, привыкли ценить вообще всякие связи, знакомства, приятельства и дружбы, часто не очень-то разделяя их на нужные, утилитарные и бесцельно-сердечные. Никогда ведь не знаешь наперед, кто из странных приятелей может вдруг оказаться полезным, а какая из нужных связей неожиданно перерастет в душевную привязанность. Французское масонство же, не очень-то секретничающее и не придающее сакрального смысла ритуалам, весьма прагматично нацелено на создание чего-то вроде нашего блат. И тут они по сравнению с нами — ну просто дети: их «братство» — жалкая пародия на наш широкозахватный и душевный блат. Но главное, что так разочаровывало и как-то сразу «заземляло» все отношения с «братьями» и их семьями, — злословье и корысть.

Сплетни по Парижу распространяются быстрее, чем слова по телефонным проводам и содержат столько зависти и яду, что эти самые провода должны были бы, кажется, раствориться в них без остатка, как в соляной кислоте. При этом каждый бдительно следит за каждым, увлеченно высчитывая тот шкурный интерес, который держит «брата» в ложе.

Наш Союз кинематографистов в Москве — тоже серпентарий тот еще, но после парижского клубка шипящих «братьев» все члены союза кажутся мне нежно привязанными друг к другу; как однопольцевые близнецы. Никогда в жизни и за всю жизнь никакой Говорухин не выльет столько грязи на какого-нибудь Соловьева, сколько выливали нам при первом же беглом знакомстве Комбы на Делакруа, Делакруа на Метайеров и так далее по кругу, и в обратном порядке, и в любой перетасовке. Бесконечные и самозабвенные, с горящими глазами шепоты о выгоде... Само это французское слово «интерес» по-русски означает «выгода».²⁴

Роль куратора лож Великого Востока Франции в России взял на себя видный французский масон русского происхождения граф Арсений Владимирович Липский. «Вокруг нас, — пишет Е.С. Соболева, — ползали, вились и суетились, наперебой зазывали в гости все те, кто мечтал съездить для открытия ложи в Москву по нашему приглашению за счет Великого Востока. Тихо шустрил совершенно выживший из ума старенький эмигрант, прибавивший когда-то «де» дворянское, выпендренное, к своей еврейской фамилии Липский. Прежде этот шампиньон состоял русским переводчиком при военном министре Франции, был, возможно, и шпионом, за что имел крохотную розочку ордена Почетного легиона в петлице. От склероза и маразма он путал постоянно русские слова с французскими, плохо слышал и часто засыпал, но лучшего переводчика не было... Зато его старший брат учился в Симбирской гимназии вместе с Митей Ульяновым, и наш старичок забавлял нас «ужасными» рассказами о семье Ленина»²⁵.

Смелость нашей «гласности» в то время позволяла только топтать и мусолить И.В. Сталина. Фигуру В.И. Ленина еще не было разрешено свертать с пьедестала. А тут, в Париже, Дерга-

чевы слышали от «трухлявого земляка» Керенских и Ульяновых такое, что у них, как говорится, стали «вянуть уши».

«Семейство Ульяновых не любили в Симбирске. Мамаша их, жидовочка, высокомерная такая была дамочка и над детьми своими измывалась. Дети были все очень малорослые, картавые, золотушные, выскочки и подхалимы, зубрилы и отличники. Их били, а они доносили, за это их опять били, а они опять доносили. Дружить они старались только с инородцами. Во-первых, потому, что сами-то выкрестами числились, а во-вторых, потому, что любили верховодить и бахвалиться... В Симбирске никто не удивился, что все семейство в бунтари и висельники пошло: с детства по ним тюрьмы плакали... Антихристово племя.»²⁶

И говорил все эти глупости А. Липский так мило, просто, по-домашнему, старческой скороговорочкой...

Амбиции у самого Липского были масштабные. Именно ему принадлежит идея создания в Париже секретной ложи, в которую вошли некоторые высокопоставленные люди из России — «чтобы ничего не опасаться на родине». *«Однако стремительные события в нашей стране обогнали самые смелые стариковские фантазии. Бояться стало нечего. И вот в Кремле целая группа политико-финансовых знаменитостей во главе с Чубайсом — широковещательно — устроила презентацию парамасонской структуры ордена Орла»²⁷.*

Но вернемся к Г.Б. Дергачеву. Его частые вояжи во Францию не прошли даром. 4 декабря 1990 г. он наконец получил в Париже то, чего так страстно желал — масонское посвящение, причем при поддержке А.В.Липского сразу в третью степень. Тогда же 4 декабря 1990 г., но уже по предложению самого Г.Б. Дергачева был посвящен, как и он сам сразу в третью степень, и его друг — художник. Первоочередной задачей новоявленных советских масонов, возвратившихся из Парижа в Москву, стала усиленная вербовка ими новых кандидатов в масонство среди своих друзей и знакомых. Справились они с ней блестяще. В результате, когда представительная делегация Великого Востока Франции (отставной полковник французской армии А.В.Липский, историк А. Комб и др.) прибыла в апреле 1991 г. в Москву, ей было представлено еще пять москвичей, жаждущих посвящения. Состоялось оно 28 апреля 1991 г. в Подмоскowie²⁸.

Вместе с Г.Б. Дергачевым и его другом художником масонов в Москве стало уже, таким образом, целых семь человек. Это как раз то минимальное количество членов, которое необходимо для официального открытия масонской ложи. Ее в тот же день и открыли. Назвали ложу «Северная звезда». Возглавил ее, естественно, Г.Б. Дергачев.

После открытия «Северной звезды» братья устроили для французов праздничный ужин в одном из ресторанов на Арбате. *«Благонравные французы, — саркастически отмечает Е.С. Соболева, — те, что прибыли без жен, — в гостиницу ночевать не по-*

ехали, а, потанцевав сначала с «путанами» подороже, под конец дружно вцепились в самых дешевых и непотребных проституток, появившихся уже «под занавес». Французская «бережливость» сработала и здесь! Помню, я с ужасом сказала одному из французов: посмотри, с кем ты связываешься, у нее же синяк под глазом и вообще... — Ничего, — спокойно ответил подвыпивший брат, — у меня презервативы есть... Потом, на таможне в Шереметьеве — заминка с иконами, которые пытались увезти наши «братья»... Все это было так противно, гадко, омерзительно...»²⁹

Регулярная работа ложи наладилась несколько позже — в ноябре 1991 г. Ровно через год после открытия «Северной звезды» в апреле 1992 г., опять же в Москве, была открыта еще одна ложа «Великого Востока Франции» — «Свободная Россия». На обустройство этих первых масонских лож в России французские «братья» выделили солидную сумму — более 1 млн. франков³⁰. Это дало возможность посещения Москвы самим великим мастером Великого Востока Франции Жаком Робером Рагашем. Произошло это в начале июля 1992 г. Через год 11 июля 1993 г. в Москве были учреждены еще две ложи Великого Востока Франции: «Северные Братья» и «Девять Муз». *«Нам нечего скрывать и, конечно, нечего стыдиться, — заявлял тогда журналистам представитель, или, вернее, куратор, лож Великого Востока Франции в России А.В.Липский. — Наоборот, есть многое чем мы могли бы гордиться. Но гордость нам не нужна. Мы всегда предпочитаем молчание. С древних лет у нас существует такая традиция: мы скромно живем и творим как можно больше блага. Главное для нас — это жить в согласии со своей совестью и помогать людям жить во взаимопонимании и дружбе»*³¹.

В Москве на 1994 г. было уже четыре ложи Великого Востока Франции. Пятая — «Полярная звезда» открылась 12 июня 1994 г. в Архангельске. Для руководства ложами Великого Востока Франции в России еще в декабре 1992 г. была учреждена (правда, не в Москве, а в Париже) так называемая административная ложа «Григорий Вырубов» во главе с А.В.Липским. Дела у политических масонов шли, таким образом, настолько хорошо, что возникла мысль об учреждении, на основе уже существующих лож своего собственного ордена — Великий Восток России, в связи с чем был разработан проект его «Конституции»³². Однако далеко идущим планам политических «братьев» из Великого Востока Франции не суждено было сбыться. Помешала им измена в 1992 г. достойного мастера «Северной звезды» уже известного нам Г.Б. Дергачева, внезапно перешедшего со своими сторонниками в союз другого масонского объединения Франции — «Великую Национальную ложу Франции». Много неприятностей руководству Великого Востока Франции доставил и Жак Орефис — новый куратор русских лож с 1992 года. Именно он открывал в апреле этого года ложу «Свободная Россия» в Москве. Вскоре, однако, выяснилось, что мастер нечист на

руку. Уличенный в присвоении значительных средств, отпущенных на организацию масонских лож в России, Жак Орефис был исключен из ордена. Разочаровавшись в русских братьях, руководство Великого Востока Франции в 1996 году приняло решение закрыть (на время, конечно) все свои ложи в России. Однако уже в 1997 г. была открыта мастерская этого союза — «Москва». Получила разрешение в 1998 г. на возобновление своих работ и прикрытая ранее парижскими «братьями» ложа «Северная звезда» (Москва) и масонская ложа «Воскресение» в Санкт-Петербурге. Однако об организации в России на их основе нового масонского союза Великий Восток России масоны уже не говорят.

Непросто складывались в России дела и другого масонского либерального союза Франции — «Великой ложи Франции». Еще в январе 1991 г. в Париже была учреждена специальная русская ложа — «Александр Сергеевич Пушкин» во главе с К.В. Мильским. Цель у нее была одна — организация первых масонских лож «Великой ложи Франции» на территории СССР.

«Константин Мильский, — пишет о нем Е.С. Соболева, — был следующим шампиньоном русского масонства в Париже, поразившим нас не менее предыдущего — кавалера ордена Почетного легиона (А.В. Липский. — Б.В.). Он был так же стар и уважаем, происходил из харбинской колонии, китайским владел как русским и французским, имел опыт сидения в коммунистической тюрьме при режиме Мао, считал себя на этом основании большим советологом и обожал особый китайский деликатес — тухлые утиные яйца».

«С чисто еврейским апломбом, — говорит она, обращаясь к своему бывшему мужу Г.Б. Дергачеву, — этот бывший узник-мятежник-китаист и русолюб отечески наставлял тебя, мнил себя в перспективе главой и лидером «вольных каменщиков» на своей исторической родине. Он строил какие-то тайно-дерзкие планы, интриговал втихаря против «братьев» из Великого Востока, сплетничал, помогал нам писать письма и возил на ужин к богатому толстому китайцу-художнику»³³.

22 марта 1991 г. через диктора радиостанции «Свобода», вещавшей на территорию СССР, Ф.Салказанову было объявлено об организации масонской ложи в России, причем желающие вступить в нее должны были написать об этом в штаб-квартиру «Великой ложи Франции» на рю Пюто, 8 в Париже.

Желающие получить посвящение, разумеется, нашлись. Но приглашать их с этой целью в Париж расчетливые французские «братья» нашли нецелесообразным. Вместо этого руководство «Великой ложи Франции» решило направить в Москву семь «братьев» русского происхождения — ровно столько, сколько необходимо для открытия там временной масонской ложи. *«Существует очень простая практика, — откровенничал Великий магистр «Великой ложи Франции» Мишель Бара. — Да, нужно семь*

человек, и на место едет столько, сколько недостает. Так было и в этом случае. Семь человек выехало в Россию.

— Это были советские граждане или командированные отсюда? Или вы создали нечто вроде совместного предприятия? — допытывался корреспондент.

— Нет. Не советские. Но они поехали туда и там начали работать. И посвятили в масоны нескольких советских граждан. Точнее, русских. После этого, завершив свою миссию, они уехали».

Конечно же, ехали «братья» в СССР не с пустыми руками. И речь здесь не только о деньгах. Делегацию, или, вернее, мобильную масонскую ложу с рю Пюто, сопровождали две машины, доверху набитые масонским оборудованием. Помимо современной аппаратуры, без которой уже не обходится ни одна масонская ложа, были тут еще и фартуки, мечи, мастерки и даже канделябры со свечами. В общем, весь масонский арсенал. Ведь начинать «братьям» в Москве приходилось с нуля.

В Москву они добрались благополучно, хотя и опасались таможни. Однако события в Москве (дело было в конце августа 1991 г.) их основательно напугали. Возникли даже сомнения: уж не поторопились ли они? До поры до времени московские профаны прятали французских «братьев» на одной из подмосковных дач. Вскоре, однако, стало ясно: «путч» гэкачепистов провалился. Путь для внедрения масонства в России был окончательно открыт³⁴.

30 августа 1991 г. на одной из подмосковных дач посланцам «Великой ложи Франции» удалось наконец учредить здесь свою первую масонскую ложу — «Николай Новиков». В дальнейшем к ней присоединилась еще одна московская ложа — «Лютеция» (основана 30 октября 1993 г.). Была учреждена соответственно (в августе 1994 г.) и петербургская ложа союза «Великой ложи Франции», поучившая типично петербургское название — «Сфинкс». Внутренние неурядицы между «братьями» не обошли стороной и мастерские «Великой ложи Франции»: к 1997 г. московская ложа «Лютеция» из-за убыли «братьев» вынуждена была временно прекратить свои работы.

Кризис русских лож Великого Востока Франции и союза «Великой ложи Франции» далеко не случаен. И дело тут совсем не в отсутствии должной дисциплины в их мастерских. Проблема в том, что Великий Восток и «Великая ложа Франции» олицетворяют собой политическое или либеральное направление в масонстве. Главный ориентир «братьев» этих послушаний — не нравственное «просветление» человека, а борьба за торжество демократических и либеральных ценностей в мире, а это, как мы понимаем, далеко не одно и то же. Впрочем, понимают это и сами «братья». Не успели «политические масоны» организовать на территории России свои первые ложи, как уже 5 июня 1993 г. поспешили подписать между собой, то есть русскими ложами Великого Востока и «Великой ложи Франции», масонский дого-

вор в Страсбурге (текст его опубликован)³⁵, где прямо заявили, что борьба за создание «единой политической и социальной Европы» является их, то есть русских масонов, первостепенной задачей. Даже при самом благожелательном отношении к масонам и масонству нельзя не признать, что от декларации этой здорово пахнет старым масонским планом расчленения России, ибо в том виде, в каком она сохраняется на конец XX в., в Европу Россию никто не пустит; для этого она еще слишком сильна и велика. Явно масонским душком веет в связи с этим и от демократических планов дальнейшей федерализации России и превращения ее в 30–40 самоуправляющихся республик и краев, после чего распад государства был бы в принципе неизбежен. Все это видно, как говорится, даже невооруженным глазом и не может не вызывать отторжения у людей. Отсюда и неурядицы в русских ложах либерального масонства.

Но масонство на Западе, в том числе и во Франции, отнюдь не исчерпывается так называемыми либеральными ложами. Существует, более того, в мире оно как раз и является преобладающим, еще и так называемое регулярное, или «правильное», масонство, тесно связанное с Великой ложей Англии и ориентирующееся на традиционные масонские ценности нравственного порядка и сторонящееся, по крайней мере, формально от активного участия в политической борьбе. Во Франции это направление представляет Великая национальная ложа.

Штаб-квартира Великой национальной ложи Франции расположена в одном из пригородов Парижа — Нейи. *«Если у человека на банковском чеке видно, что он проживает в Нейи, — рассказывает побывавший здесь журналист, — документов у него уже никто не спрашивает. Адрес — солидная рекомендация. Великая национальная ложа Франции прописана в Нейи на бульваре Бино, дом 66. В уютном дворе, который с улицы не виден, стоят машины. По маркам можно сказать, что их владельцы далеко не бедные. Великая национальная ложа Франции, вот и вся вывеска при входе в штаб-квартиру ложи — одной из самых влиятельных во Франции и самых при этом проамериканских. На проходной, где никаких служителей нет, об этом напоминают американские масонские календари и поздравительные открытки»*³⁶.

Неудивительно поэтому, что именно это послушание как раз и нашло наибольший отклик среди масонствующей московской интеллигенции. Причем пример в этом отношении подал не кто иной, как сам Великий мастер ложи «Северная звезда» Великого Востока Франции Г.Б. Дергачев, можно сказать, перебежавший из нее в более перспективный масонский орден. 14 января 1992 года он был торжественно посвящен в так называемое «регулярное», то есть законное, признаваемое Великой ложей Англии масонство, представленное мастерскими «Великой национальной ложи Франции».

Регуляризирование это стоило немалых денег. Спонсировал

мероприятие некий «невероятно богатый русский еврей». Ведь один только шитый золотом запон Г.Б. Дергачева обошелся в 6 тысяч долларов. Роскошный черный костюм, белая сорочка, галстук, ботинки и даже носки новоявленного Великого мастера — все было приобретено «братьями» в самых дорогих московских магазинах. Не стоит забывать: смокинг, бабочка и соответствующая сорочка с запонками — неперенный атрибут, своего рода рабочая одежда или спецовка «вольного каменщика», так же как и длинное вечернее платье для его спутницы³⁷.

Самое деятельное участие в подготовке этой акции принимал «могучий, державный лейтенант и великий командор» «Великой национальной ложи Франции» Михаил Васильевич Гардер. Именно он, а не кто другой растолковал Г.Б. Дергачеву и его супруге их ошибку, связанную с их ориентацией на атеистический Великий Восток Франции. *«Михаил Васильевич, — пишет Е.С. Соболева, — в течение получаса растолковал нам, что все наше отчаяние от ошибки! Русское, мол, масонство всегда было религиозным, проникнутым духом Православия. Это было истинное, настоящее, регулярное масонство Древнего и принятого шотландского устава! Там действительно — идеалы братства, любовь, взаимопомощь, собственное личностное самосовершенствование... Цитаты из Новикова, рассказы про жизнь Гамалеи, Кутузова и декабристов, про Пушкина и Толстого, про Максимилиана Волошина...»*

Г.Б. Дергачев был сбит с толку, растерян, смущен. *«Вроде бы правда — на стороне Гардера. За ним — выход за пределы Франции, Всемирный орден, истинные, а самое главное, русские традиции и идеалы. Наконец, авторитет самого Михаила Васильевича среди «вольных каменщиков» так высок, что совершенно очевидно — он-то и денег на развитие русского «братства» добудет, и вообще, все организует, пробьет все стены, во всем поможет... Но ведь перейти в другое «послушание», «регуляризоваться» — это значит бросить уже созданное, наработанное и начать все сначала, с нуля. «Востоковцы» расценят это как предательство, измену, не простят, будут мстить, озвереют...»*

Но Гардер умел убеждать! *«С горящими нездешним каким-то пламенем глазами он вдруг заявил однажды, что видит, абсолютно реально видит сверкающую над твоей головой масонскую звезду, — вспоминает Е.С. Соболева в своей книге, обращаясь к бывшему супругу. — Ты — последний хранитель «русского света»!»*³⁸ И Г.Б. Дергачев сдался.

Первая ложа этой ассоциации в Москве — «Гармония» была учреждена 14 января 1992 г.³⁹ специально прибывшей из Парижа масонской делегацией. «Начальниками» ложи стали: А.А. Римский-Корсаков (первый страж), В.С. Шидловский (второй страж) и уже известный нам Г.Б. Дергачев (досточтимый мастер). Самое любопытное, что в этот день с завидной оперативностью в

качестве общественной организации ложа была зарегистрирована в московском управлении юстиции.

Завесу над тайной создания первой московской ложи «Великой национальной ложи Франции» приподнимает интервью Владимира Большакова с Великим секретарем «Великой национальной ложи Франции» Трестурнелем. *«Где же посвящали и обучали тех русских масонов, которые 14 января этого года открывали свою ложу в Москве?» — спрашивает журналист. «Здесь, — отвечал Великий секретарь. — Они приезжали, жили здесь некоторое время, потом уезжали, потом опять приезжали...» «Но ведь это есть нелегалщина чистой воды. А вы говорите, что не действуете нелегально?» — не отстает корреспондент. «Конечно, не действуем. Ваши профаны, то есть не посвященные, приходили к нам во Францию. Мы их не искали в России. Разве нам следовало их выставить за дверь, потому что масонство не нравилось вашим властям? Мы их принимали по их просьбе. И обучали. И теперь их около 20 человек. Они сформировали эту ложу. Из русских. Из тех, что живут здесь, во Франции. И из тех, кто там, в России. Они уже там. Они будут работать, принимать в свои ряды новых членов, посвящать профанов мало-помалу. Со временем, они создадут вторую, а затем и третью ложу. Такова цель»⁴⁰.*

На первых порах не все, конечно, ладилось у новоиспеченных московских «братьев». На поверку оказалось, язвительно писал в этой связи «Московский комсомолец», что далеко не всех из них привела в ложу их приверженность чистым идеалам масонства. *«Больше всего им, очевидно, нравились поездки в Париж, куда их возили перенимать опыт. По слухам, двое русских «братьев» прославили себя тем, что пытались «впарить» парижским «братьям» скатерть, якобы принадлежавшую Николаю II. А потом, схватили из хозяйского холодильника весь запас спиртного»⁴¹.* Но это, конечно же, мелочи.

Регулярные поездки Г.Б. Дергачева в Париж в это время были наполнены, согласно воспоминаниям всегда сопровождавшей его супруги, тяжелой и не всегда заметной борьбой. *«Воевали мы, — пишет она, — сначала с французским, а дальше и с мировым масонским бюрократизмом и жадностью. На самых первых этапах существования твоих лож во французском послушании мы наивно пытались выколотить из масонских начальников деньги.*

Ну, в самом деле, по-большевистски рассуждали мы, у них огромное здание, в котором по пять «храмов» на каждом этаже, музей, ресторан, библиотека, офисы... И это только в Париже. А в каждом провинциальном городе! У них аккуратно собираются взносы, причем в валюте, естественно! Стабильное, сытое, застрахованное житье... У нас же... Развал страны, обвал рубля... Какой тут «храм», какие взносы? Ведь должны, должны же французские «братья» по-братски поделиться с русскими! В процессе строительства невидимого и бесплотного «храма» в своей душе,

должны они построить нам заодно и «храм» реальный, материальный. В Москве... Ведь по-нынешнему курсу для них это копейки!

Таков был подтекст тех бесчисленных бумаг, обращений, призывов, которые мы писали центнерами и которые были наполнены романтическим порывом и благородством бедных рыцарей, радеющих за дело правое... Мы мотались по бесконечным кабинетам, встречам и посиделкам, непрерывно звонили и договаривались о новых письмах и новых встречах.

Сердца простых людей, рядовых масонов, наши вопли как-то трогали. Они старались, как могли, при всей своей французской жадности, помочь. Приносили чемоданы обносков, привозили в Москву лекарства, крупы, сахар, мыло. Одному из наших «братья» даже «Ладу-Ниву» купили. До того, правда, старенькую, что рассыпалась она на месте, прямо в Париже, не преодолев даже кольца Переферик... А они-то ведь на ней в Москву как бы ехали! Экономить на билетах хотели?

Огромную готовность помочь бедным русским выразили «братья» из «Великой ложи» — те, которые создали ложу «Александр Пушкин». Они купили конфет и еще какие-то кулечки с рисом и какао и начали собираться в экспедицию. Нас с тобой пригласили на выставку теплых исподников, купленных специально для такого дальнего похода Константином [Мильским]⁴².

7 сентября 1992 года в Москву прибыла новая делегация «Великой национальной ложи Франции» из семи человек во главе с С.В. Гардером. Она произвела ревизию состояния дел с организацией масонства в России и инсталлировала уже известную нам ложу — «Гармония», в качестве официальной ложи союза «Великой национальной ложи Франции» под номером 698. В ходе этого визита в Москве получили посвящение сразу 12 русских «братьев»⁴³.

Открывали новую ложу уже не таясь, в центре Москвы, без всякой конспирации, на Садово-Кудринской улице. На что клевали неофиты? Хорошее представление об этом дает текст выступления Г.Б. Дергачева перед новопосвященными «братьями»:

«Добро пожаловать, неофиты!»

Вот вы Francs-Masons, первый маскировочный занавес наших тайн только что поднялся перед вами, вы получили Свет (la Lumiere): тот который озаряет ум; вот вы стали другим человеком, новый горизонт открылся перед вами. Все в вас умерло в вашей предшествующей жизни, чтобы вы могли возродиться для жизни новой: жизни Посвященного!

Да! Но все-таки, если вы сделали выбор (основу степень), что вы видите? Какие изменения в самом деле произошли тут с вами?

Ничего! Вы еще находитесь во власти эмоций от церемонии, объектом которой вы были. Символическая повязка закрывала ваше зрение от широкого воздействия ваших критических способностей. Что вы поняли? Что у вас осталось?

Досточтимый Мастер, который дал вам Lumiere (познание,

просвещение), завладел вашим доверием, злоупотребил вашей искренностью, доверчивостью? Вся эта церемония, которой вы подверглись, не есть ли она гротеском и (насмешкой) издевательством над вами?

Вот вы потеряны... однако сила ритуала, спокойствие присутствующих? Нет, это все не театральная постановка, стремящаяся задеть ваше самолюбие. Она должна включать в себя несколько сфер, которые вылетели у вас из головы! Досточтимый Мастер не сказал ли вам:

— Вас не посвятили! Вы сами посвятили себя!»⁴⁴

В ситуации, когда десятилетиями были перекрыты нормальные каналы религиозности, комментирует этот текст Е.С. Соболева, масонство наряду с другими богоборческими, языческими, оккультными организациями становилось в России 90-х годов проявлением этакой псевдособорности.

«Кто отказывался от наших предложений? — задается вопросом Е.С. Соболева. — Православные верующие люди. Таких, правда, за все время нашей агитационной работы нашлось человека три-четыре. И еще человек пять-семь отвергли «братскую помощь» потому, что чувствовали себя достаточно реализованными профессионально. «За бортом» оставались люди, не склонные к зависимости; те, кто не ищет «бесплатного сыра». Из тех, кто уже поступил, довольно скоро переставали посещать собрания настоящие мужчины, которые преданы дому, семье, детям, женам. Подлинные ценности перевешивают для них эфемерные посулы, мечты, проекты, которые маячат где-то вдали, но создают вполне конкретные конфликты дома. К тому же «домашние» мужи, как правило, — созидатели. Они могут делать что-то руками, мастерить, творить, изобретать. То, что называется «работой» в ложах, кажется им пустой болтовней и раздражает.

Позже и мучительнее всех уходят «борцы за справедливость»⁴⁵. Впрочем, не следует преувеличивать последствия такого ухода. Естественный «отсев» в масонских ложах был всегда. И всегда на смену ушедшим приходили и приходят новые адепты. Так, только в период 1992–1993 гг. к двум уже существовавшим ложам этого союза присоединилось еще три: «Лотос» (1993, Москва), «Гамаюн» (Воронеж) и «Новая «Астрей» или просто «Астрей» (Санкт-Петербург). Во многом этот успех стал возможен благодаря переходу в них «братьев» из либеральных лож Великого Востока и «Великой ложи Франции». Особенно заметен был отток «братьев» из «Северной звезды» в Москве и «Сфинкса» в Санкт-Петербурге. Много «братьев» ушло и из «Полярной звезды» в Архангельске. Покидая либеральные ложи, масоны тут же переходили под знамена «Великой национальной ложи Франции», пополняя ряды новых ее русских лож.

Особенность «Великой национальной ложи Франции» — это наличие в ней довольно-таки развитой системы высоких степеней (33 степени), причем характерно, что французские «братья» не скупились на отличия, сразу вознося изумленных рус-

ских на самую вершину масонской иерархии. Это позволило им объединить новоиспеченных обладателей «высших градусов» в особые ложи: «Сократ» (для четвертой — четырнадцатой степени), суверенный капитул розенкрейцеров «Роза России» (для «братьев» восемнадцатой степени), ареопаг «Святой Георгий» (для «братьев», посвященных в тридцатую степень), трибунал «Озирис» (для тридцать первой степени) и консисторию «Михаил Гардер» (для тридцать второй степени). Название последней требует пояснения, так как именно Михаил Гардер (умер в 1993 г.) — представитель «Великой национальной ложи Франции» — как раз и курировал образование первых масонских лож этого союза в России.

«Я думаю, — продолжает далее размышлять о М.В. Гардере Е.С. Соболева, — он тоже был евреем. Из тех, которые рассказывают еврейские анекдоты, считают себя русскими и подсмеиваются над некрещеными и обрезанными...»

Внешность Гардер имел не просто еврейскую, а жутко мефистофельскую — с тонким, длинным, хищным, загнутым вниз над узкими губами носом, с маслено-черными, очень живыми, пронзительными и даже обжигающими небольшими глазами. Очень маленького роста одутловато-толстое, на тонких семяющих ножках старое тело было ему уже явно в тягость и сильно затормаживало его лихие устремления.

Он был гениально умен, энциклопедически образован, делал свои масонские доклады на русском, французском, английском, турецком, немецком, итальянском, арабском, греческом и других языках, причем говорил на них, похоже, не просто свободно, а еще и образно и остроумно.

Полковник французской разведки в отставке, он часто вспоминал какие-то поразительные и по-настоящему героические эпизоды из своей детективно-яркой биографии. Во время последней войны он служил в гестапо, являясь, по-видимому, шпионом одновременно французским, американским... Может быть, даже нашим. Возможно, он вообще работал на все разведки мира разом. Потом — в таком же, конечно, качестве — Гардер «сражался» в Юго-Восточной Азии»⁴⁶.

Самой яркой страницей биографии Гардера стало участие во Второй мировой войне, когда уже в начале войны с Германией он сумел отличиться на бельгийском фронте и в июле 1940 г. стал сотрудником французских спецслужб. В сентябре того же года был направлен для подпольной работы в оккупированную зону Франции, где через три года был арестован фашистами. Он чудом остался жив, пройдя через такие концентрационные лагеря, как Освенцим, Бухенвальд, Флоссенбург и Флее; дважды с советскими военнопленными он совершал попытки побега, едва за это не был расстрелян и содержался в штрафных командах в фашистских лагерях смерти. Перебравшись по окон-

чании войны в американскую зону оккупации, М.В. Гардер продолжил работать во французских спецслужбах...⁴⁷

Рассказывал он о своих подвигах очень просто, без хвастовства и геройства, наоборот, всячески вышучивая свою «трусость», маленький рост и суетливость. Запомнилось Е.С. Соболевой из этих рассказов только то, что его дважды приговаривали к расстрелу, а однажды — к виселице. Причем уже петлю на шею надели. Но каждый раз «неслыханное везение и удача», а также тупое самомнение немцев почему-то позволяли ему бежать... Как в кино!

М.В. Гардер, по ее словам, без памяти любил и дико ревновал свою жену Елизавету — племянницу композитора Скрябина. Родилась и выросла она в Ленинграде, случайно оказалась в 41-м году в Пятигорске, где и попала в плен. Из фашистского концлагеря в Германии ее «почти случайно» умыкнул «узник страшных штрафных команд» Михаил Васильевич, а обвенчались они уже гораздо позже, то ли в Пномпене, то ли во Вьетнаме... *«Никогда в жизни, — пишет Е.С. Соболева, — я не видела такой прекрасной, величественной и очаровательной пожилой дамы. Ее походка, жесты, умение одеваться и вести себя, ее манера говорить — оживляли в памяти какие-то смутные представления об августейших особах и императрицах, а все виденные «живьем» гранд-дамы мира, включая Жаклин Кеннеди, принцессу Диану и Маргарет Тэтчер, — казались по сравнению с ней девками-чернашками.*

Жили Гардеры в аристократическом, безумно дорогом шестнадцатом квартале Парижа, где почти видна была Трокадеро и Эйфелева башня. Жили в трогательно-крохотной квартирке, которая могла бы уместиться, пожалуй, в моей московской кухне».

Гардер был крупным советологом и антикоммунистом. Его книга «Империя зла», предсказывающая крушение советского режима, была издана еще в 1963 году. (Интересно, что такое название нашей страны много лет спустя позаимствует в одной из своих речей президент Рейган.) Авторитет Михаила Васильевича в мировом масонстве был настолько высок и непререкаем, что американское «каменщицкое» начальство, сверкая бриллиантовыми запонками и золотыми перстнями, первое протягивало ему руки, спеша навстречу и спотыкаясь о толстенные ковры «Интер-Континенталя».

И на этом фоне — более чем скромная жизнь самой четы Гардеров. Они были чисто по-русски, даже по-помещически щедры и хлебосольны. Их великодушие, сердечность, теплота, готовность поделиться и последним были бы в диковинку даже в сегодняшней Москве, не говоря уже о скаредном Париже. При этом, — вспоминает Е.С. Соболева, — оба как-то по-детски стеснялись своей доброты, превращая подавание в шалость.

«Помнишь, как, понимая нашу бедность, мадам Гардер приходила к нам на чай для того только, кажется, чтобы, незаметно

юркнув в спальню, оставить там под подушкой конвертик с колоссальной для нашего сознания суммой франков и извиняющейся записочкой. Мол, не хожу по магазинам, не знаю ваших вкусов и потребностей, боюсь ошибиться с подарками, так что уж простите великодушно и примите, пожалуйста, без обид хотя бы это...

А Михаил Васильевич? Мне кажется теперь, что, вызывая нас для невероятной срочных, актуальных и важных переговоров в бюро Высших Градусов «Великой национальной Ложы Франции», он имел на самом деле целью — хорошенько накормить нас в ресторане. Тем более что за столом он как-то «забывался» и вместо обсуждений насущных дел масонских вдруг выдавал свои невероятно интересные философско-исторические эссе об Экклезиасте и Спинозе, о колониальной политике царской России, о грядущем наступлении ислама или еще о чем-то, столь же глобальном... А сам все заказывал новые диковинные блюда — зубы заговаривал...»⁴⁸

В последний раз М.В. Гардер прилетел из Парижа в Москву в марте 1993 года. Вот что вспоминает об этом Е.С. Соболева: «Ты, — пишет она, как всегда доверительно обращаясь к Г.Б. Дергачеву, — устроил его через бывших комсомольских вожakov в уютную гостиницу бывшей Академии общественных наук на Юго-Западе. На банкете, даваемом в его честь тобою и новыми «братьями», я почему-то вдруг совершенно отчетливо поняла, что этот его приезд — последний, что он очень скоро умрет. Это было так четко, так остро, так неожиданно, так страшно! Он тоже что-то почувствовал, взглянул на меня, поднялся с бокалом и сказал тост: «Грустный масон — не масон...»

Потом были какие-то бесчисленные встречи и обсуждения грандиозных замыслов, блестящие выступления Гардера на конференции «Эра Водолея»...

Прощание в Шереметьеве. Он просто вывернул свой кошелек тебе в руки... Я знала, я чувствовала, что он умирает и торопится сделать для тебя напоследок что-то еще, еще и еще... На обратном пути, не помню, как и зачем, мы оказались на Красной площади. Казанский собор был уже почти достроен — подведен под купола...

Буквально через месяц ты был срочно вызван Гардером в Париж и посвящен в 33°. Сам Михаил Васильевич на церемонии не присутствовал. Он был в госпитале, куда его заботливо уложили «братья». А сразу после твоего возвращения в Москву позвонил рыдающий Жан и сказал: дело идет к концу. Жан просил, умолял, требовал, чтобы мы немедленно вылетали — прощаться. И еще он все твердил мне по-английски, что ты, только ты можешь «отпустить» Гардера, который никак не может умереть, пока ты не возьмешь его за руку! Мне это было непонятно.

Поездка казалась совершенно невозможной: из-за очередного обмена мы были в тот момент без заграничных паспортов.

Устроилось, однако, все как-то легко и быстро. В день нашего прилета — 1 мая, опять этот день! — в палату к умирающему нас

почему-то не пустили, а ввели только следующим утром. Его лицо было уже лицом покойника, но большой живот еще вздымало тяжелое дыхание. Мои слезы капали на его левую руку с золотым трехзвенным кольцом на пальце. Я почему-то не посмела прикоснуться к этой руке...

Ты взял его за руку! Мне показалось, послышалось или это было на самом деле: ваши толстые масонские кольца звякнули, соприкоснувшись. Что-то произошло в тот момент... Ночью Гардер умер»⁴⁹.

Смерть Гардера породила много слухов. Поговаривали даже, что Михаила Васильевича убили по тайному приговору масонской верхушки. Дергачевы и верили, и не верили этим слухам. Действительно, когда человеку под восемьдесят, ставить под подозрение его кончину особо не приходится. С другой стороны, все знали, что Гардер был энергичен и практически не страдал сколько-нибудь серьезными заболеваниями. Операция, которой он подвергся, прошла успешно. И умер он достаточно странно — от заражения крови в стерильных условиях первоклассного французского госпиталя Клиши. Настораживало и то, что лечащим врачом М.В. Гардера был масон.

«Оптимизм, жизнелюбие и вера в собственные силы Михаила Васильевича, — вспоминает Е.С. Соболева, — не знали границ. Он не раз повторял мне, что как настоящий мужчина и любящий муж не имеет права умирать раньше обожаемой Елизаветы. Зачем ей, такой неприкосновенной к жизни, все эти ужасные хлопоты с погребением? Вдовья горькая доля и одинокая старость — не для нее! Нет, нет, он твердо решил взять самое тяжелое и трагическое на себя. Пережить жену и похоронить ее сам... Однако сложилось иначе.

Но кому же мог помешать такой необходимый всем Гардер? Кому могла быть выгодна его смерть? Мы с тобой думали, думали, но никак не находили ответа. Какие-то страшные масонские тайны? Какие-то сверхсекреты, которых мы не знаем? А может быть, это как-то связано с нами, с тобой и русским масонством? Почему-то все время приходила на память трагическая биография его кумира — Новикова...

Мы чувствовали, что есть какая-то правда и в утверждении о том, что Гардер умирал так долго и мучительно потому, что ждал тебя. Наверное, он на самом деле должен был что-то тебе передать. Но что? Что мог передать человек, находящийся в коме? От этих мыслей мне становилось страшно. А вдруг это что-то невероятно трагическое, сделавшее такой мученической жизнь Новикова, приблизившее не вполне объяснимую кончину Гардера? Вдруг ЭТО коснется и тебя?

Невыносимо тяжелыми были эти дни в Париже. Не отвлек, а, наоборот, еще больше расстроил Кот, к которому мы, как всегда, съездили — в Шаню. Кот — верный Санчо Панса Михаила Васильевича, такой же сын белогвардейца и француз в первом поколе-

нии — горевал по-русски, с водкой, слезами и причитаниями... Меня слегка покорило то, что даже в эти страшные дни Кот продолжал порученную Гардером работу — переводил на русский язык тексты ритуалов для тебя и твоих «братьев». Вы спорили: «весьма почтенный и досточтимый» или «весьма почтенный и сверхдосточтимый»? Какая чушь! В нашем родном языке, оказывается, не хватает слов для масонского раболепного выражения недостижимой высоты величия мэтров!

Мы простились с Гардером в морге. Мы не могли остаться на похороны: не было денег на парижскую жизнь. Заплатив за билеты почти все, что получили, продав нашу старую машину, мы по привычке рассчитывали на финансовую поддержку французских «братьев». Однако нам очень быстро дали понять: без Гардера помнить о нашей валютной бедности — некому. Мы еще острее почувствовали всю полноту своего сиротства...»⁵⁰

Сиротство сиротством, но главная мысль этого пассажа Е.С. Соболевой все-таки в другом: М.В. Гардер в ее представлении был не только выдающимся разведчиком и масоном, но и еще великим колдуном, магом, общавшимся с некоей потусторонней силой, человеком, наделенным сверхъестественными способностями, которые он и передал во время своего последнего свидания с Г.Б. Дергачевым (это как раз тот момент во время предсмертного прощания, когда толстые масонские кольца М.В. Гардера и Г.Б. Дергачева «звякнули, соприкоснувшись»). В подтверждение этой версии в книге Ю.Ю. Воробьевского и Е.С. Соболевой приводится следующая записанная этнографами у русского простонародья весьма примечательная история: «Был дедушка у них какой-то, колдун. И вот он, когда помирал, шибко долго помирал, не мог помереть. Так вот кто в избу зайдет летом, как кто заходит, он:

— Нате! Подойдите ко мне! Нате!

Но уж все знают, что он колдун, там сыновья да невестки. Никто к нему не подходит, уходят. А я была девчонка, може, лет там девять мне было, я забежала хлеба кусочек взять, а он:

— Хфеня, подойди ко мне! На!

Я подошла, он меня за руку взял — я все знать стала»⁵¹.

Таким же колдовским способом, прозрачно намекает нам Е.С. Соболева, передал свое тайное знание и свои мистические способности через предсмертное соприкосновение рук и колец своему ученику и «колдуну» М.В. Гардер. Во всяком случае, муж, по ее наблюдениям, после этого случая стал совсем другим человеком. Его словно бы подменили, вынули душу. Что же касается присутствующего в воспоминаниях Е.С. Соболевой намек на будто бы насильственную смерть М.В. Гардера от рук «братьев»-масонов, то на ней специально останавливается ее соавтор по книге Ю.Ю. Воробьевский. «Знал ли Гардер, — вопрошает он, — о подлинных замыслах «высших неизвестных» относительно своей Родины? Не противоречия ли с ними привели к гибели столь

информированного человека, профессионального разведчика с большим стажем?»

Далее он подробно описывает последний визит М.В. Гардера в Россию в марте 1993 г. После заседания ложи, как обычно, состоялась братская трапеза, агапа. Сначала, согласно заведенному правилу, пили за правителя страны, потом — за Россию, потом — за Российское братство, за вольных каменщиков всего мира. Затем слово предоставили почетному гостю. Гардер сказал: «Слава Богу, в России христианство не умерло. И вернувшись во Францию, я поставлю вопрос о том, чтобы ритуалы и уставы для России в значительной мере согласовывались с православием».

Фраза носила скорее всего декоративный характер. Она была вполне в стиле новиковского «просветительства». Но даже она, видимо, как полагает Ю.Ю. Воробьевский, довела кое-кого до бешенства...

После агапы «братья» по традиции произнесли: *«Прежде, нежели закроется сия застольная ложа, помыслим о братьях, рассеянных по лицу земли, и пожелаем: страждущим — утешенья, болящим — исцеления, несчастливым — улучшения их участи. Тем же, кто у ворот смерти пребывает, — крепости духа и успокоения на Востоке вечном»*.

Последняя часть этой тирады, отмечает Ю.Ю. Воробьевский, оказалась как бы пророческой. Михаил Гардер, крепкий, практически никогда не болевший человек, неожиданно занемог. Ему посоветовали перебраться в провинциальную клинику, где практикует «брат». После операции самочувствие резко ухудшилось. Стало ясно, что он умирает... и не может умереть. Так продолжалось неделю. Он просил, чтобы из России прилетел Н.Н. И не отошел, пока тот не пожал ему руку. Крепкое рукопожатие, запечатленное на стольких масонских печатях и эмблемах! Оно имеет, оказывается, и еще один, страшный, смысл!

У некоторых близких Гардеру людей, продолжает он, сложилось мнение, что его попросту «зарезали». Кто знает, может быть, масонство, чья идеология и символика в значительной степени проистекает из иудейства, имеет и институт «тайных преследователей?» — задается риторическим вопросом Ю.Ю. Воробьевский и поясняет, что «тайный преследователь» *дает присягу никогда и никому в мире не открывать свою миссию и никому на свете не потворствовать, но действовать в соответствии с данной ему инструкцией, имеющей своей целью «в дугу согнуть ослушника» и «в роковой час пусть разразится над ним его несчастье»...*

Как бы то ни было, М.В. Гардер, чье имя носит московская ложа для масонов 32 градуса, несомненно, замечательная личность на довольно-таки унылом и сером небосклоне сегодняшних адептов российского масонства. Впрочем, как справедливо пишет Ю.Ю. Воробьевский, *«слова опровергаются словами, а кто опровергнет жизнь? Факт остается фактом: умер старый разведчик и масон как-то странно. Как самый настоящий колдун.*

И передал свою «харизму-перевертыш» ученику»⁵². И с этого времени, добавим мы, развитие русского масонства пошло уже совсем в другом направлении, нежели раньше, в русле установок, определяемых установками «Великой национальной ложи Франции» и стоящими за ней английскими и американскими «регулярными братьями».

Очевидный успех, достигнутый «Великой национальной ложей Франции» на пути насаждения масонства в России, позволил ей учредить 24 июня 1995 года «Великую национальную ложу России». Фактически это означало отделение или «независимость» русских регулярных масонов от «Великой национальной ложи Франции».

Открытию «Великой ложи России» предшествовала большая подготовительная работа. Вот что вспоминает об этом бывшая жена Г.Б. Дергачева Е.С. Соболева: *«К тому времени, не будучи людьми воцерковленными, мы не знали еще ничего про антихристианскую суть мирового масонства, но зато отлично знали, какая дрянь масонство в виде, так сказать, общественного движения. Тут у нас уже иллюзий не было. В ложах все «братья» на «ты». Все целуются, все равны, все свободны. Вот за этим-то, за «братскими» связями и идут туда те, кто ищет знакомств и протекции. Мировой «клуб» деловых людей. Причем окутанный ореолом секретности, элитарности, престижности.*

Наши иллюзии и романтический порыв были чисто русскими. Мы были убеждены: это «у них» масонство выродившееся, разложившееся, словом — «испорченное». Мы верили в себя! Мы думали, что здесь, в Москве, на нашей святой и чистой почве, возможно возрождение ордена «истинного», того самого, что декларируется уставами, ландмарками, утраченными «идеалами»! Мы говорили себе, что современное мировое масонство все равно рано или поздно проникнет в Россию, но без нас оно проникнет именно в виде «клуба «новых русских» — т.е. в этом своем уже испорченном и прогнившем западном варианте. А наша-то великая миссия в том и состоит, чтобы этому воспрепятствовать!

В России, говорили мы друг другу, масонство станет тем, чем оно должно быть — «свободным единением людей»! Мы соберем в ложи людей честных, порядочных, чистых, интеллигентных! Не допустим богатых бандитов, политиканов и жуликов, карьеристов и корыстолюбцев! Русское масонство станет действительно по поиском духовного пути...

И спешили мы с открытием «Великой ложи» все потому же: боялись, что нас опередят «братья» более пронырливые и «не те».

Разумеется, львиная доля работы по подготовке к «инсталляции» ложилась на твои плечи. Будущий «Великий мастер России» на этом этапе вкалывал, как на самом деле, — простой «каменщик»! Я старалась помочь всем, чем только могла. Я начала закладывать основы будущей «женской ложи» и собирала у себя на дамские чтения по тем дням, когда вы «работали», жен твоих «братьев»⁵³.

Официальное открытие «Великой ложи России» происходи-

ло в одном из залов ЦДРИ в двух шагах от знаменитой Лубянки. На церемонии и последовавшем после нее банкете в «Центральном» было замечено немало зарубежных гостей. Первое место среди них занимала, естественно, делегация «Великой национальной ложи Франции» во главе с Великим мастером Клодом Шарбонье. *«Среди тех, кого пришлось увидеть на церемонии, — отмечал корреспондент «Коммерсант Daily», — были люди действительно разного достатка и профессии. Кое-кто явно отдал на банкет если не последние, то предпоследние, но были и те, кто «стоит» в долларах немало». Были среди гостей и банкиры, о чем свидетельствует подарок, сделанный Интурбанком Великому мастеру «Великой ложи России» Г.Б. Дергачеву: мастерский перстень с одиннадцатью бриллиантами.*

Любопытные штрихи к устроенному московскими масонами после заседания банкету в ЦДРИ приводит Е.С. Соболева. *«Гостей, — пишет она, — огромный зал «Центрального». Русская символика в убранстве и организованный нами ларек с расписными луховицкими самоварами. А какие речи, тосты в нашу честь! Мне перстень золотой преподнесли с одиннадцатью бриллиантами: в ложах завелись первые богатые... Да, уже тогда мы начали лукавить. Радовались появлению среди нас не очень-то интеллигентных, бескорыстных, честных. Нужна, дескать, «материальная база».*

И большому количеству иностранцев тоже радовались. Кроме таких уже «родных» французов и недавно приблудившихся московских англичан, африканских послов в экзотических уборах, появилась в самый последний момент неожиданно огромная израильская делегация. Радовались мы все тому же: надеялись получить средства на строительство «храма» и прочие масонские нужды»⁵⁴.

Правда, из журналистских репортажей об этом событии видно, что перстень с одиннадцатью бриллиантами был преподнесен все-таки Великому мастеру «Великой ложи России», а не его жене, но супруге, конечно, виднее. Важнее другое.

«Похоже, что «русские каменщики», в конце концов, найдут спонсоров, заинтересованных в масонских контактах и выйдут из денежного прорыва», — язвительно замечает в связи с этим корреспондент «Коммерсант Daily». Что же касается присутствия на масонском торжестве российских политиков, то полной неожиданностью для него стала встреча здесь только что вернувшегося из Буденновска «добровольца», который «спасая заложников, преследовал с террористами Шамиля Басаева в Чечню» (Сергей Ковалев, правозащитник. — В.Б.). Как и следовало ожидать, на его долю выпало не меньше поздравлений, чем на долю Великого мастера Г.Б. Дергачева»⁵⁵.

Следующим шагом регулярных русских масонов после образования «Великой ложи России» стало учреждение ими в июле 1996 г. из масонов — обладателей высшей тридцать третьей степени еще одной масонской структуры — Верховного совета России, как высшего органа для регулярных масонских лож. Боль-

шим успехом «Великой ложи России» и ее Верховного совета стало их признание со стороны материнской Великой ложи Англии. Общее число лож этой ассоциации достигло уже одиннадцати, причем восемь из них: «Гармония», «Лотос», «Аврора», «Юпитер», «Четыре короны», «Северное сияние», «Братская любовь» и «А.С. Пушкин» располагаются в Москве.

Характерной особенностью масонства всегда была его многоликость. Разного рода расколы и соперничество между «братьями» — обыденная в этом сообществе вещь. Не сумела избежать этой беды и «Великая ложа России», от которой вскоре откололась группа недовольных «братьев», тут же избравших себе нового руководителя. Свою встречу с ним в одном из московских ресторанов подробно описал Юрий Воробьевский.

«На встречу во французский ресторан в центре столицы, — пишет он, — пришли двое. Один из них, оказавшийся Великим секретарем, сев за столик, сразу же надел затемненные очки. «Не выношу яркого света», — пояснил он, хотя в зале и был полумрак. Второго, небольшого роста, вальяжного (нового Великого Магистра «раскольников») я сразу же спросил:

— Вы однофамилец или родственник одного из классиков русского масонства?

— Потомок.

— По прямой линии?

— Нет, конечно, уже по кривой...

Поглядывая на меня искоса и как бы следя за реакцией, закуривая темную сигарету, носитель знаменитой фамилии начал в тоне лекции:

— В любом городе, в любой стране есть элитарная группа, которая определяет развитие общества. С распадом СССР такая группа у нас начала разрушаться. Как было раньше? Звонишь в соседнее министерство: Вася, надо решить такой-то вопрос. Если он говорит «да», то это значит «да». Без лишней волокиты все тут же начинает решаться. И вот наступил момент, когда несказанные «да», ни «нет» уже ничего не значили. Начинался хаос... Когда в течение нескольких месяцев я был министром в правительстве Гайдара, мне становилось страшно. Я даже как-то собрал своих друзей — писателей, поэтов, художников, — чтобы они помогли понять происходящее, посоветовали, как быть. Больше всего мне понравился ответ моего давнего друга, ныне покойного Льва Разгона. Он сказал: у реформаторов на самом деле есть колоссальный ресурс: это невероятная пассивность и долготерпение народа... В какой-то степени это понимание сняло мое волнение. Но все равно взамен тоталитаризма необходим был новый стержень. Новая, удобная самым разным людям, площадка для обсуждения и принятия решений. Такими площадками у нас стали бани. Но это ведь не здорово. Просто здоровья на такую жизнь не хватит.

— Ну, спиться на масонских агапах тоже можно.

— Конечно, свинья грязь везде найдет. Но знаете ли вы, что в

Америке, например, до 80 процентов лож «сухие», там не пьют спиртное. И потом, на каждую агану ведь задается тема для масонской работы, поэтому надо держать голову ясной.

Так вот. Запад не придумал ничего лучшего для решения названных проблем, чем масонство. Оно полезно в огромном количестве случаев, вплоть до защиты интересов мелкого бизнеса и среднего класса. Предположим, в какой-то городок приезжает бандит и начинает вымогать деньги у хозяина местного ресторанчика. Куда тот бежит? К брату-мэру и к брату-полицейскому. И — все вопросы решены.

Когда я это понял, я удивился; зачем Запад на заре наших реформ тратил огромные деньги на отправку в Россию протестантов и прочих проповедников (которые не оставили особого следа), и почему же он не «экспортировал» сюда такую действенную модель? Испугался усиления нашей страны?

Эти социальные преимущества масонства — только одна сторона. Главное то, что оно дает духовный рост. Приходит, например, в ложу человек с обложки журнала «Профиль», а в первом, ученическом градусе ему положено лишь молчать. Но он-то привык говорить! И говорить безапелляционно, ведь он чего-то там уже достиг! Один такой брат просто выходил время от времени на улицу, подержаться за столб, чтобы унять позывы говорения. А теперь благодарит за этот опыт. Он очень полезным оказался.

Масонство говорит о построении храма в душе. Какая глубокая символика заложена в легенде о строителе Хираме! Часто в ложу приходят люди индифферентные к религии. Но шотландский обряд основан на вере в единого Бога. И таких людей приходится буквально выталкивать вверх»⁵⁶.

9 января 2000 года состоялись выборы нового Великого мастера Великой ложи России. Вzbунтовавшиеся братья из мастерской «Аврора» решили бросить вызов Г.Б. Дергачеву, выдвинув альтернативную кандидатуру бывшего министра в правительстве Егора Гайдара, о беседе которого с Ю.Ю. Воробьевским мы уже знаем. Однако поколебать положение Г.Б. Дергачева они не смогли и кандидатура его соперника не прошла. Г.Б. Дергачев же вновь был избран Великим мастером на следующий срок. Раскольники были посрамлены.

В июле 2000 года в Москве прошла Ассамблея российских масонов. Выступивший в связи с этим перед журналистами Великий мастер «Великой ложи России» Г.Б. Дергачев в который раз уверял собравшихся в приверженности братьев идее патриотизма, надеясь, очевидно, что собравшиеся «профаны» ничего не знают о мечте великого немецкого масона и просветителя Г. Лессинга (1729—1781) о том времени и таком государстве, «где патриотизм перестанет быть добродетелью»⁵⁷. На последовавший же вопрос журналиста: много ли в ложах политиков? — Г.Б. Дергачев ответил: «Не так уж и мало». Таким же неопреде-

ленным был и его ответ на вопрос о наличии в ложах «думцев»: «полагаю, что могут быть»⁵⁸.

Обращают на себя внимание национальные (нерусские) ложи: «Северное сияние» — для армян (основана 28 ноября 1998 года) и, как это ни странно, для турок — «Братская любовь» (основана 6 марта 1999 года). Есть в Москве и англоязычная ложа — «Аврора», состоящая из проживающих в Москве иностранцев. Среди членов ее — богатые люди, представляющие интересы в России крупнейших западных компаний, в том числе принадлежащей семейству известных финансовых магнатов Оппенгеймеров алмазно-бриллиантовой корпорации «Де Бирс». Первым «досточтимым мастером» ее стал некий француз, занимавшийся поставками оборудования для российских телестудий. Заседает ложа в фешенебельном московском отеле «Пента». Мастерская эта входит в союз «Великой ложи России», и именно отсюда, как мы только что убедились, исходит оппозиция Г.Б. Дергачеву и стоящим за ним ядром бывших комсомольских работников первого масонского призыва. Собственно русских лож этого послушания в Москве, таким образом, всего пять. По одной масонской ложе имеется в Воронеже («Гамаюн»), «Полярная звезда» (Архангельск) и «Астрей» (Санкт-Петербург)⁵⁹.

Несмотря на то что на дворе уже XXI век, в обрядности регулярных масонов «Великой ложи России» мало что изменилось по сравнению с обрядностью их далеких предшественников XVIII–XIX вв., хотя на масонские собрания теперь положено приходить не иначе как в черном костюме с галстуком или бабочкой. Однако по-прежнему обязательными являются для «братьев» фартук и широкая лента поверх пиджака: до 3-го градуса — голубая и белые перчатки на руках. Не менее традиционен и обряд посвящения. Снимается один ботинок, штанина закатывается до колен, а рубашка надевается так, чтобы одно плечо и рука оставались обнаженными. На шею надевают веревочную петлю, завязывают глаза. Испытуемый проходит символическое испытание водой, воздухом, огнем и мечом; слышит, как точат ножи, звенят мечи, то и дело натывается голой грудью то на шпагу, то на молоток своих «братьев». Все это призвано подчеркнуть духовные стремления испытуемого и препятствия, которые он встретит на своем пути. После того, как посвящаемый приносит наконец присягу, повязка с его глаз снимается. Новопоспеченному «брату» повязывают фартук и вручают две пары перчаток: одну он надевает сам, другая предназначается его супруге или даме сердца. Заканчивается все, как правило, агапой, то есть обильным праздничным ужином⁶⁰.

Но это праздничное, так сказать, мероприятие, связанное с приемом в ложу нового «брата». Обыкновенные же собрания современных российских регулярных масонов, по отзывам присутствовавших на них, однозначно скучны и больше всего напоминают научные семинары и конференции и посвящены, как

правило, обсуждению разного рода богословских, философских, исторических и морально-этических проблем.

Любопытно, что на штандарте Великой ложи России — непременного атрибута заседаний ложи — изображения двуглавого орла и святого Георгия Победоносца. Стоит этой связи напомнить, что двуглавый орел — знак высшего посвящения в масонстве, а Георгий Победоносец символизирует 30-й тамплиерский градус ордена.

К этому можно еще прибавить, что в конце заседания ложи один из ее начальствующих членов (дародатель) обязательно обходит «братьев» с так называемой «кружкой вдовы» для пожертвований нуждающимся членам ложи. Кроме того, существует еще и обязательный взнос — и немалый — 50 долларов в год с «брата»⁶¹. Впрочем, и масоны, как правило, люди не бедные, хотя сами они непрерывно жалуются на скудость своих финансов. *«Пожертвования, конечно, есть, — говорит Великий магистр «Великой ложи России» Г.Б. Дергачев, — но средств не хватает. Нужно, например, создавать Храм; до сих пор мы кочуем из одного арендованного помещения в другое. Высоких покровителей у масонов в России, хотя об этом много говорилось, нет. В частности, даже упоминалось имя Президента. Это не так. Насколько мне известно, Борис Ельцин покровительствует Мальтийскому ордену. Этот орден чем-то похож на масонский. Но к масонам не имеет отношения. У нас есть сочувствующие, в том числе и во властных структурах и в Думе, но чаще там доминирует страх. Нужно время»*⁶². Общая численность «братьев», принадлежащих к мастерским «Великой ложи России», уже давно перевалила за 100 человек, причем, как уверяет Г.Б. Дергачев, все они не только верующие, но и в массе своей коренные русские православные люди⁶³. Подчеркивание Г.Б. Дергачевым православности современных российских масонов не случайно. Стремясь преодолеть негативное отношение к масонству русских людей, его руководители не скупятся на дифирамбы по отношению к России. «Дух» на Западе, заявляет, например, все тот же Дергачев, уже утерян. Многие масоны даже на Западе, уверяет он, считают, что если и произойдет настоящее возрождение масонства в мире, то это произойдет обязательно только в России.

Успех «Великой национальной ложи Франции» в России во многом был обеспечен благодаря неумолимой деятельности куратора русских лож от этой ассоциации полковника Михаила Гардера (род. в 1916 г. в Саратове) — сотрудника французских спецслужб еще с 1940 года. Кадровым военным и тоже полковником французской армии был и первый куратор русских лож со стороны Великого Востока Франции А.В. Липский — активный участник спецопераций в Алжире и Индокитае. Непростая биография и у К.В. Мильского, курировавшего русские ложи «Великой ложи Франции» в России. К.В. Мильский много лет прожил в Китае и отсидел там по обвинению в шпионаже, в об-

щей сложности, восемнадцать лет, сначала в гоминдановских, а затем и маоистских лагерях⁶⁴. Все трое родились в свое время (в 1916 г.) в России. Но скорее всего отнюдь не это чисто формальное обстоятельство было главным, когда решался вопрос о поручении им организации первых масонских лож в нашей стране. Из этого, конечно, еще не следует, что все масоны — обязательные агенты спецслужб, но когда организацией масонства занимаются полковники (пусть и в отставке) иностранных государств, набившие руку на спецоперациях в Алжире, Индокитае и других государствах, призадуматься над побудительными мотивами их очень уж активной деятельности по насаждению масонства в нашей стране, видимо, все-таки, стоит.

Но вернемся к регулярному масонству «Великой ложи России» и ее Верховному совету во главе с Г.Б. Дергачевым. Несмотря на не всегда благоприятные отзывы о нем его бывшей супруги, выдающаяся роль этого человека в становлении масонства в современной России не подлежит сомнению. Свою роль здесь сыграли, очевидно, и многочисленные интервью Великого мастера, демонстрировавшие широту взглядов и открытость современных российских масонов для диалога со своими оппонентами. Наиболее интересным из них следует признать интервью, которое дал Г.Б. Дергачев журналисту Ю.Ю. Воробьевскому в самом начале 1995 года. *«Мы привыкли считать масонство тайным сообществом, — задает вопрос Великому мастеру Ю.Ю. Воробьевский. — Почему вы согласились отвечать на мои вопросы?»*

Г.Д.: Это как раз и связано с уровнем моего посвящения. Масоны нижних степеней обязаны вести закрытую, герметическую работу в ложах. Начиная же с 30-го тамплиерского градуса, каждый из братьев получает в руки духовный меч для борьбы со злом во внешнем мире.

Ю.В.: Вы удивительно быстро взлетели по степеням посвящения. Ведь, насколько я знаю, сами вы в масонстве состоите недолго.

Г.Д.: Да, в масонском регламенте обозначены сроки, необходимые для прохождения того или иного градуса посвящения. Например, в символических ложах нижнего уровня не менее года надо быть учеником. В течение этого периода неопит не имеет права брать слово на заседаниях. Затем — год он должен быть подмастерьем, это второй градус. От года до трех — быть мастером символической ложи, прежде чем получить 4-й градус.

Впрочем, многие не поднимаются выше третьего градуса. В нем уже сосредоточены все права и достоинства масонства. Если у брата нет склонности к эзотерической работе, которая и дает продвижение по лестнице посвящения, то он может стать Великим мастером ложи, даже не имея высоких градусов.

Возможно, мои эзотерические склонности были оценены высоко. Впрочем, скорее столь быстрое посвящение — некий аванс. Важно самопосвящение, постоянное ощущение ученичества. Нельзя обольщаться тем, что возвысился над миром профанов.

Лестница посвящения — это проход через различные духовные традиции. Есть розенкрейцеровские, тамплиерские степени, многое масонство взяло от Каббалы. В ложах происходит диалог традиций.

Ю.В.: Как же начиналось в последние годы то, что вы называете возрождением русского масонства?

Г.Д.: Вначале активность по отношению к России проявил Великий Восток Франции. В 1991 году в Москве была создана ложа «Северная звезда». (К этому сроку мы имели семь мастеров, необходимых для ее открытия.) Французы перевели тексты ритуалов на русский язык, подобрали для нас литературу, консультировали по содержанию различных практик.

Хотя, надо сказать, традиция через книги не передается. Символ — это ключ к бессознательному, но важно, чтобы замок не был ржавым»⁶⁵.

Несмотря на очевидные успехи движения, едва ли не основное место в его деятельности по-прежнему занимает пропаганда масонства через средства массовой информации и пополнение своих рядов новыми адептами ордена. Что же это за люди? Конечно же, это в первую очередь наши российские интеллигенты (половина из них москвичи) в возрасте от 30 до 40 лет; есть студенты и даже люди предпенсионного возраста, но их немного. Больше всего в мастерских «Великой ложи России» преподавателей вузов и школ — историки, философы, экономисты, врачи. Есть военные (конечно же, офицеры) и коммерсанты⁶⁶. Что же касается мотивов их вступления в ложи вольных каменщиков, то вот как объясняет это один из уловленных «братьев», учитель по профессии — Виктор. *«Меня увлекали идеи перестройки, демократии. Потом наступило разочарование. Тут один знакомый сказал мне, что есть братство людей, не занимающихся политикой; их усилия сконцентрированы на духовном самосовершенствовании. Меня это очень заинтересовало... В ложе я могу заниматься религиозной, духовной практикой, оставаясь светским человеком. Здесь я ощутил чувство локтя, тыла. Когда заболела мама, «братья» по ложе помогли мне больше родственников. Кроме того — ложа это своеобразный мужской клуб»⁶⁷.*

Широко используют масоны для привлечения в свои ряды новых членов и заказные рекламные статьи. Как типичный пример, можно привести материал Александра Колпакова «Братство вольных» в «Московском комсомольце» за 13 августа 1997 г., в конце которого всем заинтересовавшимся масонством предлагается написать по указанному здесь же адресу: 103001, Москва, а/я 83. Надо полагать, «мастеру» г-ну Гурьеву, которого интервьюировал А. Колпаков⁶⁸.

Любопытное свидетельство о характерных приемах вербовки современными масонами адептов ордена приводит В.М. Острцов, столкнувшийся с ними во время своей работы в читальном зале Особого архива (1993). *«В маленьком зале сидели мужчины и*

женщины. Как выяснилось, из Германии. Седовласый мужчина крупного телосложения, скорее славянского типа. Узнав, что я работаю над масонским архивом и имею публикации, связанные с масонством, он спросил, не масон ли я. При этом доктор К., представившись, отвернул лацкан пиджака и показал на маленький значок — циркуль с наугольником из желтого металла. А после недолгого оживленного разговора о публикациях в России о масонской теме — истории ордена — спросил, не хочу ли я вступить в члены ордена... В случае принятия предложения мне будут даны возможности пользоваться масонскими архивами лож и публиковаться в изданиях ордена. Кроме того, взяв чистый лист бумаги, он написал печатными буквами фамилию одного известного человека, его координаты и сказал, что если я захочу стать членом ложи, то мне нужно будет связаться с этим человеком»⁶⁹. В.М. Острцову можно верить, так как автор этих строк тоже имел подобную встречу с адептами ордена.

Дело было летом 1991 г. — это как раз то время, когда руководство практически всех трех послушаний французского масонства осуществляло высадку массированного десанта своих «братьев» в Советский Союз. То, что высадку эту осуществляли именно французские масоны, не было, конечно, случайностью, а следствием специального соглашения между ведущими масонскими ассоциациями о разделе сфер влияния в мире. Конечно, не следует думать, что французские «братья» предлагали в это время вступить в масонскую ложу едва ли не первому встреченному ими русскому интеллигенту. Нет. Но определенный элемент некоей стихийности этого процесса все же был. Так, достаточно было мне опубликовать в 1990 г. в одном из ленинградских журналов небольшую работу по истории масонства дореволюционной России, как меня тут же вычислили, причем не в России, а во Франции, отнеся к числу возможных кандидатов в вольные каменщики. Убедительное свидетельство этому — полученное мною в конце июня 1991 г. несколько странное письмо из Москвы от некоего Филиппа Кавафяна — представителя французской Электрической компании в Москве, которое я привожу здесь полностью. «Уважаемый господин Брачев, — говорилось в нем. — Мы познакомились с вашими статьями, опубликованными в 8 и 9 номерах «Ленинградской Панорамы» за 1990 год. Технический переводчик г-жа БОРИ, которая перевела эти статьи, попросила меня связаться с Вами и передать, что французские специалисты проявляют интерес к теме, затронутой в Ваших статьях. Они могли бы встретиться с Вами во Франции. Я буду в Ленинграде в 20-х числах июля и мог бы встретиться с Вами для обсуждения этого вопроса. Если эта встреча не состоится в этот период, то мне было бы приятно встретиться с Вами в Москве в конце июля или в августе. К настоящему письму прилагаю визитные карточки. В ожидании нашей встречи прошу при-

нять, уважаемый господин Брачев, мои уверения в искреннем к Вам уважении. Филипп Кавафян».

Увы, в прекрасный Париж за счет французских масонов я так и не съездил. Однако я не настолько самонадеян, чтобы думать, что только моя более чем скромная фигура (в то время ассистента ЛГПИ А.И. Герцена) могла привлечь внимание руководителей французского масонства. Нет сомнения, что письма аналогичного содержания получили в то время многие наши интеллигенты. А уж не съездить на «халяву» за счет французских масонов в Париж было бы и вовсе грешно. Они и съездили, можно в этом не сомневаться. Съездили, а теперь отрабатывают вложенные в них деньги в российских масонских ложах.

Но это, так сказать, одна сторона дела. Другая заключается в том, что письмо Филиппа Кавафяна приоткрывает, как мне представляется, тайну персонального состава современных масонских лож: ведь одним из первых кандидатов в ложу оказался исследователь масонства. Так что к известным нам именам современных русских масонов: философа по образованию Г.Б. Дергачева, профессора В.И. Новикова, А.А. Римского-Корсакова и В.С. Шидловского читатель смело может прибавить еще с десяток имен исследователей и пропагандистов масонства в нашей стране.

Любопытное впечатление о своих контактах с масонами и масонством приводит и уже известный нам историк О.А. Соловьев. Произошло это, однако, уже не в читальном зале архива, как в случае с В.М. Острцовым, а в другом не менее примечательном месте — филиале Музея Революции в Москве на Моховой, дом 6 в ноябре 1994 г. на научных чтениях, посвященных 250-летию со дня рождения одного из столпов русского масонства Николая Ивановича Новикова. В качестве независимого исследователя принимал участие в этих масонских «чтениях» и О.Ф. Соловьев. *«Итак, — пишет он, — в средний по размерам лекционный зал пришло до 50 мужчин и несколько женщин молодого вида. Среди них можно было опознать и настоящих масонов, приветствовавших друг друга троекратным «братским» поцелуем... Вскоре, — продолжает О.Ф. Соловьев, — подошел куратор от Великого Востока Франции А.В. Липский в сопровождении двух персон от этого послушания. Председательствовал доктор исторических наук, переводил гостям Липский. Выступления отличались неоднозначным уровнем; некоторые были глубокими, другие слишком многословными. Аудитория внимала им с глубоким молчанием, и лишь после каждого доклада следовали вопросы и реплики. Ход чтений отличался респектабельностью в лучшем академическом духе. Полемизировать друг с другом или давать оценки текущих событий участники встречи почти не отваживались. В их демократическом настрое и лояльности властям сомневаться не приходится»⁷⁰.*

О.Ф. Соловьев искал среди присутствующих сколько-ни-

будь известных деятелей политической или финансовой элиты современной России. И не нашел. *«Большинство принадлежало к ученому миру; видных политических или государственных мужей что-то не приметил», — свидетельствует он*⁷¹. Это и неудивительно — добавим мы от себя. Что забыли российские политики на конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Н.И. Новикова? Но, похоже, в самом деле, с привлечением в масонские ложи сколько-нибудь заметных политических деятелей пока еще не все ладно. Крупных политических деятелей, заявляет уже цитировавшийся нами руководитель «регулярного» масонства в России, у нас нет. Но если они придут, добавляет скромно мастер, то «мы только будем рады, это повысило бы авторитет братьев, но это не самоцель. Главное, чтобы человек соответствовал нашим условиям». Впрочем, отдельные представители политической и финансовой элиты в масонские ложи все же пришли: уже в правительстве Е.Т. Гайдара, как выясняется, было два министра-масона, принадлежавших к ложам Великого Востока Франции⁷². Сам Егор Тимурович энергично отрицает свою прикосновенность к масонским ложам: «Нет, с масонством я знаком только по книгам»⁷³. Но Великий Восток Франции, как мы знаем, это ярко выраженное политическое масонство. «Регулярные» же масоны, как правило, стараются избегать прямых выходов на «злобу дня». *«Мы строго придерживаемся одного из основных принципов масонства — быть вне политики. Мы никогда не обсуждаем политических проблем на своих заседаниях. Не принимается никаких политических деклараций, ибо политика разъединяет людей», — утверждает один из руководителей Великой ложи России Владимир Новиков*⁷⁴. Не следует сбрасывать со счетов и незавидную в целом репутацию, которой традиционно пользуются масоны в России. Все это, конечно же, побуждает российских политиков, даже радикально демократической ориентации, весьма осторожно относиться к масонству и по крайней мере стараться публично «не светиться» на масонских тусовках.

Можно констатировать, что возрождающееся в нашей стране масонство делает только свои первые шаги и, похоже, пока еще не совсем определилось окончательно: будет ли оно откровенно политическим, подобно Востокам Франции и Италии, или, как в большинстве англо-саксонских стран, предпочтет все же прикрыться фиговым листком религиозно-нравственного просветления человечества. Но уже сейчас, впрочем, ясно, что побеждают, судя по всему, сторонники второго пути, видящие свою главную цель не столько в непосредственном участии в политической борьбе, сколько в отборе, формировании и воспитании через масонские ложи прозападно ориентированной политической элиты либерально-демократического толка для нашей страны.

За прошедшие 11 лет своего существования в «новой» России масонские ложи выросли и окрепли. Существенно изменился и их личный состав. Вместо прекраснодушных романти-

ков и альтруистов первой волны на ведущие роли в российских ложах теперь выдвинулись совсем другие люди: отставные офицеры спецслужб, дипломаты, влиятельные журналисты, бизнесмены и правительственные чиновники. *«Крупнейшая пиаровская компания, — пишет в связи с этим Ю.Ю. Воробьевский, — принадлежит этой публике. Они сажают в губернаторские кресла то одного, то другого»*⁷⁵. И не только в губернаторские. Скромные российские интеллигенты, какими в большинстве своем и были масоны первого призыва, чувствуют себя среди этой публики не очень комфортно. Отсюда естественное разочарование ряда «братьев» и их сомнения в правильности избранного ими масонского курса.

Подлинной сенсацией среди «братьев» стал разрыв с масонством «боевой подруги» и жены Великого мастера «Великой ложи России», скрывающейся за литературным псевдонимом Елены Сергеевны Соболевой, вклад которой в становление его масонской карьеры трудно переоценить. Желая быть максимально полезной своему супругу в его зачастую опасных и многотрудных масонских делах, Елена Сергеевна пошла в свое время даже на такой неординарный для нашей женщины шаг, как посвящение в первый градус парижской женской масонской ложи «Роза ветров» юрисдикции Великой ложи Франции. Произошло это знаменательное событие 30 апреля 1992 года. Однако в последующем отношения между супругами стали охладевать. Причин тому было несколько.

В конце 1990-х годов неожиданно умирают несколько близких родственников и друзей Елены Сергеевны, а 30 января 1999 года скоропостижно скончался от сердечной недостаточности единственный сын четы Дергачевых 29-летний Глеб. К этому же времени относится и разрыв Елены Сергеевны с мужем. «Увела» его, как это часто бывает, ближайшая подруга Елены Сергеевны, некая Вика, жена «вольного каменщика» Саши, который, в свою очередь, был близким другом Г.Б. Дергачева. Потрясенная этими несчастьями, эмоциональная Елена Сергеевна восприняла случившееся в чисто мистическом ключе, как некое наказание Божие, своего рода грозный знак — предостережение ей за бывшее увлечение масонством, дело, как она это ясно понимала, с православной и вообще христианской точки зрения явно богохульное. Сказалось, несомненно, и разочарование Елены Сергеевны как в идеалах, так и в особенности в повседневной практике вольного каменщичества. Большой интерес в связи с этим представляет приводимое ею высказывание аргентинского масона русского происхождения Владимира Головина, сделанное им в начале 90-х годов в Москве в гостях у четы Дергачевых:

«Знаешь, когда я был молод, я очень увлекся масонством. Все это было так ново, так благородно, так светло... Каждый новый градус был как праздник, как открытие. Я ждал, что впереди, на самом высшем градусе мне откроется совсем уж какая-то неведо-

мая, неземная радость. Я двигался, я работал, я шел все выше и выше по масонской лестнице... И я дошел! И знаешь, что мне там открылось? Чернота! Бездна!»

«Все остальное, — обращается в своей книге к своему бывшему мужу Елена Сергеевна, — он рассказывал тебе наедине. Но ты помнишь, как пересказывал мне эти «открытия», эти разочарования? Оказывается, там, наверху, становится совершенно очевидным, что, во-первых, «вольные каменщики» не такие уж и вольные. Вся эта болтовня о независимости и самостоятельности лож — чистая демагогия. Мировое масонство управляется из единого центра. А во-вторых, вся эта ваша хваленая веротерпимость сводится к одному — отказу от Христа. Она превращает масонский храм в дом терпимости, где творится духовный блуд.

Во всех ложах мира полным-полно евреев, и они, как правило, быстрее других достигают более высоких градусов. Верхушки масонских лож в Европе и Америке — почти всегда иудейские. А значит, центр, где бы он ни располагался географически, лежит на самом деле где-то в недрах иудаизма...

И это ты сам честно мне изложил. Мы начали перечислять друг другу всех известных нам в мире масонских «начальников». Поражались: действительно все они, конечно же, иудеи. Даже в Африке. А ведь до сих пор мы как-то этого не замечали!

Но в главном ты твердо стоял на своем: не надо спешить, надо посмотреть, подумать. И снова заводил все ту же песню о необходимости твоей роли «сдерживающего фактора». Снова объяснял, что если «брат» тот абсолютно прав, то тем более важно «контролировать ситуацию», «не допускать проникновения в Россию...» и прочее...

Я понимала, конечно, что за всем этим не только обычная твоя нерешительность и трусоватость. Я сочувствовала: действительно трудно, очень трудно вот так — рвануть все разом и отказаться от «трона», «титула», от зарубежных поездок и контактов, от всей этой мишуры и позолоты, к которой — что греха таить? — мы оба так уже привыкли. К тому же я-то ведь всегда при деле. У меня — кино, ребята, ВГИК, статьи и книги. А ты будешь делать без работы, без денег? Снова ляжешь на диван?

Тут надо честно признаться: летом 1996 года мы уже имели от масонства кое-какой доход. У тебя появилась наконец-то настоящая мужская зарплата. Правда, ты ее получал все же как-то странно... Один из твоих зарубежных «братьев», руководитель известнейшей радиостанции, платил тебе доллары. Не Бог весть какие, но доллары. «По-братски». То есть ты не работал, а только числился, а деньги получал потому, что вроде как бы не очень прилично Великому мастеру вечно сидеть на шее жены... Да, я знаю, ты говоришь всем, будто пишешь для этой радиостанции концепции. Но уж мы-то с тобой знаем, что это не так.

Разлад наш только начинался. Ты все чаще стал повторять,

что «дача — не самоцель», стремился все больше времени проводить в Москве. Я не верила в твои идеи срочно и круто разбогатеть. Я стала после Святой Земли верить в Бога. Я решила освятить достроенную дачу. Мы с мамой весь дом убрали, вымыли, повесили старенькие, но настиранно-наглаженные шторы. Ты навел порядок во дворе, в саду. Шел Успенский пост, и мама напекла пирогов с капустой без яиц и сливочного масла. Поехали в Тихвинский, за батюшкой»⁷⁶.

Результат духовного прозрения Елены Сергеевны был следующим. С той же энергией, с какой она ранее помогала мужу насаждать масонские ложи в России, она теперь ударилась в другую крайность — истовую религиозность: стала регулярно посещать церковь, поститься, молиться, ездить по монастырям, исповедоваться и просить совета у православных батюшек. Свидетельством окончательного и бесповоротного разрыва Елены Сергеевны со своим масонским прошлым стала публикация ею в 2002 году в соавторстве с журналистом Ю.Ю. Воробьевским скандально-разоблачительной книги о первых шагах современного масонства в России под весьма красноречивым названием: «Пятый ангел вострубил». Выражение это взято авторами из «Откровения Иоанна Богослова»: *«Пятый ангел вострубил, и я увидел звезду, нависшую с неба на землю. И дан был ей ключ от кладези бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя... И из дыма вышла саранча на землю»*. Вышедшей из «западной бездны» саранче авторы книги уподобляют масонство, вот уже несколько столетийдвигающееся на наш «православный Восток»⁷⁷.

«В России у масонов земля под ногами горит. Я потеряла все самое дорогое, что у меня было в этой жизни. Трагическая смерть сына... И я ведь не могу спросить: за что, Господи? Я точно знаю, за что...» — говорит теперь Елена Сергеевна⁷⁸.

Большой неожиданностью оказался и разрыв с масонством ближайшего помощника Г.Б. Дергачева по «Великой ложе России» брата одной из высших (30-й, Рыцаря Кадош) масонских степеней профессора Владимира Ивановича Новикова, автора-составителя ценного издания «Масонство и русская культура», вышедшего в Москве в 1998 году⁷⁹. Тогда Владимир Иванович всячески превозносил масонство. Теперь же он говорит совсем другое: *«Не в первый раз масонство атакует Россию. Так было во времена Екатерины II, Николая I, во времена Временного правительства. И никогда этот велеречивый орден не приносил нашей Родине ничего, кроме бед и крови. И вот — очередное нашествие. Но я верю — скоро — ему конец»⁸⁰.*

Настораживает, правда, некоторая театральность расставания профессора с масонством: белоснежные перчатки, фартук, и лента «Рыцаря Кадош» были брошены им буквально в грязь пола под стрекот кинокамер, причем не где-нибудь, а в «святом», можно сказать, для каждого русского масона месте — старинном флигеле села Авдотьино (Тихвинское) — бывшей усадьбе знаменитого масона-просветителя Н.И. Новикова.

Как явствует из официального сайта⁸¹ «Великой ложи России» Всемирного ордена вольных каменщиков (масонов), она всего лишь одно из звеньев всемирной цепи Братства вольных каменщиков, хранящей прямую посвяtitельную цепь от первых братьев Великой ложи Англии (1717) и ранее. «Великая ложа России» является единственной регулярной масонской организацией на территории России, признанной более чем 90 регулярными Великими ложами мирового Братства, включая Великие Материнские ложи Англии, Шотландии и Ирландии.

Всемирное Братство вольных каменщиков — древнейший в мире посвяtitельный орден, сохранивший преемственность традиции с незапамятных времен, блюдуший в первоизданной чистоте принципы свободы, веротерпимости, истинного духовного братства и равенства между свободными людьми, добрых нравов и чистых помыслов, объединяющихся в ложах для того, чтобы совместно следовать путями добродетели и нравственного поиска.

Во все времена орден объединял в своих рядах, — говорится далее в этом тексте, — ярчайшие личности, виднейших представителей мировой интеллигенции, цвет всех наций, настоящих подвижников науки, социальных преобразований, искусства, философской и религиозной мысли. За почти 300 лет своего существования, по официальной историографической традиции, масонский орден стал объединяющим фундаментом, на котором формировалось мировоззрение европейской, американской, российской интеллигенции, он дал в руки величайшим мыслителям надежный символический и философский инструментарий, способствовавший более плодотворным их изысканиям на ниве познания человечества и путей к его совершенствованию. В России он способствовал возникновению первой светской идеологии, вне которой немислимо существование общества.

15—16 июня 2001 года на VII ежегодной ассамблее «Великой ложи России» был принят наконец и основополагающий программный документ русского масонства — ее Конституция (до этого она пользовалась Конституцией «Великой национальной ложи Франции»). 1 февраля 2003 года, на этот раз уже на полугодовой ассамблее «Великой ложи России» в эту Конституцию были внесены существенные поправки, в связи с чем была утверждена и новая редакция этого основополагающего документа современного регулярного российского масонства⁸².

Конечно же, как и всякая Конституция, она всего лишь декларация о добрых намерениях российских «братьев» — «вольных каменщиков». И тем не менее отрицать принципиальную важность этого документа для понимания сути той незримой духовной работы, которой заняты сегодня в России «регулярные» масоны, не приходится. В интересах читателя, желающего самому,

без посредников и по первоисточнику, разобраться, чего же хотят сегодня в России «вольные каменщики», приводим ниже ее текст полностью, без комментариев:

«Во имя Великого Архитектора Вселенной!

КОНСТИТАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ЛОЖИ РОССИИ

Принята Ассамблеей Великой ложи 1 февраля 6003 года Истинного Света на Востоке г. Москвы.

Великая ложа России создана, инсталлирована и освящена 24 июля 5995 года Истинного Света ВЕЛИКОЙ Национальной ложей Франции и почитает свою материнскую Великую ложу, ее Конституцию, традиции и установления источниками духовного влияния и свидетельствами непрерывности Масонской посвятельской цепи.

Основополагающие принципы

Масонство берет свое начало в средневековых гильдиях оперативных каменщиков. В основе его ритуалов лежит символизм строительных работ. Обычаи и ритуалы являются следствием развития традиций незапятнанных времен, известных под названием Древних заповедей, или Ландмарок, передаваемых Мастерами Ученикам, и содержат изложение общепринятых и неизменных во времени принципов масонства.

Масонство основывается на нерушимой вере всех его посвященных во Всевышнего Бога, которому поклоняются под именем Великого Архитектора Вселенной. Принципы масонского мировоззрения сводятся к двум основным положениям: «Познай самого себя» и «Твори другому то, что желал бы, чтобы творили тебе».

Масонство — это свободное сообщество независимых людей безотносительно к их вероисповеданию, стремящееся к осуществлению идеалов мира, любви и братства.

Масонство полагает своими целями нравственное усовершенствование человечества и практику истинной благотворительности.

Масонство налагает на всех своих посвященных обязательство уважать чужое мнение и строго запрещает любые дискуссии по политическим или религиозным вопросам, дабы являться неизменным центром братского единения, в котором царит совершенная гармония мысли. Масоны собираются в местах, именуемых ложами, для проведения ритуальных работ, к каковым допускаются только.

Собирающиеся в ложах обязаны любить свою страну, быть верны ее законам и законно избранным властям, полагать труд основным долгом человека, почитать труд во всех его формах; всеми силами своими: словом, примером, полезными печатными трудами, — оберегать Масонскую тайну.

Истинный масон обязан непрестанно помогать своим Братьям, даже под угрозой самой его жизни, всегда и невзирая ни на какие внешние обстоятельства жизни, оставаться спокойным, держать себя в руках в том, что касается помыслов и слов.

Двенадцать принципов регулярности

1. Массонство является посвятителным братством, основывающимся на традиционной вере в Бога — Великого Архитектора Вселенной.

2. Массонство основывается на Древних заповедях и Ландмарках братства, содержащих в себе основные особые традиции Ордена, соблюдение которых является неотъемлемым условием регулярности юрисдикции.

3. Массонство является Орденом, принимающим в свои члены только людей свободных и безупречной репутации, согласных трудиться во имя осуществления идеалов мира, любви и братства.

4. Массонство полагает своей целью нравственное совершенствование своих членов и, в конечном счете, всего человечества в целом.

5. Массонство налагает на всех братьев обязательство строго и точно соблюдать ритуалы и сохранять традиции масонского символизма как основу для признания другими членами духовного посвятителного Ордена.

6. Массонство налагает на всех братьев обязательство уважать мнение и веру друг друга. Оно запрещает братьям какие бы то ни было дискуссии по вызывающим противоречия политическим и религиозным вопросам. Оно считает себя неизменным центром братского единения, терпимости и взаимопонимания, плодотворной гармонии между людьми, которые вне его склонны к спорам и раздорам между собой.

7. Массоны приносят свои торжественные обязательства на Книге Священного Закона своей веры, дабы приносимое ими обязательство обрело для них силу священной и нерушимой клятвы.

8. Массоны оставляют профанский мир и собираются в ложах, в которых всегда присутствуют и находятся на виду три великих Светоча Ордена: Книга Священного Закона, Циркуль и Наугольник, и работают там с усердием и рвением, в соответствии с ритуалом и принципами и неизменными уложениями Конституции и Общего Регламента послушания.

9. Массоны принимают в свои ложи только людей добрых нравов, безупречной репутации, лояльных к светским властям и благо-разумных, достойных и во всех отношениях заслуживающих именоваться Братями, верующих в высокое предназначение человека и беспредельное могущество Предвечного.

10. Массоны в своих ложах культивируют любовь к своей стране, почтение к ее законам и законно избранным властям. Они считают во всех его формах наивысшей и почтеннейшей обязанностью человека.

11. Массоны своим примером и постоянными упорными трудами смело и с достоинством блюдут масонскую тайну во имя процветания Ордена.

12. Массоны обязуются помогать друг другу и защищать друг

друга, даже под угрозой своей собственной жизни. Они при любых обстоятельствах сохраняют спокойствие и уравновешенность, необходимые для совершенного владения собой.

Обязанности масонов

Масоны торжественно обязуются и клянутся никому не раскрывать никаких таинств Ордена, кроме истинных и законных братьев или в должным образом учрежденной и открытой ложе Вольных Каменщиков. Они также хранят в своих сердцах любовь к своим Братьям, должны утешать их в часы невзгод и приходить им на помощь в случае необходимости. Также они обязуются почитать и соблюдать правила, предусмотренные в вышеизложенных двенадцати принципах регулярности.

Масоны полагают, что все люди, несмотря на различия в их общественном положении и в одаренности, обладают равными правами и обязанностями. Они долгом своим почитают сами вести себя в соответствии с этой убежденностью и побуждать всех окружающих относиться к ближним своим по-братски, с любовью и уважением, на основе всеобщего равенства и братства.

Масоны стремятся к духовному и умственному совершенствованию членов своего Ордена и на практике осуществляют принципы человеколюбия. Принципы их деятельности суть следующие: использование универсальной системы символических наставлений, известных под именем Царственного Искусства, уважительное использование установленных ритуалов, благотворительная деятельность, терпимость и безупречное поведение.

Ложа является местом, где царят совершенная гармония и братская любовь; в нее не допускаются никакие профанские страсти. Во время масонских собраний все Братья должны вести себя так, чтобы никаким своим словом или поступком не нарушить гармонию собрания.

Масоны принимают в Братство только людей свободных и добрых нравов, намеревающихся активно работать во имя своего духовного и нравственного совершенствования. Они не делят своих посвященных в зависимости от их веры, расы, национальности или общественного положения.

Никакому Масону не разрешается носить свои Масонские регалии — запоны, ленты, подвески и прочее — вне стен ложи и не во время регулярного и должным образом открытого собрания, кроме случаев особого распоряжения Великого Мастера.

Никакому Масону не разрешается публиковать, издавать или каким-либо иным образом обнародовать — в Масонской или профанской прессе — какие-либо документы, публикуя которые он, по своей воле или нет, нарушает какие-либо Масонские законы или какие-либо пункты его обязательств по отношению к Ордену или отдельным его членам, а также документы, противоречащие принципам Ордена или порочащие его честь или честь отдельных его членов.

Все Братья обязуются не принимать никакого участия, явного или тайного, в собраниях каких-либо масонских организаций, не признанных Великой ложей России.

Все Братья обязуются признавать и уважать юрисдикцию и прерогативы Великих лож, если они должным образом учреждены и признаны.

Основные принципы признания Великой ложи

В своих масонских трудах, а также принимая решение о признании какой-либо Великой ложи в качестве братской юрисдикции, Великая ложа России руководствуется следующими правилами, принятыми Объединенной Великой ложей Англии 4 сентября 1949 года:

1. Регулярность происхождения: каждая Великая ложа должна быть законно учреждена и признана законно учрежденной Великой ложей или тремя и более законно учрежденными ложами.

2. Вера в Великого Архитектора Вселенной и Его волю, явленную посредством Откровения, является необходимым и основополагающим условием членства в Ордене.

3. Все посвященные должны приносить обязательства перед открытой Книгой Священного Закона, под этим термином понимается Откровение свыше, изложенное в священном писании религии того или иного кандидата.

4. Членами Великой ложи и отдельных Достопочтенных лож в ее юрисдикции могут быть только мужчины, и никакая Великая ложа не должна иметь никаких масонских связей с какими-либо ложами со смешанным или женским членством.

5. Великая ложа должна обладать верховной и суверенной властью над ложами под своей эгидой, то есть она должна являться ответственной, независимой и самоуправляющейся организацией, обладающей безраздельной и неоспоримой властью над масонством символических градусов (Ученик, Подмастерье, Мастер) на своей территории, никаким образом не подчиненной, или не разделяющей власть с Верховным Советом или какой-либо другой масонской властью, претендующей на власть или управление данными градусами.

6. Три Великих Светоча масонства (а именно: Книга Священного Закона, Циркуль и Наугольник) должны всегда присутствовать в Великой ложе и подчиненных ей отдельных ложах во время их собраний; главным из них является Книга Священного Закона.

7. Дискуссии по религиозным и политическим вопросам в ложе строго запрещены.

8. Принципы Древних Ландмарок, обычаи и традиции масонства должны строго соблюдаться.

*Великий Мастер [имя, фамилия, подпись]
Великий Секретарь [имя, фамилия, подпись]
Великий Оратор [имя, фамилия, подпись]*

На сегодняшний день (апрель 2003 года) в союз «Великой ложи России» Всемирного ордена вольных каменщиков входит 21 ложа или мастерская: «Гармония», № 1; «Лотос», № 2; «Астрея-Космос», № 3; «Гамаюн», № 4; «Аврора», № 5; «Полярная звезда», № 6; «Юпитер», № 7; «Четверо коронованных», № 8; «Северное сияние», № 9; «Братская любовь», № 10; «А.С. Пушкин», № 11; «Тихоокеанское побережье», № 12; «Федор Волков», № 13; «Орион», № 14; «Феникс», № 15; «Изида и Осирис», № 16; «Северные братья», № 17; «Доблесть», № 18; «Созвездие», № 19; «Под тремя Коронами», № 20; «Альфа и Омега», № 21.

Последними из новоучрежденных лож явились мастерские: «Под тремя Коронами» в Калининграде (открыта 29 июня 2002 г.) и «Альфа и Омега» в Новосибирске (открыта 13 июля 2002 г.). Особого внимания заслуживает открытие масонской ложи в Калининграде, праздничное торжество по этому случаю почтили своим присутствием Великий мастер Объединенных Великих лож Германии Весьма Достопочтенный брат Альфред Коска, братья Объединенных Великих лож Германии, Великой ложи Литвы и Великой ложи Польши. Присутствие на этой церемонии «добрых соседей» России, явно не заинтересованных в усилении ее связей с Калининградским анклавом, не может не насторожить.

30 июля 2002 года совместно с Великой ложей Столичного округа Колумбия (США) и «Великой национальной ложей Франции» «Великая ложа России» учредила на Востоке Еревана Великую ложу Армении во главе с братом Кристофером Саакяном. В церемонии приняли участие Великие мастера Великой ложи Столичного округа Колумбия, «Великой национальной ложи Франции» и Великого мастера «Великой ложи России».

О признании «Великой ложи России» официально объявили более 90 Великих регулярных лож, в том числе: Объединенная Великая ложа Англии, Великая Материнская ложа Шотландии, Конфедерация Великих Мастеров Великих лож США, Конфедерация Великих лож Германии, Великая ложа Бразилии, Великая ложа Японии, Великая ложа Турции и многие другие.

Последние данные о «Великой ложе России» таковы. 25 апреля 2002 года Г.Б. Дергачеву в результате напряженной борьбы пришлось сложить с себя полномочия ее Великого мастера. И хотя официально отставка Г.Б. Дергачева объясняется его избранием Великим командором Верховного совета генеральных инспекторов Древнего и принятого шотландского устава 33-го и последнего градуса для России⁸³, можно не сомневаться, что подлинной причиной случившегося стали происки его «братьев» по ложе в связи с выходом в свет разоблачительной книги его бывшей супруги. Новым Великим мастером «Великой ложи России» избран Дмитрий Денисов. Из титулованного масонского начальства по линии «Великой ложи России», помимо Г.Б. Дергачева и Дмитрия Денисова известны также по откры-

той печати Второй Великий Страж этой ложи Александр Краднер, заместитель Великого Секретаря Владимир Никитин, Великий Секретарь Александр Кондяков и Великий Страж Фрэнк Фолл. Подробности биографии этих лиц не известны.

Главной болью нового руководства «Великой ложи России», по крайней мере на ближайший период, станет, видимо, борьба с так называемыми «раскольниками», вышедшими в свое время из этого объединения и образовавшими свою независимую масонскую структуру под названием «Русская Великая Регулярная ложа» (о ней у нас шла речь) во главе с собственным Мастером и Великим Секретарем. Под юрисдикцией «Русской Великой Регулярной Ложи» находится шесть лож, отклонившихся от «Великой ложи России». Положение осложняется тем, что Русская Великая Регулярная ложа официально зарегистрирована в органах юстиции Российской Федерации и работает, таким образом, в качестве параллельной структуры «Великой ложи России» на вполне легальных основаниях. Однако о ее признании со стороны Великой ложи Англии, как, впрочем, и других ведущих мировых масонских центров, речи в настоящее время не идет.

«Это не секта, не партия и не религия, — заявляют российские масоны. — Это не выше и не ниже религии; просто находится на другом уровне. Это философия жизни, духовное учение о постоянном самосовершенствовании»⁸⁴. В идеологическом плане современные российские масоны, независимо от «послушания», к которому они принадлежат, люди, как правило, демократических и либеральных воззрений, «стоящие на позициях толерантности и гуманизма, нравственной философии, естественных прав и свобод человека. Это внесословная, внеклассовая, внеконфессиональная и наднациональная организация, в которой осуществляется общее распространение взглядов, нравственное совершенствование, мистико-символическая практика»⁸⁵.

Понятно, что люди такого сорта, можно сказать, находка для западных стратегов переустройства современного мира на «демократических» началах американского образца и большое несчастье для их собственной страны. Любопытен в этой связи пассаж О.Ф. Соловьева, констатирующего банальный, в общем-то, факт, что мировое масонство «бесспорно сочувствовало и косвенно содействовало проведению согласованной политики Запада в «русском вопросе», но самостоятельного значения его в деле распада СССР якобы не имело из-за отсутствия на его территории «в первую очередь своих главных рычагов — лож». Хочет того О.Ф. Соловьев или нет, но из этого следует фактическое признание им того, в общем-то, бесспорного факта, что так называемые «национальные» масонские ложи есть один из мощнейших очагов влияния мирового масонства на национальные государства, его своего рода «пятая колонна» в них. Впрочем, ничего нового тут нет. В этом масонов подозревала еще Екатерина II.

Но вернемся к О.Ф. Соловьеву. Итак, в 1980-е гг., утвержда-

ет он, мировое масонство самостоятельного значения в деле распада СССР не имело, так как у него не было здесь масонских лож. Но сейчас-то, после 1991 г., масонские ложи у нас уже есть и не одна, и, если следовать логике рассуждения О.Ф. Соловьева, влияние мирового масонства на внутривнутриполитические события и внешнюю политику России должно бы быть весьма и весьма ощутимым. Однако у О.Ф. Соловьева на этот счет свое мнение. *«Возрождение братства идет пока медленно, их воздействие на внутреннюю и внешнюю политику пока не просматривается. Доморощенные адепты при всем том понятно относятся к демократическому лагерю и содействуют его успехам», — уверяет нас О.Ф. Соловьев*⁸⁶. Почтенный ученый делает вид, что не знает, что русские масоны 1990-х гг. — это никакие не доморощенные, а самой что ни на есть европейской (французской) пробы, и ложи, в которых они состоят, самые что ни на есть настоящие или правительственные ложи, утвержденные и признанные не только «Великой национальной ложей Франции», но и Великой ложей Англии. Однако с формальной стороны О.Ф. Соловьев безусловно прав. За годы своего существования в современной России русское масонство действительно так и не смогло добиться того, на что рассчитывало. Как пишет С.П. Карпачев, *«хотя «Великая ложа России» признана большинством мировых послушаний консервативного направления, но российское королевское искусство не приобрело сколько-нибудь массовую социальную базу и не превратилось даже в минимально значимую общественную силу; оно не смогло обеспечить себя материальными средствами, создать свой центр (храм), наладить выпуск периодического издания. Вся история отечественного масонства показывает, что оно чуждо национальным устоям, заимствовано из иной цивилизации и, по крайней мере, в ближайшее время не имеет каких-либо серьезных перспектив развития»*⁸⁷, — пессимистически заключает он.

И опять-таки с этим можно было бы согласиться, если бы мы не знали, что помимо масонства патентованного, официального в виде официальных масонских лож существует еще, прежде всего на Западе, и масонство неофициальное, или полумасонство, адепты которого, разделяя взгляды и цели масонов, но не желая связывать себя рутинной работой в ложах над своей нравственностью, «кучкуются» преимущественно в разного рода элитарных масонских клубах, фондах и комиссиях: «Магистериум», «Ротари-клуб», «Пен-центр» и других. На Западе эти организации не только играют роль своеобразных филиалов масонских лож, но и зачастую прямо подменяют их.

О том, что такого рода клубы для элиты появились в 1990-е гг. и у нас, неоднократно сообщалось в печати. Не представляет большого секрета и состав их участников. Так что предположение, что именно здесь и следует искать скорее всего настоящих современных российских масонов, не лишено некоторых оснований. Справедливости ради следует отметить, что сами масоны

энергично отрицают это. *«С масонством, — сетует, например, Г.Б. Дергачев, — часто путают «Лайнз-клуб», «Ротари-клуб», Мальтийский орден, «Бнай-Брит» и так далее, т.е. вольных каменщиков критикуют за деятельность других, сходных с ними организаций»⁸⁸.*

Прямо противоположного мнения на этот счет держится московский профессор-американист О.А. Платонов. Если в Америке «Ротари-клуб» или «Лайнз-клуб» — это подмасонские организации, то почему в демократической России, которая во всем подражает Западу, это должно быть иначе. Конечно, надо понимать, что это в известной степени умозрительное допущение. Поэтому обратимся к фактам. Первая организация такого рода, копирующая западные образцы, — «Ротари-интернейшнл» возникла по инициативе группы энтузиастов еще в июне 1990 г. Среди ее первых членов такие известные тогда люди, как ныне покойный мэр А. Собчак, банкир В. Гусинский, журналист Э. Сагалаев и другие. Следует иметь в виду, что в настоящее время клубы «Ротари» действуют более чем в 150 странах и объединяют в своих рядах более миллиона человек. Управляется же ротарианское движение, как того и следовало ожидать, из Америки. Штаб-квартира движения находится в городе Эвансе (штат Иллинойс). Помимо Москвы и Санкт-Петербурга, «Ротари-клубы» организованы также в Иркутске, Магадане, Хабаровске, Новосибирске, Красноярске, Екатеринбурге, Кемерове и ряде других городов, а в Санкт-Петербурге так их даже целых два.

К полумасонским структурам, развившим в последние годы в нашей стране активную деятельность, можно отнести и последователей Н.К. Рериха, учение «Живая этика» которого, известное еще и как «Агни-йога», определением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 29 ноября — 2 декабря 1994 г. справедливо квалифицировано как неоязыческая ересь⁸⁹. Но с формальной точки зрения утверждать, что члены этих сообществ и есть самые настоящие масоны, конечно же, нельзя, хотя идейная близость между ними и не вызывает никаких сомнений.

В 1992 г. в Москве создается Международный Русский клуб. Среди первых членов его: М. Бочаров, П. Вошанов, С. Федоров, генерал К. Кобец — всего 40 человек. Впрочем, только в Москве в 2001 г. их было уже 4. В качестве «крестных отцов» отечественных ротарианцев выступили финские братья, но затем инициативу у них перехватили представители США, предоставившие шестимесячную оплаченную командировку в Штаты почти всему руководящему составу российского «Ротари». В том же 1992 г. по образцу знаменитого Бильдербергского клуба был образован его московский двойник — клуб «Магистериум», куда вошли: А. Яковлев, Е. Евтушенко, С. Шаталин⁹⁰.

Широкую известность получила в последнее время и такая парамасонская структура, как международный Великий Приорат ордена Святого Станислава. Русский капитул ордена возглавляет первый заместитель мэра города Москвы Владимир

Иосифович Ресин. О московских членах капитула ордена Святого Станислава известно, впрочем, мало. Однако об их «братьях» на Украине — членах Великого Приората ордена на Украине (13 мая 1999 г. он был официально зарегистрирован Министерством юстиции этого государства) после публикации в 2002 году в Харькове скандальной книги Эдуарда Ходоса «Еврейская рулетка, или Пир во время чумы» (Харьков, 2002), более чем достаточно. В книге приведены фамилии членов ордена. Фактически это вся правящая верхушка нынешней «самостийной Украины»: первый президент страны Юрий Кравчук, бывший министр обороны Александр Кузьмук и нынешний министр Владимир Шкидченко, генеральный прокурор Святослав Пискун, руководитель Службы безопасности Украины Владимир Радченко, председатель Фонда государственного имущества Александр Бондарь, председатель Совета министров Крыма Сергей Куницин, министр финансов, начальник Генштаба и многого других известных лиц. Специально для сомневающихся в этом, казалось бы, невероятном факте (хотя что тут невероятно?) в книге помещено около 90 фотографий масонских посвящений украинской властной верхушки. Даже если предположить, что масонский скандал на Украине сознательно раздувается оппозицией (фракции Соцпартии, Компартии и блока Юлии Тимошенко), о чем прямо пишут газеты⁹¹, сам факт ошутимого масонского присутствия в некогда братской для нас советской республике отрицать не приходится.

Особая тема — масонство бывших руководителей страны М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, засветившихся на посвящении в «братья-рыцари» Мальтийского ордена (первый в 1990 г., а второй в 1994-м).

«Не берусь судить, — дипломатично заявил в этой связи А.А. Зиновьев, — был ли завербован Горбачев, но то, что он сознательно работал в пользу Запада, это факт, это очевидно по его действиям... Я считаю, что Горбачев не только интеллектуальный кретин, но и моральный урод. Если говорить о дефектах коммунистической системы, то главным был тот, что она порождала личности такого рода, как Горбачев, Яковлев и другие, которые выросли в партийной среде, карьеры сделали, нажились и продали свою же систему, свою партию и страну»⁹².

Первые сведения о принадлежности М.С. Горбачева к ордену вольных каменщиков появились в феврале 1989 года в немецком малотиражном журнале «Мер Лихт» («Большая свеча»). 4 декабря 1989 года указание на масонство М.С. Горбачева публикует и нью-йоркская русскоязычная газета «Новое русское слово». В качестве доказательства своей версии газета опубликовала фотографию президента США масона Буша-старшего и первого Президента СССР, проделывающих руками типичные масонские знаки. Однако самым веским доказательством принадлежности к масонству бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС

считается, как полагают некоторые исследователи, его вступление в одну из главных мондиалистских структур современного мира — Трехстороннюю комиссию⁹³.

М.С. Горбачева у нас сегодня уже никто не защищает, но у Б.Н. Ельцина защитники нашлись. Орден, в который посвятили Б.Н. Ельцина, утверждают они, католический и никакого отношения к масонству не имеет. Все было бы хорошо, если бы не случился скандал. Как выяснилось из интервью Великого канцлера Мальтийского ордена, сам он узнал о факте посвящения Российского Президента только из сообщений прессы⁹⁴. Недоумения разрешил историк О.Ф. Соловьев, выяснивший, что на самом деле М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин получили посвящение не в Мальтийский орден, а всего лишь в дополнительную степень «рыцаря Мальты» тамплиерской организации США⁹⁵. А это, как ни крути, уже масоны, хотя и «неправильные».

Большое внимание, наряду с Москвой, уделяют масоны и «культурной столице» России Санкт-Петербургу. Помимо двух уже известных нам мастерских «Воскресение» и «Сфинкс» и двух ротарианских клубов, довольно прочно пустили здесь корни и рыцари Мальтийского католического ордена, о котором уже шла речь⁹⁶. Кроме того, в Петербурге действует и православный Мальтийский орден, основанный в свое время архиепископом Макариосом, который управляется из Лондона и пользуется финансовой поддержкой богатых греков-масонов в США. Председателем верховного собрания ордена является Валерий Еремин. Гранд-приором — бывший председатель совета директоров государственной компании «Русское видео» Дмитрий Рождественский⁹⁷. Определенное покровительство ордену оказывает известный петербургский предприниматель Михаил Мирилашвили⁹⁸. Небезынтересно, что костяк его петербургского филиала составляют сотрудники Пушкинского дома и интеллектуалы из Санкт-Петербургского государственного университета. Резиденция Санкт-Петербургского филиала ордена православных мальтийцев находится в Старой деревне. Одно время его руководители даже претендовали на помещения бывшего Зеленецкого монастыря под Волховом⁹⁹.

Вот на этом-то якобы православном, а фактически экуменическом Мальтийском ордене (орден святого Иоанна Иерусалимского), обосновавшемся в 1990-е годы в Петербурге и принимающем в свои ряды представителей практически всех национальностей и религиозных конфессий, стоит остановиться чуть-чуть поподробнее.

25 марта 1998 года по Санкт-Петербургу прокатилась волна обысков. *«Шмонали, — как писали тогда газеты, — весь демократический лагерь»*. Подлинной сенсацией, о которой тут же сообщали вездесущие журналисты, стал обыск в центральном офисе акционерного общества «Русское видео», располагавшемся в одном из элитных особняков на Каменном острове (наб. Малой Невки, д. 4).

Из бумаг, которые были при этом изъяты органами милиции и прокуратуры, следовало, что президент этой компании и фактический руководитель на тот момент арендуемого ею 11-го канала государственного российского телевидения Дмитрий Дмитриевич Рождественский — масон¹⁰⁰. Однако официально ему инкриминировалось, конечно же, не его масонство, а прегрешения совсем иного рода: уклонение от уплаты налогов и нанесение государству финансового ущерба на крупную сумму.

Что касается «Русского видео», то, как удалось выяснить журналистам, оно относится к так называемым холдинговым компаниям, то есть владельцам и управляющим акциями других предприятий Санкт-Петербурга и Ленинградской области: ОАО «Порт-Ломоносов», казино «Конти», универмаг «Гостинный двор», ряда охранных структур: «Нордиак-Аст», «Скифр», «Собос» и др. В общем, это была крупная и влиятельная финансовая группа, тесно связанная с тогдашней властью в Петербурге во главе с мэром А.А. Собчаком¹⁰¹.

Сам по себе факт уклонения частных компаний от налогов и финансовые злоупотребления ничего экстраординарного в условиях современной России не представляют. Воруют у нас многие и много. А вот за решетку сажают далеко не всех. Д.Д. Рождественского же посадили. Роковую роль здесь, по-видимому, сыграла его слишком тесная связь с находящимся в бегах главой финансово-промышленной группы «Медиа-Мост» А.А. Гусинским. Собственно, злоключения Д.Д. Рождественского тогда и начались, когда он, будучи вице-президентом телекомпании «ТВ-6», которой владел пользовавшийся тогда огромным влиянием в кремлевских кругах секретарь Совета Безопасности РФ Б.А. Березовский, взял да и перешел в компанию его соперника «Медиа-Мост», входившую в телевизионную империю А.А. Гусинского. Сейчас, правда, уже и Б.А. Березовский находится в бегах, скрываясь от рук российского правосудия. Но тогда, в 1997 — 1998 гг., все было иначе. *«Я думаю, что как раз из Москвы и направляется этот удар, — с горечью констатировал в 1998 году Д.Д. Рождественский. — Ведь в столице сейчас нормальная латиноамериканская ситуация: власть принадлежит сырьевым группировкам. И не важно, что одни называют себя «государственниками», а другие «либералами» — разница между ними только в виде сырья, от которого они кормятся»¹⁰².*

Определенные изменения, которые произошли в кремлевском руководстве в последние годы, привели к тому, что как человек, тесно связанный в свое время с А.А. Собчаком и другими петербургскими «демократами» первой волны, Д.Д. Рождественский был освобожден из-под стражи и вскоре умер.

Однако нас в данном случае интересует, собственно, не сам Д.Д. Рождественский и его финансовые аферы, а петербургский орден Святого Иоанна Иерусалимского, гранд-приором, т. е. фактическим руководителем которого он являлся. Заместителем

Д.Д. Рождественского по ордену был «брат Владимир» — бывший полковник КГБ В.В. Грунин. Если верить самому Д.Д. Рождественскому, в возглавляемый им орден входят многие руководители крупнейших вузов и академических центров Москвы, Петербурга и ряда других городов, а также представители деловых кругов. Финансовую «подпитку» петербургскому мальтийскому ордену обеспечивал «брат» М.М. Мирилашвили — известный петербургский предприниматель, находящийся в настоящее время под стражей в связи с обвинением в финансовых махинациях. Однако можно ли называть этот орден масонским? Думается все же, что в данном случае с большой осторожностью следовало бы говорить о парамасонской структуре. На этом же стоял и сам покойный Д.Д. Рождественский. *«Только не называйте меня масоном, — говорил он в беседе с собственным корреспондентом «Советской России» в Санкт-Петербурге Сергеем Ивановым. — Я мальтийский рыцарь. И путать эти понятия не делает чести вашей газете. А в нашем Мальтийском ордене слово «масон» служит едва ли не оскорблением. Масоны всегда выступали врагами дворянства, монархии и церкви, что никак не вписывается в устав аристократического Мальтийского ордена. Не скрою, мы за иерархическое устройство России, за престиж государственной службы, чтобы чиновничество вознаграждалось неосмеянными титулами. Я даже хотел предложить возродить в современной России служилое дворянство, для чего жаловать мэрам и губернаторам титулы графов и баронов. А вот как раз масоны чинят нам всяческие препятствия, строят нам всяческие козни, даже пытаются объявить нас самозванцами». Как справедливо пишет С. Иванов, если отбросить «весь театральный реквизит, вроде жестяных шпаг и пыльных мантий с крестами, все эти ордена по существу не что иное, как закрытые элитарные международные клубы, которые помогают их членам устанавливать деловые связи в обход существующей официальной иерархии. Одновременно на этом уровне осуществляется взаимодействие с мировой элитой...»¹⁰³*

Собственно говоря, не стал скрывать этого обстоятельства и сам гранд-приор. *«Не стану скрывать, — заявил он, — и у нашего ордена есть обширные международные связи. Например, бывший премьер-министр Канады Малруни принадлежит к одной из веток нашего ордена. Рональд Рейган восходит к другой ветви. Три года подряд в Павловске и Петергофе устраиваются мальтийские балы, на которые съезжаются рыцари со всего мира. Много людей из деловых кругов. Брат Джером — генеральный представитель японской фирмы «Ямаха» в Европе. Другой брат — вице-губернатор Невады, где сосредоточен ядерный полигон США и весь американский игорный бизнес. Еще один руководит всем ювелирным бизнесом Антверпена. Некто владеет 35 морскими паромами, такими, как «Ильич» или «Сильвия Лайн». Еще один владеет мальтийской киностудией с уникальным оборудованием, где, кстати, снимался фильм «Гибель «Титаника». Половина кабинета Бельгии — братья*

нашего ордена, в Штатах наш Мальтийский орден имеет огромное влияние на Пятой авеню, где сосредоточены самые крупные корпорации Соединенных Штатов. И самое важное, что все эти люди очень любят Россию и готовы дать сюда деньги. Это делает наш Петербургский Мальтийский орден потенциально мощной финансовой структурой России»¹⁰⁴.

Трудно сказать, насколько слова покойного гранд-приора соответствовали действительности, во всяком случае, никаких серьезных вливаний со стороны Запада в российскую экономику так и не последовало. Хотя можно не сомневаться, что совместное пребывание в структурах, подобных Мальтийскому ордену правительственных чиновников и представителей деловой элиты современной России много способствует быстрому обогащению тех и других.

Общее число масонов в современной России, как уже отмечалось, едва ли превышает цифру в 200–300 человек. Но это только известные нам ложи «французского обряда», т.е. пришедшие или, правильнее сказать, занесенные к нам из Франции. Но ведь масонские ордена имеются не только во Франции, но и в других странах. Логично предположить, что, воспользовавшись переменами, произошедшими в начале 1990-х годов в России, они тоже учредили или, во всяком случае, попытались учредить здесь свои мастерские. И действительно, в печать уже просочились сведения о попытках учреждения в России масонской ложи Великий Свет Севера, работающей по актам одноименной русской эмигрантской ложи в Берлине 1920-х годов системы германского масонства. Появились сообщения и об образовании в Москве и Петербурге нескольких лож, принадлежащих к американскому масонству йоркского ритуала. Но о деятельности и количественном составе их мы, к сожалению, ничего не знаем.

Попытки назвать общее число масонов всех систем, действующих сегодня на территории России, обречены в этих условиях на неудачу. Тем не менее профессор О.А. Платонов считает, что, по крайней мере, «число членов всех масонских лож в России — не менее двух тысяч человек». Называет он и приблизительное число собственно масонских лож, то есть таких кружков и групп, в которых соблюдаются традиционные обряды и ритуалы вольных каменщиков. Таковых, по его мнению, не менее 160¹⁰⁵. Доказательств, естественно, никаких, так как в масонские ложи О.А. Платонов сам, судя по всему, не входил, масонских списков не видел, масонской документацией не пользовался. Впрочем, обстоятельство это его ничуть не смущает. Масонские списки О.А. Платонов составляет сам. А поскольку из членов всех российских масонских лож 1990-х годов ему доподлинно известен один только Г.Б. Дергачев, исследователю невольно приходится идти на маленькую хитрость и вводить, как уже отмечалось, в научный оборот такое скользкое понятие, как «организация масонского типа»

или «организация, преследующая масонские цели». Понятное дело, что подвести под такое определение можно кого угодно.

О.А. Платонов и подводит. «Сахаров Андрей Дмитриевич, 1921–1989, до 60-х годов ученый-физик, позднее — еврейско-советский общественный деятель, диссидент антирусского толка, агент влияния США», — читаем мы в его знаменитом Словаре российских масонов. «Раушенбах Борис Викторович, родился в 1935, академик РАН, член исполнительного комитета института Сороса «Открытое общество» (Москва, 1995)»; «Салказанова Ф., ведущая радио «Свобода» (служба ЦРУ, США)» и т.д. и т.п.¹⁰⁶

Конечно же, документальных свидетельств о принадлежности этих и других «агентов влияния» к масонству у нас нет, как нет, впрочем, и сомнений относительно масонской физиономии тех, кто направлял и финансировал деятельность «диссидентского движения» в СССР, которое, как думает известный философ Александр Зиновьев (кстати, сам бывший диссидент), «было организовано Западом». Это, считает он, было первой попыткой создать в СССР «пятую колонну». И попытка эта, добавим мы от себя, вполне удалась, причем немалую роль в создании у нас этой «пятой колонны» Запада сыграли и продолжают играть братья-масоны. Правда, сам А.А. Зиновьев прямо о роли ведущих масонских центров Запада в разрушении СССР предпочел не говорить. Однако в отношении морального и интеллектуального уровня этой отечественной диссидентствующей братии высказался вполне определенно. «Все эти люди, — заявил он, — шпана и шпана. Мелюзга это все, сборище дряней. И поступали, и поступают, и будут поступать они в силу своей дрянности, скажем так, и приписывать им какие-то грандиозные замыслы, намерения обязательно ликвидировать коммунизм — это, — по его мнению, — слишком много им. Они преследовали свои шкурные интересики и преследуют их теперь. Если им нужно будет сказать нечто противоположное тому, что раньше говорили, они это скажут».

Слова эти очень не понравились интервьюировавшему знаменитого философа корреспонденту «Независимой газеты». Особенно взволновал его нелицеприятный отзыв А.А. Зиновьева о кумире российской «прогрессивной интеллигенции» академике А.Д. Сахарове. «Вы, пожалуйста, — попытался он защитить академика, — Андрея Дмитриевича Сахарова не обижайте. Сахаров в России сегодня — это все равно, что Ленин в СССР вчера», — заявил он. «Кем бы его ни считали, — парировал А.А. Зиновьев, — на мой взгляд, как социальные мыслители и Сахаров, и Солженицын — полные ничтожества. Не знаю, сознательно или... в значительной мере, думаю, что сознательно они были игрушкой, орудием «холодной войны», и, надо сказать, умело подыгрывали всем этим западным махинаторам. Все эти люди — они предали Россию, они предали русский народ, сыграв самую подлейшую роль в истории человечества»¹⁰⁷.

Общее число организаций «масонского типа» вместе с соб-

ственно масонскими ложами составляет не менее 500, считает О.А. Платонов. А число их членов, но уже без адептов собственно масонских лож — «не менее 10 тысяч». Это, по его определению, так называемое «белое масонство» — то есть организации масонского типа, не использующие традиционные ритуалы вольных каменщиков, но принимающие масонские принципы жизни и возглавляемые, как правило, настоящими масонами. Первое место, по О.А. Платонову, занимают среди них члены клубов «Ротари» (в России их насчитывается несколько десятков). Весьма характерными для «белого масонства» являются также организации типа «Орден Орла», клубы «Магистериум», «Реформа», «Взаимодействие», «Международный Русский клуб» и «Фонд Сороса»¹⁰⁸.

Очевидно, таким образом, что ничего конкретного о масонских ложах в современной России и их членах О.А. Платонов не знает, да и знать вследствие секретного характера и закрытости работ вольных каменщиков не может. Будь по-другому, он бы, конечно, поименно назвал всех известных ему русских масонов и указал названия лож, к которым они принадлежат. Составленный же им «Краткий словарь» есть не список современных российских масонов, а, в лучшем случае, список масонствующих представителей современной российской интеллигенции, «засветившихся» как члены сомнительных, с точки зрения О.А. Платонова, общественных организаций либерально-демократического толка.

Наиболее жестким критиком О.А. Платонова и составленного им Краткого масонского словаря или масонской галереи современной России выступил О.Ф. Соловьев. «*Подавляющая часть галерейщиков, — пишет он, — является лишь участниками «Пен-центра», клубов «Ротари», «Магистериум», «Возрождение», отнесенных бездоказательно к порождениям масонства... Бывший министр иностранных дел А.В. Козырев оказался в их компании. Неизвестно почему указана только его должность, как и, впрочем, сменившего его Е.М. Примакова... Словом, в список попали практически все видные деятели демократической ориентации, в том числе женщины; Г.В. Старовойтова лишь за пост советника Ельцина по национальным вопросам, который она оставила». Из почти 400 фамилий, приведенных в «Кратком словаре», масонами, по мнению О.Ф. Соловьева, можно считать лишь «недавно умерших деятелей эмиграции; нынешние же ему (О.А. Платонову. — Б.В.) неведомы... Грош — цена такому перечню», — заключает О.Ф. Соловьев¹⁰⁹.*

Можно согласиться с О.Ф. Соловьевым, когда он отмечает недостаточную обоснованность отнесения к масонам большинства помещенных у О.А. Платонова лиц, как то: бывшего посла Российской Федерации в Израиле А.Е. Бовина, бывшего мэра Санкт-Петербурга А. Собчака, бывшего советника Президента Г.В. Старовойтову и ряда других. Но ведь уже из названия списка видно, что туда включены не только члены собственно масонских лож, но и «организаций, созданных для достижения ма-

сонских целей». А это уже совсем другое дело, хотя именно такой поворот темы снижает ценность проделанной О.А. Платоновым работы. Но и особенно нападать на него, как это делает О.Ф. Соловьев, вроде бы не за что. Разве только что за его субъективизм и чрезмерную пристрастность в оценке изучаемого явления, именуемого им не иначе как «преступным сообществом»¹¹⁰.

Уязвимым местом работы О.А. Платонова является то, что источником для его «Краткого словаря» послужили исключительно публикации в российской и зарубежной периодической печати — источник, как известно, весьма и весьма ненадежный. Документальное же подтверждение принадлежности к масонским или полумасонским структурам для большинства из поименованных О.А. Платоновым лиц отсутствует. Но и с этим не все так просто. Ведь отсутствуют такого рода доказательства, как мы знаем, и по многим персоналиям и масонства начала XX века. Основной источник для суждения о нем — это зачастую противоречивые свидетельства и показания самих масонов, сделанные ими уже много лет спустя после описываемых событий. В предреволюционные же годы даже робкий намек на масонство какого-нибудь «демократа» вроде Н.С. Чхеидзе или «либерала» В.А. Маклакова иначе как происки «черносотенцев» всерьез и не воспринимался. Почему в современной России все должно быть совсем по-другому?

Кто знает — пройдет время, может быть, и нынешние российские «демократы» из «Краткого словаря» О.А. Платонова когда-нибудь признаются в своей прикосновенности к масонству и поведают какому-нибудь журналисту, как по планам и чертежам Великого Архитектора Вселенной, а проще говоря финансовой и политической элиты Запада, они «перестраивали» и «обустраивали» Россию.

Заключение

Взятый Петром I курс на европеизацию России привел к тому, что, наряду с другими новациями, пришло в наше Отечество и масонство. Пришло, но так и не прижилось. Что и неудивительно. Россия — не Европа, и условия деятельности здесь вольных каменщиков (самодержавие, крепостничество, православная вера) были принципиально иными, чем, скажем, во Франции или Англии. Правда, верхушка быстро европеизировавшегося русского дворянства масонские ложи посещала охотно. Куда более сложным было отношение к ним со стороны правительства. С одной стороны, оно, конечно, не могло не понимать опасность и даже противоестественность существования тайных масонских сообществ в самодержавной стране. Но и прямо возражать против существования в России столь широко распространенного в Европе явления оно тоже не хотело.

И Екатерина II, и Александр I были, как мы знаем, просвещенные монархи, либеральные начинания которых далеко не всегда находили должный отклик не только в массе рядового дворянства, но и среди его верхов. Поддержка со стороны масонов либеральных начинаний Екатерины II и Александра I дорого в этих условиях стоила. Отсюда и благожелательное отношение к масонам в первые годы царствования этих монархов.

Жизнь, однако, показала, что двум медведям (самодержавие и масонство) в одной берлоге ужиться трудно. Вопреки уверениям «братьев», деятельность их явно выходила за рамки чисто духовной работы в ложах и грозила распространиться на то, что всегда считалось в России прерогативой государства (издательская деятельность Н.И. Новикова, борьба с голодом, открытие масонских аптек, школ, богаделен). Да и в политическом плане деятельность вольных каменщиков, все более превращавшаяся в орудие вельможной оппозиции Екатерине II, была весьма и весьма подозрительной. Особенно нетерпимыми в глазах императрицы были связи русских масонов с границей и попытки установления ими таких связей с наследником престола Павлом Петровичем. Итог этого первого столкновения власти с масонством известен — дело Н.И. Новикова 1792 года и негласное запрещение масонских лож.

Однако сама идея установления по примеру других европейских государств тесного альянса между масонством и русским самодержавием не умерла. Особенно много было сделано в этом отношении при Александре I во времена М.М. Сперанского, когда дело чуть было не дошло до введения так называемого го-

сударственного масонства в стране. Однако скрестить масонство с православием и самодержавием оказалось делом нереальным, и, как и следовало того ожидать, масонские ложи, несмотря на строгий, казалось бы, правительственный контроль, все более и более превращались, особенно после 1812 года, в центры единения оппозиционно настроенных по отношению к власти сил, прежде всего военных. Логическим следствием складывания именно такого порядка вещей и стал знаменитый указ Александра I от 1 августа 1822 года о запрещении масонских лож. Лишившись в одночасье какой-либо поддержки «наверху», масонство в России стало быстро угасать — более чем убедительное свидетельство отсутствия у него сколько-нибудь прочной опоры в русском образованном обществе — и смогло возродиться только в начале XX века, когда расклад общественных сил в стране был уже совсем иным.

Превратившись во второй половине XVIII века, после освобождения от обязательной службы, в самое свободное, привилегированное и материально обеспеченное сословие в стране, российское дворянство получило, наконец, отсутствовавшую ранее у него возможность формирования из своей среды того тонкого умственного интеллектуального слоя, который получит известность 100 лет спустя как русская интеллигенция. В своей основе это был, конечно, прозападнический, космополитически настроенный круг людей, уже изначально ориентированный на западные культурные и идеологические ценности.

Одной из основополагающих мировоззренческих опор его как раз и являлось масонство. Несмотря на фальшивость масонского учения, усиленный поиск его адептами масонского идеала, правда, главным образом не столько в политической, сколько в морально-этической плоскости, много способствовал пробуждению личности русского интеллигента, индивидуального начала в нем. Во всяком случае, принадлежность к братству вольных каменщиков многих крупных людей XVIII — первой четверти XIX века (Н.И. Новиков, М.М. Херасков, М.И. Кутузов, Н.М. Карамзин, А.С. Грибоедов, П.А. Чаадаев, А.С. Пушкин) бесспорна и, как представляется, свидетельствует о заметной роли масонской идеологии и практики в культурной и интеллектуальной жизни России этого времени.

Расширительное же толкование масонства как чуть ли не единственного двигателя культуры, прогресса и демократии в нашей стране не находит подтверждения в источниках, хотя попытки такого рода неоднократно предпринимались еще в дореволюционные годы. Корни таких явлений русской истории, как зачатки крестьянской реформы в виде указа о трехдневной барщине, военно-чиновничий социализм времен Александра I (военные поселения), власть «святого царя» (Мальтийский орден), даже организация Священного союза восходят, доказывал, например, известный историк Г.В. Вернадский, к тем кругам рус-

ского общества XVIII века, которые объединялись в свое время масонством¹¹¹.

Особенно далеко в этом направлении заходила Т.О. Соколовская, которая в своей книге «Русское масонство и его значение в истории общественного движения», опубликованной в 1907 году, прямо писала о масонах как людях, чья деятельность якобы и подготовила определяющую почву для развития республиканских и конституционных идей в России. Т.О. Соколовской, конечно же, возражали. *«Вопреки мнению госпожи Соколовской, — резко заявил в рецензии на это издание С. Сватиков, — масонство не только не подготовило почву для развития республиканских и конституционных идей, не только не было предтечей декабристов, но, наоборот, оно было движением реакционным. Декабристы только тогда стали активными политическими борцами, когда расстались с масонством», — подчеркивал он*¹¹².

Конечно же, Т.О. Соколовская была не одинока в своем стремлении во что бы то ни стало «приподнять» русское масонство. Из этого, собственно, исходила и исходит, за редким исключением, практически вся наша либеральная историография, начиная от А.Н. Пыпина и кончая современным российским историком А.И. Серковым.

*«Некоторые историки, — писал в свое время, полемизируя с попытками идеологически ангажированного подхода к масонству профессор Московского университета А.А. Шахов, — впадают относительно масонства в странное заблуждение. Они видят в нем светлый культурный факт, занимающий видное место в истории просвещения. Они говорят о благих стремлениях масонства, о сочувствии масонов человеческому прогрессу, об их стараниях к нравственному совершенствованию. В учении масонов мы действительно встречаем подобные фразы и слова, подобные идеи, облеченные всегда туманным покровом. Но определенного содержания и направления в деятельности масонов мы не находим. Благих следов своей деятельности они также не оставили. Если внимательнее присмотреться к занятиям всех этих многочисленных орденов, то мы заметим, что все дела их заключаются либо в мистических священнодействиях и таковых же мистических умствованиях, либо в игре формальностями... Между тем вред явления не подлежит сомнению»*¹¹³.

Последующие исследования только подтвердили справедливость такого вывода. Русское масонство, вынужден констатировать уже современный российский историк О.Ф. Соловьев (кстати, весьма и весьма лояльно к нему относящийся), в качестве оформленного течения нигде и никогда не служило двигателем общественного прогресса, никогда не было поборником подлинной демократии и не внесло никакого «самостоятельного вклада ни в область политики, ни в сферу общественной мысли»¹¹⁴. Не менее определено по вопросу о «прогрессивности» масонства в связи с «правдой», которую якобы олицетворяла собой деятельность таких известных членов масонских лож, как Н.И. Новиков

и А.Н. Радищев, высказывался в свое время и наш философ и публицист В.В. Розанов. Соглашаясь, в принципе, с тем, что масоны XVIII — начала XIX века проповедовали «правду и высокочеловеческую правду», он справедливо замечал вместе с тем, что «правда» эта была явно не ко времени и объективно вредна для России, так как духовно разоружала ее перед лицом ее злейших врагов. И если бы, подчеркивал В.В. Розанов, не дай Бог она, эта правда, «расползлась в десятках и сотнях тысяч листов, брошюр, книжек и журналов по лицу Русской земли, — дошла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, объяла бы, наконец, и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона. Вероятнее они призвали бы способных иностранцев завоевать Россию, как собирался позвать Смердяков и как призывал их к этому идейно «Современник»; также и Карамзин не написал бы своей истории»¹¹⁵.

Духовно разоружая противостоящие ему народы и их интеллектуальные национально-ориентированные элиты, основное внимание масонство сосредотачивает на так называемом «правящем классе» общества. Очевидная неоднородность этого класса, противоречия, раздирающие его, приводили и приводят к тому, что и в масонские ложи зачастую попадали и попадают люди, культурные, идеологические и политические устремления которых, несмотря на принадлежность к одному и тому же общественному классу, далеко не совпадают.

Неудивительно поэтому, что уже применительно ко второй половине XVIII века в русском масонстве можно выделить три струи: либеральная, представленная главным образом Елагинским союзом, консервативная (шведские ложи) и мистико-просветительская, представленная московскими розенкрейцерами 1780-х годов. В первой четверти XIX века говорить о розенкрейцерских ложах как очагах просветительства уже не приходится, и, наряду с ложами шведского обряда (Великая Директориальная ложа «Владимира к порядку» и сменивший ее Провинциальный союз), теперь и их уже смело можно причислить к консервативно-охранительному крылу вольного каменничества в России.

Либеральное же крыло его представляли теперь мастерские французского обряда (ложи «Соединенных друзей», «Палестины» и союз Великой ложи «Астреи»). Выделять еще и так называемое радикальное крыло в масонстве первой четверти XIX века, представленное декабристами, как предлагают некоторые исследователи, едва ли целесообразно. Дело в том, что уже с 1810 года масонские ложи были взяты под жесткий правительственный контроль. Не случись этого (кто знает?), целый ряд масонских лож действительно мог бы превратиться в конспиративные ячейки антиправительственного заговора, однако этого, как мы знаем, все же не произошло, и радикально настроенные братья по необходимости вынуждены были вынести подготовку антиправительственного заговора за пределы масонских лож. Другое дело, что именно масонство во многом определило не

только возникновение и организационное строительство, но также и тактические установки на военный заговор преддекабристских и первых декабристских тайных организаций.

Реформы 1860-х годов, удовлетворив основные чаяния либерального русского дворянства, резко тем самым сузили потенциальную общественную базу масонства в стране. Сказывался, несомненно, и факт официального запрещения масонских лож. Во всяком случае, рисковать карьерой ради масонского братства либералы во второй половине XIX века не хотели. Радикалам же из «Народной воли» и других подобных ей разночинских в своей основе организаций в масонских ложах делать было нечего. Конечно, «по духу» масоны в России были всегда, но как организационно оформленное общественное явление во второй половине XIX века масонство прекратило свое существование.

Возрождение его стало возможным только в начале XX века, когда в преддверии революционных потрясений в стране масонство было востребовано из-за рубежа политиканствующей либеральной российской интеллигенцией. То, что и политическая, и мистическая ветви его были импортированы ею из республиканской Франции ввиду радикальной идеологической ориентации нашей интеллигенции начала XX века, удивлять, кажется, никого не должно.

Другое дело, что «делала революцию», как отмечал Иван Солоневич, главным образом «второсортная русская интеллигенция». *«Именно второсортная, — подчеркивал он. — Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских первого сорта при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни — революции не хотел и революции не делал. Революцию делали писатели второго сорта — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Милюкова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с университетских кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти что безымянных профессоров. Жаль, что на Красной площади рядом с Мавзолеем Ильича не стоит памятник неизвестному профессору!»*¹¹⁶

В отличие от лож екатерининского и александровского времени, действовавших с негласного разрешения правительства, политическое или думское масонство начала XX века было уже подпольным и имело откровенно антиправительственный характер. Оно уже изначально было ориентировано не на духовную работу «братьев» в ложах, а на захват власти, разрушение империи и изменение основ тогдашнего государственного строя в России. Недаром основным поставщиком адептов вольного каменшчества в эти годы была кадетская партия, известная в то же время и как партия леволиберальной российской интеллигенции по преимуществу. Радикальнее левых кадетов были, пожалуй, только эсеры и социал-демократы. Террористическая

деятельность социалистов-революционеров в нашей стране слишком хорошо известна. Не представляют большого секрета и политические устремления тогдашних социал-демократов. Правда, большевиков среди масонов было, можно сказать, считанные единицы, но кто из них в этом больше «виноват» — это еще вопрос. Что касается меньшевиков и эсеров, то их в масонские мастерские приглашали более чем охотно. И не случайно, так как идеей фикс политического масонства являлась идея создания широкого антиправительственного «народного фронта».

Несмотря на кратковременность существования и некоторую узость в понимании своих задач (борьба в Думе по преимуществу), свой вклад в падение самодержавия русские политические масоны, несомненно, внесли. Принципиально важное значение в этом плане имело образование ими в августе 1915 года Прогрессивного блока и создание на его основе прочного антиправительственного большинства в Думе. Опираясь на него, руководство Верховного совета «Великого Востока народов России» уже с лета 1916 года берет курс на насильственное устранение от власти Николая II и установление конституционного строя в стране.

Огромное значение в этой связи сыграло установление масонами в 1916-м — начале 1917 г. тесных контактов с представителями русского генералитета (М.В. Алексеев, Н.В. Рузский и др.), что, в сущности, и позволило в февральско-мартовские дни 1917 года обеспечить бескровный характер отречения Николая II и осуществление по всем правилам «королевского искусства» плавного масонского вхождения во власть (Временное правительство) с последующим закреплением в ней. Однако удержать эту власть в условиях продолжавшейся войны и начавшегося распада государства и его структур масоны не смогли. Октябрь 1917 года положил конец политическому масонству в нашей стране.

Но борьбой за прогресс и конституцию отнюдь не исчерпывается деятельность масонов. Огромное значение в учении ордена всегда придавалось нравственному совершенствованию «братьев». Именно последнее обстоятельство — духовная сторона масонства — как раз и являлось той незримой силой, которая всегда притягивала к нему многих русских интеллигентов либерального толка. Так, быть может, несколько неожиданно масонская тема выводит нас на другую, не менее важную проблему — духовные искания русской интеллигенции.

Странное, противоречивое чувство вызывают эти искания. Стремление выйти за пределы серой повседневности бытия и погрузиться в волшебный мир ирреальности, потусторонности, в общем-то, понятно, и даже, в какой-то мере, естественно для человека, особенно когда речь идет о людях одаренных, творческих. Понятно и стремление сообразительных людей, тоже по своему творчески одаренных, используя эту склонность человека ко всему таинственному и необычному, плодить различного рода новые религии, новые ложи и «ордена». Поражает другое — удивительная легкость, с какой самозванные «учителя» на-

ходили и находят себе паству в нашей стране, хотя, казалось бы, прежде чем войти в ту или иную ложу или оккультный кружок, стоило бы задуматься: а что или кто стоит за проповедниками тайного знания, новой веры и новой религии. Спириты, теософы, мартинисты, филалеты, розенкрейцеры, софианцы... Пути разные, но цель одна — эрозия национального самосознания народа, причем главный удар всегда направлялся против «живущей силы Руси» — ее государственности, национальных основ и православия.

Трудно сказать, то ли по этой, то ли по другим причинам, но оккультистов в первые годы советской власти ОГПУ не трогало. К ликвидации их кружков оно приступило только с 1925 года, причем с самого начала отношение к ним было неоднозначным. Дело в том, что в руководстве этого ведомства (Глеб Боккий, Яков Агранов) существовали определенные планы использования масонов в интересах советского государства. Окончательная ликвидация масонских кружков и групп растянулась вследствие этого вплоть до конца 1930-х годов.

Наиболее востребованными нашей интеллигенцией 1920-х годов оказались тамплиеры, сумевшие привлечь в свои ряды таких видных представителей театрально-художественного и научного мира, как режиссеры Ю.А. Завадский, Р.Н. Симонов, В.С. Смышляев, актер Н.А. Чехов, литераторы П.А. Аренский, Г.П. Шторм, литературовед Д.Д. Благой, искусствовед А.А. Сидоров и др. Что касается других мистических сообществ, то вследствие чрезмерного увлечения их руководителей мистицизмом и чересчур скрытного характера деятельности их личный состав был более зауряден, хотя и здесь можно назвать известные имена: М.А. Булгаков, М.М. Пришвин, С.Д. Меркуров. Обращают на себя внимание и довольно тесные контакты между членами различных религиозно-мистических кружков этого времени. Так, антропософы М.В. Дорогова, М.Н. Жемчужникова и М.И. Сизов являлись в то же время и рыцарями тамплиерского ордена Духа. А М.И. Сизов и М.В. Дорогова входили, к тому же, еще и в неорозенкрейцерский орден манихеев В.В. Белюстина. В обоих орденах, т.е. тамплиеров и розенкрейцеров, одновременно состоял и крупный советский искусствовед и «по совместительству» масон Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978).

Первыми, кто принял на себя удар репрессивной машины советского государства, оказались масоны и мистики Ленинграда, уже давно, как оказалось, находившиеся под колпаком ОГПУ: «Русское автономное масонство» Б.В. Кириченко-Астромова и ордена мартинистов и мартинезистов во главе с Г.О. Мебесом и М.А. Нестеровой. Аресты среди них были проведены в конце 1925-го — начале 1926 года. В следующем 1927 году ОГПУ были «изъяты» (по тогдашней терминологии) руководители ленинградских антропософов, члены ордена «Рыцарей Святого Грааля» во главе с А.Г. Гошерон-Делафосом и «Братства истинного служения» (руководители Г.А. Тюфяев, В.Г. Лабазин).

В 1928 году в Москве чекистами был успешно ликвидирован оккультный орден розенкрейцерского толка «Эмеш Редивиус» во главе с В.К. Чеховским и Е.К. Тегером, в 1930-м — дочерняя организация ордена тамплиеров — орден «Рыцарей Света» во главе с А.А. Солоновичем. В том же году в связи с арестами прекратилась деятельность и московских антропософских кружков. В 1933 году по той же причине вынужден был прекратить свою деятельность и московский орден манихеистов (неорозенкрейцеров арионийского посвящения) во главе с В.В. Белюстиным. Дольше всех продержались розенкрейцерский орден «Рыцарей Духа» во главе с Б.М. Зубакиным и «Единое Трудовое Братство» А.В. Барченко, которые были ликвидированы только в 1937 году.

Никакой связи с заграницей эти религиозно-мистические сообщества, за исключением антропософов, не имели, и их масонство, тамплиерство и розенкрейцерство носило в известной степени самостийный, доморощенный, местечковый, а отчасти и книжный характер. Именно этим обстоятельством и объясняется, на наш взгляд, то, что вспыхнувший было в середине 1920-х годов интерес к масонским и парамасонским структурам со стороны ОГПУ на предмет возможного использования их в интересах советского государства сравнительно быстро угас.

Как бы то ни было, к началу Великой Отечественной войны старые масонские центры в стране были окончательно ликвидированы. Для возникновения же новых не было подходящих условий. Когда же наконец с перестройкой и распадом СССР такие условия появились, то опять, как и в начале века, не обошлось без помощи наших французских «братьев». Благодаря их инициативе и финансовой поддержке собственно и стало возможным новое возрождение масонства в нашей стране.

При оценке роли современного русского масонства в общественно-политической жизни нашей страны следует иметь в виду, что на Западе оно уже давно является организацией, объединяющей в своих рядах так называемые «сливки» общества (промышленники, дельцы, ученые, творческая интеллигенция) в целях удержания власти и своего влияния в обществе. Таким же, по существу, обещает оно стать и в современной России.

Говоря о перспективах движения, сами масоны излучают оптимизм. *«Масонство отвечает национальному характеру русских. А славянской душе понятны те метафизические и мистические поиски, которым привержено франкмасонство», — уверял в 1992 году корреспондента «Правды» Великий секретарь «Великой национальной ложи Франции» Трестурнель¹⁷*. Последующие события показали, однако, что это, мягко говоря, далеко не так. Однако и тешить себя иллюзиями, что в России, вследствие якобы только ей присущей национальной специфики, масонство не имеет должных перспектив, у нас тоже нет оснований. Почва в лице либерально-демократической российской интеллигенции для внедрения в общественное сознание масонской идеологии в нашей стране, безусловно, есть.

Примечания

¹ Харитонович Д.Э. Массонство. М., 2001. С. 180.

² Массоны возвращаются в Россию. // Московский комсомолец. 1996. 9 июля. С. 4.

³ Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 207.

⁴ Николаевский Б.И. Русские массоны и революция. Редактор-составитель Ю.Фельштинский. М., 1990. С. 110.

⁵ Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 179.

⁶ Ленинградские массоны и ОГПУ. Протоколы допросов, вещественные доказательства. Публ. В.С. Брачева // Русское прошлое. Вып.1. Л., 1991. С. 274–276.

⁷ Лебедева Елена. Каменщики вне политики. // Московские новости. № 56. 20–27 августа 1995 г. С. 29.

⁸ Большаков Владимир. Массоны. Ч.1. Разговор с Великим магистром. // Правда. 1992. № 65. 7 мая. С. 3.

⁹ Цит. по: Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 42.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Там же. С. 69.

¹² Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике (по архивам XX века) // Русский вестник. Спецвыпуск. Март 1994. С. 8.

¹³ Старцев В.И. Русское заграничное массонство во Франции (1918–1939 гг.). // Русское Зарубежье: история и современность. М., 1998. С. 51.

¹⁴ Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 119.

¹⁵ Серков А.И. Придет ли к нам «Великий Восток»? // Родина. 1993. № 11. С. 86.

¹⁶ Соловьев О.Ф. Массонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 163.

¹⁷ Большаков Владимир. Массоны. Ч.1. Разговор с Великим Магистром. // Правда. 1992. 7 мая. С. 3.

¹⁸ Там же. С. 3.

- ¹⁹ Виноградов А.Е. Тайные битвы XX столетия. М., 1999. С. 261–262.
- ²⁰ Там же. С. 262.
- ²¹ Там же. С. 263.
- ²² Там же. С. 264.
- ²³ Дергачев Г.Б. Художественная потребность и художественный процесс. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. философских наук. М., 1982.
- ²⁴ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 134–135.
- ²⁵ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 136.
- ²⁶ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 137.
- ²⁷ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 138.
- ²⁸ Липский А.В. Возрождение масонства в России. // Масонство и масоны. Сборник статей. Вып.1. М., 1994. С. 63–65.
- ²⁹ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 142, 145.
- ³⁰ Щипанов Михаил. Масоны. Есть такая партия! // Российская газета. 4 апреля 1997 г. С. 7.
- ³¹ Масонство и масоны. Сборник статей и материалов. Вып.1. М., 1994. С. 11.
- ³² Сучков И.В. Современные уставы вольных каменщиков России. (сер. 90-х гг. XX в.) // Масонство и масоны. Сборник статей. Вып.2. М., 1997. С. 102–126.
- ³³ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 155–156.
- ³⁴ Большаков Владимир. Масоны. Часть 3. Ложа «Пушкин» // Правда. 1992. 16 мая. С. 3.
- ³⁵ Масонство и масоны. Сборник статей и материалов. Вып.1. М., 1994. С. 118–122.
- ³⁶ Большаков Владимир. Масоны. Часть вторая. В тихом пригороде // Правда. 1992. 13 мая. С. 3.
- ³⁷ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 184.
- ³⁸ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 169.
- ³⁹ Элбакян Е.С. Масоны, их деятельность в современной России // Словарь религий народов современной России. Ответ. ред. М.П. Мchedlov. М., 1999. С. 216.

- ⁴⁰ Большаков Владимир. Масоны. Часть вторая. В тихом пригороде // Правда. 1992. 13 мая. С. 3.
- ⁴¹ Деева Екатерина. Тайна убитого Мастера//Московский комсомолец. 1994. 17 мая. С. 4.
- ⁴² Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 155.
- ⁴³ Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 336.
- ⁴⁴ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 180.
- ⁴⁵ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 181.
- ⁴⁶ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 156.
- ⁴⁷ Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 336.
- ⁴⁸ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 157–158.
- ⁴⁹ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 186.
- ⁵⁰ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 185–187.
- ⁵¹ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 100.
- ⁵² Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 205–207.
- ⁵³ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 220.
- ⁵⁴ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 222.
- ⁵⁵ Романов Петр. Русские каменщики стали по-настоящему вольными. // Коммерсант Daily. 1995. № 110. 28 июня. С. 4.
- ⁵⁶ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 401–403.
- ⁵⁷ Замойский Лоллий. Масонство и глобализм. Невидимая империя. М., 2001. С. 275.
- ⁵⁸ Независимая газета. 2000. 12 июля.
- ⁵⁹ Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 340–341.
- ⁶⁰ Лебедева Елена. «Каменщики» — вне политики. // Московские новости. 1995. № 56 (797). 20–27 августа. С. 29.

- ⁶¹ Там же. С. 29.
- ⁶² Русские каменщики стали по-настоящему свободными. // Коммерсант Daily. 1995. № 118. 28 июня. С. 4.
- ⁶³ Пирамида. Интервью с Великим мастером Великой ложи России Г.Д. // Воробьевский Юрий. Стук в Золотые врата. М., 1998. С. 335.
- ⁶⁴ Серков А.И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 336–337.
- ⁶⁵ «Пирамида». Интервью с Великим мастером Великой ложи России Г.Д. // Воробьевский Ю.Ю. Путь к апокалипсису: стук в Золотые врата. М., 1999. С. 336.
- ⁶⁶ Лебедева Елена. «Каменщики» — вне политики. // Московские новости. 1995. № 56 (797). 20–27 августа. С. 29.
- ⁶⁷ Там же. С. 29.
- ⁶⁸ Колпак А. Братство вольных. // Московский комсомолец. 1997. 13 августа. С. 4.
- ⁶⁹ Острцов В.М. Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. М., 1998. С. 588–589.
- ⁷⁰ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX в. М., 1998. С. 210.
- ⁷¹ Там же. С. 29.
- ⁷² Пирамида. Интервью с Великим мастером Великой ложи России Г.Д. // Воробьевский Юрий. Стук в Золотые врата. М., 1998. С. 339.
- ⁷³ Деева Екатерина. Тайна убитого Мастера // Московский комсомолец. 1994. 17 мая. С. 4.
- ⁷⁴ Масоны возвращаются в Россию. // Московский комсомолец. 1996. 9 июля. С. 4.
- ⁷⁵ Воробьевский Ю.Ю. Разоблачение Рыцаря Кадоша // Русский дом. Журнал для тех, кто любит Россию. М., 2002. № 4. С. 36.
- ⁷⁶ Воробьевский Ю., Соболева Е. Пятый ангел вострубил. Масонство в современной России. М., 2002. С. 270–271.
- ⁷⁷ Там же. С. 78.
- ⁷⁸ Воробьевский Ю.Ю. Разоблачение Рыцаря Кадоша // Русский дом. Журнал для тех, кто любит Россию. М., 2002. № 4. С. 36.
- ⁷⁹ Новиков В.И. Масонство и русская культура. М., 1998.
- ⁸⁰ Воробьевский Ю.Ю. Разоблачение Рыцаря Кадоша // Русский дом. Журнал для тех, кто любит Россию. М., 2002. № 4. С. 37.
- ⁸¹ <http://www.freemasonry.ru>
- ⁸² У российских масонов // Русский Вестник. 2003. № 3. С. 3.
- ⁸³ У российских масонов // Русский Вестник. 2003. № 3. С. 3.

- ⁸⁴ Тарасова Ольга. Граф Арсений Липский: «Я возродил масонство в России». // Архангельск. 1994. № 89. 18 июня. С. 4.
- ⁸⁵ Элбакян Е.С. Масоны, их деятельность в современной России // Словарь религий народов современной России. Ответ. ред. М.П. Мchedлов. М., 1999. С. 217.
- ⁸⁶ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. М., 1998. С. 213.
- ⁸⁷ Карпачев С.П. Масонство в России. // Масоны в России: вчера... сегодня... завтра? // Сборник научных трудов. Под редакцией А.А. Королева. М., 1999. С. 49.
- ⁸⁸ Пирамида. Интервью с Великим мастером Великой ложи России Г.Д. // Воробьевский Юрий. Стук в Золотые врата. М., 1998. С. 335.
- ⁸⁹ О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме. // Архиерейский Собор Русской Православной Церкви от 29 ноября — 2 декабря 1994 г. М., 1995. С. 178.
- ⁹⁰ Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. Т.2. М., 1997. С. 692.
- ⁹¹ Чучко Семен. Украиной правят масоны // Русский Вестник. 2003. №3. С.3.
- ⁹² «Я никогда не был диссидентом», — утверждает философ и писатель Александр Зиновьев // Фигуры и лица. 1998. № 10 (Приложение к «Независимой газете» от 30.05.1998). С. 9.
- ⁹³ Платонов О.А. Масонство в современной России // Аль Кодс. 1995. № 5. Октябрь. С. 4.
- ⁹⁴ Старцев С. Девять веков иоаннитов. Первое интервью в российской прессе Великого канцлера Мальтийского ордена Карло Марулло ди Кондоияни // Фигуры и лица. Приложение к «Независимой газете». 1998. № 10. С. 7.
- ⁹⁵ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX в. М., 1998. С. 212. Прим.
- ⁹⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 22.12.1993.
- ⁹⁷ Антонов С. Масоны с Каменного острова // Час Пик. 7 апреля 1998 г.
- ⁹⁸ Попов Г.В. Тайные культы и учения: пророки, жрецы, адепты. М., 2001. С. 163.
- ⁹⁹ Платонов О.А. Россия под властью масонов. М., 2000. С. 51.
- ¹⁰⁰ Антонов Степан. Масоны с Каменного острова // Час Пик. 1998. 7 апреля.
- ¹⁰¹ Питерский И. Невская ложа // Советская Россия. 1997. 31 июля. С. 3.
- ¹⁰² Иванов С. Злоключения гранд-приора. Над Питером мальтийский крест // Советская Россия. 1998. 18 апреля. С. 2.

- ¹⁰³ Иванов С. Злоключения гранд-приора. Над Питером мальтийский крест // Советская Россия. 1998. 18 апреля. С. 2.
- ¹⁰⁴ Иванов С. Злоключения гранд-приора. Над Питером мальтийский крест // Советская Россия. 1998. 18 апреля. С. 2.
- ¹⁰⁵ Платонов О.А. Масонство в России // Русский вестник. 1999. № 44–47. Специальный выпуск. С. 2.
- ¹⁰⁶ Краткий словарь лиц, принадлежащих к масонским ложам и другим организациям, созданным для достижения масонских целей (с 1945 по 1999 гг.) // Русский вестник. 1999. № 44–47. С. 9–16.
- ¹⁰⁷ «Я никогда не был диссидентом», — утверждает философ и писатель Александр Зиновьев // Фигуры и лица. 1998. № 10 (Приложение к «Независимой газете» от 30.05.1998). С. 10.
- ¹⁰⁸ Платонов О.А. Масонство в России // Русский вестник. 1999. № 44–47. Специальный выпуск. С. 2.
- ¹⁰⁹ Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX в. М., 1998. С. 212.
- ¹¹⁰ Платонов О.А. Масонство — преступное сообщество // Русский вестник. 1999. № 44–47. Специальный выпуск. С. 8. «В существующем виде, — пишет здесь О.А. Платонов, — масонство представляет огромную угрозу русскому обществу. Перед Россией, как и в начале века, стоит задача полного уничтожения и запрета масонских организаций».
- ¹¹¹ Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917. С. 243.
- ¹¹² Минувшие годы. 1908. № 2. С. 311.
- ¹¹³ Шахов А.А. Вольтер и его время. Изд. 2-е. СПб., 1912. С. 320–321.
- ¹¹⁴ Соловьев О.Ф. Русское масонство. 1730–1917. М., 1993. С. 265.
- ¹¹⁵ Розанов В.В. Опавшие листья // Розанов Василий. Уединенное. М., 1998. С. 519.
- ¹¹⁶ Солоневич И. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Наша страна. XX век. М., 2001. С. 222.
- ¹¹⁷ Большаков В. Масоны. Часть вторая. В тихом пригороде // Правда. 1992. 13 мая. С. 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава 1.</i> Источники и литература	22
<i>Глава 2.</i> Происхождение и сущность масонства. Его символика и обрядность	61
<i>Глава 3.</i> Образование Великой ложи Англии и распространение масонства в мире (XVIII—XX вв.)	94
<i>Глава 4.</i> Первые масонские ложи в России. И.П. Елагин и его Союз. Шведская система	122
<i>Глава 5.</i> Н.И. Новиков, И.-Г. Шварц и образование ордена розенкрейцеров в Москве	143
<i>Глава 6.</i> Просветительская и благотворительная деятельность московских розенкрейцеров	164
<i>Глава 7.</i> Масоны и политика: дело Н.И. Новикова	191
<i>Глава 8.</i> Масоны и дворцовый переворот 11 марта 1801 года. Возрождение масонства в первые годы царствования Александра I (1801—1810)	224
<i>Глава 9.</i> Национально-консервативная «партия» в масонстве 1810-х годов и ее либеральные противники. Великая ложа «Астрея» (1815)	242
<i>Глава 10.</i> «Охранители» и «либералы» в русском масонстве после 1815 года. Запрещение масонских лож в России	258
<i>Глава 11.</i> Масоны и масонство в России после 1822 года. Масоны и декабристы	279
<i>Глава 12.</i> М.М. Ковалевский и первые «французские» ложи в России (1906—1909)	297
<i>Глава 13.</i> «Февральский переворот» 1910 года в русском масонстве и образование Великого Востока народов России (1912)	323

<i>Глава 14. Великий Восток народов России в 1912—1916 гг. Масоны и Департамент полиции</i>	346
<i>Глава 15. Проблема «масонского заговора» накануне революции 1917 г. Масоны и отречение Николая II</i>	364
<i>Глава 16. Масоны у власти: Верховный совет Великого Востока народов России и Временное правительство (март — октябрь 1917)</i>	382
<i>Глава 17. Религиозно-мистические кружки и ордена в России (1900—1917)</i>	397
<i>Глава 18. Ленинградские масоны и мартинисты 1920-х годов и их судьба.</i>	439
<i>Глава 19. «Воскресение»</i>	478
<i>Глава 20. Московские антропософы, тамплиеры и розенкрейцеры 1920—1930-х годов</i>	498
<i>Глава 21. «Единое Трудовое Братство» профессора А.В. Барченко. Масоны и ОГПУ</i>	531
<i>Глава 22. Масоны и масонство в современной России</i>	568
<i>Заключение</i>	624

Брачев Виктор Степанович

МАСОНЫ У ВЛАСТИ

Редактор П. Уляшов
Художественный редактор А. Новиков
Технический редактор Н. Носова
Компьютерная верстка О. Шувалова
Корректор Е. Чеплакова

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-93-02, 733-97-89

Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-9789
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать с готовых монтажей 27.04.2006.

Формат 84х108¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 33,6.

Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 6854.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

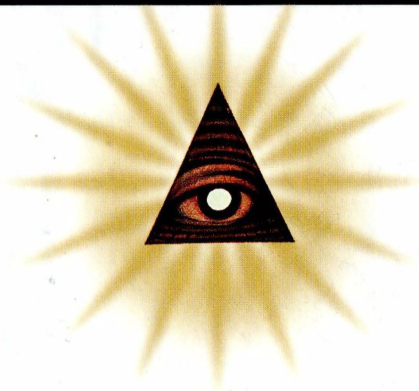
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Труд профессора Брачева В. С. посвящен одной из наиболее сложных и малоисследованных проблем отечественной истории, связанной с ролью тайных масонских сообществ в нашей стране. В отличие от существующих работ на эту тему автором предпринята попытка комплексного освещения всей истории русского масонства, начиная от первых его шагов в XVIII в. и заканчивая современностью. Особое внимание уделено роли масонского фактора в революции 1917 г., а также интеллигентским сообществам масонского характера 20-х и 30-х гг. XX века в советской истории. Значительный интерес представляет и попытка автора раскрыть сложное и подчас неоднозначное отношение к этим сообществам со стороны ОГПУ–НКВД. Работа основана в значительной части на не исследованных ранее материалах КГБ СССР.

ISBN 5-699-17105-3

0 705600 474057 >